

Белорусский государственный университет
Юридический факультет

Национальный центр законодательства и правовых
исследований Республики Беларусь

Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета

Юридический колледж Белорусского государственного университета

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию юридического факультета БГУ
19–20 октября 2015 г. Минск

Минск
2015

УДК 34(06)
Т 338

Решение о депонировании документа вынес
Совет юридического факультета БГУ,
протокол № 1 от 30 сентября 2015 г.

Редакционная коллегия:

декан юридического факультета БГУ, доктор юридических наук,
профессор Балашенко С. А. (гл. редактор);
заведующий кафедрой теории и истории, кандидат юридических наук,
доцент Калинин С. А. (зам. гл. редактора);
доцент кафедры теории и истории, кандидат юридических наук
Ширинский О. Ю. (зам. гл. редактора).

Рецензенты:

Тиковенко А. Г., доктор юридических наук, судья Конституционного
суда Республики Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, заведующий кафедрой
политологии БГУ.

Теоретико-методологические и конституционные основы устойчивого развития национальной правовой системы в условиях глобальных и региональных процессов в контексте защиты прав человека и построения правового государства : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию юридического факультета БГУ, 19–20 октября 2015 г., Минск / БГУ [и др.] ; редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Ю. Ширинский. – Минск : БГУ, 2015. – 724 с. – Библиогр. в конце отд. ст.

Реферат (аннотация): В работе конференции приняло участие более 150 ученых из Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. География участников распространялась от Астаны (Казахстан) на Востоке, Потсдама (Германия) на Западе, Вильнюса (Литва) на Севере и Запорожья (Украина) на Юге. В своих выступлениях участники конференции обсудили актуальные проблемы конституционного, гражданского, административного и уголовного права. Отдельные секции были посвящены общетеоретическим вопросам и вопросам истории государства и права.

Оглавление

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	18
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	18
<i>Балашенко С. А., Белорусский государственный университет</i>	18
К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ	26
<i>Барсукова В.Н., Саратовская государственная юридическая академия</i>	26
РЕАЛИЗАЦИЯ АКТОВ ОРГАНОВ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	33
<i>Василевич Г.А., Белорусский государственный университет</i>	33
ЗАРАДЖЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ ТЭАРЭТЫЧНАГА АБГРУНТАВАННЯ І НАРМАТЫЎНАЙ РЭГЛАМЕНТАЦЫІ ПРАВОЎ ЧАЛАВЕКА Ў БЕЛАРУСІ	43
<i>Доўнар Т. І., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт</i>	43
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	54
<i>Жалаири Ө.Ш. Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева</i>	54
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	65
<i>Макарова Т.И., Белорусский государственный университет</i>	65
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САНАЦИЙ РОССИЙСКИХ БАНКОВ	72
<i>Мацкевич И. М., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	72
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРЫ, ФУНКЦИИ	77
<i>Карташов В.Н., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова</i>	77
СКЛАДОВЫЯ ЧАСТКІ СІСТЭМЫ САЦЫЯЛЬНАГА РЭГУЛІРАВАННЯ	86
<i>Сільчанка М.У., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт</i>	86
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	94
<i>Честнов И.Л., Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации</i>	94
ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	101
<i>Чуприс О.И., Белорусский государственный университет</i>	101
РАЗДЕЛ I. КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА	108
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	108
<i>Калинин С.А., Белорусский государственный университет</i>	108
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА	112
<i>Калинина Э.А., Международный университет «МИТСО»</i>	112

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ОТРАСЛИ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	115
<i>Косенко Е.В., Саратовская государственная юридическая академия .....</i>	115
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ...	119
<i>Кресин А.В., Институт государства и права им. В.М. Корецкого.....</i>	119
МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ.....	126
<i>Наставная А. В., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко.....</i>	126
КЛАССИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА В СИТУАЦИИ КРИЗИСА ЦЕННОСТЕЙ	129
<i>Павлов В.И., Академия МВД Республики Беларусь .....</i>	129
О ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВОВЫХ НОВАЦИЙ.....	132
<i>Вершок И.Л., Белорусский государственный университет.....</i>	132
ТРАДИЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С МЕТОДОЛОГИЕЙ ПРАВА	135
<i>Перепелица Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.....</i>	135
В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД	138
<i>Лепешко А.Б., Белорусский государственный университет.....</i>	138
РАЗДЕЛ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	141
ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	141
<i>Антанович Н.А., Белорусский государственный университет .....</i>	141
ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ.....	144
<i>Беляев М.А., Воронежский государственный университет .....</i>	144
СООТНОШЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ И ФИСКАЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	147
<i>Глинда А.И., Гродненский государственный университет им. Янки Купалы.....</i>	147
ПРИНУЖДЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ	149
<i>Гончарук А.П., Институт государства и прав им. В. М. Корецкого .....</i>	149
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА УНИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА.....	152
<i>Гамбург Л.С., Запорожский государственный университет.....</i>	152
СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	155
<i>Губань Р. В., Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова.....</i>	155
АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА	158
<i>Иванова Т.В., Белорусский национальный технический университет .....</i>	158
ДОСТУПНОСТЬ ПРАВА КАК ПРИНЦИП ПРАВА.....	162

<i>Лагун Д.А., Белорусский государственный университет</i>	162
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ	165
<i>Матарас В.Н., Белорусский государственный университет</i>	165
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ	170
<i>Подорожная Т.С., Институт государства и права им. В.М. Корецкого</i>	170
ПРАВОВОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ПОДХОДЫ К ДИСКУССИИ.....	173
<i>Росик Т.В., Институт государства и права им.В.М. Корецкого</i>	173
ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ.....	176
<i>Титова Т.В., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова</i>	176
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ	179
<i>Удовика Л.Г., Запорожский национальный университет</i>	179
РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СМЕШАННОГО ТИПА.....	186
<i>Шаляпин С.О., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова</i>	186
РАЗДЕЛ III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	189
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	189
<i>Ершова И.В., Северный (Арктический) Федеральный Университет им. М.В. Ломоносова</i>	189
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	192
<i>Земляков Л.Е., Белорусский государственный университет</i>	192
<i>Северин Э.Н., Брестский государственный университет</i>	192
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: ИДЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И «РАЗМЫТЫЕ» ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ И ИХ ОЦЕНКА СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА	194
<i>Инишаква Е.Г., Российский государственный университет правосудия</i>	194
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	197
<i>Ладутько В.К., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	197
ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА	201
<i>Осипов М.Ю., Всероссийская полицейская ассоциация</i>	201
ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.М. КОВАЛЕВСКОГО	203
<i>Пуховская А.С., Институт государства и права им. В.М. Корецкого</i>	203

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА.....	206
<i>Солдатенко Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.....</i>	206
ОБ ИСТОКАХ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	209
<i>Станишевская Л.П., Белорусский государственный экономический университет .....</i>	209
КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ШМИТТА	212
<i>Щербик Д. В., Полоцкий государственный университет .....</i>	212
РАЗДЕЛ IV. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВООБРАЗОВАНИЯ	216
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИНЯТИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ И УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТОВ – НЕОТЪЕМЛЕМОЕ УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	216
<i>Василевич С.Г., Белорусский государственный университет .....</i>	216
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК СРЕДСТВО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	219
<i>Косович В. М., Львовский национальный университет им. Ивана Франка.....</i>	219
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	222
<i>Пляхимович И.И., Белорусский государственный университет .....</i>	222
СИСТЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	225
<i>Вечорко В.Ю., Белорусский государственный университет .....</i>	225
ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СОВЕТОВ ПРИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	231
<i>Гуйда Е.П., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь .....</i>	231
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА.....	234
<i>Дидыч Т.О., Киевский национальный университета им. Тараса Шевченко .....</i>	234
МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ	239
<i>Полящук Н.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.....</i>	239
ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ЭТАП НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	242
<i>Рочева Е.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь .....</i>	242
РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	246
МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ	246
<i>Орловская Е.И., Белорусский государственный университет .....</i>	246

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ	248
<i>Артеменков М.Н., Смоленский государственный университет .....</i>	248
ПРАВАВАЯ РЭГЛАМЕНТАЦЫЯ АДНОСІН ШЛЯХТЫ І ДЗЯРЖАВЫ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII – ПАЧАТКУ XVIIIст.	252
<i>Валеўка А.В., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт .....</i>	252
АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ АЙЧЫННАГА ГРАМАДЗЯНСКАГА ПРАВА Ё ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (1941-1945 гг.)	255
<i>Ермаловіч В.І., Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт .....</i>	255
СІСТЭМАТЫЗАЦЫЯ НОРМАЎ СПАДЧЫННАГА ПРАВА Ё СТАТУТОВЫ ПЕРЫЯД РАЗВІЦЦЯ ЗАКАНАДАЎСТВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА	261
<i>Голубева Л.Л., Беларускі Дзяржаўны Ўніверсітэт .....</i>	261
ЮРЫСПРУДЭНЦЫЯ РЭНЕСАНСУ І ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ГІСТОРЫІ ПРАВА БЕЛАРУСІ	267
<i>Дзербіна Г. В., Беларускі навукова-даследчы Інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы .....</i>	267
ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ ВВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ	272
<i>Жук Д.С., Белорусский государственный университет .....</i>	272
СТАТУТ 1588 ГОДА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	275
<i>Тараборин Р.С. Белорусский государственный университет .....</i>	275
ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XIV – XVI ВВ.	278
<i>Ковалёва С. Г., Черноморский государственный университет им. Петра Могилы .....</i>	278
УКРАИНА - БЕЛАРУСЬ: ПРОЦЕССЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 1917- 20 гг.	281
<i>Лисна И.С., Черноморский государственный университет им. П. Могилы .....</i>	281
ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В УКРАИНЕ	284
<i>Половинкина Р.Ю., Запорожский национальный университет .....</i>	284
СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1920-1930-Е ГГ.	287
<i>Фалалеева И. Н., Волгоградский государственный университет .....</i>	287
РАЗДЕЛ VI. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА	290
О ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	290
<i>Антонова О.А., Белорусский государственный экономический университет .....</i>	290
ОСВОБОЖДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ И УПЛАТЫ ПЕНЕЙ	293

<i>Бакиновская О.А., Национальный центр законодательств и правовых исследований Республики Беларусь</i>	293
УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	296
<i>Бевз Е.В., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко</i>	296
КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.....	300
<i>Демичев Д.М., Белорусский государственный экономический университет</i>	300
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	304
<i>Дубовицкий В.Н., Белорусский государственный университет</i>	304
К ВОПРОСУ ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ.....	307
<i>Егоров Д.А., Академия МВД Республики Беларусь</i>	307
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА.....	310
<i>Задорожня Г. В., Киевская государственная академия водного транспорта им. П. Конашевича-Сагайдачного</i>	310
НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	313
<i>Малевич О.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь</i>	313
КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТУРЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ.....	316
<i>Мартыненко И.Э., Гродненский государственный университет им. Янки Купалы</i>	316
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ.....	319
<i>Матюхина Н.П., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого</i>	319
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В РАЗРЕШЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	322
<i>Плотников А.А., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова</i>	322
ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗАЦИИ ...	325
<i>Пугачёв А. Н., Полоцкий государственный университет</i>	325
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ.....	328
<i>Сазон К.Д., Академия МВД Республики Беларусь</i>	328
К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИЖДИВЕНЧЕСТВА	331
<i>Середа Р.А., Академия МВД Республики Беларусь»</i>	331
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	334
<i>Сивец С.М., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	334
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ	339

<i>Скороход И.Г., Белорусский государственный экономический университет</i>	339
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ.....	342
<i>Тимофейчик Т.Н., Белорусский государственный университет</i>	342
ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТ ПРОБЛЕМ К ИХ РЕШЕНИЮ	345
<i>Червякова Е.Б., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого</i>	345
КАДРОВАЯ ПАРАДИГМА В АСПЕКТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	348
<i>Шабайлов В.И., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	348
ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ФОРМУЛИРОВКИ Ч.1 СТ.14 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	352
<i>Шахновская И.В., Полоцкий государственный университет</i>	352
РАЗДЕЛ VII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	355
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ЖИЛЫМИ ДОМАМИ	355
<i>Щемелева И.Н., Белорусский государственный университет</i>	355
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗОВАННЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ В ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛАХ	358
<i>Гаврильченко Ю.П., Белорусский государственный университет</i>	358
К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ГОСУДАРСТВА В ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ.....	362
<i>Евменчикова О.А., Белорусский государственный университет</i>	362
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ НОТАРИАТА В УКРАИНЕ	365
<i>Золотухина Е.Н., Киевский университет туризма, экономики и права</i>	365
СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	368
<i>Иванова Д.В., Белорусский государственный университет</i>	368
К ВОПРОСУ О ТОРГАХ КАК КОНКУРЕНТНОМ СПОСОБЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА	371
<i>Кириллова Е.Ю., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	371
К ВОПРОСУ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	374
<i>Лосев С.С., Белорусский государственный экономический университет</i>	374
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА	377
<i>Мещанова М.В., Белорусский государственный университет</i>	377
ВИДЫ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ.....	380
<i>Попова И.В., Белорусский государственный университет</i>	380

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РИЭЛТЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	383
<i>Рудович Н.И., Академия МВД Республики Беларусь .....</i>	383
О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	386
<i>Савицкая К.Д., Полоцкий государственный университет.....</i>	386
РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.....	390
<i>Тордия И.В., Тюменский государственный университет .....</i>	390
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ПРАВ НА НЕГО И СДЕЛОК С НИМ.....	393
<i>Третьякова И.П., Белорусский государственный университет.....</i>	393
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АВТОНОМИИ ВОЛИ	397
<i>Царёва Л.В., Белорусский государственный университет .....</i>	397
К УСЛОВИЮ ОБ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ В ДИСТРИБЬЮТОРСКИХ ДОГОВОРАХ	400
<i>Лапутько К.В., Белорусский государственный университет .....</i>	400
ЦИФРОВАЯ СРЕДА: ПРАВА АВТОРА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	404
<i>Шакель Н.В., Белорусский государственный университет.....</i>	404
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН, НУЖДАЮЩИХСЯ В УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ, ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	407
<i>Шахрай И.С., Белорусский государственный университет .....</i>	407
РАЗДЕЛ VIII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА	411
СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	411
<i>Беляев Г.А., Белорусский государственный экономический университет .....</i>	411
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФАНДРАЙЗИНГА КАК ИННОВАЦИОННОЙ ФОРМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СФЕРЫ СПОРТА.....	414
<i>Блажко А.П., Николайчик М.А. Национальный центр законодательства и правовых исследований .....</i>	414
ПРИМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМЫ «ЖИЛИЩНЫЙ КООПЕРАТИВ» ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗАКАЗУ	418
<i>Бодяк Н.Е., Гродненский государственный университет имени Янки Купалы .....</i>	418
К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КООПЕРАТИВЕ.....	421
<i>Вартанян А.М., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы .....</i>	421
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАКУПКУ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ).....	424
<i>Годунов В. Н., Белорусский государственный университет .....</i>	424

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	428
<i>Москалюк О.И., Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	428
К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	431
<i>Салей Е.А., Белорусский государственный университет</i>	431
О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ГОСУДАРСТВА В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ	435
<i>Свадковская Е.А., Белорусский государственный университет</i>	435
НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	438
<i>Хацук Ж.В., Гродненский государственный университет им. Я.Купалы</i>	438
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ТОВАРИЩЕСТВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	441
<i>Чуешов К.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	441
РАЗДЕЛ IX. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА.....	445
ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ.....	445
<i>Валецкая О.В., Черноморский государственный университет им. Петра Могилы</i>	445
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСРОЧНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА.....	448
<i>Гуцко П.А., Белорусский государственный университет</i>	448
ЗАЧЕМ СОБЛЮДАТЬ СРОК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О РЕШЕНИИ ПРОДОЛЖИТЬ ИЛИ ПРЕКРАТИТЬ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ?	451
<i>Жвиридовская С.Л., Секретариат Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь</i>	451
ЧАСТНЫЕ АГЕНТСТВА ЗАНЯТОСТИ КАК УЧАСТНИКИ ОТНОШЕНИЙ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	454
<i>Зайцева Л.В. Тюменский государственный университет</i>	454
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГИБКИХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ	457
<i>Касьянова Е.В., Комоцкая И.А., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	457
ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА (КОНТРАКТА) С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СПОРТСМЕНОМ.....	460
<i>Косяченко Д.Г., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	460
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ.....	463
<i>Мотина Е.В., Белорусский государственный университет</i>	463

НОВОЕ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.....	466
<i>Опанасюк И.О., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.....</i>	466
КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	469
<i>Томашевский К.Л., Международный университет «МИТСО» .....</i>	469
ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ.....	472
<i>Шишко Г.Б., Белорусский государственный университет .....</i>	472
К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ.....	475
<i>Ясинская-Казаченко А.В., Белорусский национальный технический университет.....</i>	475
РАЗДЕЛ X. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРАВА .	479
О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	479
<i>Барков А.В., ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ .....</i>	479
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯВКИ С ПОВИННОЙ.....	482
<i>Бибило В.Н., Белорусский государственный университет .....</i>	482
КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	486
<i>Кадников Н.Г., Московский университет МВД России .....</i>	486
ИЕРАРХИЯ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КАК ОСНОВА СИСТЕМАТИЗАЦИИ САНКЦИЙ.....	490
<i>Реутская Е.А., Академия МВД Республики Беларусь .....</i>	490
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПУТЕМ БЕЗДЕЙСТВИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	492
<i>Ключко Р.Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы.....</i>	492
ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ КАК НОВЫЙ ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	494
<i>Орлов В.Н., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) .....</i>	494
ПРИМЕНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛУЧАЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	499
<i>Шидловский А.В., Белорусский государственный университет .....</i>	499
ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ.....	502
<i>Шевцов Ю.Л., Белорусский государственный университет .....</i>	502
ПРЕДЕЛЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ.....	506

<i>Хатеневич Т. Г., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы</i>	506
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ	508
<i>Новикова Е.В., Белорусский государственный университет</i>	508
ГАРМОНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ НОРМ.....	511
<i>Е.А. Антонян, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	511
О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА.....	515
<i>Савенок А.Л., Академия МВД Республики Беларусь</i>	515
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ	518
<i>Мацкевич О.В., Академия Следственного комитета РФ</i>	518
ИНТЕРНЕТ-ГРУМИНГ: ПОНЯТИЕ И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ	521
<i>Полещук Д.Г., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	521
CORRUPTION IN THE PRIVATE SECTOR	524
<i>Prof. Dr. Uwe Hellmann, University of Potsdam</i>	524
STRATEGIES FOR THE PREVENTION OF CORRUPTION	533
<i>Dr. iur. Pavel Golovnenkov, University of Potsdam</i>	533
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ.....	539
<i>Павлова Л.В., Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	539
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ .	542
<i>Швед Н.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь</i>	542
СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	545
<i>Телятицкая Т.В., Белорусский государственный экономический университет</i>	545
ДЛЯЩИЕСЯ И ПРОДОЛЖАЕМЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	547
<i>Н.Н. Гультяева, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь</i>	547
К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЗАХВАТ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ	550
<i>Старовойт С.А., Академия МВД Республики Беларусь</i>	550
ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА.....	553

<i>Бородулькина Е.С., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	553
РАЗДЕЛ XI. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ	557
К ВОПРОСУ О ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ	557
<i>Борисова Е.А., МГУ имени М. В. Ломоносова</i>	557
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ В СФЕРЕ СУДОУСТРОЙСТВА: ОБОЗНАЧЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	564
<i>Фомина М. А., Черноморский государственный университет им. Петра Могилы</i>	564
РОЛЬ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	567
<i>Данилевич А.А., Белорусский государственный университет</i>	567
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЬИ	568
<i>Хопта С.Ф., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко</i>	568
ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	571
<i>Хопта О. С., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко</i>	571
НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	574
<i>Бодров Н.Ф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>	574
ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГПК РФ	577
<i>Соловьева Т. В. Саратовская государственная юридическая академия</i>	577
НАДЗОРНАЯ ФОРМА ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ: ТРЕБУЮТСЯ ИЗМЕНЕНИЯ	580
<i>Скобелев В.П., Белорусский государственный университет</i>	580
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТЦА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	583
<i>Кирвель И.Ю., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы</i>	583
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	586
<i>Васильев С.В., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого</i>	586
РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И БЕССПОРНОЙ ЮРИСДИКЦИИ - ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ	588
<i>Аргунов В. В., МГУ имени М.В. Ломоносова</i>	588
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	591
<i>Зайцев О. А., Московская академия экономики и права</i>	591

ОБ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	595
<i>Толеубекова Б.Х., Институт права и экономики КазНПУ им. Абая .....</i>	<i>595</i>
ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА.....	599
<i>Сенько А.С., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь .....</i>	<i>599</i>
ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВИДЕТЕЛЮ ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	602
<i>Самарин В. И., Белорусский государственный университет .....</i>	<i>602</i>
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ.....	605
<i>Верещагина А.В., Владивостокский государственный университет экономики и сервиса .....</i>	<i>605</i>
РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ОПЫТ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	609
<i>Зуб А.Ю., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого.....</i>	<i>609</i>
РАЗДЕЛ XII. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.....	613
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ.....	613
<i>Дмитриев А. И. Национальная академия правовых наук Украины .....</i>	<i>613</i>
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ	617
<i>Масловская Т.С., Белорусский государственный университет .....</i>	<i>617</i>
К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ.....	620
<i>Кондратович Н.М., Белорусский государственный университета .....</i>	<i>620</i>
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРИЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМ (ЭКОНОМИЧЕСКИМ) ДЕЛАМ В СТРАНАХ ЕАЭС.....	623
<i>Мороз В. П., Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета.....</i>	<i>623</i>
ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В СООТВЕТСТВИИ С Ч. 2 СТ. 2 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И	628
ОСНОВНЫХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА	628
<i>Ширинский О. Ю., Белорусский государственный университет.....</i>	<i>628</i>
ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	632
<i>Бабкина Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований .....</i>	<i>632</i>
СИСТЕМА ПРАВА ПО ДОГОВОРУ О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ	637

<i>Михалёва Т.Н., Национальный центр законодательства и правовых исследований</i>	637
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЯМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	641
<i>Ханевский А.А. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	641
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.....	644
<i>Постовалова Т.А., Белорусский государственный университет</i>	644
О ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА О НОТАРИАТЕ	647
<i>Довгялло М.М., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	647
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	651
<i>Савкин О.М., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины</i>	651
К ВОПРОСУ О СИНХРОНИЗАЦИИ СРОКОВ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ	655
<i>Гришкевич О.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь</i>	655
ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА СТОРОН В ТОЛКОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	658
<i>Козлова А.А., Национальный центр законодательства и правовых исследований</i>	658
РАЗДЕЛ XIII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	661
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УКРАИНЕ	661
<i>Балюк Г.И., Сушик О.В., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко</i>	661
ЭКОЛОГИЗАЦИЯ НОРМ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ГАРАНТИЯ СОХРАНЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	663
<i>Кузьмич И.П., Белорусский государственный университет</i>	663
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ЖИВОТНЫХ	667
<i>Саскевич В.В., Белорусский государственный университет</i>	667
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	670
<i>Хотько О.А., Белорусский государственный университет</i>	670
СПОРЫ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ НЕДР: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	673
<i>Шингель Н.А., Белорусский государственный университет</i>	673

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	676
<i>Лаевская Е.В., Белорусский государственный университет .....</i>	<i>676</i>
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА	679
<i>Николюк Д.А., Киевский университет права .....</i>	<i>679</i>
ГАРАНТИИ ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	682
<i>Подзерко Е.А., Белорусский государственный университет .....</i>	<i>682</i>
К ЮБИЛЕЯМ В 2015 ГОДУ	685
<i>Кривой В. И., Общественное объединение «Сообществотрудового права» .....</i>	<i>685</i>

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Балашенко С. А., Белорусский государственный университет

По прошествии времени появляется желание несколько по-иному оценить постулаты, которые характеризовали основы государственного устройства. Классики исторического материализма утверждали, что базис определяет надстройку и не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. Исходя из этого утверждения надстройка как совокупность политических, правовых, религиозных институтов общества, а также нравственных, эстетических, философских воззрений формируется производственными силами [1, с. 278–279; 2, с. 7; 3]. Насколько подобное утверждение соответствуют современным реалиям?

Правотворческая и правоприменительная деятельность в современном государственном устройстве во многом предопределяет и становится основой социально-экономического благополучия страны, уровня развития и перспектив государства. В связи с этим создание эффективной правовой модели, обеспечивающей инновационное развитие государства, является одной из наиболее актуальных и сложных задач государственного устройства.

Юристы достаточно часто дискутируют по вопросам правотворческой или законодательной техники, которая рассматривается как совокупность правил, средств и приемов, используемых при подготовке, оформлении и опубликовании нормативных правовых актов, что, на наш взгляд, в большей степени касается формального оформления (формой) нормативных правовых актов. Вместе с тем содержание *во многом оставляется на откуп специалистам, специализирующимся в регулируемой области общественных отношений.*

Безусловно, форма является важным аспектом нормативно-правового регулирования, но гораздо более принципиальное значение имеет сущность нормы и последствия в результате ее применения.

Таким образом, для каждого государства в этих условиях огромное значение приобретает создание эффективного механизма правового регулирования развития национальной информационной инфраструктуры и его полноценное участие в формировании глобального информационного общества с целью предложения для инвестиционных структур возможности использования национальных преимуществ [4].

Современные достижения в информационной сфере создают предпосылки для движения к совершенно новому типу общества, которое характеризуется также созданием интеграционных образований, глобализацией и изменением структуры национальной и мировой экономики, сглаживанием или даже в некоторой степени ликвидацией государственных и административно-территориальных границ, динамикой развития внутренних и внешних связей. Развитие информационных и телекоммуникационных технологий создает реальные условия для быстрого экономического роста отдельных стран, использующих современные возможности, их эффективного включения в мировые интеграционные процессы.

Необходимо учитывать, что процессы глобализации, информационные технологии привели к ужесточению конкуренции между государствами не только за обладание энергоресурсами и углеводородами, но и к еще большей борьбе за мировые финансовые ресурсы и нанотехнологии.

В процессе конструирования государствами правовых моделей (в том числе и финансово-экономических) можно выделить три основных подхода.

1. *Разработка собственной правовой социально-экономической модели.* Крупные государства, обладающие серьезными ресурсами, могут себе позволить и обычно идут по такому пути. Вместе с тем в процессе реализации и апробации такой модели часто встречаются неожиданности и проблемы. Разработанная модель может не только не оправдать надежд, но и привести в определенных случаях к полному краху.

Как в более ранние периоды, так и в настоящее время мы имеем показательные примеры.

2. На основе анализа существующих моделей определить для себя наиболее эффективный и апробированный временем механизм регулирования определенного сегмента экономических отношений. Сложность в том, что заимствованная модель не всегда может эффективно функционировать с уже действующими элементами системы данной конкретной страны.

Нужно отметить, что социальные законы также объективны и позволяют определять закономерности развития общественных отношений. В процессе анализа мы пришли к выводу, что правовые модели наиболее успешных небольших и крупных государств существенно отличаются, поэтому заимствование малыми государствами механизмов государственного регулирования, используемых большими странами, может привести к непоправимым результатам. Это аналогично использованию для небольших автомобилей деталей карьерного самосвала и наоборот. Достаточно велика вероятность, что кризис финансовой системы Кипра во многом связан с гармонизацией законодательства этой страны со странами Европейского союза. Подобные проблемы могут проявляться и в случае унификации законодательства Беларуси, Казахстана и России.

В качестве прототипа правовой модели целесообразно выбирать эффективно функционирующее государство со схожими количественными параметрами и ресурсами.

Наряду с общетеоретическими принципами, которые необходимо учитывать при построении правовой модели, в нашем случае особое внимание необходимо уделить такому принципу, как «паразитирование».

Подобные подходы достаточно эффективно практиковались Грузией в период правления Саакашвили. Так, например, в фармацевтической отрасли Грузия предоставляла возможность продажи на своей территории лекарств, которые протестированы в развитых странах, считая, что нет необходимости перепроверять безопасность препаратов повторно. То же касается технических регламентов. Если бизнесмен из Франции решал что-то производить в Грузии по французскому техническому регламенту, он мог делать это без получения

соответствующего грузинского регламента. Принцип – если Франция сочла, что французы могут безопасно потреблять данную продукцию, вероятно, и грузинам она также не повредит.

Считаем, что Беларусь недостаточно использует в своей деятельности подобные методы.

На наш взгляд, особую актуальность могло бы приобрести использование стандартов и нормативов в экологической сфере.

3. Третий подход основывается на выборе хорошо зарекомендовавшей себя, апробированной модели с учетом национальных особенностей и специфики.

Однако проблема может заключаться в том, что изменения в модели могут также привести к ее неэффективности, и велика вероятность, что предполагаемые результаты не будут достигнуты.

Это как работа автомобиля: даже без мелкой и, на первый взгляд, несущественной детали может оказаться так, что он не будет функционировать.

Правовое моделирование может стать приоритетным элементом создания правового механизма, способствующего инновационному развитию экономических отношений.

Уникальность подобных подходов заключается и в том, что их реализация не требует серьезных финансовых и временных затрат, а также минимизирует возможные риски, дает возможность разработать и предложить апробированные на практике в других странах модельные нормы для их внедрения в национальные системы, а также позволяет обеспечить новый уровень гармонизации законодательства в различных сферах деятельности. *Особенность данного предложения заключается и в том, что его реализация не требует серьезных дополнительных финансовых затрат и вложений.*

Для решения этих задач ученые и практики используют различные методы, в том числе и методы, применяемые в других областях современных знаний.

В общей теории права среди частнонаучных способов познания государства и права выделяется метод моделирования, который характеризуется изучением государственно-правовых явлений, процессов и институтов на их моделях, то есть путем мыслительного, идеального воспроизведения исследуемых объектов.

Правовое моделирование исходит из идеи подобия, из предположения, что между различными объектами могут устанавливаться взаимно однозначные соответствия, так что, зная характеристики одного из них (модели), можно с достаточной определенностью судить о другом (об оригинале) [5, с. 33–36]. Модель в процессе познания позволяет получить новую информацию о самом исследуемом процессе, явлении и предмете познания [6].

Мы видим несколько другие подходы и возможности. Вместо мыслительного воспроизведения тех или иных процессов можно достичь гораздо более продуктивных результатов исходя из *выбора прототипа функционирования того или иного сегмента общественных отношений, экономики.*

Для решения поставленных нами задач с учетом изложенных выше подходов понятие «правовое моделирование» наполнено принципиально новым содержанием.

Правовое моделирование рассматривается как системная оценка действующих правовых моделей наиболее интенсивно развивающихся государств или их отдельных социальных сегментов (прототипа), которые обеспечивают эффективное функционирование и развитие экономических и других отношений и государства в целом, а также разработка и обоснование практического внедрения оптимальных, апробированных на практике правовых моделей государств, выбранных в качестве прототипа, для внедрения определенных сегментов государственного устройства в другой стране с учетом ее специфики и особенностей.

Для Беларуси особый практический интерес представляют модели правового регулирования финансово-экономических систем стран, которые не обладают серьезными природными ресурсами (как и Беларусь), но при этом имеют

наиболее высокие показатели по уровню экономического развития и внутреннему валовому продукту.

Кроме того, выявлена закономерность, что наиболее серьезные результаты имеют страны, имеющие в правовом регулировании финансово-экономических отношений схожие элементы, отошедшие от принятых стереотипов, связанных с построением и функционированием финансово-экономических систем. *Самые успешные небольшие государства, как правило, на протяжении длительного периода стабильно входят в пятерку, а крупные – как минимум в двадцатку первых стран с наиболее благоприятным бизнес-климатом.*

Аугусто Лопез-Кларос, директор Отдела Глобальных Индикаторов и Анализа Группы Всемирного банка, отметил следующее: «За эти годы правительствами были предприняты важные шаги по улучшению нормативно-правовой базы для развития бизнеса и сокращению разрыва в области передовой практики, существующей в мире ... В то время как оцениваемые нами реформы дают лишь частичное представление о бизнес-климате страны, они имеют решающее значение с точки зрения ключевых экономических показателей, таких как увеличение числа рабочих мест и создание новых компаний» [7].

Традиционно Беларусь особое внимание уделяет вопросам промышленного, сельскохозяйственного производства, экспорта белорусских товаров и информационных технологий, но вместе с тем такой серьезный сегмент рынка, как международная торговля, не получил серьезного развития. В мировом рейтинге за 2014 год по уровню международной торговли Беларусь занимает 149-ю позицию, по степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности 63-ю и следует отметить крайне низкий уровень защиты прав и интересов инвесторов (98-я позиция) [8; 9].

По итогам 2015 года ситуация значительно улучшилась («Сложность регистрации нового бизнеса» — 12-е место (40-е в прошлом году), «Получение разрешений на строительство» — 34 (51), «Подключение к системе электро-снабжения» — 89 (148), «Регистрация собственности» — 7 (3), «Доступность

получения кредитов» — 109 (104), «Защита миноритарных акционеров» — 57 (94), «Налогообложение» — 63 (60), «Наличие барьеров при внешней торговле» — 25 (145), «Обеспечение исполнения контрактов» — 29 (7), «Разрешение проблем неплатежеспособности предприятий» — 69 (68). Вместе с тем действующее законодательство не позволяет выполнить основную задачу – претендовать Республике Беларусь на роль финансового центра, площадки международной торговли для предприятий всего мира, и обеспечить более эффективную систему привлечения международного капитала, аккумуляцию в Беларуси денежных ресурсов не только белорусских, но и мировых структур. В Успешные экономически развитые страны (Сингапур, ОАЭ, Гонконг, Люксембург и др.) порядка 60-70% поступлений бюджета формируют за счет указанной международной торговли [10].

В современных условиях выигрывают государства, способные создать механизмы, обеспечивающие с учетом новых реалий максимально комфортные условия функционирования бизнеса, мобилизующие и использующие потенциал не только своей страны, но и мирового капитала, предоставляя взамен благоприятные условия для развития, гарантии невмешательства в хозяйственно-финансовую деятельность, уважение деловой активности, защиту интересов инвесторов и предпринимателей.

Вхождение Беларуси в Единое экономическое пространство с Казахстаном и Россией (ЕЭП) также требует более детального анализа действующей правовой базы, предполагаемых позитивных и возможных негативных последствий интеграционных преобразований, поиска новых сфер и направлений деятельности.

Список использованных источников

1. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг // К. Марк, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 20. – С. 5–342.
2. *Маркс, К.* К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1–167.

3. Келле, В. Ж. Исторический материализм / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т 10 : Ива – Италики. – 1972. – С. 570–573.

4. Чернов, А. А. Международные аспекты развития глобального информационного общества [Электронный ресурс] / А. А. Чернов // Дипломатический вестник. – 2002. – апрель. – Режим доступа : http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/aa8d04aae57c2016c3256bd700474ef5!OpenDocument. – Дата доступа : 05.02.2014.

5. Общая теория права и государства / под. ред. В. В. Лазарева. – М. : Юристъ, 2000. – 520 с.

6. Чубукова, С. Г. Основы правовой информатики : учеб. пособие / С. Г. Чубукова, В. Д. Элькин. – М. : Контракт, 2004. – 252 с.

7. Ведение бизнеса – 2013. Разумный подход к регулированию деятельности малых и средних предприятий [Электронный ресурс] // DOING BUSINESS. – Режим доступа : <http://russian.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2013>. – Дата доступа : 05.02.2014.

8. Беларусь: международные рейтинги и национальная статистика [Электронный ресурс] // Информационный бюллетень Посольства от 04.11.2013. – Режим доступа : <http://serbia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/f73be7beebfb36ec.html>. – Дата доступа: 05.09.2015.

9. Ведение бизнеса – 2014. Понимание регулирования деятельности малых и средних предприятий [Электронный ресурс] // DOING BUSINESS. – Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014>. – Дата доступа: 05.09.2015.

10. Беларусь поднялась на 13 позиций в рейтинге Doing Business [Электронный ресурс] // TUT.BY – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/470363.html>. – Дата доступа: 27.10.2015.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ

Барсукова В.Н., Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время право на достойную жизнь занимает важнейшее место в числе прав человека. Его провозглашение и реализация напрямую связывается с социальной функцией государства. Зарождение социального государства произошло в странах Запада в 70-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. под влиянием социальных катаклизмов и борьбы угнетенных классов за свои свободы. Провозглашение России в качестве социального правового государства на конституционном уровне произошло только в 1993 году (ст. 7 Конституции РФ). Сегодня перед нашим государством стоит серьезная задача с учетом западного опыта и особенностей исторического развития России и ментальности нации создать свою собственную модель социального правового государства, позволяющую достичь заложенную в Конституции цель обеспечения достойной жизни своим гражданам. К сожалению, данное право не находит прямого закрепления в российской Конституции и может быть выведено лишь из содержания ст. 7 Конституции РФ. Отсутствие прямого нормативного закрепления права на достойную жизнь порождает неясность в таких вопросах, что собой представляет достойная жизнь вообще и каковы ее критерии.

Что касается *критериев достойной жизни*, то в настоящее время достаточно отчетливо просматривается ряд факторов, препятствующих их формированию. Во-первых, в каждом обществе есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. Различие в понимании достойности жизни обусловлено существенной дифференциацией уровня социально-экономического развития различных государств, различиями в культурных традициях, стереотипах, менталитете наций [1], а также динамичностью морали. Во-вторых, «достойную жизнь» чаще всего пытаются охарактеризовать с точки зрения материальной обеспеченности человека, уровня реализации его социально-экономических прав. Однако обеспеченность материальными благами – далеко не единственное условие достойно-

сти жизни. Сюда входит и уровень духовного развития, самореализации, безопасности (как физической, так и нравственной) и многие другие компоненты. Поэтому учет только имущественной составляющей не дает правильных результатов.

Нечеткость критериев достойной жизни приводит к тому, что право на нее не обладает той степенью универсальности, как другие права человека и несмотря на свое юридическое закрепление, выступает лишь ничем не подкрепленной декларацией. Как следствие, в ряде стран провозглашение права на достойную жизнь остается фикцией и в лучшем случае остается привилегией отдельных граждан. Учитывая сложившуюся ситуацию, проблема необходимости определения универсальных критериев достойной жизни волновала и продолжает волновать, как ученых, так и правоприменителей. В этом смысле не теряющим своей актуальности представляется высказывание П.И. Новгородцева: «Можно спорить о восьми или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бессовестная эксплуатация. Можно спорить о возможных размерах жилища в сторону отклонения вверх от минимальной нормы; но бесспорно, что темные и сырые подвалы противоречат всяким нормам допустимого и возможного[2]». В литературе высказывается заслуживающая внимания мысль, что социально-правовые критерии достойной жизни человека представляют собой многокомпонентную открытую систему. Уровень самореализации человека, выступающий в этой системе в качестве интегрального (системообразующего) критерия конкретизируется на: 1) критерии, позволяющие дать оценку достаточности материальных благ, необходимых для обеспечения реальной возможности воплощения индивидуальных интересов и потребностей; 2) критерии достаточности нематериальных благ, необходимых для обеспечения реализации индивидуальных интересов и потребностей; 3) критерии юридической гарантированности и защищенности права на достойную жизнь[3].

Анализ такого рода подходов к оценке достойной жизни человека показывает, что по большому счету их объединяет одна идея. Оценке подвергается

уровень реального гарантирования дохода, качества и количества социальных услуг и т.п. При этом, почти не учитывается тот момент, что материальный уровень жизни человека и разнообразие ее качества являются лишь «начальным этапом» в понимании категории «достойной жизни». Внешние блага, безусловно, очень важны, поскольку голодному человеку трудно думать о душе. Тем не менее, достойная жизнь детерминируется не только обязанностью государства заботиться о своих гражданах, но, в первую очередь, обязанностью самих граждан жить достойно. В этом контексте уместно вспомнить известный монолог профессора Преображенского из романа М. Булгакова «Собачье сердце»: «...если я, вместо того, чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, посещая уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах ... Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев - прямым своим делом, разруха исчезнет сама собой» [4].

Учитывая данное обстоятельство, в настоящее время, как зарубежными, так и отечественными специалистами, разработано и получило практическое применение довольно значительное количество методик расчета рейтингов и индексов качества и уровня жизни населения, представляющих собой альтернативу традиционному подходу, основывающемуся на подсчете дохода на душу населения. Рассмотрим наиболее популярные из них. Так, например, при расчете *Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) (Human Development Index)* анализируется объем потребления материальных благ, а также возможности и условия для развития человека, обеспечиваемые системами здравоохранения и образования. Знаменательно включение в эти показатели субъективных оценок, связанных с представлениями людей о достойной жизни, характеристик социального самочувствия личности, удовлетворенности гражданскими свободами, правами человека, безопасностью существования и т.д. [5]. «*Индекс качества жизни*» («*OECD Better Life Index*») включает 11 параметров:

жилье; доход; работа; сообщество; образование; окружающая среда; вовлеченность в гражданскую активность; здоровье; удовлетворенность жизнью; безопасность; баланс работы и отдыха[6]. Для вычисления *Индекса процветания стран мира (The Legatum Prosperity Index)* исследуется значение 79 различных параметров, которые для удобства разбиты на 9 групп: экономика; предпринимательство; управление; образование; здоровье; безопасность; личные свободы; социальный капитал. При составлении *Рейтинга удовлетворенности жизнью* учитываются следующие индексы: правопорядка; пищи и крова; личной экономической ситуации; личного здоровья; гражданской вовлеченности; благополучия; доверия к национальным институтам (армия, правосудие, система выборов и другие); коррупции; развития молодежи; базовых нужд сообщества; многообразия; оптимизма; использования респондентами электронных средств коммуникации; насилия; религиозности[7]. Главной целью *Всемирного индекса счастья (The Happy Planet Index)* является выявление реального уровня благосостояния стран путем соотнесения показателей удовлетворенности жителей каждой страны и средней продолжительности их жизни с количеством потребляемых ими природных ресурсов[8]. Результаты данного индекса показывают, что экономическое благополучие далеко не всегда делает людей счастливыми. *Доклад о мировом счастье» («World Happiness Report»)* составляется на основе, таких показателей, как ВВП на душу населения, уровень социальной поддержки, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень персональной свободы, уровень щедрости и филантропии, восприятие коррупции, причины для радости и причины для беспокойства в предшествовавшие опросу дни. Россия, судя по результатам подсчета перечисленных индексов, далека от первых мест по уровню жизни своих граждан. Так, по данным ИРЧП (2014 год) наше государство занимает в 2014 году 57 место, Индекса процветания стран мира – 68 место, Рейтинга удовлетворенности жизнью – 76 место из 146, Всемирного индекса счастья – 122 место, Доклада о мировом счастье – 67 место. Первые места традиционно принадлежат странам северной Европы (Норвегия, Дания).

Ни один из описанных индексов, разумеется, не дает идеальной формулы вычисления уровня достойной жизни, каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, однако их комплексный анализ позволяет сделать вывод о том, что система критериев достойной жизни должна включать в себя две группы: 1) критерии, характеризующие уровень выполнения государством обязанности обеспечить достойную жизнь своим гражданам; 2) критерии, характеризующие уровень выполнения человеком обязанности жить достойно (вести достойный образ жизни).

Поскольку первая группа критериев достойной жизни детерминирована обязательствами государства перед человеком, то ее неизменными атрибутами являются такие категории, как достойный или достаточный уровень жизни и качество жизни. Понятие «достаточного» или «достойного» уровня жизни может быть выведено на основе анализа содержания п. 1 ст. 11 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также ст. 25 Всеобщей декларации прав человека. Исходя из содержания данных документов, он включает в себя достаточное питание, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи, а также право на непрерывное улучшение условий жизни. Таким образом, *достаточный (достойный) уровень жизни*, определяется как показатель, характеризующий количество и качество товаров и услуг, потребляемых человеком, меру удовлетворения основных жизненных потребностей. Близким по смыслу к данной категории является уровень благосостояния, под которым понимается мера, степень обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования. *Качество жизни*, в отличие от достойного уровня жизни, будучи интегрированным понятием, включающим в себя множество разнородных, часто не поддающихся количественной оценке факторов [9, С. 11], не сводится исключительно к материальной составляющей. Это параметр призван характеризовать социальное самочувствие личности, удовлетворенность гражданскими свободами, правами человека,

безопасностью существования, уровень его защищенности, реализации внутреннего потенциала человека, его интеллекта, творческого смысла жизни др.

Вторая группа критериев достойной жизни имеет субъективный характер, их выполнение уже зависит в основном от человека. Эта группа критериев ориентирована на *достойный образ жизни человека*, под которым понимается такая образ жизни, когда человек не только обладает знаниями о содержании принятых в обществе социальных норм, но и осознанно их выполняет. Достойный образ жизни – это образ жизни, который соответствует внутреннему достоинству человека, и вызывает у сограждан чувство искреннего уважения и почтения, обусловленное наличием у человека высоких моральных качеств (совесть, трудолюбие, честность, отзывчивость, порядочность и т.д.) и их выражением во вне (в поступках и поведении).

Литература

1. Кислов А.Г., Кропанева Е.М., Москаленко М.Р. Достойное существование человека как этическая категория // Человек в мире культуры, 2012. № 4.
2. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Сочинения. М., 1995; Бакланова, Е. В. Сущность и критерии достойной жизни человека и общества как цели социального государства: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Бакланова, Е. В. Сущность и критерии достойной жизни человека и общества как цели социального государства: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Булгаков М. Собачье сердце. Новосибирск. 1997.
5. Кропанева Е.М. Идея права на достойное человеческое существование: социально-философский анализ. Авторф. канд. философ. Наук. Екатеринбург 2009.
6. «Gallup World Poll» Gallup Media URL: <https://worldview.gallup.com/default.aspx> (датаобращения: 27.07.2012).

7. «Gallup World Poll» Gallup Media. URL: <https://worldview.gallup.com/default.aspx> (дата обращения: 27.07.2012).

8. Николаенкова М.С., Иванова Е.В., Невежин В.П. Влияние реализации человеческого потенциала на международную миграцию // URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/ru/---ep14-11/1324-a> (дата обращения: 17.07.2015).

9. Сейко Л.Ф. Государственное регулирование экономического роста и качества жизни населения. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М. 2008. С. 11.

РЕАЛИЗАЦИЯ АКТОВ ОРГАНОВ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Василевич Г.А., Белорусский государственный университет

В юридической литературе справедливо отмечается, что динамичное развитие международной правовой базы, стремительный рост нормативных документов, принимаемых органами межгосударственных образований актуализирует вопрос о разрешении возможных коллизий между актами наднационального и национального уровней [1, с.246-247]. В связи с этим необходим поиск эффективного разрешения противоречий, в том числе на институциональном уровне.

В Договоре об образовании Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС или Союз) наиболее тщательно регламентирована деятельность в этом направлении Суда Союза. В рамках интеграционных образований, в которые входила наша республика, всегда функционировали наднациональные судебные органы, которые обладали различным объемом полномочий, что было обусловлено предшествующим этапом развития. Содружество Независимых Государств, а впоследствии и Евразийский экономический союз возникли после распада СССР, который произошел в результате действия ряда факторов объективного и преимущественно субъективного характера.

Разделяем высказанный в литературе взгляд, что создание органа судебного контроля, ответственного за единообразное применение норм права межгосударственного образования, «является оптимальным вариантом поддержания единства и эффективности интеграционного правопорядка. Ни исполнительные, ни административные (и уж тем более правотворческие) органы не смогут справиться с этой работой, поскольку они неизбежно будут приходить к применению механизма согласования позиций органов различных государств-членов, что может растянуть процедуру обеспечения единообразного правоприменения» [2, с.172-173]. Поэтому «поиск способов эффективного предупреждения и разрешения противоречий норм права становится все более акту-

альным. Это связано с теми современными тенденциями, что развитие сфер бизнеса, экономики и финансов, науки и технологий, политики и культуры усложняет и расширяет сферу правового регулирования» [1, с.247]. Конечно, при цивилизованных отношениях между государствами, создавшими соответствующее образование, приоритетным является «правило результата», согласно которому государства обязаны создавать правовую ситуацию, совместимую с учредительным договором, добросовестно выполнять международные обязательства [3, с.24-25].

По этой причине нами высоко оценивается факт создания Суда ЕАЭС. Однако это неизбежно ставит вопрос о его взаимодействии с национальными судебными органами, разграничении между ними компетенции, определении субординации принятых решений. Исполнение решений глав государств на национальном уровне зависит от их политической воли и основывается на статусе главы конкретного государства, который в государствах ЕАЭС достаточно высок. Что же касается деятельности судебных инстанций, то здесь «усмотрение» возможно лишь строго в рамках правовых предписаний, содержащихся в международных договорах и актах национального характера.

Пока остаются вопросы о соотношении актов органов наднационального характера, например, Евразийской экономической комиссии, и актов национального законодательства. С точки зрения фиксации в конституциях норм, есть ясность в определении роли и места международных договоров. Анализ ст.ст. 8 и 116 Основного Закона позволяет сделать вывод о верховенстве международных договоров над иными подконституционными актами. В то же время, в Конституции Беларуси (ст. 116) предусмотрено, что акты межгосударственных образований по юридической силе идут вслед за Конституцией, законами, декретами и указами Главы государства. При этом уместно сделать следующие замечания. При отсутствии данной нормы можно было бы утверждать, как это делают некоторые авторы, что акты, издаваемые органами межгосударственных образований, функционирующие на основе международного договора, носят «производный» от них характер, т.е. имеют международную договор-

ную основу, поэтому уже обладают более высокой юридической силой, чем акты текущего национального законодательства. С учетом редакции ст. 8, абзаца второго части четвертой ст. 116 Конституции Республики Беларусь в данном случае не имеются в виду международные договоры, которые идут вслед за Конституцией и примыкающими к ней конституционными законами (см. ст. 140 Конституции). Таким образом, под актами межгосударственных образований, о которых говорится в абзаце третьем части четвертой ст. 116 Конституции Республики Беларусь, следует, на наш взгляд, понимать именно акты органов наднационального характера.

В свое время нами предлагалось, чтобы в СНГ был заключен договор о статусе принимаемых его органами документов. Посредством такого договора и в силу его юридической значимости можно было бы вывести эти документы на более высокий юридический уровень или хотя бы добиться обязательности исполнения. Подобная мера была реализована ранее в Договоре о статусе основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации (утратил силу), заключенном 18 июня 2004 г. В указанном Договоре стороны определили статус Основ законодательства ЕврАзЭС, установили унифицированный порядок их разработки, рассмотрения, принятия, изменения, приостановления и прекращения действия. Согласно ст. 50 Договора государственные органы сторон в пределах своей компетенции осуществляют контроль за реализацией Основ законодательства ЕврАзЭС путем проведения правовой экспертизы проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в целях проверки их соответствия Основам законодательства ЕврАзЭС и представления соответствующей информации парламентам и правительствам сторон. Секретариат Интеграционного Комитета ЕврАзЭС информирует Межгосударственный Совет ЕврАзЭС и Интеграционный Комитет ЕврАзЭС о реализации указанных Основ.

В литературе высказаны противоречивые взгляды относительно прямого действия актов органов межгосударственных образований, хотя они и были высказаны применительно к ЕврАзЭС, Таможенному союзу. Так, одни авторы утвер-

ждают, что не было правовой основы для прямого действия актов органов ЕврАзЭС [2, с.187]. Другие авторы, ссылаясь на производный характер решений органов Таможенного союза от международных договоров, считают, что тем самым они определяют их юридическую силу, однако национальное законодательство (имеется в виду Российской Федерации) не определяет юридические вопросы разрешения коллизий между органами международных организаций и внутригосударственными нормативными правовыми актами [1, с.249-250]. В контексте анализируемой проблемы особый интерес представляет нормативное постановление Конституционного Совета Казахстана от 5 ноября 2009 г. № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов» [4, с.478-487], который за некоторыми изъятиями (о безусловном суверенитете на собственную территорию, о недопустимости изменения унитарного характера государства, территориальной целостности, формы правления), зафиксировал, что если в международном договоре указана обязательность актов международных организаций, то государство в лице уполномоченных субъектов обязано осуществлять все необходимые организационно-правовые мероприятия, направленные на исполнение такого требования, включая приведение в соответствие с ними актов национального законодательства.

Суд Союза нацелен на реализации таких принципов межгосударственного образования (их в литературе называют функциональными принципами [5, с.108-117]), как «делегирование полномочий», «верховенство наднационального права» и др. Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов

Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Важно иметь в виду, что спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором (п.43). Это напоминает положения пункта 1 ст. 35 Европейской Конвенции, согласно которому Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Таким образом, Договор об образовании ЕАЭС, Приложение №2 к нему предполагают предварительное урегулирование спора на национальном уровне либо в ЕЭК. В этой связи необходима выработка практики, полностью соот-

ветствующей национальной Конституции и Договору о ЕАЭС. Здесь следует четко определить приемлемость обращения хозяйствующего субъекта в Суд Союза. По аналогии с практикой работы Европейского Суда по правам человека желательно было бы придерживаться правила, в соответствии с которым обращение в Суд Союза допустимо, когда были исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Согласно позиции Европейского суда, указанные средства должны быть нормально и постоянно функционирующими. Указанные средства должны быть доступны для всех, эффективны, иметь гарантированные возможности и права возместить причиненный вред. Окончательным внутренним решением является кассационное определение.

Требуется прохождение внутригосударственных судебных инстанций, вступление решения в законную силу. Решения судов не всегда являются законными и справедливыми. Для обеспечения торжества верховенства права в их решениях существует механизм проверки конституционности (законности) вынесенных решений. Здесь используются право на подачу не только кассационной, но и надзорной жалобы, меры прокурорского реагирования, возможности конституционного контроля и др. Таким образом, по законодательству Республики Беларусь существует еще одна судебная «инстанция» — надзорное производство, а также проверка конституционности нормативного правового акта. В этой связи возникает вопрос о необходимости обращения к указанным институтам. Здесь полезен опыт судов иных интеграционных образований. Юриспруденцией Европейского Суда не рассматривается в качестве эффективного средства правовой защиты процедура пересмотра в порядке надзора судебных решений, вступивших в законную силу, предусмотренная российским законодательством» [6]. «Исчерпание всех средств правовой защиты также означает, что заявителем должны быть соблюдены внутригосударственные процессуальные правила о подсудности и подведомственности дел. Если заявитель пропускает срок для обращения в надлежащую инстанцию, то его жалоба не может быть рассмотрена Судом.

Если государство-член или Комиссия в течение 3 месяцев со дня поступления к ним обращения заявителя не приняли мер по урегулированию вопроса в досудебном порядке, заявление о рассмотрении спора может быть направлено в Суд (п.44). Однако по взаимному согласию сторон спора спор может быть передан на рассмотрение Суда до истечения трехмесячного срока.

Статутом предусмотрено, что Суд при осуществлении правосудия применяет: 1) общепризнанные принципы и нормы международного права; 2) Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора; 3) решения и распоряжения органов Союза; 4) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Спор с участием хозяйствующего субъекта рассматривается национальным судом, который руководствуется системой правовых актов, куда входят также и международные договоры, ставшие обязательными для Республики Беларусь, а также акты межгосударственных образований. С учетом их места (юридической силы) в этой системе и должно быть вынесено решение национального суда. Обратим внимание на часть вторую ст. 112 Конституции Республики Беларусь: если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Полагаем, что в случае выявления национальными судами расхождения между договором и иным подконституционным актом должно действовать правило, закрепленное в статье 112 Конституции.

Договором о ЕАЭС (ст.7) определена иерархия правовых актов, принятых в рамках ЕАЭС, в том числе заключенных международных договоров. Их совокупность определяет право Союза. Определен порядок разрешения коллизий. Национальный суд вынужден анализировать международные обязательства, возникшие в рамках ЕАЭС, принятые органами ЕАЭС акты. Поэтому не исключаем вариант, при котором национальный суд при возникновении сомнения

в правомерности акта межгосударственного образования приостановит производство по делу и обратится через уполномоченного субъекта (Министерство юстиции) в Суд Союза.

Если же возникает вопрос о соответствии акта органа межгосударственного образования, в частности, ЕЭК, Конституции, то это уже компетенция Конституционного Суда Республики Беларусь. Если же в процессе разбирательства в суде общей юрисдикции возникает вопрос о соотношении акта межгосударственного образования и законодательного акта (закона или декрета), то здесь без дополнительной правовой регламентации на национальном уровне не обойтись. Ведь согласно Конституции Республики Беларусь акты органов межгосударственных образований имеют подзаконный характер: они ниже по юридической силе не только международных договоров, но и законов и декретов. В этой связи в одной из наших публикаций предлагалось на уровне специального закона определить статус актов межгосударственных образований, не посягая на конституционные полномочия государственных органов, и соблюдая международные договоры. В одних случаях, например, применительно к ЕАЭС, эти акты согласно указанному закону будут обладать непосредственным характером действия и быть выше по юридической силе, чем национальный закон (законодательный акт), в других (например, в рамках СНГ), для их реализации необходимо издание актов Президентом, Парламентом, Правительством, министерством и т.п. Аналогичное правило целесообразно установить, при необходимости, и на уровне специального декрета Президента Республики Беларусь, в котором определить статус решений Евразийской экономической комиссии, имея в виду их непосредственный характер действия на территории Республики Беларусь. В таком случае акты межгосударственных образований будут соответствовать законам, декретам Главы белорусского государства, что и требуется согласно части четвертой статьи 116 Конституции. Реализация данного предложения упорядочила бы нормотворческую и правоприменительную деятельность, исключила бы сомнения относительно места и роли актов ЕЭК среди актов национального законодательства государств, образовавших ЕАЭС, обес-

печило бы их непосредственное (прямое действие. Аналогичные акты можно было бы рекомендовать принять и другим участникам межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь [7, с. 36].

Признавая важную роль Суда Союза в укреплении правопорядка в рамках интеграционного образования, отметим, что финальную точку в разрешении спора, который был предметом рассмотрения в Суде, ставит Высший евразийский экономический совет: Другим недостатком полномочий Суда ЕАЭС является то, что он не обладает правом обязать государство, не выполняющее обязательство, наложенное на него Договором, уплатить определенную фиксированную сумму или пеню, как это предусмотрено для Суда ЕС. Важно, чтобы Суд Союза эффективно работал во имя блага всех государств, входящих в ЕАЭС и их граждан, был примером принятия законных решений, содействуя тем самым процессу создания и развития **интеграционного права** евразийской формации, под которым автор понимает совокупность норм учредительных и иных международных договоров, а также актов наднациональных органов ЕАЭС, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в ходе интеграционных процессов в рамках указанного межгосударственного образования и его отношения с государствами-членами ЕАЭС, иными государствами и организациями.

Литература

2. Каширкина А.А., Мороз А.Н. Международно-правовые модели Европейского Союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография /отв. ред. А.Я. Капустин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; юридическая фирма «Контракт», 2012. – 368 с.
3. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 720 с.
4. Грачева С.А. Конституционное правосудие и реализация решения Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие / С.А.

Грачева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; юридическая фирма «Контракт», 2012, –240 с.

5. Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов: постановление Конституционного Совета Казахстана от 5 ноября 2009 г. № 6 // Сборник постановлений Конституционного Совета республики Казахстан. – Изд. 2-е. – Астана Конституционный Совет Республики Казахстан, 2012. –538 с.

6. Кашкин С. Ю. Возможности использования принципов права Европейского Союза для интеграционных процессов СНГ / С.Ю. Кашкин // СНГ, Россия и Европа: Сборник статей / сост.: А.В. Захаров. – М: ЗАО Юстицинформ, 2006. –232 с.

7. Холинер, Патрик. Условия приемлемости жалоб в Европейский Суд по правам человека. Опыт по делам из Российской Федерации [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://www.rrpoi.narod.ru/echr/commentary/holiner.htm>. – Дата доступа: 28.08.2015.

8. Василевич Г.А., Василевич С.Г. О непосредственном действии актов евразийской экономической комиссии. / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич // Евразийский юридический журнал. – № 10. – 2014. – С. 34 – 36.

ЗАРАДЖЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ ТЭАРЭТЫЧНАГА АБГРУНТАВАННЯ І НАРМАТЫЎНАЙ РЭГЛАМЕНТАЦЫІ ПРАВОЎ ЧАЛАВЕКА Ў БЕЛА-РУСІ

Доўнар Т. І., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Праблема ўзаемаадносін дзяржавы і чалавека закраналася навукоўцамі з самых старажытных часоў, аб чым сведчаць перш за ўсё творы мысліцеляў Старажытнай Грэцыі і Старажытнага Рыма. Гэтыя творы былі вядомы і першым беларускім мысліцелям, звесткі аб якіх дайшлі да нас з летапісных паведамленняў. Напрыклад, Ефрасіння Полацкая на падставе хрысціянскага веравучэння абгрунтоўвала неабходнасць добразычлівых і памяркоўных адносін у грамадстве, а таксама ідэі хрысціянскага паразумення паміж людзьмі і мірнага суіснавання людзей, народаў і дзяржаў.

Асабліва актыўна пачала распрацоўвацца гэта праблема ў XVI ст. У працах беларускіх асветнікаў, мысліцеляў і палітычных дзеячоў гэтага перыяду прысутнічаюць самыя прагрэсіўныя ідэі свайго часу і асаблівае месца ў іх займае тэарэтычная рапрацоўка палажэнняў аб справядлівай дзяржаве і роўнасці ўсіх людзей перад законам. Менавіта таму ў сваіх выказваннях і публікацыях яны тэарэтычна абгрунтоўвалі неабходнасць рэфармавання існуючых феадальных грамадскіх адносін.

Ідэі аб справядлівых грамадскіх адносінах і правах людзей займаюць значнае месца ў навуковых працах многіх вядомых беларускіх мысліцеляў-гуманістаў XVI ст. (Ф. Скарыны, М. Літвіна, А. Волана, С. Буднага і інш.). У сваіх выказваннях і публікацыях яны аргументавана даказвалі неабходнасць ўдасканалення дзяржаўных і грамадскіх адносін на новых, больш прагрэсіўных і высокамаральных прынцыпах. Так, вышэйшым прынцыпам у рэгуляванні грамадскіх адносін Скарына лічыў любоў чалавека да чалавека. Увогуле асновай палітыка-прававых поглядаў Скарыны выступала гуманістычна інтэрпрэтуемая хрысціянская мараль [1, с.100-101, 136-142]. Перш за ўсё ён звяртаў увагу на прытрымліванне кожным чалавекам этыкі “хрысціянскага гуманізму”, на маральную адказнасць хрысціяніна за свае справы.

На падставе скарынінскіх тэарэтыка-прававых напрацовак беларускія філосафы і мысліцелі пачынаюць ўсё актыўней выказваць і абгрунтоўваць думкі аб справядлівасці дзяржаўнай улады, вяршыньстве закону, неабходнасці такой прававой рэгламантацыі дзяржаўнага жыцця, якая б забяспечвала індывідуальную свабоду і сцвярджала роўнасць усіх перад законам. Паступова на працягу XVI ст. увага мысліцелей не толькі ўсё больш засяроджваецца на ідэях свабоды як важнейшай уласцівасці чалавечай прыроды і роўнасці ўсіх людзей перад законам як істотнага элемента свабоды, але з'яўляюцца і практычныя прапановы аб заканадаўчым іх афармленні. Пры гэтым некаторыя з іх падкрэсліваюць, што закон толькі тады здольны гарантаваць свабоду асобы, калі ён будзе накіраваны на абарону інтарэсаў ўсіх людзей – грамадзян дзяржавы.

Так, следам за Ф.Скарынай Міхалон Літвін у сваім палітычным трактате «Аб нормах татар, літоўцаў і масквіцян» (1550 г.) заяўляў аб неабходнасці удасканалення дзяржаўнага кіравання, дэмакратызацыі грамадскіх адносін, устанаўлення роўнасці усіх саслоўяў перад законам.

Таксама Леў Сапега пад уплывам поглядаў мысліцеляў антычнасці надаваў значную ўвагу удасканаленню грамадскіх адносін і правам грамадзян у дзяржаве. Ён падкрэсліваў: “чоловеку почтывому нічога не маець быти дорожшого над вольность” [2, с.47]. Сутнасць жа свабоды, на яго думку, складалі неад’емныя правы чалавека – асабістая недатыкальнасць і права ўласнасці. Сапега падкрэсліваў, што асноўнай мэтай законаў ва ўсім свеце з’яўляецца падтрыманне ў грамадстве такога парадку, каб кожны чалавек мог захаваць у непарушнасці сваё добрае імя, здароўе, маёмасць і не цягне ніякай шкоды з боку іншых асоб.

На хвалі рэфармацыйнага руху, які шырока разгарнуўся ў Беларусі з сярэдзіны XVI ст. і значна паўплываў на усе бакі грамадска-палітычнага жыцця, мысліцелямі прапагандаваліся і пашыраліся самыя прагрэсіўныя палітыка-прававыя ідэі. Прыхільнікамі і актыўнымі прапагандыстамі яго былі А.Волян, А.Валовіч, П.Астравіцкі, К.Радзівіл і многія іншыя мысліцелі і

дзяржаўныя дзеячы. Менавіта ў кантэксце Рэфармацыі, у аснову якой перш за ўсё была пакладзена ідэя пошуку боскай справядлівасці і звяртання да чалавечага розуму, актыўна развівалася асветніцтва, якое садзейнічала пашырэнню ідэй свабоды, гуманізму, верацярпімасці і больш прагрэсіўных поглядаў на дзяржаву і яе грамадзян. У гэты перыяд А.Волан і С.Будны выказваюць ідэю неабходнасці існавання прыватнай уласнасці для ўсіх людзей (нават гараджан і сялян) як неабходнай умовы свабоды асобы.

Менавіта філосаф, правазнаўца і палітычны дзеяч Андрэй Волан, які з'яўляўся адным з ідэолагаў рэфармацыйнага руху ў Беларусі, унес шмат новага ў тэарэтычную распрацоўку многіх палітыка-прававых пытанняў, у тым ліку ў сферы правоў чалавека. Яго творы (“Пра палітычную або грамадзянскую свабоду”, Кракаў, 1572; “Прамова да сената...” (Кракаў, 1572); “Пра шчаслівае жыццё або Найвышэйшае чалавечае дабро”, Вільня, 1596; ”Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці”, Гданьск, 1608 і інш.) мелі выразную гуманістычную накіраванасць. Волан не толькі рэзка крытыкаваў існуючую феадальную сістэму, але актыўна выступаў за рэфармаванне тагачаснага грамадскага ладу, у тым ліку ў сацыяльным і палітычным плане [3, с.75-76]. Несумненна заслуга А.Волана ў тым, што ён адмаўляў рабства і актыўна выступаў супраць заканадаўчай рэгламентацыі саслоўнай няроўнасці людзей. Бадай, ён быў адным з першых навукоўцаў, які разглядаў саслоўі як раўнапраўных сацыяльных партнёраў, кожная з якіх уносіць пасільны ўклад у агульную справу палітыка-эканамічнага развіцця дзяржавы.

Дзяржаву, права і іншыя сацыяльна-палітычныя інстытуты А.Волан разглядаў як вынік чалавечай дзейнасці, як аб'екты ўвасаблення рацыянальных пошукаў і мудрасці людзей [3, с.76]. Пры вызначэнні дзяржавы, яе задач і функцый, Волан адзываецца аб ёй як аб згуртаванні людзей, супольніцтве, таварыстве, падкрэсліваючы тым самым яе дагаворны характар.. Аднак выкарыстанне гэтых паняццяў у яго не звязана, як у Бадэна, Гоббса і іншых еўрапейскіх мысліцеляў, з праблемамі ўлады і суверэнітэту. Перш за ўсё ён разглядаў дзяржаву і грамадства як гістарычна абумоўленыя з'явы і адзначаў,

што “ў чалавечай супольнасці, называнай грамадствам, найважнейшая чыннасць заключаецца ў тым, каб разумна і правільна кіраваць гэтым грамадствам у мірных умовах і нязломна, мужна, рашуча змагацца з ворагам у час вайны” [4, с.5]. З логікі яго разважанняў вынікае прызнанне існавання дзяржаўнага чалавечага грамадства, дзе кожны індывід жыў адпаведна сваім прыроджаным правам, якія грунтаваліся на этыцы і маралі. Ён адзначаў, што неабходнасць для чалавека ў дзяржаве ўзнікла толькі тады, калі адносна яго натуральных правоў узнікла небяспека. Адна з галоўных яго думак – гэта тое, што сама дзяржава стваралася з мэтай, каб людзі маглі шчасліва і блаславенна праводзіць сваё жыццё.

Звяртаючы ўвагу на неабходнасць устанаўлення справядлівых грамадскіх адносін Волан выказвае думку, што справядлівай з’яўляецца тая дзяржава, у якой чалавек шчаслівы, задаволены жыццём і абаронены законам ад усялякіх пасягальніцтваў. Справядлівасць, на яго думку, заключаецца ў тым, каб “пашанаваць і паважаць Бога, любіць бацькоў і айчыну, у абыходжанні з людзьмі ніколі нікога не крыўдзіць і не прыніжаць не толькі ўчынкам, але і словам” [4, с.95]. Ён падкрэсліваў, што справядлівасць у чалавечым грамадстве можа існаваць толькі пры умове, што ў ім існуюць законы, створаныя на карысць усіх грамадзян і “паспалітага добра”.

На падставе ідэй Ф.Скарыны Андрэй Волан распрацаваў уласную канцэпцыю свабоды чалавека, адзначаючы, што прырода надзяліла чалавека найвялікшымі каштоўнасцямі, але “найбольшай каштоўнасцю, бадай, ёсць свабода” і падкрэсліваў, што “...для дзяржавы няма нічога важнейшага і нічога карыснейшага за свабоду” [4, с.12]. Дзяржава, як страж супольнай свабоды, дзеля захавання яе ўстанаўлівае законы, бо ва ўмовах беззаконнасці “чалавечыя жыццё з’яўляецца жабрацкім і рабскім”, а чалавечыя грамадства не можа быць даўгавечным і трывалым. Адначасова А.Волан перакананы, што законы, устаноўленыя насуперак правільнаму суджэнню розуму, недаўгавечныя, бо яны пастаянна будуць выклікаць усеагульную незадаволенасць грамадзян і могуць прывесці да народнага паўстання.

З неабходнасці ўсямернай абароны свабоды чалавека Волан выводзіў натуральную функцыю права, якая заключаецца ў падаўленні ганебных інстынктаў людзей і справядлівым рэгуляванні грамадскіх адносін. У цэлым права, на яго думку, павінна стаяць на абароне агульнай справядлівасці і павінна адпавядаць тром прынцыпам – быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. З апошняга тэзіса выцякала неабходнасць пастаяннага ўдасканалення заканадаўства. Волан падкрэсліваў, што ніякае грамадства, ніякая грамадзянская супольнасць, ніякі мір і спакой паміж людзьмі не могуць існаваць без законаў і ўвогуле “дабрадзейства свабоды залежыць ад правільнага і ўпарадкаванага заканадаўства” [4, с.96].

Такім чынам, свабода пераважна разумелася ім як свабода прававая, як забеспячэнне законам ўсеагульнай згоды і міру ў дзяржаве, абароны асабістай бяспекі чалавека і яго маёмасці. Ён падкрэсліваў, што чалавеку ў дзяржаве “не павінны пагражаць самавольства, гвалт і забойства, а яго скарбу і майну – грабеж і разарэнне” [4, с.96]. Таму ён лічыў, што гарантаваная законам абарона асабістых і маёмасных правоў чалавека з’яўляецца падставай жыццяздольнасці самой дзяржавы. Менавіта ў той дзяржаве, дзе жыццё людзей аберагаецца і ахоўваецца ад насілля і ўсялякай несправядлівасці, а маёмасць ад грабязу, грамадская супольнасць аказваецца “цэльнай і здаровай, а слаўнае і прыгожае імя “свабода” застаецца непарушнай і трывалай” [4, с.96].

Адначасова Волан адзначаў, што свабода не азначае ўседазволенасці. На яго погляд, свабода кожнага будзе забяспечана дастаткова, калі законы ў грамадстве прымусяць людзей жыць так, каб ніхто нікому не шкодзіў. Менавіта законы прызначаны служыць апорай свабоды і яны “забяспечваюць цэласць і непарушнасць грамадзянскай свабоды і ствараюць умовы для агульнага дабрабыту, пры якім кожны адчувае сябе абароненым ад ліхадзейства” [4, с.86-87]. Пры гэтым ён звяртаў увагу на тое, што залішняя чалавечая раскоша можа запляміць прыгожае імя свабоды і таму дзяржава павінна ствараць законы, якія перакрыюць усе крыніцы сілкавання злашчаснай раскошы і ўрэшце ліквідуюць.

У творах А.Волана адным з вельмі важных меркаванняў з’яўляецца думка аб неабходнасці развіцця навукі. А.Волан акцэнта ўвагу на тым, што без развіцця навукі ўвогуле не можа быць ніякай надзеі “што калі-небудзь настане дабрабыт дзяржавы і шчасце грамадзян” [4, с.87].

Не адмаўляючы думку належнага рэфармавання грамадскіх адносін, мысліцель адначасова ганарыўся сваёй дзяржавай і існуючымі у ёй парадкамі. Так, параўноўваючы грамадска-палітычны лад Вялікага Княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай, у якой, на яго думку, “адсутнічае свабода і тыран правіць па сваёй прыхамаці, а законам лічыць усё тое, што захочуць яго распаленыя мазгі”, ён піша: “Наш народ забяспечыў сабе мір і агульную свабоду болей удумліва. Ён абмежаваў караля рамкамі законаў, каб ён не насмеліўся замысліць нешта супроць грамадзян ці мог паквапіцца на іхнюю маёмасць” [4, с.46]. З гонарам за сваю айчыну ён адзначаў таксама, што “шляхта ў нашым грамадстве мае намнога большую свабоду, чым нобілі іншых народаў” [4, с.46].

У творах А.Волана, а таксама многіх іншых прагрэсіўных беларускіх мысліцеляў XVI ст. усё актыўней абгрунтоўваецца ідэя, што закон толькі тады можа гарантаваць свабоду, калі ён накіраваны на абарону ўсіх людзей – жыхароў дзяржавы. Усё большае пашырэнне атрымлівае ідэя роўнасці перад законам як істотнага элемента свабоды асобы, а таксама ідэя свабоды як важнейшай уласцівасці чалавечай прыроды, што потым і знайшло адлюстраванне у законах, напрыклад, у арт.9 першага раздзела Статута 1529 года. Менавіта з прыняццем гэтага першага сістэматызаванага звода законаў адбылося канчатковае афармленне правоў і свабод шляхты. Пры гэтым, нягледзячы на феадальную рэчаіснасць, закон гаварыў аб правах усіх людзей. Так, у арт. 7 трэцяга раздзела ад імя вялікага князя гаварылася: "Шлюбуюем своею парсунаю господарскою, иж всю шляхту княжата и паны хоруговные, и вси бояре посполитые, и мещане, и их людей заховати при слободах и вольностях, от предков наших и тэж от нас данных им" [5, с.47].

Паступова правы шляхты, якая складала ў Вялікім Княстве Літоўскім больш за 10% насельніцтва, павялічваюцца. Так, на Бельскім сойме 1564 года шляхта дамаглася прыняцця прывілея, ў якім гаварылася, што ўсе жыхары дзяржавы, пачынаючы з вялікага князя і да ніжэйшых саслоўяў, як духоўных так і свецкіх, павінны ўжываць адно роўнае права і судзіцца ў аднолькавых судах. Дэкларавалася, што ўсе яны заслугоўваюць быць годнымі ўсялякіх вольнасцяў і справядлівасці, якія стануць падставай умацавання дзяржавы [6, с.47].

У 1565 годзе на сойме ў Вільні быў прыняты яшчэ адзін прывілей, у якім вялікі князь прама пазначыў, што гэты закон выдаецца па просьбах і чалавічых «усіх станаў... для способу лепшого и отправки поспешнейшое в справедливости людской» [6, с.47]. Пачынаўся ён, як і многія іншыя нарматыўныя акты дзяржавы, са зварота: “нынешним и на потом будучим, кому будеть потреба того ведати, альбо чтути его слышети” [6, с.47]. Гэта значыць, што заканадаўцы асэнсоўвалі вялікае значэнне гэтага прававога акта і таму звярталіся не толькі да сучаснікаў, але і да нашчадкаў. Асноўная сутнасць гэтага нарматыўнага акта была ў тым, што ад імя вялікага князя дазвалялася мець “сойм малы” у тых мясцовасцях, дзе ўжо былі “вряды судовыя засожаны”, а таксама і там, дзе яны яшчэ будуць заснаваны. Гэта азначала, што ў кожным павеце дзяржавы будзе дзейнічаць агульны сход шляхты – “сойм малы” дзеля дзяржаўных патрэб, у тым ліку для абмеркавання розных важных пытанняў з мэтай «радзці, абмовляти и обмышляти, о чом им от нас Господаря ознаймено будет», а таксама для абрання дэпутатаў (паслоў) на агульнадзяржаўны сойм [6, с.48].

Дакументальна-прававы матэрыял Вялікага Княства Літоўскага сведчыць, што з 1511 г. укараняецца нават практыка склікаць шляхту некалькіх паведаў на агульныя сходы – соймкі. Аднак асабліва актыўна яны пачалі збірацца толькі ў другой палове XVI ст., асабліва пасля прыняцця Бельскай граматы. Напрыклад, такі сход, на якім былі абраны кандыдаты на судовыя пасады, адбыўся ў 1564 г. у Менску. Прыняцце ж Віленскага прывілея 1565 г.

узаконіла і ўпарадкавала соймавую дзейнасць. Парламентарызм, які зараджаўся ў дзяржаве на працягу другой паловы XV –першай паловы XVI ст.ст., набыў заканадаўчае замацаванне і пэўную нарматыўную рэгламентацыю. Увогуле прывілей 1565 года, які стаў потым складовай часткай Статута 1566 года, стаў вельмі значным этапам у развіцці грамадска-палітычных адносін і павелічэнні правоў шляхецкага саслоўя.

Пры дапамозе соймаў, якія сталі палітычнымі і прадстаўнічымі органамі шляхты, мясцовае насельніцтва адстойвала свае інтарэсы перад цэнтральнымі органамі дзяржавы. На павятовых соймах, якія склікаліся ў галоўных павятовых гарадах штогод або некалькі разоў на год і на якіх мелі права прысутнічаць усе шляхцічы дадзенага павета, разглядаліся разнастайныя пытанні агульнадзяржаўнага і мясцовага значэння, выбіраліся кандыдаты на судовыя і іншыя пасады, вызначаліся памеры падаткаў на патрэбы павета і г.д. На спецыяльных перадсоймавых соймах выбіраліся дэпутаты на вальны сойм дзяржавы, выпрацоўваліся інструкцыі і наказы дэпутатам, хадайніцтвы да вялікага князя і рады. Пасля таго, як адбыўся агульнадзяржаўны сойм, на соймах слухаліся справаздачы дэпутатаў і іх інфармацыя аб дзяржаўных падзеях і прынятых на сойме рашэннях і заканадаўчых актах, вызначаліся неабходныя мерапрыемствы па рэалізацыі соймавых рашэнняў. Дзейнасць соймаў у значнай ступені была накіравана і на абмежаванне ўлады манарха. Хоць іншыя прадстаўнікі свабоднага насельніцтва (мяшчане, сяляне, татары, яўрэі) не ўдзельнічалі ў соймах і пасяджэннях соймаў, аднак маглі заяўляць на соймах аб сваіх патрэбах, што пазней дакладна рэгламентавалася Статутам 1588 года.

На працягу XVI - XVIII ст. ў складзе Рэчы Паспалітай адбываецца ўсё большая сацыяльна-саслоўная палярызацыя грамадства. Шляхта набыла выключныя правы і свабоды, што дало даследчыкам падставы лічыць гэтую дзяржаву «шляхецкай нацыяй» [7, с.77]. Ужо ў XVI ст. паміж шляхтай і кожным новым каралём перад яго выбарамі заключалася спецыяльная дамова – “*Pacta conventa*”, якая вызначала канкрэтныя абавязкі новаабранага манарха.

Адначасова былі прыняты і “Генрыхавы артыкулы”, у якіх рэгламентаваліся прынцыпы існавання шляхецкай дзяржаўнасці і шляхецкай вольнасці. Законы абавязалі манарха прызнаваць яго вольныя выбары, захоўваць існуючы грамадска-палітычны лад, рэлігійны мір, не вырашаць пытанняў вайны і міру без згоды сената і сойма, склікаць сойм кожныя два гады і г.д. Яны прадугледжвалі магчымасць правядзення надзвычайных з’ездаў шляхты. «Генрыхавы артыкулы» уключалі нават палажэнне аб тым, што калі шляхта палічыла, што яе правы парушаюцца, яна магла адмовіцца падпарадкоўвацца каралю.

На падставе гэтага ў Рэчы Паспалітай паступова і ўзнікла канцэпцыя “залатой шляхецкай вольнасці”, галоўнымі з якіх з’яўляліся роўнасць ўсіх шляхцічаў перад законам, недатыкальнасць асобы, права на свабодныя выбары караля, права свабоду голасу, а таксама права на пратэст. Самай характэрнай рысай “шляхецкай дэмакратыі” стала права на канфедэрацыі. А між тым многія яснавяльможныя паны, якія выступалі на баку той ці іншай палітычнай групы, мелі прыватную армію, якая часам была мацнейшая за дзяржаўныя вайсковыя фарміраванні. Наяўнасць гэтых феадальных армій станавілася падставой да дэцэнтралізацыі ўлады і паглыблення палітычнай анархіі ў Рэчы Паспалітай. Аб гэтым сведчаць шматлікія канфедэрацыі, а то і рокашы, якія паўставалі ў Рэчы Паспалітай шмат разоў на працягу XVII ст. – XVIII ст.ст., прычым не толькі з мэтай бунту супраць манарха і дасягнення сваіх патрабаванняў, але і для яго падтрымкі.

З цягам часу “залатыя вольнасці” набылі абсалютны характар і ўспрымаліся як аснова ўзаемаадносін паміж шляхтай і дзяржавай. Іх маглі абмежаваць толькі пастановы соймаў і соймаў, аднак яны прымаліся той самай шляхтай. Пры гэтым існуючая дзяржаўная сістэма ўяўлялася шляхце самай дасканалай, а кожная спроба нешта змяніць успрымалася як імкненне да дыктатуры і замах на шляхецкія прывілеі і вольнасці. Найлепшым сродкам прадухілення замахаў на вольнасці шляхты стала права *liberum veto*, якое фактычна вяло да бяссілля сейма [8, с.212]. Існаванне *liberum veto* шляхта

абгрунтоўвала тым, што ў зваротным выпадку, калі б рашэнні на сойме прымаліся большасцю галасоў, «мноства горшых пераважыла б над меншасцю лепшых» і таму дзяржава зазнала б яшчэ большыя шкоды. Вельмі хутка гэтым правам шляхта стала злоўжываць. Так, пачынаючы з 1652 г., фактычна больш за палову соймаў было сарвана, што і выявіла пэўную хваробу шляхецкага парламентарызму.

Шляхецкая дэмакратыя у Рэчы Паспалітай паступова пераўтварылася у магнатскую алігархію. Бязладдзе падточвала і без таго слабую дзяржаву, што і выкарысталі суседнія дзяржавы. У канцы XVIII ст. у выніку трох падзелаў тэрыторыі Рэчы Паспалітай паміж Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй гэтая дзяржава з яе «залатымі шляхецкімі вольнасцямі» перастала існаваць.

Літаратура

1. Францыск Скарына і яго час: Энцыкл. Давед. – Мінск: БелСЭ. 1988. – 376 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
3. Доўнар Т. І. Андрэй Волян (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя // Юстыцыя Беларусі. 2012, № 8. – С.75-77.
4. Волян А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе / А.Волян; пер. з лац. Ул.Шатона. – Мінск : Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
5. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 254 с
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.
7. Галечанка, Г. Развіццё шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVIII ст. / Г. Галечанка, пер. з рускай А. Шаланда // Герольд Litherland. – 2001. - №3. – С. 85-102.
8. Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэб.дапам. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАР- СТВА

Жалаири Ө.Ш. Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева

Конституция Республики Казахстан, принятая впервые в истории страны народом на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, положила начало новому этапу конституционного развития независимого государства. Ее историческое значение в том, что она приблизила действующее право Казахстана к стандартам, отвечающим требованиям постепенных демократических преобразований, создающих нормативную базу для качественных перемен социально-политического развития нашей страны. Как неоднократно подчеркивал Президент Республики Н.А. Назарбаев: действующая Конституция стала главным фактором казахстанского успеха. На ее основе возведено здание независимого Казахстана, как современного, успешного государства, имеющее свое лицо, свои особенности и свою позицию.

В настоящее время Конституция Республики Казахстан, как Основной закон, стала правовым фундаментом, обеспечившим политическую, экономическую целостность государства и общества. На основе действующей Конституции Казахстан сумел пройти достойно сложный период масштабных социальных, экономических и политических преобразований, не обрушив общество, не потеряв государственность.

За прошедшие годы в Казахстане наблюдается и последовательный рост авторитета Конституции, как Основного закона общества и государства. Самое главное: в Казахстане отсутствует конфликт Конституции и общественного сознания, т.к. в Основном законе *«всецело учтены ментальность и правовые традиции нашего народа»* [1].

Все это говорит об огромной социальной ценности Конституции, основанной на социокультурных особенностях ментальности казахстанского народа, следование принципам и нормам которого обеспечивает стабильность вла-

сти и общества, являясь главным инструментом укрепления независимости государства и проведения поэтапных демократических реформ в транзитном обществе.

Важно также отметить, что Конституция Республики Казахстан обобщила не только отечественный конституционно-правовой опыт, но и вобрала в себя всё лучшее, что дала конституционная практика зарубежных стран. В Конституции, как Основном законе государства, мы видим системное юридическое выражение основных политических ценностей, определяющих облик Республики Казахстан, как демократической страны: общественное согласие и политическая стабильность, решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, обеспечение прав и свобод личности, правовая государственность, парламентаризм и другие политико-правовые механизмы конституционализма. В этом заключается огромный политико-правовой потенциал Конституции, который еще предстоит в полной мере реализовать.

Реализация основных задач строительства демократического государства, определенных Конституцией Республики Казахстан, осуществляется в соответствии со стратегическими государственными документами, посланиями Главы государства. Так, в Послании Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана: «Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства» отмечается, что казахстанское общество, последовательно двигаясь по политической либерализации, шаг за шагом *«приближается к самым высоким стандартам в области демократизации и прав человека»* [2].

Одним из основных направлений Стратегии «Казахстан – 2050» на пути нашей страны к тридцатке самых развитых государств мира является дальнейшее укрепление государственности и развитие казахстанской демократии. Совершенствование государственных институтов, - обозначено в Послании Главы государства народу Казахстана «Казахстанский путь -2050: единая цель, единые интересы, единое будущее», - как приоритетное и долгосрочное направление работы по реализации Концепции вхождения Казахстана в число самых

развитых стран мира, которое должно отвечать новым задачам служения обществу и укрепления государственности [3].

Дальнейшее поэтапное укрепление казахстанской государственности будет и дальше продолжаться по линии усиления демократических начал в формировании и отправлении государственной власти на всех уровнях, расширения полномочий представительных органов, децентрализации государственного управления, формирования профессионального государственного аппарата.

Обращаясь к содержанию самой Конституции Республики Казахстан, прежде всего, необходимо отметить, что Конституция как Основной закон государства занимает ведущее место в системе отечественного действующего права. В Конституции, как в верховном акте государства, нормативно закрепляются главные устои общественного и государственного устройства страны, ее основные принципы, призванные обеспечить Республике Казахстан характер демократического и правового государства. Конституция имеет высшую юридическую силу, согласно которой все иные нормативные правовые акты издаются на основе и во исполнение норм Основного закона. Конституция обладает прямым действием на всей территории государства, что делает ее системным нормативно-ориентирующим и правообразующим фактором развития национального законодательства страны.

Как и подобает Основному закону, Конституция Республики Казахстан занимает верховенствующее положение в системе действующего права страны. Именно в силу этого принципы и нормы Конституции являются исходными, первичными, основополагающими в правовой системе государства. Верховенство Конституции Республики Казахстан требует формирования эффективного нормативно-правового механизма ее реализации, обеспечения прямого действия конституционных принципов и норм, а также формирования традиций глубокого уважения общества, личности к Основному закону и иным правовым актам, институтам государственной власти, как конституционным ценностям. В этой связи необходимо отметить, что деятельность Конституционного Совета Республики Казахстан, как органа конституционного контроля, наглядно пока-

зывает насколько важно для общества и государства практическое осуществление верховенства Конституции в реальной жизни.

Именно в этой связи верховенство Конституции предполагает ее особое место в системе действующего права как основы, фундамента казахстанской правовой системы, юридической базы текущего законодательства. Вместе с тем Конституция, обладая верховенством, не подменяет собой систему действующего права страны. *«Это сложная, многоотраслевая и многоуровневая система, поскольку находится в единстве и постоянном развитии, - отмечал видный казахстанский юрист А.К. Котов, - поскольку не утрачивает конституционного истока своего содержания и направленности правового регулирования в соответствии с ним. В системе актов и норм действующего права распредмечивается Конституция, ею же они сводятся в устойчивую целостность общего правового пространства страны»* [4, с.34].

Поэтому верховенство Конституции, ее особое положение, как верховного акта в системе действующего права, представляет собой основополагающий принцип построения и развития правовой системы государства. Верховенство Конституции лежит и в основе такого важнейшего принципа, как конституционная законность, отражая процессы формирующейся правовой государственности в Казахстане.

В Конституции, как верховном акте государства, нормативно закрепляются главные устои общественного и государственного строя страны, его основные принципы, которые призваны обеспечить Республике Казахстан характер демократического и правового государства. В этой связи А. К. Котов справедливо отмечал: *«Конституция Республики Казахстан стоит над системой действующего права в нашем государстве и в то же время проникает в нее, задавая и ей, и ему общий алгоритм суверенного волеизъявления народа Казахстана в пользу конституционно выраженных либерально-демократических ценностей цивилизации»* [5, с.34].

Верховенство Конституции служит основным проявлением доктрины правового государства и означает ее приоритетное, центральное положение в

системе действующего права страны, обеспечиваемое высшей юридической силой и прямым действием Основного закона. В этой связи верховенство Конституции требует формирование эффективного нормативно-правового механизма ее реализации, обеспечение прямого действия конституционных принципов и норм, а также формирования традиций глубокого уважения личности к Основному закону и иным правовым актам, конституционным институтам государственной власти.

Мощным практическим инструментом влияния Основного закона на все области жизнедеятельности общества и государства, активную деятельность гражданского общества в правозащитной сфере, работу органов государства и их должностных лиц строго в рамках Конституции и законов Республики Казахстан является и прямое действие Конституции.

Вместе с тем Конституция не может предусматривать ответы на все вопросы, возникающие в различных сферах правового регулирования общественных отношений. В этой связи система действующего права Республики Казахстан не может стоять на месте, застывать в своем развитии, а, наоборот, должна постоянно совершенствоваться, отражая динамизм формирования демократической, правовой государственности в стране в рамках задач выведения отечественного права *«на уровень, позволяющий адекватно реагировать на современные вызовы»*, определенных Стратегией *«Казахстан - 2050»* [2].

Кроме того, Конституция Казахстана обладает верховенством по отношению к международным договорам и иным обязательствам Республики, прямо предусмотренным п. 1 ст. 4 Основного закона. Поэтому, толкуя положения п.3 ст.4 Конституции применительно к вопросам о соотношении Конституции и международных договоров, ратифицированных Республикой, следует сделать однозначный вывод: **международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, обладают приоритетом только в отношении законов, в том числе конституционных законов, но не могут превалировать над положениями Основного закона.** В *«национальной системе права на первом месте должна стоять конституция, а не международные акты, ратифициро-*

ванные данным государством, - справедливо, на наш взгляд, отмечает известный казахстанский правовед, академик М.Т. Баймаханов. - Кстати, приоритетность норм международного права, прошедших процедуру ратификации в данном государстве, перед актами национального права не обуславливается особыми свойствами или повышенной юридической силой этих норм, а устанавливается самой конституцией. И хотя она при этом часто дублирует содержание международно-правовых актов, для внутренней системы регулирования важнейшим является факт конституционного закрепления данного принципа» [6, с. 554-555].

Примечательно, что в ходе конституционной реформы 2007 года в Казахстане установилась новая конфигурация политической системы страны, основанная на фактическом изменении содержания формы правления (президентско-парламентской) и качественно новой роли представительных органов власти и партийных механизмов. Конституционный механизм организации и деятельности Парламента и местных представительных органов превратил их в полноценных субъектов политического процесса, призванных обеспечивать продвижение модернизационных запросов общества в центре и на местах.

Так, конституционное представительство в Мажилисе Парламента от Ассамблеи народа Казахстана и введение пропорциональной системы выборов в Мажилис Парламента расширило возможности партийного представительства в высшем представительном органе в целях интеграции наиболее развитых и мощных партий в государственный механизм, что и продемонстрировали парламентские выборы 2012 года. Парламент Республики стал реальным органом государственной власти, активно формирующим законодательную базу укрепления социальной безопасности и благополучия граждан, общественного согласия, как непреложного условия существования как государства, как общества, как единой казахстанской нации.

Уникальной евразийской моделью диалога культур, получившей конституционный статус, является Ассамблея народа Казахстана, как общественно-политический институт, обеспечивающий в Парламенте интересы всех 140 эт-

носов страны. Так, за годы независимости Ассамблея, как конституционный инструмент межнациональных отношений, внесла весомый вклад в созидание демократической государственности, став реальным институтом консолидации полиэтничного казахстанского народа. *«Ассамблею народа Казахстана называют не просто детищем Президента, а великим его триумфом»* [7].

Одной из важнейших особенностей системных модернизационных преобразований в Казахстане, проводимых с начала 1990-х гг., является то, что в их основе неизменно находится принцип: *«Сначала экономика, потом политика»*. Необходимо отметить, что данный принцип полностью всецело себя оправдал, способствуя быстрому подъему экономики, процессам ее либерализации, разгосударствления, приватизации, формированию устойчивой банковской системы. Временное же усиление структур исполнительной власти в условиях переходного времени было вызвано необходимостью эффективной реализации стратегии развития нашей страны. Но самое главное – экономические реформы 1990-х гг. преследовали основную цель: создание благоприятных условий для общественной активности, поддержки зарождающегося частного сектора, НПО, институтов гражданского общества в целом.

Такая политика привела к резкому увеличению субъектов рыночной экономики, созданию мощного слоя предпринимателей, конкуренция между которыми привела к актуализации механизмов согласования их интересов. Так, начали кристаллизироваться политические интересы зарождающейся отечественной элиты, что, в свою очередь, стало одним из толчков к активизации партийного строительства. Либерализация в экономической сфере жизнедеятельности общества привела и к изменениям в структуре самого общества и общественном сознании населения. В результате увеличился уровень социальной мобильности наших граждан. Тем самым процессы экономического реформирования страны развивались параллельно с совершенствованием политической культуры, активным вовлечением граждан и их объединений в деятельность неправительственного сектора и институтов гражданского общества в целом.

Важно отметить, что в Конституции Республики Казахстан самым содержательным образом отражен и баланс единства государственной власти и разделения властей, который определен видным российским конституционалистом В.Е. Чиркиным, как наиболее четко отражающим новым подходом, расставляющим необходимые акценты в системе властеотношений [8, с.440]. Так, п.4 ст.3 Конституции Республики Казахстан 1995 г. установлено: *«Государственная власть в Республике Казахстан осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием системы сдержек и противовесов»*.

С учетом вышеуказанного, в казахстанской правовой литературе справедливо отмечается, что единораздельная целостность государственной власти в Республике Казахстан в контексте норм Конституции означает не сущностное расчленение единой государственной власти, а функциональное ее разделение, не отрывающее частей от целого. Такое разделение единой власти позволяет новому, независимому государству быть единством политически многообразным и организационно гибким, а не абсолютным и примитивным полномочием, как при Советах. *«Единораздельность государственной власти в Республике Казахстан подобна ветвистому дереву с широкой кроной и одним стволом с могучим корнем»* [5, с.59-60].

Создав прочный фундамент для устойчивого развития политической системы страны посредством введения президентской формы правления Казахстан в ходе поэтапных конституционных реформ переходит от режима *«ручного»* президентского управления к более демократичной и институциональной устойчивой форме - *президентско-парламентской форме правления*, суть которой в установлении партийно-парламентской системы государственной власти. Такая трансформация означает, что в Казахстане идет процесс трансформации политико-властной системы посредством уменьшения уровня концентрации властных полномочий в едином центре государственной системы.

Базовой чертой конституционного развития Казахстана является его поступательная стабильность общественных отношений с учетом конкретных особенностей правоприменительной практики. Безусловно, что радикальные моменты в конституционном развитии переходного общества очень опасны, и именно поэтому Конституция содержит положения, способные защитить его граждан от непреодолимых в других случаях последствий законотворческих рывков. Представляется, что такое эволюционное поэтапное движение общества, основанное на нормах Конституции, к демократизации политической системы дает возможность Казахстану реализовывать долгосрочные программы.

Вместе с тем, очевидно, что стабильность Конституции не означает, что она не нуждается в каких-либо изменениях и дополнениях. По мнению А.К. Котова, пересмотр отдельных норм Конституции Республики *«оправдан только в том случае, если изменения общественных отношений действительно приобрели существенный, необратимый характер или нуждаются, как исключение, в расширении нормативной базы для своего развития»* [5, с.51].

Вектор и содержание правовой политики государства должны определяться основными целями политической модернизации – всесторонней демократизацией общества. Формирующийся постепенно и поэтапно демократический режим в нашей стране должен становиться параллельно с развитием правовой системы страны, постепенно получая широкое законодательное закрепление. В целом усиление правовой составляющей государства будет означать осуществление принципов права, реализацию правовых норм, преодоление принятия государственными органами неправовых решений, а также правового нигилизма, подрывающего движение нашей страны к правовому государству.

Тем более современная политическая практика в Казахстане показала, что необходимо периодическое приведение норм Конституции в соответствие с происходящими изменениями в стране, которые носят фундаментальный и необратимый характер. Так, Парламентом Республики были приняты Законы Республики Казахстан от 7 октября 1998 г. и 21 мая 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», которыми в Основной

закон были внесены существенные дополнения и изменения, соответствующие новым вызовам демократических преобразований в Казахстане [9].

Таким образом, осмысление динамики конституционного процесса в Казахстане в контексте зарубежного опыта показывает, поэтапные конституционные реформы являются важнейшей задачей государства и общества в развитии демократических преобразований. Только Конституция, адекватная динамичным процессам общественного развития, способна обеспечить стабильность в государстве и обществе, необходимую для успеха демократических преобразований. В этой связи основной задачей Республики Казахстан, находящейся в условиях посттранзитного периода своего развития, является постоянное приведение Основного закона в соответствие с демократическими вызовами, перед которыми стоит казахстанское общество.

Литература:

1. Правовая основа социальной модернизации // Казахстанская правда. – 2012. – 31 августа.
2. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан - 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» // Мысль. - 2013. - №1. – С.2-23.
3. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь -2050: единая цель, единые интересы, единое будущее» // Мысль. - 2013. - №1. – С.2-9.
4. Котов А.К. Конституция и Конституционный Совет Республики Казахстан. – Астана: Казахстанско-Европейский Фонд правовых исследований и инновационных технологий, 2005. – 102 с.
5. Котов А.К. Конституционализм в Казахстане: опыт становления и эффективность механизма власти. – Алматы: Издательство КазГЮА, 2000. – 288 с.
6. Баймаханов М.Т. Влияние Конституции на соотношение международного и национального права // Баймаханов М.Т. Избранные труды по теории государства и права. – Алматы: АЮ-ВШП «Әділет», 2003. - С. 552-563.

7. Независимый Казахстан и Лидер Нации: (Новейшая история Казахстана и историческая роль Первого Президента Н.А. Назарбаева) /Аяган Б.Г., Ауанасова А.М., Габдуллина А.Ж., Кыдыралина Ж.У., Селиверстов С.В., Сулейменов А.И. Под ред. Аягана Б.Г. – Алматы: Раритет, 2010. – 392 с.
8. Сравнительное конституционное право. – М.: Издательская фирма «Манускрипт», 1996. – 729 с.
9. Закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» //Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1998. - № 20. – Ст. 245; Закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» //Казахстанская правда. – 2007. – 22 мая.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Макарова Т.И., Белорусский государственный университет

Республика Беларусь как член и один из основателей Организации Объединенных Наций является активным участником международных отношений, что проявляется, в том числе, в признании нашим государством основополагающих документов ООН. Одним из таких актов является Декларация ООН по окружающей среде и развитию, провозглашенная на Конференции ООН в г. Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 году (далее – Рио-де-Жанейрская декларация) [1]. Значение этого документа для мирового сообщества заключается в том, что он формирует основы современной доктрины международного права в экономике, социальной сфере и охране окружающей среды, вместе взятых, и в такой совокупности определяющих будущее развитие человеческой цивилизации. Экономическое, социальное развитие и охрана окружающей среды – именно эти стороны общественной жизни преломляются в сфере внутренней политики любого государства. Таким образом, Рио-де-Жанейрская декларация, провозглашая международные принципы, раскрывающие содержание устойчивого развития, одновременно определяет парадигму поведения государств, принимающих доктрину устойчивого развития в качестве основы своей внутренней стратегии в экономической, социальной и экологической политике.

Признание доктрины устойчивого развития нашим государством означает трансформацию национального законодательства в экологической сфере на основе следующих принципов, определяющих устойчивость развития: право человека на благоприятную окружающую среду (принцип 1 Рио-де-Жанейрской декларации); участие общественности в решении экологических значимых вопросов (принципы 20-23); доступ к экологической информации (принцип 10); общая, но различная ответственность государств за ухудшение состояния глобальной окружающей среды с учетом стресса, который создают их общества для глобальной окружающей среды, технологий и финансовых ресурсов, которыми они обладают (принцип 7); загрязнитель платит (принцип 16); принятие

мер предосторожности и оценка экологических последствий (принципы 15, 17); эффективное международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы, а также в оказании помощи пострадавшим государствам. (принципы 7, 12, 18-19); решение задачи искоренения бедности (принцип 5) и др. [1]. Названные принципы получили развитие применительно к внутригосударственным отношениям в декларации Всемирного саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, ЮАР, 2002 г.). Принцип 5 провозглашенной на Йоханнесбургском саммите декларации устанавливает «коллективную ответственность за усиление и упрочение взаимосвязанных и подпирющих друг друга основ устойчивого развития - экономического развития, социального развития и охраны окружающей среды -на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях [2].

В Республике Беларусь основным программным документом в области устойчивого развития является Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. (далее – НСУР-2020) [3]. На настоящем этапе идет подготовка нового документа - Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [4]. Даже из названия приведенных документов вытекает, что в них сделан иной, нежели в международных документах, акцент - на устойчивости *социально-экономического* развития. Следует обратить внимание, что первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь (1997 г.), терминологически и по содержанию соответствовала сформировавшимся международным подходам [5]. «Переориентирование» с экологического на социально-экономический аспект на этапе разработки второй стратегии в начале 2000-х гг. свидетельствует, на наш взгляд, либо о непонимании на мировоззренческом уровне, либо о непризнании на уровне принятия программных решений сущности устойчивого развития и, как следствие, об уходе даже формально (в названии документа) от «упрочения взаимосвязанных и подпирющих друг друга основ устойчивого развития — экономического

развития, социального развития и охраны окружающей среды» [2, принцип 5]. Еще одним доводом в пользу «экологической ориентации» доктрины устойчивого развития является, на наш взгляд, провозглашение принципа «зелёной» экономики в Декларации Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20». Согласно принятому определению «зеленая» экономика - это экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднения [6].

В соответствии со ст.3 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития разрабатывается один раз в пять лет на пятнадцатилетний период за два с половиной года до начала прогнозируемого периода [7]. В настоящее время идет разработка новой Национальной стратегии на период до 2030 г. [4]. Представляется необходимым в рамках этого процесса вернуться к отвечающим положениям международных документов названию «Национальная стратегия устойчивого развития».

В соответствии с действующей НСУР-2020 основными принципами, на которых базируется модель такого развития, являются следующие: человек - цель прогресса; уровень человеческого развития – мера зрелости общества, государства, его социально-экономической политики; повышение уровня благосостояния нации, преодоление бедности, изменение структур потребления; приоритетное развитие систем здравоохранения, образования, науки, культуры...; улучшение демографической ситуации, содействие устойчивому развитию поселений; переход на природоохранный ресурсосберегающий, инновационный тип развития экономики; усиление взаимосвязи экономики и экологии, формирование эколого-ориентированной экономической системы, развитие ее в пределах хозяйственной емкости экосистем; рациональное природопользование...; развитие международного сотрудничества и социального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления экосистем; экологизация мировоззрения

человека, систем образования, воспитания с учетом новых цивилизационных ценностей; ведущая роль государства в осуществлении целей и задач устойчивого развития, совершенствование систем управления, политических механизмов принятия и реализации решений; повышение скоординированности и эффективности деятельности государства, частного бизнеса и гражданского общества [3, с.11–13].

Такой подход показывает, что правовое обеспечение устойчивого развития необходимо осуществлять на системной основе, для чего, на наш взгляд, необходимо обеспечить включение принципов и положений устойчивого развития в программные документы, как на общенациональном, так и местном уровнях, в том числе в концепции и стратегические планы, где элементы устойчивого развития (экономическое, социальное развитие и охраны окружающей среды) составляют их основное содержание.

С целью обеспечения системного подхода в реализации на уровне нормативных правовых актов принципов и положений устойчивого развития необходимо определить роль и место Национальной стратегии среди других стратегических (программных) документов Республики Беларусь путем утверждения ее нормативным правовым актом соответствующей юридической силы. НСУР-2020 одобрена Национальной комиссией по устойчивому развитию РЗакон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не относит такого рода решения ни к нормативным правовым актам, ни к правовым актам, не являющимся нормативными [8, ст. ст. 2-3]. Президиум Совета Министров Республики Беларусь действует в качестве его постоянного органа для оперативного решения вопросов, входящих в компетенцию Совета Министров Республики Беларусь, его решения оформляются, как правило, в виде постановлений Совета Министров Республики Беларусь и должны соответствовать актам, принятым на заседаниях Совета Министров Республики Беларусь [9], что при одобрении НСУР-2020 сделано не было [3, с.6-7].

Для придания Национальной стратегии как программному документу должной юридической силы требуется внесение ряда изменений и дополнений в Закон

Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» [7], в частности: установить орган государственной власти и вид нормативного правового акта, которым утверждаются Национальная стратегия устойчивого развития и принимаемые на ее базе Основные направления социально-экономического развития как формы государственного прогнозирования социально-экономического развития Республики Беларусь на долгосрочную перспективу, определяющие социально-экономическую и научно-техническую политику государства на перспективу.

С позиции обеспечения устойчивости развития в согласии с подходами Йоханнесбургской декларации, т.е. на региональном и местном уровнях [2, принцип 5] требуется также:

- включить в число программ социально-экономического развития на среднесрочную перспективу [7, ст. 4] региональные (местные) стратегии устойчивого социально-экономического развития, разрабатываемые и утверждаемые местными исполнительными и распорядительными органами на пятилетний срок;
- установить, что местными исполнительными и распорядительными органами обеспечивается не только разработка, но и утверждение прогнозов социально-экономического развития по административно-территориальным единицам [7, ст.6].

Разработка такого подхода к обеспечению принципов устойчивого развития на местном уровне потребует внесения изменений и дополнений в следующие законы Республики Беларусь, в настоящее время не опирающиеся на принцип устойчивого развития: «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [10], «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» [11], а также учета принципов устойчивого развития в нормативных правовых актах, принимаемых органами местного управления и самоуправления, в частности в решениях, которыми утверждаются прогнозы социально-экономического развития региона.

Литература

1. Декларация по окружающей среде и развитию : Декларация Организации Объединенных Наций, 14 июня 1992 г., Рио-де-Жанейро // [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций, 2015 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml – (Дата доступа: 08.06.2015).

2. Йоханнесбургская декларация Всемирного саммита по устойчивому развитию, 4 сент. 2002 г., Йоханнесбург // [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций, 2015 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml – (Дата доступа: 08.06.2015).

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Л.М.Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 202 с.

4. О проекте Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2013 г., № 1066 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. - 14.12.2013. № 5/38139.

5. О Национальной Стратегии устойчивого развития Республики Беларусь : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 марта 1997 г., № 255 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

6. Будущее, которого мы хотим : Декларация конференции Организации Объединенных Наций «Рио+20» 20-22 июня 2012 г., Рио-де-Жанейро // [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций, 2015 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml – (Дата доступа: 08.06.2015).

7. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 1998. - № 20. - Ст. 222.

8. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

9. О Совете Министров Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-З с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 января 2010 г. № 108-З с изм. и доп. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

11. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 154-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 N 346-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САНАЦИЙ РОССИЙСКИХ БАНКОВ

Мацкевич И. М., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

В последнее время в России наблюдается картина массовой санации (лат. *sanatio* – лечение), так называемых, проблемных банков, на что тратятся, прямо скажем, немалые деньги из государственного бюджета, что в действительности означает необоснованные траты денег налогоплательщиков. При этом налогоплательщики страдают дважды, во вторую очередь, потому что за их счёт гасятся долги прогоревших банкиров, а в первую очередь, потому что часто они же являются и вкладчиками этих самых проблемных банков.

Особенно лицемерно в случаях, когда отзываются лицензия у проблемных банков, выглядит позиция главного банковского регулятора, - мол, сами вкладчики гонятся за высокими процентами, поэтому они и виноваты. Но почему, в таком случае, у таких банков имеется сама возможность предоставления заранее невыполнимых обещаний? И почему в момент обнародования таких обещаний эти банки не несут положенного наказания?

В статье 159 УК РФ говорится, что мошенничеством будут считаться действия, связанные с хищением чужого имущества или приобретением права на чужое имущество путём обмана или злоупотреблением доверием. Предоставление возможности гражданам заключать договоры с банками, которые потом лопаются, как мыльные пузыри, растворяя в воздухе те самые права граждан на доверенное банкам имущество, это ли не разновидность мошенничества. Контрольные и надзорные функции Центрального банка закреплены в Федеральном законе О Центральном банке Российской Федерации [1]. В статье 4, например, говорится, что Центральный банк принимает решение о государственной регистрации кредитных организаций, выдаёт кредитным организациям лицензии, а также приостанавливает действие этих лицензий и вовсе их отзывает. При этом сам же Центральный банк и осуществляет надзор за деятельностью других банков, так называемый, банковский надзор.

Надзор – это важнейший элемент государственного регулирования того или иного вида деятельности, суть которого состоит в необходимости постоянного контроля за надлежащим соблюдением установленных нормативных предписаний, а также правильным исполнением установленных предписаний. В разных странах система банковского надзора действует неодинаково. Например, в Бельгии банковский надзор осуществляет параллельно Министерство финансов, Банковская комиссия, Банк Бельгии; в Великобритании – Банк Англии; в Италии – межминистерские комитеты по кредитам и сбережениям во главе с министром казначейства и Банк Италии; в Германии – Бюро надзора за финансовыми учреждениями; во Франции – Комитет банковской регламентации, Комитет кредитных учреждений, Банковская комиссия, при этом все комитеты возглавляет управляющий Банком Франции; в Швейцарии – Федеральная банковская комиссия; в Японии – Бюро банков при Министерстве финансов; в США – Федеральная резервная система, Служба контролёра денежного обращения при Министерстве финансов, Федеральная корпорация по страхованию депозитов, плюс 50 банковских департаментов штатов.

Отдельно следует сказать о Великобритании, где в 2004 году был принят закон, по которому был создан независимый надзорный орган в банковской сфере - FSA (Financial Services Authority).

О важности банковского надзора свидетельствует создание в 1974 году при Банке международных расчётов Комитета по вопросам банковского надзора, в который вошли представители Центральных Банков и/или других органов, которые несли ответственность за эту область банковской деятельности, таких государств, как: Великобритания, Бельгия, Голландия, Италия, Канада, Германия, США, Швейцария, Франция, Япония, Люксембург и Швеция. Поскольку Банк международных расчётов находился в Базеле, Комитет по банковскому надзору получил название – Базельский комитет. Комитет особое внимание уделяет раннему реагированию на проблемы, возникающие в работе банков. В статье 56 Федерального закона «О Центральном банке» закреплено, что банк является органом банковского надзора. Банк осуществляет надзор за соблюде-

нием другими банками законодательства, а также нормативных актов, принятых Центральным банком, установленных им же предписаний и осуществляет анализ их деятельности, чтобы затем полученную информацию использовать для целей банковского надзора, т.е. для принятия решения об отзыве лицензии у банка, деятельностью которого Центральный банк недоволен. Получается, что сам Центральный банк придумывает правила игры, чтобы затем, например, изменить их, а тех, кто не успел к ним приспособиться, - наказать.

Но это ещё не всё. В статье 60 того же закона сказано, что Центральный банк вправе предъявлять требования к деловой репутации руководителя банка, и не только его, но и его заместителей, главного бухгалтера, заместителей главного бухгалтера, членов совета директоров, членов наблюдательного совета банка и т.п. На деле это означает, что, если кто-то из вышеперечисленных лиц не понравится Центральному банку, его совершенно на законных основаниях можно удалить из поднадзорного банка.

Разумеется, банковская система не может не быть централизованной и достаточно жёсткой со строго вертикальной структурой управления. Но жёсткость легко уязвима, если система становится подконтрольна и поднадзорна сама себе. Главными целями банковского надзора, как указано в законе, являются поддержание стабильности банковской системы и защита интересов вкладчиков и кредиторов. При этом надзорные функции Центрального банка осуществляются через действующий на постоянной основе Комитет банковского надзора, объединяющий руководителей структурных подразделений, обеспечивающих выполнение его надзорных функций. И хотя положение о комитете утверждается Советом директоров банка, подписывается оно руководителем Центрального банка и, можно не сомневаться, им же и готовится. В п. 2 этого положения закреплено, что в своей деятельности комитет руководствуется Федеральным законом «О Центральном банке» (который как раз и отсылает к этому положению), а также самим этим положением, решениями Совета директоров и иными актами Центрального банка. Другими словами, комитет банковского надзора руководствуется нормативными предписаниями Центрального

банка, а если к этому добавить, что согласно п. 3 всё того же положения, председатель комитета назначается Председателем Центрального банка (пусть даже из числа Совета директоров), то тогда совершенно очевидна вся достаточно прозрачная механика банковского надзора, - придумываю правила, закрепляю их, меняю их, наказываю за их неисполнение. И всё это, по сути дела, в одной и той же организации.

Федеральный закон О центральном банке был принят 27 июня 2002 года. Но, начиная с 23 июля 2013 года в него стали в массовом порядке вноситься многочисленные изменения. Только Федеральным законом О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков [2], их было внесено более тридцати.

Председатель Центрального банка несёт всю полноту ответственности. Но эта полнота ответственности прямо коррелирует с практически неограниченными полномочиями. Ведь даже внутренний аудит Центрального банка осуществляется службой главного аудитора, непосредственно подчинённой Председателю Центрального банка. Получается, что не только сам надзираю за тем, что принимаю, но и сам себя ещё и проверяю.

Мировая практика, да и простой здравый смысл говорят, что надзирать за самим собой, конечно, удобно, выгодно, но неправильно. Представляется, что назрела необходимость в создании специальной самостоятельной службы по надзору за Центральным банком. Наиболее перспективной видится идея её функционирования в качестве самостоятельной Федеральной службы, с выводом из-под юрисдикции правительства.

Кстати, на эту службу, а не на Центральный банк должна быть возложена обязанность по проведению аудита Центрального банка. И, конечно, назначение на должность и руководителя Федеральной надзорной службы за Центральным банком, и главного аудитора Центрального банка, должно носить по отношению к руководителю Центрального банка уведомительный характер.

Рано или поздно надзор за самим собой приводит к необоснованным и неправильным решениям, расплачиваться за которые (в самом прямом, денежном смысле этого слова) придётся всем нам, т.е. обычным людям.

Литература

1. Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
2. Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (Часть 1). Ст. 4084.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРЫ, ФУНКЦИИ

Карташов В.Н., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А. Понятия и сущности национальных правовых систем обстоятельно исследуются отечественными (С.С. Алексеевым, М.И. Байтиным, Н.И. Матузовым, М.Н. Марченко, В.Н. Синюковым, В.В. Сорокиным и др.) и зарубежными (Р. Давидом, Р. Леже, Н. Руланом, К. Цвайгертом, Л. Фридмэном и др.) авторами.

Анализ мнений указанных и иных авторов привел нас к выводу о том, что под **правовой системой общества** следует понимать *единый комплекс органически взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т.п.), с помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей, их коллективов и организаций и юридическое обеспечение (обслуживание) разнообразных сфер общественной жизни.*

Ей присущи такие основные **свойства**:

1. Правовая система представляет собой важнейший *компонент* любого *гражданского общества*. Это особая *разновидность социальной (общественной) системы*, возникновение, развитие и функционирование которой тесным образом связано с экономической и политической системами общества, его культурой и духовной средой в целом.

2. Это *сложноорганизованная система*. Правовая система любого общества состоит из следующих основных компонентов: а) *объективного права*, взятого в единстве содержания и форм его выражения (указанное единство обозначается термином "система права"); б) *юридической практики* (правотворческой, правоприменительной и др.), осуществляемой в рамках правовых отношений; в) *правосознания* (совокупности юридических идей, взглядов, представлений и т.п.), которое находит выражение в праве, юридических практиках и правоотношениях.

3. Правовой системе общества свойственны не только определенная дифференциация, но и *единство*. Это комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих правовых явлений, процессов и состояний, составляющий *органически целостное образование*.
4. Она является важным *элементом государственного суверенитета, законности и правопорядка*. С помощью права, юридической практики и идеологии государство делает свои веления обязательными, проводит внутреннюю и внешнюю политику в жизнь.
5. Как *правовая система общества в целом*, так и *отдельные ее крупные компоненты (право, юридическая практика, правосознание)* также *отличаются суверенностью*. Так, правовая система обладает определенной независимостью по отношению к экономической и политической системам. Право, например, обладает «*верховенством*» среди других социальных регуляторов внутри страны и *обязательностью, относительной самостоятельностью на международной арене* (другие государства не должны, например, нарушать законы и другие нормативные правовые акты России).
6. В любом обществе правовая система обладает определенной *стабильностью и динамизмом*. Стабильность правовой системы в значительной степени детерминирована определенными общественными отношениями, стабильностью экономики, политики, социальной и духовной сфер жизни общества. Динамизм правовой системы обусловлен интенсивностью развития и изменения общественных отношений.
7. Правовая система - *управляемая* (со стороны государства и общественных институтов) и *управляющая система*. В последнем случае речь идет об активном воздействии права, юридической практики и пр. на поведение людей, экономические, политические и иные процессы.
8. *Целенаправленность* правовой системы заключается в том, что ее формирование, развитие и функционирование подчинено соответствующим задачам и целям. Так, устранение пробелов в праве с необходимостью требует повышения уровня правосознания и правовой культуры «законодателей», качества и опера-

тивности правотворческой, интерпретационной и правосистематизирующей практик.

9. *Адаптивность* правовой системы в целом и отдельных ее типов и элементов выражается в их «приспособляемости» к изменяющимся условиям реальной жизни. Так, тенденция взаимного сближения и/ или конвергенции англосаксонской и романо-германской правовых семей обусловлены прежде всего тем, что между странами, в рамках которых формировались данные правовые семьи, устанавливались и углублялись разносторонние и достаточно прочные связи, приведшие, в частности, к созданию в Западной Европе Европейского Сообщества, значительной унификации расположенных на ее территории национальных правовых систем.

10. В качестве самостоятельных можно выделить такие существенные признаки правовой системы, как ее *самоорганизованность и органичность*. В связи с изменением целей и задач, стоящих перед нею, изменяются ее свойства, структуры, основные элементы, содержания и формы, связи между ними, закономерности развития, функционирования. Как органичная система она представляет собой самоорганизованное целое, которое в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения, дифференциации, интеграции и т.п. ее компонентов и элементов.

11. Она является результатом сознательно-волевой деятельности людей, их коллективов и организаций, т.е. *объективно-субъективным* образованием.

12. Это *открытая* система, в которую постоянно вводится новая информация (экономическая, юридическая и т.д.), нормативно-правовые и иные предписания, идеи, средства и способы их осуществления.

13. *Иерархичность* – это свойство не только строения, морфологии правовой системы, но и ее «жизнедеятельности», функционирования. Так, в США действуют федеральная правовая система и правовые системы отдельных штатов. При всей их относительной самостоятельности первая относится к образованию более высокого уровня, которая в значительной степени определяет качество и

эффективность развития и функционирования правовых систем в различных субъектах Федерации.

Можно выделять и другие признаки (коммуникативность, юстициабельность и т.п.), которые в целом и раскрывают понятие правовой системы, ее особенности, относительно самостоятельное место и роль в любом гражданском обществе.

Б. Правовая система представляет собой **полиструктурное образование**, включающее, в частности, генетическую, функциональную, логическую (лого-философскую), психологическую, пространственную, временную, горизонтальную, вертикальную, стохастическую, синергетическую, рекурсивную, циклическую и иные структуры.

В литературе существуют разнообразные мнения по поводу *логической структуры* и элементного состава правовой системы [1; 2; 3]. Анализ существующих точек зрения позволил нам сделать выводы о том, что необходимо выделять, во-первых, основные компоненты, т.е. наиболее крупные образования, составляющие относительно самостоятельные подсистемы в правовой системе общества. К ним, как мы уже отмечали, относится объективное право, юридическая практика и правосознание.

С.С. Алексеев к «частям» правовой системы относит собственно *объективное (позитивное) право* как совокупность общеобязательных норм, выраженных в законе, иных признаваемых государством формах позитивного права; *правовую идеологию* – активную сторону правосознания; *судебную (юридическую) практику*[4, с. 47].

Недооценка автором психологического элемента в правовом поведении людей и их коллективов, как свидетельствуют «цветные революции», а также отождествление судебной практики с юридической в целом представляют правовую систему в качестве ущербного образования.

Н.И. Матузов относит к ней все правовые явления, процессы и состояния. «Помимо права, – пишет он, – как стержневого элемента правовая система включает в себя множество других слагаемых: правотворчество, правосудие, юридиче-

скую практику, нормативные, правоприменительные и правотолкующие акты, правоотношения, субъективные права и обязанности, правовые учреждения (суды, прокуратура, адвокатура), законность, ответственность, механизмы правового регулирования, правосознание и др.» [5, с. 94–95].

В.В. Сорокин в качестве компонентов ПСО предлагает выделять следующие: позитивное право, правообразование, реализацию права, правосознание [6, с. 13]. Не совсем ясно, почему в ее состав не включены интерпретационная и правосистематизирующая практика, а правотворчество ограничивается только правообразованием.

М.В. Захарова в качестве ядра, или нормативной основы правовой системы рассматривает право конкретно взятого государства, а также юридическую практику, правосознание и правовую культуру национального сообщества [7, с. 32].

Исследование разнообразных точек зрения позволило нам сделать вывод о том, что необходимо выделять *элементы* (условно неделимые ее составные части) и *компоненты*, то есть более крупные образования, представляющие собой подсистемы однородных элементов. В самом общем плане к основным компонентам относятся: а) объективное право, взятое в единстве и взаимодействии его содержания и формы; б) юридическая практика (деятельность и социально-правовой опыт), осуществляемая в рамках правовых отношений и иных юридических связей; в) правосознание, которое находит выражение и в объективном праве, и в юридической деятельности, и в правоотношениях.

Под **правом** нужно понимать *систему общих, обязательных нормативно-правовых предписаний, обеспеченную мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженную в нормативных правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающую идеи и состояния свободы и ответственности, справедливости и юридического равенства, добра и разумности, гуманизма и честности, личной и общественной безопасности, служащую особым (юстициальным и т.п.) регулятором поведения людей, их коллективов и организаций.*

Данное **определение** носит **интегративный** характер, позволяя соединить позитивистские и естественно-правовые, либертальные и психологические, социологические и иные качества права, четко выделить его признаки, элементы содержания и формы.

Юридическая практика – это *деятельность по изданию (толкованию, реализации, применению, систематизации и т.п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным правовым опытом (социально-правовой памятью).*

Изучение соответствующих теоретических источников создает впечатление, что многие авторы не всегда ясно представляют, о чем идет речь при характеристике отдельных типов (видов и т.п.) юридической практики. Иначе просто трудно объяснить следующие «пассажи». Так, Норбер Рулан считает, что термин «юридическая практика» обозначает «все, что связано с применением права» [8, с. 94]. Н.Н. Вопленко полагает, что под юридической практикой «понимается преимущественно правоприменительная и праворазъяснительная практика, ибо правотворческая деятельность изначально призвана создавать источники права, и ее структурные элементы имеют заранее заданную юридическую природу» (?) [9, с. 312].

Раймон Леже пишет: «То, что называют судебной практикой, является совокупностью норм, из которых можно сделать вывод о преемственности судебных решений. Но одно решение, пусть даже и вынесенное высшим судебным органом, не лишает суды, которые в последующем столкнутся с подобным вопросом, свободы в принятии решения. ... Судебные решения имеют только убеждающее значение» [10, с. 84-85].

Комментарии по поводу приведенных здесь положений нам кажутся излишними. В отличие от теоретической (научной) деятельности, где вырабатываются идеи, концепции и понятия, практика направлена на объективно-реальное, целенаправленное изменение общественной жизни, способствуя развитию происходящих в ней процессов либо тормозя их.

В. Любая национальная правовая система относится к **многофункциональным системам**, что требует разграничения отдельных направлений ее воздействия на социум.

Данный аспект проблемы, пожалуй, наиболее слабо исследован в юридической науке. Даже в работах, специально посвященных методологическим вопросам правовой системы общества, ее функции не затрагиваются (см., например, труды А.К. Черненко, В.Л. Перуновой, В.А. Шиянова)

На наш взгляд, под **функциями** следует понимать такие *относительно обособленные направления однородного позитивного воздействия правовой системы на реальную действительность, в которых проявляется ее природа, место среди других систем (экономической, политической и пр.) и социально-преобразующая роль в жизни людей, их коллективов и организаций, государства и общества в целом.*

Классифицировать функции национальной правовой системы общества можно по различным основаниям.

1) По критерию значимости для общества выделяются *основные* и *неосновные* функции. Основными считаются такие направления воздействия правовой системы на реальную действительность, которые служат достижению коренных, главных целей, а неосновные направлены на решение менее значимых для общества в данный период его развития задач. По мнению Л. Фридмэна, последние вторичны и носят подчиненный характер по отношению к первому разряду функций.

Причем и среди основных практически все авторы выделяют центральную, ведущую функцию правовой системы. Например, Л. Фридмэн – функцию социального контроля; В.П. Реутов – управленческую, А.А. Рейн – реорганизационную, В.П. Казимирчук, Т. Парсонс и др. – интегративную (консолидирующую) функции.

2) В зависимости от временных пределов действия можно выделять *постоянные* и *временные* функции правовой системы. Постоянные функции (регулятивная, охранительная и др.) присущи любой правовой системе вне зависимо-

сти от конкретно-исторических периодов ее действия. Временные функции (например, экологическая) возникают и осуществляются лишь на определенном этапе развития правовой системы.

3) В зависимости от того, нацелена правовая система на решение задач внутри либо вне конкретной страны, можно говорить о *внутренней* и *внешней* ее функциях.

4) Правовой системе присущи *явные* и *латентные* функции. Одни функции обычно провозглашаются открыто (например, регулятивная и интеграционная), а другие (например, карательная) могут носить скрытый характер.

5. По сферам общественной жизни все функции правовой системы нужно разграничивать на *экономическую, политическую, социальную, идеологическую, экологическую, демографическую* и другие.

6. В зависимости от того, какие юридические средства (методы и пр.) используются в процессе преобразования общественных отношений, можно выделить следующие специально-юридические ее функции: *интеграционную, правопробуждающую, регулятивную, охранительную, контрольную, координационную, аксиологическую, коммуникативную, компенсационную, прогностическую, правосоциализаторскую* и *функцию трансляции социально-правового опыта*.

Практически каждая из указанных выше функций правовой системы общества, синтезируя множество однопорядковых направлений воздействия, состоит из определенных *подфункций*. Если функция – это наиболее общее направление влияния, в котором выражается природа, социальная роль и назначение правовой системы общества в тех или иных сферах его жизнедеятельности, то подфункции обозначают в рамках данного направления некоторые специфические стороны воздействия на реальную действительность. Например, в пределах регулятивной функции правовой системы можно выделить ориентационную и регистрационную, а в рамках охранительной функции – превентивную и карательную подфункции.

Затронутые здесь проблемы подробно исследуются в отечественной и зарубежной литературе указанными здесь и иными авторами. Взятые в системе резуль-

таты полученных исследований дают более или менее реальное представление о природе правовой системы, ее месте и роли в развитии любого гражданского общества.

Литература

1. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пос. в 2-х т. Яроославль, 2005. Т. 1.
2. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010.
3. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. М., 2011.
4. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
6. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
7. Захарова М.В. Французская правовая система: теоретический анализ. М., 2014.
8. Норбер Р. Историческое введение в право. М., 2005.
9. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.
10. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2010.

СКЛАДОВЫЯ ЧАСТКІ СІСТЭМЫ САЦЫЯЛЬНАГА РЭГУЛІРАВАННЯ

Сільчанка М.У., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Сучасная сістэма сацыяльнага рэгуліравання складаецца з наступных элементаў: 1) элемент генерацыі (узнаўленне і абнаўленне) сістэмы сацыяльнага рэгуліравання – сацыяльная практыка; 2) мэтава – праграмны (ідэалагічны) элемент сістэмы сацыяльнага рэгуліравання. 3) інфармацыйна – каштоўнасны элемент сістэмы сацыяльнага рэгуліравання; 4) нарматыўны элемент (нарматыўная сістэма) сацыяльнага рэгуліравання; 5) элемент індывідуальнага рэгуліравання грамадскіх адносінаў; 6) элемент захавання і перадачы сістэмы сацыяльнага рэгуліравання; 7) элемент абароны і кантроля сістэмы сацыяльнага рэгуліравання.

Кожны з элементаў сістэмы сацыяльнага рэгуліравання вырашае свае адметныя задачы, але развіццё і функцыянаванне кожнага з іх падпарадкаваны задачам, якія вырашае сістэма сацыяльнага рэгуліравання цалкам. Іншая справа, што кожны з элементаў сістэмы забяспечвае вырашэнне агульнасістэмных задач сваімі ўласнымі механізмамі, метадамі і сродкамі, якія адпавядаюць яго прыродзе. Асобныя элементы сістэмы сацыяльнага рэгуліравання выкарыстоўваюць рэсурсы адзін аднаго пры вырашэнні агульнасістэмных задач. Так, нарматыўны элемент можа выкарыстоўваць рэсурсы элемента індывідуальнага рэгуліравання, а рэсурсы, якія ўласцівы нарматыўнаму элементу пры пэўных абставінах выкарыстоўвацца для забеспячэння дзеяння індывідуальнага элемента.

Вузлавым у сістэме сацыяльнага рэгуліравання з'яўляецца *мэтава – праграмны элемент*, які «аб'ядноўвае» рознародныя сродкі сацыяльнага рэгуліравання ў адзінае цэлае, у сістэму сацыяльнага рэгуліравання, забяспечвае функцыянальнае адзінства сістэмы і надае ёй мэтанакіраванасць. Мэтанакіраванасць сістэмы сацыяльнага рэгуліравання першапачаткова забяспечвалі рэлігійныя культуры, затым – сусветныя рэлігійныя сістэмы, у большасці сучасных дзяржаў за фармуліраванне мэтаў сістэмы сацыяльнага рэгуліравання адказвае свецкая ідэалогія, а ў тэакратычных дзяржавах –

прыярытэт па – ранейшаму застаецца за рэлігіяй. Свецкая ідэалогія і рэлігія акрэсліваюць асноўныя вектары руху і функцыянавання сістэмы сацыяльнага рэгулявання, выдаюць своеасаблівыя «загады і распараджэнні» ўсім астанім элементам сістэмы. Разам з тым, усе элементы сістэмы сацыяльнага рэгулявання маюць зваротныя сувязі з мэтава – праграмным элементам і аказваюць уздзеянне на яго. Навука не ўваходзіць у склад мэтава – праграмнага элемента сістэмы сацыяльнага рэгулявання і яе нельга паставіць поруч з ідэалогіяй і рэлігіяй, таму што яна не можа самастойна вызначаць мэты развіцця грамадства і яго сістэмы сацыяльнага рэгулявання. У навуці іншая місія, яна «... занимается построением моделей действительности, той действительности, которая есть на самом деле, а не той, которая должна быть. Она отвечает на вопросы: «Что есть на самом деле?», «Что будет, если сделать то-то и то-то?». Но просто на вопрос «Что надо сделать?» без всяких «если» и «чтобы» она ответить принципиально не может. .... Проблема Высшей Цели остается вне науки, и ее решение необходимо требует волевого акта, оно является в конечном счете, результатом свободного выбора [1, с. 333 – 334].»

Галоўная частка сістэмы сацыяльнага рэгулявання грамадскіх адносінаў складаецца з *нарматыўнага элемента (нарматыўнай сістэмы) і элемента індывідуальнага рэгулявання* грамадскіх адносінаў. Нарматыўны элемент сацыяльнага рэгулявання разам з элементам індывідуальнага рэгулявання складаюць «інструментальны блок» рэгулявання грамадскіх адносінаў. Два гэтыя элементы сістэмы сацыяльнага рэгулявання разам з залежнасцямі паміж імі і сувязямі ўнутры кожнага з элементаў складаюць аснову сістэмы сацыяльнага рэгулявання, альбо сістэму сацыяльнага рэгулявання ў *вузкім сэнсе слова*. Нарматыўныя і індывідуальныя рэгулятары акрэсліваюць знешнія межы сістэмы сацыяльнага рэгулявання. Там, дзе няма сацыяльнай нормы і адпаведнага яе зместу і характару індывідуальнага рэгулятара, там не існуе і сацыяльнага рэгулявання. Калі мэтава – праграмны элемент забяспечвае адзінства сістэмы сацыяльнага рэгулявання «па вертыкалі», то «інструментальны блок» аб'ядноўвае сістэму сацыяльнага

рэгуліравання «па гарызанталі», ён цэментуе рознародныя сродкі сацыяльнага рэгуліравання.

Сістэма сацыяльнага рэгуліравання ў сваім развіцці прайшла два асноўныя перыяды – перыяд, калі яна існавала ў умовах прысвайваючай эканомікі і перыяд, калі развівалася на этапе вытворчай эканомікі. На этапе прысвайваючай эканомікі сістэма сацыяльнага рэгуліравання набыла завершаны выгляд, мы можам адзначыць тут набор усіх элементаў сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, наяўнасць структурных і функцыянальных сувязяў паміж асобнымі яе элементамі. У развіцці сістэмы сацыяльнага рэгуліравання ў гэты перыяд адбываецца *метасістэмны пераход*, які «...создает высший уровень организации – метауровень по отношению к уровню организации интегрируемых подсистем [1, с.76].» Адбываюцца істотныя перамены ў нарматыўным элеменце сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, сацыяльная норма ў календары набыла класічны (фармалізаваны) выгляд. Тут ужо дакладна выдзяляецца само правіла паводзінаў, умова, калі павінна выконвацца правіла паводзін і санкцыя за невыкананне правіла. Адпаведна зместу новага нарматыўнага элемента сістэмы сацыяльнага рэгуліравання фарміруецца элемент індывідуальнага рэгуліравання. У сістэме сацыяльнага рэгуліравання, заснаванай на календары, з'яўляецца свой мэтава – праграмны блок, у якасці якога выступаюць старажытныя рэлігійныя культуры, напрыклад, культ сонца, луны і г.д. Інфармацыйна – каштоўнасны элемент гэтай сістэмы ў параўнанні з аналагічным элементам сістэмы ў умовах прысвайваючай эканомікі напаяўняецца іншым зместам – астранамічнай, кліматычнай, біялагічнай і іншай прародазнаўчай інфармацыяй, іншымі ў параўнанні з папярэдняй сістэмай з'яўляюцца і каштоўнасці. Мяняецца змест элемента захавання і перадачы сацыяльнага вопыта, а таксама элемента кантроля і абароны сістэмы сацыяльнага рэгуліравання.

У сацыяльна неаднародным грамадстве, якое сфарміравалася ў ходзе і ў выніку неалітычнай рэвалюцыі, узнікла новая сістэма сацыяльнага рэгуліравання – *полінарматыўная сістэма*, у падмурку якой знаходзяцца тры

якасна новыя універсальныя сацыяльныя рэгулятары – права, мараль, палітыка. Адносна *полінарматыўнай* сістэмы сацыяльнага рэгуліравання мы не можам выкарыстоўваць паняцце метасістэмнага пераходу, таму што ранейшая сістэма сацыяльнага рэгуліравання, у падмурку якой знаходзіўся каляндар, была цалкам разбурана.

У кожнага з новых сацыяльных рэгулятараў сфарміраваўся свой адметны элемент генерацыі (узнаўленне і абнаўленне), у якасці якога выступаюць розныя па зместу і характару віды сацыяльнай дзейнасці і грамадскія адносіны, існуе свой самастойны від сацыяльнай практыкі. У кожнага з сацыяльных рэгулятараў маецца адпаведны яго зместу мэтава – праграмны і інфармацыйна каштоўнасны элемент, самастойныя сродкі індывідуальнага рэгуліравання – прававыя, маральныя (рэлігійныя) і палітычныя індывідуальныя вяленні. У кожнага з якасна новых універсальных сацыяльных рэгулятараў з’явіліся адпаведныя іх зместу формы захавання і перадачы сацыяльнага вопыта – прававыя, маральныя (рэлігійныя) і палітычныя традыцыі. Істотныя перамены адбыліся ў элементах кантролю і абароны сістэмы сацыяльнага рэгуліравання. У сферы дзеяння кожнага універсальнага сацыяльнага рэгуліравання сфарміраваліся адпаведныя механізмы кантроля і абароны, спецыфічныя працэсуальныя і працэдурныя правілы і сродкі. Важна падкрэсліць, што менавіта ў полінарматыўнай сістэме сацыяльнага рэгуліравання не проста з’явіліся якасна новыя працэдурныя і працэсуальныя правілы і сродкі, а тое, што што яны атрымалі вельмі моцны штуршок для свайго развіцця.

На падставе новых універсальных сацыяльных рэгулятараў – права, маралі, палітыкі – у сістэме сацыяльнага рэгуліравання сфарміраваліся тры буйныя комплексы – тры асобныя тыпы сацыяльнага рэгуліравання – прававы, маральна – рэлігійны і палітычны, якія маюць у сваім складзе усе адзначаныя вышэй элементы сістэмы сацыяльнага рэгуліравання.

Тыпы сацыяльнага рэгуліравання функцыяніруюць у сістэме сацыяльнага рэгуліравання адначасова, але адзін з іх займае дамініруючае становішча і вяршэнствуе. У залежнасці ад таго, які тып сацыяльнага

рэгуліравання знаходзіцца на вяршыні сістэмы сацыяльнага рэгуліраванні, мы можам выдзеліць тры віды сістэм сацыяльнага рэгуліравання. Калі ў сістэме сацыяльнага рэгуліравання дамініруе права, мы маем справу з прававым (правацэнтрыстскім) відам сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, калі вяршэнствуе мараль – маральным (маралецэнтрыстскім), калі першынствуе палітыка – палітычным (палітыкацэнтрыстскім). Рэлігію, якая ўтварае ідэальную сацыяльна – нарматыўную сістэму можна разглядаць у якасці самастойнага тыпу сацыяльнага рэгуліравання побач з прававым і палітычным толькі ў тэакратычных дзяржавах, дзе рэлігія ўзвышаецца над прававым і палітычным тыпамі сацыяльнага рэгуліравання і выконвае адносна іх функцыю мэтава – праграмнага элемента, забяспечвае інтэграцыю гэтых тыпаў сацыяльнага рэгуліравання ў адзінае цэлае і адначасова з’яўляецца асобным рэлігійна – маральным тыпам сацыяльнага рэгуліравання. У свецкіх дзяржавах існуе асобны маральна – рэлігійны тып сацыяльнага рэгуліравання, які можа падпарадкоўвацца як права – цэнтрыстскаму, так і палітыка – цэнтрыстскаму тыпам.

Вяршэнства таго ці іншага тыпа сацыяльнага рэгуліравання азначае, што яго мэтава – праграмны элемент выконвае ролю мэтава – праграмнага элемента адносна сістэмы сацыяльнага рэгуліравання цалкам. Напрыклад, дамініраванне права ў сістэме сацыяльнага рэгуліравання азначае, што менавіта гэты сацыяльны рэгулятар з’яўляецца *вяршэнствуючым, агульнасацыяльным, інтэгратыўным рэгулятарам* [2, с. 114]. У мэтава – праграмным элеменце сістэмы сацыяльнага рэгуліравання пры гэтым пераважаюць ідэі прававога характару – ідэі прававой дзяржава, вяршэнства права і вяршэнства закона, грамадзянскай супольнасці, першынства правоў і свабод асобы і г.д. Аналагічныя працэсы назіраюцца і ў інфармацыйна – каштоўнасным элеменце сістэмы сацыяльнага рэгуліравання. Напрыклад, дамініраванне рэлігійна – маральнага тыпу ў сістэме сацыяльнага рэгуліравання азначае, што інфармацыя і каштоўнасці рэлігійнага і маральнага характару набываюць больш важнае значэнне, чым інфармацыя і каштоўнасці прававога і палітычнага характару.

Акрамя трох універсальных тыпаў сацыяльнага рэгуліравання ў полінарматыўнай сістэме існуюць два ўзроўні сацыяльнага рэгуліравання: 1) самарэгуліраванне разнастайных сацыяльных сувязей (самаарганізацыя грамадства); 2) актыўнае ўздзеянне на паводзіны людзей з боку грамадства і яго афіцыйных прадстаўнікоў (рэгуліраванне ў вузкім сэнсе слова). Узроўні сацыяльнага рэгуліравання фарміруюцца на стыку сістэмы сацыяльнага рэгуліравання з арганізацыйнымі структурамі грамадства, органаў і устаноў дзяржавы. Узроўні сацыяльнага рэгуліравання існуюць у форме нарматыўна замацаваных механізмаў, праз якія ажыццяўляецца самаарганізацыя грамадства і актыўнае ўздзеянне на паводзіны удзельнікаў грамадскіх адносін. Пры гэтым у дамініруючым тыпе сацыяльнага рэгуліравання перавагу мае актыўнае ўздзеянне на паводзіны ўдзельнікаў грамадскіх адносін, у астатніх універсальных тыпах сацыяльнага рэгуліравання можа пераважаць самаарганізацыя грамадства. Самарэгуліраванне, як правіла, існуе ў невялікіх сацыяльных групах і асобных арганізацыях, дзе маецца роднасная сацыяльная практыка, агульныя інтарэсы і агульная воля калектыва.

Першы ўзровень сацыяльнага рэгуліравання характарызуецца самастойнасцю і адноснай аўтаномнасцю асобнай сацыяльнай (прафесіянальнай) групы ці арганізацыі пры вызначэнні характара і зместу рэгуліравання, выбары механізмаў і сродкаў сацыяльнага рэгуліравання, для другога ўзроўня, наадварот, характэрным з'яўляецца актыўнае умяшальніцтва ў сацыяльныя працэсы з боку грамадзянскай супольнасці і дзяржавы, выкарыстанне стандартных механізмаў і метадаў сацыяльнага рэгуліравання. Аднолькавымі для гэтых узроўняў сацыяльнага рэгуліравання з'яўляюцца мэты сацыяльнага рэгуліравання – самазахаванне і развіццё грамадства, але рознымі з'яўляюцца шляхі іх дасягнення.

На перасячэнні і перакрываванні універсальных тыпаў і ўзроўняў сацыяльнага рэгуліравання фарміруюцца лакальныя нормы і ажыццяўляецца лакальнае рэгуліраванне, а ў асобных арганізацыях (карпарацыях) – карпаратыўныя нормы і карпаратыўнае рэгуліраванне. Карпаратыўнае

рэгуліраванне ў шырокім сэнсе слова ўключае лакальныя нормы і лакальнае рэгуліраванне. Карпаратыўнае рэгуліраванне найперш звязваецца з наяўнасцю карпаратыўных норм, якія складваюцца ў асобным універсальным тыпе сацыяльнага рэгуліравання і ў межах асобнай сацыяльнай ці прафесіянальнай групы і асобнай арганізацыі – карпаратыўных прававых, палітычных і маральна – рэлігійных норм. Разам з тым карпаратыўнае рэгуліраванне можна разглядаць у якасці «мінісацыяльнай» сістэмы сацыяльнага рэгуліравання, у якой выдзяляюцца самастойныя «мініэлементы» карпаратыўнага рэгуліравання. Так, кожны від карпаратыўных нарматыўных рэгулятараў мае асобныя індывідуальныя сродкі рэгуліравання, у асобных сацыяльных і прафесіянальных групах выпрацоўваюцца спецыфічныя механізмы захавання і перадачы сацыяльнага вопыта – карпаратыўныя традыцыі, напрыклад, дыпламатычныя рытуалы і цэрэмоніі, у асобных сацыяльных і прафесіянальных груп існуюць свае адметныя каштоўнасці, ствараюцца асобныя механізмы кантроля і абароны, напрыклад, царкоўны суд [3, с. 384 – 393].

Можна выдзеліць аднароднае карпаратыўнае рэгуліраванне ў межах асобнага тыпа сацыяльнага рэгуліравання і комплекснае карпаратыўнае рэгуліраванне, для якога характэрна выкарыстанне карпаратыўных норм, індывідуальных сродкаў рэгуліравання, традыцый і каштоўнасцяў розных тыпаў сацыяльнага рэгуліравання. Напрыклад, карпаратыўнае рэгуліраванне дзейнасці ўрачоў заснавана на маральна – рэлігійным тыпе сацыяльнага рэгуліравання, а карпаратыўнае рэгуліраванне дзейнасці асоб, якія ажыццяўляюць юрыдычныя паслугі [4] – на комплексным выкарыстанні элементаў прававога і маральнага тыпаў сацыяльнага рэгуліравання.

Літаратура

1. Турчин, В.Ф. Феномен науки: кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М. ЭТС, 2000. – 368.
2. Дробязко, С.Г. Современное правопонимание и его акценты / С.Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко: к 90 – летию со дня рождения С.Г.

Дробязко / Белорусский государственный университет, юридический колледж;
редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск: Бизнесофсет, 2013. – С. 110 – 114.

3. Цыпин, В.А. прот. Церковное право: учебное пособие / В.А. Цыпин.
– М., 1994. – 442 с.

4. Об утверждении Правил профессиональной этики лиц,
осуществляющих деятельность по оказанию юридических услуг:
Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 19 апр. 2000. г.,
№ 6 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. –
№ 48. 8/3401.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Честнов И.Л., Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

Глобализационные процессы, возникшие в эпоху Нового времени, до самого последнего времени имплицитно основывались на просветительском проекте «миссии белого человека» - распространить истину, открытую философами-просветителями всему остальному «непросвященному» (пока) миру. При этом предполагалось, что универсальность Законодательного разума (термин З. Баумана) должна применяться повсеместно и одинаково для правильной (тождественно – истинной) организации социальной жизни. Таким образом, имплицитно в основе глобализации лежат идеи универсальности и единообразия организации любого общества, в том числе, организации его – общества – правовой системы. Это, в частности, прочитывается в проекте И. Канта «К вечному миру», из которого Ю. Хабермас выводит возможность (скорее, желательность и даже необходимость) мировой республики (правда «без мирового правительства») и ее конституции.[1, с.41-102]

Однако возможна ли сегодня универсальное и одновременно содержательное право (правовая система) для всего человечества и отдельно взятых народов, особенно если учесть, что глобальный мир – хотим мы этого, или нет – мультикультурен, отличается социокультурным разнообразием и организован (пока еще) государствами-нациями? Интересно, что Ю. Хабермас, с пиететом относящийся к фигуре Канта и его проекту, вынужден констатировать его историзм и «равнодушие к проблеме культурных различий, заостренной ранними романтиками». [2, с.135]. При всей привлекательности идеи «общего дома» с единым правопорядком, в котором обеспечивается мир и права человека, мой ответ на сформулированный вопрос отрицательный.

Скептицизм возможности реализации такого унифицирующего проекта связан, во-первых, с неустранимостью и необходимостью разнообразия для самосохранения любой системы, в том числе, правовой системы в масштабах че-

ловечества. Во-вторых, и на этом моменте хотелось бы остановиться подробнее, с новой исторической эпохой, в которой – по сравнению с Кантом – мы сегодня живем. Современность (именуемая постиндустриальным, информационным или глобальным обществом) характеризуется постнеклассической рациональностью, сосуществующей с классической и неклассической. Для «постнеклассики» характерен принцип неопределенности, сформулированный в квантовой физике и имеющий (как и принцип дополнительности) междисциплинарное значение. Этот принцип постулирует ограниченность нашего знания о мире и как следствие – неопределенность социального мира, так как последний определяется господствующими социальными представлениями о бытии: мир есть то, как мы его себе представляем (в этом состоит лингвистический поворот, определяющий методологию «постсовременной» гуманитарной мысли).

Любое научное открытие когда-нибудь будет пересмотрено, а история науки – это история заблуждений, заявлял К. Поппер. Даже если не принимать во внимание радикализм теории фальсификации К. Поппера или пролиферации П. Фейерабенда, то все же нельзя не признать ограниченность возможностей человеческого познания. Нельзя не признать и идею сконструированности социального мира – он не есть некая данность, обнаруживаемая философами в «природе вещей», а результат деятельности элит и референтных групп, точнее – их борьбы за право официальной номинации социальных явлений и квалификации некоторых из них как правовых. Социальный порядок (и правопорядок, в том числе) не предопределен, все мы ответственны за то, каков он.

Эти достаточно абстрактные рассуждения проблематизируют стабильность развития правовой системы дают основание утверждать, что универсального и одновременно содержательного (не формального) права в постсовременном глобализирующемся социуме быть не может, как не может быть универсального «общечеловеческого» законодательства. Это связано, в первую очередь, с тем, что субъекты правовых инноваций в разных социумах разные, и поэтому они по-разному конструируют право. Особо заметно это в социумах, относящихся к разным культурам-цивилизациям (при этом сравнивать надо не

законы Японии, например, и Германии, а юридически значимые практики, в которых, собственно говоря, бытует право).

В связи с этим возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постклассики» невозможно дать однозначную оценку, в том числе юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя») может быть оценена как нарушение права нации на самоопределение, «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими может быть признана как вторжение во внутренние дела государства, т. е. попрание государственного суверенитета и т. п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможность описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом.

Одновременно принцип неопределенности свидетельствует о невозможности полной формализации права. Между уровнями системы права, например, принципами права и законодательством, не существует логически выводимой связи, хотя бы потому, что нормы права всегда включают прескрипцию и оценки. Так, из принципа разделения властей можно «логически непротиворечивым» способом вывести четыре способа организации органов государственной власти, выраженных в президентской, парламентской и смешанной республиках и конституционной монархии. Один и тот же принцип законности может быть различным образом конкретизирован в организации, например, прокуратуры. Верховенство закона может быть обеспечиваемо разными способами организации судебной власти. Примеры можно множить, важно то, что законодательство конструируется властью, а не вытекает из открытой просвященным разумом «природы вещей».

Нет логически необходимой связи и между законодательством и правоприменением. Нормы УПК, например, не говорят о том, как лучше, целесообразно

разнее проводить следственные действия. Поэтому деятельность правоприменителя определяется не только нормами материального и процессуального права, но прежде всего практиками, сложившимися в данной профессии. Именно эти практики наполняют конкретным содержанием абстрактные нормы права, рассчитанные на их применение не всегда в тождественных ситуациях. Кроме того, правоприменение определяется мотивацией акторов, которые своими действиями их – нормы – претворяют в жизнь.

Таким образом, претензии на содержательную универсальность права в ситуации глобализации не выдерживают критики. Можно ли спасти проект универсализации права и обеспечить стабильность правовой системы формальными теориями? Именно на это направлена делиберативная теория Ю. Хабермаса. Правовые нормы, по его мнению, притязают не на истину, а на социальную значимость как их принятие или признание универсальной аудиторией. При этом «универсальность аудитории» является лишь потенциальной, так как предполагается, что любой желающий может – но не обязан – принять участие в обсуждении (делиберации) и формировании нормы. «Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство»[3, с.179].

Такой подход, несомненно, гораздо более перспективен по сравнению с наивностью классических теорий обоснования и легитимации права. Однако в связи с делиберативной концепцией права возникают следующие вопросы: кто формирует «повестку дня» предельно широкого – универсального – политического форума, на котором происходит выработка конституционных норм; кто селектирует те позиции, которые достойны обсуждения; по каким критериям происходит определение «победителя» в конкурентной борьбе идей, на этом форуме представленных? На эти вопросы делиберативная теория вразумительные ответы дать не в состоянии.

Более того, сегодня проблематизируется не только рациональность выбора как основание согласия в обществе, но и сам критерий свободы такого выбора, как и сам выбор, если обстоятельства, ему предшествующие и результат зависит от множества не поддающихся расчету факторов. В этой связи можно согласиться с точкой зрения К. Хейворд, которая пишет, что области действия необходимо ограничены процессами аккультурации или формирования идентичности, поэтому невозможно различения свободного действия и действия, определяемого воздействием других. [4, p.30].

Сложность экспликации обоснования права и стабильности правовой системы состоит в том, что общественные интересы, если таковые существуют как четко выраженные предпочтения, всегда ситуативны, изменчивы, подвержены манипуляциям власти. Более того, отсутствие сопротивления существующему порядку не означает, что он – порядок – легитимен, т.е. принимается населением как «правильный», справедливый, другими словами, одобряется широкими народными массами. Как показал Д. Скотт в работе «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты»[5], подвластное население зачастую притворяется чтобы выжить, и поэтому не высказывает явного недовольства существующим положением дел. Поэтому только в реально демократических обществах (и то с некоторыми оговорками) можно выявить легитимность правовых норм социологическими методами. В иных обществах требуются глубинные антропологические исследования для выявления легитимности общественного порядка.

Таким образом, правовая инновация как важнейшая составляющая правовой политики – это результат борьбы социальных групп за право официальной номинации, категоризации и квалификации социальных явлений как юридически значимых, правомерных/противоправных. Применительно к проблеме общественной безопасности как важнейшей составляющей правопорядка и стабильности правовой системы, достаточно подробный анализ такого процесса, как результата борьбы за право навязывать свое представление (установить символическую гегемонию), осуществлен сторонниками Копенгагенской шко-

лы международных отношений. Они – исследователи Копенгагенского университета – в 90-е гг. XX в. обратили внимание на то, что с точки зрения современной политической науки невозможно указать, какая из угроз более реальна и значима, а необходимо акцентировать внимание на характере политических дискуссий по проблемам общественной безопасности, т.е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом.[6] В связи с этим заявляется, что невозможно дать универсальное определение безопасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать, как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности и как изменяется их интерпретация со временем. Так, истерия в массовом общественном сознании, во многом инициированная СМИ по поводу события 11 сентября 2001 г. привела к внедрению новых запретов и контролирующих инстанций, но не обеспечила предотвращение новых терактов. Американский исследователь Д. Кэмпбелл еще в 1992 г. писал, что опасность не есть объективное состояние. В мире существует множество опасностей: инфекционные болезни, несчастные случаи, политическое насилие, имеющие чрезвычайные последствия. Но не все они интерпретируются как реальные угрозы. Все современное общество пронизано угрозами и опасностью. События или факторы, которые получают такую оценку, интерпретируются с помощью измерения опасности. Достоверность этого процесса зависит от субъективного восприятия остроты этих «объективных» факторов.[7, р. 1-2] Выявление тех из них, которые квалифицируются экспертами и населением как реальные угрозы и возможные способы реагирования на них и их предотвращения – условие устойчивости развития национальной правовой системы и важнейшая задача современной юридической науки.

Литература

1. Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. - М., 2013.
2. Хабермас Ю. Есть ли еще шансы для конституционализации международного права? // Хабермас Ю. Расколотый Запад. - М., 2008. – С. 135.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб., 2000.

4. Hayward C. R. De-facing Power. - Cambridge, 2000.
5. Scott J.G. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. -New Haven, 1990.
6. Buzan B., Woewer O., Wilde J. Security: a New Framework for Analysis. – Boulder, London, 1998.
7. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics Identity. 2 nded. - Minneapolis, 1998.

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Чуприс О.И., Белорусский государственный университет

Право на образование стоит в ряду конституционных прав. Оно закреплено в ст. 49 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой государство гарантирует его реализацию. В настоящее время это право рассматривается как естественное, неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения. «Естественный характер права на образование объясняется тем, что человеку свойственно развиваться, творить, создавать новое, накапливать опыт, знания в той или иной сфере и, конечно, передавать наработанное и познанное другим поколениям, в чем, собственно, и заключается сущность образования» [1, с. 32].

Закрепляя в Конституции право на образование, государство фактически закрепляет право на человеческое развитие. Не случайно поэтому в ст. 1 Кодекса об образовании Республики Беларусь, развивающем положения Конституции, образование определено как специфичный сложный процесс, который включает обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося.

Научные трактовки образования также рассматривают его в этом контексте. Образование – это «процесс движения от целей к результату», «процесс обучения и учения, воспитания и самовоспитания, развития и саморазвития», в ходе которого «учащийся, студент, слушатель по мере все более активного глубокого и всестороннего участия... превращается из пассивного объекта деятельности педагога в полноправного участника, в субъекта педагогической взаимодействия, причем не только педагога с учащимися, но и учащихся друг с другом» [2, с. 55]. То есть содержание конституционного права на образование охватывает развитие личности, талантов, умственных и физических способностей человека, расширение его возможностей. Именно знания, уме-

ния, навыки, свойства и качества личности обучающихся закреплены в Кодексе об образовании в качестве объекта образовательных отношений.

Система актов белорусского законодательства, нормативно обеспечивающего реализацию конституционного права на образование, многогранна и в своей основе опирается и в полной мере воспринимает нормы международного права, в соответствии с которыми установлено, каждый человек имеет право на образование (ст. 26 Всеобщей декларации прав человека), и образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами (п. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах).

Специфика современного образования связана с тем, что оно не просто обеспечивает освоение новых профессиональных навыков, но и призвано научить адаптации к новым социальным связям, привить постоянство их накопления и трансформации с учетом изменения социальных ролей, мобильности, информатизации, открытости и доступности социальной среды, научных достижений, расширения комплексности знания.

В этой связи характерной особенностью современного периода развития белорусского государства, равно как и других постсоветских государств, является трансформация сущностного контекста права на образование.

Советское время, наследниками которого выступают указанные государства, характеризовалось признанием не просто права на образование, но скорее жесткой обязанностью каждого человека его получить, а государства – его обеспечить. По утверждению В.И.Новоселова, право на образование, как и некоторые другие права (на труд, получение паспорта и др.) существовали как единый элемент «право-обязанность», «самостоятельный элемент положения граждан» [3. с.14]. В связи с указанным пониманием, советское государство

создавало все условия для «вовлечения граждан в учебные отношения» [4, с. 86], выполняя патерналистские функции по повышению культурно-образовательного уровня населения. Право на образование не рассматривалось как субъективное право гражданина на свое развитие, а в первую очередь как обязанность перед обществом реализовать свои образовательные способности в полной мере. Нарушение указанной обязанности обеспечивалось и обеспечивается в настоящее время возможностью привлечения к ответственности родителей за ненадлежащее выполнение своих обязанностей по образованию и воспитанию детей.

Данное право рассматривается как «право-обязанность» и в современных условиях, однако в ином контексте. Трансформация субъективного права на образование в объективную обязанность его получить в начальном объеме, закреплена в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека: «Начальное образование должно быть обязательным». Данная обязанность возложена не только на физических лиц, но и государства, поскольку они должны обеспечить бесплатность по меньшей мере, начального и общего образования (ст. 26 Всеобщей декларации прав человека). И в Конституции Республики Беларусь, а также вытекающей из нее системе законодательства предусмотрен организационно-правовой механизм гарантий доступности и бесплатности общего среднего и профессионально-технического образования.

Данный подход связан с общей тенденцией развития мирового сообщества в направлении формирования достаточной образованной среды, способствующей взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами.

Это значит, что образование, как и в советское время, в сущностном контексте не ограничивается только рамками частного интереса, а переходит в сферу публичного интереса, но служа при этом не только общегосударственным целям и целям отдельно взятого человека, а выполняя более значимую – общегуманитарную в мировом масштабе функцию.

В систему законодательства Республики Беларусь, обеспечивающего актуальные мировые тенденции реализации права на образование, кроме Конституции Республики Беларусь и Кодекса об образовании входит также множество нормативных правовых актов, нормы которых напрямую реализуются в образовании, соответственно, они регулируют отношения в данной области. Некоторые из них развивают положения Кодекса. В частности, Закон «О правах ребенка» содержит специальные нормы о правах ребенка на образование, закрепленные в ст. 23. В соответствии с ней каждый ребенок имеет право на получение образования, а детям гарантируется право на получение бесплатного образования на условиях и в порядке, определенных законодательными актами Республики Беларусь. Государство поощряет развитие таланта и получение образования. Данный Закон в ст. 27 предусматривает меры по защите чести и достоинства ребенка при осуществлении образовательной деятельности, а в ст. 31 – гарантии по обеспечению права на образование для детей-инвалидов и детей с особенностями психофизического развития.

К подобного рода законам также можно отнести законы «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О воинской обязанности и воинской службе», «Об охране труда», «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и др.

По вопросам реализации права на образование может осуществляться субсидиарное правовое регулирование Кодексом об образовании и другими кодексами. В частности, в Кодексе о браке и семье предусматривается ответственность семьи за ребенка, его образование и воспитание, обязанности родителей по получению детьми образования. Нормы некоторых других кодексов, например, Трудового кодекса, регулируют особенности трудовых правоотношений в области образования.

Вопросы образовательной деятельности регламентируются также актами Президента Республики Беларусь (например, указами Президента Республики

ки Беларусь от 28 января 2010 г. № 54 «О кадетских училищах» и от 30 декабря 2011 г. № 614 «Об утверждении положения о суворовском училище»).

Концептуальные вопросы обеспечения права на образование в системе образования в целом или ее отдельных видах могут регламентироваться концепциями и государственными программами его развития. В качестве примеров действующих актов подобного рода можно привести постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 марта 2012 г. № 210 «Об утверждении государственной программы развития специального образования в Республике Беларусь на 2012 - 2016 годы», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2011 г. № 893 «Об утверждении государственной программы развития высшего образования на 2011 - 2015 годы», постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь от 31 марта 2014 г. № 15/27/23 «Об утверждении концепции развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь».

Предметный спектр вопросов в области образования, регулируемых постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, наиболее широк. С одной стороны, Совет Министров наделен полномочиями по изданию нормативных правовых актов по вопросам образования непосредственно Кодексом об образовании, с другой – он регулирует все вопросы образования как центральный орган исполнительной ветви власти в соответствии со своей компетенцией, закрепленной Законом Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь». Примерами актов Правительства могут служить постановления от 27 апреля 2013 г. № 317 «О нормах питания и денежных нормах расходов на питание обучающихся, а также участников образовательных мероприятий из числа лиц, обучающихся в учреждениях образования», от 2 февраля 2012 г. № 110 «Об утверждении правил приема лиц для получения высшего образования II ступени и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов», от

28 июля 2011 г. № 1016 «О регулировании некоторых вопросов в сфере подготовки научных работников высшей квалификации» и др.

Однако наибольшее распространение по анализируемому кругу вопросов получило, так называемое, ведомственное нормотворчество Министерства образования, осуществляемое по всем вопросам образовательного и воспитательного процесса, в рамках которого непосредственно реализуется право на образование. Кроме постановлений, Министерством образования утверждается значительное количество технических нормативных правовых актов (типовые учебные планы, программы, образовательные стандарты), а также принимаются методические рекомендации, инструктивные письма.

Также издаются нормативные правовые акты иными государственными органами, подчиненными и (или) подотчетными Президенту Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, республиканскими органами государственного управления, иными государственными организациями, подчиненными Правительству Республики Беларусь, местными органами государственного управления, имеющими полномочия в сфере образования в соответствии со ст. 110 и 111 Кодекса об образовании.

Приведенные выше отдельные примеры свидетельствуют о масштабном законодательном регулировании реализации права на образование в Республике Беларусь, которое в своей совокупности должно соответствовать Конституции, Кодексу об образовании и друг другу в соответствии с иерархией нормативных правовых актов, обеспечивая тем самым единство и непротиворечивость системы законодательства. Условие легитимности подзаконных актов, которых в области образования принимается значительное количество, — их принятие на основе и во исполнение закона — «бесспорность этой доктринальной формулы не требует доказательств, что является общепризнанным в мировом масштабе» [5, с.46]. В этом смысле уместно было бы закрепить специальное нормативное предписание, обеспечивающее применимость данного правила на практике, в частности, в ст. 6 Кодекса об образовании закрепить недопустимость установления в законодательных актах, принятых в развитие Ко-

декса, правил, возлагающих дополнительные обязанности, ограничивающие права субъектов образовательных отношений, вводящие ограничения по сравнению с установленными Кодексом.

Литература

1. Спасская, В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: проблемы теории и практики / В. В. Спасская. - 2-е изд. - Москва : Поматур, 2012 // ФБГУ «Федеральный центр образовательного законодательства» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://фцоз.рф/elbook.html>. – Дата доступа: 21.01.2015.

2. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века : учебное пособие / Б.С. Гершунский. – М.: Флинта, 1998.

3. Новоселов, В. И. Теоретические проблемы развития административно-правового положения граждан СССР в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. – М., 1979. – 20 с.

4. Сапаргалиев, Г. С. Основания возникновения правоотношений в области народного образования / Г.С.Сапаргалиев // Известия АН Казахской ССР, сер. «Общественные науки». 1976. – № 4.– С. 82–87.

5. Тихомиров, Ю.А. Юридическая коллизия / Ю.А.Тихомиров. – М.: Манускрипт, 1994. — 140 с.

РАЗДЕЛ I.
КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА
МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В
ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Калинин С.А., Белорусский государственный университет

Рассмотрение государства и права как специфически преломленных на организацию публичной власти и социального регулирования системообразующих мировоззренческих феноменов в данное время является одним из практически востребованных. Так, важность учета мировоззрения в государственном управлении отмечена Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь и Рекомендациями по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь.

Вышеизложенное актуализирует проблему осмысления в юриспруденции методологического статуса мировоззрения и его составляющих при учете того факта, что мировоззрение выступает как источником, так и методологическим ориентиром для всех форм познания и вытекающих из них практик. В наиболее общем понимании мировоззрение – это «система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира», «обобщения, которые выходят за пределы специальной области научных знаний», охватывающая три основных проблемы: 1) проблема Универсума; 2) проблема человека; 3) проблема взаимосвязи человека и мира, выраженная в предельных обобщениях[1, С. 515–517]. То есть мировоззрение является предельным феноменом, выступающим метафизической формой преобразования Хаоса в Космос, объясняющим причины всего сущего, создающим единый смысловой и векторно-направленный образ мира, трансформируемый в теорию и практику публичной власти и социального регулирования.

Предельность мировоззрения позволяет придать ему статус *методологической исследовательской программы*, включающей комплекс подходов, стра-

тегий и иных приемов познания. В данной программе следует выделять *инструментальное* и *содержательное* направления (измерения). Инструментализм основан на изучении функциональной роли мировоззрения. Содержательность позволяет вести речь о сути *конкретного(-ых)* мировоззрения (-ий).

Любая мировоззренческая исследовательская программа основывается на следующих инструментальных аксиомах:

1. Базирование мировоззрения на априорных, аксиоматичных, не рефлексивных, то есть воспринимаемых на *веру* утверждениях и умолчаниях, обладающих качеством *самодоказуемости* путем апелляций к фактам, авторитету, объективным законам, завершенности линейной эволюции развития и т.п.

2. Обусловленность саморазвития государства и права взаимодействием мировоззрения с внешними хаотичными условиями бытия социума.

3. Имманентность и исключаяющая плюрализм антагонистичность мировоззренческих конфликтов.

4. Изначальная и имманентная мировоззренческая окрашенность публичной власти и социального регулирования, которая (окрашенность) может быть очевидной либо неочевидной, сильной либо слабой и т.д.

5. Связанная с историей Запада конкретно-историческая и цивилизационная обусловленность научной артикуляции мировоззренческих аспектов бытия.

6. Мировоззренческая обусловленность идеальных моделей публичной власти (государства) и социального регулирования (права).

Исходная для мировоззренческой исследовательской программы в юриспруденции типологизация мировоззрения относится к наиболее сложным философским проблемам и может осуществляться по различным основаниям. Это требует от субъекта познания собственного позиционирования к конкретному мировоззрению, выступающего основой соответствующей программы, объективно предопределяющего различные выводы.

На наш взгляд, к мировоззренческой исследовательской программе в юриспруденции применимы взаимообусловленные *религиозный, философский, включающий гуманистический, научный, идеологический, и историософский-*

типы мировоззрения. При использовании философского, а также порожденных им типов мировоззрения важно учитывать особенности их генезиса, а именно их формирование в противовес христианскому (религиозному) мировоззрению с последующим вытеснением его на маргинальные позиции, которые в настоящее время преодолеваются. Одновременно научное мировоззрение в большей степени ориентировано на естественные науки. В то время как гуманистическое мировоззрение, основываясь на идее «человека как высшей ценности и приоритетной по отношению к себе реальности в ряду всех других материальных и духовных ценностей», позиционирует себя как «собственно человеческое, светское и мирское мировоззрение, выражающее достоинство личности, ее внешне относительную, но внутренне абсолютную неуклонно прогрессирующую самостоятельность, самодостаточность и равноправие перед лицом всех иных реальностей, известных и неизвестных существ окружающей ее действительности» [2]. Это позволяет применять к такому секулярному мировоззрению идеологически окрашенный термин «гражданская религия» (Ж.-Ж. Руссо).

Юриспруденция может использовать философский тип мировоззрения как методологическую программу лишь в случаях его широкого социального восприятия, *непосредственного* воздействия на публичную власть и социальное регулирование, что проявляется в форме идеологии или историософии. При этом взаимосвязь и взаимообусловленность, но не тождественность идеологии и историософии требует учета историософского в идеологиях, указывающих либо не указывающих на собственную историософскую природу, и идеологического в историософиях. Зачастую историософия и идеология концентрированно выражаются емкими идеологемами (Москва – третий Рим, Свободный мир и т.д.), идентифицирующими государство и его соседей («мы – они»).

Мировоззренческая исследовательская программа является *сложной* и направлена на целостное осмысление разноуровневых разноприродных взаимообусловленных феноменов, каждый из которых может быть признан ее исходным постулатом. Это позволяет, на наш взгляд, указывать на наличие в ней взаимосвязанных, но аналитически разделяемых *антропологической, аксиоло-*

гической, историософской и (гео)культурной составляющих, которые могут быть представлены как в качестве отдельных методов (подходов), так и включаться в иные методологические стратегии.

В юриспруденции мировоззрение отражается в правопонимании (правовой идеологии), которое характеризует цивилизационные основания и условия (цели) бытия государственности и соответствующие им модели правомерного поведения. При этом мировоззренческие аспекты, заложенные в основу государства и права, не всегда осмысливаются юридической наукой, особенно в период стабильного развития социума, зачастую воспринимаясь в качестве имманентного *естественного* фактора, внешне определяющего сущность государства и права, входя в предмет иных сфер познания. Потребность обращения к мировоззрению усиливается при изучении инокультурных феноменов либо в условиях мировоззренческого кризиса.

Использование мировоззренческой исследовательской программы к осмыслению проблематики государства и права предполагает трансформацию предмета познания. Такая трансформация может осуществляться через 1) инструментально-содержательный анализ конкретного мировоззрения и его отражения в политико-правовой реальности и юриспруденции; 2) вторичный «парадигмальный перенос» мировоззренческих аксиом, воспринятых в иных сферах (экономика и т.д.); 3) осмысление заложенных в политико-правовой реальности мировоззренческих аксиом в рамках юридических наук, отличающихся высоким уровнем абстрактности и предельностью обобщений (философия права, история политических и правовых учений).

Литература

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст] / Российская академ. наук, Ин-т философии РАН ; [редкол. : И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) и др.]. – Москва : Канон+, 2009. –1248 с.
2. Кувакин, В.А. Общие характеристики гуманистического мировоззрения / В.А. Кувакин // Росс.гуманистическое общество [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.humanism.ru/descriptions.htm>. – Дата доступа: 30.04.2015.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Калинина Э.А., Международный университет «МИТСО»

Происходящие в мире процессы глобализации и региональной интеграции, охватившие все страны планеты проникли во все сферы бытия общества, включая право, науку о праве, составляющей которой выступает общая теория права, именуемая еще и общетеоретической аналитической юриспруденцией.

На право, науку о праве Беларуси, как и на таковые в любом другом государстве, включая мировое сообщество государств (ООН), оказывает влияние идущий в мире процесс формирования единого Мирового экономического рынка. На пути движения к этому рынку наметилось два пути: интернационализация и региональная интеграция. Первый путь означает создание единого Мирового экономического рынка по американской экономической модели – ведения хозяйства под главенством США, второй путь – через региональные международные организации (ЕС, СНГ, ЛАГ, ОАГ, ШОС, БРИКС и др.), члены которых небезуспешно предпринимают меры к созданию собственного экономического рынка при сохранении суверенитета своих государств. Особое внимание обращает на себя Китай, который используя преимущества социалистической экономической модели ведения хозяйства в сочетании с рыночной экономикой, сумел быстро создать в своей стране мощную экономику, опередив по некоторым показателям США, став их серьезным конкурентом.

США ныне представляют собой мощное империалистическое государство, в котором помимо трех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), закрепленных в Конституции 1787г., появились две новые, самостоятельные ветви власти: информационная и интеллектуальная, оказавшиеся под контролем американских транснациональных компаний (ТНК) и транснационального банка (ТНБ).

Располагая мощными новейшими технологиями, собственными образовательными учреждениями, научно-исследовательскими институтами, силовыми структурами: полицейскими и военными, обладая огромным финансовым капиталом, ТНК и ТНБ развернули в настоящее время в мировом масштабе информационно-идеологическую и интеллектуальную войну за умы людей планеты и, прежде всего молодежи, в своих коростных интересах. Цель такой войны – создать хаос в государствах различных регионов планеты, следствием, которого являются гражданские войны, военные конфликты. Под давлением ТНК и ТНБ Президент США объявил экономические санкции против России, истинная цель которых развязать III-ю Мировую войну, надеясь в ходе ее чужими руками, т.е. руками украинцев (западных и восточных), народов европейских государств, входящих в ЕС, участников движения «Исламское государство» (детище США), раздавить Россию, на обширной территории которой находятся огромные запасы природных ресурсов и установить над этими ресурсами свой полный контроль.

Происходящие на протяжении в XX в. вплоть до наших дней войны (мировые, локальные, религиозные, информационно-интеллектуальные), экологические катастрофы (землетрясения, наводнения и др.), хищническое использование природных ресурсов поставили человечество на грань самоуничтожения.

В сложившихся в мире реалиях общая теория права в белорусском обществе продолжает развиваться в традициях дореволюционной, революционной, советской и современной общетеоретической правовой мысли. В качестве основной структурной составляющей продолжает оставаться аналитическая теория (догма права), предметом которой являются право, его формы (источники), функции, системные связи, правотворчество и т.д. Некоторые ветви общей теории права выделились в самостоятельные науки и учебные дисциплины (социология права, логика права, правовые системы современности и др.), появилась политология. В центре внимания всех правоведов оказалось категория «правовая система» [1, с. 181-194].

Термин «правовая система» вошел в научный оборот в Беларуси с конца XX в., т.е. в эпоху глобализации и региональной интеграции, когда начался процесс сближения правовых систем мира. Характерной чертой этого процесса является внедрение американского права в правовые системы семьи общего права и романо-германской правовой семьи, к которой относится право Беларуси, с прицелом в дальнейшем на внедрение и в остальные правовые системы.

Среди ученых пока нет единства мнения относительно определения правовой системы, но большинство согласны с тем, что правовая система это:

- совокупность внутренне связанных функциональных единиц (элементов), необходимых для эффективного правового регулирования;
- ее систематизирующими элементами выступают не нормы права, а люди, субъекты права, группируемые в зависимости от их вида, связи между собой и государством, участия в реальных правоотношениях и др. [2, с. 53-56].
- главной функциональной единицей, влияющей на все остальные, выступает право как система норм;
- «живое», действующее, функционирующее в реальной жизни право».

Литература

1. Теоретическое и практическое значение категории «правоотношение» в исследованиях правовых систем современности / Современные проблемы правоотношений: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского и Э.А. Саркисовой. – Минск. Акад. МВД Республики Беларусь, 2008.
2. Значение категории «правовая система» для науки и учебной дисциплины трудовое право // Трудовое и социальное право, № 2, 2015.

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ОТРАСЛИ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Косенко Е.В., Саратовская государственная юридическая академия

Научные работы в сфере семейного права и РФ и Беларуси изобилуют указаниями на различные методы научного познания, при этом, можно утверждать, что до настоящего времени не представлено самостоятельного научного исследования, посвященного методологии науки «семейное право». Возможно, что это упущение произошло во многом «благодаря» тому, что до настоящего времени окончательно не сформировано научное мнение о самостоятельном отраслевом значении семейного права, и главным образом о его автономном значении и отделении от права гражданского.

Спор этот не нов. Так, ученые–цивилисты Г.Ф. Шершеневич и Д.И. Мейер имели на этот счет противоположные мнения: первый полагал, что семейное право есть часть гражданского, второй, напротив, указывая на особый, личный характер взаимоотношений субъектов семейного права, считал, что ему не место в системе гражданского права [1, с. 13; 2, с. 33-34].

Позволим себе утверждать, что семейное право все же является самостоятельной отраслью права, следовательно, отрасль претендует и на самостоятельную методологию научного познания. Безусловно, семейное право нуждается в общенаучных и философских методах познания, возможно даже, что в преобладании последних, что продиктовано особым характером правоотношений, присущим данной отрасли. Очевидно, что будут присущи науке семейное право и частно-научные методы познания, но, будут ли здесь необходимы некие специально-научные методы? Какие средства познания могут быть использованы для научного поиска?

Н.Г. Герасимов выделяет следующие средства научного познания: математический, логический и языковой [3]. Очевидно, что все указанные средства могут быть использованы при проведении исследований по семейному праву. Так, математическое средство предполагает применение математической логики, при которой отрицается, либо утверждается некое абстрактное суждение.

Позволим себе утверждать, что формулирование норм права основано, в том числе и на подобной конструкции. Примером могут служить как нормы гражданского, так и нормы семейного права, например, абз. 2 ст. 20-1 Кодекса республики Беларусь о браке и семье предполагает, что супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, справедливого распределения семейных обязанностей, содействия в реализации каждым из них права на материнство (отцовство), физическое и духовное развитие, получение образования, проявление своих способностей, труд и отдых. При этом, норма исходит из некоего абстрактного посыла, связанного с убеждением об идеальном сочетании интереса всех членов семьи.

Логические средства позволяют нам сочетать и концентрировать те общие черты и свойства, которые свидетельствуют о взаимопроникновении отраслей права: семейного и гражданского, семейного и административного, семейного и конституционного и т.д. Логические средства позволяют привести к единому знаменателю эмпирические данные, провести между ними логические связи, выявить закономерности и, возможно, определить дальнейшие тенденции. Применимы такие формально-логические методы как: классификация (анализ), обобщение (синтез), индукция и дедукция, конструирование понятий, аргументация, абстрагирование, идеализация, обобщение, аналогия, экстраполяция, моделирование, гипотеза; в свою очередь диалектическая логика предлагает для применения метод восхождения от абстрактного к конкретному с учетом законов диалектической логики.

Что же касается языкового средства познания, полагаем, именно в процессе его применения возникает у исследователя немало сложностей. Происходит это потому, что достаточно долго отечественная правовая наука развивалась автономно от правовой науки европейских стран, которые традиционно в Беларуси и России считаются цивилизованными странами. В этой связи многие термины, применяемые в зарубежных правовых порядках чужды отечественной терминологии, и наоборот. Однако, подобные препятствия мы полагаем, бывают даже полезны, поскольку помогают исследователю сравнить, а порой и

предложить к внедрению полезные новшества, либо убедиться в совершенстве отечественного права.

Приведем несколько примеров. Так, А.В. Черкаев, рассуждая о терминологии в праве пишет, что демографическая ситуация в странах влияла на язык семейного права. Так, если в китайском семейном праве рождение детей в настоящее время не поощряется и при регулировании соответствующих отношений используются термины публично-правового характера, то в Швеции наоборот рождение детей всегда поощрялось и поэтому используется терминология социального права [4]. В другом исследовании, проведенном С.И. Смирновской содержится вывод о существенном отличии понятийного и терминологического аппарата норм семейного права Германии и РФ [5, с. 295-298]. Указанные различия, безусловно, свидетельствуют о разноречивом подходе законодателя к юридической терминологии в различных странах. Многообразие ее порождает для исследователя проблемы методологического характера, ставит его порой в сложное положение, вызывая необходимость поиска аналогичных явлений в отечественной правоприменительной практике. Но, мы полагаем, главной проблемой здесь будет не толкование нового термина, а его правильный перевод на язык исследователя. Любая неточность создаст неверное направление в исследовательском поиске. В этой связи языковые средства познания представляются нам наиболее субъективно сложными, то есть наиболее зависящими от самого исследователя.

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут. 2005. 461 с.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1 (по исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр.). М.: «Статут», 2003. 831 с.
3. Герасимов Н.Г. Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке) М. : Мысль. 1985. 215 с.

4. Черкаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования. Дисс. канд. юрид. наук. М. 2004. 173 с.

5. Смирновская С.И. Основания ограничения родительских прав по семейному законодательству России и Германии // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. №28-1. Т.4. С. 295-298

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Кресин А.В., Институт государства и права им. В.М. Корецкого

Принципиально важным для развития юридических наук является вопрос об объективности права. Для периода до XVII в. в европейской традиции более характерным было понимание позитивного права как субъективного или интерес-субъективного – произвольного, основанного на индивидуальном волеизъявлении, объективным же выступало прежде всего Божественное, естественное право. Государство представлялось прежде всего как приложение к личности монарха – технический инструмент власти, а не институция.

Наряду с развитым учением о частном (интерсубъективном) праве и Божественном, естественном (объективном) праве представления о предмете и сфере публичного права как субъективного не было обобщено в юридических терминах. Публичное право не сформировалось как система правового регулирования общественных отношений. Также оно практически не вошло в сферу юридического осмысления, оставаясь в сфере догматических эмпирических исследований и этических и политических учений. При этом принципы интерес-субъективного права преимущественно считались универсальными, общими, вытекающими из естественного права. Субъективное же право, которое рассматривалось как индивидуальное волеизъявление правителя и, конечно, было разным в каждом государстве, в каждом конкретном случае могло рассматриваться как соответствующее или несоответствующее такому же универсальному феодальному праву – составляющей Божественного права.

При этом монарх рассматривался как помазанник Божий, который черпает субъективные решения в объективности Божьей воли. Добавим, что мир в политическом отношении рассматривался как иерархический – в пределах государств, принадлежащих к одному конфессиональному ареалу, а потому субъективность субъективного права в Западной и Центральной Европе сводилась к воле императора Священной Римской империи.

Развитие политических учений, процессы политического и экономического развития, Реформация постепенно подрывали универсалистское теологическое понимание общественного, политического, правового развития. Однако очевидным и неотвратимым это изменение в Европе стало только после Вестфальского договора 1648 г., который недвусмысленно расколол и уничтожил представление о Боге данном единстве западнохристианского мира. Отказ от войны на уничтожение протестантизма и связанного с ним политического раскола, переход к относительно мирному сосуществованию христианских государств с доминированием различных конфессий, а вскоре и международно-правовое признание прав религиозных меньшинств означали крах теоцентрического политического, общественного, правового универсализма.

Была в значительной степени дискредитирована основанная на социальной доктрине католической церкви вера в объективность универсального права и метафизическое единство христианского общества. Социально-политическая философия, воплощенная в преимущественно синкретических учениях с юридическим, государствоведческим, политологическим, социологическим, экономическим элементами, должна была найти новый объект и свою новую объективную идентичность, чтобы сохранить мнимое право на объяснение реалий жизни.

Поскольку западнохристианский мир оказался окончательно поделенным на государства, социально-политическая философия должна была признать этот факт и социализировать / «огосударствить» предмет своего познания. Этому способствовала и постепенная, неустанная объективизация мировоззрения интеллектуалов благодаря успехам естественных и технических наук.

Проявлениями объективизации социально-политической философии стали учения об институциональном и правовом характере государства, социальной природе права, общественном договоре, суверенитете (государственном, народном и др.), о нации и др. Следствием объективизации значительной части субъективного политического и интересубъективного частного права, а также трансформации объективного канонического права стало их сужение и становление

новых относительно обособленных сфер правового регулирования – публично-правовой и международно-правовой.

Все эти явления, по нашему мнению, взаимосвязаны и могут рассматриваться как грани одного процесса постепенного отказа от теологической и естественной тотальности и преодоления постуниверсальной мировоззренческой атомизации, а взамен построения новой отчетливо эмпирической, социальной и плюралистической картины существования и взаимодействия множества тотальностей или конкретных универсумов.

По нашему мнению, этот процесс является ключевым для понимания становления общественных наук вообще и юридических в частности. Но в рамках данной статьи мы не будем отстаивать столь глобальный тезис. Отметим, однако, что подрывание вертикально детерминированной дихотомии Бог (относительно познаваемое самодетерминированное универсальное, общее) – Человек (детерминированное Богом, но относительно индивидуальное, отдельное) в ходе упомянутых интеллектуальных и общественных процессов вело к утверждению горизонтальной взаимно детерминированной триады Социальный Мир (общее) – Наднациональные Социальные Общности (социальное особенное – пространство конкретного взаимодействия индивидуального – цивилизация, правовая семья и др.) – Конкретные Коллективные Социальные Субъекты (социальное индивидуальное, отдельное – государство, общество, нация).

Это, в свою очередь, постепенно формировало предмет и объект сравнительно-правовых исследований, сосредоточенных на познании плюрализма социально отдельного в его связях между собой, с особым и общим. Именно это в сочетании с компаративистским методологическим подходом, по нашему мнению, является одним из основных идентификаторов сравнительного правоведения, отделяющим его от философии права, социологии права, теории права, отраслевых юридических дисциплин.

Выяснение возникновения и становления идеи социально отдельного – коллективного социального субъекта – в контексте конструирования второй – социальной и плюралистической – природы мира – в отличие от первой – тео-

центрической и физической – является достаточно непростой задачей. Во-первых, из-за сложности определения социального. Во-вторых, из-за огромного массива работ по отдельным аспектам этого процесса в рамках различных общественных наук и одновременно недостатка его синтетического видения. Такое рассмотрение, в частности, должно стать обязательным элементом изучения процесса становления теоретических оснований сравнительного правоведения. В этой статье мы не претендуем на всесторонность анализа этого феномена, а лишь пытаемся очертить схематично его проявления в сфере правовых учений.

Прежде всего отметим, что идея социального особенного в социально-политической философии к началу XIX в. охватывала идеи общества в целом, отдельные грани общественной жизни (гражданское общество, политическое общество), государства, а также сообществ, прежде всего нации. Мы вполне осознаем принципиальные различия между этими социальными феноменами. Так, безусловно, государство является частью политического общества. Государство устанавливает рамки (территориальные и др.) этого общества, но общество может быть также не организованным в государство, иметь субъективный или объективный трансграничный или региональный характер.

Так же нация может рассматриваться как политическая / гражданская, которая охватывает все общество в пределах одного государства (а иногда и нескольких государств), а может – как этническая (этнокультурная, биологическая и др.), охватывающая часть населения одного или нескольких государств. Эти феномены имеют и разные онтологические природу (общество, сообщество, институция) и основания (природная данность, политико-правовой статус, сознание / ценность / цель) [Об этом см. напр.: 1, с. 12-19]. Но в контексте поставленного здесь вопроса они могут рассматриваться как проявления единого процесса поиска социально особенного объекта правовых исследований.

По нашему мнению, учитывая реалии Позднего Средневековья и Раннего Нового времени, а также современные работы общественных наук, можно выделить несколько взаимосвязанных ракурсов исследования идеи социального

особенного: становление отдельной идентичности социально-политической философии, концепция суверенитета, теория общественного договора, социализация отдельных юридических наук, идеи нации, национальной традиции и др.

Феномен идеи социального особенного в праве или социализации права глубоко рассмотрен во многих работах. Например, выдающийся российско-американский ученый Г.Д. Гурвич писал об идее национального права: «... выразительным проявлением чистого и независимого социального права является, по нашему мнению, неорганизованное право интеграции первичной национальной общности, лежащее в основе всех задействованных в национальной жизни организаций и функциональных сообществ. Это социальное право, которое интегрирует соответствующие сообщества и организации в абсолютно неперсонифицированную и объективную «тотальность» той или иной нации, которая не допускает ни единого организованного выражения вне ее» [2, с. 90].

Современный украинский философ права С.И. Максимов рассматривает этот процесс через призму правопонимания – осмысление и обоснование права. Отмечая самоценность процесса объективизации права, он указывает, что сама по себе позитивизация учение о праве "не ставит вопрос о том, на основании чего устанавливается правопорядок, поскольку право для него (позитивизма. – *А.К.*) существует как фактическая данность», но важно и то, «какая реальность представляется как источник правовых смыслов» [3, с. 88-89]. В частности, он исходит из разделения классических философско-правовых теорий на объективистские (материалистические) и субъективистские (идеалистические). Соответственно первые предполагают, что правосознание приобретает правовые смыслы из объекта, объективных отношений, а не из субъекта, самого сознания. При этом «...правовой объективизм рассматривает право как часть другой, чем она сама, реальности. Здесь право предстает как «погруженное» вглубь действительности, жизни. Правопорядок и правосознание объясняются «снизу», из их жизненного значения. Правовая реальность рассматривается как реальность общественных отношений, в глубине которых следует искать основания права, разгадку тайны его сущности». В рамках правового объективизма

выделяются подтипы в зависимости от того, «какие отношения считаются основными»: политический объективизм, культурно-исторический объективизм, социологический объективизм и др. [3, с. 33-34; 4, с. 89].

В.А. Туманов, исходя из марксистских позиций, связывал процесс социализации права с потребностями правового регулирования социально-экономических отношений периода промышленного капитализма, считал, что «право будто расширило свою сферу, распространившись на отношения государственной власти и управления». Это, по его мнению, было неотъемлемым элементом утверждения буржуазной юридической науки. Пусть и не первым, но он четко выразил уверенность в простой и непосредственной связи становления современной позитивистской юридической науки с ее социализацией: «Позитивизм нуждался, в частности, в критерии, который дал бы ему возможность отделить право от морали и других социальных норм. Он видел этот критерий в санкции государства...» [5, с. 170, 30, 112 - 113].

Г.Д. Гурвич, исходя, правда, исключительно из анализа мировоззренческих основ, также утверждал, что социальное право как идея «автономной тотальности» не могло возникнуть ранее XVII в. В частности, в XVII в. формируется сам индивидуализм – под влиянием методологии естественных и технических наук, а также начинает утверждаться идея «автономной социальной тотальности, которая является имманентной, а не трансцендентной по отношению к своим членам» в трудах Гроция и Лейбница [2, с. 189]. Лишь в конце XVIII в., в связи с Великой Французской революцией и учением Канта, в этике был поставлен вопрос о синтезе универсализма и индивидуализма, а отношения между социальными тотальностями окончательно перестали быть иерархическими. Решение же вопроса на исторической и эволюционной основе, а не путем рационально-естественных схем, было дано послереволюционные годы [2, с. 190].

Итогом трехсотлетнего развития общественной мысли в Европе (XVI – начало XIX в.) стало, по нашему мнению, разрушение идеи теоцентрического иерархического мира и утверждение нового, социального мировоззрения – светского, горизонтального, плюралистического и компаративистского по сво-

ей сути, основными субъектами которого стали образованные на основе рациональной или иррациональной воли людей социальные объединения – общества, нации, государства. Монистический и тотальный мир постепенно распался на наименьшие волевые монады – индивидов, которые на его обломках сконструировали новый мир социальных тотальностей, равных и суверенных в силу наделения их равной и суверенной волей индивидов через общественный договор (общество, государство) или общественное сознание (нация).

Родился мир особенностей и различий, который не мог быть познан ни традиционной идеалистической или рационалистической философией, ни естественно-правовой или догматической правовой мыслью. Методологии, основанные на подходах теософии, философии, естественных и технических наук, оказались недостаточными для познания этой новой социальной (в том числе социально-правовой) реальности, которая окончательно материализовалась после Французской революции и наполеоновских войн. И именно этот когнитивный кризис привел к формированию (коренной трансформации) общественных наук в целом и утверждения нового правоведения как общественной науки в частности. Одним из конституитивных элементов, который мог обеспечить его единство в условиях банкротства философского монизма, должен был стать компаративизм.

Литература

1. Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. – М.: Идея-Пресс, 2000.
2. Гурвич Г.Д. Идея социального права / Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.
3. Філософія права: Підруч. / О.Г. Данильян, О.П. Дзьобань, С.І. Максимов та ін.; за ред. О.Г. Данильяна. – Х.: Право, 2009.

4. Максимов С.И. Мироззренческо-методологические подходы к осмыслению права / Максимов С.И. Філософія права: сучасні інтерпретації: Вибрані праці. – 2-ге вид., доповн. – Х.: Право, 2012.

5. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. – М.: Наука, 1971.

6.

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ: ДОК- ТРИНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

*Наставная А. В., Киевский национальный университет им. Тараса Шевчен-
ко*

Эффективность исследования государственно-правовых явлений зависит от многих факторов, одним из важнейших есть методологическая основа. Не составляет исключения и правопонимание, значение которого состоит в обеспечении научной основы современной правовой системы общества.

Особенного значения среди типологических разновидностей правопонимания в современной науке набирает интегративное, призванное не механически объединять, а синтезировать теоретически значимые моменты этатистского подхода, социологической школы, юснатурализма, психологической школы права. Возможность такого синтеза обусловлена непосредственным усмотрением в целостной структуре права таких аспектов как нормативный, субъектно-деятельный, ценностный, психологический и др. [1, С. 7].

Интересной представляется идея О. В. Мартышина, считающего, что интегративный подход к правопониманию основывается не на механическом соединении, а на взаимодействии, взаимозависимости и сочетании в разном соотношении принципов, лежащих в основе четырех основных традиционных типов правопонимания: юридического и социологического позитивизма, теории естественного права и психологического понимания права [2, С. 13].

Рассматривая вопрос о возможности сочетания основных типов правопонимания и формирования на их основе единого интегративного (или много-

аспектного) понимания права, Н. И. Козюбра отмечает, что исходя из мировоззренчески-ценностных методологических позиций, на которых основываются естественно-правовой, юридико-позитивистский и социологический типы правопонимания, это сделать невозможно. Эти позиции настолько разные, даже антагонистические, что любые попытки преодолеть разногласия между ними обречены. Даже между юридико-позитивистским и социологическим типами правопонимания, хотя они, казалось бы, основанные на общем фундаменте - философском позитивизме, содержательно-ценностные различия в интерпретации сущности и смысла права настолько существенны, что объединять их в едином позитивистском, а тем более легистском типе правопонимания, как это иногда можно наблюдать в постсоветской литературе, вряд ли корректно.

Однако, если абстрагироваться от мировоззренческих установок, на которых базируются соответствующие концепции, и сосредоточиться на формах бытия права, на которых фокусируется внимание этих концепций, то его понимания как феномена, что существует в разных проявлениях, бесспорно, обогатится. И в этом контексте синтез достижений указанных концепций не только возможен, но и необходим [3, С. 19-20].

Как видим, трудно отрицать то, что нужно рассматривать интегративный подход к правопониманию на основании определенных концептуальных принципов, которые достигали бы глубинного понимания сущности феномена права, но отнюдь не в коем случае нельзя считать настоящим тот интегративный взгляд на право, предусматривающий только механическое соединение разнопредметных методов, поскольку в таком случае это будет чисто эклектичный подход. Сейчас интегративное правопонимание заключается в поисках «синтетического» толкования сути права, которое смогло бы играть роль координирующей основы, на основании которой можно было бы сблизить альтернативные пока друг другу теоретико-методологические концепции. В противном случае, по моему мнению, будет необоснованным выделять интегративный подход, поскольку он не сможет противопоставить себя эклектичному.

Проблемным на сегодня остается вопрос концептуальных основ интег-

рирования из-за отсутствия однозначного подхода, но это не основание для отклонения идеи интегративного правопонимания, поскольку «...не столько метод порождает теорию, сколько, наоборот, теория создает метод» [4, С. 74].

Поэтому, важной задачей будет выработка такого подхода, при котором функционально-целевое взаимное соответствие отдельных методов, каждый из которых имеет свою предметную специфику, работало бы таким образом, что совокупное действие этих методов не создавало бы препятствий в эффективной работе каждого из них в отдельности в аспекте их направленности для достижения общего желаемого результата - утверждения или обновления правовой справедливости.

Обоюдное переключение внимания между аргументами, что касаются нормы, и аргументами, которые характеризуют ситуацию, что требует правового решения, всегда связано с попыткой интерпретировать норму, понять ее, выверить ее содержание с учетом данных конкретных обстоятельств с целью обеспечения справедливого решения этой ситуации. Таким образом, интерпретация становится не просто актом познания или установления того, что именно имеет законную силу, но и актом творения права [5, С. 5].

Итак, методология в интегративном правопонимании является одним из ключевых аспектов, но в ней присутствуют моменты, которые требуют доработки. Большинство ученых акцентируют внимание на важности того, что нельзя сводить элементы классических правовых школ воедино без их согласования между собой, и, по сути, считают, что в интегративном правопонимании как раз и отсутствует механическое или эклектичное их сочетание. Проблемным вопросом является разработка общих философско-мировоззренческих концептуальных основ интегрирования, а дальнейшей перспективой развития должна выступить интегративная правовая методология.

Литература

1. Поляков А. В. В поисках интегрального типа правопонимания / А. В. Поляков // История государства и права. - 2003. - № 6. - С. 7-8.
2. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? / О. В.

Мартышин // Государство и право. - 2003. - № 6. - С. 13-21.

3. Козюбра М. І. Праворозуміння: поняття, типи та рівні / М. І. Козюбра // Право України. - 2010. - № 4. - С. 10-21.

4. Kozlovskiy A. The Science of Juridical Methodology as «Antiscience» / A. Kozlovskiy // Ukrainian Law Review. - 2004. - No. 6 (11). - P. 74-75.

5. Würtenberger T. Current Trends in German Legal Methodology / T. Würtenberger // Ukrainian Law Review. - 2004. - No. 7 (12). - P. 3-12.

КЛАССИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА В СИТУАЦИИ КРИЗИСА ЦЕННОСТЕЙ

Павлов В.И., Академия МВД Республики Беларусь

Современный этап развития юриспруденции характеризуется плюралистичной ситуацией в области методологии права – после распада советского государства русскоязычное научное сообщество правоведов не пришло к методологическому монизму. В общей теории права, равно как и в отраслевых теориях, присутствуют различные методологические позиции и трактовки одних и тех же правовых явлений, будь то вопрос о понимании права, либо, например, частный вопрос о понимании объекта правонарушения. Разработка интегрального (интегративного) типа правопонимания, равно как и интегративной концепции права, также осталась незавершенной. На наш взгляд данная ситуация обусловлена, с одной стороны, свободой научного творчества и правом на выражение различных аргументированных позиций (в этом во многом и состоит развитие науки). С другой – живущим в нас желанием к унификации, приведения точек зрения к одной господствующей, что, возможно, является инерцией советского этапа развития науки – охватить развитие знания одной господствующей методологической позицией. Нередко мы не замечаем, что сама по себе постановка вопроса о необходимости формирования одного единственно верного методологического подхода является идеологической и отрицает полноценный диалог в науке.

Методологический плюрализм, по нашему мнению, является неременным условием развития знания, особенно знания гуманитарного. Он дает возможность вырабатывать новые, адекватные моменту времени ответы на вопросы юридической практики в ситуации, когда традиционный инструментариум оказывается малопродуктивным. Наличие множественных обоснованных методологических позиций дает помимо конкуренции и взаимообогащения и возможность выбора того или иного инструмента в решении возникших проблем.

Сегодня одним из проблемных положений является дальнейшее развитие современной доктрины конституционализма, в частности, ее учения о правах человека. Проблема, связанная с легализацией т.н. «четвертого поколения прав человека», является настолько актуальной для национального права, что обойти молчанием ее не представляется возможным. Это практика фактически западноевропейского, а если шире – всего западного правопорядка, складывающаяся из вполне конкретных решений и позиций правотворческих органов западноевропейских государств. В основу этих решений положены совершенно конкретные правовые положения и – они же – ценностные позиции, которые органично вырастают из доктрины конституционализма. Если говорить просто, то центральным положением этой доктрины является положение о приоритете права над социальными и антропологическими ценностями, точнее – о том, что *право само по себе является высшей ценностью*. На наш же взгляд, положение о том, что право является высшей ценностью не является безусловным и требует соблюдения одного простого правила: право является высшей ценностью только тогда, когда оно выполняет функцию охраны, правовой защиты тех ценностей, которые являются для конкретного общества значимыми и актуальными, с которыми данное общество связывает онтологические основания своего существования. Вместе с тем методологическая установка конституционализма не содержит данного положения, поскольку сам юридический метод формирования высших ценностей является или преподносится как объективный и этически нейтральный.

Преодоление этой особенности классического метода построения ценностей предлагает антропология права. Оно основано на положении о том, что право как ценность является не институциональным, а динамическим образованием и постоянно соотнобразовывается с практикой личного существования человека в конкретной правовой реальности. Прежде всего, право это не то, что обозначено в Конституции как ценность, а то, каким образом оно проявляется в практике правового существования субъекта права и всего сообщества в целом.

Нередко можно слышать возражения такого плана, что конституционная доктрина все же способна преодолеть эти проблемы и выстроить иерархию ценностей с учетом всех недостатков. Однако необходимо иметь в виду, что сама теория конституционализма разрабатывалась в конкретных культурно-исторических и политических условиях, где нравственные содержания, ассоциировавшиеся на тот момент (XVII-XVIII вв.) сугубо с религиозными ценностями, сознательно вытеснялись и заменялись на якобы нейтральные правовые. Этой логике в принципе подчинена вся теория конституционного права, вся система ее аргументации, и никакое толкование неспособно полноценно включить нравственные содержания в эту доктрину [1].

Поэтому нам представляется, что сама система аргументации, скажем так – главного в праве – должна быть выражена некоторым другим языком и образом – таким, в котором социальная и антропологическая ценность методологически была бы встроена в сам аппарат выстраивания и защиты ценностей уже как правовых. Причем понимание ценности и их социального проявления должно быть принято опытно, а не трансцендентально. Безусловно, такая перестройка потребует отказа от многих принципов и положений, прежде всего, в плане концепции юснатурализма – естественно-правовой концепции правопонимания, на основании которой и строился конституционализм. Взамен этого методологическим основанием может стать практико ориентированная концепция права, ориентированная на антропологический опыт, которой и может выступить антропология права.

Литература

1. Белов, С.А. Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? / С.А. Белов // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография : в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб : ООО Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2014.– С. 495–512.

О ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВОВЫХ НОВАЦИЙ

Вершок И.Л., Белорусский государственный университет

Право представляет собой одну из наиболее универсальных социальных систем. При этом развитие всех общественных, в том числе и правовой, систем основывается одновременно на спонтанных изменениях, а также на целенаправленном воздействии. Одним из важных средств управления системой являются нововведения, однако при этом системы «обладают и значительной инерционностью, поскольку новшества вызывают смещение равновесия в них и непредвиденные последствия, возникает феномен «сопротивления» нововведениям, для преодоления которого требуются специальные методы активизации в них инновационных процессов» [1, с. 430]. Для придания равновесности в деятельности социальных систем путем правового регулирования важным свойством правовых новаций должна быть их легитимность, а также соответствие исторически сложившимся априорным принципам конкретного общества на определенном этапе его развития. Такая легитимность может иметь различные основания, например, процесс формирования и изучения общественного мнения как специфического проявления правового сознания населения. В качестве наметившихся тенденций распространения практики легитимации, актуализации и обращения за общественной поддержкой важнейших государственно-правовых нововведений можно привести пример содержащихся в проекте Закона Республики Беларусь «О правовых актах» норм о содержании принципа

гласности в деятельности нормотворческих органов, публичном обсуждении проектов правовых актов, прогнозировании последствий принятия правового акта и другие, схожие по целевому назначению правила [2]. На основе того, что к признакам социальной организации как наиболее развитого вида систем, в том числе и правовой системы, наряду с целью, иерархией и управлением относится также синергия [1, с. 429], представляется методологически обоснованным использовать данный постулат в качестве инструмента познания и эмпирического изучения общественного мнения в контексте повышения легитимации правовых новелл при осуществлении нормотворческой деятельности. Так называемый «эффект синергии», имеющий место в социальных организациях, заключается в приросте дополнительной энергии, превышающей сумму индивидуальных усилий их участников; возрастании совокупной энергии в зависимости от типа внутриколлективной связи [1, с. 432]. Причем в социетальной сфере такие явления оказываются управляемыми, их можно усиливать, видоизменять. Применяя эффект синергии, или эмерджентности к пониманию роли общественного мнения в сферах правотворчества и реализации права, можно выявить два основных исследовательских направления. Во-первых, социальная поддержка (легитимность) правовых новаций может существенно повышаться благодаря однонаправленности формирования общественного мнения при обосновании необходимости и своевременности таких решений. При этом появляется «вторичный эффект объединения» [1, с. 432] – психологическое взаимодействие участников, чувство «мы», взаимное сравнение, состязательность, групповой контроль среди субъектов общественного мнения. В качестве примера можно привести наметившуюся тенденцию установления диалога между государством в лице уполномоченных органов и должностных лиц, вовлеченных в процессы нормотворческой деятельности, и общественно-консультативных и (или) экспертных советов с участием представителей субъектов предпринимательской деятельности, их объединений (союзов, ассоциаций). Благодаря этому субъекты предпринимательской деятельности получают возможность содействовать в выявлении частного интереса в экономической

сфере, а также психологически настраиваются на грядущие изменения правового регулирования хозяйственной деятельности, заранее координируют свое поведение как в общественно-политической, так и экономической областях. В свою очередь, нормотворческий орган (должностное лицо) может более точно устанавливать так называемые границы правообразующего интереса, возможные компромиссы между потребностями частного собственника, общества и государства. Развитие таких диалоговых площадок не только в предпринимательской, но и иных сферах деятельности будет способствовать повышению уровня легитимации даже непопулярных, но имеющих перспективное общесоциальное значение правовых решений, установлению коммуникативного взаимодействия между субъектами нормотворческой деятельности и субъектами права, к которым адресуется содержание новых правовых норм.

Во-вторых, высокий уровень эффективности задает не только осознание единства частной, общественной и государственной целей, но и «специализация, разделение» [1, с. 433], а затем согласование общественного мнения различных групп либо в конкретные исторические этапы. Легитимность правовой нормы может существенно отличаться в зависимости от территории и времени ее действия даже в пределах одного государства. Следовательно, в процессе изучения общественного мнения необходимо учитывать отличия, вызванные разными реликтовыми и современными правовыми программами [3, с. 319], национальными (культурно-этническими, языковыми), экономическими и географическими особенностями регионов, социальных групп, иных общностей, что также будет способствовать более высокой легитимации правовых новелл и повышению эффективности правовых решений.

Литература

1. Социология. Основы общей теории: учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
2. Проект Закона Республики Беларусь «О правовых актах Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь

ки Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 28.09.2015.

3. Социология права: курс лекций : в 2 т. /отв. ред. М.Н. Марченко. – Москва: Проспект, 2015. – Т. 1. – 366 с.

ТРАДИЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С МЕТОДОЛОГИЕЙ ПРАВА

Перепелица Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

На протяжении всей истории развития правовой мысли не прекращается поиск ответов на вопросы о том, что есть право. Право – «в высшей степени сложное и многостороннее образование, обладающее целым рядом отдельных сторон и форм бытия. Каждая из них предполагает и требует особого, наряду с другими, специального определения и рассмотрения» [1, с. 9-10]. Значительный арсенал теорий и концепций о назначении и содержании права указывает на то, что данные вопросы получили достаточно подробное и глубокое осмысление.

Казалось бы, онтологическая природа и сущность права познаны, все грани права раскрыты и здесь уже не осталось никаких тайн и белых пятен. Ввиду этого некоторые ученые подвергают сомнению познаваемость права и считают излишними дальнейшие поиски правопонимания, поскольку они якобы лишены научного и практического смысла. В этой связи приводится аналогия с вечным двигателем. Как известно, в 1775 году Парижская академия наук приняла решение не рассматривать заявки на патентование «перпетуум мобиле» ввиду очевидной невозможности его создания. Однако в отличие от вечного двигателя поиски правопонимания не тщетны. Они актуальны для каждого нового поколения, потому как направлены не на отвлеченное познание, но имеют смыслообразующее для юриспруденции значение.

Различные взгляды на понятие и сущность права воплощаются в типах правопонимания – «определенных образах права, характеризующих совокупностью наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения» [2, с. 62]. Традиции правопонимания экстраполируются на построении

правовых теорий, познании правовых явлений и процессов. Господствующими традициями правопонимания определяется своеобразие правовой системы общества. Эти традиции проникают в правообразование и правотворчество и укореняются в них. При доминирующем влиянии тех или иных традиций осуществляются правоприменение и правореализация.

В отечественной юридической науке длительный период времени преобладающими оставались позитивистские традиции правопонимания, объединяющие в одно русло этатистский подход и правовой нормативизм и обладающие устойчивым набором критериев истинности. В соответствии с ними право есть система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений. Именно на таком подходе зиждется категориальный аппарат юриспруденции, разрабатываются правовые доктрины, ведется вузовская подготовка по специальности «правоведение». Большинство юристов привычно видит в праве общеобязательную, формально определенную систему норм, созданных государством в лице его правотворческих органов. Но такой подход не отражает всех причин общественных изменений, как и противоречий, возникающих в праве.

В настоящее время однопарадигмальность науки уступает место многопарадигмальности. Методология, в рамках которой были выработаны позитивистские традиции правопонимания, представляется исчерпавшей свои возможности. «Односторонность материалистической методологии связана с ее принадлежностью к парадигме бытия, которая явно устарела» [3, с. 23]. Эта методология «не объясняет всех процессов, происходящих в обществе» [3, с. 27]. Ныне расширяется горизонт представлений как о самом праве, так и о той реальности, в которой право зарождается и развивается.

Апологетика позитивизма сменяется широким разбросом концепций и различных точек зрения. Методологический плюрализм утверждает *множественность истины* и способов ее познания. Считается, что правопонимание должно быть как можно более плюралистическим, поскольку только разномыс-

лие способно пролить свет на право. Конечно, современная юриспруденция не может оставаться в монопарадигмальном состоянии. Но неоправданным видится плюрализм ради плюрализма – компромиссного сочетания конкурирующих подходов и эклектического смешения разных точек зрения. Нельзя уравнивать разнородные идеи и считать истинным любой подход. «Идейная всеядность плюралистической методологии вырождается в абсолютную пустоту и демагогию, в некий специализированный вагон для курящих и некурящих одновременно. Когда нормой становятся все нормы. Даже те, что взаимоисключают и взаимоотрицают друг друга (...)» [4, с. 62]. Если мы разложим право на множество раздробленных частей, представим его как нечто фрагментарное, аномированное, не имеющее объединяющего начала, это «позволит принимать любые нужные юридические решения и всегда находить для них какую-то мотивацию, (...) это облегчит задачу манипулирования субъектами права» [4, с. 62].

Таким образом, последняя страница в понимании сущности и природы права еще не открыта. Но, преодолевая монологичность методологии и развивая новые традиции прапонимания, нельзя забывать о критериях истинности и их незаменимости критериями инструментальной полезности.

Литература

1. Ильин, И.А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Т.4. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – С. 5 – 44.
2. Поляков, А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций / А.В. Поляков. – 2-е изд., доп. – СПб. : «Юрцентр Пресс», 2003. – 845 с.
3. Денисенко, В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография / В.В. Денисенко – М. : Юрлитинформ, 2014. – 184 с.

4. Сорокин, В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография / В.В. Сорокин. – М. : Проспект, 2007. – 480 с.

В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Лепешко А.Б., Белорусский государственный университет

Коммуникативный подход основывается на междисциплинарном знании, его характеризуют с помощью категории «интегративность», что позволяет расширить когнитивное поле правоведения, воспользоваться методами и техникой иных наук. Сторонники этой теоретической модели призывают не просто к конкуренции идей, сколько к нахождению общих теоретических точек соприкосновения, интерпретационные гносеологические концепции не формулируются как самоцель, речь идет именно об интеграции важнейших теоретических положений, точнее, «новой интеграции», поскольку интегративные взгляды имели место в разные исторические эпохи. Кроме того, коммуникативный подход ориентирует исследователей на поиск согласия и компромисса, здесь отсутствует апелляция к моноидеям и моноидеологии. Имеющий преимущественно институциональную, а не государственную природу, коммуникативный подход выдвигает на первый план коммуникацию как главную ценность, что на практике означает внимание, прежде всего, к человеку, субъекту права. В этом аспекте сторонники данной теории обращают внимание на необходимость преодоления таких деструктивных явлений, как деперсонализация личности, разобщенность общества, разрыв связей между поколениями, формированием возможностей для нового (коммуникативного по сути) характера связей между гражданином и государством. Право рассматривается, прежде всего, как сфера человеческого взаимодействия и характера, причем акцент делается на достижения ряда современных постнеклассических теорий знания.

Акцент на междисциплинарном знании, апробируемый сторонниками коммуникативного подхода, формирует новые теоретические возможности при применении достижений постнеклассического знания, смысл которых связан,

прежде всего, с определением правового содержания относительно новых для правовой науки категорий (многоединство, эйдос права, коммуникативность и иные) и их роли в воспроизводстве правовой нормативности. Характеристиками данного типа рациональности выступают понимание сложности объекта познания, неустойчивость правовой системы (скажем более: акцент на неустойчивости правовой системы), возможность применения иных, нетрадиционных методов познания, например, интуиции. Возможности данного метода на основе феноменологического знания разрабатывал, в частности, Н.Н.Алексеев[1, с. 55]. Важное внимание уделяется и расширению прав субъекта. Так, например, обращаясь к перечню нормотворческих органов и их компетенции, представители коммуникативного подхода сосредотачивают внимание на формировании правовой стратегии как коммуникативной модели. Процесс нормотворчества связан с борьбой позиций, желаний, интересов, в рамках которых воля государственных органов не всегда является определяющей. В частности, Ю.Е.Пермяков полагает, что на первом месте здесь не политическая воля, не программные доктрины, не экономическая необходимость (к которой апеллирует, в частности, В.М.Сырых), не абстрактная историческая закономерность, а «практикуемые действия иных субъектов права, вовлеченных в правовое общение» [2, с. 77]. Практически это означает, что во главу угла ставится не то или иное количество органов, в сфере компетенции которых принятие нормативных правовых актов, сколько приоритет субъекта, опосредованно влияющего на принятие правовых решений. В качестве примера, показывающего возможности применения коммуникативной методологии, обратимся к проблеме сущности правового эксперимента. В классических теоретических трудах отмечается, что применение эксперимента в процессе анализа социально-правовой реальности, соответствующая прогностическая деятельность «жестко ограничены тем, что на социальном уровне вступает в действие субъективный фактор – сознание, воля, интересы и ценности заинтересованных в эксперименте людей» [2, с. 93]. Другими словами, экспериментатор фактически «скован» такого рода условностями, он не может не считаться с тем, что факторы, которые не входят в состав

экспериментальных, будут постоянно и активно влиять на характер эксперимента. Однако с точки зрения представителей коммуникативного подхода данные «побочные факторы» (сознание, воля, интересы и т.д.) как раз выступают в качестве основных, базисных при проведении эксперимента. И, по сути, они не «сковывают» исследователя, а дают ему новые возможности. Связано это, как уж отмечалось, с методологическими установками: в частности, если на первом месте в коммуникативном подходе всегда стоит человек как субъект социальных, правовых коммуникаций, то и волевые, мировоззренческие, правовые и иные мотивы действий этого субъекта не препятствуют, а обогащают эвристический процесс. Еще одним аргументом в пользу именно такого «прочтения» сущности правового эксперимента (и не только данной социологической методики) служит тот факт, что страны постсоветского пространства переживают период обновления, развития и совершенствования правовой системы. Глубина и охват общественных преобразований свидетельствуют в пользу истолкования, применения новых идей, принципов, что позволит, как ожидается, оказать стабилизирующее влияние на общество. Причем спектр изучаемых мнений может и должен быть максимально широким, поэтому и процесс экспериментирования, опирающийся на общественные ожидания самого разного рода, должен быть максимально широким и оправдывать ожидания самых различных социальных групп.

Литература

1. Алексеев, Н.Н. Основы философии права /Н.Н.Алексеев. – СПб: Лань, 1999. – 256 с.
2. Пермяков, Ю.Е. Правовые стратегии как коммуникационные модели: проблема описания / Правоведение. – 2014. – № 5. – С. 73-80.

РАЗДЕЛ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПОНЯТИЕ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Антанович Н.А., Белорусский государственный университет

Развитие современных государств и их правовых систем происходит под влиянием *противоречивых* явлений: 1) переход к постдефицитной экономике и кризис общества потребления (ярко проявляющийся в экологических проблемах), 2) изменение технологического базиса общества, невиданные ранее возможности социальных изменений под влиянием информационно-коммуникативных технологий (проявляющиеся в различных формах «электронного управления» и «электронного участия») и социальная атомизация, узкая профессиональная специализация, «технологическая» и «цифровая бедность», 3) глобализация унификаторского типа, вызывающая резкую ответную локализацию и регионализацию, нарастание региональной и межгосударственной конкуренции, обостряющая проблему выбора перспективы общественного развития. Для описания изменяющейся сущности и роли государства в политической науке используется понятие «*государственная состоятельность*» (*state capacity*), означающее способность государства сохранять суверенитет и выполнять базовые функции, критичные для существования всей политической системы. Государственная состоятельность характеризуется по нескольким группам показателей: экономические (включает динамику ВВП, уровень неравенства доходов, темпы инфляции), политико-правовые (эффективность работы правительства, верховенство закона и адекватное реагирование национальной правовой системы на социальные изменения, уровень коррупции, подотчетность власти населению и уровень политической свободы), показатели безопасности (политическая стабильность и отсутствие насилия внутри страны, террористическая активность и количество вооруженных стычек, наличие насильственных попыток смены власти, количество нарушений прав человека), социальные показатели (продолжительность жизни и детская смертность, дос-

тупность образования, качество жизни и качество человеческих ресурсов в целом). Остановимся на последней группе показателей в структуре государственной состоятельности.

Отмечая вышеназванные глобальные и региональные изменения, многие авторы утверждают, что происходит изменение функций государства, влияющее на государственную состоятельность. Как нам представляется, говоря о подобном изменении, следует учитывать различные модели государства, доминирующие в той или иной стране. При всем многообразии моделей и типов государства, которые описываются в правовой и социально-политической литературе (либеральные модели «минимального государства» и «нового государственного менеджмента», социал-демократические по сути модели «социального государства» и «государства благоденствия», модели «активизирующего» и «сетевое» государства), ключевые вопросы касаются гарантии и пределов свободы человека в соотношении с ответственностью, принятия и реализации законов, стабилизирующих социум и чутко реагирующих на общественно значимые проблемы. Вопрос об изменении функций государства касается, прежде всего, расширения либо сокращения роли государства в социальной сфере.

Однако, использование традиционного термина «социальная функция государства» как в научном дискурсе, так в практике работы государственных служащих, требует пояснений, ведь объем реализации данной функции может быть различным. Возникают вопросы: 1) об объеме предоставляемой государством социальной помощи, 2) о механизмах реализации заявленных социальных гарантий, 3) о способах выявления/формирования запроса на социальную помощь и поддержку, 4) о включении самих целевых групп в решение своих проблем на локальном уровне, о возможностях самоуправления. Первых два вопроса решаются в ряде стран стандартно: провозглашается и реализуется принцип адресной социальной политики.

Проблема выявления/формирования запроса на социальную помощь и поддержку может решаться двумя основными путями: «сверху» и «снизу». В первом случае государственная администрация полностью контролирует не

только механизмы реализации социальной политики, но и формирует сам социальный запрос. Во втором – в процесс включены представители целевых групп. Однако этот способ эффективен в случае преодоления социального иждивенчества и создания условий и правовых гарантий развития частной инициативы, в том числе на местном уровне. Так, в Республике Беларусь в 2015 г. принят Декрет Президента № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». К. Дервиш, специалист Института Брукинса, в статье «Новое рождение социал-демократии», анализируя глобальные технологические изменения, увеличивающие безработицу, указывает: «...необходим новый социальный контракт, согласно возрастанию роли индивидуальной ответственности в современном мире. Каждый гражданин должен чувствовать ответственность за свою судьбу, но не быть изолированным в условиях глобализации и технологических преобразований».

Отметим, что принятие социально-значимых государственных решений, воплощенных в законах и иных нормативно-правовых актах, предполагает учет прямых выгод и косвенных последствий от их реализации. Национальная правовая система должна формироваться как с учетом общественно значимых проблем, поставленных на «повестку дня» властных институтов, так и реагировать на последствия принятых решений, обращаться к их экспертно-аналитической оценке.

Литература

1. Dervis, K. A new birth for social democracy/ Brookings. 10.06.2015. – [Electronic recourse]. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/06/10-new-birth-for-social-democracy> – Data of access: 10.06. 2015.

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Беляев М.А., Воронежский государственный университет

Назовем нормативной системой совокупность социальных норм, организационно обособленных от аналогичной совокупности такого же уровня абстракции. Будем считать, что:

(1) необходимое для существования нормативной системы организационное обособление осуществляется по некоторому принципу;

(2) данный принцип доступен, известен и понятен некоторому множеству агентов, разделяющих его суть (т.е. он представляет собой не просто информацию, но выраженную в виде информации надындивидуальную ценность).

Под агентами мы понимаем тех участников нормативной системы, от решений которых зависит качественная или количественная определенность норм, составляющих систему.

Правовая система – это разновидность нормативной системы, обособленная по принципу суверенитета государства как «точки взаимопересечения» информационных потоков, обеспечивающих планирование, координацию, контроль и другие управленческие функции.

Степень устойчивости развития правовой системы необходимым образом связана с эффективностью нормативной регуляции, которая зависит от того, между какими субъектами и по каким каналам идет обмен информацией. Как известно, в любой системе есть прямые и обратные связи, первые обозначают воздействие одних элементов системы на другие, вторые – возможность изменения поведения системы в зависимости от результатов ее функционирования. В системах, где существует прямая и обратная связь управляющего и управляемого, отсутствуют конфликты и рассогласования, если субъекты могут находиться в дискретных состояниях, чей перечень заранее известен. Если информация в такой системе доведена до конечного потребителя, последний не может не отреагировать надлежащим образом, сам статус его как агента исклю-

чает бездействие, в противном случае этот статус изменяется (так, к примеру, неплательщик налогов превращается в правонарушителя).

В силу определенных причин управленческая практика не достигает уровня ценностного существования и не может произвольно его модифицировать. Следовательно, с течением времени в любой правовой системе управляющие значения перестают быть очевидными, не воспроизводятся автоматически. Тогда любое нормативное суждение требует более или менее осмысленного доказательства его права на существование. В переходе от самоочевидного статуса правовой нормы к проблематичному обнаруживается потребность в легитимности, если эта потребность своевременно не удовлетворяется, налицо дефицит легитимности (или кризис легитимации).

Предотвратить кризис легитимации можно тремя простыми способами:

- (1) уничтожить механизм обратной связи (сделать так, чтобы предпочтения управляемых не имели никакого значения для управляющих);
- (2) понизить роль рефлексивного элемента в поведении агентов;
- (3) перманентно обеспечивать достижение согласия по поводу уместности отдельных правил поведения.

Вполне очевидно, что для государства, считающего себя демократическим и правовым, приемлем лишь третий путь. Остается понять: как обеспечить всеобщее признание (легитимность) права?

Сторонники критической теории общества (Н. Луман, Ю. Хабермас) полагают, что приемлемость правила поведения обусловлена приемлемостью процедуры обсуждения данного правила. Если речь идет о правовой норме (ключевым свойством которой выступает всеобщность), то в процесс обсуждения должно быть вовлечено как можно больше субъектов из числа заинтересованных в исполнении данной нормы.

Здесь возникает вопрос: способны ли мы дать абсолютный ответ по поводу того, какое мнение истинно, какая норма правильна и т.д.? Способны ли мы отличить «истинный» консенсус от «ложного», то есть консенсус, стремящийся к истине и способствующий ее нахождению, от противоположного? Для

ответа на этот вопрос Хабермас вводит понятие «идеальная речевая ситуация». Она характеризуется четырьмя условиями: равенством шансов на применение коммуникативных речевых актов участниками дискурса; равенством шансов на тематизацию мнений и на критику; свободой самовыражения, предотвращающей формирование подавленных комплексов; равенством шансов на применение регулятивных речевых актов, обеспечивающих взаимность отношений участников дискурса и исключающих привилегии – односторонне обязывающие нормы общения. Только в том случае, если выполняются данные условия, дискурс будет именно дискурсом, а не запугиванием, обманом [1, с. 155].

Таким образом, ни одна стратегия устойчивого социального развития не может быть эффективно реализована одним лишь уплотнением нормативной регуляции. Без и вне отрефлектированной позиции субъекта по отношению к другому субъекту их взаимодействие обречено на механицизм. В политической сфере это влечет тотализацию бюрократического подхода к постановке и решению общезначимых проблем. Противостоять данной установке может только разумное дискурсивное сообщество, подвергающее осмыслению и интерпретации правила собственного существования.

Литература

1. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats / Suhrkamp Verlag, Frankfurt a/M., 1992.

СООТНОШЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ И ФИСКАЛЬНОЙ ФУНКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Глинда А.И., Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Изучение восстановительной функции юридической ответственности не ново для правовой науки. Данной теме посвящены некоторые специальные исследования [1, 2], общее же представление о ее понимании часто отражается учеными при характеристике института юридической ответственности и его функций в целом [3, 4].

В частности Н.Л. Соломеник указывает, что восстановительную функцию называют «право-восстановительной», «реституционной», «компенсационной», «компенсаторной», «репарационной» в связи с чем автор отмечает, что восстановительная функция складывается из ряда подфункций: право-восстановительной, компенсационной, возмездительной и общесоциального восстановления. Выделение подфункций восстановительной функции происходит на основе специфики результата восстановительного воздействия и способов ее осуществления. [1, с. 11-12].

Таким образом, общее представление о восстановительной функции юридической ответственности в целом можно считать сложившимся, в то время как абсолютно не исследованным остается вопрос о функции аккумуляции финансовых ресурсов.

По нашему мнению функция аккумуляции финансовых ресурсов (или фискальная функция) реализуется в тесной взаимосвязи с восстановительной функцией, однако не тождественна последней. Как видим из характеристики восстановительной функции, она отражает направленность института юридической ответственности в целом на приведение правоотношений в прежнее состояние. Реализацию данная функция находит в таких инструментах, как возмещение причиненного вреда, уплата пеней, неустоек и иных санкций, предназначенных на восстановление потерь, связанных с ненадлежащим исполнением обязательства, закрепление прав граждан на необходимую оборону, задержание правонарушителей и самозащиту. Непосредственным получателем

восстановленного материального блага так или иначе выступает субъект, чьи права и законные интересы нарушены.

Выделение фискальной функции обусловлено объективным существованием финансовых элементов института юридической ответственности, который включает как установление угрозы применения имущественных мер охранительного характера в случае нарушения действующего законодательства, так и отношения по изъятию и распределению материальных благ в рамках реализации норм юридической ответственности.

Фискальная функция реализуется посредством принудительного наложения взыскания, влекущего материальные изъятия у субъекта правонарушения сверх полученной им выгоды и, соответственно, сверх размера реально причиненного ущерба, аккумулированные таким образом средства поступают исключительно в казну государства и могут быть направлены на финансирование любых запланированных государственных расходов. Отсюда специфика санкций карательного и воспитательного воздействия, таких как штраф, конфискация имущества, конфискация дохода, полученного в результате противоправной деятельности, конфискация предмета правонарушения, орудий и средств совершения правонарушения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Восстановительная функция юридической ответственности вытекает из сложившихся правоотношений и связана с существованием инструментов пресечения правонарушений и принуждения виновных к восстановлению нарушенных общественных отношений, в то время как фискальная функция обусловлена присутствием финансовых элементов института юридической ответственности.

2. Очевидна тесная взаимосвязь восстановительной и фискальной функций юридической ответственности, которая объясняется их реализацией в рамках единого института юридической ответственности и подчиненности общей цели восстановления социальной справедливости.

Литература

1. Соломеник, Н.Л. Восстановительная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук: 12.00.01 / Н. Л. Соломеник. – Казань, 2007. – 24 с.
2. Шевченко, А. Відновлювальна функція юридичної відповідальності / А. Шевченко, О. Стрельник // Публічне право. – 2012. – № 4 (8). – С. 269– 275.
3. Липинский, Д.А. Соотношение функций права и функций юридической ответственности / Д. А. Липинский // Известия вузов. Правоведение. СПб.: Изд-во СПб ун-та. – 2004. – № 3.
4. Иванов, А.А. Цели юридической ответственности, ее функции и принципы / А. А. Иванов // Государство и право. – 2003. – №6. – С. 66– 69.

ПРИНУЖДЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Гончарук А.П., Институт государства и прав им. В. М. Корецкого

Правовое принуждение является неотъемлемой частью учения о правовом поведении и обязательным элементом в механизме воздействия государства на индивидов. В то же время, общим для большинства юридических концепций выступает инструментальный подход к пониманию этого объекта. Иными словами, принуждение рассматривается как способ влияния на поведенческие модели в обществе. Такое восприятие объекта является истинным, но, по нашему мнению, неполным, ибо не учитывает формы его отображения в сознании субъекта. Таким образом, целью этого исследования определено комплексная, системно-структурная характеристика правового принуждения как элемента механизма правового поведения.

Принуждение как правовая категория относится к сфере научных интересов С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, В. М. Баранова, С. Н. Братуся, С. В. Лелявина, А. В. Малько, Ю. А. Тихомирова и др. Не приуменьшая данные научные достижения, отметим на необходимости нового, системного взгляда на принуждение в праве, которое выйдет за рамки правового инструментализма.

Итак, в классическом понимании принуждение – это способ воздейст-

вия, когда социально необходимое или желаемое поведение достигается, обеспечивается возможностью применения насилия, причинения лицам, отклоняющимся от установленных правил поведения, физических или психических страданий. То или иное состояние общества при этом методе регулирования достигается возможностью государственного или общественного принуждения, а в необходимых случаях и реализацией этой угрозы [1, с. 185]. Принуждение как необходимый компонент социальной нормы может быть различным - государственным (при нарушении юридической нормы), моральным (общественное осуждение при нарушении моральных норм), общественно-бытовым (при нарушении норм приличия, правил общежития и т.д.) [2, с. 45].

Принуждение является обязательным признаком правовой нормы, без которой право не имело бы реальных способов воздействия на активность индивидов. В этом, по нашему мнению, можно определить нормативный аспект правового принуждения, который заключается в его формальной закреплённости в законах, принципах и стандартах правоотношений.

Можно согласиться с тем, что принуждение заложено в основание вертикальных отношений государства и личности как главный инструмент власти. Подобное трактование присутствует в научных работах С. В. Лелявина: это установленное правовыми предписаниями физическое, психическое, имущественное, организационное, властное воздействие полномочных органов и должностных лиц государства на личность и организации, выражающееся в комплексе мероприятий, обеспечивающих необходимое поведение подвластных субъектов [3, с. 7]. В этом состоит коммуникативный аспект правового принуждения – в реализации правовых возможностей, которые воплощаются в воздействии определенных идей, правил и ограничений на личность.

Не подвергая сомнению приведенные определения, которые в целом отображают общий для правовой доктрины подход, обратимся к способу воздействия принуждения на сам процесс определения правового поведения. Модель деятельности субъекта права формируется, безусловно, под действием внешних факторов, угроз, стимулов и прочего, однако все эти явления проходят

через фильтр внутренних установок, мотиваций, предпочтений и целей личности. То есть, логично предположить, что в самом механизме правового поведения присутствует некий элемент, что является следствием, психологическим отображением воздействия принуждения. Этот элемент должен быть стабильным, так как принуждение в разных формах и способах воздействия присутствует во всех правовых отношениях (ограничение следовать исключительно воле права уже само по себе есть принуждением), а так же универсальным и в то же время легко воспринимающимся, ибо принуждение принимает различные формы, которые должны быть четко воспринимаемы субъектом.

Рассмотрев структуру механизма правового поведения, мы пришли к выводу, что принуждение отображается в сознании индивида в форме нормативно-правовой установки, которая может быть определена как готовность к реализации поведения, модель которой максимально приближена к условиям действительности. Такая установка представляет собой фиксированное в психике человека решение придерживаться определенного правового регламента поведения, что формируется на базе правовых знаний, отношения к нему и готовности действовать в соответствии с общими принципами либо в соответствии с определенным видом норм [4, с. 11-12].

Таким образом, в форме нормативно-правовой установки мы определяем психологический аспект правового принуждения. В совокупности же, нормативный, коммуникативный и психологический аспекты отображают все проявления правового принуждения в правореализации в целом и детерминации поведения человека в частности.

Литература

1. Венгеров А.Б. теория государства и права/ Анатолий Борисович Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и сознание долга / Сергей Никитич Братусь // Вопросы теории государства и права. – вып. 6. – Саратов, 1983. – С. 45-50.

3. Лелявин С. В. Поведение, не противоречащее правовым предписаниям, как основание государственного принуждения : автореферат дис. ... канд. юридич. наук : 12.00.01 / С. В. Лелявин – Владимир, 2010. – 21 с.

4. Нурпеисов Е. К. Механизм формирования правомерного поведения личности : автореф. дисс... канд. юр. наук: 12.00.01 / Е. К. Нурпеисов – М.:1980. - 15 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА УНИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Гамбург Л.С., Запорожский государственный университет

Унитарно-территориальному устройству объективно присуща тенденция к «сверхцентрализации» государственной власти, что приводит к постепенному росту социально-экономических диспропорций и нарушению системных связей между центральным, региональным и локальным уровнями государственно-территориальной организации общества, препятствуя реализации народного суверенитета. Поэтому территориальная децентрализация государственной власти в унитарном государстве представляется эффективным способом сбалансирования и согласования общегосударственных, региональных и локальных интересов.

В европейских государствах определился новый подход к распределению и реализации властных и других административных функций, предусматривающий отход от иерархической системы управления и организации власти, существенное расширение самостоятельности субъектов самоуправления с одновременным ограничением сферы надзора и контроля за их деятельностью. Орган высшего уровня не может вмешиваться в деятельность органа низшего уровня и непосредственно управлять им. Границы самоуправления органов, выполняющих задачи на основе децентрализации публичной администрации определяются мерами надзора и контроля, применяемыми исключительно в случаях и способами, предусмотренными законом [1, с. 14].

При этом следует уточнить, что деволюционный отказ от непосредственного управления со стороны высших и центральных органов принимается в пользу территориально-представительных органов и других субъектов самоуправления, однако административно-территориальные органы исполнительной власти, оставаясь в иерархической системе последней также участвуют в децентрализации, получая дополнительные полномочия путём их деконцентрации «сверху». И только делегирование им управленческих полномочий представительными органами в горизонтальном разделении властей на региональном уровне, включая заключение административных договоров, осуществляется на равноправных началах координации.

На уровне территориального самоуправления и администрирования отношения осуществляются преимущественно по указанному принципу координации, а система сдержек и противовесов обеспечивается взаимными контрольно-надзорными функциями, административными договорами о разграничении компетенций и предметов ведения, местными референдумами, народными вето, импичментами и др. К тому же самоуправление как институт гражданского общества обеспечивает непосредственное взаимодействие с государством и участие граждан в осуществлении государственной власти. Поэтому органы местного самоуправления и государственного управления следует рассматривать элементами целостной системы публичной администрации, учитывая их отличную правовую природу, что позволит преодолеть фактическое преобладание государственных администраций над самоуправлением [2, с. 128, 132]. Если же властная горизонталь на локально-региональном уровне предполагает максимальную концентрацию исполнительных полномочий организационно-распорядительными органами системы территориального самоуправления при минимизации компетенции территориальных органов исполнительной власти или их отсутствии, то первые должны находиться в двойном подчинении – своим представительным органам по вопросам управления территориальными делами и центральным органам исполнительной власти – по делам общенародного значения.

В то же время децентрализация обеспечивает распределение государственной власти по вертикали, если представительные органы территориального самоуправления не находятся в непосредственном иерархическом подчинении между собой и другими органами публичной власти. При этом государственная вертикаль сужается «вниз», а муниципальная вертикаль – «вверх», обуславливая их сосуществование и сотрудничество. К тому же вертикальное распределение власти компенсирует ослабление системы сдержек и противовесов на высшей властной горизонтали в условиях политической идентичности правительства и парламентского большинства [3, с. 29-30].

Таким образом, современный подход к децентрализации государственной власти характеризуется значительным ограничением возможностей прямого влияния её высших и центральных органов на территориальных субъектов, но не полным отказом от него, потому что это противоречит природе государственного суверенитета, отрицая верховенство и разрушая единство и целостность государственной власти. Ограничиваясь контрольно-надзорными полномочиями относительно территориально-представительных субъектов аппарат государственной власти сохраняет вертикаль исполнительно-распорядительных органов, реализующих решения органов территориального самоуправления в рамках закона, сдерживая территориальный эгоизм и оптимизируя баланс централизации и децентрализации, обеспечивая сохранение унитаризма и территориальной целостности, обусловленность государственного суверенитета народным суверенитетом.

Литература

1. Бориславська, О.М. Децентралізація публічної влади: досвід європейських країн та перспективи України / О.М. Бориславська, І.Б. Заверуха, А.М. Школик та ін.; Центр політико-правових реформ. – К. : Москаленко О.М., 2012. – 212 с. – Библиогр.: с. 209. – 500 экз. – ISBN 978-966-2214-13-1.

2. Місцеве самоврядування як форма децентралізації та гарантія демократичного політичного режиму / О. Бориславська // Вісник Львівського університету. Серія юридична. – 2011. – Випуск 52. – С. 127-133. – Библиогр.: 8 назв.
3. Місцева влада в системі вертикального поділу влади: загальнотеоретичні аспекти / А. Онупрієнко // Підприємництво, господарство і право. – 2010. – № 3. – С. 27-30. – Библиогр.: 14 назв.

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Губань Р. В., Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова

В последнее время большинство исследователей-компаративистов свое внимание в основном обращают в сторону Запада, те же исследователи, которые, анализируют опыт постсоветских стран, уделяют внимание преимущественно законодательству Российской Федерации, что привело к тому, что на Украине практически нет серьезных исследований предметом которых есть законодательство Республики Беларусь. И это не смотря на то, что украинцы, как и белорусы, принадлежат к восточным славянам, несмотря на историческую и ментальную близость, и даже не смотря на то, что страны являются соседями. Кроме того, после распада СССР перед странами возникли довольно похожие проблемы и в этом плане интересен опыт их решения. Одной из таких проблем, которую предстояло решить двум молодым республикам после распада Советского Союза, стала необходимость реформы административно-территориального устройства. Как же наши страны подошли к решению этой проблемы?

Начнем с Украины, поскольку проблем в этой сфере у нее было гораздо больше, чем в Республике Беларусь (в основном это достаточно большие диспропорции административно-территориальных единиц). Каким же путем пошла Украина? Надо отметить, что необходимость правового урегулирования систе-

мы административно-территориального устройства на законодательном уровне отмечалась еще в Конституции Украины (в частности, в п. 13 ст. 92 отмечается: «исключительно законами Украины регулируется территориальное устройство Украины») [1]. В 1997 г. Тремя народными депутатами Украины Р. Безметрым, И. Юхновским и В. Стретовичем был предложен проект Закона Украины «Об административно-территориальном устройстве Украины». Верховная Рада Украины даже приняла Постановление в соответствии с которым он был принят за основу [2]. Однако вопрос об административно-территориальном устройстве так и не был урегулирован на законодательном уровне. И это несмотря на то, что 13 июля 2001 г. Конституционный Суд Украины принял решение, которым, фактически, обязал парламент принять закон, который бы регулировал административно-территориальное устройство государства [3]. Однако и сегодня такого Закона нет.

Возникает вопрос каким же, в таком случае, юридическим документом, кроме Конституции Украины, регулируется вопрос административно-территориального устройства Украины? Этим документом есть Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства Украинской ССР», который был принят еще 12 марта 1981 г. [5]. И который в некоторых аспектах (например, виды населенных пунктов, их переименование, и т.д.) существенно противоречит ныне действующей Конституции Украины.

Как же дела с регулированием административно-территориального устройства обстоят в Республике Беларусь? Помимо Конституции Республики Беларусь (в ст. 9 которой рассматривается вопрос административно-территориального устройства государства [6]), этому вопросу посвящен Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» [7]. Надо отметить не только то, что этот Закон был принят еще в 1998 г. (!), но и то, насколько детально законодатель подошел к классификации населенных пунктов. К категории городов относится город Минск, города областного и районного подчинения. К категории поселков городского ти-

па относятся: городские поселки, курортные и рабочие поселки. К категории сельских населенных пунктов относятся: агрогородки, поселки, деревни (правда, в Законе не объясняется чем поселок отличается от деревни, хотя логично это было бы сделать), хутора.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование административно-территориального устройства Республики Беларусь, в отличие от Украины, во-первых, регулируется Законом, во-вторых, этот Закон был принят после обретения Республикой независимости. Кроме того, следует отметить более подробную классификацию населенных пунктов в Республике Беларусь по сравнению с Украиной, что способствует лучше учитывать особенности той или иной категории населенных пунктов в процессе принятия решений на государственном, региональном или муниципальном уровне.

Литература

1. Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996, № 30, ст. 141
2. Постанова Верховної Ради України «Про проект Закону України про адміністративно-територіальний устрій України». [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/453/97-вр>
3. Рішення Конституційного Суду України у справі № 1-39/2001 від 13 липня 2001 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ccu.gov.ua/uk/doccatalog/list?currDir=9400>.
4. Закон України «Про добровільне об'єднання територіальних громад». [Електронний ресурс]. – Режим доступу: Відомості Верховної Ради (ВВР), 2015, № 13, ст.91.
5. Указ Президії Верховної Ради Української РСР «Про порядок вирішення питань адміністративно-територіального устрою Української РСР» // Відомості Верховної Ради УРСР, 1981 р., № 12, ст. 179.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351>.

7. Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=H19800154

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА

Иванова Т.В., Белорусский национальный технический университет

Дискуссионным в рамках белорусской правовой системы является вопрос о том, насколько корректно говорить о судебной практике как о форме либо источнике права и отождествлять её с понятием «судебный прецедент». Существует мнение, в частности среди белорусских и российских ученых, о том, что исключительно судебная практика является формой права применительно к романо-германской правовой семье (И.Ю. Богдановская[1]).

В белорусской правовой системе в качестве признанных форм права существуют нормативный правовой акт, нормативный договор, правовой обычай, за которыми закрепляется нормативный характер. Все иные правовые явления содействуют субъектам нормотворчества в создании норм права и выступают в качестве источников, порождающих нормы права (юридическая доктрина, судебная практика) [2]. Они могут содержать в себе ценный правовой материал, формулировать правила регулирования определенных отношений, которые первоначально существуют лишь фактически и не являются нормами («право в жизни»). Но в последующем данные правила могут быть учтены субъектом нормотворчества и перенесены в нормативный правовой акт, либо с помощью данных источников права становятся явными пробелы в законодательстве и ставятся вопросы перед компетентными органами.

Нужно отметить, что в официальной советской доктрине судебная практика понималась как правоприменительная деятельность суда и результат такой деятельности в виде судебных решений, как определенный накопленный опыт разрешения различных категорий дел. Эта практика находила обобщение в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР [3].

Современные ученые, например В.Н. Бибило, рассматривают судебную практику в виде общих постановлений высших судебных инстанций, а под судебным прецедентом понимают конкретные решения высших судебных инстанций [4, с. 83]. При этом судебный прецедент не равнозначен по своему значению судебной практике и не является формой белорусского права, о чем пишут в своих работах такие белорусские ученые, как Г.А. Василевич [5], В.Н. Дубовицкий [6], С.А. Калинин [7], Н.В. Сильченко [8].

Понимание явлений «судебная практика» и «судебный прецедент» в различных правовых семьях неодинаково. Французский компаративист Р. Давид отразил дискуссионный характер положения судебной практики (*collection of judicial decisions*) и судебного прецедента (*judicial decisions*) в государствах романо-германской правовой семьи. О судебной практике он говорит как об «интерпретаторе советского права». В странах континентального права судебная практика всегда понималась как правоприменительная деятельность судебных органов, как определенный опыт разрешения дел. В современных условиях деятельность судей приобретает творческий характер, они наделяются правом толкования нормативных актов, следовательно, и судебная практика приобретает творческий характер, то есть в процессе правоприменительной деятельности судебные органы могут создавать новые правила поведения, значит, судебная практика может рассматриваться как форма права. Например, в Испании судебная практика существует в качестве формы права (*doctrine legal*) [9, с. 110, 120].

Судебная практика происходит от общего понятия «практика», которое всегда отражало обобщение, показатель деятельности. Большой юридический словарь определяет юридическую практику как деятельность по принятию,

толкованию, реализации юридических предписаний в единстве с накопленным социально-правовым опытом [10].

Заслуживает внимания формулировка юридической практики, данная российским правоведом С.В. Бошно, которая занимается изучением соотношения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент». Под юридической практикой ученый понимает «деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации норм права, которая заключается в издании нормативных актов и в совершении различных индивидуальных правовых актов, деятельность, которая непрерывно связана с движением правоотношений» [11, с. 25].

Судебная практика в государствах романо-германской правовой семьи изначально употреблялась для характеристики исключительно правоприменительной, а не правотворческой деятельности судебных органов (опыт правовых систем СССР, Республики Беларусь, Российской Федерации, где существовали и существуют обзоры судебной практики судов различных инстанций по разрешению тех или иных категорий дел), поскольку правотворчество судей в данных правовых системах юридически, как правило, не имело места.

Таким образом, судебная практика выступает необходимым и важным источником белорусского права, способным выявлять пробелы в праве и содействовать их устранению. В судебных решениях могут содержаться правила регулирования определенных отношений, которые впоследствии могут быть трансформированы субъектом нормотворчества в нормы права.

Литература

1. Богдановская, И.Ю. Прецедентное право / И.Ю. Богдановская. – М.: Наука, 1993. – 219 с.
2. Дробязко, С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – Вып. 14. – С. 15–34.

3. Судебная практика в советской правовой системе / С.Н. Братусь [и др.] ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т совет. законодательства ; под ред. С.Н. Братуся. – М. : Юрид. лит., 1975. – 328 с.
4. Бибило, В.Н. Формы судебной практики как источника права / Проблемы юриспруденции : избранные труды / В.Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с. – (Серия «Научные труды белорусских ученых»).
5. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 58 с.
6. Дубовицкий, В.Н. Судебная практика как источник права в Республике Беларусь / В.Н. Дубовицкий // Система права и законодательства Республики Беларусь: состояние, перспективы развития: материалы респ.н.-практ.конф., г. Гродно, 26-27 апр.1999: в 2 ч.; отв.ред. Н.В. Сильченко. – Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч.1 – С. 67-70.
7. Калинин, С.А. Юридический прецедент и правоприменительная практика / С.А. Калинин // Общая теория права: пособие / В.А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. С.Г. Дробязко, С.А. Калинина. – Минск: БГУ; изд-во «Четыре четверти», 2014. - 416 с. – Гл.18 §5. - С. 302-307.
8. Сільчанка, М.У. Аб універсальных прыметах прававога прэцэдэнта / М.У. Сільчанка // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. –2012. – № 1. – С. 6–17.
9. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 456 с.
10. Юридическая практика // Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 2007. – Стб. 12. – (Библиотека словарей «Инфра-М»).
11. Бошно, С.В. Судебная практика: источник или форма права? / С.В. Бошно // Рос. судья. – 2001. – № 2. – С. 24–26.

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВА КАК ПРИНЦИП ПРАВА

Лагун Д.А., Белорусский государственный университет

Доступность права можно определить как устойчивое состояние права, посредством которого обеспечивается беспрепятственное, оперативное, необременительное получение (приобретение), обладание, использование позитивных свойств правового, простота и внятность восприятия (понимания) правового.

Беспрепятственность доступности права означает, что субъект, получая доступ к правовым институтам (например, суду), правовым конструкциям и механизмам (например, административным процедурам), правовой информации (например, текстам нормативных правовых актов), не сталкивается с непреодолимыми либо затруднительными барьерами, лишаящими его возможности воспользоваться правом. Беспрепятственность предполагает свободный доступ к праву, а при необходимости с введением объективно обоснованных ограничений с целью недопущения хаоса и беспорядков.

Непреодолимыми либо затруднительными барьерами, снижающими доступность права, могут стать:

- 1) необоснованные цензы: имущественный, возрастной, ценз гражданства и др.;
- 2) отсутствие правопорядка, в том числе сопровождаемое отсутствием либо неэффективным функционированием государственного аппарата;
- 3) некачественное законодательство: пробельность, чрезмерность, противоречивость снижают авторитет права, и как следствие, обращение к его регулятивным свойствам;
- 4) физические препятствия, которые субъект не может преодолеть, в том числе в силу особенностей своего развития.

Оперативность как черта доступности права означает, что право как инструмент будет широко использоваться субъектами лишь в том случае, если оно будет позволять своевременно разрешать возникающие жизненные ситуации и коллизии. Если правовая процедура будет занимать необоснованно дли-

тельное время, будет чрезмерно бюрократизирована или коррумпирована, она потеряет свою ценность и значимость для субъекта и станет не востребуемой.

Необременительность как черта доступности права требует, чтобы на субъекта не возлагались повышенные финансовые обязательства за доступ к праву.

Кроме финансовой нагрузки данная черта предполагает легкость в использовании права и в других аспектах: пространственном, временном, трудоемком и т.д. Говорить о доступности права не приходится, а) если учреждение или институт, обеспечивающие функционирование правового механизма, находятся вне зоны приемлемой досягаемости субъекта, б) если в учреждении установлен неудобный или сокращенный график работы, в) если для доступа к праву от субъекта требуется ворох бумаг, получение которых сопряжено с хождением по различным инстанциям.

Простота и внятность восприятия права означает, что нормативные правовые акты должны писаться доступным, простым языком, должны иметь недвусмысленный характер, быть непротиворечивыми, не страдать дублированием, пробелами в правовом регулировании, излишним количеством актов по одному вопросу.

Простота доступности права во многом зависит от широты и разнообразных форм доступа к правовой информации. Неинформирование или слабое информирование граждан о принимаемых актах законодательства серьезным образом снижает возможность полно и эффективно использовать право в качестве социального регулятора.

Полагаем, что на современном этапе о доступности права можно говорить, как об общеправовом принципе права.

Можно выделить следующие видовые проявления доступности права:

- 1) доступность правотворчества (нормотворческой деятельности);
- 2) доступность юридических институтов (административных процедур),

в том числе:

- доступность правосудия (судебной защиты) и иной юридической защиты;

- доступность юридической помощи (адвокатских и иных юридических услуг);

- доступность нотариальной практики;

- доступность услуг государственного аппарата;

3) доступность участия в управлении делами государства и общества, в том числе:

- доступность государственной службы;

- доступность местного самоуправления;

- доступность формирования институтов гражданского общества (регистрация политических партий, движений, иных неправительственных организаций);

4) доступность международных институтов правовой направленности;

5) доступность правовой информации;

6) доступность юридического образования.

Повышению доступности права может способствовать реализация таких мероприятий, как: внедрение принципа одного окна; организации «электронного правительства»; обеспечения свободного доступа к объективной правовой информации, в том числе за счет устранения государственной монополии и контроля за ее распространением; установления удобных для населения графиков работы юридических учреждений, включая работу в выходные и праздничные дни, а также расширение их сети на местном уровне (в том числе на уровне сельсоветов); систематизация и совершенствование законодательства; пропаганда правовой государственности и гражданского общества как основополагающих концепций, обеспечивающих на современном этапе максимальный доступ к праву.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Матарас В.Н., Белорусский государственный университет

В юриспруденции является устоявшейся аксиомой поливариантность правовой системы. В научной литературе правовая система рассматривается как с узкой, так и с широкой позиций. И в определении термина «правовая система» используется узкое и широкое толкование. Одни ученые считают, что правовая система создается объективными условиями среды, другие – что это высший этический закон, третьи – что правовая система – это отражение психологических переживаний личности, четвертые думают, что это та форма (обычай, закон и т.д.), в которую облачается внешним авторитетом известное содержание.

Как мы считаем, это и то, и другое, и третье. Правовая система – система открытого типа, в идеале жесткая. Она работает полифакторно в динамике, а также и в режиме реального исторического времени. В ней доминируют то одни элементы и компоненты, то другие. Понять всю сложность правовой системы представляет определенную трудность. Интернациональные слова (напр. Конституция, право, норма и т. д.), несмотря на кажущуюся простоту и ясность, не выражают общепонятный концепт. У эллинов, римлян, немцев, русских трактовка этих концептов в смысле слов и понятий различается [5,с.317]. Поэтому правовая система и ее компоненты в разных этнокультурных системах имеет разную смысловую нагрузку.

Правовая система есть продукт сложного взаимодействия двух форм – социальной и природной. В основе природной формы – народ с его дискретными процессами, т. е. возрастом и фазой жизнедеятельности. Народ имеет свое месторазвитие, т. е. привязку к определенной территории, что предполагает контакт с соседями, влияет на выбор «донора» в культуре или создание собственной оригинальной системы культурных доминант. Месторазвитие также предполагает экономические и хозяйственные возможности народа. Все эти факторы, диалектически взаимодействуя, в режиме реального исторического

времени создают живой поток действительности, т. е. природную (естественную) форму жизнедеятельности.

Перестройка компонентов и элементов в живом потоке происходит постоянно в течение всего исторического времени жизнедеятельности этого живого потока. Поскольку живой поток – явление динамическое, т. е. постоянно изменяется, а правовая система в идеале статична, то их взаимодействие – «интерференция двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных» [4,с.21]. Взаимодействие живого потока и правовой системы напоминает два пересекающихся кольца, у каждого из которых собственная сфера и сфера пересечения.

Сложность в том, что методология изучения этих систем различна. Ответ – на стыке систем наук, т. е. на системном подходе. Следовательно, чтобы избежать мифотворчества, необходимо применять систематизацию, когда в сходных явлениях улавливается их диалектическая полифакторность.

Полифакторность этого сложного диалектического явления нельзя рассматривать только с точки зрения филологии, т.е. записанного. Терминологическое обозначение по отношению к реальному, но несущему как рациональные, так и иррациональные элементы, живому потоку всегда приводит к упрощению. По В. И. Вернадскому, нельзя думать, что все явления, доступные нашему сознанию, подведутся под мыслительные формы, т.е. терминологию [3,с.66]. По С. С. Алексееву это «логический силлогизм, в котором большой посылкой является юридическая норма, малой – данный жизненный случай»[1,с.45].

Понятно, что устойчивость правовой системы и ее деятельность не бесконечна. Элементы правовой системы и живого потока находятся в состоянии (в идеале) равновесия. Системные связи идут как по восходящей, так и по нисходящей в соответствии с ритмом и темпоральностью живого потока. Каждая правовая система уникальна именно в силу различия ее элементов и их влияния в то или иное историческое время. Несмотря на внешнее сходство, по внутреннему содержанию, в зависимости от особенностей культурных доминант и элементов они всегда отличаются друг от друга. Два типа живых потоков и их

культурных доминант по отношению к творимой правовой системе всегда будут различаться. Попытка сравнить разные живые потоки имеет множество не-сводимых, неравноправных друг к другу форм знания.

Структура правовой системы – это совокупность всех прямых и обратных связей между функциональными компонентами. Все компоненты правовой системы чрезвычайно подвижны, но не сами по себе, а в силу динамики живого потока. Трансформации происходят как в сфере эмпирической действительности живого потока, так и в его системных связях, что коррелирует и изменения в правовой системе.

Функциональная роль правовой системы различна и ограничена фазой жизнедеятельности живого потока. Но даже в этом случае «нормальная» ситуация не стабильная, а изменяющаяся величина. Живой поток идет с разрывами и зигзагами. В определенное время и при наступлении исключительных обстоятельств (революция) соединяется множество факторов, и происходит разрыв правовой системы, а затем стабилизация и кристаллизация. При этом количественно и качественно меняются компоненты правовой системы. Уходят или сокращаются в объеме одни, появляются другие. Одни элементы исчезают, а другие становятся доминирующими. Например, часть обычаев закрепляется в законе (Русская Правда), а есть и те, которые наоборот – исчезают. Религиозные нормы заменяются секуляризованными.

Застывшие понятия (лексоконцепты) терминологизируются. Постоянно происходит кристаллизация, или рафинирование понятий и их отдаление от жизненного потока. В динамике живой поток постоянно меняется, а создавая правовую систему, мы рафинируем понятия, что приводит к их отдалению от жизненных «помех» и «шумов». Терминологизация делает их чужими не только для «родного» живого потока, но и для «чужих» систем. Если даже мы переносим термин из «чужой» системы, то слова и смыслы будут различаться. Они тем более не понятны в иной этнокультурной системе.

Чем больше в правовую систему привлечено труда человека, тем более она становится жесткой и статичной, и чем меньше этого труда, тем больше

система наполнена (инициирована) естественными процессами. Если рассматривать государство и правовую систему только как юридический факт, т. е. монофакторно, то этот путь не приводит к ответам на многие вопросы.

История народа не может идти как одномерный юридический конституционный процесс. Его жизнедеятельность никогда не идет прямо, а чаще с обрывами и уходом в никуда. Качество народа, его ценности и приоритеты меняются в течение исторического времени. Реальное содержание правовой системы иногда необходимо искать не только в тексте закона, но и во внетекстовых факторах, проявлениях этих факторов и их действиях. Чаще всего значение внетекстовых факторов больше. Именно внетекстовые факторы создают фон для всей правовой системы.

Поскольку норма есть математический алгоритм, то при столкновении математического алгоритма с живым потоком, т. е. феноменом физического мира, показания математики становятся неточными. Получается, что определяя норму (т. е. математический алгоритм идеального ума), мы упрощаем понимание этого феномена и вместо того, чтобы изучать действительность во взаимодействии с социальной и её производной правовой системой, начинаем измышлять и выдумывать. И выдуманное мы часто принимаем за настоящее. Трудности в понимании правовых систем связаны, наряду с другими явлениями, именно с этими феноменом.

Правовая система есть продукт, по содержанию, своего живого потока. Она несет в себе смысловые нагрузки и систему ценностей своего этнокультурного мира. Даже в первом срезе наблюдается соотносимость понятий выраженных словами-концептами. Постоянно происходит изменение содержания понятий в родной этнокультурной системе. Что и говорить, если такое несоответствие возникает как следствие перевода, т. е. переноса из «чужой» системы. Происходит разбежка в смыслах и значениях слов, поскольку в иной системе она наполняется иными смыслами. Терминологически переносится калька, оригинальный смысл которой утрачен, а значение подменено [5,с.363]. Пассионарная этническая система способна переработать чужой концепт или сделать его ин-

дифферентным, т. е. сохранить его старое обозначение, а содержание априори будет своим.

Всякое слово и всякий текст укоренен в своем историческом времени [2, с. 173], и во всяком тексте мы имеем дело, как правило, чаще всего с переводом, переложением [2,с.167]. Обращаясь к юридической терминологии, следует учитывать, что реальный жизненный поток постоянно трансформируется и, следовательно, изменяется содержание концептов. Возникает разбежка между пониманием (правопониманием) и реальными жизненными процессами.

Для правовой системы самым благодатным временем является инерция спада темпоральности живого потока, когда живой поток движется плавно и без разрывов. Это «золотое время» для стабилизации правовой системы. Именно в это время происходит стабилизация в социальной сфере, что позволяет правовой системе в лице своих элементов и компонентов на некоторое время стать как бы статичными. Но это всегда связано с определенным временем и пространством.

Литература

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения./ С.С. Алексеев. – Москва. Норма,2001. – 748с.
2. Бибихин В.В. Слово и событие/ В.В.Бибихин.-Москва: Эдиториал УРСС. 2001. – 277с.
3. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки/ сост.: М. Бастракова и др. – 2-е изд. – 1988. – 336с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.:Танаис ДИ-ДИК,1994. – 544с.
5. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – Москва: РОСПЭН,1997. – 431с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ

Подорожная Т.С., Институт государства и права им. В.М. Корецкого

Обеспечение прямого действия Конституции Украины - одна из главных проблем современного государственно-правового развития. Являясь основой правовой системы и правопорядка в стране, Конституция выступает тем институтом, который характеризует правовую систему и показывает уровень правовой культуры нации [1, с. 205].

Статья 8 Конституции Украины гарантирует ее высшую юридическую силу и прямое действие и определяет ее верховенство на всей территории Украины. Эти принципиальные положения дают право непосредственно применять Конституцию в случае возникновения коллизий между Основным законом и иными нормативными правовыми актами, и когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее содержания, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность применения при условии принятия закона, регулирующего соответствующие правоотношения. В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции или подлежащего применению в конкретном деле закон, суд, руководствуясь Основным законом, вправе обращаться с запросом в Конституционный Суд Украины о неконституционности такого закона.

Право судов прямо применять Конституцию предусмотрено также статьей 6 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей», в которой говорится, что «суды осуществляют правосудие на основе Конституции и законов Украины, обеспечивая при этом верховенство права». Очевидно, что принцип прямого действия Конституции имеет значительные законодательные гарантии. Главным проводником этого свойства Конституции есть судебные органы, которые все чаще обосновывают свои решения, ссылаясь на конституционные нормы.

Впрочем, нужно помнить, что положения статьи 8 Конституции Украины не может иметь абсолютного значения. Во-первых, большинство норм Кон-

ституции, в том числе и те, которые регулируют отношения по обеспечению правового порядка, по своей природе имеют очень абстрактный характер, что не позволяет гражданам и судебным органам применять их в решении конкретного дела. Как известно, Конституция не может установить всю совокупность отношений, действующих в обществе, через закрепление конкретных прав и обязанностей участников правовой жизни. Она интегрирует общественные отношения и одновременно «укрупняет» права и обязанности, трансформируя их в обобщенные оценки поведения по отдельным видам субъектов. Многие нормы Основного закона должны более или менее общий характер, и это накладывает существенный отпечаток на формы их реализации. Но это не значит, что они вообще не участвуют в регулировании общественных отношений. Все они имеют регулировочное значение и действующий характер. Законы и иные правовые акты, изданные на основе Конституции, развивают и дополняют ее положения. В этом и заключается прямое действие ее норм. Во-вторых, прямое действия норм Конституции препятствуют оговорки и ограничения, содержащиеся в ее тексте, которые можно преодолеть только с помощью дополнительного правового регулирования. В-третьих, прямое действие некоторых норм может сдерживаться отсутствием политических решений по важнейшим вопросам жизни общества и государства.

Конституционализация - это не только коренные преобразования действующего законодательства. По своему характеру, масштабности она призвана обеспечить прогресс всей правовой системы. Вот почему, опираясь на положения Конституции, ее нормы, требования, все государственные органы, общественные организации, граждане имеют участвовать в работе, направленной на реализацию соответствующего процесса. Основой для конституционализации национального законодательства выступает эффективная реализации Конституции Украины, поскольку содержание и действенность Основного закона определяют демократизм, стабильность и социальную эффективность государственных и общественных институтов. На этой основе государственные предписания воплощаются в реальную деятельность субъектов права, а их требования

превращаются в правомерное поведение. Стоит отметить, что правовая система Украины ориентирована не на полное урегулирование всех отношений в обществе, становится невозможным вследствие ее непрерывного развития, а предполагает наиболее оптимальную для демократического правового государства процедуру устранения недостатков в праве, путем совершенствования законодательного регулирования в целом.

Конституция является системным фактором конституционного права и национальной правовой системы в целом. Именно в этом и сущность конституционализации отечественного законодательства в его развитии [2, с. 3]. Значение Конституции Украины как основы национального законодательства, акта, обладающего высшей юридической силой, вызывает требование конституционности нормативно-правовых актов, в которой нужно понимать состояние соответствия нормативно-правовых актов «букве» и «духу» конституционных норм. То есть конституционность можно рассматривать как определенный общественно-политический режим, при котором эффективно функционирует государство и все ее институты. Обеспечение конституционности норм права, однозначного их применения всеми правоприменителями, достижения устойчивости и стабильности правового регулирования во всех сферах жизни общества - это и есть основная цель развития правовой системы.

Литература

1. Подорожна Т. С. Теоретико-прикладні засади конституціоналізації правової системи та модернізації Конституції України : монографія / Т. С. Подорожна; за ред. і з передм. проф. Н. М. Пархоменко. – Львів : ПАІС, 2014. – 308 с.

2. Теорія і практика конституціоналізації галузевого законодавства України: монографія [наук. Ред. Ю. С. Шемшученко, відп. Ред. Н. М. Пархоменко]. – К.: Вид-во «Юридична думка», 2013. – 308 с.

ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ПОДХОДЫ К ДИСКУССИИ

Росик Т.В., Институт государства и права им.В.М. Корецкого

Судебная практика в научном плане – явление сложное многогранное, которое имеет изменчивый характер под воздействием особенностей развития правовых систем. В современных условиях проблема правотворческого влияния судебной практики значительно актуализируется, что объясняется интеграцией правовых систем, их взаимодействием, влиянием глобализационных процессов на явления государственно-правовой действительности. В современной юридической литературе учеными неоднократно поднимается вопрос необходимости переосмысления правотворческой роли судебной практики [1; 2; 3]. В связи с этим, учитывая особенности современной юридической практики и правотворчества, постараемся обобщить проблематику современного понимания правотворческой роли судебной практики. По нашему глубокому убеждению, развитие взаимодействия судебной практики и правотворчества сегодня зависит от доктринального признания или категорического непризнания судебного правотворчества в качестве отдельного вида правотворческой деятельности, а судебной практики в качестве самостоятельного источника права. Именно от этого могут быть получены ответы на вопросы совершенствования взаимодействия судебной практики и правотворчества как явлений, имеющих тождественную природу, сущность и содержание, соотносящихся между собой как категории «особое» и «общее»; или как явлений, только взаимосвязаны между собой, поскольку являются разновидностями юридической практической деятельности и не порождают правотворческие последствия. Ответ на указанный вопрос в доктринальном плане следует рассматривать в контексте положений, которые аргументируют целесообразность признания за судебной практикой правотворческих свойств или непризнания. Соответственно будет дан ответ и по статусу актов судебной практики: либо статус правотворческого акта, который наделен нормативными общеобязательными характеристиками, либо ста-

тус правоприменительного акта, который имеет ненормативный индивидуальный характер.

В качестве аргументов, которые могут подтвердить правотворческий характер судебной практики можем отметить следующие:

1) усиление роли судебной практики в жизнедеятельности общества и государства, что свидетельствует о возможности и целесообразности предоставления правотворческих полномочий судебным органам, которые будут иметь авторитетный характер и обеспечивать правовое регулирование в тех случаях, когда «традиционное» правотворчество "не успевает" за потребностями общественного и государственного развития;

2) судебная практика в сравнении с правотворческой деятельностью может значительно «оперативнее» обеспечивать регулирование общественных отношения на общенормативном уровне;

3) судебная практика наиболее объективно выявляет те недостатки законодательства, устранение которых возможно с помощью судопроизводства;

4) судебная практика является средством обеспечения законности в правотворчестве, обеспечивая судебный контроль за качеством законодательства;

5) также следует отметить и существующую тенденцию к взаимопроникновению правовых систем, следствием чего стало усиление роли судебной практики, в том числе и в сфере правотворчества.

В то же время следует указать и на те аргументы, которые отрицают правотворческую роль судебной практики. Соответственно и их взаимодействие следует рассматривать не в контексте их правотворческой деятельности, а в контексте их взаимодействия как самостоятельных юридических явлений (процессов). К таким положениям относятся:

- во-первых, идея о том, что признание за органами судебной власти правотворческих полномочий, а соответственно и предоставление актам судебной власти статуса актов правотворчества, в определенной степени противоречит принципу разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Соответственно правотворческая деятельность судеб-

ных органов будет такой, что может свидетельствовать о частичной узурпации власти в части осуществления правотворческой деятельности. Правотворческая деятельность должна осуществляться органами законодательной власти – в части законодательной деятельности и органами исполнительной власти - в части подзаконного нормотворчества;

- во-вторых, правотворческий характер деятельности органов судебной власти не отвечает устоявшимся характеристикам правовых систем романо-германского типа, к которым относится и правовая система Украины;

- в-третьих, с практической точки зрения признается нецелесообразным предоставление судебным органам власти правотворческих полномочий, что может привести к хаотичности и непоследовательности правотворчества в целом.

Литература

1. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / П. А. Гук. – М., 2012. – 232 с.
2. Казаков Д. В. Политический фактор в законотворчестве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д. В. Казаков. – М., 2010. – 19 с.
3. Рогожин Н. А. Роль судебной практики в совершенствовании правового регулирования предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н. А. Рогожин. – М., 2003. – 198 с.

ПРИНЦИП ГУМАНИЗМА В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Титова Т.В., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В статье даётся анализ Конституции РФ и Конституции Республики Беларусь с точки зрения отражения в них основных гуманистических начал.

Под принципами права мы понимаем исходные (базовые) нормативно-правовые требования (императивы, субимперативы и т.п.), обладающие значительным уровнем фундаментальности, устойчивости и стабильности, легально выраженные в законах и иных нормативных правовых актах, которые обеспечивают высокое качество и эффективность правового регулирования общественных отношений, разнообразных типов, видов и подвидов юридической практики [1].

Большинство принципов права нашло свое закрепление в Конституциях России и Беларуси, законах и иных нормативных правовых актах этих государств. Их содержание, безусловно, отражает определенные особенности экономической, политической, социальной, национальной, духовной и правовой систем данных стран.

Необходимость закрепления конституционных норм, направленных на защиту интересов человека, в настоящее время обусловлена возрастающей актуальностью проблемы безопасности и защиты прав человека от терроризма, вооруженных конфликтов, киднеппинга и пр.

В основу закрепленных в конституциях России и Беларуси фундаментальных прав и свобод человека легли нормы международных актов в области прав человека, в том числе Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г.

Ученые - юристы подсчитали, что примерно из 70 конкретных гражданских прав и свобод человека, провозглашенных в Декларации прав человека 1948 г. и закрепленных в последующих международных пактах, в Конституции РФ воспринято около 40 [2]. В Конституции Республики Беларусь более 50% статей посвящены закреплению прав и свобод граждан.

Принцип гуманизма провозглашается высшей ценностью в российской (ст. 2) и белорусской (ст. 2, 21) правовых системах. Право, правотворчество, юридическая деятельность судов, правоохранительных и иных компетентных органов в этих странах должны быть направлены на удовлетворение материальных, духовных и иных потребностей человека, своевременное и правильное осуществление его прав и свобод, служить надежным средством охраны жизни, здоровья, чести и достоинства [3].

Конституции РФ (ст. 19) и РБ (ст. 22, 32, 42) уравнивали всех перед законом и судом, гарантировали равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и т.д.

Одним из самых основных прав человека, самая главная ценность – это право на жизнь, право, которое закреплено в Конституции РФ (ст. 20) и в Конституции Республики Беларусь (ст. 24) и предполагает государственную его защиту.

Как отмечают многие авторы, реальность обеспечения права на жизнь – один из существенных показателей степени демократичности и гуманизма государства и его должностных лиц. Право на жизнь является предпосылкой осуществления всех прав человека и гражданина. Если жизнь является объектом угроз, то теряется смысл существование всех прав личности. Именно абсолютный характер жизни предопределяет высочайшую ценность права на жизнь в системе всех прав [4].

Конституции РФ (ст. 21) и Республики Беларусь (ст. 24) содержат императив, предписывающий государству охранять достоинство личности, отрицая любое основание для его умаления. Право на достоинство означает, что люди должны быть свободны в своих стремлениях и выборе образа жизни. Признание этого права предполагает отказ от любых форм рабства и принуждения. Государственной защите подлежит достоинство любого человека независимо от социального и иного статуса [5].

Право, данное человеку от рождения, предоставляет свободу его собственного жизненного выбора во всех отраслях и сферах его деятельности. Реализация этого права распространяется на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную свободу, защиту своей чести и доброго имени. Кроме этого, согласно ст. 26 Конституции РФ и ст. 50 Конституции Республики Беларусь каждый вправе самостоятельно определять свою принадлежность к той или иной национальности, принуждение любого рода в данном вопросе недопустимо.

Таким образом, анализ лишь некоторых статей Конституции РФ и Конституции Республики Беларусь дает основание утверждать о фундаментальном характере и насыщенном юридическом содержании принципа гуманизма в правовых системах этих стран.

Литература

1. Карташов В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавров /В.Н. Карташов, Ярославль: ЯрГУ, 2012. с. 84.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011. с. 13.
3. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2 т.Т.1/В.Н. Карташов. Ярославль: ЯрГУ. 2005. с. 115.
4. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, Н.И. Беседкина, А.Н. Головистикова и др.; под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Юстицинформ, 2007. с. 163.
5. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по жилищным делам: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2013. с. 97.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Удовика Л.Г., Запорожский национальный университет

Общепризнанно, что глобализация как новый тип общественного развития приводит к трансформации, а в ряде случаев – разрушению национальных экономических, правовых, политических, социокультурных структур, поиску и внедрению новых критериев и средств стабилизации общественного развития. В условиях глобализации и регионализации формируются соответствующие новым условиям инструменты (экономические, правовые, политические), построенные на принципах геостратегического партнерства, результатом использования которых являются не только позитивные изменения, но и деформации национальной правовой системы. Глобализационные трансформации во всех сферах общества стирают границы между внутренней и внешней политикой государства, между разными национальными правовыми системами, их отдельными институтами и элементами, в результате чего появляются глобальные инструменты управления и институты обеспечения реализации такого управления, новые правовые нормы. В соответствии с этим, традиционные инструменты общественного развития, сформированные в пределах национальных государств, теряют свою силу и значимость.

Новый тип общественного развития, обусловленный глобализационными трансформациями, активизирует поиск новых, более действенных и адекватных средств правового регулирования и правового влияния как на глобальном, так и национальном уровнях. Ученые разделяют точку зрения, что глобализация как новый тип общественного развития выполняет ряд функций, прежде всего: содействие, стимулирование, трансформацию, приведение к единому знаменателю разных аспектов мировых связей. Новые процессы и явления, связи и зависимости, сформированные в условиях глобализации, детерминируют возникновение нового качества в развитии современного мира в целом, национальной правовой системы в частности. Изменениям подвергаются все вертикальные уровни структурной организации человечества, его горизонтальные

системные элементы и пространственные параметры, в том числе правовые. Именно поэтому современные ученые подчеркивают, что большей частью процесс глобализации как новый тип общественного развития целесообразно рассматривать лишь в том контексте, в котором он является средством стимулирования трансформационных условий развития общества, лишь бы те отвечали общемировым критериям развития» [79, с. 83].

Под влиянием глобализации в целом, правовой глобализации в частности, изменяются как правовые системы, так и формы их взаимодействий между собой и с другими социальными системами, что обуславливает необходимость их теоретического осмысления, направленного на определение фундаментальных трансформаций современных правовых систем на основе современной юридической науки, новых методологических подходов, представленных постнеклассической рациональностью, синергетикой, постмодернизмом, плюралистическим правопониманием.

Перманентный характер мирового правового развития, усиление взаимодействия и взаимозависимости национальных правовых систем, их интеграция, обретение ими новых свойств, приводят к тому, что классификация, идентификация и типологизация национальных правовых систем по определенными признаками усложняется, а перечень используемых критериев расширяется. Учитывая тот факт, что правовая глобализация – доминирующий внешний фактор трансформации национальных правовых систем, который в значительной мере определяет направления и тенденции их дальнейшего развития, считаем, что одним из критериев классификации национальных правовых систем является степень глобализационных трансформаций правовой системы. При идентификации правовой системы в качестве глобализированной необходимо учитывать и другие однопорядковые, но разнонаправленные процессы мирового развития, а именно: локализацию как обратный, противоположный глобализации процесс, направленный на сохранение особенного, традиционного; локализацию как определенное единство глобальных и локальных экономических, правовых, политических, культурных, моральных факторов, регионализацию –

определенное единство разнообразных форм экономических, правовых, политических, культурных и других особенностей, присущих территориальным сообществам, которые проявляют себя в идеях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности определенного региона и соответствующую политику, направленную на объединение группы государств определенного региона, зависимых один от другого в экономическом, политическом и военном аспектах.

Важным является и установление переходного состояния – фрагментарной глобализации, которая отображает, с одной стороны, наличие значительных показателей (количественных и качественных) процесса глобализационных трансформаций, а с другой, – неопределенность или противоречивость дальнейшего развития, результатом чего может стать переход к другому качеству правовой системы (как к глобализированной, так и к локализованной).

Понимание и толкование содержания критерия глобализационных трансформаций правовой системы основывается на законе взаимного перехода количественных и качественных изменений. Отображением взаимосвязи количества и качества является мера как способ определения количества относительно качества. В исследовании влияния глобализации на развитие национальной правовой системы определяющей есть субстанционная мера как закон структурной организации системы, соответствие количественных моментов в составе и структуре системы ее количественной специфичности. Именно этот тип меры содержит в себе причинное объяснение глобализационных трансформаций правовой системы.

Содержание критерия глобализационных трансформаций правовой системы, по нашему мнению, состоит в совокупности нескольких составляющих (качественных и количественных), которые проявляются на уровне ее подсистем и элементов, а именно: 1) в идеологической подсистеме: в распространении глобальных правовых идей, теорий; либеральной правовой идеологии, мировых и европейских правовых стандартов, их отображении в правовой политике, правовой аккультурации, глобализации правового сознания; 2) в нормативной

подсистеме: в появлении новых принципов и норм, которые отображают и воплощают глобальные правовые идеи; правовой интеграции; усилении влияния международного права на национальное право и законодательство; процессах адаптации, гармонизации, унификации национального права и законодательства; 3) в институциональной подсистеме: в расширении круга субъектов правовой системы; трансформации их правового статуса на основе учета глобализационных трансформаций; 4) в функциональной подсистеме: в реализации мировых и европейских стандартов правоприменения, прежде всего, в сфере защиты прав человека, судопроизводстве; 5) в интегративно-коммуникативной подсистеме: в трансформации, переформатировании связей как между отдельными подсистемами и элементами, так и с другими системами общества; интеграцией национальной правовой системы с другими правовыми системами: национальными, межгосударственными и международной.

Итак, к содержанию глобализационных трансформаций правовой системы следует отнести: 1) качественные изменения национальной правовой системы на уровне ее подсистем и элементов; 2) количественные изменения, которые фиксируются в таких индексах: Индекс глобализации стран мира по версии КОФ, Индекс глобальной конкурентоспособности, Индекс верховенства права в странах мира, Индекс демократии стран мира, данных Доклада о состоянии свободы в мире и др. Лишь при наличии в правовой системе указанных взаимосвязанных количественных и качественных показателей, их определенной взаимозависимости, национальную правовую систему можно идентифицировать как глобализированную.

Основываясь на комплексном критерии глобализационных трансформаций правовые системы можно типологизировать (классифицировать) на такие типы: 1) глобализированные; 2) фрагментарно глобализированные; 3) глокализированные; 4) локализованные[2].

Глобализированная правовая система – это национальная правовая система, которая функционирует и развивается учитывая в национальном праве и законодательстве международно-правовые нормы, при активном взаимодействии

вии национальной правовой системы с международными органами и организациями, проводит политику правовой интеграции, интернационализации, адаптации, гармонизации, имплементации, унификации норм (например, правовые системы Швеции, Дании, ФРГ, Австрии и др.).

Фрагментарно глобализированная правовая система (переходная) – национальная правовая система, которая функционирует и развивается, учитывая отдельные составляющие правовой глобализации, а ряд ее элементов и подсистем остается в неизменном виде (например, правовые системы Украины, Грузии).

Локализованная правовая система – национальная правовая система, которая функционирует и развивается на основе специфического объединения глобальных и локальных экономических, правовых, политических факторов, которые проявляются во всех подсистемах и элементах правовой системы, системе права и законодательства, правовой культуре, правовой политике и т.п. (например, правовая система Китая, Бразилии, России).

Локализованная правовая система – правовая система, которая функционирует и развивается в обратном, противоположном глобализации направлении, сохраняя традиционные элементы и связи правовой системы (например, правовые системы Нигерии, Алжира, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана).

Основой формирования глобализированных и локализованных правовых систем стали базовые мегатенденции глобального цивилизационного развития, а именно: «культурная поляризация», «культурная ассимиляция», «культурная гибридизация» и «культурная изоляция», которые на фоне усиления геополитических процессов борьбы за природные ресурсы, усиление экономического, политического, военного влияния и контроля на глобальном или региональном уровне приобретают новое содержание и направление.

Таким образом, в современном мире в условиях глобализации, локализации, локализации сосуществуют глобализированные, фрагментарно глобализированные, глокализованные и локализованные правовые системы. Разме-

жевание указанных типов правовых систем осуществляется на основе критерия глобализационных трансформаций, который отображает экономическую, политическую, правовую, культурную, социальную глобализацию. Правовая глобализации состоит в проникновении процессов правовой интеграции, правовой интернационализации в подсистемы правовой системы, которые трансформируют содержание и направленность ее элементов, связей, подсистем. Если анализ качественных и количественных показателей свидетельствует о высоком уровне глобализационных трансформаций, то национальная правовая система становится глобализированной; в случае низкого уровня глобализационных трансформаций правовую систему можно идентифицировать как фрагментарно глобализированную; в случае спецификации процесса глобализации – глокализованную; в случае развития национальной правовой системы в противоположном глобализации направлении ее следует идентифицировать как локализованную.

Глобальные тенденции правового развития существенным образом зависят от особенностей развития национальных правовых систем, их взаимосвязи, и наоборот, развитие национальных правовых систем зависит от глобальных тенденций правового развития. Именно на уровне национальных правовых систем, учитывая их специфику, проявляются особенности дихотомии глобальности-локальности. Если межгосударственные и международная правовые системы тяготеют к глобальности, то национальная – к сохранению самобытности, к распространению своих особенностей на другие правовые системы. Отличительные особенности в национальных правовых системах служат причиной их разнообразия, приводят к тому, что они по-разному воспринимают и отображают процессы глобализации, глокализации, локализации.

В ближайшей перспективе глобализация будет иметь более сложное и противоречивое влияние на правовые системы разных типов и уровней, вызывать ряд противоречий, обусловленные разными правовыми идеологиями, демократическими и авторитарными традициями, сакральными, религиозными, традиционными ценностями своеобразно отображенными в праве, разным ви-

дением путей и средств обеспечения дальнейшего правового развития, решения глобальных проблем, устранения глобальных рисков и угроз, мерой открытости и прозрачности правовой политики, экономическим, военным, политическим могуществом государства.

В условиях глобализации оптимальное сочетание международного и национального права будет выступать наиболее действенным средством стабильного развития национальной правовой системы. Устранение отрицательных проявлений глобализации в межкультурном, межнациональном и межгосударственном взаимодействии возможно только при условии взвешенного отношения к правовым стандартам, признанию существующих правокультурных отличий. Именно поэтому, перед правовыми системами Украины и Беларуси стоит ряд сложных вопросов и проблем, от своевременного и оптимального решения которых зависит их будущее.

Литература

1. Войтович Р. В. Вплив глобалізації на систему державного управління (теоретико-методологічний аналіз): монографія / за заг. ред. д-ра філос. наук, проф. В. М. Князева. – К.: НАДУ, 2007. – 640 с.
2. См.: Удовика Л. Г. Правова система України : глобалізаційні трансформації [моногр.] / Л. Г. Удовика. – Запоріжжя: КСК Альянс, 2014. – 320 с.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВОЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СМЕШАННОГО ТИПА

Шаляпин С.О., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В.Ломоносова

Современная компаративистика от исследований технических параметров, сближающих действующие правовые системы, все чаще переходит к познанию внутренних, культурно-цивилизационных базовых ценностей, лежащих в основе каждой правовой системы. Одним из важнейших критериев систематизации правовой картины мира является отнесение той или иной национальной правовой культуры и соответствующей системы к определенной религиозно-мировоззренческой традиции [1, с.11]. Вместе с тем, выделять среди современных правовых систем категорию «чистых» систем, изолированных от влияния иных правовых традиций, вряд ли возможно. Так, авторы канадского проекта «JuriGlobe», сформулировавшие понятия «смешанной» и «чистой» систем права, считают последними (с некоторыми оговорками) лишь системы континентального, общего, обычного и мусульманского права [2]. Все еще заметный в юридическом сообществе евроцентризм ставит те смешанные правовые системы, которым не чуждо сохранение традиций конфессионально окрашенных норм, в ряд систем «ненастоящего» права, а государства, поддерживающие подобные национальные правовые системы объявляются «государствами, не обладающими правовыми традициями, или государствами, подчинившим право религии или идеологии, что не позволяет их относить к правовым государствам» [3, с.105].

Таким образом, смешанные правовые системы, право в которых в сколько-нибудь значительной степени религиозно детерминировано, представляются зачастую находящимися на более низкой эволюционной ступени развития. Само же конфессиональное право в глазах исследователей приобретает налет архаики, пережитка, достойного перемещения в музей всемирного права, а не использования и органичного встраивания в действующие правовые механизмы. Одной из актуальных задач современной компаративистики, на наш взгляд, яв-

ляется выработка более взвешенных критериев использования методологии сравнительного правоведения при рассмотрении вопросов о взаимодействии различных по происхождению элементов смешанных правовых систем. В том числе, элементов нерелигиозного и религиозно-правового характера.

Интересно, что критике за сохранение элементов религиозного права чаще подвергаются не те государства, для которых право и религия традиционно представляются двумя сторонами единой регулятивной системы, а те, которые, по общему мнению, принадлежат к правовым семьям, религиозный фактор в которых не постулируется явно. Например, весьма критично европейские юридические институты относятся к правовой системе Греции. Видный греческий правовед и политик, Евангелос Венизелос определил отношение западного либерального общества к особому статусу православной религии в Греции и влиянию православия на национальную правовую систему этой страны как «тройную несправедливость»: «Греческое государство при таком подходе представляется отсталым в правовом отношении, страдающим недостатком демократических или государственно-правовых основ. Греческое общество представляется менее открытым и терпимым по сравнению с обществом других европейских стран, а православная церковь – консервативной и устрашающей по сравнению с другими христианскими догмами» [4, с.19-20]. При этом основанием для подобных необъективных оценок служат выводы, сделанные на основе использования простых правовых сравнений. Указывая на необоснованность линейного или выборочного использования сравнительных методов тот же автор утверждает: «Греческое государство не является неполноценным в правовом отношении, как думают те, кто или игнорирует, или использует лишь выборочно сравнительные данные» [4, с.20].

Таким образом, использование компаративистики для объективной и всесторонней оценки состояния смешанных правовых систем современности, содержащих элементы конфессионального права, возможно лишь в рамках концепции правового плюрализма, рассматриваемого как ключевая концепция для постмодернистского взгляда на право вообще [5, р.357-358]. Данная кон-

цепция, отрицая однолинейную эволюцию права, его деление на «высшие» и «низшие» формы, признает множественность форм его существования, исключая оценочные суждения в отношении тех или иных правовых систем. В рамках данного подхода суждение об архаичности конфессионально-правового элемента в современных правовых системах может быть обосновано только в случае, когда реальная правовая практика и правосознание общества пришли в неразрешимое противоречие с конкретной нормой религиозного права.

Литература

1. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т.1. М.: Статут, 2010. 429 с.
2. Проект JuriGlobe – World Legal System. Вступительные замечания. / Сайт «University of Ottawa». Режим доступа: <http://www.juriglobe.ca/rus/sys-juri/intro.php>. Дата доступа: 10.06.2015.
3. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2011. 576 с.
4. Венизелос Е. Отношения государства и церкви: взгляд через призму конституции. М.: Новое издательство, 2008. 172 с.
5. Merry S.E. Anthropology, Law and Transnational Processes // Annual Review of Anthropology. 1992. № 21.

РАЗДЕЛ III. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Ершова И.В., Северный (Арктический) Федеральный Университет им. М.В. Ломоносова

В современной юридической литературе сложилось представление о том, что гражданское общество – это многоуровневая, плюралистическая, саморазвивающаяся система, затрагивающая все сферы жизнедеятельности общества, в которой индивиды реализуют свои частные интересы. Идея гражданского общества заключается в том, что это сфера негосударственного бытия свободных индивидов. Сущностью гражданского общества является установление свободы индивида.

Классическое определение гражданского общества дает Георг Гегель, под которым понимает «дифференцию, выступающую между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [1, с.227]. В рамках гражданского общества каждый индивид предстает как цель. При этом Гегель подчеркивал, что без соотношения с другими индивидами он не может достигнуть своих целей во всем их объеме. Гражданское общество, по мнению Гегеля, может быть создано лишь в современном мире, под которым понимается европейское буржуазное общество. Соответственно, Гегель предлагает в качестве базиса наличие развитого государства. В контексте гражданского общества подчеркивается взаимосвязь экономической, политической и социальных сфер и их диалектическая связь с государством. Однако в гегелевской концепции гражданского общества не предполагается достижение подлинной свободы граждан. Таким образом, Гегель сделал важное замечание по поводу гражданского общества, обозначив диалектическую связь между различными сферами и представив в качестве самостоятельной структурной единицы семью и отдельного индивида в частности.

Позиция дифференциации гражданского общества от государства, обоснованная Гегелем, заложена в современное понимание гражданского общества.

Так, Валентий А.А. под гражданским обществом понимает «систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, в задачу которых входит обеспечение условий для самореализации отдельных индивидов, удовлетворения частных индивидуальных или коллективных интересов и потребностей» [2,с.26]. В качестве институциональной основы гражданского общества автор выделяет семью, церковь, систему образования, научные, профессиональные и иные объединения, ассоциации и организации.

Современное гражданское общество основано на экономической, политической, правовой и социокультурной основе, предполагающей определенную свободу граждан. Экономическая свобода определяется неприкосновенностью частной собственности гражданина. По мнению Ю. Г. Павленко, основными субъектами современного государства являются власть, бизнес и гражданское общество. От взаимодействия данных субъектов зависит состояние и динамика развития государства, включая его материальную основу – экономику, а также весь комплекс экономических отношений, как на макро- так и на микроуровне [3, с.212]. В политико-правовой сфере гражданская свобода выражена в политическом плюрализме, законодательстве, построенном на принципах демократизма, гуманизма и справедливости, закрепляющем и гарантирующем права и свободы человека и гражданина; в возможности управления государством посредством членства в общественных союзах, политических организациях, организациях с незначительным политическим аспектом, таких как профсоюзы, общества (кружки) по интересам. Интересной представляется позиция А.Я. Рубинштейна по поводу взаимообусловленности общественных и частных интересов на базе гражданского общества. Автор исходит из того, что политические решения формируются в процессе работы парламента, который настолько демократичен, насколько демократична политическая система в целом. На этом поле и генерируется общественный выбор, который лишь до некоторой степени отражает интересы различных общественных групп и обусловлен во многом имеющимися институтами гражданского общества [3, с.30]. Свободу на социокультурном уровне Л.Ю. Грудцына связывает, например, с ликвидацией со-

словных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека, который превращается из подданного в гражданина с равными для всех юридическими правами. В этих условиях поведение человека определяется его собственными интересами и на него ложится ответственность за все его действия. Такая личность превыше всего ставит собственную свободу, уважая и законные интересы других людей [4, с.78].

В заключении отметим, что представляется важным обращение к теоретическому опыту прошлых поколений классических ученых, заложивших теоретические основы и раскрывших сущность гражданского общества. Изучив классическую модель гражданского общества по Г. Гегелю, становится очевидным и его сегодняшнее понимание. В рамках гражданского общества индивиды свободно реализуют свои частные интересы, объединяясь в социальные общности, группы по интересам. Таким образом, они представляют собой взаимодействие свободных членов общества, потому можно утверждать, что гражданское общество является саморегулирующейся системой, состоящей из множества согласованных друг с другом элементов. Приоритетом в гражданском обществе является самореализация личности с набором ее определенных прав, свобод и обязанностей.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524с.
2. Валентий А.А. Соотношение понятий «гражданское общество» и «правовое государство» // Современное право № 10,2009.С.24 – 27.
3. Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика/ под ред. А.Е. Лебедева, А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алатея, 2011. 348 с.
4. Грудцына Л.Ю. Исторические особенности возникновения гражданского общества в России //Законодательство. Экономика, №6, 2009.С.78- 86.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Земляков Л.Е., Белорусский государственный университет

Северин Э.Н., Брестский государственный университет

Перечень прав и свобод человека, сформированный в настоящее время и закреплённый в международных документах и конституциях государств, является плодом длительного исторического развития политико-правовой и философской мысли, на базе которых формировались определённые теории и стандарты прав человека, демократического и правового государства. Человечество на протяжении всей своей истории пытается найти пути и способы формирования взаимоотношений индивида и власти. В результате в науке прав человека сформировался ряд концепций понимания прав человека: естественно-правовая, позитивистская, социалистическая, теологическая и универсальная.

Нам представляется, что в политической науке сформировались три подхода к пониманию прав человека: нормативистский, ценностный и универсальный. Нормативистский подход является отражением позитивистской и социалистической концепций и опирается на политико-правовые нормы и политические отношения касательно признания и защиты прав человека и образуют объект прав человека.

Ценностный подход, опираясь на естественную и теологическую концепции, определяет права человека как ценность. Основной упор в данном подходе делается на критерии ценности этих прав и, следовательно, объектом прав человека должны служить эти ценности. Но пока ещё эти ценности до конца не определены в теории, а в нормативных актах – относительны.

Универсальный подход к пониманию прав человека устанавливает, что права человека являются универсальным явлением, т.е. в него входят политические, экономические, правовые, социальные, культурные, и иные факторы, оказывающие влияние на содержание прав человека.

Существующие концепции и подходы к пониманию прав человека заложили основу для современного понимания и восприятия прав человека. Данные концепции, на наш взгляд, сформировали три основных аспекта, на кото-

рых базируется современное понимание прав человека: во-первых, каждая власть имеет свои ограничительные рамки; во-вторых, у каждого человека есть своя автономная сфера, в которую никакая сила не может вторгнуться; в-третьих, каждый человек наделён средствами и механизмами действий против государства с целью защиты своих прав.

В настоящее время в политической науке Беларуси сформировалась новая концепция прав человека, которую условно можно назвать гуманистической концепцией прав человека. Эта концепция базируется на основных постулатах естественно-правовой, позитивистской, социалистической, теологической и универсальной концепций прав человека. Права человека, имея естественное происхождение, к XX веку получили признание на мировом уровне и трансформировались в международные стандарты по правам человека, т.е. получили универсальный характер и позитивное закрепление, которое в последствии получило продолжение на национальном уровне в виде закрепления в конституциях государств с учётом национальных особенностей каждого из них. Таким образом, на наш взгляд, эта концепция базируется на двух основных составных частях – признанных международных стандартах в области прав человека и политико-правовой регламентации прав человека в Конституции Республики Беларусь. В своей совокупности они отражают современное состояние прав человека и могут определить дальнейший вектор их развития.

Конституция Республики Беларусь формулирует триаду положений, в рамках которой реализуются права человека – признание, соблюдение и защита. Признание прав человека находит выражение в их официально-конституционном, законодательном и ином нормативном закреплении. Соблюдение означает выполнение органами государственной власти, органами местного управления и самоуправления и их должностными лицами конституционных норм о правах человека. Защита представляет собой деятельность органов государственной власти, местного управления и самоуправления и их должностных лиц, направленную на восстановление нарушенных или оспариваемых прав охраняемых законом интересов граждан.

Закрепив данную триаду положений, государство берет на себя определенные обязательства по обеспечению прав человека. Первые два элемента выступают в качестве материального наполнения содержания прав человека в то время как последний элемент указанной триады выступает в качестве процессуального обеспечительного механизма, без которого первые два положения не функционируют. Именно формирование действенного механизма их защиты являются стержневыми вопросами в системе прав человека.

Мировой опыт оказал несомненное влияние на современную белорусскую политику в сфере прав человека которая однако в силу исторических традиций и современных политических реалий юридически находится в рамках признанных международных стандартов в области прав человека, а политически в рамках политико-правовой регламентации прав человека в Конституции Республики Беларусь с учетом попыток включения в законодательство института Уполномоченного по правам человека.

Литература

1. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения в 4 т. – Минск: Амалфея, 2009.

Конституция Республик Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями-принятыми на Республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск:Амалфея, 2014. – 4.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: ИДЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И «РАЗМЫТЫЕ» ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ И ИХ ОЦЕНКА СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА

Иниакова Е.Г., Российский государственный университет правосудия

Каждое государство выбирает пути достижения своего идеала, представления и защиты интересов своих граждан в сложном историческом процессе развития общества самостоятельно. Однако думается, что неясные представления о государстве, его наиболее значимых идеалах, целях и принципах деятельности, перспективах государственного строительства могут служить пред-

посылкой создания в России неправовых начал организации и функционирования государственной власти.

Многие государственно-правовые явления образуются в результате смешения различных элементов, неполноты, неоднородности признаков, не поддающихся исчерпывающему объяснению в рамках существующих понятий. Непонимание состояния и сущности происходящих государственно-правовых процессов не предоставляет возможности ответить на главный вопрос: каким путем идти к новым горизонтам?

Следует особо подчеркнуть, что идеальные представления о сущности правового государства и проводимых реформ не соответствуют сложившимся традиционным представлениям. Многие авторы полагают, что совокупностью факторов, лежащих в основе построения правового государства и проводимых государственных преобразований, являются созданные демократические устои, сложившиеся традиции подчинения закону, уважения прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее, очевидно, что на разных этапах реформ и развития государства приоритеты были совершенно разными.

В этой связи (в рамках несоответствия идеальных и традиционных представлений о природе правовой государственности и сущности проводимых реформ органами государственной власти) совершенно справедливы, реалистичны и, более того, по мнению автора, даже бесспорны слова Ю.Н. Старилова о том, что в рамках принципа «Все можно!», присущего нашему государству, не вполне обеспечены провозглашенные Конституцией права и свободы; зачастую создаются невыносимые жизненные условия для огромной части населения и налицо безответственность за совершенно дикую и беспросветную бедность (с невоплощёнными в реальности планами борьбы с нею); создана система, при которой к власти приходят конкретные люди (со ссылкой на то, что люди сами избрали их в рамках демократического избирательного процесса); подкупаются должностные лица органов государственной власти; общество разделено на «богатых» и «бедных» (при этом доказывается, что всякая реформа приводит к подобному результату, а в итоге приносит полезные плоды); образованные и

трудолюбивые люди оказываются совершенно безвластными и являются лишь «винтиками» машины, возглавляемой непрофессионалами; уничтожается вера человека в честного судью... При этом все можно сделать и все можно обосновать: можно наделать ошибок, приведших к ужасным трагедиям и не нести ответственности за эти негативные результаты [1; 256]. Но является ли это идеалом правового государства и символом грядущей жизни? В каких условиях проводимые преобразования будут поддержаны обществом?

Очевидно, что все происходящие перемены должны, в конечном счете, способствовать повышению благополучия и безопасности общества. Гражданское общество призвано разделять мировоззрение лидеров проводимых преобразований. При этом главным условием должна стать реальная практика проведения реформ, только тогда результаты преобразований могут быть положительными.

Государственная власть в правовом государстве должна быть эффективной и полезной обществу. Она должна быть доступной, ясной, законной и желаемой. Эти характеристики являются задачами первостепенной важности на современном этапе его формирования. Правовое государство включает в свое содержание известные многим принципы, среди которых: обеспечение прав и свобод человека и гражданина; создание режима правового ограничения государственных структур; взаимная ответственность государства и личности; обеспечение надлежащего уровня правосознания и правовой культуры в обществе; развитие гражданского общества и многие другие.

С сожалением отметим, что все перечисленные принципы правового государства (некоторые из них прямо закреплены в Конституции РФ), теряются и «растворяются», и хочется понять, на каком этапе становления правовой государственности в России стало возможным жить по иному принципу, следствием действия которого являются необеспеченность прав и свобод человека и гражданина (слабая гарантированность конституционного статуса личности), произвол государственной власти и коррупция?

Литература

1. Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное [Текст] / И.Л. Бачило. – М. : Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. – 280 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
2. Из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, сомнения... [Текст]: сборник избранных научных трудов / Ю.Н. Стариков; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. – 640 с.
3. Международное и внутригосударственное право в условиях глобализации : проблемы теории и практики [Текст]: материалы международной научной конференции 25-28 апреля 2011 г. – М. : РАП, 2012. – 809 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ладутько В.К., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Налоговая система в современном понимании должна быть построена таким образом, чтобы налоги не только обеспечивали мобилизацию денежных средств в государственный бюджет, но и стимулировали деловую активность субъектов предпринимательской деятельности. В этом аспекте наиболее актуальным является исследование вопросов повышения эффективности налоговой политики государства, одним из значимых показателей которой выступает оценка эффективности налогового администрирования, в том числе налогового контроля.

В мировой практике существуют различные подходы к организации системы налогового администрирования, при этом налоговый контроль рассматривается в качестве составляющей данной системы. Так, по характеру взаимоотношений налоговых органов с плательщиками выделяют две основные модели: агрессивная (репрессивная) и партнерская (превентивная) модели налогового администрирования [1]. Белорусской системе налогового администрирования присуща в

большой степени агрессивная модель налогового администрирования и, в частности, налогового контроля. В то же время острая необходимость борьбы с правонарушениями в сфере налогообложения требует совершенствования организации налогового контроля и привлечения к административной ответственности. Следует признать, что штрафная функция административной ответственности за нарушение налогового законодательства имеет ярко выраженный карательный характер и в настоящее время возникла необходимость переориентации деятельности контролирующих органов на предупреждение правонарушений посредством совершенствования нормативной правовой базы, повышения координации деятельности государственных органов в борьбе с правонарушениями в налоговой сфере, а также развития партнерской модели налогового администрирования.

В современной юридической и экономической науке большое внимание уделяется исследованию проблем организации и проведения налогового контроля, а также определению мер по повышению его эффективности. Под эффективностью налогового контроля понимают уровень действенности контрольной работы налоговых органов, характеризуемый показателями поступлений в бюджетную систему налоговых доходов; качеством проведения налоговых проверок; сокращением числа судебных разбирательств по результатам контрольных мероприятий; повышением исполнительской дисциплины и правовой культуры плательщиков [2, с. 185].

В настоящее время учеными-экономистами предлагаются различные методические подходы к оценке эффективности налогового контроля. Большинство авторов ключевым показателем эффективности налогового контроля называют собираемость налогов и сборов. Заслуживает внимание проведенная классификация показателей эффективности налогового контроля в зависимости от направлений налогового контроля. Так, для определения эффективности фискально-правового направления налогового контроля необходимо исследовать показатели собираемости налоговых платежей и экономичности контроля (т.е. затраты на его проведение). Для предупредительного направления налогового контроля используются следующие показатели: выигрыш в суде налоговых органов, уровень до-

судебного порядка рассмотрения налоговых споров, уровень недействительных решений налоговых органов (т.е. признанных судом недействительными), динамика и уровень задолженности по налоговым платежам. Для проверочного направления налогового контроля предлагается использовать следующие показатели эффективности налогового контроля: количество выездных налоговых проверок, качество камерального анализа, доначисления на 1 проверку, уровень доначислений, динамика налоговых преступлений, средний срок проведения налоговой проверки [3, с. 17].

Следует отметить, что в национальном законодательстве отсутствует нормативное закрепление каких-либо методических рекомендаций по оценке эффективности и результативности проведения налогового контроля. Перечень форм отчетности о результатах работы инспекций Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, утвержденный постановлением Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 28.11.2014 № 38, содержит только формы отчетов по контрольным мероприятиям налоговых органов.

В последнее десятилетие в научных публикациях предлагается новый современный подход к реализации налогового контроля, который направлен на достижение баланса интересов налоговых органов и плательщиков и реализуется с помощью инструментов налогового контроля, обеспечивающих правомерное поведение плательщиков, минимизацию издержек налогового контроля, сотрудничество субъектов налоговых правоотношений. Таким новационным инструментом налогового контроля является применение налогового консультирования. Формирование и развитие налогового консультирования является прогрессивным направлением совершенствования государственной налоговой политики, учитывая сложность современного налогового законодательства, возможность применения стимулирующих налоговых инструментов, призванным обеспечить прозрачность взаимодействия участников налоговых отношений, повысить налоговую культуру и ослабить налоговые риски государства и плательщиков при проведении налогового контроля. Мировой опыт свидетельствует о широком применении налогового консультирования. В Республике Беларусь данный вопрос находится пока на

стадии активного обсуждения, требует теоретического исследования, институционализации и законодательного закрепления.

Таким образом, в связи с отсутствием в Республике Беларусь системного подхода в оценке эффективности налогового контроля предлагается разработать положение (методические рекомендации) об оценке эффективности и результативности проведения налогового контроля. Для достижения баланса интересов налоговых органов и плательщиков при проведении налогового контроля, обеспечения правомерного поведения плательщиков, минимизации издержек налогового контроля и снижения налоговых рисков целесообразно присоединиться к общемировой тенденции по внедрению института налогового консультирования в Республике Беларусь.

Литература

1. Алиев, Б.Х. Совершенствование организации налогового контроля как фактор повышения экономической безопасности / Б.Х. Алиев, Х.М. Мусаева // *Налоги и финансовое право*. – 2014. – № 3.
2. Цивилий-Букланова, А.А. Налоговый контроль в системе обеспечения налоговой безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Цивилий-Букланова. – Омск, 2011. – 248 л.
3. Нестеренко, А.С. Организационно-методическое обеспечение эффективного налогового контроля в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / А.С. Нестеренко. – Саратов, 2011.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Осинов М.Ю., Всероссийская полицейская ассоциация

Проблема защиты прав человека – это одна из актуальных проблем современной юридической науки. Однако, на наш взгляд, вопросы эффективности защиты прав человека на сегодняшний день являются недостаточно разработанными. Считаем, что методика оценки эффективности защиты прав человека должна быть во многом обусловлена общей методикой определения эффективности правовых явлений. Общеизвестно эффективность права рассматривается как «соотношение между целями и результатом» [1, 2]. При этом, по нашему мнению, методика оценки эффективности защиты прав человека должна включать в себя определённые процедуры, связанные с: а) раскрытием смысла и назначением защиты прав человека в правовой системе общества; б) анализом действий, направленных на защиту прав человека, с точки зрения их соответствия заявленным целям; в) оценкой значимости данных действий для достижения заявленных целей; г) оценкой значимости последствий совершения либо несовершения указанных действий для достижения заявленных целей; д) качественно-количественной оценкой последствий совершения либо несовершения указанных действий для достижения заявленных целей; е) выявлением и оценкой возможных ошибок и неточностей при разработке стратегии и тактики защиты прав человека; ж) составлением многомерных шкал эффективности защиты прав человека; з) осуществлением хронологического мониторинга эффективности защиты прав человека; и) учетом всех факторов, влияющих на эффективность защиты прав человека.

На эффективность защиты прав человека влияют следующие факторы: а) знание основных прав и свобод человека и гражданина; б) знание оснований и пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина; г) знание основных способов и форм защиты прав и свобод человека и гражданина; е) умение устанавливать факт нарушения прав и свобод человека и гражданина; ж) умение выбирать способ и форму защиты прав и свобод человека и гражданина,

адекватный нарушению; з) умение грамотно собрать доказательства нарушения прав и свобод человека и гражданина; и) умение подготовить все юридические документы, необходимые для защиты прав и свобод человека и гражданина; ж) умение убедить суд или иной государственный орган в том, что нарушение прав и свобод человека и гражданина действительно имело место быть.

Анализ приведенных факторов показывает, что одним из важнейших условий повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина выступает правовая социализация, под которой следует понимать процесс формирования у человека знаний и представлений о существующем праве и правовой реальности, положительного отношения к праву и его предписаниям, способности индивида воспринимать правовую информацию, а также использовать действующие нормы права в процессе своей жизнедеятельности и общения.

Таким образом, правовая социализация является одним из важнейших условий повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, в ходе которой у индивидуума формируются необходимые знания, умения и навыки, являющиеся факторами, влияющими на эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Кудрявцев В.И. Самощенко И.С. Никитинский В.Н.. Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980
2. Лапаева В.В. Эффективность действия права. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, докт. юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004

ИДЕИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Пуховская А.С., Институт государства и права им. В.М. Корецкого

Анализ поставленной проблемы зависит от характеристики самой социологической концепции права, которая возникла в конце XIX в. на основе социологического позитивизма, ставшему противопоставлением юридическому позитивизму, хотя оба направления возникли на основе философии позитивизма с той лишь разницей, что идеи позитивизма нашли свое отражение и обоснование в формально-догматическом нормативизме несколько раньше. Социологический позитивизм не ограничился догмой права, считая ее вспомогательной, технической частью теории права и предпринял попытку обосновать понятие права во взаимосвязи с иными многообразными явлениями общественной жизни, общественными отношениями, т.е. в контексте социальной обусловленности и социального функционирования. Таким образом, социологическая юриспруденция в своем становлении была фактически тождественна социологическому позитивизму или позитивистской теории права, это была не социология права в собственном смысле, скорее попытка выработать социологическое понятие права [1, с. 63].

Социологическая юриспруденция основывалась в основном на позитивистской методологии и теории познания. И в этом смысле она есть разновидностью позитивизма. Вместе с тем ее представители трактовали право не формально-догматически как систему нормативных предписаний государственной власти, а стремились постичь его содержание. М.М. Ковалевский подвергал критике догматическую юриспруденцию за признание беспредельности государственного суверенитета и недопущение существования у граждан других прав, кроме принятых государством. Это порождало по словам ученого представление о необязательности для государства конституции как продукта его добровольного самоограничения и о вторичности обеспеченных конституцией прав личности [2, с. 97]. Слабой стороной доктрины естественного права родоначальники социологической школы считали уменьшение роли государства,

представление об ограниченном его верховенстве по отношению к правам личности, убеждение, что поскольку государство было создано в интересах защиты прирожденных человеку прав свободы личности и собственности, оно не могло поднять на них руку, не было способно отменить эти права своим законом [2, с. 98]. С целью преодоления противоречий, заложенных в доктринах «возрожденного естественного права» и юридического позитивизма, М.М. Ковалевский обосновал понятие человеческой солидарности, совместных усилий людей в обществе. Через понятие солидарности ученый раскрыл свое понимание хода исторического процесса, свою трактовку идеи прогресса как объективного развития общества, подчиненного определенным законам, проявляющимся в росте солидарности. Все историческое развитие человечества согласно взглядам М.М. Ковалевского могло быть объяснено как постоянный рост солидарности. В зависимости от потребностей человеческой солидарности должно осуществляться расширение либо сужение индивидуальных прав, находящееся в прямой зависимости от сужения либо расширения пределов государственного вмешательства [2, с. 98].

Признание и обеспечение публичных прав ученый связывал с утверждением правового государства, в котором права граждан гарантировались народным представительством, с одной стороны, и местным самоуправлением – с другой [3, с. 33]. Гарантом обеспечения прав личности выступает судебная ответственность частных лиц и чиновников, которая наступает в случае превышения ими своих законных полномочий. М.М. Ковалевский считал, что публичные права получают значение только тогда, когда они обеспечиваются судебными гарантиями и исковой охраной. Гарантией признания личных прав по мнению ученого, являлась привлечение к призыву к суду всякого человека который причиняет вред и убытки своими действиями и нарушает закон. Таким образом, основу личных прав составляет судебная ответственность [2, с. 102-103]. Отношение М.М. Ковалевского к закону как гаранту личных прав было двойственным. С одной стороны, он видел в законе положительную силу, правовой источник автономии личности и защиты ее от произвола государства. С

другой стороны он искал гарантии против самого закона, ограничив его возможность вторгаться в личные права. Основопологающей гарантией личной свободы М.М. Ковалевский считал господство права. Учёный не отрицал позитивного значения законодательного закрепления прав и свобод человека, он считал, что объективация права в писанных нормах закона преследовала практические цели, была необходима с целью гарантирования достигнутого обществом уровня личной свободы. Права и свободы личности – это социальные нормы, которые общество на определенном этапе своего развития в ходе борьбы за права человека фиксирует юридически, т.е. в нормах закона. [4, с. 148].

Вышеизложенное обуславливает правомерность следующих выводов. Теоретик социологического позитивизма М.М. Ковалевский сформировал представление о правах и свободах личности как о категории, динамично развивающейся, совершенствующейся по мере развития общества.

Литература

1. Дубовицкий В.Н. Основные концепции правопонимания и социология права // Право и демократия. – 2009. – № 20. – С. 59-74.
2. Ковалевский М.М. Учение о личных правах. – М.: 1906. – 272 с.
3. Вильсон В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений: С приложением текста важнейших конституций. [Пер. с англ. и под ред. А.С. Яценко; С предисловием М.М. Ковалевского]. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1905, – 568 с.
4. Васин А.Л. Права личности в российском государствоведении до-революционного периода. Дис.канд. юрид. наук: 12.00.02 / Васин А.Л. - Казань, 1999. – 189 с.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Солдатенко Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В современной правовой системе значение человека признается первоочередным, он провозглашается высшей ценностью и целью государства, наделяется многочисленными правами и свободами. Государство гарантирует реализацию конституционных прав и декларируется как демократическое социальное и правовое. Однако следует понимать, что механизм реализации прав человека должен включать высокий уровень правовой культуры, без которого не возможна не только эффективная правовая защита, но и воплощение в жизнь конституционных характеристик белорусского государства. Процесс дальнейшего развития Республики Беларусь как суверенного государства тесно связан с развитием правовой культуры общества и индивида, воспитанием гармонично и всесторонне развитой личности как полноценного субъекта правовой системы.

Правовая культура, являясь сложной социальной системой, как часть общей культуры общества отражает прежде всего качественное состояние его развития на данном этапе, проявляется в способах деятельности, в общественных отношениях, поведении, языке, состоянии общественного сознания и т.д. Правовая культура личности тесно связана с правовой культурой общества, обусловлена ею и может рассматриваться как определенная степень и характер развития личности. Существуют различные подходы к пониманию правовой культуры личности: рассмотрение правовой культуры как психологического свойства личности (качественный подход) и соотнесение правовой культуры со специфическим видом деятельности (деятельностный подход), определение правовой культуры через совокупность ценностей, убеждений о праве (аксиологический подход) [2, с 13].

Изучение правовой культуры личности необходимо для эффективного развития правового государства, так как назвать государство правовым можно

тогда, когда оно не только признает в своей деятельности авторитет и верховенство права, но и при помощи правового регулирования создает условия для правового равенства, защиты прав граждан. Иными словами, важнейшей функцией правового государства является обеспечение социальных потребностей человека, защита его гражданских прав. Лучшим способом контроля над реализацией данной функции, в целях недопущения злоупотребления со стороны институтов государства, будет развитие уровня правовой культуры личности.

Изучение и формирование правовой культуры личности необходимо для свободной реализации прав человека в различных сферах: для эффективного участия в процессе правотворчества; для соблюдения правовых императивов (например: норм уголовного, административного права); при защите нарушенных прав. Кроме того, высокий уровень индивидуальной правовой культуры способствует предотвращению злоупотреблений со стороны отдельных субъектов права.

Отметим важную роль индивидуальной правовой культуры, о которой упоминают далеко не все исследователи, – служить направляющей силой формирования современного правового государства, проявляясь в конкретной деятельности. Это положение можно объяснить следующим образом. В начале своего развития индивид усваивает существующие способы правомерной деятельности, нормы и образцы поведения. Правовые традиции и обычаи, изменяясь в определенной среде, формируют у человека определенные представления о социально одобряемом и неодобряемом для общества. Эти представления закрепляются на поведенческом уровне, а сформировавшаяся таким образом правовая культура помогает обнаружить несовершенство существующей правовой системы и ставит субъекта перед необходимостью активно воздействовать на нее, привнося в право что-то новое. Только обладающий высоким уровнем правовой культуры индивид может не согласиться с действующей нормой, так как она не соответствует его системе правовых ценностей, духу закона.

Развитая индивидуальная правовая культура проявляется в понимании необходимости и социальной полезности правовых норм, суждении о праве как социальной ценности, привычке ориентироваться на правовые ценности и правомерные наставления, на использование правовых средств для удовлетворения потребностей и интересов. В то же время она предполагает сознательное выполнение требований правовых норм: правомерное поведение, реализацию субъективных прав и юридических обязанностей; умение пользоваться правовым инструментарием – законами и другими актами, а также правовую информированность (степень овладения правовой информацией, обусловленная образованием, правовым опытом, социальным статусом, интересом и психологической установкой индивида [1, с. 19]).

Таким образом, только человек с развитой правовой культурой может являться полноценным членом гражданского общества и участвовать в механизмах создания и развития правового государства. Следовательно, для успешного функционирования правового государства необходимо также уделять внимание изучению и формированию индивидуальной правовой культуры, поскольку она не только является важнейшим проявлением правовой культуры общества, но и одним из факторов развития правового государства.

Литература

1. Боер, В.М. Правовая информированность и формирование правовой культуры личности: (Вопросы теории): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.М. Боер; Петерб. ун-т МВД России – 1993. – 22 с.
2. Ляхова, О.С. Сущностные характеристики правовой культуры как качества личности / О.С. Ляхова // Известия Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 13 – 16.

ОБ ИСТОКАХ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Станишевская Л.П., Белорусский государственный экономический университет

Права человека, зафиксированные в современных международных правовых документах, есть результат длительного исторического формирования и развития. Представления о равенстве людей (эгалитаризм), о единстве человечества (универсализм), о человеке как о существе, обладающем свободной волей, исторически предшествовали появлению идеи о правах человека. Первые представления о равенстве обнаруживаются уже в принципе талиона [1, с. 23]. Ветхозаветные Десять заповедей, призывающие индивида соблюдать права окружающих, на деле способствовали реализации его собственных прав [2, с. 59]. Конечно, такие современные атрибуты прав человека как неотчуждаемость, всеобщность и т.п. не были и не могли быть сформированы в древний период, однако уже тогда получили документальное закрепление права отдельных категорий индивидов. Так, в XXIV в. до н. э. «монарх Шумера “установил свободу” для своих подданных путем проведения чистки среди бессовестных сборщиков налогов, защиты вдов и сирот от несправедливых действий людей, обладающих властью...» [3, с. 271].

Собственно идея прав индивида (свободных граждан) родилась в древнегреческих полисах, в которых также впервые появился и принцип гражданства, идеи демократии и республиканизма [4, с. 46–47]. Эмпедокл, Анаксагор и Демокрит подготовили идейную почву для софистов, начавших рассматривать человека уже в качестве самостоятельного объекта изучения. Знаменитое высказывание Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей», по сути, ознаменовало собой поворот к антропоцентризму. Вопрос о соотношении естественного и позитивного права, поставленный софистами, сыграл позже важную роль в закреплении принципа прирожденности и неотчуждаемости основных прав и свобод человека. В учении великого Сократа на передний план выступает уже не просто человек, а познающий высшую истину субъект, способный организовать на земле жизнь сообразно божественным идеям. В трудах Плато-

на и Аристотеля человек — совершеннейшее существо, которое занимает положение между двумя мирами: с одной стороны, человек представляет собой физическое существо и часть природы, с другой — обладает божественной способностью, мышлением, бессмертным умом, который вводит его в общение с Божеством [5, с. 95].

Важным этапом в становлении правовых идей является стоицизм. Стоики дали новое теоретическое обоснование естественно-правовых идей. Они утверждали, что человек должен жить в гармонии с природой. Согласно Сенеке, государство и законы подчинены природному праву. Идеи стоиков оказали заметное влияние на взгляды Полибия и Цицерона.

Дальнейшее развитие представлений о правах человека связано с зарождением и распространением христианства. Первые христиане проповедовали идею всеобщего равенства людей перед Богом. В рамках христианского мировоззрения впервые также появилось понятие личности, которая не может всецело принадлежать государству, ибо она создана «по образу и подобию Божию». Идея о наличии у человека свободной воли привела к формированию другой идеи — о личной ответственности и личной свободе, следовательно, и к идее прав человека. При этом христианский «личностный подход» характеризовался универсализмом, представлением о всечеловеческой солидарности, что на практике выражалось в возможности каждого человека пользоваться защитой христианской церкви.

Идеи свободы и равенства всех членов общества продолжали развиваться в период средневековья. Так, в 1215 г. была принята Великая хартия вольностей - первый юридический источник прав человека. Статья 40 Хартии гласит: «Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их», а статья 39 закрепляет господство закона в обществе и уравнивает всех перед судом [6, с. 3].

Идейная борьба за свободу совести в Западной Европе началась в начале XXII в. с учения П. Абеляра, который в своем «Диалоге между философом, иудеем и христианином» впервые выдвинул идею веротерпимости. Плурализм

вероисповеданий проложил дорогу надконфессиональной идее прав человека [7, с. 147]. Упрочение идеи о веротерпимости и свободе вероисповедания обусловило появление других прав личности. В позднеперестройочный период было выведено право на жизнь, а из права на жизнь теоретически были выведены и остальные основные права и свободы человека. Постепенно идея о должной свободе человека стала рассматриваться как естественная. Так, например, в документе об освобождении сервов, изданном в 1318 г. королем Франции Филиппом Длинным, утверждалось, что «по закону природы» человек должен рождаться свободным [8, с. 313, 314].

Усложнение общественных отношений со временем вывело вопросы практики прав человека за рамки отдельных государств, придав им глобальный характер.

Литература

1. Нерсесянц, В. С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до 1789 г.)/ В. С. Нерсесянц // Права человека в истории человечества и современном мире. - М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1989. – 147 с.
2. Трошкин, Ю.В. Из истории борьбы за права человека/ Ю.В.Трошкин, М. А. Демидов // Права человека. 2001. № 3 (5). – С. 54 – 62.
3. Дорсен, Н. Природа и пределы гражданских свобод в США/ Н. Дорсен // Права человека накануне XXI века. Российско-американский диалог / под. ред. Б. Гросса и др. - М.: Прогресс, 1994. – 416 с.
4. Карташкин, В. А. Общая теория прав человека/ В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин. - М.: Норма, 1996. - 520 с.
5. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права/ Е. Н. Трубецкой. - СПб.: РХГИ, 2001.- 543 с.
6. Великая хартия вольностей 1215 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. - М.: изд. Норма, 2000. – С. 3 – 6.
7. Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас / Э. Ю. Соловьев. - М.: Политиздат, 1991. – 432 с.

8. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. - М.: Изд-во МГУ, 1994. – 592с.

КРИТИКА СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ К. ШМИТТА

Щербик Д. В., Полоцкий государственный университет

Кризис парламентаризма, кризис политического представительства, кризис парламентской демократии – вот наиболее активно употребляемые термины современности [3; 2, с.288, 289]. Активизация акций прямого действия со стороны населения, в таких охваченных кризисом странах как Греция, Украина, Армения, и даже в странах с устоявшейся политической системой США (акции движения Оссуры Wall Street и др.), ФРГ (акции зеленых, движения PEGIDA и др.), показывает утрату доверия народа к традиционным формам своего представительства, его эффективности.

Осмыслением существующих политических и конституционных проблем заняты ведущие правоведы и политологи. Однако, данная ситуация не уникальна. Многие проблемы парламентаризма вытекают из его сущности и были очевидны при его возникновении. Как афористически отметил К. Шмитт: «Критическая литература о парламентаризме появляется вместе с парламентаризмом» [6, с.159].

До настоящего времени наиболее крупный кризис парламентаризма наблюдался в первой четверти XX века, поэтому размышления «последнего великого классика» К. Шмитта [1, с.15] представляются интересными и в современных реалиях. Критике «парламентского государства» посвящен целый ряд работ автора: «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923 г.), «Легальность и легитимность» (1932 г.), затрагивается в «Учении о конституции» (1928 г.), «Гаранте конституции» (1931 г.) и др. [4; 5; 6; 7].

Основное замечание К. Шмитта заключается в том, что идейные основы парламентаризма, заложенные в XVIII в. давно не соответствуют реалиям жизни XX в., что вызывает множество противоречий в его современной реализации, а значит и недоверие к нему [6, с.163].

Обоснованием возникшего парламентаризма были следующие политические идеи Просвещения. Во-первых, парламент - это народная коллегия, форма предста-

вительства суверенного народа, - демократическая альтернатива власти суверенного монарха [6, с.183]. Во-вторых, тайнам или *arcanum* исполнительной власти противопоставлялась публичность дискуссии в обществе [6, с.190], а затем и в парламенте. В соответствии с представлениями того времени лишь справедливая по сути *volonte generale* (общая воля) вела к истине [4, с.228; 6, с.201; 7, с.238]. Депутаты представлялись в данном случае как носители разума [6, с.186], представители гомогенного просвещенного народа, которые, обсуждая законы, приходят к формулированию закона всеобщего, который значим всегда, в отличие от приказов монарха, что вытекают из его воли [6, с.201]. Сами, будучи продуктом общественной дискуссии, депутаты своими дебатами повышают и уровень просвещенности общества [6, с.208]. Третьим обоснованием парламентаризма было желание уравновесить власть [6, с.193-196]. Конституция, как договор между королем и народом, создавала систему баланса властей, тем самым искореняя насилие, ведя к стабильности, справедливости, делая власть правовой (право как всеобщий закон), ведя общество к прогрессу [6, с.211]. Парламент обеспечивал невмешательство государства (монарха) в жизнь общества, его нейтралитет, гарантировал Конституцию [4, с.121].

Падение монархии, по мнению К.Шмитта, сразу поставило обоснованность парламентаризма под сомнение [4, с.127; 5, §16, разд.IV, ч.2, с.47]. Во-первых, увеличилось количество претендентов на роль репрезентанта единства народа. В данном случае не понятно, чем 300 депутатов лучше представляют народ, чем выбранный последним президент [5, §16, разд.IV, ч.2, с.44; 6, с.184]. Представляется, что именно с этим и связан рост значения выборного президента в настоящее время в большинстве стран мира. Во-вторых, сразу зародились сомнения в просвещенности народа, что вызвало рождение концепций диктатуры во имя и для роста просвещенности населения [6, с.173]. В-третьих, К.Шмитт отмечает перерождение роли и значения выборов, депутатов и партий. Депутаты перестали быть представителями всего народа, они стали представителями партийных организаций. Выборы не формируют в ходе дискуссии единую политическую волю народа в парламенте, лишь репрезентативно группируют и разделяют избирателей по партийным спискам [4, с.132; 5, §24, разд.III, ч.3, с.169]. Тут можно вспомнить современные концепции аудиторной демо-

кратии [2, с.277]. Сами депутаты не участвуют в публичных дискуссиях. Вместо установления истины они тайно договариваются в комитетах [4, с.134; 5, с. §24, разд.Ш, ч.3, с.169; 6, с.213]. Как раз отсюда, заметим, растет массовое недоверие избирателей к традиционным партиям в современности.

Партии уже не стороны дискуссии, а фрагментирующие тотальность идеологические клиентские организации [4, с.128], использующие победу на выборах ради получения «политической премии», в виде политического преимущества в уже давно не равных выборах [4, с.136; 7, с.249, 250]. Тут, К.Шмитт указывает на практики очень популярные и в настоящее время: подкуп победителями избирателей через формирование бюджета, модификация ими под свои нужды избирательных законов, толкование в свою пользу неясностей законодательства, определение легального и нелегального (или, заметим, демократического и недемократического) в политической дискуссии [7, с. 249-254].

Еще одной проблемой становится возрастающая тоталитарность демократического государства [4, с.123]. Раз народ уже не борется с государством, а самоорганизуется в него, то исчезают все границы вмешательства государства в общественную жизнь [4, с.111]. Конституции и парламентаризм, опирающиеся на образцы политических идей XIX в., в данном случае предстают как архаизм. Современное государство, возникшее как компромисс, в условиях плюрализма постоянно ослабляется и релятивируется, конституция – размывается до *pactasuntservanda*, за которым просматривается образ гражданской войны [8, разд V, с.207].

Таким образом, можно смело отметить провидческое понимание К. Шмиттом всей проблемы современного парламентаризма, хоть его предложения по решению данного кризиса и представляются весьма контroversными, что он в итоге почувствовал на своей собственной судьбе.

Литература

1. Ален де Бенуа. К.Шмитт сегодня /Ален де Бенуа. – Институт Общегуманитарных исследований, 2014. – 192 с.

2. Манен, Б. Принципы представительного правления / Б.Манен. Пер. с англ. Е.Н.Рощина; науч.ред. О.В. Харходин. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 323 с.

3. Черняховский, С. Кризис парламентаризма [Электронный ресурс] / Новая политика. Интернет-журнал.- Режим доступа: <http://www.novopol.ru/-krisis-parlamentarizma-text137465.html>.- Дата доступа: 22.06.2015.

4. Шмитт, К. Гарант конституции /К.Шмитт// Государство: Право и политика [Текст] / пер.с нем. и вступ.ст.О.В.Кильдюшова; сост.ВВ.Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд.дом «Территория будущего», 2013. – с.27- 220.

5. Шмитт, К. Учение о конституции / К.Шмитт // Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010. [Электронный ресурс] : электронная книга. - Издание ЛитРес. – 226с.

6. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К.Шмитт // Политическая теология : сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – с.155-256.

7. Шмитт, К. Легальность и легитимность / К.Шмитт // Государство: Право и политика [Текст] / пер.с нем. и вступ.ст.О.В.Кильдюшова; сост.ВВ.Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд.дом «Территория будущего», 2013. – с.221- 305.

8. Шмитт, К. Государственная этика и плюралистическое государство/ / К.Шмитт // Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010. [Электронный ресурс]: электронная книга. - Издание ЛитРес. – 226с.

РАЗДЕЛ IV. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИНЯТИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ И УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕК- ТОВ – НЕОТЪЕМЛЕМОЕ УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Василевич С.Г., Белорусский государственный университет

Проблема прогнозирования последствий принятия нормативного акта остается одной из самых острых в современный период. Ей в предшествующий период не уделялось должного внимания. В советский период сложился подход, в соответствии с которым праву отводилась вторичная роль: оно, по меткому выражению Ю.А. Тихомирова, «плелось за событиями, выступая подчас всего лишь как способ «ритуального оформления событий» либо как способ обеспечить должное поведение только угрозой» [1, с.14]. Хотя отдельные ученые исследовали вопросы, касающиеся юридического прогнозирования с возможностью подготовки соответствующей методики, которая бы включала комплекс научных знаний в области права, социологии, философии. Среди них были В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук, В.И. Никитинский, В.В. Глазырин.

Чезаре Беккариа еще в 18 веке писал: «Откроем историю и мы увидим, что законы которые ...должны являться договорами свободных людей, почти всегда служат орудием страстей незначительного меньшинства или же порождаются случайной и мимолетной необходимостью. Никогда еще законы не написаны бесстрастным исследователем человеческой природы, который бы направил деятельность людской массы к единой цели и постоянно имел бы ее в виду, а именно – возможно большее счастье для возможно большего числа людей» [2, с.88].

Рациональной является высказанная еще в советский период идея Б.В. Дрейшевым о том, что создание отдельной нормы не является самоцелью. Важна не только связь этой нормы и результата ее действия, но и системы права и системы правовых отношений [3, с.13]. На наш взгляд, в таком контексте мож-

но утверждать о комплексном (системном) воздействии права на общественном отношении. То есть важно, принимая отдельные акты, видеть весь спектр отношений и перспективу их развития.

Как подчеркивает Ю.А. Тихомиров, в государствах, участвующих в Организации экономического сотрудничества и развития, сложилась практика оценки регулирующего воздействия законодательства на общественные отношения [4, с.141]. Суть его позиции сводится к тому, что регулирование процедурных вопросов подготовки, конечно, важно, однако следует больше сосредотачиваться на содержательной стороне проектов актов. Поэтому важно иметь, хотя бы на уровне подзаконного акта, Положение об оценке реализации правовых актов органов исполнительной власти, в котором следует закрепить критерии оценки содержания проектов актов. Полезным по мнению Тихомирова было бы создание комиссии нормативной регуляции по примеру Франции и Германии [4, с.141-142]. Эти идеи следовало бы реализовать и в наших условиях, так как законодательство и практика его подготовки еще далеки от совершенства.

Только при условии точного прогноза можно достичь совпадения желаемого и сущего [4, с.146]. Полагаем, что в современных условиях возможностей для выработки соответствующей методики значительно больше. Особо обратим внимание на возможность использования информационных технологий, с помощью которых можно моделировать развитие общества и государства.

Ю.А. Тихомиров считает, что в качестве варианта решения указанной проблемы могла бы быть «конструкция правовой модели, под которой понимается прогнозируемый вариант оптимального правового регулирования будущих явлений и процессов и которой определяются цели и средства правового состояния и расчеты связанных с этим реальных результатов. Правовая модель отражает уровень действующего правопорядка и тенденции его развития с учетом тенденций, этапов и показателей экономического, социального и политического развития, а также взаимодействия с нормами внешней среды. Правовая

модель позволяет определить возможные границы правового регулирования (корпоративное регулирование, саморегулирование) и, соответственно, наметить предметы правового регулирования» [4, с.146]. При юридическом прогнозировании надо учитывать риски, динамику поведения (правомерного и неправомерного) граждан [4, с.146].

Правовая сфера, несмотря на ее специфику, должна анализироваться и прогнозироваться с такой же настойчивостью, как и экономическая сфера. Должен быть государственный спрос на аналитиков и футурологов в правовой среде. В Академии наук Беларуси следует создать научное подразделение (институт), которое бы занималось социально-экономическими и правовыми исследованиями в их системной взаимосвязи.

Литература

1. Тихомиров, Ю.А. Закон, стимулы, экономика. – М.: Юрид. лит. – 1989. – 272 с.
2. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях. М.Инфра-М. – 2004. – 184 с.
3. Дрейшев Б.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета. -1979. – 176 с.
4. Нанба, С.Б. Право: модели и отклонения. – Журнал Российского права. – 2014. –№ 6. – С.145-149.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК СРЕДСТВО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Косович В. М., Львовский национальный университет им. Ивана Франка

Сегодня качество источников права все чаще связывают с нормотворческой техникой. Например,

Ю. Г. Арзамасов рассматривает соблюдение требований законодательной техники как средство предотвращения правотворческих ошибок [1]. Унификация требований законодательной техники является одним из приоритетных направлений обеспечения совершенствования законодательных текстов [2]. Инструментарий нормотворческой техники служит основой для создания качественных средств для совершенствования действующих нормативно-правовых актов (далее НПА).

Анализ научной литературы иллюстрирует большой плюрализм по вопросам нормотворческой техники, что приводит к недостаточной юридической урегулированности правил ее использования. Наличие пробелов в юридическом закреплении правил нормотворческой техники становится основанием для создания некачественных НПА. Например, необоснованное применение в тексте НПА оценочных понятий может стать препятствием для эффективного правового регулирования этого акта на общественные отношения и причиной дальнейших правоприменительных ошибок [3]. Это требует предложить ряд рекомендаций по совершенствованию средств, приемов и правил проектирования НПА. Проведенные нами теоретические исследования позволяют предложить следующие первоочередные шаги, призванные усовершенствовать инструментарий нормотворческой техники.

Создание НПА должно осуществляться прежде всего с соблюдением общих требований к их содержанию: адекватного отражения в них реального состояния общественных отношений; закрепления в них

оциальных ценностей и правовых установок общества, основанных на интересах большинства населения; обеспечения принципа верховенства права; согласованности с доминирующим и моральными нормами; достоверности и обоснованности.

НПА должны соответствовать логическим требованиям: тождества; непротиворечивости; однозначности; логической последовательности изложения текста НПА; согласованности; системности; недопустимости дублирования.

К НПА для определения их содержания и основных направлений правового регулирования необходимо включать статьи, в которых закрепляются правовые принципы. Использование принципов права в тексте НПА допустимо при наличии ряда предпосылок, а именно: необходимости закрепления принципов права, входящих в систему международных стандартов; применения принципов права в нормативно-правовом акте, который ранее регулировал соответствующую категорию общественных отношений; закрепления принципов права в тех конституционных нормах, которые будут служить основой для принятия НПА; наличия доктринальных выводов и убежденность правового сообщества относительно понимания определенных принципов права и необходимости их официально нормативного признания; необходимости закрепления принципов права, косвенно отраженных в тексте НПА с целью их выделения в специальной норме и предоставления им методологически-определяющего характера; наличия правовых аксиом отраслевого правового регулирования и целесообразности их выделения в форме принципов права; необходимости выделения и нормативного закрепления отдельных общепризнанных правовых "постулатов" для предоставления им фундаментального, "исходного" для института или отрасли права характера.

Единства подходов к пониманию и применению требует такое средство нормотворческой техники как правовая дефиниция. Относительно названия этого средства представляется целесообразным говорить о дефиниции термина НПА, рассматривая ее как раскрытие содержания понятия, обозначенного этим

термином, путем выделения его основных, существенных признаков. Важнейшими основаниями для дефинирования (определения) в НПА отдельных терминов является их неточность, юридическая или логико-грамматическая сложность, чрезмерная специфичность, разноплановость трактовки наукой и практикой, разнопонимание, иностранное происхождение.

Своеобразной иллюстрацией уровня совершенства НПА является правильность использования в них юридических конструкций. Юридические конструкции должны соответствовать требованиям полноты, согласованности, простоты и содержательной определенности, устойчивости (стабильности), технико-юридического совершенства; используются при наличии определенных оснований.

Правовые презумпции, фикции и аксиомы как средства нормотворческой техники должны отвечать прежде всего содержательным требованиям: отражать взаимосвязанные и повторяющиеся правовые явления вероятностного характера; регламентировать основные или недостоверные юридически значимые факты; закреплять общепризнанные правовые положения. Используются в НПА только при наличии определенных предпосылок к соблюдению требований к структурным элементам юридической нормы и с применением формально определенных сроков.

Исследование НПА на предмет соответствия их текста языковым правилам указывает на наличие в них большого количества ошибок. Причинами этого являются: определенная «затеоретизированность» научных исследований; плюрализм научных подходов; существенные различия между доктринальным и наработками и языковыми правилами, закрепленными в правовых актах. В такой ситуации определяющий характер приобретает комплекс организационных мероприятий, необходимых для недопущения или устранения указанных недостатков: унификация существующих относительно юридического языка результатов исследований и формирование единой научной доктрины; совершенствование (уточнение, дополнение, расширение и т. д.) на этой основе нормативных и рекомендательных предписаний, устанавливающих правила тексту-

ального оформления НПА; внедрение практики проведения языковых экспертиз проектов НПА; привлечение к разработке проектов НПА специалистов по вопросам правового языка; разработка словарей юридической терминологии.

Литература

1. Арзамасов Ю. Г. Соблюдение требований законодательной техники как средство предотвращения правотворческих ошибок / Ю. Г. Арзамасов // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. – М.: Проспект, 2009. – С. 285–304.

2. Ruini M. La funzione legislative: tecnica delle leggi e lavori parlamentari / M. Ruini. – Milano: Giuffrè, 1953. – 151 p.; Stark K. Reader expectation theory and legislative drafting / K. Stark // Statute Law Review. – 1996. – № 3 – P. 210–217.

3. Косович В. М. Оціночні поняття як засіб юридичної техніки / В. М. Косович. – Львів: Тріада-плюс, 2010. – С. 139.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Пляхимович И.И., Белорусский государственный университет

Из Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» следует, что государственные органы должны изучать эффективность действующих нормативных правовых актов и при выявлении в них недостатков – устранять либо вносить соответствующие предложения уполномоченным органам. Получила ли норма Закона свое развитие в других актах законодательства?

Для рассмотрения состояния правового регулирования деятельности государственных органов и других организаций по совершенствованию законода-

тельства выделим следующие группы этих субъектов: ведущие нормотворческие органы; республиканские органы государственного управления, подчиненные Правительству; суды; иные государственные органы и организации.

Ведущими нормотворческими органами в Беларуси являются Парламент, Президент и Правительство, но при определяющей роли первых двух субъектов. В законодательстве, регулирующем статус ведущих нормотворческих органов, в принципе отсутствует их непосредственная обязанность совершенствовать законодательство. Безусловно, осуществляя нормотворческую функцию, данные органы должны принимать качественные нормативные правовые акты. Однако понятие совершенствования законодательства предполагает несколько иной аспект: анализ реализации уже действующих актов, всевозможных последствий их принятия, обоснование предложений по улучшению актов, изучение научных публикаций и т. п. Ведущим нормотворческим органам затруднительно, а зачастую и невозможно самим осуществлять эту текущую работу. Важно, тем не менее, чтобы данные субъекты организовывали ее проведение. Функция совершенствования законодательства не возложена и на аппараты ведущих нормотворческих органов: секретариаты палат Парламента, Администрацию Президента и Аппарат Правительства.

За значительной частью республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству, не закреплена функция по совершенствованию законодательства. При этом несложно убедиться в наличии большого числа законодательных и иных нормативных правовых актов в сферах управления данных ведомств. В качестве недостатков Положений о некоторых республиканских органах государственного управления, подчиненных Правительству, следует отметить и ряд других обстоятельств:

принятие мер по совершенствованию законодательства редко относится к числу основных задач подчиненных Правительству органов;

закрепляются лишь отдельные элементы работы, необходимой для улучшения законодательства;

неполно указываются области законодательства, совершенствовать которые должны министерства и государственные комитеты;

иногда внесение предложений по совершенствованию нормативных правовых актов называется правом, а не обязанностью органа.

Среди основных задач судов, сформулированных в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, нет совершенствования законодательства, но отражена задача обеспечивать правильное его применение. Вполне обоснованно, что суды должны в первую очередь правильно применять законодательство независимо от того, в каком состоянии оно находится, а не стремиться изменить его. Кодекс о судостроительстве и статусе судей относит к компетенции судов всех уровней анализ правоприменительной, в частности судебной, практики. Однако главной целью этой работы является совершенствование не законодательства, а самой судебной практики – обеспечение ее законности, обоснованности и единообразия. В то же время, за определенными уровнями судебной системы Кодекс предусматривает выработку предложений по совершенствованию законодательства. Безусловно, главным источником таких предложений выступает судебная практика. Следовательно, анализ данной практики нацелен также на совершенствование законодательства.

Тесно связана с рассматриваемой функцией деятельность Конституционного Суда. Однако он не может быть «несущей конструкцией» механизма совершенствования законодательства, поскольку Конституция не наделяет его полномочием возбуждать судопроизводство по собственной инициативе. Уполномоченные же Основным Законом субъекты, как известно, редко обращаются в орган конституционного контроля.

Среди иных государственных органов и организаций функция совершенствования законодательства возложена лишь на Центральную комиссию по выборам и проведению республиканских референдумов, Национальную академию наук, Национальный центр законодательства и правовых исследований.

Более серьезная проблема, нежели отсутствие легальной обязанности органов власти принимать меры для улучшения нормативных правовых актов,

связана с функционированием отраслей и институтов законодательства, которые регулируют отношения, четко не укладывающиеся в существующую компетенцию государственных органов.

С другой стороны, имеются отрасли и институты законодательства, затрагивающие компетенцию целого ряда государственных органов. Они иницируют законодательные изменения, но никто из таких органов не несет ответственности в целом за состояние соответствующего законодательства.

Необходимо констатировать, что в большинстве своем государственные органы и организации Беларуси не проявляют должной инициативы для оптимизации нормативных правовых актов. В нашей стране пока отсутствует целостное законодательство о деятельности государственных органов по совершенствованию нормативно-правового регулирования. Не хватает и некоторых других предпосылок, необходимых для осуществления этой работы. Отдельные принимаемые меры не способны кардинально улучшить состояние законодательства и обеспечить его инновационное развитие.

СИСТЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вечорко В.Ю., Белорусский государственный университет

Систематизация законодательства как комплексный процесс представляет собой совокупность приемов и методов, применяемых к различным нормативным массивам, сферам, актам и т.д. Современная систематизация является многогранным процессом, в ходе которого происходит усиление системных свойств нормативных предписаний, классификация и группировка их по соответствующим массивам. Значительное расширение сферы правового регулирования, осложненное переходом к рыночным отношениям, демократизацией, реагированием на внешние вызовы и т.д., увеличило количество нормативных предписаний, связи между которыми не всегда отвечают качеству системности. Именно это требует применения инструментов, позволяющих ускорить процессы обработки нормативного массива и его составляющих.

Это обуславливает необходимость разработки методологии совершенствования законодательства при использовании информационных технологий, позволяющих значительно усовершенствовать процесс обработки нормативных предписаний. Таким образом, одним из направлений совершенствования законодательства выступает создание электронной оболочки действующего законодательства, позволяющего анализировать предмет его системности, пробельности, коллизионности, адекватности выбора формы нормативного правового акта, оптимальности отсылок в нормах права и т.д.

Существующие оболочки (Эталонный банк данных правовой информации, «Консультант+» и т.д.) не являются адекватными для выполнения задач совершенствования нормативных правовых актов. Они предназначены для хранения, учета и поиска нормативных правовых актов, то есть для правоприменителей. Однако такая целевая группа как сотрудники нормотворческих органов нуждается в новом информационно-правовом инструменте, позволяющем анализировать действующее законодательство с параллельным созданием проектов нормативных правовых актов, проводить инкорпорацию (создавать «пакетные» сборники по отдельным отраслям), осуществлять юридический мониторинг системности отдельных отраслей права и т.д.

Юридической основой электронной оболочки должна являться соответствующая информационно-поисковая система, основанная на научно-обоснованной системе классификации нормативных предписаний. В Беларуси классификация нормативных предписаний проводится на основе Единого правового классификатора, который логически завершил достаточно хаотичное развитие национального законодательства в период построения национальной государственности, закрепив фактически сложившиеся на практике нормативные массивы. При этом переход к новому этапу реформы системы права требует разработки иных форм классификации, не вступающих в коллизию с действующим в силу выполнения ими различных функций.

Действующий Единый правовой классификатор создавался для удобства поиска и хранения правовой информации правоприменителями, однако страте-

гические перспективы развития законодательства требуют формирования новой системы классификации норм, прогнозирующих развитие отдельных отраслей и институтов, формирования отраслевых и комплексных образований. Данная задача может быть решена созданием новой модели правового классификатора, который может быть использован для кардинальной переработки действующего Единого правового классификатора. Новый правовой классификатор должен быть предназначен для системного анализа и мониторинга действующего законодательства, распределенного по научно обоснованным структурам.

Единый правовой классификатор создавался для нужд правовой информатизации в качестве структуры создания электронной оболочки *действующего* законодательства, то есть носил *вторичный* характер по отношению к сложившемуся нормативному массиву. При этом выделение рубрик различного уровня производилось не всегда на основе оптимальных научно обусловленных критериев. В результате ряд отраслей законодательства не были представлены в рубриках первого уровня. Необходимо отметить, что Единый правовой классификатор в принципе выполняет поставленные правовые и информационные задачи, однако в основном *констатируя* и *закрепляя* существующее положение в нормативном массиве.

Новый классификатор должен стать научной основой прогноза развития законодательства, упорядочения его количественных, качественных и структурных характеристик. Это будет обуславливать его определенную подвижность и возможность трансформации отдельных рубрик в зависимости от их нормативного наполнения. В перспективе перед Беларусью станет задача принятия законодательства в новых областях, поэтому новый классификатор должен «работать» на перспективу как основа для дальнейшего совершенствования законодательства, но не констатации наличия в нем определенного количества актов. И как вывод явится *первичным* по отношению к развитию действующего законодательства.

Необходимо отметить, выполнение научной темы является одной из первых в Беларуси комплексных теоретико-практических разработок большин-

ства фундаментальных общетеоретических проблем системности права. В результате выявлены проблемы в области источников права, юридической терминологии, недостаточности актов, регламентирующих правотворческую деятельность и т.д. При этом большинство данных проблем нуждаются в дальнейшем изучении и включении в создаваемую электронную оболочку. То есть логичным вариантом дальнейших действий может служить синтез следующих направлений:

- 1) продолжение общетеоретических фундаментальных исследований в области права с выходом на создание переосмысленной концепции совершенствования национального законодательства;
- 2) использование существующих разработок при удлении особого внимания ревизии действующего нормативного массива.

Констатируем, что в настоящее время традиционные инструменты правотворчества в ряде случаев являются недостаточно эффективными, так как не позволяют одновременно обрабатывать и анализировать большие нормативные массивы. Несомненно, что правотворчество является в первую очередь мыслительным творческим процессом, в ходе которого специалист анализирует сложившийся нормативный массив на предмет его адекватности, противоречивости, пробельности, отражения сложившихся социальных условий и т.д. Однако неотъемлемой составляющей работы правотворческого органа является его информационное обеспечение, техническая возможность быстрого поиска необходимой информации, комплекса нормативных правовых актов, комментариев к ним и т.д. Это обуславливает необходимость совершенствования электронных оболочек существующих баз данных нормативно-правовой информации. Отмечу, что существующие информационно-справочные системы направлены в основном на обеспечение поиска необходимого акта на основе сложной системы запросов. Такая ориентация на конечного правоприменителя может приводить к неточностям и игнорированию ряда параметров, учет которых требует определенного количества ресурсов.

Таким образом, возникают следующие проблемы:

- 1) адекватность использования в информационных системах научных терминов и конструкций;
- 2) стремление максимально «облегчить» свою работу, минимизировав «незначительные» элементы (карточка документа, обязательные реквизиты, индивидуальные правовые акты и т.д.);
- 3) направленность исключительно на поиск правовой информации;
- 4) отсутствие технических инструментов, позволяющих проводить систематизационные работы в электронном режиме.

Данные проблемы могут быть разрешены созданием электронной оболочки нового подхода к классификации, целью которой будет содействие ускорению правотворческой деятельности компетентных органов. То есть оболочка должна содержать инструменты, позволяющие обрабатывать нормативный массив с позиции его развития, места в сложившейся системе права и законодательства, наличия научных и иных публикаций по данной тематике. Таким образом, электронная оболочка должна соединять воедино несколько информационных ресурсов. Например, тексты научных работ, проводимых в Республике Беларусь конференций могут включаться в соответствующие разделы электронной оболочки (при сохранении их от несанкционированного копирования) в качестве научного комментария существующих проблем. Следует указать на закономерность, что максимум возможного в работе исполнителя определяется тем минимумом ресурсов, которые были ему предоставлены. Данный факт служит подтверждением о недостаточной научной проработке проектов, недостаточном использовании национального опыта, значительном пиетете перед Российской наукой, заимствовании ее положений без должного критического анализа. Включение в электронную оболочку научно-теоретической составляющей позволит разработчикам знакомиться с существующими в данной области научными изысканиями.

Также необходимо назвать следующие существующие проблемы:

- 1) отсутствие фундаментальных исследований в области систематизации и совершенствования права, использование без должной критики советских и зарубежных концепций. Недостаточность фундаментальных исследований приводит к тому, что правотворческие и правоприменительные органы без соответствующей адаптации используют в основном российские теоретические наработки, не всегда адекватные национальным потребностям;
- 2) слабость системных связей между исследованиями в сфере права, превалирование ведомственности, проведение прикладных исследований без должной разработки адекватных фундаментальных теоретических знаний;
- 3) недостаточное количество монографических изданий, научно-практических комментариев действующего законодательства, что приводит к обращению государственных органов к зарубежному опыту, не всегда достаточно коррелирующему с белорусскими реалиями;
- 4) недостаточность привлечения научных работников к анализу и мониторингу законодательства и правоприменения, недолжное восприятие научной оценки существующих правовых проблем.

Литература

1. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов/ Под общ.ред. В.С.Нерсесянца. – М.: Изд-во НОРМА, 2006. – 813 с.
2. Система права и система законодательства // Информационные материалы для членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. – Минск: Секретариат Совета Республики Нац. Собрания Респ. Беларусь, 1997. – 46 с.
3. Гаврилов, О.А. Информатизация правовой системы России. Теоретические и практические проблемы / О.А. Гаврилов. – М.: Изд-во «Юридическая книга» и «ЧеРо», 1988. – 144 с.

ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО- КОНСУЛЬТАТИВНЫХ СОВЕТОВ ПРИ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГА- НАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Гуйда Е.П., Национальный центр законодательства и правовых исследова-
ний Республики Беларусь*

Одним из механизмов взаимодействия, консультаций государства с общественностью являются общественно-консультативные (экспертные) советы, которые в той или иной форме существуют практически в каждом государстве.

Общественно-консультативные (экспертные) советы созданы при ряде республиканских органах государственного управления (Министерство юстиции, Министерство здравоохранения, Министерство информации и др.). Так, в рамках реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» при органах государственного управления создано и функционируют 32 общественно-консультативных (экспертных) совета [1]. В то же время продолжают функционировать 29 ранее созданных при органах государственного управления совещательных органов (общественно-консультативных, экспертно-консультативных и координационных советов) и рабочих групп, в состав которых также включены представители бизнес-сообщества [2].

Однако практика организации общественно-консультативных советов выявила некоторые недостатки в их деятельности. Наличие различных общественно-консультативных органов не обеспечивает полной открытости информации об их деятельности, о принятых и реализуемых решениях, недостаточно полно осуществляется информирование граждан о работе общественно-консультативных советов. Одной из главных причин слабого влияния общественно-консультативных советов является некоторое ограничение регламентации деятельности таких советов (например, может быть только приказ о создании совета, изданный органом государственного управления, при котором соз-

дан совет). В связи с этим идет постоянный поиск новых форм организации работы общественно-консультативных советов.

Безусловно, привлечение граждан к обсуждению проектов нормативных правовых актов можно считать положительной тенденцией. Однако кроме создания возможности подобного диалога в виде общественно-консультативных советов необходимо уделять внимание их эффективности.

Существует множество подходов к определению критериев эффективности деятельности общественно-консультативных советов. Одни исследователи полагают, что главным и единственным критерием эффективности является исполнение принятых общественным советом решений; другие – способность общественных советов выносить собственную повестку дня на рассмотрение государственных органов и принимать решения, направленные на ее реализацию; третьи – выполнение ими своих функций (достижение целей) при минимуме затрат.

Как показывает зарубежный опыт (например, Российская Федерация) эффективность общественного совета ежегодно оценивается Правительственной комиссией и Общественной палатой на основании методики оценки эффективности деятельности общественных советов, образованных при министерствах (ведомствах), которая разработана Общественной палатой Российской Федерации [3]. Методика предназначена для присвоения общественным советам рейтинговой оценки, которая представляет собой комплексную характеристику эффективности их деятельности по определенным критериям. Для определения рейтинговой оценки используется модель взаимосвязанной оценки факторов, характеризующих различные аспекты (количественные и качественные) функционирования общественных советов. Например, к таким критериям оценки эффективности работы общественных советов относятся: процедура формирования общественного совета, планирование его деятельности и реализация; количество и формат заседаний; степень участия в выработке стратегии и политики министерства в вопросах инновационной деятельности, формирования программ и планов модернизации; важность проблем, рассматриваемых на заседа-

ниях общественного совета в контексте модернизации; соответствие принципам открытости, гласности и отчетности в деятельности общественного совета; своевременность представления информации о работе общественного совета [3].

Полагаем, что общественно-консультативные советы, образованные при республиканских органах государственного управления, должны в перспективе стать активными участниками формирования отраслевых стратегий развития. При этом необходимо придать их деятельности системный характер, усилить роль данных структур при определении проблемных вопросов, например, в сфере осуществления предпринимательской деятельности, выработке соответствующих решений, подготовке нормативных правовых актов. Целью деятельности общественно-консультативных советов должно явиться достижение необходимой концентрации усилий государства и общества главным образом на решении задач по формированию и управлению модернизационными и инновационными процессами в различных сферах, и, прежде всего, в сфере экономики.

Исходя из опыта зарубежных стран, важно разработать методику оценки эффективности деятельности общественно-консультативных советов при республиканских органах государственного управления. Рейтинги общественно-консультативных советов позволят активизировать их работу, придать ей активный и системный характер, а также будут способствовать вовлечению общественно-консультативных советов в соревнование для выявления среди них наиболее успешно выстраивающих свою практическую деятельность лидеров.

Литература

1. О ходе выполнения Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» по состоянию на 1 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/small_business/actual-

information/Informaciya-o-hode-byopolneniya-meropriyatij. – Дата доступа: 11.05.2015.

2. Информация Министерства экономики Республики Беларусь о деятельности общественно-консультативных (экспертных) советов, созданных при органах государственного управления [Электронный ресурс] // Республиканский союз нанимателей. – Режим доступа: http://www.belsn.by/spisok_meropriyatij/24/back.html. – Дата доступа: 11.04.2015.

3. Методика оценки эффективности деятельности общественных советов [Электронный ресурс] // Рейтинг общественных советов [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/about/interaction/531/newsitem/19549>. – Дата доступа: 11.02.2015.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Дидыч Т.О., Киевский национальный университета им. Тараса Шевченко

В сегодняшних условиях интенсификации развития общественных отношений, их усложнения и разнообразия возникают новые потребности и выдвигаются новые критерии к содержанию, структуре законодательства, особенностям его усовершенствования, характера воздействия на общественные отношения и т.п. Это в свою очередь актуализирует в научном плане исследования тех государственно-правовых институтов, определяющих характер развития законодательства, факторы, влияющие на него, особенности правотворческой деятельности, вопрос действия правовых норм, закрепленных в содержании законодательства. Современный этап развития украинского общества характеризуется глубокими системными изменениями, которые охватывают все сферы социальной жизни, в том числе и правовую сферу. Сегодня остро стоит необходимость выработки единой научной концепции правотворчества, законотворчества, правового регулирования, о чем неоднократно указывалось в юридической литературе[1; 2; 3; 4]. Полностью поддерживая идею концептуа-

лизации научных результатов, отметим необходимость научного переосмысления проблем правотворчества и развития законодательства, причем такая научная работа должна носить концептуальный уровень, и в дальнейшем должна отразиться на соответствующем практическом уровне совершенствования действующего законодательства.

Научное исследование вопросов правотворчества имеет длительную историю и сегодня представлено достаточно широким кругом научных работ как отечественных, так и зарубежных ученых. Проблематика правотворчества учеными исследуется преимущественно в нескольких аспектах. Значительное количество ученых-правоведов изучают правотворчество как особую разновидность юридической деятельности по созданию правовых норм, в виде соответствующей формы внешнего выражения, то есть раскрывают ее как часть более общего явления - юридической деятельности. Такие научные результаты представлены в работах С. В. Полениной, Д. А. Ковачева, Д. А. Керимова и других, в которых в целом раскрываются вопросы теоретико-правового и практического характера правотворчества в системе юридической деятельности. Значительная часть ученых рассматривают правотворчество как самостоятельное правовое явление, имеющее собственные теоретико-правовые характеристики (место в понятийно-категориальном аппарате юридической науки, функциональное предназначение, принципы осуществления и т.д.), тем самым правотворчество определяется как самостоятельное юридическое явление, составляющее самостоятельный предмет научного изучения со стороны теории государства и права. В частности, такие взгляды представлены в работах В. М. Баранова, Ю. А. Тихомирова, А. И. Ющика и других. Кроме того, значительный круг работ, касающихся правотворчества, представлен учеными, исследующими отдельные аспекты правотворчества, в частности вопросы субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность[5; 6]; процесса осуществления правотворчества[7]; правового статуса правотворческих актов[8; 9]; отдельных разновидностей правотворчества[10]; юридической техники [11]и т.д. Такое состояние научного исследования проблем правотворчества свидетельствует об

определенной распыленности научных работ, нечеткости результатов таких исследований, поскольку не выработано единых подходов к пониманию сущности правотворчества, практики ее осуществления, особенно вопросов, касающихся современных особенностей развития законодательства. Однако, поскольку правотворческая деятельность – это явление изменчивое, зависящее от особенностей развития общества, от эффективности законодательства и его соответствия объективным потребностям, она требует постоянного научного переосмысления. Перед отечественной наукой сегодня стоит непростая задача – дать ответ на вопрос, касающийся однозначного понимания сущности и содержания правотворческой деятельности, ее субъектов, обоснования единых концептуальных основ практики осуществления правотворческой деятельности.

Также следует отметить, что научное исследование проблем правотворчества в контексте методологии сегодня находится в состоянии переосмысления. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, следует говорить о том, что, несмотря на длительную историю научного исследования правотворчества, не выработано общего и однозначного понимания вопросов природы правотворчества, в том числе и тех вопросов, касающихся ее происхождения от субъектов правотворчества. В результате сегодня в научном плане окончательно не выяснены особенности происхождения правотворчества: или от государства в лице органов государственной власти, или от общества в лице соответствующих социальных групп, которые определяют потребности в осуществлении правотворчества и изменении правового регулирования, а также выступают так называемым индикатором качества правотворческой деятельности. Во-вторых, следует говорить о сложном и многоаспектном характере правотворчества, которое может рассматриваться как: особое юридическое явление или процесс; специфическая форма юридической практической деятельности уполномоченных субъектов; социально значимая деятельность, порождающая соответствующие правовые последствия для субъектов права и т.д. Указанная характеристика правотворчества определяет необходимость применения соответствующего методологического инструментария в процессе исследования право-

творчества. Методологическая основа исследования правотворчества имеет сложный характер, поскольку происходит от методологии научного исследования права в целом как явления мировоззренческого, социального и юридического плана. Кроме того происходит от методологии исследования вопросов юридической деятельности как особой формы активного поведения субъектов, имеющей профессиональный характер, которая осуществляется в правовой сфере и нацелена на порождение соответствующих правовых последствий. Поэтому всесторонность научного исследования общетеоретических аспектов правотворчества и ее аспектов определяется наличием соответствующей системы философских, общенаучных и специально-научных методов исследования. Они дают возможность обеспечить всесторонность изучения правотворчества на: а) мировоззренческом (философском) уровне как явления социальной действительности; б) общенаучном уровне как явления, что составляет предмет научного исследования; в) специально-научном уровне как явление, имеющее правовой характер и обеспечивающее достижение соответствующего правового результата.

В-третьих, научное исследование правотворчества прежде всего должно быть основано на однозначном его понимании как явления правовой действительности. Такое понимание на сегодня затруднено неоднозначностью правопонимания в целом. Поскольку от того как мы будем понимать право, от того будет зависеть понимание самого явления правотворчества. В-четвертых, правотворчество как правовое явление прежде имеет практический характер, поскольку нацелено на установление, изменение или прекращение действия правовых норм в виде соответствующих форм внешнего выражения права. Поэтому на фоне активизации теоретико-правовых научных исследований явления правотворчества, все же следует со стороны юридической науки уделить особое внимание вопросам практики осуществления правотворчества, вопросам её совершенствования, оптимизации и т.д. Сегодня остро стоит проблема научного исследования практики гармонизации осуществления правотворчества на национальном и международном уровнях, согласование внутригосударственного

правотворчества, совершенствования пакетных принципов осуществления правотворчества, расширение практики планирования и координации правотворчества законодательного и подзаконного уровней, внедрение концептуальных подходов к осуществлению правотворчества т.п.

Указанным выше определяется специфика современных потребностей в научном исследовании правотворчества как сложного многоаспектного явления, имеющего как теоретико-правовое, так и практическое значение.

Литература

1. Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики / Н. И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2000. – № 4. – С. 35-39.
2. Шемшученко Ю. С. Конституційний Суд України / Ю. С. Шемшученко, Г. О. Мурашин. – К.: Ін Юре, 1997. – 278 с.
3. Ющик О. І. Правова політика як фактор удосконалення законодавчого процесу // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2005. – № 5. – С. 24-29.
4. Монастирський Д. А. Забезпечення стабільності закону у законотворчості / Д. А. Монастирський // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2006. – № 2. – С. 100-107.
5. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации. Теория, практика, методика. / С. Л. Богданов, А. В. Гайда, Г. Глисон, М. Ф. Казанцева [и др.] – Екатеринбург: УрОРАН, 2001. – 441 с.
6. Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации [Научно-методическое пособие] / Отв. ред. проф. А. С. Пиголкин. – М.: Изд-во НО-РМА, 1998. – 423 с.
7. Баландин В. Н. Принципы юридического процесса / В. Н. Баландин, А. А. Павлушина. – Тольятти: ВУиТ, 2001. – 150 с.

8. Бірченко Ю. І. Деякі критерії оцінки якості та ефективності нормативно-правових актів / Ю. І. Бірченко // Наукові записки. – 2004. – Том 26. – С. 9-15.
9. Воронов М. Н. Правовые акты законодательной власти в Украине: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Воронов М. Н. – Х., 1997. – 192 с.
10. Арзамасов Ю. Г. Ведомственное нормотворчество как тип юридической деятельности / Ю. Г. Арзамасов // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 11–17.
11. Дзейко Ж. О. Законодавча техніка в Україні: історико-теоретичне дослідження: Монографія / Ж О Дзейко. – К.: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”, 2007. – 360 с.

МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Полящук Н.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Процессы глобализации и интеграции влекут за собой возникновение новых социальных и правовых явлений, изменение характера связей между субъектами правовых отношений, рост числа нормативных правовых актов, что, в свою очередь, требует повышения устойчивости и качества функционирования национальной правовой системы. В этой связи одной из актуальных проблем является обеспечение целостности национальной правовой системы, стабильности и динамизма ее развития.

Оптимальное сочетание стабильности и динамизма правовой системы на любом этапе общественного развития играет важную роль в реализации принципа законности, особенно в период общественных преобразований. Для успешного внедрения нововведений в правовом регулировании требуется, с од-

ной стороны, стремительное развитие законодательства, которое бы не только отвечало требованиям совершенствования экономики, политических и социальных основ общества, но и по возможности опережало сложившееся реальное состояние общественных отношений, создавало условия для более успешного решения задач, которые могут возникнуть в будущем. С другой стороны, необходимо закрепление достигнутого, его сохранение и упрочение. Найти оптимальный баланс в этих условиях – искусство законодателя, поскольку перекося в ту или другую сторону в равной мере может оказаться вреден. Такими необходимыми качественными характеристиками (пусть даже и противоположными по своей сущности), как динамичность и статичность национальная правовая система должна обладать одновременно, но с учетом установления оптимального баланса между ними.

К сожалению, следует констатировать, что белорусскому законодателю не всегда удается достигнуть такого баланса. Нормотворческая деятельность не отличается постоянным системным, планомерным и научно обоснованным подходом. Это влечет частое внесение изменений и дополнений в нормативные акты, что нередко порождает противоречия и несогласованность в действиях нормотворческих органов и неравномерность темпов и уровней развития различных элементов правовой системы. Кроме того, недооценивается мнение общественности при формировании правовых актов (отдельных норм права), не ведется на системной основе оценка последствий принимаемых решений и норм, медленно внедряются в правотворческую и правореализационную практику новые научно-организационные технологии.

В результате в современных условиях назрела необходимость формирования правовой системы нового качественного уровня, отвечающей интересам и потребностям личности, общества и государства. По нашему мнению, поиск правовых решений по модернизации национальной правовой системы и формированию ее устойчивого развития в условиях глобальных и региональных процессов должен осуществляться с использованием механизма правового мониторинга (мониторинга законодательства и правоприменения), поскольку с

его помощью представляется возможным обеспечить комплексное одновременное развитие различных элементов правовой системы. В этой связи разработка теоретико-правовых основ и внедрение института правового мониторинга в деятельность нормотворческих и правоприменительных органов будет способствовать не только достижению стабильности законодательства, обеспечивающей устойчивость в развитии национальной правовой системы, но и ее эффективному функционированию.

В настоящее время научная общественность преодолела стереотип «узкого» понимания правового мониторинга, согласно которому в него включали осуществление только функций наблюдения за правовыми нормами и явлениями и их анализ, которые предшествовали подготовке заключений на проекты нормативных правовых актов и уже действующие нормативные документы. На сегодняшний день правовой мониторинг весьма разнообразен: существуют различные его классификации, которые зависят как от цели и задач мониторинга, так и от субъектов, осуществляющих его проведение, видов нормотворческой и правоприменительной деятельности, их стадий, а также других факторов. В результате мониторинг законодательства и правоприменения представляет собой регулярную комплексную аналитико-оценочную деятельность, включающую в себя наблюдение, анализ, обобщение, оценку информации о качестве и эффективности принимаемых и действующих правовых актов, практике их применения, выработку предложений об устранении выявленных недостатков нормотворчества и правоприменения, прогнозирование направлений развития правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, способствующую также предупреждению правонарушений и укреплению законности и правопорядка и установлению обратной связи между субъектами нормотворческой деятельности, правоприменителями и обществом.

Следовательно, правовой мониторинг, идея которого в последние годы активно изучается и обсуждается не только в Республике Беларусь, безусловно, относится к числу новых юридических технологий, позволяющих оценивать эффективность функционирования национальной правовой системы и рассмат-

ривать его как неотъемлемый элемент нормотворческой и правоприменительной деятельности. Реализуя на практике результаты проведенного мониторинга можно, в том числе, составить прогнозы того, насколько успешно и эффективно государство формулирует нормативные модели правового регулирования общественных отношений. Кроме того, анализ возможностей мониторинга законодательства и правоприменения, включая рациональный опыт его осуществления в других государствах, позволит определить комплекс мер по совершенствованию национальной правовой системы не только на ближайшую перспективу, но и сформировать стратегические основы ее развития в отдаленном будущем.

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ЭТАП НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рочева Е.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Договором о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) за Евразийской Экономической комиссией (ЕЭК) закреплены полномочия по оказанию бизнес-структурам государств - членов Союза содействия при доступе на рынки третьих стран. Для учета интересов бизнеса в число внутренних процедур ЕЭК вводится процедура оценки регулирующего воздействия (ОРВ) проектов решений ЕЭК, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности. ОРВ является дополнительным инструментом, признанным в различных странах, повышения качества принимаемых правотворческих решений, механизмом укрепления предпринимательства и взаимодействия бизнес-структур и органов государственного управления.

Задачей ОРВ, по мнению специалистов [1], является оценка возможных экономических и социальных последствий принятия нормативных решений на основе широкой эмпирической базы и экономических исследований с учетом обеспечения баланса интересов и мотиваций регуляторов и различных групп правоприменителей.

Технология ОРВ уже более 30 лет применяется в странах ОЭСР, что означает наличие достаточного опыта по ее применению, включая анализ издержек и выгод, выстроенных горизонтальных и вертикальных связей между органами власти, экспертным и предпринимательским сообществами в рамках данного процесса, а также практики более открытого процесса формирования политики [2, с. 66.].

В международной практике предлагаются различные определения ОРВ. Например, ОЭСР определяет ОРВ как «систематический процесс критической оценки положительных и отрицательных эффектов от предполагаемого и действующего регулирования, а также их возможных альтернатив» [2, с. 19.]

Выделяют три группы стран:

- страны, где процедура ОРВ происходит только в случае принятия нормативного акта, предусматривающего бюджетные расходы (США, Канада);
- страны, где ОРВ происходит при принятии любого регулирующего акта (Нидерланды, Великобритания);
- страны, где жесткая процедура проведения ОРВ не вводится, но декларируются общие принципы, при которых меры регулирующего воздействия вводятся только в случае, когда доказана их целесообразность (Южная Корея, Чехия).

Универсальной методики, которая применялись бы для проведения ОРВ, сегодня не существует. В одних странах методическим ядром ОРВ является оценка выгод-издержек, в других – качественная оценка предполагаемого воздействия. В некоторых странах акцент делается на оценку воздействия на бизнес, в других – на состояние окружающей среды. В любом случае, основная роль ОРВ — принятие взвешенного решения, с учетом обоснованного мнения заинтересованных сторон в процессе государственного управления.

Анализируя практику проведения ОРВ в различных странах, процедуру ОРВ можно условно разделить на семь ключевых этапов: формулировка и опи-

сание проблемы; постановка целей оценки; описание возможных вариантов достижения поставленной цели; анализ представленных альтернатив, консультации; выводы и результаты, представление рекомендуемого варианта; реализация выбранной альтернативы, последующий мониторинг.

Процедура ОРВ под разными названиями постепенно внедряется и в странах СНГ: в Украине — анализ влияния регуляторного акта (АВРА); в Кыргызстане — анализ регулятивного воздействия нормативных правовых актов; в Узбекистане — система оценки воздействия актов законодательства (СОВАЗ); в Казахстане — оценка социально-экономических последствий законов; в России — оценка регулирующего воздействия.

Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на 2015 год, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.02.2015 № 110, предусмотрена подготовка изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности», предусматривающих внедрение института обязательной оценки регуляторного воздействия для проектов нормативных правовых актов, затрагивающих интересы бизнеса, включающей: исходную оценку воздействия на экономику, издержки для бизнеса и для общества, описание альтернативных вариантов решения проблемы, которые рассматривались при разработке проекта, и обоснование необходимости принятия предложенного варианта; мониторинг эффективности нормативно-правового акта по истечении 3-5 лет после его принятия, с последующим решением о его применении либо необходимости пересмотра или отмены.

Таким образом, внедрение института ОРВ можно рассматривать как перспективный этап нормотворческой деятельности, дополнительный механизм, направленный на повышение качества правового регулирования в Республике Беларусь.

Литература

1. Кузуров, Д.В. Организационно-практические аспекты: что снижает эффективность нормотворческой деятельности в Республике Беларусь / Д.В. Кузуров // ИБ "КонсультантПлюс: Беларусь" [Электронный ресурс]. – Минск, 2015.

2. Колегов, В.В. Совершенствование системы оценки регулирующего воздействия в государственном управлении на региональном уровне [Текст]: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Колегов Виталий Витальевич. – М., 2015. – 218 с. Библиогр.: с.186-206. [Электронный ресурс] / Режим доступа: dlib.rsl.ru/loader/view/01005555787?get=pdf. Дата доступа: 23.05.2015.

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУ- ДАРСТВА И ПРАВА

МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

Орловская Е.И., Белорусский государственный университет

С появлением и развитием в XI-XIII вв. городов в Европе начинается и достаточно активное развитие городского права. Наибольшее распространение оно получило в XIII-XV вв., когда города добились политических и экономических прав. В этот период происходит становление Магдебургского права и в Великом княжестве Литовском, как составной части средневекового права вообще. Можно выделить много общих причин распространения Магдебургского права в городах Беларуси и Украины. Это и общие закономерности развития городов в этот период, это и наличие определенных общих черт в германском и славянском праве, это и компромиссная социально-политическая природа грамот, это и конкретная политическая обстановка, в которой они принимались. Однако на практике развитие Магдебургского права имело и свои особенности.

В период с XIII по XIV века практически вся территория современной Беларуси вошла в состав Великого Княжества Литовского. Государство смотрело на распространение Магдебургского права, как на средство полонизации, а потому охотно выдавало городам привилегии такого рода. Однако особенности социально-экономического и политико-правового строя городов на территории современной Беларуси сыграли свою роль в установлении неклассического Магдебургского права.

Так, в каждой грамоте на Магдебургское право органами городской (прежде всего судебной) власти названы войт, бурмистры, радцы, лавники. Предоставление городам Магдебургского права устанавливало власть войта – главы суда, который принимает свои решения исключительно после заслушивания мнения лавников. Однако в отличие от классической грамоты, в белорусских городах грамоты на Магдебургское право предусматривали роль войта и как судьи, и как

градоначальника, и как лица, имевшего право пересмотреть решения любого другого должностного органа или чиновника.

Кроме того, отдельные города восточной Беларуси были наделены институтом войта без предоставления грамоты на Магдебургское право. Это означало, что в таких городах практически полностью сохранялась существующая система власти и правила городского управления, при этом войт становился лишь одним из ее элементов, что свидетельствует о терпимости в Великом княжестве Литовском к местным правовым обычаям.

Беларусь стала одной из первых территорий, на которой лентвойты (заместители войта) приносили присягу и были подконтрольны не войту, а мещанам, так, например, в Могилеве горожане добились этого права в 1589г. Установление же власти войта с указанием в грамоте на нормы Магдебургского права де-факто означало и установление его власти в целом на всю систему управления городом (такое явление преобладало в центральной и западной части страны).

Таким образом, развитие Магдебургского права в Беларуси имело, в отличие от иных территорий Великого княжества Литовского, демократическую направленность, которая выражалась, в том числе, в предоставлении права обществу влиять на деятельность войта и иных административных органов городов, а также возможности практически без изменений сохранять существовавшие правовые традиции.

В Украине Магдебургское право распространилось в XIV-XV веках. Согласно Магдебургскому праву все города Украины и Беларуси делились на 3 категории. К первой относились города, получившие Магдебургское право от литовских князей, польских и венгерских королей. Во вторую категорию входили города, которые получили Магдебургское право от их владельцев. К третьей категории относились города, которым Магдебургское право было предоставлено грамотами гетманов после присоединения к Российскому государству, и они, как правило, подтверждали прежние права городов на самоуправление.

Поначалу пользоваться Магдебургским правом в городах Украины могли только католики. Во Львове, например, православные украинцы не имели права

не только принимать участия в управлении городом, но и жить они были обязаны только на одной улице города. При этом даже обращение к королю Польши не изменило такое положение дел.

Кроме того, только лишь жители Киева были наделены правом избрания войта, который имел право принимать наиболее важные решения лишь с согласия Рады. Ярким примером «ограниченной демократии» в рамках грамот на самоуправление является то, что в 1654 года Киев получил пять грамот, в том числе на цеховое устройство и на освобождение Киева от части налогов сроком на 10 лет.

Как правило, в украинских городах первой категории магистрат состоял из двух коллегий. Во главе первой, которая управляла городским хозяйством, стоял войт, избираемый горожанами до конца его жизни, члены коллегии назывались советниками, позднее – ратманами. Вторую коллегию возглавлял бурмистр, членами – лавники. Однако следует принять во внимание, что эти правила не свидетельствовали о высоком уровне демократизации политических процессов в Украине. В состав таких Рад входили исключительно зажиточные мещане – коренные жители города, имевшие достаточное влияние на войта в силу того, что именно благодаря развитию их ремесел и промыслов последний мог значительно увеличить размер своего вознаграждения за государственную работу.

Таким образом, прагматизм и универсальность, с одной стороны, и взаимосвязь с европейской культурой, с другой стороны, объективно обусловили быстрое распространение Магдебургского права на белорусских и украинских землях.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

Артеменков М.Н., Смоленский государственный университет

Развитие системы правосудия является результатом стремлений общества к изменениям. Этот процесс имеет определенную направленность и историческую обусловленность так как отражает изменения всех сфер общественной

жизни и связан с социально-экономическими, политическими и идеологическими практиками распространенными в конкретный исторический момент. Изучение условий и причин проведения правовых реформ помогает определить закономерности и выделить объективные факторы развития национальных правовых систем.

Формирование энергичных и деятельных групп населения после начала Великих реформ Александром II требовало введение новой системы правосудия. Существовавшая в первой половине XIX века традиционная система правосудия, основанная на материальном праве, служила задаче сохранения достаточно жесткого контроля над судами, которые были по сути органами административной власти. Функционирование подобной системы было возможно только при неукоснительном исполнении судами тех законодательных норм, которые создавались под руководством императора.

Бурное развитие капиталистических отношений, ставшее результатом проведенных реформ, привело к тому, что жесткая зависимость системы от набора предзаданных решений не годилась для переходного общества. Она не только не становилась стимулом для дальнейших реформаторских преобразований, но в значительной степени препятствовала им [1, с. 416-417]. Развивающаяся экономика, новые социальные отношения, влияние идеологических правовых установок приводили к тому что новые правовые проблемы не могли быть решены только путем издания новых указов. Страна нуждалась в более эластичных юридических нормах, которые еще М. Вебером были определены как «формальное правосудие» [2]. В новой ситуации процессуальные нормы в рамках состязательной системы позволяли достичь гибкости, необходимой для адаптации к новым типам дел. Авторитарный контроль следовало заменить «главенством процедуры», благодаря которой суд мог бы «справляться с широким кругом разнообразных изменчивых обстоятельств и типов дел без априорного выбора определенных решений».

Необходимость реформирования судебной системы Российской Империи признавалась как представителями администрации, так и образованной ча-

стью общества. Формальное правосудие должно было совершить главное преобразование, которое состояло в замене буквального исполнения предписания закона соблюдением юридических норм судебного состязания [2, с. 27]. Такой переход предполагал ослабление административного контроля за судами и передачу его обществу. Последнее при этом было не всегда готово к такому контролю, что проявлялось как в недостаточной юридической грамотности так и в отсутствии практик подобной деятельности.

Реформы уголовного права Российской империи в конце первой половины XIX века отразили стремление государства приблизить юридические нормы и практику их применения к тем реалиям, которые существовали в стране. Проводившиеся реформы не могли быть осуществлены без серьезной работы над существовавшей юридической базой. Отставание уголовного права от теоретических воззрений своего времени и практики применения соответствующих норм в европейских странах были очень заметны.

При этом уголовное законодательство оказалось в Российской империи в особом положении по сравнению с другими отраслями права. Это было связано с тем, что издание Уголовного уложения 1845 г. в определенной степени завершало ту деятельность, которая была начата М.М. Сперанским с составления свода законов Российской империи. С другой стороны время, прошедшее с 1832 г., показало значительное отставание законодательства от тех идеологических и практических установок, которые были реализованы в европейских странах.

Уникальность реформ уголовного законодательства в Российской Империи было отмечено руководителем Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Д.Н. Блудовым. По его мнению в европейских странах Уголовные уложения опередили преобразование других отраслей законодательства и тем самым оказались как бы вне государственной системы права. В отечественном законодательстве все же предполагалось сохранить определенную преемственность. Так включение уголовных постановлений в Свод Законов Российской империи в конец этого документа показывало, что уголов-

ные наказания должны укрепить все прочие начала [4, С. XLI]. Таким образом уголовное право становилось выражением отношения общества к отдельным индивидам. Вначале закон устанавливал права и обязанности всех и каждого, а затем определял меры для их защиты, а также противодействию их нарушения. Законопроект Уголовного уложения, призванный заменить XV том Свода Законов Российской империи, должен был быть построен таким образом, чтобы соотносился с общей системой Свода. В итоге уголовное законодательство и должно было выполнить задачу объединения различных частей законодательства.

Таким образом изучение процесса реформирования уголовного права в XIX веке может продемонстрировать те основные факторы, которые получают свое развитие в законодательстве Российской Империи и завершаться изданием Уголовного уложения 1903 г.

Литература

1. Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 416-417.
2. Бусова Н.А. Макс Вебер о роли права в становлении рыночного капитализма // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 3. С. 119-135.
3. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ, 196
4. Проект уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 г. в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. Спб., 1871. С. XLI.

ПРАВАВАЯ РЭГЛАМЕНТАЦЫЯ АДНОСІН ШЛЯХТЫ І ДЗЯРЖАВЫ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII – ПАЧАТКУ XVIII ст.

Валеўка А.В., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Гісторыя дзяржавы і права Беларусі вельмі багатая і рознабаковая. Асаблівацю развіцця нашай дзяржаўнасці і нашай прававой сістэмы з'яўляецца тое, што гэты працэс нельга назваць бесперапынным. Тэрыторыя нашай дзяржавы на працягу стагоддзяў уваходзіла ў склад розных дзяржаў. Гэтыя абставіны аказалі вялікі ўплыў на прававую думку Беларусі. Аднак нават да цяперашняга часу некаторыя з перыядаў гісторыі дзяржавы і права нашай краіны застаюцца не ў пэўнай меры даследаванымі. Адным з іх з'яўляецца час знаходжання зямель сучаснай Беларусі ў складзе Рэчы Паспалітай.

У першую чаргу Рэч Паспалітая цікавіць нас сваім своеасаблівым дзяржаўным ладам, а таксама палітычнай і прававой культурай шляхты. Вельмі важным пытаннем з'яўляецца прававая аснова тагачаснага ладу.

Паміж шляхтай і кожным новым каралём перад яго элекцыяй заключалася спецыяльная дамова — так званая *pacta conventa*, якая вызначала канкрэтныя абавязкі новаабранага манарха і была своеасаблівым індывідуальным кантрактам[1, с.78]. Але разам з першай *pacta conventa* былі складзены і «Генрыхавы артыкулы» (назва ад імя першага элекцыйнага караля Генрыха Валуа), у якіх выкладаліся падставовыя прынцыпы шляхецкай дзяржаўнасці. Яны абавязалі караля і вялікага князя прызнаваць вольную элекцыю, захоўваць рэлігійны мір, не вырашаць пытанняў вайны і міру без сената і сойма, не праводзіць выбараў наступніка пры сваім жыцці (*viventerege*), склікаць звычайны сойм кожныя два гады, а таксама прадугледжвалася магчымасць правядзення надзвычайных з'ездаў шляхты. Калі шляхта лічыла, што іх правы парушаюцца, то магла адмовіцца падпарадкоўвацца каралю.

Унутрыпалітычная сітуацыя ў Рэчы Паспалітай у 17-18 ст. характарызувалася моцным супрацьстаяннем паміж каралеўскай уладай і шляхтай, а таксама паміж магнацкімі групамі. У выніку такой барацьбы паміж варожымі бакамі маглі быць заключаны пагадненні. У якасці прыклада

можна разгледзець гісторыю супрацьстаяння Кароны і магнацкага роду Сапегаў. Сапегі ў канцы 17 – пачатку 18 ст. набылі вялікую ўладу ў дзяржаве. Яны заручыліся падтрымкай Аўстрыі ды Брандэнбурга і адважваліся адкрыта выступаць супраць улады самога караля. Праз карупцыю, застрашванне, увядзенне войска ў зямлю суперніка Сапегі засяродзілі ў сваіх руках амаль усе важныя дзяржаўныя пасады: Казімір Ян быў віленскім ваяводам і гетманам (1682–1703), яго брат Бенядыкт — падскарбіем, а сынам гетмана належалі пасады вялікага маршалка, стольніка і канюшага [2, с.301]. Супраць гегэмонаў, якія заслужылі агульную нянавісць шляхты, доўга не адважваліся выступіць ні Радзівілы, ні Пацеі з Агінскімі. Сучаснікі пісалі, што Сапегі мелі план разрыву дзяржаўнай уніі з Каронай і ўзвядзення на вялікакняскі пасада аднаго з прадстаўнікоў свайго роду. У барацьбе з імі навучаны вопытам Ян III Сабескі паставіў ужо не на магнатаў, а на шырокія колы шляхты, аднак памёр, не паспеўшы зламаць алігархію ў Вялікім Княстве.

Пасля смерці Сабескага ўчасе працяглага бескаралеўя (1696—1697) у Беларусі і Літве запанавала нябачнае раней бязладдзе, рэзка абвастрылася барацьба паміж гегэмонамі, якія спышаліся скарыстаць момант для ўмацавання сваіх пазіцый, і лагерам іх праціўнікаў. Да шляхты далучыліся Радзівілы, Пацеі, Вішнявецкія, Агінскія ды іншыя магнаты, і супрацьстаянне перарасло ў грамадзянскую вайну. На элекцыйным сойме ў 1696 г. шляхта Вялікага Княства выставіла праект так званай «каэквацыі станаў» (*societas iurium*), скіраванай менавіта супраць усяўладдзя дыктатараў, бо шэраг яе пунктаў істотна абмежаваў уладу вялікага гетмана Казіміра Яна Сапегі [2, с.302]. Прынятая ухвала стала важным поспехам шляхецкага экзекуцыйнага руху, бо канчаткова ўраўноўвала правы беларуска-літоўскай шляхты з правамі польскай, а таксама чарговым этапам уніфікацыі ладу Вялікага Княства паводле кароннай мадэлі.

На мяжы 1700-1701 гг. быў прыняты яшчэ адзін дакумент, які фактычна змяніў праграму антысапегаўскага руху. Гэтым дакументам, падпісаным усімі лідэрамі змагання з Сапегамі, стала так званая «Віленская пастанова». У ёй абвешчалася ўвядзенне ў ВКЛ спадчыннай абсалютнай манархіі на чале з

вялікім князем Аўгустам II. «Залатыя шляхецкія вольнасці», якія дасталіся літвінам «у пасаг ад палякаў», называліся «нікчэмнымі», скасоўваліся назаўжды. Тым самым рэалізоўвалася праграма Аўгуста II аб дзяржаўным перавароце ў ВКЛ і ўстанаўленні «absolutum dominium». Аднак у дзеянне гэта пастанова ўведзена так і не была, а яе аўтары (у тым ліку і Аўгуст II) вымушаны былі ад яе публічна адмовіцца. Гэта было звязана з тым, што змянілася міжнародная сітуацыя. Пасля паражэння расійскага войска пад Нарвай на першы план выйшла пагроза з боку Швецыі. Аўгуст II страціў знешнюю падтрымку, абяцаную яму Пятром I, і быў вымушаны адмовіцца ад сваіх абсалютысцкіх планаў.

Такім чынам мы можам заўважыць, што стан шляхты ў Рэчы Паспалітай меў моцную прававую аснову. Гэта сведчыць аб высокім узроўні палітычнай, а таксама, у некаторай ступені, прававой культуры шляхты. Аднак трэба адзначыць, што фактычна многія прававыя дакументы тычыліся найбольш магутнай часткі шляхецкага стану – магнатэрыі.

Літаратура

1. Галечанка, Г. Развіццё шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVIII ст. / Г. Галечанка, пер. з рускай А. Шаланда // Герольд Litherland. – 2001. - №3. – С. 85-102
2. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. – Мн.: Энцыклапедыкс, 2001. — 412 с.

АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ АЙЧЫННАГА ГРАМАДЗЯНСКАГА ПРАВА Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (1941-1945 гг.)

Ермаловіч В.І., Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт

У гады Вялікай Айчыннай вайны права Беларускай ССР не мела самастойнага значэння. Адпаведна артыкула 14.п.«х» Канстытуцыі СССР 1936 г., выданне Грамадзянскага і Крымінальнага кодэксаў было аднесена да кампетэнцыі саюзных уладаў [1,с.6]. У сувязі з гэтым адзначым, што прававая сістэма склаўшаяся ў даваенны час, захавалася і пасля ўступлення СССР у вайну (1941-1945 гг.). Пры гэтым, фарміраванне чрэзвычайных органаў, інстытутаў і адносін, істотна паўплывалі на прававую сістэму і спосабы прававога рэгулявання.

У сферы грамадзянскага права ваенныя падзеі таксама прывялі да шэрага новаўводзін. Аб некаторых з іх, якія істотна ўплывалі на эканамічнае і сацыяльнае жыццё краіны, мы паразважаем вышэй.

У сувязі з эвакуацыяй маемасці з Заходніх рэгіёнаў краіны на ўсход узнікла многа спрэчак грамадзянска-прававога характару, якія галоўным чынам закраналі пытанні захавання і эфектыўнага выкарыстання вытворчых фондаў. Суровая ваенная рэчаіснасць патрабавала праводзіць перамяшчэнне гаспадарчых аб'ектаў на новыя мясціны іх дыслакацыі. Толькі за 1941 г. у савецкі тыл было эвакуіравана звыш 1500 прамысловых прадпрыемстваў, у тым ліку 124 з тэрыторыі Беларусі [2, с.96]. Для перавозкі гэтага абсталявання было выкарыстана каля 1,5млн. чыгуначных вагонаў. Эвакуіраванае абсталяванне накіроўвалася на будаўніцтва новых прамысловых аб'ектаў і дзейнічаючыя прадпрыемствы.

Эфектыўнай дзейнасці народнай гаспадаркі ў гэтых умовах нельга было дасягнуць не праводзячы перазмеркавання асноўных гаспадарчых фондаў. Гэта было магчыма толькі ў умовах адзінай (дзяржаўнай) формы маемасці. Пры эвакуацыі прадпрыемстваў і ўстаноў нярэдка адбывалася так, што прадпрыемствы хутка аднаўляўшы сваю дзейнасць на новых месцах, карысталіся абсталяваннем і іншымі прыладамі, якія літаральна аказаліся пад

рукамі. Часта арганізацыі-ўласнікі такога абсталявання аказываліся невядомымі. Разам з тым, мы сутыкаемся са справай парушэння права маемасці, што адпаведна з заканадаўствам павінна карацца і прыводзіць да канфіскацыі гэтай маемасці. Аднак, адваротная канфіскацыя маемасці яе ўласнікам на падставе артыкула 59 Грамадзянскага кодэкса могла вызваць растройства дзейнасці прадпрыемства, прывесці да скарачэння выпускаемай прадукцыі неабходнай фронту.

Узнікаючыя такога рода пытанні ў умовах ваеннага часу звычайна вырашаліся ў парадку арбітражнага спору, або адміністрацыйнымі арганамі, якім падпарадкоўваліся спрачаючыся гаспадарчыя суб'екты. Узнікшыя супярэчнасці інтарэсаў дзяржаўных устаноў вырашаліся ў адпаведнасці з неабходнасцю забяспячэння выканання планавых заданняў асобнымі дзяржаўнымі ўстановамі.

У сувязі з вышэй прыгаданым адзначым, што айчыннае заканадаўства яшчэ напярэдадні вайны стварыла магчымасць для вырашэння аператыўных пытанняў гаспадарчага характара. Так, пастановай ЦВК і СНК СССР ад 29 красавіка 1935г. «Аб перадачы дзяржаўных прадпрыемстваў, будынкаў і збудаванняў» устанаўлівалася, што яны не могуць перадавацца за грошы дзяржаўнымі ўстановамі адзін аднаму. Замацоўвалася, што прадпрыемствы і будынкі могуць перадавацца толькі без аплаты. Перадача магла ажыццяўляцца адпаведна пастанове СНК СССР, калі хаця-б адзін з бакоў знаходзіўся ў Саюзным падпарадкаванні. У мэтах эканоміі і эфектыўнага выкарыстання матэрыяльных рэсурсаў, Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 10 лютага 1941 г., забараніў продаж так званага дэманціраванага абсталявання і вызначыў, што яно можа размяркоўвацца СНК СССР або народнымі камісарамі, пры гэтым, яго кошт зпісываўся з баланса на баланс. Адпаведна быў пашыраны і пералік пытанняў, калі справы з абаротнымі сродкамі прадпрыемстваў вырашалі вышэйшыя кіруючыя органы. Безумоўна, што ў дадзеным выпадку вырашэнне гаспадарчага канфлікту ішло ў супярэчнасці з прынцыпам гаспадарчага разліку, г. зн. эканамічныя метады кіравання

змяняюцца на адміністрацыйныя. Разам з тым, толькі такая непапулярная мера дазволіла наладзіць неабходнае забяспячэнне стратэгічных паставак фронту.

Вырашэнне гаспадарчага канфлікту на першы погляд ішло ў разрэз з прынцыпам гаспадарчага разліку, аднак яно дазвалялася толькі ў выпадках неабходнасці забяспячэння стратэгічных паставак фронту. У гэтым была адна з істотных пераваг савецкай гаспадарчай сістэмы, якая дазваляла мабілізаваць рэсурсы краіны на вырашэнне стратэгічных задач.

У галіне абавязацельных праваадносін істотных змяненняў не адбылося. Адносіны паміж суб'ектамі гаспадарання, як і раней рэгуляваліся на падставе дагавароў. Нават прадукцыя абароннай вытворчасці пастаўлялася ваенным спажыўцам на падставе дагавароў пастаўкі на тых жа ўмовах, што і перад вайной. Аб гэтым сведчыць пастанова Савета Народных Камісараў СССР ад 11 верасня 1941 г. «Аб будаўніцтве прамысловых прадпрыемстваў ва ўмовах ваеннага часу» [3, с.49]. Хаця ў шэрагу выпадкаў прадугледжывалася перадача прадукцыі ваеннага характару спажыўцам без афармлення дагаварных адносін, на падставе дэрыктыў планавых органаў. У такіх выпадках усе адносіны паміж суб'ектамі гаспадарання рэгуляваліся «Асноўнымі ўмовамі пастаўкі» і нарадамі-заказамі.

Парушэнне дагаварных абавязкаў у гады вайны выклікала такія ж вынікі, як і ў мірны час. І толькі ў тых умовах, калі прычыны невыканання дагаварных абавязкаў былі вызваны ваеннымі абставінамі, яны лічыліся прымальнымі ў справе вызвалення ад адказнасці, або спрыялі яе паслабленню. Напрыклад, Глаўнафтазабяспячэнне было вызвалена ад штрафных санкцый за зрыў пастаўкі нафтапрадуктаў прадпрыемствам-спажыўцам у верасні-лістападзе 1942 г.

Разважаючы аб штрафных санкцыях з боку дзяржаўнага арбітражу, трэба мець на ўвазе, што спагнанне з прадпрыемства дагаварных абавязкаў было магчымым толькі пры ўмовах выканання апошнім свайго вытворчага плана. Агульнадзяржаўныя інтарэсы выходзілі тут на першы план, органы Дзяржарбітража таксама вымушаны былі лічыцца з гэтым фактарам.

Сярод аддзельных відаў абавязкаў, найбольш тыповымі трэба лічыць наступныя:

1. Чыгунка вызвалалася ад пакрыцця страт сваёй кліентуры адносна грузаў, якія былі прыняты да перавозкі чыгуначнымі станцыямі, каторыя былі акупаваны варожымі арміямі, або грузаў накіроўваемых праз гэтыя станцыі транзітам [4, с.168]. Гэта потым было распаўсюджана на марскія і рачныя параходствы.

2. Савецкі урад удзяляў пэўную ўвагу стварэнню прымальных жыллевых умоў для абаронцаў краіны і членаў іх сем'яў. Ужо 23 чэрвеня 1941 г. Пленум Вярхоўнага Суда СССР накіраваў дэрыктыву судам аб прыпыненні ўсіх спраў па ісках аб высяленні з жылых памяшканняў асоб прызваных у рады Чырвонай Арміі і Ваенна-Марскога Флота, а таксама членаў іх сем'яў [5, с.19]. Некалькі пазней, 5 жніўня 1941 г. пастановай СНК СССР было замацавана палажэнне, што ў час вайны за асобамі знаходзячыміся ў радах Чырвонай арміі, Ваенна-Марскога Флота і войсках НКУС, захоўваецца іх жылая плошча. Пры гэтым плошча замацаваная за ваеннаслужачымі вызвалалася ад кватэрнай платы, а з членаў іх сем'яў спаганялася ільготная плата. Часовыя жылцы, пасяліўшыся на плошчы ваеннаслужачага былі абавязаны пры яго вяртанні неадкладна вызваліць кватэру, або яны падлягалі пад высяленне ў адміністрацыйным парадку без атрымання іншага жылога памяшкання [6, с.20].

3. У сувязі з буйнамаштабнымі памерамі эвакуацыі прамысловасці, узнікла складаная задача па забяспячэнню рабочых і служачых прадпрыемстваў жылымі памяшканнямі ў новых месцах іх знаходжання. У склаўшыхся ўмовах дырэктары прадпрыемстваў атрымалі дазвол наймаць у дамах грамадзян жылыя памяшканні за павышэную кватэрную плату (кватэрная плата па стаўках аплачвалася непасрэдна рабочымі і служачымі, а надбаўка пакрывалася за кошт сродкаў прадпрыемства).

Разам з тым, на падставе пастановы СНК СССР ад 16 лютага 1942 г., жылыя памяшканні рабочых і служачых эвакуіраваных на ўсход прадпрыемстваў у каторых яны жылі да эвакуацыі, пераходзілі ў распараджэнне выканкомаў мясцовых Саветаў і аддаваліся ў першую чаргу рабочым і служачым абаронных прадпрыемстваў, застаўшыхся працаваць у тым жа горадзе.

4. У мэтах стварэння прымальных умоў для ваеннаслужачых 15 верасня 1942 г. з'явілася пастанова «Аб парадку пасведчання даверанасцей і завяшчанняў ваеннаслужачых у ваенны час», якое дапушчала пасведчанне даверанасцей і завяшчанняў асоб, знаходзячыхся на службе ў Чырвонай Арміі і Ваенна-Марскім Флоце, акрамя натарыяльных органаў, камандаваннем асобных вайсковых часцей.

5. Ваенныя падзеі аставілі свой адбітак і на дагаворы аб страхаванні. Адпаведна пастановы СНК СССР ад 8 ліпеня 1941 г. Дзяржстрах вызваляўся ад адказнасці за смерць застрахаваннага або страты стану працаздольнасці, або за гібель і пашкоджанне маемасці, якое здарылася ў час ваенных дзеянняў.

У гады вайны часта адбываліся здарэнні, калі на доўгі час становіўся невядомым месца грамадзян, адпаведна ўзнікала пытанне аб парадку ўздыхання страхавых платяжоў за збудаванні, якія належылі такой катэгорыі ўладальнікаў. Наркамфін па гэтаму пытанню даў адпаведнае тлумачэнне ад 28 красавіка 1942 г. Калі збудаванні падпадаючыя да абавязковага страхавання трапілі ў спіс незаселеных і неахоўваемых будынкаў, і месцы знаходжання іх уладальнікаў невядомы, а будынак ужо заселены жылцамі, то з жылцоў, як з асоб карыстаючыхся гэтымі будынкамі, неабходна ўздыхаць страхавыя плацяжы. За будынкі, якія знаходзіліся ў карыстанні гаспадарчых прадпрыемстваў або ўстаноў разлічваліся з страхавым фондам на ўмовах страхавання ў дзяржаўным жыллевым фондзе за свой кошт, г. зн. кошт прадпрыемства або ўстановы. У выпадку стратных наступстваў у дачыненні азначанага збудавання, страхавую кампенсацыю атрымлівалі толькі ўладальнікі збудавання.

Істотныя змяненні адбыліся і ў галіне спадчыннага права. Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 14 сакавіка 1945 г. «Аб спадчыніках па закону і па завяшчанню» пашырыў кола спадчыннікаў па закону. У лік асоб спадчыннікаў па закону ўвайшлі бацькі, браты і сестры. Адначасова ўводзілася чарга для ўваходжання ў спадчыну. У ей першымі ішлі дзеці, затым бацькі, браты і сестры. Калі сваякоў не было, то ўжо з'явілася магчымасць спадчынадаўцу прызначыць сабе спадчыніка па завяшчанню [7, с.163]. Задоўга да прыгаданых новаўводзін, 9 студзеня 1943 г. Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР адмяніў існаваўшы падатак са спадчыны.

Такім чынам, нават кароткі аналіз айчыннага грамадзянскага заканадаўства часу Вялікай Айчыннай вайны, дазваляе нам пераканаўча сцвярджаць, што савецкая грамадска-прававая сістэма не толькі вытрымала суровы экзамен ваеннага ліхалецця, але і стала ўзорным прыкладам перабудовы і гібкага рэагавання права на прынцыповыя патрэбы жыцця народа і краіны.

Літаратура

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С изм. и доп., принятыми I-VII Сессиями Верховного Совета СССР. - М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. - 24 с.

2. Ермаловіч, В.І. Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939-1945 гг.): кароткія нарысы / В.І.Ермаловіч. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 260 с.

3. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. В пяти томах. Сборник документов. / Сост.: К.У.Черненко, М.С.Смиртюков. – Т.3. - М.: Изд-во Политической литературы, 1968. – 751 с.

4. Дополнения к сборнику постановлений, правил и распоряжений по перевозке грузов по железным дорогам СССР, опубликованные в сборниках правил перевозок и тарифов с 1 декабря 1940 г. по 1 июля 1945 г. – М.: Трансжелдориздат, 1946. – 183 с.

5.Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1941 г. / Под ред. И.Т. Голякова. – М.: Юридическое изд-во Минюста СССР, 1947. – 160 с.

6.Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам. Вып. 10. М.: Госфиниздат СССР, 1941. – 25 с.

7.Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1945-1946 гг. – М.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947. – 188 с.

СІСТЭМАТЫЗАЦЫЯ НОРМАЎ СПАДЧЫННАГА ПРАВА Ў СТАТУТОВЫ ПЕРЫЯД РАЗВІЦЦЯ ЗАКАНАДАЎСТВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Голубева Л.Л., Беларускі Дзяржаўны Ўніверсітэт

Грамадзянскаму праву XVI стагоддзя вядомы наступныя інстытуты: рэчавае права, абавязацельнае права, спадчыннае права і сямейнае права. У старажытнасці спадчынным праваадносінны рэгламентаваліся звычайным правам. З развіццём маёмасных адносін нормы спадчыннага права ўключаюцца ў першыя заканадаўчыя акты Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) – агульназемскія і абласныя граматы, якія выдаваліся ў XV – XVI стагоддзях. Нягледзячы на тое, што гэта былі асобныя і часта несістэматызаваныя прававыя нормы, яны дапаўнялі і развівалі звычайнае права. Менавіта на іх аснове складалася агульнадзяржаўнае спадчыннае права. У статутowym заканадаўстве пытанні наследавання маёмасці былі прыведзены ў больш дакладную сістэму. Адбылася сістэматызацыя нормаў спадчыннага права ВКЛ. У навуцы існуюць розныя кропкі гледжання наконт разумення гэтага паняцця. Так, А.Ф. Вішнеўскі, У.А. Кучынскі, М.А. Гарбаток пад сістэматызацыяй нарматыўных прававых актаў разумеюць мэтанакіраваную дзейнасць дзяржаўных органаў, недзяржаўных арганізацый, прыватных асоб па ўпарадкаванні, удасканаленні нарматыўнага прававога матэрыялу, прывядзенні яго ў пэўную ўнутрана-ўзгодненую сістэму. Гэтыя навукоўцы вылучаюць наступныя віды сістэматызацыі: інкарпарацыю, кадыфікацыю і кансалідацыю. На думку прафесара С.Р. Драбязкі сістэматызацыя заканадаўства знаходзіцца ў цеснай

сувязі з тэорыяй удасканалення заканадаўства і ў ёй вылучаюцца наступныя віды: улік, інкарпарацыя, кансалідацыя, кадыфікацыя, Звод законаў. Прафесар М.У Сільчанка адзначае, што “пад сістэматызацыяй у самым агульным плане неабходна разумець дзейнасць дзяржавы, яе органаў і іншых сацыяльных суб’ектаў, якая скіравана на сістэматыку і падтрыманне дзеючых крыніц права ў “працоўным стане” і ў залежнасці ад мэт і суб’ектаў, якія ажыццяўляюць дзейнасць па сістэматызацыі крыніц права, а таксама метадаў, якія пры гэтым выкарыстоўваюцца, можна выдзеліць такія формы сістэматызацыі, як інкарпарацыя, кансалідацыя і кадыфікацыя”.

У пачатку XVI стагоддзя ў ВКЛ быў накоплены тэрэтычны і практычны вопыт, створаны ўмовы для сістэматызацыі заканадаўства. Вынікам гэтага працэсу з’явілася прыняцце Статута 1529 г. Згодна з першым сістэматызаваным зводам законаў дзяржавы шляхецкую бацькоўскую маёмасць, па агульнаму правілу, наследавалі сыны, а мацярынскую – ў роўных долях сыны і дочки. У Статуце 1529 г. рэгламентуецца наследаванне па закону і па завяшчанню, парадак складання завяшчанняў, а таксама замацаваны такія інстытуты спадчыннага права, як “прыданае” і “вено”. Спадчыннікамі па закону з’яўляліся бліжэйшыя сваякі памерлага: дзеці, затым браты і сёстры, а потым ужо бацькі. Законнымі ўласнікамі спадчыннай маёмасці дзеці станавіліся пасля наступлення паўналецця (Р. IV, арт. 6; Р. I, арт. 18). Статут устанавіў правіла, адносна якога дзяцей нельга было пазбаўляць маёмасці пасля смерці бацькоў, за выключэннем тых выпадкаў, калі яны здзяйснялі дзяржаўную здраду. З агульнага правіла былі і іншыя выключэнні. Статут 1529 г. упершыню спыніўся на маёмасных адносінах паміж мужам і жонкай, а таксама на маёмасных правах жонкі.

Спецыфічнай рысай наследавання ў ВКЛ было вызначэнне ў законе часткі наследавання дачок у нерухомай маёмасці, што было звязана і з рэгламентацыяй у законе такіх юрыдычных паняццяў, як прыданае і вено. Гэтыя інстытуты былі больш развіты, чым у суседняй Польшчы. Статут вызначыў права дачок на $\frac{1}{4}$ частку маёмасці. Аднак, узнікае пытанне, на якіх

падставах праходзіў выдзел прыданага і ў якой прапорцыі знаходзілася прыданае да агульнай масы спадчынай маёмасці. Помнікі заканадаўства на гэтыя пытанні прамога адказу не даюць. У практыцы, з вельмі даўніх часоў да канца існавання Рэчы Паспалітай, выконвалася наступнае правіла: ўся спадчына ацэньвалася ў грашах і $\frac{1}{4}$ частка ацэненай сумы прыходзілася на долю ўсіх сяцёр разам. Патрэбна адзначыць, што ва ўсіх трох статутах чацвёртая частка бацькоўскай спадчыны прызначаецца на прыданае дочкам.

Прадстаўляе інтарэс пытанне аб складанні завяшчанняў на рухомую маёмасць (Р V, арт. 15). У першай частцы дадзенага артыкула гаворыцца аб тым, што складзенае завяшчанне можа адмяняцца самім завяшчацелям. Сапраўдным лічыцца апошні завяшчальны запіс. У другой частцы артыкула 15 размова ідзе аб тым, што складзенае завяшчанне не можа адмяняцца: “такая запись должна иметь силу вечно”. На нашу думку, супярэчнасць першай часткі артыкула 15 з другой часткай выклікана тым, што ў першай частцы ўтрымліваецца новае палажэнне, заснаванае на свабодным распараджэнні сваім завяшчаннем, а ў другой частцы захавалася старое палажэнне, заснаванае на старажытным звычайным праве (калі выдадзенае завяшчанне замацоўвалася князем і сам завяшчацель змяніць гэта завяшчанне не меў права).

У цэлым першы звод законаў ВКЛ – Статут 1529 г., заклаў цвёрдую аснову для далейшага развіцця заканадаўства, якое тычылася наследавання маёмасці.

Пры падрыхтоўцы Статута 1566 г. кадэфікацыя і сістэматызацыя заканадаўства ў ВКЛ, як адзначаюць даследчыкі, значна апярэдзіла аналагічныя працэсы ў суседніх дзяржавах. Статутовая камісія ўлічыла і перапрацавала ўвесь назапашаны прававы матэрыял, як уласны, так і еўрапейскі.

Статут 1566 г. дапоўніў і дэталізаваў спадчыныя праваадносінны. Гэта было звязана галоўным чынам з дазволам усім феадалам поўнага права распараджэння нерухомай маёмасцю (а не $\frac{1}{3}$ часткай як па Статуту 1529 г.). У раздзеле трэцім, прысвечаным шляхецкім правам і вольнасцям, гаварылася аб парадку наследавання бацькоўскай маёмасці, прычым агаворвалася, што толькі

законна народжаныя дзеці мелі права на наследаванне маёмасці. Статут 1566 г. удакладніў і пашырыў нормы, якія рэгулявалі наследаванне мацярынскай і бацькоўскай маёмасці. Так, парадак наследавання бацькоўскай маёмасці разглядаецца ў раздзеле аб шляхецкіх вольнасцях, дзе замацоўваецца права наследавання пасля бацькі толькі законнымі дзяцямі-шляхцічамі і разглядаецца перадача бацькоўскай маёмасці па традыцыі як ільгота, падараная вышэйшай уладай.

Статут 1566 г. рэгламентаваў і пытанні наследавання маёмасці ў бакавых лініях роднасці ў выпадку адсутнасці дзяцей у спадчыннадаўцы. Пры гэтым бацькоўская маёмасць наследавалася “па мячу”, гэта значыць бліжэйшымі сваякамі бацькі, а мацярынская “па кудзелі” – сваякамі мацяры (Р. III, арт. 13, 14).

Важным у развіцці статутавага заканадаўства было тое, што ў Статуце 1566 г. з’явіўся цэлы раздзел, спецыяльна прысвечаны спадчыннаму праву – “Аб тэстаментах”. У ім пералічвалася кола асоб, якія пазбаўляліся права рабіць завяшчальныя запісы, рэгламентаваўся парадак афармлення завяшчанняў духоўнымі і свецкімі асобамі. Дадаткова гаварылася аб парадку афармлення завяшчанняў у надзвычайных умовах (на вайне, у дарозе і інш.). Заканадаўца ўводзіць новае палажэнне, згодна з якім забараняецца завяшчаць маёмасць халопу (Р. VIII, арт. 4). Упершыню ў законе рэгламентуецца парадак афармлення завяшчання без папярэдняга афармлення вольнай “людзьмі простага стану” (Р. VIII, арт. 5). Закон пералічвае падставы, у сілу якіх завяшчанне прызнаецца несапраўдным, а таксама ўпершыню гаворыць аб прычынах, у сілу якіх бацька меў права пазбаўляць дзяцей спадчыны.

Статут 1566 г., у адрозненне ад папярэдняга закона, асобна прадугледжвае выпадак бяздзетнасці жанчыны, калі “ўнясенне” нікому не запісана, і гаворыць, што тады яно варочаецца ў дом, адкуль вышла сама жанчына (Р. V, арт. 2). Статут 1566 г. прадугледжвае выпадак: калі адзін шляхціч мае некалькі жонак, і яны зрабілі розныя “ўнясенні” ў грашах, то сыны, незалежна ад таго, колькі б іх не было ад усіх жонак, дзеляць бацькоўскія

маёнткі на роўныя часткі; калі ж якая-небудзь з жонак унясла больш, то, як гаворыць закон, усе “лішкі” вылучаюцца або выраўноўваюцца перад падзелам. Кошт гэтай большай часткі выплачваецца братам або сынам той жонкі, якая ўнясла больш маёмасці. Пасля выраўноўвання долей бацькоўскія маёнткі дзяліліся на роўныя часткі паміж дзяццмі ўсіх жонак (Р. V, арт. 14).

Матэрыяльнае забеспячэнне жанчыны звязвалася з такімі наступствамі шлюбу, як развод. Статут 1566 г. гаворыць аб тым, што развод павінен праходзіць перад духоўным судом, згодна хрысціянскага права. Закон абараняе жанчыну і ў тым выпадку, калі духоўны суд прызнаваў вінаватым у разводзе мужа; жонцы ў дадзеным выпадку заставалася тое забеспячэнне, якое ей запісаў муж. У выпадку, калі суд прызнаваў вінаватай жонку, яна губляла ўнясенне, якое ўносіла ў дом мужа, і забеспячэнне, запісанае ей мужам.

Статут 1566 г. істотна дапоўніў і развіў палажэнні, якія тычыліся рэгламентацыі спадчыннага права. Ён удакладніў парадак наследавання маёмасці па закону і па завяшчанню. Асаблівую ўвагу закон надаў наследаванню па завяшчанню, аб чым сведчыць не толькі ўвядзенне новага раздзела ў Статуце “Аб тэстаментах”, а таксама і дадатку да тэксту Статута узораў складання спадчынных запісаў. Статут 1566 г. у большай меры клапаціўся аб абароне правоў жанчыны, аб яе матэрыяльным забеспячэнні ў выпадку, калі яна заставалася ўдавой і нават у выпадку разводу.

Статут 1588 г. з’явіўся істотным этапам у сістэматызацыі нормаў спадчыннага права. Закон рэгламентуе наследаванне маёмасці па закону, па завяшчанню і па звычайу; устанаўлівае кола асоб, якія мелі права складаць завяшчанне, а таксама гаворыць аб суб’ектах, якія не мелі права завяшчаць маёмасць. Вялікую ўвагу Статут 1588 г. надае парадку афармлення завяшчальных запісаў (тэстаменту). Як правіла, яны павінны былі складацца ў прысутнасці членаў гродскага або земскага суда, а пры немагчымасці – у прысутнасці аднаго члена суда і двух мясцовых шляхцічаў. Усе асобы, якія прысутнічалі пры складанні тэстамента павінны былі яго падпісаць і заверыць асабістай пячаткай. Завяшчацель меў права ў любы момант змяніць завяшчанне

і напісаць новы тэстамент. Сапраўдным прызнаваўся апошні завяшчальны запіс. Закон рэгламентаваў і выпадкі экстранага складання завяшчання; устанаўліваў пералік асоб, якія не маглі сведчыць завяшчальны запіс; пералічваў кола асоб, якія пазбаўляліся права на спадчыну; замацоўваў шэраг прычын, па якіх бацькі маглі адмовіцца ад сваіх дзяцей, вынікам чаго было пазбаўленне іх права на спадчыну.

У ВКЛ наследаванне па закону наступала пры адсутнасці завяшчання і ў адпаведнасці з пэўнай чарговасцю кола сваякоў. У першую чаргу спадчыннікамі з'яўляліся дзеці, браты, сёстры, затым бацькі памёршай асобы, а потым ужо іншыя кроўныя сваякі. Аб спадчынніках іншых чэргаў і аб наследаванні ў бакавых лініях, закон гаворыць даволі-такі нявызначана, называючы іх “потомства и щадки” (Р. III, арт. 7).

Гаворачы аб маёмасных адносінах, Статут упершыню падрабязна рэгламентуе наследаванне сумесна нажытай мужам і жонкай у шлюбе маёмасці, калі яны да гэтага не мелі ніякай маёмасці; гаворыць аб вымарачнай маёмасці; упершыню рэгламентуе пытанне аб даўнасці прыданага.

У Статуце 1588 г. спадчыннае права выступае ўжо пэўнай падгаліной грамадзянскага права з больш поўнай і дэталёвай рэгламентацыяй усіх аспектаў спадчынных праваадносін, з рэгламентацыяй правоў і абавязкаў суб'ектаў права, з дакладнай рэгламентацыяй пытанняў наследавання маёмасці па закону і па завяшчанню, з асаблівай абаронай спадчынных правоў жанчын, з вылучэннем так званай сумесна нажытай у шлюбе маёмасці.

Такім чынам, у статутовы перыяд развіцця заканадаўства ВКЛ адбылася сістэматызацыя нормаў спадчыннага права, упарадкаванне дзеючага нарматыўнага прававога матэрыялу, аб'яднанне яго ў адзіную, стройную, узгодненую сістэму.

ЮРЫСПРУДЭНЦЫЯ РЭНЕСАНСУ І ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ГІСТОРЫІ ПРАВА БЕЛАРУСІ

*Дзёрбіна Г. В., Беларускі навукова-даследчы Інстытут дакументазнаўства і
архіўнай справы*

Юрыспрудэнцыя эпохі Рэнэсансу, як і агульная культура эпохі цалкам, разглядаецца як аснова сучаснага права, этап дынамічнага развіцця рамана-германскай прававой сям’і і прававых сістэм краін, якія складалі яе прававую супольнасць. У гісторыка - прававой навукі сфарміравалася вызначэнне права Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) ў XVI ст. як сістэмы рамана-германскай прававой сям’і, якая мела выразны рэнэсансны характар [1, s. 22-26].

Польскія, англійскія, амерыканскія даследчыкі : Ю. Бардах, Г. Берман, С. Годэк, В. Гордон, Ю. Кіршнер, А. Робінсон, В. Урушчак, Т. Фергус і інш. вылучаюць наступныя рысы юрыспрудэнцыі Рэнэсансу: моцнае ўздзеянне агульнай культуры Рэнэсансу, рэцэпцыя рымскага права, кадыфікацыя права на аснове канцэпцыі гуманістычнай школы права [1, s. 23; 2, s. 77; 3, 46-63, 80-88; 5, s. 170-178; 13, p. 364-367]. Гуманістычная школа права абгрунтавала прыярытэт закону як крыніцы права на каштоўнасцях патэнцыялу натуральна-прававых ідэй, ідэалах рымскай юрыспрудэнцыі, разуменне закону як выяўленне разумнага і справядлівага права.

Школа ўзнікла ў XVI ст. на фоне агульных тэндэнцый “адраджэння” антычнай культуры, вяртання сапраўдных тэкстаў крыніц рымскага права і тагачаснай адаптацыі рымскага права, ідэалогіі рэнэсанснага гуманізму. Заснавальнікамі новай дактрыны з’явіліся, пераважна, юрысты Італіі,

Францыі, Германіі, але школа мела распаўсюджванне і ў іншых еўрапейскіх краінах. Прадстаўнікамі школы былі А. Альцыятус, Ж. Куяцыус, Г. Данэлус, Г. Бюдэус, У. Цазіус, Ш. Дзюмулен, Жан Бадэн, Гі Какіль, Ж. Кальвін і інш..

Працэс кадыфікацыі права рэнэсанснага перыяду зацвердзілі вядомыя ў ВКЛ крыніцы чэшскага, польскага і нямецкага права: “Ардынацыя земская Каралеўства Чэшскага” 1500 г.(1527 г., 1530 г., 1549 г.), праца В. Карнэліуша з

Вышэграду 1508 г. (прыватная), Статут Ласкага 1506 г., Formulaprocessus 1523 г., Корэктур праў 1523 г., працы Я. Пжылускага 1553 г., Я. Гербурда 1563 г., С. Сарніцкага 1594 г., Я. Янушоўскага 1600 г., М. Яскера 1535 г., П. Шчэрбіча 1581 г., Б. Гроіцкага 1558, 1559 г., 1567 г.; Караліна 1532 г. і інш. Кадыфікацыя ахапіла не толькі земскае права, але права гарадское (найперш магдэбургскае) і кананічнае права.

Рэнэсансавы характар Статутаў ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. адлюструюць у некалькіх аспектах, у аснову якіх пакладзена канцэпцыя кадыфікацыі гуманістычнай школы права. П. Раізіі, доктар рымскага і кананічнага права, найлепшы вучань А. Альцыятуса, уплывовы прадстаўнік гуманістычнай школы права, зрабіў важкі унесак у прававую культуру ВКЛ.

П. Раізіі непасрэдна удзельнічаў у распрацоўкі Статутаў 1566 і 1588 гг., з'яўляўся суддзем асэсарскага суда, каралеўскім сакратаром і юрысконсультам, узначаліў першую школу грамадзянскага права ў Вільні. Важнай падзеяй у навуковым жыцці Еўропы з'яўляўся юрыдычны трактат П. Раізія на аснове судовай практыкі ВКЛ “Decisiones Petri Royzii Aurei Alcagniceni Regii iureconsulti de rebus in sacro auditorio Lituanico ex appellatione iudicatis” Cracoviae, 1563. Трактат напісаны на падставе абагульненняў судовай практыкі вышэйшых судоў ВКЛ, у якім аналізаваліся праблемы прымянення права праз параўнанне з тлумачэннямі класічных рымскіх юрыстаў і каментарыямі постгласатараў, найперш Бартала Сасаферата. Трактат меў шырокую аўдыторыю чытачоў ў Еўропе, друкаваўся у Кракаве ў 1563, Франкфурце на Майне ў 1570, Венецыі ў 1572. П. Раізіі вызначыў ролю рымскага права як дзеючага ў ВКЛ, яго агульным ўплыве на прававую культуру ВКЛ [9, р. 3, 7.].

Традыцыйна лічыцца, што рымская інстытуцыйная сістэма права была пакладзена ў аснову сістэмы Статутаў ВКЛ, сучасныя даследаванні сведчаць аб грунтоўнай ролі рымскага права пры распрацоўкі Статутаў [1, s. 23; 2, s. 77; 3, 46-63, 80-88; 15, с. 170-178]. Рымскае права з'явілася часткай прававой сістэмы ВКЛ, ужывалася ў судах як адна з дапаможных крыніц права, што адлюстравана ў

Статут 1588 г. і судовая практыка ў ВКЛ. Рэцэпцыя рымскага права развязала практычныя пытанні свабоды распараджэння маёмасцю, развіцця інстытутаў спадчыннага, апекунскага права, інстытута ўласнасці. Такім чынам, “адраджэнне” рымскага права ў прававой сістэме ВКЛ было важным накірункам развіцця ўласнага права.

Уплыў Рэфармацыі на фарміраванне дактрыны рамана-германскай прававой сям’і, роля прававых вучэнняў рэфарматараў (найперш Ж. Кальвіна) у кадыфікацыі публічнага права ВКЛ уяўляецца значнай, што абгрунтавана ў працах айчынных і замежных даследчыкаў [5, р. 174, 210-212; 5, с. 46-56; 6, с. 192-225; 10, с. 121-135]. Ж. Кальвін распрацаваў філасофію свецкага права, у якой праву надавалася значэнне інструмента Рэфармацыі, абгрунтаваў неабходнасць кадыфікацыі права, развіцця асноў парламентарызму [13, р. 367 - 386.].

Асаблівасці здзяйснення кадыфікацыі права у ВКЛ, мяркуецца, грунтуюцца на ясна акрэсленай канцэпцыі кадыфікацыі гуманістычнай школы права пад уплывам рэнесанснага гуманізму і ідэалогіі Рэфармацыі. Кальвінізм у ВКЛ меў шырокае кола прыхільнікаў, у тым ліку сярод палітычнай эліты, з кола якой на пасуду канцлераў з паловы XVIст. прызначаліся выключна кальвіністы. Распрацаваная канцэпцыя кадыфікацыі права спрыяла аб’яднанню ў адзіным Зборы асноўных інстытутаў публічнага і прыватнага права, што было неабходна ў сувязі з невялікай колькасцю папярэдняга заканадаўства, кадыфікацыі права за кароткі час у форме Статутаў 1529, 1566 і 1588 гг. Аднак адсылкі норм прыватнага права да больш грунтоўных крыніц іншаземнага права шырока ўжываліся на практыкі і ў заканадаўстве.

Школа права гуманістаў мела розныя уплыў на прыватнае і публічнае права краін рамана-германскай прававой сям’і. Суддзі шырока выкарыстоўвалі рымскае права, апрацаванае каментатарамі, найбольш былі запатрабаваны каментарыі цывільнага права Бартала Сасаферата, якія мелі надзвычайны аўтарытэт. Інстытуты прыватнага права ў Статутах выпрацаваны на падставе абагульнення звычайў, судовай практыкі, сеймавых ухвалаў, нормаў прывілеяў

і шляхам рэцэпцыі інстытутаў і нормаў рымскага права (апекі, спадчыны, тэстаменты, маёмасных адносін), магдэбургскага права (спадчынныя дачыненні, сямейная маёмасць), кананічнага права (шлюбныя адносіны), іншых крыніц. Кардынальныя змены школа гуманістаў прынесла ў публічнае права. Вядомыя прафесары Л. Сапегі да Статута 1588 г. зацвердзілі прынцыпы вяршыства права, правай асобы на вольнасць, жыццё, годнасць і маёмасць як канцэпцыю кваліфікацыі права ВКЛ. Адметным з'яўляўся не толькі рэнесансны характар заканадаўства, але маштаб і дынаміка кваліфікацыі.

Дактрына гуманістычнай школы права абгрунтавала натуральныя правы чалавека, якія павінны забяспечывацца правам, на рацыянальнай аснове былі распрацаваны інстытуты канстытуцыйнага, адміністрацыйнага крымінальнага права. Кваліфікацыя інстытутаў публічнага права Статутаў ВКЛ здзяйснялася, пераважна, на падставе заканадаўства, прывілеяў, пастановаў сейма, іншых актаў, судовай і адміністрацыйнай практыкі, палітычных традыцый, уплыў замежных крыніц быў больш абмежаваны, пераважна тычыўся некаторых інстытутаў крымінальнага права. Статут 1588 г. (р. 3, арт. 7, 8, 9, 15 і інш.), Генрыкавы артыкулы і іншыя акты зацвердзілі фарміраванне дзяржаўнасці ВКЛ, Рэчы Паспалітай як шляхецкай рэспублікі.

У XVI ст. на падставе работ выбітных гуманістаў, рэфарматараў і навукоўцаў ВКЛ Ф. Скарыны, А. Волана, С. Буднага, М. Літвіна, А. Ратондуса, П. Раізія, Л. Сапегі і інш. сфарміравалася канцэпцыя права ВКЛ, на аснове якой развівалася навука, заканадаўства і судовая практыка, здзяйснялася кваліфікацыя.

Інтэгрэтыўныя ўласцівасці рэнесанснай юрыспрудэнцыі забяспечылі поспех кваліфікацыі права еўрапейскіх краін, у тым ліку права Вялікага Княства Літоўскага, рэнесансны Статут ВКЛ 1588 г. дзейнічаў да пачатку XIX ст. Права ВКЛ як частка рамана-германскай прававой сям'і аб'ядноўвала дзяржаву з іншымі еўрапейскімі краінамі ў праваразуменні, падобным рэгуляванні праваадносін нормаў інстытутаў прыватнага права, аналогіямі ў развіцці інстытутаў публічнага права, адзначаныя тэндэнцыі былі слушна

падкрэсленыя айчыннымі і замежнымі даследчыкамі [8, с. 7-8; 11, с. 37; 12, 97; 14, с. 118].

Літаратура

- 1 Bardach J. Statuty Litewkie praworzymskie. Warszawa, 1999. S. 156.
- 2 S. Gogek. Elementy praworzymskiego w III Statuce litewskim (1588). Warszawa: OFICYNA NAUKOWA, 2004. -230 s.
- 3 Дзербіна, Г. В. Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. В. Дзербіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.
- 4 Uruszczak W. Europejskie kodeksy doby Renesansu . // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1988. T. XL. Z.1.
- 5 Robinson O. F, Fergus T. D., Gordon W. M. European legal history. London; Dublin; Edinburgh, 1994. – p. 368 Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі. Мн., 1990. – с. 256.
- 6 Лаппо И.И. Литовский Статут 1588. Каунас, 1934- 36. Т.1.- с. 591.
- 7 Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV - XVI вв. М., 1961.
- 8 Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998. - с. 398..
- 9 Decisiones Petri Rozyii Maurei Alcagnicen Regi iureconsulti d e rebus in sacro auditorio Lituanico ex appellatione iudicatis. Cracoviae, 1563. – p.762.
- 10 Берман Г. Вера и закон : примирение права и религии. М., 1999. - с. 431.
- 11 Падокшын С.А., Сокал С.Ф. Палітычная і прававая думка Беларусі XVI-XVII стст. Мн., 1999.-с. 195.
- 12 Шалькевіч В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мн., 1999. - с. 223.
- 13 John Calvin. Institutes of the Christian Religion. // J.W. Boyer, J.Kirshner. University of Chicago Readings in Western Civilization. The Renaissance. Chicago & London, 1986. V.5. – p. 434.
- 14 Я. А. Юхо. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: Вучэбн. Дапам. - У 2 ч. Ч. 1., Мінск: РІВШ БДУ, 2000.- с. 349.

15 Пахман С. А. История кодификации гражданского права: В 2 т. Спб., 1876. т.1. – с. 378.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Жук Д.С., Белорусский государственный университет

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения политического и правового опыта государственности народов, формировавших этнический состав Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), в первую очередь Беларуси, Украины и Литвы. Это позволит успешно решать современные проблемы политического и правового характера данных государств, учитывая, сложившиеся веками их политические и правовые традиции.

Учеными доказано, что Реформация была одним из ключевых явлений в жизни европейского континента XVI в., которое во многом определяло направление его развития, оказывая при этом большое влияние практически на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе на политическую и правовую. К сожалению, данный аспект по большей части игнорируется современной историко-правовой наукой государств-преемников ВКЛ. Для более качественного исследования политического и правового аспектов Реформации в ВКЛ, необходимо исследовать все ее составляющие, одной из которых являются причины ее возникновения.

Исследованию причин возникновения реформационного движения в ВКЛ уделяли внимание С.А. Подокшин [1, с. 11–40] и Н.И. Кареев [2]. Н.И. Кареев отметил, что причины Реформации не могут быть сведены только к безнравственности католического духовенства или вообще к «порче церкви» [2, с. 634].

В научной литературе существует много мнений насчет причин возникновения идей Реформации как в ВКЛ, так и в других странах. По нашему мнению, можно определить следующие основные причины проведения Реформации в ВКЛ:

1. Религиозная. Внутренний кризис православной церкви и упадок (безнравственность) католической. Церковь преобразовалась в крупного землевладельца, что подорвало к ней доверие со стороны ее же прихожан. Она стала заботиться не о духовном благоустройстве своей паствы, а о своем материальном благоустройстве (разные церковные сборы, в их числе десятина, продажа индульгенций и др.). Это в большей степени касалось католической, чем православной церкви; 2. Социально-политическая. В середине XVI в. шляхта ощущала свою зависимость от магнатов, в том числе и политическую. Но в то же время, она понимала свой количественный перевес и хотела воплотить его в расширение своих прав и вольностей, тем самым обеспечить себе политическую независимость от магнатов. Последние, в свою очередь, также хотели за счет церковных земель еще больше укрепить свое положение и возвести свою политическую власть на недостижимый уровень для других сословий, в том числе и для шляхты. Магнатам принадлежала и инициатива начинания реформационного движения. В целом, для всего класса феодалов, который почувствовал слабость позиций духовенства, наступил очень удобный момент, чтобы отобрать его церковные земли, обернув их в свою собственность, и, тем самым, расширить свое влияние в политической жизни страны и роль в управлении ею. Поэтому реформационное движение с его антицерковным характером было использовано, как средство достижения их собственно сословных общественно-политических целей.

Для городских низов (мещан) главным было победить феодализм и перейти к капиталистическим отношениям, а также избавиться от церковного засилья своей жизни. Крестьянство мало было втянуто в дела Реформации, однако в его интересах действовали радикально настроенные идеологи Реформации (Петр из Гонендза, Павел из Визны, Якуб из Калиновки), которые требовали отмены феодально-крепостнической зависимости крестьянства. Католическому духовенству реформационное движение доставляло много проблем, так как было направлено в основном против него. Ослабляя позиции католичества, оно одновременно ослабляло давление на православие в ВКЛ.

К дополнительным (вторичным) причинам можно отнести:

1. Подготовленную религиозную почву. В первой половине XVI в. ВКЛ представляло собой многонациональное и многоконфессиональное государство, что свидетельствовало о его развитой в условиях феодального общества религиозной веротерпимости и толерантности;
2. Подготовленную социально-экономическую, общественно-политическую и интеллектуальную почву. XVI в. в истории ВКЛ был богатым на знаковые события. Он ознаменовался экономическим (рост городов, ремесленного производства, внешней торговли и т.д.), политическим (сохранение территориальной целостности, независимости и суверенитета ВКЛ), культурным (старобелорусский язык имел статус государственного, бурное развитие просветительской деятельности), международным (ВКЛ, а затем и Речь Посполитая находились на ведущих позициях в Восточной Европе) и правовым подъемом;
3. Польский фактор. До 1569 г. ВКЛ было связано личной унией с Польшей и представляло собой феодальную, сословно-представительную монархию. После чего, в 1569 г. была заключена Люблинская уния, согласно которой на политической карте Европы появилась Речь Посполитая – государство, которое являлось на практике конфедеративной феодальной, монархической республикой. Это свидетельствовало о влиянии Польши на ВКЛ;
4. Западноевропейский фактор. Влияние идеологии и идей реформационного движения из-за рубежа. Здесь нельзя обойти вниманием фактор географической близости Польши и Германии – родины Реформации. Он позволяет говорить о реформационном влиянии последней, как на Польшу, так и на ВКЛ. Это происходило через реформационную литературу, обучение студентов ВКЛ в университетах Европы, приглашение оттуда воспитателей, немецкое население городов ВКЛ и т.д.

Литература

1. Подокшин, С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы : Вторая половина XVI – нач. XVII в. / С. А. Подокшин. – Минск : Наука и техника, 1970. – 222 с.

2. Карѣевъ, Н. И. Реформація / Н. И. Карѣевъ // Энциклопедическій словарь : [в 86 т.] / изд. Ф. А. Брокгаузъ, И. А. Ефронъ ; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевскаго. – СПб., 1899. – Т. 26 А (52) – С. 634–656.

СТАТУТ 1588 ГОДА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Тараборин Р.С. Белорусский государственный университет

После присоединения к Российской империи в Западных губерниях (Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской губерний и частично Белостотчине) основным законодательным источником для населения в области гражданско-правовых отношений продолжал оставаться Статут 1588 г., о котором М. В. Довнар-Запольский писал, что он прежде всего является «памятником белорусского национального права».

Делались попытки каким-то образом совместить действие местного и российского права. К концу 1830-х гг. был подготовлен и отпечатан проект Свода законов Западных губерний, в основе которого был положен Статут. Он обладал несомненными достоинствами, но его судьбу предрешили обстоятельства не юридического, а политического характера. Как отмечал тот же М. В. Довнар-Запольский, создание проекта Свода - это «была последняя мера, предполагавшая вести политику по пути признания местных прав и особенностей». Однако это уже не соответствовало новому направлению, зародившемуся в русской политике. Правительство продолжало видеть в населении края только «поляков», пренебрегая особенностью белорусского населения, поэтому выставило девизом своей политики ассимиляцию местного края с другими местностями империи. К тому же восстание 1830-1831 гг. значительно усилило у центральной власти подозрения в отношении лояльности населения Западных губерний. Был взят окончательный курс не только на административную, но и правовую унификацию. Первый шаг в этом направлении последовал 1 января 1831 г., когда был издан императорский указ, затронувший территории, где наиболее, по мнению власти, сильны были позиции шляхты (Могилёвская и Витебская губернии). На них распространялся тот же порядок, что и во внут-

ренных областях государства, и полностью прекращалось действие Статута. Затем указом 25 июня 1840 г. действие Статута было прекращено и в остальных Западных губерниях, где и было полностью распространено общеимперское законодательство.

В то же время в отношении считавшихся более лояльными Полтавской и Черниговской губерний было сделано исключение. В них действие Статута 1588 г. в его гражданско-правовых статьях не было прекращено, а в Свод законов гражданских 1842 г. вошёл ряд статей из Статута.

Таким образом, на протяжении длительного времени гражданско-правовые отношения в Западных и Малороссийских губерниях Российской империи регулировались соответствующими статьями Статута 1588 г., одного из самых значительных юридических документов своего времени, оказавшего существенное влияние на российское законодательство. В целом же можно сделать, на первый взгляд, очевидный вывод, что к местному законодательству и праву менее всего может быть употреблено определение его как некой системной целостности в масштабах всей Российской империи. Разнообразие, несходство и противоречивость источников местного гражданского права и самих местных законов по отношению к общеимперскому законодательству, столь же существенные расхождения между отдельными местными законодательствами и их собственная внутренняя, как правило, недостаточная согласованность, создаёт впечатление «параллельных» правовых (гражданско-правовых) пространств, одновременно сосуществовавших в Российской империи. Отсюда вытекает внешне очевидный вывод о том, что де-факто единственным собственно юридическим фактором, объединявшим местные законодательства, являлась юридическая политика императорской власти, санкционировавшая в известных временных и содержательных пределах их использование, но и ограничивающая, отменяющая таковое использование по собственной воле.

С одной стороны, империя, как форма политической организации географического пространства, исходно предполагает разнородность составляющих её частей, объединяемых наличием единого центра, определяющего, в том чис-

ле и посредством законодательства, такое взаимодействие этих отдельных частей, которое поддерживает в относительном динамическом равновесии всё «имперское тело». С другой стороны, процесс модернизации, проходящий в России на протяжении XVIII - первой половины XIX в. и приводящий в движение всё имперское пространство, повлек за собой разнопорядковость скоростей, с которыми проходили изменения в разных частях империи. Последствием этого становилась и разнопорядковость развития правовых пространств империи.

Устойчивость имперской общественной системы в значительной мере зависела от способности сохранить управляемость всеми составными частями, что требовало не только сохранения политической централизации власти, но и сохранения лояльности этой власти со стороны разнородного населения империи. В этом смысле именно местное гражданское право, затрагивающее самые непосредственные, насущные, повседневные интересы людей, являлась для центральной власти не единственным, но весьма существенным политико-юридическим средством обеспечения подобной лояльности. Сохранение, конечно, до известных пределов, законодательной разнородности объективно оказывалось в такой ситуации системным качеством империи, обеспечивающим её относительную стабильность в условиях переходного времени. Поэтому и система права переходного типа не могла состоять из однородных составных частей. Местное гражданское право можно считать составной частью системы российского гражданского права именно в силу его приспособленности не к общеимперскому праву, а к условиям тех национальных регионов, для которых оно сохраняло свой адекватный характер. Тот факт, что при сохранении, хотя и с некоторыми модификациями, сферы действия партикулярного гражданского права Российская империя сумела обеспечить собственную целостность, по нашему мнению, может служить доказательством справедливости понимания системной роли местного гражданского права в общей эволюции гражданского права империи.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XIV – XVI ВВ.

Ковалёва С. Г., Черноморский государственный университет им. Петра Могилы

Выбор современными государствами Беларусью и Украиной европейского вектора развития не является случайным, поскольку европейская государственность в обеих наших странах имеет достаточно давние и прочные традиции. В данной работе автор попытается установить основные черты нашей общей государственности, которые сформировались на протяжении XIV – XVI вв., когда Беларусь и Украина находились в составе Великого княжества Литовского. Эволюция государственности в этот период происходила под влиянием внутренних и внешних факторов, среди которых немалую роль сыграли интеграционные процессы, происходившие в Центрально-Восточной Европе и обусловившие типологическое единство Литовско-Русского государства, Польши, Чехии, Венгрии, Псковской и Новгородской республик указанного периода. Не ставя задачи рассмотреть причины и политический контекст интеграции, отметим, что государственность Центрально-Восточной Европы, в частности, Великого княжества Литовского, будучи частью европейской политической, государственной традиции, вместе с тем имела свои особенности, отличавшие её от государственности синхронных им западноевропейских стран.

Одной из таких особенностей была социальная структура общества. Феодалный социум Великого княжества Литовского, в отличие от западноевропейской модели с её тремя сословиями, в XIV – начале XV в. не имел фактических чётких правовых и имущественных границ, разделявших различные социальные группы. Только со второй половины XV и в XVI в. эти границы стали более определёнными, однако продолжали существовать категории населения, занимавшие промежуточное положение между привилегированным и податным сословиями. Так, например, малоземельная и безземельная шляхта по своему имущественному положению смыкалась с сословием крестьян, а по право-

вому положению входила совместно с феодалами в одно сословие шляхты [1, с. 52].

Ещё одной особенностью феодальных государств Центрально-Восточной Европы XIV – XVI вв. была незначительность политической роли горожан, которые, в отличие от западноевропейских буржуа, не стали заметной политической силой, используемой монархами в процессах преодоления феодальной раздробленности и создания единого централизованного государства. Городское право, заимствованное из Германии и даруемое монархами городским общинам, представляло собой в основном чуждую правосознанию жителей литовско-русских городов систему норм и институций; закономерным следствием явилась трансформация и приспособление норм магдебургского права под специфику и нужды правоприменения в литовско-русских политико-правовых реалиях. Западноевропейские институты городского самоуправления (магистраты, рады – городские советы) не прижились даже в тех государствах Центрально-Восточной Европы, где горожане составляли социальное ядро населения, – в Новгородской и Псковской республиках. Политическое существование Пскова и Новгорода базировалось на существовании специфического славянского политического института – веча, которое и воплощало власть городской общины [2, с. 86].

В государствах Центрально-Восточной Европы процессы ликвидации феодальной раздробленности происходили позже, чем в Западной Европе. Как следствие, в Великом княжестве Литовском, как и в Польше, Венгрии, Чехии, сословно-представительная монархия сменила раннефеодальную монархию позже, чем это произошло в Англии, Франции, Испании и других западноевропейских государствах. Общевропейским феноменом было то, что аппарат королевской власти из домениально-министерального становился общегосударственным чиновничьим, единая судебно-административная система распространилась на всю территорию страны, постановления монарха, которые прежде относились только к территории домена, распространялись на всю территорию страны [3, с. 16].

Органы сословного представительства в Центрально-Восточной Европе формировались в то время, когда в Западной Европе пик их политического могущества уже прошёл и интенсивно укреплялась королевская власть, которая в начале XVI в. станет абсолютной. Если в Западной Европе нарождающаяся в городах буржуазия стала силой, которая сыграла заметную роль в объединении государства, то в Великом княжестве Литовском господари (великие литовские князья) опирались в основном на средних и мелких феодалов – шляхту, которая получила представительство в сейме и сеймиках. В государственном механизме литовско-русской сословно-представительной монархии, в отличие, например, от французской модели, важная роль отводилась Панам Раде – органе, состоявшем из крупных феодалов-аристократов – магнатов. Мещане Великого княжества Литовского политическими правами не обладали и не были представлены в органах сословного представительства [1, 64].

Ещё одной чертой, отличающей государственность Великого княжества Литовского от западноевропейской, была роль церкви, которая в условиях конфессионального плюрализма проявлялась скорее в идеологической сфере, нежели в политической.

Литература

1. Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юхо. Да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал.: С.А. Балашэнка [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – 175 с.
2. Кахнич В.С. Міста-держави та міське право в середньовічній Європі: Історико-правове дослідження: монографія. – Львів: Галицький друкар, 2014. – 140 с.
3. Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство (VI – XVвв.). – М.: Просвещение, 1967. – 272 с.

УКРАИНА - БЕЛАРУСЬ: ПРОЦЕССЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 1917-20 гг.

Лисна И.С., Черноморский государственный университет им. П. Могилы

На протяжении веков украинские и белорусские земли имели тесные взаимоотношения в различных сферах жизни, поскольку в разное время находились в составе одних государственных образований и поддерживали крепкие межгосударственные отношения. Кроме того, значительное количество украинцев жили и живут на белорусских землях и немало белорусов составляли и составляют многочисленное национальное меньшинство в Украине.

Развитие национально-государственного движения на территории Беларуси 1917-1919 годов одновременно имеет много общего и изрядно отличается от украинского государственного строительстватого времени. Элита Беларуси пыталась подражать Украине, однако происходило это со значительным опозданием и меньшей решительностью, поэтому последствия, конечно, такие различные.

После того, как украинская Центральная Рада поставила перед российским Временным правительством вопрос о признании автономии Украины, в июле 1917 года на Съезде белорусских национальных организаций было принято решение тоже добиваться автономии края в составе федеративной России и создать собственную Центральную Раду.

Вновь активизировалось движение в Беларуси после провозглашения 20 ноября 1917 года III Универсала ЦР Украинской Народной Республики. Однако созван 14 декабря 1917 года Всебелорусский съезд уже 18 декабря был разогнан российскими войсками и вынужден был перейти в подполье. Его Исполнительный комитет направил свою делегацию на переговоры в Брест. Однако, отстаивать территориальную целостность Беларуси не удалось. Из-за отставания процесса государственного строительства белорусского государства не хватало элементарных правовых оснований для отстаивания независимости[1, с. 143-150].

Белорусский аналог фактически повторял шаги Украинской Центральной Рады, однако с фатальным для того времени опозданием. 21 февраля 1918-го, то есть на восемь месяцев позже, чем УЦР, он обратился к народу с аналогичной Первому Универсалу УЦР «Первой уставной грамотой», в которой провозгласил себя временной властью до созыва Учредительного съезда и создал исполнительный орган – Народный Секретариат во главе с Язепом Варонкою. Поскольку не только независимость, но даже автономия так и не была провозглашена, на переговорах в Бресте, Беларусь в отличие от Украины оказалась объектом, а не субъектом переговорного процесса [1, с. 164].

Согласно Брестского мира Беларусь была разделена на три части: западная под названием «Новая Восточная Пруссия» входила в состав Германской империи, восточная оставалась в составе российской Западной области, а центральная – под временной оккупацией немецких войск. После такого разделения Беларуси 9 марта 1918-го года Исполнительный комитет Всебелорусского съезда принял Вторую уставную грамоту, которая провозглашала создание Белорусской Народной Республики в пределах этнической территории (УЦР приняла аналогичное решения III Универсалом на пять месяцев раньше).

Когда стало понятно, что большевики не намерены признавать Белорусскую Народную Республику и оценивают ее как «попытку оторвать Беларусь от Советской России», 25 марта 1918 большинством голосов Рады БНР (созданной на основе бывшего исполнительного комитета Всебелорусского съезда) была принята «Третья уставная грамота», которой БНР провозглашалась полностью «незалежной і вольнай дзяржавай» [2, с. 147-160].

30 декабря 1918 на очередной конференции РКП(б) Северо-Западной области в Смоленске было принято решение о переименовании областного комитета большевистской партии в Компартию Беларуси и провозглашения БССР. 1 января 1919-го на основе решений Компартии Беларуси был обнародован Манифест о создании БССР. Для легитимизации задним числом приняли решение провести Первый съезд Советов. Итак, в отличие от Украины, первый

реальный опыт хотя бы псевдогосударственного существования белорусский народ получил только в советский период.

Казалось бы, отставание процесса государственного строительства в Беларуси от Украины измерялось несколькими месяцами, однако в тех условиях оно оказалось фатальным, ведь одни и те же решения, принятые в принципиально иной геополитической ситуации, имели кардинально различные последствия. Это отставание одновременно и было вызвано слабостью белорусского национального движения и отсутствием государственного опыта (по крайней мере такого, как в Украине в период казачества), и приводило к дальнейшему углублению этого отставания вследствие нехватки того опыта создания независимого государства, который и получили в 1917-1920 годах украинцы.

Литература

1. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Минск: «Мэджик Бук», 2009. – 192 с.
2. Круталевич, В. А. О Белорусской Народной Республике : аналитические заметки и комментарии / В. А. Круталевич. — Минск: Право и экономика, 2005. – 208 с.

ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В УКРАИНЕ

Половинкина Р.Ю., Запорожский национальный университет

Поскольку при определении методологии исследования правовых явлений, необходимо обрати внимание, что нет единого подхода к толкованию этого понятия. Первым, исходным в ее структуре является теоретико-мировоззренческий блок методологических знаний - произведенную уже методологами познавательную-теоретическую конструкцию мировоззренческий компонент которой способствует определению концептуальных основ исследования. Второй, так называемый, инструментальный блок отличается от теоретико-мировоззренческого тем, что по своему содержанию, он состоит из определенной системы более конкретных и «нейтральных» по своему содержанию общефилософских, общенаучных и специальных методов, которые исследователь непосредственно использует для познания избранного правового явления [1, с. 51].

Теоретико-мировоззренческие основы нашего исследования определяются такими структурными компонентами методологических знаний, как «методологическая парадигма» и «принципы научного познания».

Принципы научного познания являются сформулированными в самом концентрированном виде выходные, первичные теоретические положения, лежащие в основе научно-познавательного процесса.

Основополагающим не только для историко-правового, а для любого исследования, является принцип историзма, предусматривающий рассмотрение изучаемого явления («наследственное право»), в его развитии, внутреннем постоянном движении с учетом всех причинно-наследственных связей, образующие ту историческую среду, в которой это явление существует. Руководствуясь этим принципом, мы пытаемся определить историческую обусловленность возникновения советского наследственного права и его развитие в течение длительного периода, его влияние на формирование современного и будущего наследственного права.

Непосредственно связан с принципом историзма принцип объективности, методологическое предназначение которого заключается в опознании наследственного права советского периода так, как оно было в действительности: не искажая и не идеализируя его. Объективность исследования обуславливает рядом факторов, в частности: существованием права, независимо от исследователя отражает определенный уровень развития общества, соответствующей практикой решения тех или иных задач, требует получения истинного знания; существованием общепризнанных ценностей, ориентация на которые позволяет избежать получения ложных представлений.

Для нашего исследования это имеет особое значение, поскольку принцип партийности служит своеобразным методологическим ключом для понимания и оценки полученных советскими учеными соответствующих научных результатов. Сегодня, когда почти все советское воспринимается в негативном свете, мы бы не спешили «осуждать» этих ученых, ведь абсолютное большинство из них были глубоко убеждены в том, что для осуществления идеалов добра, счастья, гуманизма и справедливости необходимы были преобразования основ социальной жизни. Новое советское право, в том числе и наследственное, должно было бы закрепить эту меру добра и справедливости.

Марксистско-ленинская идеология, которая одновременно была и является одноименной методологией познания любых социальных явлений, не была лишена черт духовно-нравственной привлекательности, логико-понятийной рациональности, придавали ей смысл и социальную значимость. В идеологии и политических лозунгах большевиков присутствовали высоконравственные идеи мира и счастья, добра и благополучия, уважения к человеку труда, лозунги обеспечения социальной справедливости в стране. Именно это ожидание социальной справедливости и стремление людей к лучшей жизни обеспечили поддержку большевиков значительной частью народа и, наконец, явились одним из важнейших факторов победы советской власти [2, с. 114].

Оценку соответствующих явлений необходимо осуществлять с позиций общечеловеческих интересов и потребностей, а именно тех мировоззренческих

идеалов и нравственных норм, аккумулирующих опыт всего человечества, являющимися общими для всех людей и отражаются в аксиологическом принципе социального гуманизма [1, с. 56]. Это напрямую относится и к наследственному праву - социально содержательного правового института, который связан не только с определенными материальными благами (имуществом, собственностью), но и с определенными социальными (родственными) связями, регулируются нормами семейного права и тому подобное.

Подводя итог, необходимо отметить, что среди разнообразия принципов научного познания, для исследования советского наследственного права в Украине, были выделены основные. Использование в научном исследовании принципов позволяет познать через интегративную парадигму понятие советского наследственного права, историю его возникновения и становления, что способствует дальнейшему его изучению.

Литература

1. Бостан С.К. Принципи пізнання в структурі методології історико-правового дослідження / С.К. Бостан // Державо, право і юридична думка у Балточерноморському регіоні: історія і сучасність: матеріали XXVI Міжнародної історико-правової конференції 27–29 квітня 2012 р., м. Одеса / ред. колегія : С.В. Ківалов (голова), І. Б. Усенко (заступник голови), Н. М. Крестовська (відп. секр.) та ін. – Одеса, 2012. – С.50–58.
2. Костин Ю.В. Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX начала XX века: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. юр. наук : спец. 12.00.01 / Юрий Викторович Костин. – М., 2008. – 46 с.

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1920-1930-Е ГГ.

Фалалеева И. Н., Волгоградский государственный университет

Обеспечение устойчивого развития правовой системы являлось одним из приоритетных направлений национальной политики советского государства. Конкретно-исторически это развитие обеспечивалось разными методами в культурном пространстве «восточных» и «западных» союзных республик. К сходным политико-правовым приемам по причине метаэтнического единства прибегали как в Белорусской ССР, так и в РСФСР. Поэтому представляется интересным рассмотреть пример одного из самых многонациональных районов – Волго-Донского региона.

Для реализации советской национальной политики были сформированы специальные органы управления. Помимо Народного комиссариата по делам национальностей существовали полномочные представительства национальных меньшинств и уполномоченные по делам национальных меньшинств Наркомнаца на местном уровне. Одной из главных задач уполномоченных являлась защита прав и интересов «нетитульного» населения. Но после юридического оформления СССР Наркомнац был упразднен и его «преемником» стал Совет национальностей ЦИК СССР. При этом правовая политика в отношении национальных меньшинств долго оставалась децентрализованной. Так, в Царицынской губернии уполномоченный по работе среди нацменьшинств был назначен Постановлением губисполкома только в 1925 г.[1]

Известно, что возможность реальной защиты существует лишь в отношении тех прав и свобод, содержание которых в достаточной степени определено в действующих нормативно-правовых актах. Однако в советском законодательстве отсутствовало определение понятия «национальные меньшинства». На практике различались две отдельные группы нацменьшинств исходя из культурного неравенства. Основанием такого подхода стала статистика переписи 1926 г. по грамотности населения. В докладе Крайно по народному образова-

нию за 1929/1930 г. среди нацмен Нижне-Волжского края по аналогии выделялись три основные группы: 1) отсталые в культурном отношении (казахи, татары, калмыки, чувашаи, мордва); 2) говорящие на русском языке (белорусы, украинцы, евреи, армяне); 3) стоящие на высокой ступени развития и говорящие также на своем языке (немцы, поляки, чехословаки) [2]. Главной целью такого деления являлась реализация идей выравнивания экономического развития и достижения фактического равенства как базы для дальнейшего «сближения и слияния наций».

Работа с нацменьшинствами велась непоследовательно и ситуативно. После образования Нижне-Волжского края в 1928 г., при Президиуме краевого исполкома Советов была создана комиссия по делам национальных меньшинств в составе представителей крайкома ВКП (б), профсоюзов и некоторых краевых учреждений. Правовая политика, реализуемая этим органом, также характеризуется двойственностью. Так, в докладе на заседании заведующих частями уездных и окружных исполкомов Сталинградской губернии «О работе среди нацменьшинств» среди первоочередных задач названа правовая защита нацмен. Совещание подчеркивает необходимость обеспечения их прав на выборах, конференциях, собраниях, особого к ним подхода [3]. Вместе с тем в ответе Сталинградского окружного суда на запрос крайсуду читаем: «открытие спецсудучастков для нацмен нецелесообразно, вследствие их немногочисленности» - на 1929 г. их соотношение к населению всего округа - 8,6%». Тут же сказано, что пропаганда права и юридическая помощь населению нацмен в г. Сталинграде проводится только через четыре красных уголка: еврейский, немецкий, татарский, армянский и что в районах работа не ведется [4]. В самом аппарате крайсуда не было специалистов, знающих местные языки.

По справке о нацменьшинствах в крае и о политико-просветительской работе среди них, к 1930 г. в Нижне-Волжском крае национальные меньшинства составляли 25% населения. Из них 95% были крестьяне. Объединенные в республику и область немцы и калмыки составляли 460 тыс. или 35,5% по отношению всего «нацменнаселения» края. Дело «хозяйственно-

политического обслуживания» (распространенный юридический канцеляризм периода нэпа – И. Ф.) этого населения было организовано лучше остальной части, насчитывающей до 800 тыс. или 64,5%, разбросанной по всему краю и представленной компактно в Астраханском, Саратовском, Сталинградском и Балашевском округах: украинцы - 34,7%; немцы - 34,6%; калмыки - 8,4% татары - 6,8%» мордва - 5,5%; казахи - 3,6%; прочие - 6,6% [5].

Приведенные данные относятся к периоду, когда переход от нэпа к коллективизации и промышленной модернизации по определению подразумевает унификацию в управлении, а не учет национальных особенностей и «обслуживание интересов нацмен». Это был последний рывок политики «индигенизации». Центр обобщил причины неудач и реформировал взятый курс в направлении усиления контроля над этногруппами. С 1934 г. ввели ежегодный учёт национального состава рабочих и служащих, учащихся техникумов, вузов в каждой автономии и республике всего Союза. По «Положению о паспортах» 1932 г. графа «национальность» заполнялась со слов владельцев, но к 1938 г. произошла смена порядка заполнения пятой графы в паспорте, что свидетельствовало о кодификации этносубъектности.

Таким образом, следует сделать вывод, что в целях обеспечения устойчивости национальной правовой системы советские управленцы сочетали советизацию сознания масс и декларативное развитие национальных культур с жестким контролем над этническим развитием, когда интересами этнодисперсных групп легко жертвовали, следуя политической целесообразности.

Использованная литература:

1. ГАВО. Ф. Р-37. Оп.1. Д.302. Л.168.
2. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1.Д. 1342. Л. 291.
3. ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 944. Л. 45
4. ГАВО. Ф. Р-313, Оп.1. Д. 1342. Л. 190 об.
5. ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1.Д. 1353. Л. 2.

РАЗДЕЛ VI. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

О ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Антонова О.А., Белорусский государственный экономический университет

В ст. 46 Избирательного кодекса Республики Беларусь [1] закреплён порядок осуществления предвыборной агитации через средства массовой информации. В указанном нормативном правовом акте отсутствует определение «средства массовой информации». Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» под видом средства массовой информации понимается «газета, журнал, бюллетень, радио-, теле-, видео-, кинохроникальная программа, иная совокупность информационных сообщений и (или) материалов (передач), носящих периодический характер и предназначенных для неопределённого круга лиц» [2]. Выпуск средства массовой информации – выход в свет печатного средства массовой информации, средства массовой информации, распространяемого через глобальную компьютерную сеть Интернет, или выход в эфир телевизионного, радиовещательного средства массовой информации [2]. Массовая информация – предназначенные для неопределённого круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и другие информационные сообщения и (или) материалы, опубликованные в печати, сообщённые посредством вещания теле- или радиопрограммы или в иной форме периодического распространения [2].

В России под средством массовой информации понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [3]. Под сетевым изданием – сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации [3].

В настоящее время большинство телеканалов в Республике Беларусь, а также республиканских газет и журналов имеют электронные версии в сети Интернет. Таким образом, можно отметить, что есть средства массовой информации в виде сетевых изданий и в виде только электронных версий средств массовой информации. Однако ст. 46 Избирательного кодекса Республики Беларусь сформулирована таким образом, что за рамками правового регулирования остаются вопросы, связанные с размещением программ кандидатов, их выступлений в сети Интернет в электронных версиях средств массовой информации и сетевых изданиях. Например, теледебаты и предвыборные выступления кандидатов, как правило, идут в прямом эфире. При этом Центральная комиссия по выборам устанавливает даты и время для их проведения. Но, если в последующем в электронной версии телеканала будет находиться запись для всеобщего обозрения, то теряется само значение прямого эфира в предвыборной агитации.

Такая ситуация косвенно обозначена в постановлении Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов от 6 августа 2015 года, № 49 «Об утверждении Положения о порядке использования средств массовой информации при подготовке и проведении выборов Президента Республики Беларусь в 2015 году», в котором предусмотрено, что «предоставление эфирного времени в телевизионном, радиовещательном средстве массовой информации, места для публикации в печатных средствах массовой информации и на информационных ресурсах (их составных частях), размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет, для проведения предвыборной агитации за счет средств собственных избирательных фондов кандидатов в Президенты осуществляется на основании договора,...» [4]. Однако, такое правовое регулирование является недостаточным.

По нашему мнению можно согласиться с утверждением С.А. Хвалева: «порядок и условия организации и проведения предвыборной агитация в сете-

вых изданиях формализованы достаточно поверхностно, а имеющиеся процедуры контроля и привлечения к ответственности работников сетевых изданий за нарушение правил предвыборной агитации не адаптированы к реалиям избирательного процесса» [5].

Кроме того, предвыборная агитация в Интернете может происходить путем организации интернет-рассылки, блогов, форумов и т. д.. Кандидаты на выборные должности могут создавать персональные сайты для проведения агитации, что не является сетевым изданием и средством массовой информации в понимании Закона «О средствах массовой информации». Все указанные способы остаются вне правового регулирования в Республике Беларусь.

Литература

1. Избирательный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 июня 2015 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О средствах массовой информации Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

3. О средствах массовой информации: Закон Рос. Федерации, 27 дек. 1991 г., № 2124-1 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014. Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2015.

4. Об утверждении Положения о порядке использования средств массовой информации при подготовке и проведении выборов Президента Республики Беларусь в 2015 году: постановление Центральной комиссии Респ. Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, 6 авг. 2015 г., № 49 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. Хвалев, С.А. Предвыборная агитация в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» /С.А. Хвалев // Избирательное право. – 2014. - № 3(27).

ОСВОБОЖДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ И УПЛАТЫ ПЕНЕЙ

Бакиновская О.А., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

На современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь субъекты хозяйствования, являясь участниками самых разнообразных гражданских правоотношений, в ряде случаев за правонарушения в имущественной и связанной с имущественной сфере подвергаются санкциям не только гражданско-правового характера, но и санкциям административного, налогового и иного характера. Например, это санкции, установленные нормами Указа Президента Республики Беларусь от 14.01.2014 № 26 (в ред. от 10.08.2015) «О мерах по совершенствованию строительной деятельности». В ряде случаев такого рода санкции, связанные с неисполнением (ненадлежащим) исполнением гражданско-правового обязательства, потенциально могут повлечь экономическую несостоятельность субъекта хозяйствования. В качестве примера можно привести «жесткую» санкцию, предусмотренную п.9 Порядка расчетов между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь, предусматривающую пеню за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства по поставке товара (продукции) в сроки, предусмотренные договорами, в размере $1/360$ ставки рефинансирования Национального банка, действующей на день исполнения обязательства, увеличенной в 25 раз, от суммы неисполненной части обязательств по поставке. Данная мера воздействия применяется к субъектам хозяйствования, получившим предоплату за счет средств бюджетов и неисполнившим соответствующее обязательство.

Для предотвращения необоснованной экономической несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйствования, сохранения и развития производств,

наиболее значимых для Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц в случае привлечения юридического лица или индивидуального предпринимателя к штрафным санкциям предусматривается механизм освобождения от административных взысканий и уплаты пеней. Данный механизм, на наш взгляд, вполне согласуется с таким принципом законодательства об исполнении административных взысканий как дифференциация и индивидуализация исполнения административного взыскания, стимулирование правопослушного поведения.

Соответствующее Положение о порядке освобождения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий и уплаты пеней, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 23 июля 2015 г. № 340, предъявляя требования к содержанию соответствующего ходатайства, в частности, устанавливает, что помимо причин, побудивших заявителя подать соответствующее ходатайство, в нем должны быть обоснованы сведения о социальных и экономических последствиях наложения административного взыскания и (или) уплаты пеней и последствиях освобождения от него. Обязательно также включение информации о значимости для Республики Беларусь (ее административно-территориальной единицы) результатов, которые заявитель обязуется достигнуть в случае освобождения его от административного взыскания и (или) уплаты пеней.

При всей положительности установленного Указом Президента Республики Беларусь от 23 июля 2015 г. № 340 механизма освобождения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий и уплаты пеней хотелось акцентировать внимание на следующем моменте.

Субъект хозяйствования обязан в течение года после принятия Межведомственной комиссией по освобождению юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий и уплаты пеней положительного решения, проинформировать государственный орган о результатах, которых он фактически достиг в случае его полного или частичного освобождения от административного взыскания и (или) уплаты пеней. Полагаем, что

поскольку в данном случае субъект хозяйствования получает определенную государственную поддержку, следует ввести полугодовую периодичность предоставления такого рода информации с обоснованием причин недостижения ранее заявленных результатов и предпринятых соответственно мерах.

Такого рода контроль за последующим поведением субъекта хозяйствования должен в большей мере стимулировать его к повышению экономической эффективности своей хозяйственной деятельности.

В случае непредставления государственному органу такого рода информации полагаем возможным привлечение субъекта хозяйствования к ответственности по статье 23.16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, устанавливающей, что непредставление должностным или иным уполномоченным лицом или индивидуальным предпринимателем в установленные сроки документов, отчетов, сведений или иных материалов, подлежащих представлению в соответствии с законодательством, либо представление таких документов, отчетов, сведений или иных материалов, содержащих заведомо недостоверные сведения, – влекут предупреждение или наложение штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величин.

Следует также указать на значительное упрощение самого механизма освобождения субъектов хозяйствования от административных взысканий и уплаты пеней, что позволит повысить его эффективность.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Бевз Е.В., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Общественность является одним из наиболее важных национальных ресурсов для реализации государственной экологической политики, развития и внедрения экологического законодательства, решения современных экологических проблем, повышения уровня экологического воспитания, образования и иных составляющих устойчивого развития. [1, с. 109]. В современных условиях нельзя недооценивать значения участия общественности в достижении целей устойчивого развития, в том числе в процессе принятия экологически значимых решений.

Правовые основы участия общественности в принятии экологически значимых решений предусмотрены как на уровне международных актов, так и национальным законодательством разных государств, в том числе Украины и Республики Беларусь. На международном уровне данные формы закреплены в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (далее - Орхусской конвенции). Таковыми в соответствии с положениями Орхусской конвенции являются: участие общественности в принятии решений по конкретным видам деятельности; участие общественности в решении вопросов, касающихся планов, программ и политики, связанных с окружающей средой; участие общественности в подготовке нормативных положений, имеющих непосредственную исполнительную силу, и/или общеприменимых юридически обязательных нормативных актов.

По мнению ученых-представителей белорусской науки экологического права, в части имплементации положений Орхусской конвенции об участии общественности в принятии экологически значимых решений были разработаны только некоторые специальные формы такого участия (в настоящее время

они закреплены в законодательстве Республики Беларусь в виде общественных обсуждений в рамках процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), общественной экологической экспертизы, обсуждения вопросов планируемого удаления, пересадки объектов растительного мира в населенных пунктах). Также отмечается, что законодательство Республики Беларусь фрагментарно закрепляет порядок такого участия, а названные выше правовые формы определяют лишь отдельные аспекты предусмотренной Орхусской конвенцией процедуры и не имеют универсального характера .

В Украине на развитие положений Орхусской конвенции приказом Министерства охраны окружающей природной среды Украины от 18.12.2003 г. № 168 утверждено Положение об участии общественности в принятии решений в сфере охраны окружающей среды. К формам участия общественности в принятии решений по вопросам, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на состояние окружающей среды, п. 1.5 приказа относит следующие: работа в составе экспертных и рабочих групп, комиссий, комитетов по разработке программ, планов, стратегий, проектов нормативно-правовых актов, оценок рисков; работа в составе государственных эколого-экспертных комиссий; общественное (публичное) обсуждение проектов решений центральных органов исполнительной власти и их органов на местах, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на состояние окружающей среды, во время проведения парламентских слушаний, конференций, семинаров, круглых столов, обсуждения результатов социологических исследований, собраний граждан по месту жительства и т.д.; организация и проведение общественной экологической экспертизы; обсуждение заявлений об экологических последствиях планируемой деятельности и возможных альтернативных вариантов проектов решений по этим видам деятельности при проведении ОВОС; подготовка обращений в органы исполнительной власти по актуальным экологическим проблемам с предложениями и рекомендациями по их решению в порядке, установленном Законом "Об обращениях граждан"; выступления в средствах массовой информации по экологическим вопросам; другие формы, предусмотрен-

ные законодательством Украины. Таким образом, перечень, приведенный в приказе, не является исчерпывающим, что дает основания в науке экологического права дополнительно выделять следующие формы привлечения общественности к принятию решений по защите окружающей среды и экологических прав: референдум; собрания по месту жительства; осуществление контроля; обращение в суд; использование права на информацию; общественный экологический мониторинг [3, с. 317]; местные инициативы; собрания, митинги, демонстрации, уличные шествия, пикетирования [4, с. 11-12].

Считаем необходимым заострить внимание на последнем, а именно на участии общественности в принятии экологически значимых решений путем участия в мирных собраниях (сборах, митингах, уличных походах, демонстрациях), поскольку такие мероприятия, как правило, имеют большой общественный резонанс, позволяют привлечь к решению проблем широкий круг общественности, СМИ, представителей власти. Имеются положительные примеры, когда благодаря активным действиям неравнодушных граждан удавалось останавливать незаконные стройки на месте скверов, зеленых зон и т.д.

Хотя данное право предусмотрено ст. 39 Конституции Украины, ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую Украина ратифицировала 17.07.1997 г., ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного еще Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 19.10.1973 г., следует констатировать, что действующее законодательство по вопросам организации и проведения мирных мероприятий является несовершенным. Специального закона, который регулировал бы общественные отношения в сфере мирных собраний, законодательство Украины на сегодня нет. Так, на сегодня вопросы организации и проведения мирных мероприятий регулируются Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 г. № 9306 "О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР", который согласно п. 1 раздела XV "Переходные положения" Конституции Украины действует в части, не противоречащей Конституции Украины.

Приведенный выше пример свидетельствует о том, что несмотря на то, что украинское законодательство представляет различные возможности для участия общественности в принятии экологически значимых решений, необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования в данной сфере, учитывая важность и значимость роли общественности для устойчивого развития и защиты экологических прав граждан.

Литература

1. Краснова М.В. Правовые основы участия общественности в принятии экологически значимых решений : опыт Украины // Управление устойчивым развитием в условиях переходной экономики: монография / ред. М. Шмидт, Б.Хансманн, Д.А. Палехов, Г.Г. Пивняк, Ю.С. Шемшученко, А. Ф. Павленко, А.Г. Шапарь, В.Я. Швец, Л.Л. Палехова. - Днепропетровск-Коттубс: НГУ-БТУ, 2015. – С. 109-118.

2. Совершенствование правового обеспечения участия общественности в принятии экологически значимых решений в контексте Орхусской конвенции / Т.И.Макарова, В.Е. Лизгаро // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И.Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – Выпуск 7. – С.552-559 / [Электронный ресурс] / <http://elib.bsu.by/handle/123456789/85546>

3. Позняк Е.В. Проблеми вдосконалення законодавства про участь громадськості у природоохоронній діяльності // Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. Випуск 9. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України; Спілка юристів України, 2001. – С. 316 – 321.

4. Мороз Г.В. Правове регулювання участі громадськості в прийнятті рішень у галузі охорони довкілля: Автореф. дис. канд. юрид. наук спец. 12.00.06. – К., 2006. – 21 с.

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Демичев Д.М., Белорусский государственный экономический университет

В юридической и политологической литературе политико-правовой категории «внешняя политика» даются неоднозначные трактовки. Так, авторы учебного пособия «Общая и прикладная политология» определяют внешнюю политику как общий курс государства в международных делах, как отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, которые реализуются различными способами и методами [1, с. 167). Известный российский государствовед профессор С.А. Авакьян считает, что внешняя политика – это вся совокупность отношений данного государства с другими государствами, с международными организациями, а также общий курс государства в международных отношениях [2, с. 96]. По мнению белорусского исследователя Л.В. Вансович, под внешней политикой понимается разновидность политики, регулирующая отношения государства с другими государствами и народами, которая обеспечивает реализацию его потребностей и интересов на международной арене [3, с. 328]. В современной версии Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона внешняя политика определяется как учение о способах достижения государственных целей [4, с. 453].

Термин «внешняя политика» содержится либо содержался в текстах конституций многих государств. Так, к примеру, именовалась глава 4 Конституции СССР 1977 г. [5]. Глава 4 Конституции РСФСР 1978 г. называлась «Внешнесполитическая деятельность и защита социалистического Отечества» [6]. Аналогичная статья имелась и в Конституции Белорусской ССР 1978 г. [7].

В преамбуле действующей Конституции Республики Беларусь отмечается, что белорусский народ сознает себя полноценным субъектом мирового сообщества и подтверждает свою *приверженность общечеловеческим ценностям*. В статье 1 Конституции, закрепляющей суверенитет Белорусского государства,

подчеркивается: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет свою внутреннюю и внешнюю политику. Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и порядок» [8].

Наиболее полно принципы внешней политики Республики Беларусь изложены в статье 18 Основного Закона: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из *принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права*». Кроме того, в данной статье нашел отражение такой важнейший принцип внешней политики Республики Беларусь как *приверженность политике ядерного разоружения и демилитаризации международных отношений*: «Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным» [9].

Конституционные установления относительно основных принципов внешней политики Республики Беларусь получили развернутое закрепление в Законе от 14 ноября 2005 г. «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (с изм. и доп.), в соответствии с которым внешняя политика основывается на таких *принципах* как соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права; соразмерность внешнеполитических целей политико-дипломатическому, экономическому, оборонному, научно-техническому, интеллектуальному потенциалу государства, обеспечение их реализации для укрепления международных позиций Республики Беларусь и ее международного авторитета; повышение эффективности политических, правовых, внешнеэкономических и иных инструментов защиты государственного суверенитета Республики Беларусь и ее национальной экономики в условиях глобализации; развитие на основе общепризнанных принципов и норм международного права всестороннего сотрудничества с ино-

странными государствами, международными организациями, взаимный учет и соблюдение интересов всех членов международного сообщества; добровольность вхождения и участия в межгосударственных образованиях; приверженность политике последовательной демилитаризации международных отношений [10].

При этом *стратегическими целями внешней политики* Республики Беларусь являются защита государственного суверенитета и территориальной целостности страны, а также защита прав, свобод и законных интересов граждан, общественных и государственных интересов.

Таким образом, политико-правовую категорию «внешняя политика» можно рассматривать как динамичную систему принципов и ценностей, направленную на выработку и эффективную реализацию государственно-правовым механизмом страны общего курса по защите национальных интересов, регулирующего ее отношения с другими государствами, народами, межгосударственными образованиями, всемирными, региональными международными организациями, зарубежными партиями и общественными объединениями.

Литература

1. Общая и прикладная политология: Учеб. пособие / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – С. 167.
2. Авакьян, С. А. Внешняя политика // Конституционное право. Энциклопедический словарь. Отв. редактор С.А. Авакьян. – М.: Изд-во Норма, 2000. – С. 96.
3. Вонсович, Л.В. Политология: курс интенсивной подготовки / Л.В. Вонсович. – Минск: Тетралит, 2013. – С. 328.
4. Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Эксмо, 2007. – С. 453.

5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 21.
6. Конституция РСФСР // Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 59 – 60.
7. Конституция БССР // Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 130.
8. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.
9. Там же.
10. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 188. – 2/1157; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.12.2013. – 2/2081.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дубовицкий В.Н., Белорусский государственный университет

Структура нормативных актов, определяющих правовой статус республиканских органов государственного управления, как правило, строится по следующей схеме: сначала устанавливаются *задачи*, стоящие перед органом, затем определяются *функции* в соответствии с возложенными на них задачами и, наконец, закрепляются *полномочия*. Белорусское законодательство не содержит однозначной трактовки понятия и правового статуса республиканского органа государственного управления, системы, структуры и назначения исполнительной власти и не всегда последовательно разграничивает компетенцию между органом исполнительной власти (государственного управления).

К республиканским органам исполнительной власти, по мнению автора, относятся Правительство, министерства и государственные комитеты, которые одновременно являются и республиканскими органами государственного управления, хотя все же круг последних является более широким. К сожалению, в действующем законодательстве отсутствует как само понятие «республиканский орган государственного управления», так и перечень органов к ним относящихся. Ясно одно, что круг данных органов значительно шире, нежели республиканские органы исполнительной власти. Дело в том, что не следует забывать о республиканских органах государственного управления, непосредственно подчиненных и подконтрольных Президенту Республики Беларусь (например, Администрация Президента, Управление делами Президента, Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте, Служба безопасности Президента и др.). Во многом остается неясной правовая природа департаментов с правами юридического лица в центральных аппаратах государственных органов. Таким образом, количество республиканских органов государственного управления, по нашему мнению, является более емким и значительным в количественном измерении по сравнению с республиканскими органами исполнительной власти. Решение проблемы функций республикан-

ских органов государственного управления осложняется тем, что вопрос разграничения понятий «исполнительная власть» и «государственное управление» остается дискуссионным среди юристов в целом, и особенно это касается представителей административного права, хотя государственное управление представляет собой вид государственной деятельности, в рамках которого практически реализуется исполнительная власть.

Под функциями государственной власти, как правило, понимают основные направления деятельности, в которых выражаются целевые задачи данной ветви власти. В настоящее время функции республиканских органов государственного управления осуществляются в «нерасчлененном виде». Каждое министерство, государственный комитет, как правило, сочетают политические, регулятивные, правотворческие, контрольные, надзорные функции и функции оказания государственных услуг. «Перемешанность» функций, а следовательно, прав и обязанностей республиканских органов государственного управления порождает сложный механизм согласований в ходе принятия Правительством решений, а при их выполнении – сложный механизм координации отношений между различными органами – соисполнителями.

Кроме того, понятием «государственные функции» охватываются как чисто технические, так и обеспечивающие функции республиканских органов государственного управления, что снижает эффективность выполнения этих функций и соответственно ведет к увеличению штатов. В качестве примера многослойности функций, закрепленных в законодательстве, можно привести Положение о Министерстве юстиции Республики Беларусь, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1605 [1].

К сожалению, в законодательстве не существует официально установленной типологии функций органов исполнительной власти (государственного управления), хотя это необходимо осуществить с целью идентификации, выявления избыточных, дублирующих функций и их упразднения, а также уточнения существующих и формулирования недостающих функций. Типизация

функций республиканских органов государственного управления, а также методика проведения функционального анализа их деятельности позволят совершенствовать систему, полномочия и формы деятельности данных органов.

Представляется, что необходимо не только типизировать государственные функции, но и разделить их между различными типами республиканских органов государственного управления, т.е. следует на основе типизации государственных функций предпринять попытку типизировать и рассматриваемые органы. При оптимизации и стабилизации структуры республиканских органов государственного управления следует предусмотреть меры, основанные на классификации по характеру функций (политические, ресурсно-распорядительные, контрольные, учетные, аналитические и т.д.), а также деление государственных функций на основные и обеспечивающие (инфраструктурные) и соответственно на этой основе – на исключительно государственные и полностью или частично делегируемые функции, не связанные с государственным управлением [2, с. 221].

Литература

1. Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 октября 2001 г., № 1605 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Дубовицкий, В.Н. Типизация функций республиканских органов государственного управления и методика ее проведения / В.Н. Дубовицкий // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр.; ред. кол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.], Минск: Белпринт, 2014. – Вып. 9. – С. 218-225.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Егоров Д.А., Академия МВД Республики Беларусь

Наличие на территории Республики Беларусь объектов использования атомной энергии (ОИАЭ) формирует особую сферу общественных отношений, влечет за собой необходимость трансформации государственной и юридической инфраструктуры обеспечения безопасности ОИАЭ, требует повышенного внимания и особенностей правового регулирования.

Проблемы правовых режимов в сфере использования атомной энергии становились объектом исследования отечественных и зарубежных ученых. Анализу подвергались некоторые аспекты их установления в сфере ядерной и радиационной безопасности, как в международном контексте, так и в рамках национальных законодательств, в сфере физической ядерной безопасности, безопасности отдельных ОИАЭ, стадий их жизненного цикла. Однако правовая природа комплексных правовых режимов до сих пор остается мало исследованной, в частности определение его отраслевой принадлежности в юридической науке относится к числу дискуссионных. Общественные отношения в сфере использования атомной энергии характеризуются многосубъектностью, повышенной опасностью объектов и отдельные ученые отстаивают наличие в системе права самостоятельной отрасли – атомного права [1]. Данную точку зрения следует признать обоснованной лишь с позиции выделения собственного предмета правового регулирования – общественных отношений складывающихся в процессе осуществления деятельности, связанной с использованием атомной энергии. Вместе с тем, в указанной сфере возникают разнообразные управленческие, имущественные, трудовые, природоохранные отношения, требующие комплексного правового регулирования с использованием норм различных отраслей права. В этом случае формируются комплексные отрасли законодательства, в которых путем кодификации разнородный правовой материал объединяется по предметному, целевому и тематическому признакам [2; с.

253]. Однако кодификация законодательства в сфере использования атомной энергии, на наш взгляд преждевременна, поскольку сейчас происходит становление отечественной атомной отрасли, устраняются пробелы в законодательстве, о чем свидетельствует активный нормотворческий процесс, значительное количество принятых нормативных правовых актов. Кроме этого, необходим практический опыт их реализации, что позволит выявить пробелы, противоречия между актами и потребует принятия новых, изменения и дополнения существующих. В данном случае речь может вестись лишь о находящейся в стадии становления комплексной отрасли законодательства в сфере использования атомной энергии, которая формируется на основе сочетания правовых норм, относящихся к разным отраслям права.

Важно также иметь в виду, что предмет правового регулирования представляет собой только один из юридических критериев, обуславливающих деление права на отрасли. Анализируя специфику метода, необходимо отметить, что регулирование общественных отношений в сфере использования атомной энергии осуществляется с использованием метода централизованного, императивного воздействия, выражающегося в преобладании предписаний и запретов, обязывающих и запрещающих норм, юридическом неравенстве сторон (наличии обязательного субъекта – органа государственного управления), установлении разрешительного порядка правового регулирования. Иными словами, рассматриваемые общественные отношения складываются в сфере государственного управления, воздействие на которые осуществляется с использованием методов и способов административно-правового регулирования. Как верно отмечает С.С. Маилян, «государственное управление способно опосредовать реализацию норм любой отраслевой принадлежности и при этом отнюдь не перестает быть самим собой» [3, с. 76]. К примеру, в исследуемой сфере находит свое применение метод диспозитивного правового регулирования, связанный с гражданско-правовой ответственностью за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (эксплуатация ядерной установки); обязательственными отношениями в процессе проектирования, со-

оружения, ввода в эксплуатацию, эксплуатации, вывода из эксплуатации ядерных установок, пунктов хранения. Однако выполнение гражданско-правовых обязательств, предполагает исполнение соответствующими сторонами специальных требований, правил, нормативов, инструкций, нормативных правовых актов системы технического нормирования и стандартизации, устанавливаемых компетентными органами государственного управления в области ядерной и радиационной безопасности. Кроме этого создание, ликвидация субъектов хозяйствования в данной сфере, изменение их правоспособности (к примеру, лицензирование) осуществляется посредством административно-правовых процедур. Указанные особенности подтверждают тезис о комплексности правового регулирования в сфере использования атомной энергии, сочетании в ее рамках императивных, диспозитивных начал требующих единого механизма реализации, особого порядка регулирования.

Представляется, что таким механизмом может стать формирование комплексного административно-правового режима, исследование содержания которого возможно с позиций науки административного права.

Литература

1. Иойрыш, А.И. Советское атомное право / А. И. Йойрыш [и др.]. – М. : Наука, 1986. – 205 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
3. Маилян, С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью: Монография / С.С. Маилян. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 214 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА

Задорожня Г. В., Киевская государственная академия водного транспорта им. П. Конашевича-Сагайдачного

В доктрине права очень нечетким является понимание такого понятия как «конституционно-правовой статус» относительно органов публичной власти, в том числе и главы государства. С технико-юридической точки зрения, как показывает анализ конституционного законодательства, ситуация не лучшая, поскольку последнее даже не содержит слова «статус», соответственно не формулирует его нормативное определение и однозначно не дает исчерпывающего перечня его составляющих. Законодательство национальных стран мира содержит по большей части те или другие требования к кандидатуре на пост главы государства, указывает на определенные запреты относительно лица, которое приобрело статус главы государства, определяет относительно него личные, материальные и другие гарантии и т.п. При таком подходе не только пределы, но и сущность понимания конституционно-правового статуса главы государства, лишены содержательной четкости и нормативной определенности. В то же время стоит иметь в виду, что «конструкция» конституционно-правового статуса главы государства сочетает нормативные характеристики, теоретические представления и практику реализации правовых установок.

Учитывая все эти составляющие, укажем, что понятие «*конституционно-правовой статус главы государства*» надо понимать как его стойкое правовое состояние в системе органов государственной власти, определенное и гарантированное нормами конституционного законодательства.

Президент Украины, как и Президент Беларуси, имеет статус главы государства. *Президент* – это общегосударственный, представительский, выборный, единоличный, постоянно действующий орган государственной власти, который признается главой государства. Признаки института Президента: а) общегосударственность – его компетенция распространяется на всю территорию страны; б) представительство значит, что он официально уполномочен пред-

ставлять интересы страны; в) выборность указывает на то, что занять пост Президента исключительно на основании выборов (в парламенте или на основании всеобщих, прямых и равных выборов); г) единоличность значит, что институт Президента в Украине и в Беларуси представлен одним лицом, которое наделено государственно-властными полномочиями, то есть правом принимать нормативно-правовые акты; д) постоянное действие значит, что он выполняет свои полномочия на постоянной основе, то есть получает материальное вознаграждение за осуществление предоставленных ему Конституцией и законами страны полномочий. Кроме того, действие института президентства в Украине не ограничено временными рамками. Следовательно, Президент как орган государственной власти является важным элементом в механизме государственного управления.

В науке конституционного права нет единого мнения о составляющих элементах конституционно-правового статуса главы государства. По нашему усмотрению такими элементами статуса есть: правосубъектность, принципы деятельности, гарантии, ответственность и главное – компетенция.

Компетенция Президента – это его юридические права и обязанности, формы и методы их реализации, а также предметы ведения. Предмет ведения – это то общественное пространство, на которое распространяется властно-регулирующее влияние Президента через принятие им соответствующих правовых актов. Президент Украины наделен широким кругом полномочий для осуществления функций государственного управления и контроля.

Представительские полномочия – права и обязанности Президента как главы государства осуществлять общее представительство страны в пределах государственной границы и во внешнеполитических отношениях.

Законодательные полномочия – права и обязанности Президента в сфере разработки, принятия и вступления в силу законами страны: имеет право законодательной инициативы в парламенте; определяет законопроекты неотложными, что предопределяет внеочередное их рассмотрение; имеет право вето относительно принятых парламентом законов со следующим возвращением их на

повторное рассмотрение; подписывает законы, принятые парламентом; выдает указы и распоряжения, которые являются обязательными к выполнению на территории страны и др.

Учредительные полномочия – права и обязанности Президента в сфере образования, реорганизации и ликвидации других государственных органов: вносит по предложению коалиции депутатских фракций в Верховной Раде Украины представления о назначении парламентом Премьер-министра Украины; вносит в парламент представление о назначении Министра обороны Украины, Министра иностранных дел Украины; вносит в парламент представление о назначении на должность и освобождение от должности Главы Службы безопасности Украины; назначает на должность и освобождает от должности при согласии парламента Генерального прокурора Украины; назначает половину состава Совета Национального банка Украины; назначает треть состава Конституционного Суда Украины; образует суды и проч.

Контрольные полномочия – права и обязанности Президента в сфере надзора за соблюдением законности в деятельности других органов государственной власти: прекращает полномочия парламента, если в течение 30 дней одной очередной сессии пленарные заседания не могут начаться; предлагает Верховной Раде Украины рассмотреть вопрос об ответственности правительства и принять резолюцию недоверия ему и проч.

Таким образом, «конституционно-правовой статус главы государства» – это его стойкое правовое состояние в системе органов государственной власти, гарантированное нормами конституционного законодательства. Президент Украины даже после некоторых изменений в Конституции (февраль 2014 г.), наделен достаточными полномочиями для действенного управления государством, но есть проблема: в Украине, в отличии от Беларуси, нету слаженного взаимодействия главы государства с правительством, а несогласованность их действий чревато негативными следствиями не только в внутри страны, но и на международном уровне.

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Малевич О.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Основы развития института государственной службы в Республике Беларусь были заложены в 1993 году в Законе от 23 ноября 1993 года «Об основах службы в государственном аппарате». Принятие 14 июня 2003 года Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о госслужбе) значительно обновило национальное законодательство о государственной службе, обеспечило надлежащую нормативно-правовую базу. С момента принятия Закона о госслужбе в него уже неоднократно вносились изменения и дополнения. Вместе с тем в данной сфере по-прежнему имеется ряд проблемных вопросов, требующих их решения: отсутствие единого подхода к определению государственной службы; к исчислению стажа государственной службы и др.

1. Существование государственной службы во всех ветвях власти не исключает возможности дифференциации порядка прохождения службы в различных органах. В частности, нормы Закона о госслужбе не распространяются на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. При этом в Законе о госслужбе отсутствует прямое указание на то, что служба в указанных органах не является государственной службой. В то же время из анализа норм Закона о госслужбе усматривается лишь специальное правовое регулирование указанных видов служб. В специальных нормативных актах, закрепляющих правовой статус указанных лиц специальных правовых актов и регулирующий порядок прохождения службы в данных органах закреплено, что соответствующая деятельность является видом государственной службы.

2. В настоящее время отсутствует единый подход по включению в стаж государственной службы военной службы и службы в военизированных организациях. В этой связи следует рассмотреть вопрос о закреплении на законодательном уровне общего для всех силовых структур правила о включении в выслугу лет времени работы на государственных гражданских должностях. Подобный подход призван исключить двойные гарантии за один и тот же период выслуги (пенсия указанным категориям работников и надбавки за выслугу лет при прохождении госслужбы будут основаны на одном и том же периоде службы) из одного и того же источника (республиканского бюджета).

3. Следует также рассмотреть вопрос о включении в стаж госслужбы времени нахождения служащего в отпуске по уходу за ребенком до достижения им трех лет, но не более пяти лет в общей сложности, аналогично тому, как включается в выслугу лет военнослужащим. В настоящее время указанный период не подлежит включению в стаж госслужбы. В то же время на госслужащего в этот период не прекращают распространяться ограничения и обязанности, предусмотренные законодательством о госслужбе, борьбе с коррупцией, декларированием доходов и т.п.

4. С учетом нового назначения государственной службы, требуется выработка этических стандартов служебного поведения государственных служащих. Подобные этические стандарты разработаны во многих странах мира, в том числе в странах СНГ. В статье 21 Закона о госслужбе предусмотрено, что государственный служащий обязан соблюдать нормы служебной этики. Тем не менее, законодательно такие нормы не определены. В настоящее время ведется работа по подготовке проекта Закона, в котором имеются нормы, устанавливающие базовые принципы служебного поведения, которые должны быть едиными для всех категорий госслужащих. Вместе с тем предлагается предоставить госорганам право на установление более подробных этических стандартов для своих работников.

5. В настоящее время функции управления государственной службой рассредоточены между большим числом различных структур. Многие вопросы

решаются руководителями на местах. Для обеспечения целостности системы государственной службы в целях координации деятельности госорганов при решении вопросов поступления на госслужбу, прохождения и прекращения госслужбы, формирования кадровых реестров государственных должностей, аттестации госслужащих существует необходимость создания (или возложение функций на уже существующий госорган) института управления государственной службой.

К компетенции данного органа (структурного подразделения) можно было бы отнести решение таких вопросов как: анализ и функционирования системы госслужбы, разработка нормативных актов, а также разъяснение законодательства в сфере госслужбы, принятие экзаменов у лиц, впервые поступающих на госслужбу, контроль за соблюдением этических стандартов, формирование кадровых реестров.

В сложившейся ситуации остро назрела необходимость подготовки нового базового законодательного акта в сфере государственной службы, который призван систематизировать действующее законодательство в этой сфере и устранить некоторые пробелы и противоречия, а также на законодательном уровне закрепить:

- принцип единства системы государственной службы и соотносимости ее видов: гражданская (в том числе судебная, депутатская деятельность, дипломатическая служба), военная служба, служба лиц, имеющих специальные звания, в военизированных организациях;

- унифицировать правовой режим и статус государственного служащего вне зависимости от конкретного вида службы;

- учет стажа государственной службы (выслугу лет) одного вида государственной службы при исчислении стажа (выслуги лет) государственной службы другого вида.

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТУРЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

Мартыненко И.Э., Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

В 2015 г. в Республике Беларусь ожидается принятие *Кодекса о культуре* (п. 27 Плана подготовки законопроектов на 2014 г., утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 572 [1]). Кодификация данной сферы является закономерным результатом непрерывного развития и совершенствования законодательной базы, результатом объективной потребности в регулировании конкретной области общественных отношений.

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне большое значение имеет совершенствование законодательства об охране военно-исторического наследия. Учитываем при этом, что ряд аспектов охраны военно-исторического наследия не нашли своего решения в Кодексе о культуре (судя по его проекту).

Республики Беларусь имеет большой практический опыт в данной сфере. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн» от 30 ноября 1994 г. № 231 был сформирован 52-й отдельный специализированный поисковый батальон, включавший 3 специализированные поисковые роты с местами дислокации в г. Минске, Витебске и Гродно. Именно деятельность этого подразделения оценивается нами как памятникоохранная.

На протяжении всей своей истории земля Беларуси была ареной войн и вооруженных конфликтов. На ее территории остались воинские захоронения, появились памятные знаки и мемориалы воинской славы. Все это является неотъемлемой частью историко-культурного и духовного наследия белорусского народа. На территории Республики Беларусь имеется: *6177 учтенных захоронений периода Великой Отечественной войны, в которых насчитывается*

2199110 погибших, 83 захоронения, относящихся к периоду Первой мировой войны.

Прежде всего, определимся с понятиями. Увековечение памяти— это деятельность, направленная на сохранение уважительного отношения к погибшим военным, их мужеству и героизму, непосредственно связанная с обустройством, сохранением и содержанием воинских захоронений и воинских памятников, проведением поисковых работ в целях выявления неучтенных воинских захоронений и персональных данных погибших военных для формирования на этой основе электронного банка данных, а также осуществление дополнительных мероприятий, предусмотренных национальным законодательством.

Далее, отметим, что военно-историческое наследие содержит в себе две равнозначных составляющих:

– объекты военно-исторического наследия, существовавшие на этапе участия государства в вооруженных конфликтах (в Великой Отечественной войне);

– объекты военно-исторического наследия, существовавшие на этапе обеспечения обороноспособности государства в мирное время [2, с.29].

Места захоронения защитников Отечества и жертв войн с находящимися на них надгробиями, элементами ограждения и техническим оборудованием, а также без них являются *воинскими захоронениями*. Все воинские захоронения подлежат государственному учету, на каждое воинское захоронение составляется *паспорт* и на каждом из них устанавливается *государственный знак*.

В целях совершенствования законодательства об охране военно-исторического наследия ***предлагаем принять***:

– закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн», в котором должны быть отражены: формы увековечения; порядок производства раскопок воинских захоронений (перезахоронений); государственный учет и благоустройство воинских могил, обеспечение их охраны и восстановления; компетенция государственного

органа по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн; финансовое и материально-техническое обеспечение мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества; ответственность за нарушение требований закона. Непосредственно в законе следует указать, что обнаруженные воинские могилы до разрешения вопроса их постановки на государственный учет подлежат охране наряду с включенными в Государственный список историко-культурными ценностями Республики Беларусь. Планировка, строительство и перестройка городов, населенных пунктов, а также других объектов должны осуществляться с учетом необходимости обеспечения сохранности воинских захоронений; – постановление Совета Министров Республики Беларусь «О порядке проведения раскопок мест боев, неучтенных воинских захоронений и мест гибели защитников Отечества и жертв войн».

Принятие данных документов будет свидетельствовать о выполнении Республикой Беларусь международных обязательств, вытекающих, в том числе из положений Модельного закона «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств 16.04.2015 г. № 42-5.

Литература

1. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2015 год: Указ Президента Республики Беларусь от 13 февраля 2015 г. № 55 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.02.2015, 1/15620.
2. Шумский, В.В. Военно-историческое наследие как составная часть историко-культурного наследия / В.В. Шумский // Законность и правопорядок. – 2012. – № 2. – С. 28–33.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Матюхина Н.П., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого

Характерной особенностью современного этапа развития государственной службы во многих странах мира является наличие реформаторских инициатив и изменений, направленных на обеспечение ее качественного функционирования. Это нашло отражение и на страницах многочисленных научных публикаций. Целью данных тезисов является присоединение к общей дискуссии относительно условий и путей реформирования государственной службы.

Проследив историю создания и функционирования института государственной службы можно сделать вывод, что процесс реформирования является постоянной составляющей ее развития. История государственной службы – это непрекращающийся поиск ее наиболее эффективной и целесообразной модели. С одной стороны, это является вполне объяснимым, так как эволюция взглядов, дискурсов и понимания – это всегда длительный процесс. Однако, с другой стороны, эффективность государственной службы в значительной степени зависит от реализации такого принципа государственно-управленческой деятельности как стабильность, которая выражается, прежде всего, в устойчивости профессионального положения государственных служащих, их независимости от политических изменений, преемственности традиций и подходов к организации деятельности. Учитывая значение принципа стабильности для организации и функционирования государственной службы, считаем обязательным его законодательное закрепление (как и принципа политической нейтральности) в системе принципов государственной службы.

Данное положение имеет стратегическое значение для развития государственной службы, особенно, имея в виду тот факт, что ориентиром (или желаемой моделью) на этом пути является создание профессиональной, стабильной, политически нейтральной и подотчетной обществу государственной службы, чутко реагирующей на все изменения в обществе, его требования и потребности.

сти. При этом решающее значение для достижения намеченных целей имеет обеспечение, с одной стороны, высокой лояльности населения к государственным органам, доверия к ним, восприятия и поддержки происходящих реформ, а, с другой стороны – лояльности их собственного персонала, его готовности и способности работать в изменяющихся условиях.

Исходя из данного подхода, эффективность функционирования института государственной службы необходимо рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях: с одной стороны – качества и эффективности работы государственных органов с точки зрения выполнения внешних функций, обслуживания населения, качества государственных услуг, а с другой – удовлетворения целей и потребностей персонала этих органов, создания условий для его профессиональной самореализации, развития и использования. Считаем, что без осознания, учета и реального обеспечения (правового, организационного, социального и т.д.) взаимосвязи этих двух составляющих достижение целей любых реформ (в данном случае государственной службы) не представляется возможным.

Таким образом, потребителем услуг государственных органов наряду с населением (внешние потребители услуг) является и их собственный персонал (внутренние потребители услуг). Между этими составляющими существует тесная взаимосвязь: качество государственных услуг, качественное обслуживание населения непосредственно зависит от решения задач кадрового обеспечения государственной службы.

В связи с этим объективной потребностью становится закрепление на уровне закона цели и задач деятельности в сфере кадрового обеспечения государственной службы, сущности и основных направлений кадровой политики, компетенции субъектов управления персоналом в системе управления государственной службой, механизма их взаимодействия.

Одним из общепринятых принципов государственного управления в демократических странах, а также залогом создания административной системы, способной эффективно действовать в условиях политических изменений, является размежевание политических и административных функций. Чрезмерная

зависимость государственной службы от политической ситуации несет в себе риск нестабильности, снижает качество предоставляемых услуг. Именно поэтому дифференциация статусов карьерных и политических служащих является одной из основных задач реформы государственной службы.

Важным элементом создания профессиональной и стабильной государственной службы является обеспечение поступления на государственную службу и продвижения по ней на основе таких принципов как политическая нейтральность, учет заслуг и достижений. Имеется в виду, что должен быть создан такой механизм, который бы гарантировал, что поступление на государственную службу и продвижение по ней соответствуют этим принципам. В свою очередь это предполагает внедрение единого порядка проведения конкурсных испытаний, отказ от практики назначения на должности государственных служащих вне конкурса, создание гибкого и эффективного механизма стимулирования труда. Однако, к сожалению, современные реалии еще далеки от названных выше базовых принципов.

В заключении подчеркнем, что реформирование государственной службы должно: основываться на демократических нормах и принципах прав человека и верховенства закона; разрабатываться с соблюдением принципов «благого» (goodgovernance) управления; реализовываться через прозрачные процессы и мероприятия, направленные на повышение институционального и человеческого потенциалов, необходимых для эффективного функционирования государственной службы.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В РАЗРЕШЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Плотников А.А., Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Развитие общества является сложным и конфликтным процессом. Противоречие позиций, интересов, стремлений различных социальных общностей выступает потенциальной причиной конфликта. Конфликтное взаимодействие в государственно-правовой сфере характеризуется высокой социальной значимостью. Конфликт может стать отправной точкой для проведения конституционной реформы, совершенствования системы разделения властей в конкретном государстве, расширения прав граждан и установления гарантий их обеспечения.

Вивьен Харт приводит пример положительного влияния конфликтного взаимодействия: «Канадский конституционализм с восемнадцатого века формируется конфликтом, особенно это относится к поиску примирения интересов англоязычных и франкоязычных сообществ» [1, с. 7].

Реализация положительных аспектов конституционного конфликта, обеспечение возможности дальнейшего стабильного развития государства в значительной мере зависит от участия общественности в преодолении конфликта. Степень влияния общественности на процесс разрешения конфликта зависит от таких факторов, как степень развития институтов гражданского общества (общественные палаты и советы, общественный контроль, общественные слушания, обсуждения, экспертизы) и готовность власти осуществлять учет общественного мнения (при этом важно, анализируется ли оно объективно, либо с учетом только тех позиций, которые выгодны для осуществляющего мониторинг государственного органа).

Общественное участие помогает укрепить национальное единство, облегчает поиск путей разрешения конфликта с учетом религиозных, языковых, национальных различий в обществе. Участие общественности расширяет повестку конституционной и социальной реформы. Такое участие может привести к

диалогу различных социальных сил, перемещению акцента на ценности и мораль, ответственность государства, в то время как государственные органы и должностные лица часто заинтересованы лишь в вопросах осуществления властных полномочий. Возможности общественного участия развивают гражданское общество, а не просто отражают общественные взгляды.

Решения, принимаемые с учетом мнений различных общественных групп и консультаций с общественностью, характеризуются большей легитимностью. Достижение консенсуса между ключевыми общественными группами выступает предпосылкой стабильного развития и в определенной мере предотвращает повторение конституционного конфликта [2, с. 86].

Довольно часто процесс преодоления конституционного конфликта включает в себя разработку проекта новой конституции. Открытость такого процесса содействует переговорам, взаимодействию сторон и сотрудничеству. Одним из примеров широкого общественного участия является разработка конституции 1988 года в Бразилии. Конституционная ассамблея находилась под значительным влиянием различных групп общества, было предложено более 60000 поправок [3, с. 13]. В итоге, в конечный текст конституции были включены 122 народные поправки.

С другой стороны, участие общественности вносит в процесс разрешения конфликта некоторые дополнительные риски.

Как отмечают противники общественного участия, многие люди могут занимать корыстную позицию, что может продолжить конфликт, а не разрешить его. Народ и даже лидеры основных социальных групп часто имеют ограниченное понимание конституционных вопросов. Люди могут быть нетолерантными, пренебрегать мнением экспертов и общественное участие может затянуть процесс поиска согласия, при этом возможно манипулирование общественным мнением.

Общественное обсуждение и споры могут обострить этнические и религиозные разногласия, либо привести к ущемлению прав отдельных категорий граждан.

Общественное участие может сыграть решающую роль на начальном этапе преобразований в государственно-правовой сфере. Однако, если в государстве отсутствует традиция участия общественности в делах государства, нет реально функционирующих институтов общественного контроля, действующая власть имеет возможность использовать отрицательные стороны общественного участия в своих целях и с помощью популистских лозунгов манипулировать мнением народа.

В заключение следует отметить, что участие общественности является необходимым условием для успешного разрешения конституционных конфликтов. Однако при выборе конкретных форм участия общественности должны быть учтены положительные и отрицательные стороны такого участия. В том случае, если в процессе разрешения конфликта разрабатывается новая конституция, широкому общественному участию должна предшествовать кропотливая работа экспертов в области конституционного права для выработки основополагающих принципов проекта конституции. Данная предварительная стадия позволит минимизировать влияние отрицательных аспектов широкого участия общественности.

Литература

1. Hart V. Democratic constitution making // Special report of United States Institute of Peace. 2003. № 107.
2. Brandt M., Cottrell J. Constitution-making and Reform. Basel: Interpeace, 2011.
3. Benomar J. Constitution-Making and Peace Building: Lessons learned from the constitution-making processes of postconflict countries. Geneva: UNDP, 2003.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗАЦИИ

Пугачёв А. Н., Полоцкий государственный университет

Функции конституции выражают наиболее существенные, главные черты права конкретного общества на определенном этапе его развития. Поэтому при выявлении функций конституции следует учитывать их тесную связь с социальным назначением и сущностью права: урегулировать и закрепить общественные отношения, обеспечить им надлежащую охрану и защиту.

В этом проявляется *общесоциальная функция конституции*, и здесь представляет интерес трактовка социальной функции юридического документа К. В. Каргина [1, с. 50]. Интерпретируя сказанное автором в преломлении на конституцию, отметим следующее. Основной закон представляет собой социально значимый объект, так как порожден социальной потребностью. Он проводит в жизнь важнейшие социальные нужды общества в целом, коллективов и отдельных индивидов. «Современная конституция – это социальная конституция, сохраняющая свою нормативную роль как верховного инструмента правового регулирования», – утверждают авторы [2, с. 6], предлагающие базовые индикаторы вызревающей модели современной конституции XXI века.

Конституция Беларуси, например, провозглашает принцип о социальном государстве, политика которого направлена на создание условий для свободного и достойного развития личности, достойного уровня жизни (ст.ст. 1, 2, 21 Конституции Республики Беларусь). Поэтому все принимаемые в государстве нормативные правовые акты должны быть направлены на воплощение в жизнь данного принципа. Это предполагает постоянное совершенствование законодательства в Республике Беларусь, где Конституция – фундамент его развития. Понимаемая таким образом социальная функция Основного Закона будет «перекрываться» иными функциями, например – правоохранительной. Стоит помнить о том, что государство обеспечивает безопасное и достойное существование всех тех членов общества, которые ведут соответствующий правопорядку образ жизни.

Здесь уточним вот что. Если говорить о функции конституции в контексте проблемы развития социального государства, такое «наполнение» функции подразумевает ее трактовку не в широком, а в узком, специальном смысле слова (когда речь идет о пенсионных и семейных отношениях, медицинском и бытовом обслуживании, системе льгот и организации досуга). Учитывая тот факт, что социальная сфера постоянно расширяется, растет ее значение и увеличивается объем правового регулирования, согласимся с мнением Т. Н. Радько, о том что «при делении социальных функций права в соответствии с основными сферами общества на экономическую, политическую и идеологическую следует помнить о том, что социальная функция права употребляется еще и в узком смысле, то есть как направление правового воздействия на собственно социальную сферу общественной жизни» [3, с. 70]. Такая «дуализация» порождает определенное неудобство, ведь слово «социальный» по своей этимологии и есть «общественный». Тогда можно сказать, что общественная функция конституции отражает существенные, главные черты права в целом, а социальная функция в собственном (узком) смысле заключается в регулировании рассмотренной выше социальной сферы и обеспечении социальных прав субъектов. Но во втором случае ее рассматривают в системе специальных функций основного закона.

Литература

1. Каргин, К. В. Юридические документы / К. В. Каргин; науч. ред. В. А. Толстик. – М.: Юристъ, 2008. – 191 с.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография/ отв. ред. В. Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 656 с.
3. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Отв. ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. – М.: ИКД “Зерцало – М”, 2001. – 528 с.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

Сазон К.Д., Академия МВД Республики Беларусь

Проблема вынужденной миграции является актуальной для нашей страны со дня обретения государственного суверенитета, что, на наш взгляд, обусловлено не только географическими, но и политическими и экономическими факторами. Принимая во внимание массовый приток мигрантов из Северной Африки в страны Южной Европы, полагаем, что не вызывает сомнений актуальность научного анализа состояния белорусского законодательства с целью определения эффективности его регулирующего воздействия в складывающихся социально-экономических условиях.

В этой связи следует признать объективно необходимой проводимую во исполнение п.35 Плана подготовки законопроектов на 2014 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь № 572 от 27.12.2013 года [1], корректировку Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 года «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [2] (далее – Закон). В настоящее время проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам вынужденной миграции» (далее – Проект) внесен в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Проект направлен не на точечную корректировку отдельных положений Закона, а представляет собой его новую редакцию. В этой связи представляется целесообразным остановиться на характеристике отдельных положений Проекта, которые, на наш взгляд, требуют уточнения или корректировки.

Прежде всего, с положительной стороны следует отметить стремление разработчиков Проекта систематизировать действующее законодательство в области вынужденной миграции в формате одного нормативно-правового акта, о чем свидетельствует предлагаемое название закона: «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнитель-

ной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь». Очевидно, что указанное название не только подчеркивает преемственность новой редакции действующего Закона, но и указывает на системное единство различных форм защиты, предоставляемых иностранцам в Республике Беларусь.

Вместе с тем, представляется важным обратить внимание на очередность перечисления форм защиты в названии предлагаемого закона. Полагаем, что на первое место должна быть поставлена такая форма защиты, как «убежище», а далее быть перечислены «статус беженца», «дополнительная защита» и «временная защита».

Указанный порядок, по мнению автора, подлежит применению в силу следующих обстоятельств:

1. Убежище, как форма защиты преследуемых лиц, носит внутригосударственный характер, поскольку возможность его предоставления определяется на конституционном уровне (ст. 12 Конституции). Принимая во внимание, что в настоящее время в международном праве отсутствует международный договор, устанавливающий обязанность государства по предоставлению на своей территории убежища, государство, в силу обладания всей полнотой власти над своей территорией и лицами на ней находящимися, имеет право самостоятельно определять основания, условия и порядок предоставления такой формы защиты иностранцам. В то же время обязанность предоставления иностранцам иных форм защиты предусмотрена международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь. Поскольку Конституция Республики Беларусь обладает большей юридической силой по отношению к международным договорам (ст. 8 Конституции), международные акты в области вынужденной миграции занимают в правовой пирамиде источников права Республики Беларусь подконституционное положение. В этой связи в иерархии форм защиты убежище должно занимать более высокое положение по отношению к таким формам защиты, как статус беженца, дополнительная защита и временная защита.

2. Возможность предоставления убежища в соответствии со ст. 12 Конституции является одним из важнейших инструментов государственной политики Республики Беларусь, о чем свидетельствует название раздела, где помещена данная статья: Раздел I «Основы конституционного строя». Предоставление иных форм защиты представляет собой имплементированное обязательство государства предоставлять международную защиту преследуемым лицам при условии соответствия таких лиц установленным критериям.

3. Решение вопроса о предоставлении убежища относится к конституционным полномочиям Президента Республики Беларусь (п. 17 ст. 84 Конституции), а решение о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты принимается Департаментом по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь.

Таким образом, формы защиты, предоставляемые иностранцам в Республике Беларусь, различны по своей правовой природе. Подобное различие обуславливает их иерархичность. С этой точки зрения считаем, что новую редакцию Закона, целесообразно назвать следующим образом: «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства убежища, статуса беженца, дополнительной защиты и временной защиты в Республике Беларусь».

Литература

1. Об утверждении Плана подготовки законопроектов на 2014 год : Указ Президента Респ. Беларусь, 27.12.2013 № 572 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 № 354-З : в ред. Закона Респ. Беларусь 01.01.2015 № 232-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Элек-

тронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИЖДИВЕНЧЕСТВА

Серета Р.А., Академия МВД Республики Беларусь»

В настоящее время на государственном уровне активно обсуждается вопрос о способах предупреждения социального иждивенчества и путях активизации стремлений граждан к трудоустройству. Одним из способов преодоления данного негативного явления, который был использован в соответствующем Декрете Президента Республики Беларусь №3 от 2 апреля 2015 г. (Декрет), является обязательство лиц, не участвующих в финансировании государственных расходов уплачивать специальный сбор на указанные цели в размере 20 базовых величин [1].

Очевидно, что данное положение направлено, в первую очередь, на реализацию ст.56 Конституции, согласно которой граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. В свою очередь оно не противоречит и ст. 41 Конституции (закрепляющей право на труд), поскольку не предусматривает прямого закрепления ответственности за неучастие в трудовой деятельности. Вместе с тем, можно обозначить ряд проблем правового, социального и организационного характера, связанных с реализацией указанного Декрета.

Во-первых, неопределенным является правовая природа вводимого сбора на финансирование государственных расходов. Согласно ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь (Кодекс) сбором признается обязательный платеж в республиканский или местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственными органами и должностными лицами, юридически значимых действий. В рассматриваемом же случае в отношении гражданина никаких юридически значимых действий не совершается, а он платит, скорее, за свое

бездействие, нежелание трудоустроиться либо выполнять иной общественно полезный труд. Налицо правовая коллизия между указанными нормативными актами, которая требует законодательного урегулирования.

Во-вторых, возникает проблема в социально-правовом оправдании установления обязательного сбора и ответственности за его неуплату для лиц, не занимающихся трудовой деятельностью. Если Конституция БССР 1978 года гарантировала практически стопроцентное получение работы всем трудоспособным гражданам, без каких-либо условий и оговорок и государство, в свою очередь, могло потребовать от своих граждан заниматься предоставленным трудом, то в действующей Конституции такой всеобщей гарантии не закрепляется. На сегодняшний день возможность получения работы поставлена в зависимость от целого ряда условий, таких как призвание, способности, образование, профессиональная подготовка, общественные потребности, здоровье и безопасные условия труда (ч.1 ст.41 Конституции). В этой связи следует поддержать мнение Пляхимовича И.И. о том, что если лицо не соответствует данным условиям (нет образования, подготовки, либо отсутствует общественная потребность), то он не может требовать от государства предоставления ему работы [2]. Может ли в таком случае государство требовать от гражданина в обязательном порядке заниматься трудовой деятельностью и финансировать государственные расходы путем уплаты налогов? Полагаем, что принцип социального партнерства и взаимодействия сторон в социально-трудовой сфере, провозглашенный в ч.2 ст.14 Конституции этого не допускает.

В-третьих, на наш взгляд, серьезным вопросом является определение субъектов ответственности за неуплату установленного сбора на финансирование государственных расходов, которая предусмотрена п.14 Декрета. Естественно, никто не ведет речь о том, что нужно закрыть глаза на неработающих лиц, ведущих асоциальный образ жизни и поведение которых носит общественно вредный или опасный характер. Однако в отношении них в государстве уже предусмотрены соответствующие меры и программы профилактики, реагирования и ответственности. В КоАП и УК Республики Беларусь предусмот-

рена ответственность за занятие проституцией, незаконную предпринимательскую деятельность, уклонение от уплаты налогов и сборов и т.п.

Вместе с тем к рассматриваемой ответственности могут привлекаться вполне добропорядочные граждане, не участвующие в трудовой деятельности по каким-либо субъективным причинам. Ведь в современных условиях лицо может существовать за счет вполне легитимного источника дохода, не связанного с трудовой деятельностью (средства, получаемых от сдачи в аренду жилья и иного имущества, проценты, получаемые по депозиту), тратить предыдущие накопления, либо находиться на иждивении у родителей или супруга. Несомненно, что не все перечисленные модели поведения являются морально одобряемыми в обществе, однако установление дополнительной оплаты такого поведения путем взимания сбора, по нашему мнению, вступает в некоторое противоречие с принципами правового государства и свободного гражданского общества, которые провозглашены в нашей стране.

В-четвертых, нельзя забывать, что помимо прямых налогов, сборов и пошлин, налоговым Кодексом предусмотрены косвенные налоги, к которым относятся акцизы и налог на добавленную стоимость. При этом, на наш взгляд, очевидным является тот факт, что косвенные налоги уплачиваются при приобретении товаров и услуг всеми гражданами, проживающими на территории Республики Беларусь, независимо от рода их деятельности. Поэтому категорически утверждать, что неработающие граждане не участвуют в финансировании государственных расходов путем уплаты налогов, по нашему мнению, нельзя.

Таким образом, рассматриваемая мера, предусмотренная Декретом, является действенным способом стимулирования трудовой деятельности граждан и дополнительным источником пополнения государственного бюджета, однако при этом она требует дополнительного правового регулирования и научной проработки с точки зрения указанной проблематики.

Литература

1. О предупреждении социального иждивенчества [Электронный ресурс] : декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апреля 2015 г., № 3 // КонсультантПлюс.

Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.

2. Пляхимович, И.И. Закрепление права на труд в Конституции Беларуси / И.И. Пляхимович // Современные проблемы правоведения: сб. науч. тр. 2011. Вып.1. С.201-210.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Сивец С.М., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В настоящее время в Беларуси конституирован принцип приоритета целей социального развития государства, причем как на республиканском, так и на местном уровне. Социальная сфера всегда относилась к зоне повышенного внимания государственных органов власти. Сферы здравоохранения, образования, науки и культуры в максимальной степени зависимы от государства в части финансового и нормативного обеспечения, что, тем не менее, не исключает использование альтернативных способов их поддержки (через социальную ответственность бизнеса, через деятельность общественных объединений и институтов и т.п.). Как верно отмечает О.Е. Побережная «основой формирования социальной политики в Республике Беларусь является постепенная либерализация социальной сферы, её разгосударствление, привлечение общественных институтов к решению социальных вопросов, а также движение к децентрализации и либерализации методов социальной политики, создание альтернативных источников обеспечения социальных прав в виде страховых механизмов. Главным направлением этого процесса выступает переход от социальной политики благосостояния к социальной политике развития и услуг [1, с. 313].

Тем не менее, задачи по повышению уровня жизни населения, увеличению реальной заработной платы, развитию социально-культурной инфраструктуры, гарантированию и защите основополагающих прав граждан в социальной сфере всегда будут в числе приоритетных для уполномоченных органов госу-

дарства, продекларировавшего на конституционном уровне социальный характер своего развития. Для современного белорусского общества характерно состояние социального ожидания определенных усилий уполномоченных государственных органов по удовлетворению социальных притязаний граждан. Подобная социальная индифферентность населения явилась следствием как прошлого исторического опыта реализации государственной социальной политики (в первую очередь, советского этапа общественного и государственного развития), так и следствием определенных ошибок в управлении уполномоченными органами социальной сферой страны, причинами которых являются слабое прогнозирование тенденций развития социальных правоотношений на среднесрочную и долгосрочную перспективу, отсутствие серьезных научных исследований в области формирования и реализации государственной социальной политики, направленность деятельности уполномоченных органов государственного управления исключительно на обеспечение социальных потребностей и притязаний граждан без поддержки и популяризации инициатив граждан и бизнес-сообществ в социальной сфере. Для сохранения и укрепления социальной стабильности в обществе необходима разработка и реализация эффективной социальной политики, обеспечивающей условия для достойного уровня, высокого качества жизни каждого человека. Доминирующую роль в этом процессе должны играть как республиканские, так и местные органы государственного управления. Причем, в силу того, что именно на местном уровне решается подавляющее большинство возникающих на практике социальных проблем, полагаем обоснованной необходимость усиления роли и влияния местных органов управления и самоуправления на формирование и реализацию государственной социальной политики.

Конституция Республики Беларусь определяет во многом сущность и гарантии местного самоуправления, которое представляет собой наиболее приближенную к проблемам и потребностям граждан, местным, этнокультурным, социально-бытовым и иным условиям форму публичной власти. Сущность местного самоуправления характеризуется органическим сочетанием черт органа

публичной власти и объединения граждан по территориальному принципу. В этой связи субъективные интересы отдельных граждан, общественных объединений и других негосударственных структур получают выражение на местном уровне наиболее свободно и полно в том случае, когда местная власть организована на началах самоуправления. Основы правового положения органов местного управления и самоуправления закреплены в Конституции Республики Беларусь [2] и в Законе Республики Беларусь от 20 февраля 1991 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (в редакции Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года) [3].

Анализ природы местной власти позволяет сделать вывод о том, что в ней одновременно сочетаются два начала: общественное и государственное. Правильное осознание особенностей местной власти и механизма ее взаимодействия с органами республиканской власти даст возможность органам местного управления и самоуправления более эффективно осуществлять свою правотворческую, контрольную и организационную деятельность по управлению соответствующей территорией.

Целью органов местного управления и самоуправления является решение актуальных социальных, экономических, политических и культурных проблем местного значения для повышения уровня и качества жизни населения.

Некоторые авторы отмечают, что система именно данных органов позволяет наиболее эффективно решать вопросы местного самоуправления в интересах государства и лиц, проживающих на территории тех или иных административно-территориальных единиц [4, с. 116].

Так как однозначно отграничить социальную сферу жизни общества от иных сфер невозможно, то представляется логичным условно разделить направления деятельности местных Советов депутатов и их исполнительных органов в социальной сфере на две группы:

1. направления, которые непосредственно входят в социальную сферу, и
2. направления, которые неразрывно связаны с ней.

К первой группе, на наш взгляд, необходимо отнести такие направления деятельности, как: деятельность в образовательной области; деятельность в области культуры; деятельность в области здравоохранения (в том числе физическая культура и спорт); деятельность в области социального обеспечения.

Что касается сферы образования, то для местных органов управления и самоуправления характерны правотворческие, программные, планово-координирующие и контрольные функции.

Согласно абзацу первому статьи 111 Кодекса Республики Беларусь об образовании [5] местные Советы депутатов утверждают программы развития дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, специального образования, дополнительного образования детей и молодежи и дополнительного образования взрослых административно-территориальной единицы, принимают меры по их реализации.

В области культуры деятельность местных Советов направлена на создание условий по организации и развитию учреждений культуры (общественных библиотек, музеев, театров и других; сохранению местных исторических традиций, содействию развитию народного творчества).

Кроме того, одними из основных направлений деятельности местных Советов депутатов и их исполнительных органов в социальной сфере является принятие нормативных решений, направленных на организацию системы здравоохранения, санитарного благополучия и благоустройства территорий в границах конкретных административно-территориальных единиц, развитие физической культуры и спорта.

Помимо разработки программ экономического и социального развития соответствующей территории, практическую реализацию местной социальной политики целесообразно осуществлять через систему целевых социальных программ (программы поддержки многодетных семей, лиц с ограниченными возможностями и т.п.). В связи с этим, при реализации местной социальной политики в контексте осуществления программы социально-экономического развития соответствующей территории, следует предусмотреть комплекс мер, на-

правленных на нормативное, ресурсное и организационное сопровождение названных целевых социальных программ. Кроме местных Советов депутатов и их исполнительно-распорядительных органов к участию и контролю за реализацией целевых социальных программ целесообразно активно привлекать территориальные органы общественного самоуправления, общественные объединения и непосредственно самих граждан. Именно возможность и способность населения участвовать в решении основных вопросов местного значения для обеспечения наиболее полного и качественного удовлетворения насущных потребностей жителей соответствующего административно-территориального образования определяет уровень реальной эффективности деятельности органов местного управления и самоуправления в социальной сфере и, соответственно, придает реальный характер соответствующим конституционно-правовым установлениям.

Литература

1. Побережная, О.Е. Формирование и развитие государственной социальной политики в Республике Беларусь / О.Е. Побережная // Республика Беларусь. 20 лет независимости: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 - 25 ноября 2011 г. / ред. А.А. Коваленя и др. – Минск: Беларуская навука, 2012. – С. 311 – 314.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). // Консультант Плюс:Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]/ООО»ЮрСпектр». – Минск, 2015.

3. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 4 января 2010г., № 108-З. //Консультант Плюс:Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] /ООО»ЮрСпектр». – Минск, 2015.

4. Солодкова, Е.В. К вопросу о местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь / Е.В. Солодкова. Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 9: в 3-х т. Т. 3 / сост. С. В. Анцух. — Минск: Издательство «Четыре четверти», 2012. — 392 с.

5. Кодекс Республики Беларусь «Об образовании» от 13.01.2011г., № 243-3//Консультант Плюс:Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]/ООО«ЮрСпектр». —Минск, 2015.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Скороход И.Г., Белорусский государственный экономический университет

Современные реалии жизни нашего общества таковы, что конституционные обязанности граждан Республики Беларусь предстают незаслуженно забытым конституционно-правовым явлением. Недостаточная исследованность конституционных обязанностей не только граждан, но и всех правообязанных субъектов, носителей должного поведения является одним из основных аргументов, указывающих на необходимость проведения работы по выявлению их сущности. Ведь конституционные обязанности граждан Республики Беларусь являются неотъемлемым элементом правового статуса личности наравне с правами, свободами и гарантиями их реализации.

Вместе с тем основные обязанности – это объективно существующие атрибуты нашей конституционной истории и истории белорусского государства в целом, формировавшегося не на идеях прав человека, а на идеях общности и коллективизма с присущим им духом необходимого, должного поведения личности. Та нагрузка, которую несут конституционные обязанности граждан в построении демократического, социального и правового государства, несомненно, обязывает научное сообщество Беларуси обратить свой пристальный взгляд к их правовой природе. В связи с этим целью данной работы является выявление сущности конституционных обязанностей граждан и установление определения их понятия.

В научной литературе имеется несколько разобщенных подходов к сущности конституционных обязанностей. В основе первого подхода находится такая философская категория как «необходимость». Второй же подход основан на

моральной категории – «долг». Третье направление в определении сути конституционных обязанностей граждан развивается на такой категории как «требование». Кроме того в юридической литературе предпринята попытка раскрыть сущность основных обязанностей через категорию «надлежащее». Наконец, пятый подход к внутренней основе конституционных обязанностей связывается с такой категорией как «притязание».

Суммируя данные подходы к сущности конституционных обязанностей граждан можно заметить, что их объединяют категории, находящиеся вне рамок права вообще. Однако данное положение вещей не свидетельствует о воздвигнутом барьере между этими подходами к конституционным обязанностям как объективному общественному правовому явлению. Наоборот, все они соотносятся как внутренняя (объективная) и внешняя (субъективная) стороны одного целого – конституционной обязанности. Необходимость – это одна из объективных (внутренних) составляющих сути обязанности граждан; долг связан с сознанием правообязанного лица (гражданина), выражается в его должном (надлежащем) поведении и является субъективной (внешней) стороной обязанности; требования и притязания – это основанные на воле народа, предъявляемые государством к гражданам государственно-властные установки, которые прямо зафиксированы в тексте Конституции либо вытекают из содержания и смысла ее норм, являясь основой для объектно-субъектной целостности конституционных обязанностей.

Вместе с тем одной философской категории «необходимость» и этической категории «долг» для выявления сущности конституционных обязанностей граждан явно недостаточно. В содержательном плане между объективной и субъективной сторонами основных обязанностей должно присутствовать связующее звено, которое ставит их, с одной стороны, в формальную зависимость друг от друга, с другой – заставляет действовать правообязанное лицо (гражданин) в соответствии с требованиями и притязаниями государства.

Думается, что таким объединительным звеном и характерным элементом сущности конституционных обязанностей граждан является подчинение.

Именно необходимость подчинения гражданина конституционным требованиям и притязаниям государства позволяет ему (государству) ожидать от гражданина проявления целенаправленных действий при выполнении активных конституционных обязанностей (например, обязанность по финансированию государственных расходов) либо воздержание при реализации пассивных обязанностей (соблюдение Конституции, законов, уважение национальных традиций). Если же такое ожидание государства не оправдывается, не подтверждается, то оно обязано задействовать конституционно-правовой механизм государственного принуждения, целью которого станет понуждение гражданина выполнить возложенную на него конституционную обязанность.

При выявлении сущностных характеристик конституционных обязанностей необходимо обратить внимание и на такой элемент, как способность гражданина выполнить конституционную обязанность. Ведь для реального выполнения обязанностей мало быть всего лишь гражданином Республики Беларусь, т.е. правообязанным лицом, здесь объективно необходимо наличие возможности у гражданина к выполнению конституционных обязанностей. Такая способность вытекает из взаимных конституционных обязанностей государства и гражданина, закрепленных в ч. 2 ст. 2 Основного Закона. Кроме того, способность гражданина к выполнению возложенных на него конституционных обязанностей – это общепризнанный принцип международного права.

Таким образом, сущностными характеристиками конституционных обязанностей граждан являются следующие: воля народа, необходимость, долг, требования, притязания, подчинение, способность, государственное принуждение. Конституционная обязанность граждан – это санкционированная волей народа необходимость в подчинении прямо закрепленным или вытекающим из текста и смысла норм Основного Закона конституционным требованиям и притязаниям государства, выражающаяся в способности должного поведения граждан с возможным участием государственного принуждения.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ

Тимофейчик Т.Н., Белорусский государственный университет

На государственном уровне основополагающую роль в системе прав и свобод человека и гражданина играет институт конституционного права, нормы, которого закрепляют основы правового статуса (права и обязанности) личности. Современный перечень прав и свобод человека, зафиксированный в конституциях различных государств, – это результат длительного исторического формирования стандартов, которые становятся нормой современного государства [1, с. 62].

В нашей стране Конституция Республики Беларусь прямо не закрепляет право на занятие спортом, однако статья 45 Конституции содержит положение о том, что право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта. Таким образом, право на занятие спортом – производное от конституционного права на охрану здоровья, т.е. следует констатировать факт косвенного закрепления исследуемого права.

Нужно отметить, что ряд российских и белорусских ученых предлагают прямо закрепить права на занятие спортом в Конституции. Так, российский исследователь Р.В. Донец, полагает целесообразным закрепление права каждого на свободное занятие физической культурой и спортом на второй главе Конституции Российской Федерации. По мнению данного автора, «такое конституирование вышеназванного права позволит придать ему особый механизм реализации и обеспечит его повышенной правовой охраной» [2, с. 193]. Аналогичной позиции придерживаются и такие российские ученые как Г.А. Держинский, И.В. Прохорова, С.Г. Держинский [3]. Белорусская исследовательница Е.С. Бородулькина также предлагает дополнить Раздел II Конституции Республики Беларусь статьей, прямо регламентирующей право на занятие физической культурой и спортом [1, с. 68].

Однако, по мнению автора, учитывая важность стабильности Конституции, изменять ее нецелесообразно, так как в самой Конституции, в ст. 21 закреп-

плено, что государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства, что свидетельствует о том, что перечисление в Конституции Республики Беларусь основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

В законодательстве Республики Беларусь право на занятие физической культурой и спортом впервые было прямо закреплено в ст. 6 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» от 18 июня 1993 г., согласно которой каждый гражданин Республики Беларусь имеет право на занятие физической культурой и спортом [4]. В январе 2014 г. был принят новый закон «О физической культуре и спорте», который также не обошел вниманием право на занятие спортом, закрепив его в ст. 4 [5].

Однако, ни в законе 1993 г., ни в законе 2014 г. не закреплена дефиниция указанного права, что, по мнению автора, является упущением законодателя. Представляется целесообразным закрепить дефиницию «право на занятие физической культурой и спортом» в ст. 1 закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» в следующей редакции:

Право на занятие физической культурой и спортом есть закрепленная и гарантированная международными и национальными правовыми нормами реальная, постоянная и неотчуждаемая совокупность правомочий любого индивида развивать свои физические, интеллектуальные и нравственные способности посредством занятий физической культурой и спортом, а также возможность участвовать в спортивных состязаниях для достижения спортивных успехов сообразно своим способностям, требовать от всех субъектов международного и национального спортивного права соблюдения обязанностей, направленных на обеспечение данного права, а также обращаться за международной, государственной или общественной защитой в случае нарушения ими этих обязанностей.

Таким образом, следует констатировать факт существования права на занятия спортом при отсутствии его прямого конституционного закрепления.

Литература

1. Бородулькина, Е. С. Совершенствование конституционного регулирования в области культуры и спорта / Е. С. Бородулькина // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. / сост. ред. журнал «Промышленно-торговое право». – Минск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2011. – С. 60-70.

2. Донец, Р. В. К вопросу о конституционном праве личности на занятие физической культурой и спортом / Р. В. Донец // Права человека в инновационном развитии региона : материалы круглого стола, посвященного Международному дню прав человека (Белгород, 8 декабря 2011 г.). – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – С. 189-193.

3. Держинский, Г. А. Законодательное регулирование права человека на занятия физической культурой и спортом в рамках национальной правовой системы / Г. А. Держинский, С. Г. Держинский, И. В. Прохорова // Конституция России : глобальное, национальное, региональное : международная научно-практическая конференция (2013, Волгоград). – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. – С. 79-81.

4. О физической культуре и спорте : закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г. № 2445-ХП : в ред. Законов Республики Беларусь от 13.12.2011 [Утратил силу] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

5. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 // КонсультантПлюс. Беларусь Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТ ПРОБЛЕМ К ИХ РЕШЕНИЮ

Червякова Е.Б., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого

В составе информационных ресурсов сведения, касающиеся каждого конкретного лица, формируются в такую категорию, как персональные данные – любая информация, относящаяся к конкретно определенному лицу (субъекту данных), либо лицу, которое может быть конкретно определено (п. «а» ст.2 Конвенции о защите лиц относительно автоматизированной обработки данных личного характера – далее Конвенция 108).

В государственных органах, в местном самоуправлении, у субъектов предпринимательской деятельности и др. аккумулируются сведения о физических лицах, которые могут быть идентифицированы вследствие реализации предоставленных им прав или выполнения возложенных на них обязанностей. Речь идет, прежде всего, о данных о национальности, образовании, семейном положении, религиозных убеждениях, состоянии здоровья, а также адресе, дате и месте рождения. Такие сведения являются информацией с ограниченным доступом (конфиденциальными).

В соответствии со ст. 32 Конституции Украины, ст.11 Закона «Об информации» не допускается сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о лице без его согласия, кроме случаев, определенных законом. Таким образом, одним из оснований сбора персональных данных является согласие субъекта, т.е. добровольное волеизъявление физического лица (при условии его информированности) относительно дачи разрешения на обработку его персональных данных в соответствии со сформулированной целью обработки, выраженное в письменной форме либо в форме, дающей возможность сделать вывод о предоставлении согласия (ст.2 Закона «О защите персональных данных»). Отсюда следует два условия их сбора – информированность лица, а также конкретная и законная цель обработки данных.

Ратифицировав Конвенцию 108, Украина взяла на себя обязательство обеспечить защиту физических лиц при обработке персональных данных и 01.06.2010 г. приняла соответствующий Закон. Для обеспечения контроля в этой сфере была предусмотрена государственная регистрация баз персональных данных и образован специальный орган исполнительной власти – Государственная служба Украины по вопросам защиты персональных данных, которой было зарегистрировано около 100 тыс. таких баз (а могло быть больше, поскольку государство взяло обязательство применить Конвенцию 108 к информации о группе лиц, ассоциаций, фондов, компаний, корпораций и проч.) и на которую возлагался контроль за соблюдением законодательства в указанной сфере. Однако впоследствии эти положения Закона были отменены, а служба ликвидирована вследствие необеспечения ее независимости. Поскольку независимость органа по защите персональных данных является важнейшим требованием европейских норм, полномочия по защите конфиденциальной информации о лице было возложено на Уполномоченного Верховного Совета Украины по правам человека (далее – Уполномоченный) его представительства, созданные в трех регионах. Более того, помимо защиты персональных данных Уполномоченный обязан осуществлять парламентский контроль за соблюдением и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также их защиту. Выполнение указанных задач требует адекватных ресурсов.

В настоящее время в Украине деятельность владельцев баз персональных данных (например, субъектов хозяйствования) по сбору данных не отвечает требованиям Закона. Так, граждане заполняют анкеты участников беспроигрышных конкурсов, лотерей, маркетинга (владельцы дисконтных карт в сфере торговли и общественного питания) и др. и направляют персональные данные в открытом доступе на адреса абонентских ящиков. Они дают согласие на обработку своих данных, не осознавая ее цель, не имея точной информации о владельцах баз (некоторые из них прячутся за абонентскими ящиками или за пределами Украины), и даже без ограничения срока его действия. При таких условиях крайне проблематичным выглядит волеизъявление субъекта персональных

данных и возможность реализации им прав, определенных законом (знать о местонахождении персональных данных, цели их обработки, местонахождении владельца или распорядителя персональных данных, о третьих лицах, которым они предоставляются и др.). В некоторых случаях от граждан требуют отказ от своих прав (своей подписью участник программы подтверждает, что фирма освобождается от обязанности высылать в адрес участника сообщение о правах, цели сбора данных и лицах, которым передаются его персональные данные). Очевидно, что низкий уровень правовой культуры и недобросовестные действия владельцев персональных данных открывают путь к манипуляции и злоупотреблению такой конфиденциальной информацией.

Закон обязывает владельцев персональных данных сообщать Уполномоченному только об обработке персональных данных, представляющих особый риск для прав и свобод их субъектов (ст.7 Закона). Однако, Кабинет Министров Украины не утвердил соответствующий перечень, а ч.1 ст.188-39 Кодекса Украины об административных правонарушениях установила ответственность за невыполнение таких требований Закона.

Таким образом, очевидна необходимость дальнейших правовых и организационных мер по защите персональных данных в Украине. В тоже время 15-летний опыт строительства в Украине правовых основ в этой сфере (а также его недостатки и просчеты) может быть учтен при создании в Республике Беларусь национальной модели защиты безопасности информации.

КАДРОВАЯ ПАРАДИГМА В АСПЕКТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Шабайлов В.И., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Модернизация в системе перманентного развития общества и государства выражается в совершенствовании общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности (политики, экономики, культуры и др.) в целях укрепления государства и повышения благосостояния, уровня жизни населения. При этом в совокупности множества факторов, обуславливающих уровень качества модернизации, определяющая роль принадлежит кадровому потенциалу страны. В свою очередь, успешное осуществление поставленных целей и задач предопределяет необходимость в модернизации формирования кадрового потенциала страны, повышения профессионального уровня кадров, их ответственности.

Актуальное значение в этом контексте имеет принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5) [1]. Критериями оценки деятельности руководящих кадров и работников организаций являются: обеспечение производственно-технологической дисциплины, под которой понимается соблюдение установленных технологических регламентов и нормативов при производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг), требований производственного процесса, технологии изготовления продукции (работ, услуг), а также обеспечение требований по рациональному использованию сырья, материальных и человеческих ресурсов; обеспечение исполнительской и трудовой дисциплины, содержания производственных зданий (помещений), оборудования и приспособлений в соответствии с установленными требованиями, надлежащих условий труда.

В Декрете № 5 содержится широкий спектр мер повышения эффективности деятельности руководящих кадров и работников организаций. Прежде всего, это касается поощрений. В частности, предоставлено право руководителям организаций устанавливать в соответствии с законодательством работни-

кам, не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, дополнительные выплаты стимулирующего характера без ограничения их размера за счет прибыли, средств от приносящей доходы деятельности, остающихся в распоряжении организаций после уплаты обязательных платежей в бюджет. Основное содержание Декрета № 5 составляет установление критериев, оснований ответственности, а также применение мер воздействия, ответственности как в отношении руководителей (должностных лиц), так и в отношении работников за допущенные нарушения производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины.

Применение мер воздействия, привлечение к дисциплинарной и другим видам ответственности руководителей (должностных лиц), служащих, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения повседневной работы по формированию кадрового потенциала страны адекватно современным и перспективным требованиям времени. Речь идет о формировании государствообразующего слоя населения, надлежащей опоры государства, людей, готовых служить ему, не спрашивая, какая выгода для них может из этого выйти, слоя, из которого обычно формируется преданная и закаленная политическая элита, силой и волей которых держится государство [2, с. 313].

Ключевое значение в сфере кадровой политики имеет планирование и формирование кадрового потенциала страны. В целом Республика Беларусь обладает профессиональными кадрами. Однако их подготовка не в полной мере соответствует требованиям инновационного пути развития общества, использования и внедрения информационных технологий.

В данном аспекте важно использовать научный, профессиональный уровень других стран. Полагаем, что целесообразно использовать опыт СССР. Речь должна идти, прежде всего, в изучении и использовании опыта зарубежных государств по освоению и внедрению в производство технологий V и VI технологических укладов, а также в приглашении специалистов других стран (экспертов, менеджеров) по обеспечению выпуска конкурентоспособной продукции,

которая могла бы стать брендом Республики Беларусь (например, легкая, деревообрабатывающая промышленность).

Повышение уровня подготовки специалистов связывается с присоединением Республики Беларусь к Болонскому процессу. Тем самым создаются предпосылки включения национальной системы образования в единое образовательное пространство, гармонизации и унификации системы образования со странами Европы; обеспечения условий для обучения и стажировки студентов республики в высших учебных заведениях Европы. В то же время существуют негативные ожидания вхождения Республики Беларусь в Болонский процесс. Это может выражаться в возможном выезде на постоянное место жительства и работу молодых специалистов в зарубежные страны. Отметим, что в Китае осуществляется массовое направление студентов в лучшие европейские университеты. Образование в развитых странах получили от 1,5 до 2,0 миллионов китайцев. Многие из них вернулись позже в свою страну, когда состоялись как крупные ученые, специалисты [3, с. 86]. На наш взгляд, важно создать меры материального стимулирования для сохранения квалифицированных специалистов в республике.

Инновационное развитие общества и государства, в том числе модернизация кадрового потенциала, невозможны без результативных, действенных научных исследований. Следует отметить, что кадровый потенциал научно-исследовательских работ в стране сокращается. Например, в Республике Беларусь в 2012 году на 10 тысяч занятых в экономике приходилось 66 человек, проводящих исследования и разработки, в том числе 42 исследователя (для сравнения: в России – соответственно 125 и 66, в Германии – 131 и 77 человек). Одновременно снижается качественный состав исследователей, их квалификационный уровень. Уменьшается число докторов и кандидатов наук. В 2012 году в качестве исследователей работали 719 докторов, а в 2005 году – 780 докторов; 3 071 кандидат наук в 2012 году и 3 232 кандидата наук в 2005 году [4, с. 7–8].

Научная, научно-педагогическая деятельность не заявила о себе как наиболее престижный вид профессиональной деятельности. При этом необхо-

димо учитывать, что проведен ряд мер по стимулированию научно-исследовательской деятельности. Однако эти меры вряд ли могут считаться достаточными. К тому же вопросы стимулирования такого рода деятельности регулируются множеством нормативных правовых актов. В этой связи возникает необходимость в принятии комплексного нормативного правового акта, которым регламентировались бы меры поощрения в сфере научно-исследовательской деятельности.

Модернизация требует и, в свою очередь, с неизбежностью не может не формировать качественно новые группы лиц, креативные (творческие) личности. Полагаем, что креативность следует определить как комплекс интеллектуальных и личностных характеристик субъекта, способного работать в ситуации новизны, неопределенности и принимать адекватные решения. Креативность в работе может оцениваться по таким критериям как: способность и умение выделить проблему; отказаться от стандартных, устоявшихся точек зрения; принять оригинальное и единственно обоснованное решение и т.д.

Литература

1. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Мальцев, Г. В. Культурные традиции права: [монография] / Г. В. Мальцев. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.

3. Кива, А. В. Модели китайских и российских реформ: в чем коренное отличие / А. В. Кива // Обществен. науки и современность. – 2014. – № 6. – С. 83–93.

4. Программа совершенствования научной сферы Республики Беларусь (утв. постановлением Государственного комитета по науке и технологиям Респ. Беларусь и Национальной академии наук Беларуси 24 декабря 2013 г. № 5/25) / Нац. академия наук Беларуси. – Минск, 2013. – 75 с.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ФОРМУЛИРОВКИ Ч.1 СТ.14 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шахновская И.В., Полоцкий государственный университет

Конституция Республики Беларусь предусматривает в качестве субъектов конституционного права социальные общности. Так, согласно ч.1 ст.14 Конституции "государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов"[1].

Важное значение для принятия Конституции имела Декларация о государственном суверенитете 1990 г. (далее - Декларация)[2]. Текст Декларации не содержал положений касательно равенства прав либо статуса социальных общностей на территории Республики Беларусь. Однако в Декларации было закреплено, что "Верховный Совет Республики Беларусь действует в соответствии с принципами Всеобщей декларации прав человека и другими международно-правовыми актами"[2]. Это было новеллой в истории становления белорусского законодательства.

Вслед за Декларацией был принят Закон Республики Беларусь "Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь" (далее - Закон о народовластии). Данный Закон, как и Декларация, не содержал положений о социальных общностях. В нем была закреплена статья, касающаяся сферы деятельности лишь общественных объединений.

Основной Закон Республики Беларусь 1994г. закрепил принципиально новые правовые нормы относительно развития белорусского государства и общества. Как пишет Г.А.Василевич, "в новой Конституции нашли отражение политические и социально-экономические перемены, предусмотрена программа совершенствования демократии, гарантии прав и свобод. Это выразилось в закреплении основ конституционного строя, восприятии концепции партнерских отношений между государством и человеком"[3, с.36]. Здесь, по сути, речь идет о том, что появление нормы ч.1 ст.14 Конституции Республики Беларусь является своеобразным "продолжением, воплощением в жизнь" положений ч.1 ст.1

белорусской Конституции. Ведь построение демократического и правового государства немислимо без полноценного гражданского общества, институтами которого и являются социальные общности.

Сходную позицию занимают многие ученые-правоведы. Так, В.Кивель считает, что "народ Республики Беларусь, являясь единственным источником власти и осуществляя свою власть непосредственно и через представительные органы в формах и пределах, определенных Конституцией и законами Республики Беларусь, в свою очередь заботится о каждом гражданине в отдельности и о группах граждан, объединенных в различные общественные формирования, гарантирует и защищает их права"[4]. Если согласиться с В.Кивелем, то следует признать, что предпосылки для закрепления формулировки нормы ч.1 ст.14 Конституции появились с принятием Декларации, когда впервые было закреплено положение о том, что народ является источником государственной власти и реализует ее как через представительные органы государственной власти, так и непосредственно.

В связи с выходом книги Г.А.Василевича "Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990-1994гг.)" в связи с двадцатилетием со дня принятия Конституции независимого белорусского государства нам представлена уникальная возможность изучить все проекты Конституции, которые готовились и рассматривались Верховным Советом в 1990-1994гг.

Так, текст первого проекта Конституции, подготовленный рабочей группой Конституционной комиссии, возглавляемой Шолодоновым В.И. (по состоянию на сентябрь 1991г.) не содержал положения, сходного с ч.1 ст.14 действующей ныне Конституции.

Следующий проект Конституции, рассмотренный на заседании Конституционной комиссии 30 сентября 1991г., уже был дополнен нормой о социальных общностях. Так, в соответствии со ст.15 указанного Проекта, "государство регулирует отношения между социальными и национальными общностями на основе принципов равенства, солидарности, взаимного доверия, уважения прав и интересов".

Проект Конституции по состоянию на 6 апреля 1992г. "расширил" круг "общностей", включив в него как "социальные, национальные и иные общности". Принципы регулирования отношений между ними оставались такими же, как и по тексту предыдущих проектов.

Нынешнюю формулировку ч.1 ст.14 Конституция "получила" в проекте по состоянию на 11 марта 1993г. и в дальнейших доработанных проектах (4 мая 1993г., 06 июля 1993г., 10 января 1994г., 10 марта 1994г.) содержание данной нормы не изменялось.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.): Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национ. центр правовой информации Респ.Беларусь.- Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2101>.- Дата доступа: 16.03.2015;

2. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. № 193-ХІІ: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национ. центр правовой информации Респ.Беларусь.- Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=V09000193.- Дата доступа: 16.03.2015;

3. Василевич, Г.А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990-1994 гг.) / Г.А.Василевич.- Минск: Право и экономика, 2014.-308с.

4. Кивель, В. Регламентация прав человека и гражданина в Конституции РБ / В.Кивель // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - №5. - 1998. - С.75-81.

РАЗДЕЛ VII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕР- ШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ МНО- ГОКВАРТИРНЫМИ ЖИЛЫМИ ДОМАМИ

Щемелева И.Н., Белорусский государственный университет

С разрушением монополии государственной собственности на жилье остро встала проблема создания эффективного механизма правового регулирования управления многоквартирными жилыми домами, которые, как правило, в настоящее время имеют статус совместных домовладений.

Программа развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь до 2015 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 февраля 2013г. № 97[1], предполагает, что функция управления недвижимостью должна перейти к непосредственным собственникам, с тем, чтобы снизить нагрузку на государственные организации в этой сфере. В ней указано, что «...проблемы...жилищных правоотношений в условиях преобладающей частной собственности на жилые помещения до конца не решены», а среди ожидаемых результатов отмечено совершенствование правовых условий в области управления совместными домовладениями. Однако каких-либо конкретных предложений такого совершенствования Программа не содержит.

Представляется, что концептуальной правовой инновацией создания эффективного правового механизма управления многоквартирными жилыми домами должен стать принцип рационального разделения функций между субъектами, осуществляющими полномочия в сфере жилищного хозяйства.

Исходя из анализа действующего жилищного законодательства, можно выделить четыре функции, осуществляемые в этой сфере субъектами жилищных правоотношений:

- содержание жилищного фонда;
- эксплуатация жилищного фонда;

- управление жилищным фондом;
- обслуживание жилищного фонда.[2]

В ныне действующем Жилищном кодексе Республики Беларусь (далее ЖК) категория «управление жилищным фондом» не только не определена, в нем отсутствует даже указание на нее как на жилищно-коммунальную услугу. Такое указание можно найти лишь в Законе Республики Беларусь от 16 июля 2008г. «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг»[3], где управление многоквартирным домом выделено как самостоятельная жилищно-коммунальная услуга (ч.2 ст.4 Закона). Применительно к ЖК не приходится говорить и о структуризации этой услуги по аналогии с мировой практикой.

Из всех вышеперечисленных функций в ст.1 ЖК, содержащей перечень основных терминов, используемых законодателем для целей Кодекса, определена только одна – функция эксплуатации жилищного фонда (п.63 ст.1 ЖК). Причем сделано это так, что указанная функция понимается и как функция содержания (см. ст.211 Гражданского кодекса Республики Беларусь), и как функция обслуживания при предоставлении жилищно-коммунальных услуг (п.10 ст.1 ЖК). Т.о. из приведенного определения совершенно невозможно выявить ни содержание функции эксплуатации, ни субъектов, которые ее осуществляют, а это значит, нельзя говорить и о четкой системе договорных связей между субъектами в сфере жилищного хозяйства. Низкая же эффективность системы управления жилищным фондом в целом, и многоквартирными жилыми домами в частности, обусловлена как раз несовершенством договорных отношений в этой сфере.

Административные методы управления должны быть заменены на профессиональное управление жилищным фондом на договорной конкурсной основе. С этой целью в законодательстве должны быть четко названы субъекты, за которыми закреплена каждая из четырех функций, осуществляемых в сфере жилищного хозяйства. При этом субъекты, осуществляющие функции управления и обслуживания совпадать не должны. Ныне действующий ЖК исходит как раз из обратного. Так, например, в соответствии с абз.5 п.1 ст.174 ЖК в инфор-

мации, которую организация, управляющая общим имуществом, направляет избравшим ее участникам совместного домовладения, должен быть указан перечень жилищно-коммунальных услуг, которые будут оказываться этой организацией. Совершенно очевидно, что требовать от нее принятия оптимальных управленческих решений впоследствии будет затруднительно. Такое положение вещей сдерживает к тому же появление на рынке услуг управления совместными домовладениями организаций негосударственной формы собственности, что, безусловно, отрицательно влияет на создание конкурентной среды в рассматриваемой сфере и не способствует развитию государственно-частного партнерства.

Исчерпывающий перечень способов управления совместным домовладением содержится в п.1 ст.170 ЖК. Наиболее профессиональным является управление многоквартирным домом организацией, управляющей общим имуществом, что доказано опытом стран с давней историей института совместного домовладения. Однако данный способ управления недостаточно урегулирован законодательством. Так, до настоящего времени правительством не утвержден Типовой договор управления общим имуществом, обязанность утвердить который предусмотрена ч.4 п.1 ст.176 ЖК. К тому же указанная статья предусматривает передачу права управления долей в общем имуществе многоквартирного жилого дома каждым участником совместного домовладения отдельно, что на практике вызывает ряд трудностей.

Для достижения определенных Программой развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь целей развития отрасли жилищно-коммунального хозяйства республики, развития конкуренции и повышения качества оказываемых услуг по управлению многоквартирными домами необходимо совершенствование института управляющих организаций и других способов управления совместными домовладениями, исходя из принципа разграничения функций, осуществляемых субъектами жилищных правоотношений. Положительным фактором в данном направлении могла бы стать детальная правовая регламентация в едином нормативном правовом акте всех способов

управления многоквартирными жилыми домами. Пользоваться таким актом будет удобно и участникам совместных домовладений, и другим правоприменителям, их выбор будет очевидным, а, следовательно, доступным.

1. Программа развития жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь до 2015 года: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 8 февраля 2013 г., № 97 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. См. Щемелева, И.Н. Управление и иные функции, осуществляемые в сфере жилищного хозяйства: гражданско-правовой аспект / И.Н.Щемелева // Проблемы управления. – 2007. - № 4. – С. 179-184.

3. О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗОВАННЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ В ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛАХ

Гаврильченко Ю.П., Белорусский государственный университет

Вложение средств в драгоценные металлы и камни традиционно считается достаточно прибыльным и одним из наиболее надежных способов сбережения. Оно в наименьшей степени подвержено инфляционным рискам.

Под драгоценными камнями понимаются природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и пр. Драгоценные металлы – это золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений, осмий) (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 21 июня 2002 г. N 110-3 «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» с изм. и доп. [1]).

Для целей сбережения могут использоваться любые драгоценные камни и металлы во всех состояниях и видах. Однако ликвидность таких сбережений

очень невысока. В подобных случаях целесообразнее использовать приобретаемые в банках сертифицированные бриллианты [2] а также слитки драгоценных металлов. Впоследствии их можно продать обратно банку. Вместе с тем, как правило, имеет место достаточно значительная разница между ценой покупки и ценой продажи (спрэд). Спрэд был уменьшен с 1 июня 2012 г., что привело к снижению цены продажи в среднем на 7-8 % [3, с.20], однако даже существующая ситуация не гарантирует реальной доходности по сбережениям в виде «наличных» драгоценных камней и слитков.

Поскольку более цивилизованным и эффективным способом сбережения является сбережение в организованной форме, белорусское законодательство стимулирует организованные сбережения в драгоценных металлах. Наряду с депозитными и вкладными металлическими счетами п.2 Инструкции о порядке открытия и ведения счетов в драгоценных металлах, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. № 57 [4] (далее – Инструкция № 57), предусматривает возможность открытия обезличенных металлических счетов. Эта форма сбережения появились на практике в 2011 г., а к середине 2012 г. работу с обезличенными металлическими счетами осуществляли «БПС Сбербанк» (только золото) и «БелСвиссБанк» (золото, серебро, платина и палладий). В 2014 г. с обезличенными металлическими счетами работали «БПС Сбербанк» и «БелВЭБ».

Открытие счета происходит путем зачисления драгоценного металла после его покупки у банка за рубли или валюту (впоследствии металл можно докупать). Прибыль владельца счета формируется за счет роста рыночной стоимости драгоценного металла. Процентный доход по обезличенным металлическим счетам не начисляется. При закрытии счета имеющийся металл пересчитывают в рубли или валюту по установленному курсу. Таким образом, прибыльность данного вида сбережений в значительной степени зависит от предприимчивости сберегателя. Однако даже неудачное стечение обстоятельств в силу общей стабильности цен на драгоценные металлы не приведет к серьезным потерям. Металл на обезличенном счете является по сути безналичным,

поэтому цена его покупки ниже. В стоимость обезличенного драгоценного металла не включаются издержки, связанные с изготовлением слитков, хранением, транспортировкой и пр.

В настоящее время налоговое законодательство стимулирует сбережения в виде банковских вкладов (депозитов) в драгоценных металлах (камнях) (п. 1.25 ст. 163 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь [5]) и неорганизованные «драгоценные» сбережения (п.1.31 ст. 163 того же акта). Доходы по сбережениям на обезличенных металлических счетах не подпадают под налоговые льготы. Это представляется не совсем последовательным, поскольку наблюдается общее стремление законодателя к либерализации в данной сфере. С учетом необходимости стимулирования организованных сбережений в драгоценных металлах представляется целесообразным освободить доходы по сбережениям на обезличенных металлических счетах от подоходного налога с физических лиц, предусмотрев соответствующую норму в п.1 ст. 163 Особенной части Налогового кодекса.

Важным аспектом развития сбережений в драгоценных металлах является обеспечение их защищенности. В Беларуси эти сбережения не подпадают под действие системы гарантирования банковских вкладов (депозитов). Согласно ч.1 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 369-З «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» [6] объектами возмещения банковских вкладов (депозитов) являются денежные средства в белорусских рублях и иностранной валюте, размещенные физическими лицами на счетах и (или) во вклады (депозиты) в банках.

Национальным банком совместно с Агентством по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц рассматривался вопрос о целесообразности внесения изменений в законодательство (Письмо Национального банка Республики Беларусь от 23 января 2014 г. № 44-11/37 «О гарантированном возмещении вкладов (депозитов) в драгоценных металлах» [7]), однако соответствующие изменения так и не были приняты.

Наиболее целесообразным является предусмотрение возможности полного возмещения привлеченных средств, рассчитанного в белорусских рублях исходя из учетной стоимости драгоценных металлов, устанавливаемой Национальным банком. Размеры обязательных взносов в Агентство нужно определить в соответствии с существующими нормами (учетный взнос - 0,5 % от размера нормативного капитала банка, календарный взнос - 0,3 % от остатка привлеченных банком банковских вкладов (депозитов) физических лиц).

Включение организованных сбережений в драгоценных металлах в единую систему гарантирования вкладов способствовало бы развитию этих относительно новых механизмов привлечения сбережений, стимулировало бы рынок организованных сбережений и позволило бы привлекать долгосрочные инвестиции. В связи с этим соответствующие новеллы представляются нужными и обоснованными.

Литература

1. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: Закон Республики Беларусь, 21 июня 2002 г., № 110-3 (с изм. и доп.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2015.
2. Инструкция о порядке совершения банками купли-продажи, хранения, инкассации и перевозки драгоценных камней, утв. постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь, 23 дек. 2013 г., № 762 (с изм. и доп.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2015.
3. Мелюшко, В. Альтернативные инструменты сбережений в Республике Беларусь / В. Мелюшко // Банковский вестник. - 2012. - № 28.- С. 20-24.
4. Инструкция о порядке открытия и ведения счетов в драгоценных металлах, утв. постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь, 4 апр. 2006 г., № 57 (с изм. и доп.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.– Минск, 2015.

5. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 дек.2009 г. № 71-З (с изм. и доп.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ.Беларусь.– Минск, 2015.

6. О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц: Закон Республики Беларусь, 8 июля 2008 г., № 369-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ.Беларусь.– Минск, 2015.

7. О гарантированном возмещении вкладов (депозитов) в драгоценных металлах: Письмо Национального банка Республики Беларусь, 23 янв. 2014 г., № 44-11/37 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ.Беларусь.– Минск, 2015.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ГОСУДАРСТВА В ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Евменчикова О.А., Белорусский государственный университет

Современный этап экономического развития характеризуется все большим вовлечением государства в частноправовую сферу. Государство все чаще становится участником имущественного оборота, то есть субъектом частного права, действующим наравне с физическими и юридическими лицами.

Правовую основу участия Республики Беларусь в гражданском обороте составляют нормы ст. 124 и 125 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). При этом ст. 125 ГК закрепляет общее правило участия Республики Беларусь в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, указывая, что от имени Республики Беларусь могут выступать государственные органы в рамках компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Таким образом, непосредственное участие государства в частноправовых отношениях осуществляется посредством государственных органов, действующих при этом в качестве представителей государства.

Вместе с тем, государственные органы действуют на основании положений о соответствующих органах, утверждённых актами законодательства, и являются юридическими лицами, т.е. самостоятельными субъектами права.

Признание в силу актов законодательства государственных органов в качестве юридических лиц в соответствии со ст. 44 ГК предопределяет возможность указанных органов действовать от собственного имени, как в национальном, так и в международном имущественном обороте.

В настоящее время в законодательстве и юридической доктрине отсутствуют объективные критерии, позволяющие разграничить случаи участия государственных органов в имущественном обороте как самостоятельных субъектов и как субъектов, действующих от имени государства.

Необходимость закрепления в законодательстве критериев разграничения статуса государственных органов как участников имущественного оборота обусловлено существованием проблемы юрисдикционного иммунитета государства, вопрос о применении которого может быть поставлен в случае разрешения споров, вытекающих из частноправовых отношений с иностранным элементом с участием Республики Беларусь.

На международно-правовом уровне вопросы юрисдикционного иммунитета государства регулируются нормами Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 года (далее – Конвенция). В ст. 2 Конвенции закреплено содержание понятия «государство» для целей применения правил о юрисдикционном иммунитете. В частности, понятие «государство» охватывает: государство и его различные органы управления; составные части федеративного государства или политические подразделения государства, которые правомочны совершать действия в осуществление суверенной власти и действуют в этом качестве; учреждения или институции государства либо другие образования в той мере, в какой они правомочны совершать и фактически совершают действия в осуществление суверенной власти государства; представителей государства, действующих в этом качестве.

На сегодняшний день Республика Беларусь не входит в число государств – участников Конвенции, соответственно, ее нормы, в том числе определяющие понятие государства, не распространяются на отношения с участием Республики Беларусь, что предопределяет необходимость квалификации в каждом конкретном случае частноправовых действий государственного органа как совершенных от имени государства или от собственного имени.

В международной практике, а также в доктрине международного частного права сложился подход, согласно которому государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции суда другого государства при разрешении спора, возникшего из коммерческой сделки, заключенной с иностранным физическим или юридическим лицом.

Вместе с тем, указанный подход при разрешении вопроса об иммунитете государства является не единственным. В качестве субсидиарного критерия для разграничения участия государственных органов в гражданском обороте от собственного имени и от имени государства признается определение целей такого участия, в зависимости от того, вступают государственные органы в частноправовые отношения для удовлетворения собственных нужд или для удовлетворения нужд государства [1, с. 107].

В частности, следует согласиться с И.В. Силкиной, что цель сделки должна «иметь явно государственное значение и обосновываться соображениями государственной важности» [2, с. 34].

В законодательстве в настоящее время данный подход не получил правового закрепления, однако может быть использован для выработки критериев разграничения статуса государственных органов при их участии в имущественном обороте как субъектов, действующих в собственных интересах, и как субъектов, действующих от имени государства.

Литература

1. Усков, О.Ю. Самостоятельная правосубъектность государственных органов и ответственность государства по обязательствам из договора / О.Ю. Усков // Хозяйство и право. – 2003. – № 9. – С. 105–112.

2. Силкина, И.В. Лица, имеющие право ссылаться на государственный иммунитет: современные тенденции в зарубежной судебной практике / И.В. Силкина // Московский журнал международного права. – 2005. – №.1. – С. 31–36.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ НОТАРИАТА В УКРАИНЕ

Золотухина Е.Н., Киевский университет туризма, экономики и права

Правовое регулирование функционального предназначения нотариата в Украине постсоветского периода берет свое начало с января 1994 года, когда был введен в действие Закон Украины «О нотариате». И этот процесс продолжается и сегодня. Начиная с 1994 года значительно активизируется правотворческая деятельность в сфере правового регулирования нотариата, результатом чего стало формирование целостной системы нормативно-правовых актов, положения которых регулируют вопросы функционирования системы нотариата Украины [1; 2; 3; 4]. В тоже время нотариат Украины получает публично-частный правовой статус, что приводит к сохранению системы государственных нотариальных контор и появлению частных нотариусов, что соответствует условиям функционирования рыночной экономики и способствует децентрализации функционирования нотариата, вывода его из-под монополии государства. Принятие Закона Украины «О нотариате» в 1993 году стало основой для развития нотариата независимой Украины и обеспечило основу законодательного уровня правового регулирования нотариальной деятельности Украины. На сегодня наблюдается тенденция к расширению функционального предназначения нотариата. Мы можем говорить о том, что несмотря на отсутствие непосред-

венного правового закрепления функций нотариата, исходя из содержания положений действующего законодательства Украины в состав функций нотариата добавляются такие как:

- правозащитная функция, содержанием которой является осуществление защиты прав, свобод и законных интересов субъектов права;
- информационная функция, которая рассматривает субъектов нотариальной деятельности как лиц, которые получают информацию, ее хранят, в том числе и соблюдают требования секретности полученной информации;
- консультативная функция, которая предусматривает право нотариуса и его обязанность осуществлять разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий, разъяснение прав и обязанностей, а также предоставление консультаций правового характера. Кроме того нотариус обязан предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий для того, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред;
- образовательно-профессиональная функция, которая касается профессиональной подготовки субъектов нотариальной деятельности.

За указанный период были созданы основные предпосылки дальнейшего реформирования национальной системы нотариата.

В то же время следует обратить внимание и на отдельные критические замечания, касающиеся развития и состояния правового регулирования функционального предназначения нотариата:

1) отсутствие единой концепции реформирования нотариата в начале 90-х годов XX века существенно тормозило практику надлежащего функционирования и развития нотариата в Украине, замедляло процесс совершенствования его правового обеспечения;

2) отрицательно на функционирование нотариата влияет отсутствие в нормативно-правовых актах положений как законодательного, так и подзаконного уровня, в которых бы закреплялись функции нотариата. Это отрицательно влияет на состояние организованности нотариата, определяет отсутствие единства в функционировании системы нотариата;

3) нужно отметить непоследовательность правового обеспечения функционирования нотариата в Украине, поскольку реформирование системы нотариата преимущественно носило эпизодический, несистемный характер;

4) наблюдается достаточно высокий уровень изменчивости положений нормативно-правовых актов в сфере нотариата. Это негативно влияет на практику его функционирования, приводит к изменчивости его деятельности, увеличивает риск появления недостатков в работе субъектов нотариальной деятельности;

5) законодательство в сфере нотариальной деятельности, хотя и имеет целостный характер, однако окончательно не завершило своего формирования. Сегодня в рамках законотворческого процесса разработаны и представлены на рассмотрение более 50 законопроектов [5], которыми планируется вносить изменения и дополнения в действующие нормативно-правовые акты или предлагается изложить их в новой редакции. Это свидетельствует о достаточно высокой активности в вопросе совершенствования законодательного обеспечения нотариата в Украине;

6) низкий уровень научного обеспечения законотворческих процессов в сфере правового регулирования нотариата определяет в дальнейшем наличие недостатков в содержании действующих нормативно-правовых актов.

Литература

1. Закон України «Про нотаріат» від 02.09.1993 року № 3425-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws>

2. Закон України «Про державну реєстрацію речових прав на нерухоме майно та їх обтяжень» від 01.07.2004 року № 1952-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1952-15>

3. Наказ Міністерства юстиції України «Про затвердження Інструкції про порядок вчинення нотаріальних дій нотаріусами України» від 03.03.2004 року № 20/5 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua>

4. Наказ Міністерства юстиції України «Про затвердження Порядку вчинення нотаріальних дій нотаріусами України» від 22.02.2012 року № 296/5 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws>

5. Законотворча діяльність в комітетах Верховної Ради України. Комітет з питань правової політики та правосуддя [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc6_current?id=&pid069=208

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Иванова Д.В., Белорусский государственный университет

1. В своем развитии права интеллектуальной собственности (ИС) второго поколения уже сменились на права третьего поколения. Первое поколение прав ИС – это права авторов и издателей, изобретателей и коммерсантов XVIII-XIX вв. Второе поколение – это формирование во всем мире единообразной системы прав ИС под влиянием международных договоров, начиная с Парижской и Бернской конвенций 1883 г. и 1886 г. соответственно (XX в.). Сегодня идет формирование системы права ИС третьего поколения. Значительное влияние на последнее поколение оказывают современные информационные технологии.

2. Согласно определению, принятому ЮНЕСКО, информационные технологии (ИТ) – это комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительная техника

и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. ИТ активизируют и эффективно используют информационные ресурсы общества (научные знания, открытия, изобретения, технологии, передовой опыт), отсюда существенная экономия других видов ресурсов – сырья, энергии, полезных ископаемых, материалов и оборудования, людских ресурсов, социального времени. Именно это свойство ИТ позволило им занять то положение в современном обществе, которое они занимают.

Изобретения и патентно-правовая охрана, появившаяся в XVIII в., первоначально служили развитию технической части ИТ. В настоящее время в мире количество выданных патентов на решения в сфере ИТ растет ежегодно. Например, аналитики «Fairview Research» отмечают общее увеличение числа зарегистрированных в США за год патентов на 13%. При этом компания IBM лидирует по числу полученных в США патентов 20 лет подряд. За 2012 год IBM зарегистрировала 6478 американских патентов, что на 5% больше, чем в 2011 году. На втором месте — корейская корпорация Samsung, которая получила 5081 патент, на третьем — японская Canon с 3174 патентами.

Исследователи отмечают ужесточение борьбы за интеллектуальную собственность между идущими примерно вровень корпорациями Google (21 место, 1151 патент) и Apple (22 место, 1136 патентов). Google за год удалось увеличить число патентных регистраций на 170%, а Apple – на 68%.

Патенты зародились как средство поощрения технологических инноваций и раскрытия изобретений. Однако, критики патентной системы считают, что по мере того, как всё больше технологизируются самые различные виды производства, исключительные права из патентов становятся привилегией крупных организаций во всех сферах экономики: сельском хозяйстве, медицине, легкой и тяжелой промышленности и т.д. Патент становится средством конкурентной борьбы, причем не всегда добросовестной.

Вторым ярким негативным явлением являются так называемые патентные «тролли» (патентные холдинги, патентные дилеры, непрaktикующие патентообладатели) – это физические или юридические лица, которые имеют и приобретают много патентов, но не реализуют их в производстве, а специализируются на предъявлении претензий и исков из этих патентов. По данным «Business Insider» (2012), крупнейшими по количеству патентов троллями являются: «Intellectual Ventures» (более 10 тыс.), «Round Rock Research LLC» (3,5 тыс.), «Rockstar Consortium LLC» (3,5 тыс.), «Interdigital» (3 тыс.), «WARF» (2,5 тыс.), «Rambus» (1,6 тыс.), «Tessera Technologies Inc.» (1,4 тыс.), «Acacia Technologies» (1,3 тыс.).

3. Другой институт права ИС – авторское право – было связано с ИТ, в первую очередь, тем, что компьютерная программа (программное обеспечение) была отнесена к категории «литературное произведение». Согласно ст. 4 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 года компьютерные программы охраняются как литературные произведения в смысле статьи 2 Бернской конвенции. Такая охрана распространяется на компьютерные программы независимо от способа или формы их выражения.

Особенности распространения компьютерных программ привели к созданию общепризнанных оберточных лицензий. Дальнейшее развитие идет в направлении разработки новых механизмов предоставления разрешения на использование компьютерных программ, с одной стороны, и любых произведений в сети Интернет, с другой стороны. При этом должны соблюдаться требования международного и национального законодательства в сфере авторского права. В частности, по способу распространения и использования компьютерные программы классифицируют как несвободные (закрытые, проприетарные), открытые (с открытым исходным кодом) и свободные. Среди свободных (публичных) лицензий, применяемых в отношении последней группы, выделяется группа, которая может применяться в отношении и иных произведений. В настоящее время они не поддерживаются законодателем Республики Беларусь,

однако, применение их белорусскими субъектами на практике требует, по нашему мнению, решения проблемы на уровне законодательства.

4. Развитие современных ИТ повлекло появление новых объектов, охраняемых средствами ИС. Среди них топологии интегральных микросхем, базы данных. В настоящее время обсуждаются вопросы необходимости создания самостоятельной правовой охраны мультимедийных произведений или, например, доменных имен. Эти тенденции, на наш взгляд, будут со временем проявляться еще ярче.

К ВОПРОСУ О ТОРГАХ КАК КОНКРЕТНОМ СПОСОБЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА

*Кириллова Е.Ю., Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Впервые правила о возможности заключения договора на торгах были закреплены в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) в 1998 г. [1], что было обусловлено становлением рыночных механизмов и внедрением в систему хозяйствования новых правовых конструкций (аукционов и конкурсов). Статьи 417-419 ГК установили общие правила заключения договора на торгах, послужившие ориентиром для последующей разработки обширного специального законодательства, регламентирующего проведение торгов в сфере государственных закупок товаров (работ, услуг), реализации имущества, являющегося предметом ипотеки, лесных аукционов на осуществление лесопользования и др.

Следует обратить внимание на тот факт, что в белорусском законодательстве отсутствует родовое легальное определение торгов, а указывается лишь их юридическая функция – способ заключения договора [1]. В доктрине также нет единой точки зрения по этому вопросу. При этом разнопорядковые дефиниции торгов активно используются применительно к их специальным видам (государственным закупкам товаров (работ, услуг), биржевым торгам, а также торгам, проводимым в сфере строительства). Вместе с тем «нормативное опреде-

ление понятий следует признать необходимым для обеспечения единого правового пространства государства, единообразного и унифицированного понимания и применения правовых норм» [2, с. 28].

Представляется, что торги можно определить как специфический способ заключения договора, опосредующий процесс распоряжения имуществом (имущественным правом) и удовлетворения иных имущественных интересов на оптимальных условиях, включая право на заключение договора, который базируется на конкуренции и состязательности его участников, действия которых образуют систему юридических фактов, строящихся по принципу последовательного накопления.

Полагаем, что наличие на доктринальном уровне четкого понятия торгов весьма полезно, в связи с тем, что оно способствует единообразному развитию основных правил и процедур проведения торгов, а также их отграничению от сходных правовых явлений.

В соответствии с п. 4 ст. 417 ГК под аукционом понимается такая форма проведения торгов, когда победителем признается лицо, предложившее «наиболее высокую цену» [1]. Полагаем, что данное легальное определение является неполным, в связи с тем, что оно не охватывает весь спектр возникающих отношений, например, когда победителем признается лицо, предложившее наименьшую цену и полностью отвечающее конкурсным требованиям (при проведении торгов на покупку имущества). Устранение обозначенного дефекта видится оптимальным посредством модификации терминологии (исключения понятия «наиболее высокая цена» и внедрения термина «наилучшая цена»), что позволит расширить определение аукциона путем включения в предмет его правового регулирования торгов, предметом которых является заключение договоров на приобретение товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Следует указать, что при разработке конкурсного предложения претендент должен точно выполнять условия документации. Однако при подаче тендерной инициативы в международной практике наряду с основным вариантом предложения часто подаются дополнительные (альтернативные) варианты, которые, по

мнению претендента, могут представлять интерес для заказчика, и, впоследствии, могут быть отдельно проработаны и переданы ему в заранее установленные сроки [3, с. 44]. В белорусской практике размещения конкурсных заказов опущен процедурный вопрос о праве на альтернативную заявку, в результате чего дополнительные предложения их участниками пока не используются. Представляется, что эффективность проведения конкурсных торгов может быть значительно повышена путем легализации альтернативных предложений, что позволит существенно сэкономить время и средства заказчика, а также предотвратит возникновение спорных практических ситуаций.

Предлагается следующая классификация торгов: во-первых, по порядку определения круга их участников разделение на открытые и закрытые торги, что соответствует их легальной дифференциации; во-вторых, в зависимости от требований, предъявляемых к претендентам на этапе допуска к торгам, подразделение открытых торгов на универсальные и специализированные (торги с квалификационными требованиями к участникам, предъявляемыми на отборочной стадии). Например, специализированными торгами можно считать торги в сфере государственных закупок, в связи с тем, что существует список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок (ст. 16 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»)[4]. Участники, включенные в рассматриваемый список, не могут участвовать в процедуре государственной закупки.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Магомедов, С. К. Унификация нормативно-правовой терминологии и единое правовое пространство России / С. К. Магомедов // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 23-31.

3. Босин, Е. И. Формирование и развитие системы международных торгов в России : дис. ... канд. юрид. наук : 08.00.14 / Е. И. Босин. – М., 2007. – 164 л.

4. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 419-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

К ВОПРОСУ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лосев С.С., Белорусский государственный экономический университет

Законодательство Республики Беларусь в области права интеллектуальной собственности построено по многоуровневой схеме: основные положения закреплены в Гражданском кодексе, а детальное регулирование осуществляется на уровне специальных законов и подзаконных актов. При этом основными источниками правового регулирования являются нормы, содержащиеся в специальных законах.

Анализ норм законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, практики его применения, а также теоретических разработок в данной области позволяет говорить о необходимости дальнейшего развития и систематизации правовых норм, обеспечивающих охрану интеллектуальной собственности. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012-2020 годы в качестве основных направлений совершенствования законодательного регулирования называет унификацию подходов в правовом регулировании охраны различных объектов интеллектуальной собственности, а также увеличение кодифицированной составляющей законодательства, обеспечивающей системность и комплексность регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности [1]. В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь отмечается, что отличительной чертой

законодательства Республики Беларусь является стремление к активной кодификации и консолидации нормативных правовых актов, при этом главный путь развития системы законодательства состоит в кодификации, позволяющей достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и определенных институтах права [2]. В этой связи стратегическим направлением дальнейшего развития права интеллектуальной собственности видится именно кодификация составляющих его правовых норм.

Обзор законодательства зарубежных государств позволяет говорить о том, что в большинстве стран мира отсутствуют кодифицированные акты, регулирующие вопросы охраны объектов интеллектуальной собственности. В то же время, в последние десятилетия наметилась тенденция к разработке кодифицированных актов, что обусловлено расширением круга охраняемых объектов интеллектуальной собственности, усложнением правового регулирования и стремлением к унификации правовых норм. На текущий момент полная кодификация законодательства в области права интеллектуальной собственности осуществлена во Франции, Российской Федерации, Филиппинах, Шри-Ланке; в ряде стран проведена кодификация законодательства только в области права промышленной собственности (Италия, Португалия, Мозамбик, Макао). Работы по полной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности ведутся в Нидерландах.

Возможная кодификация законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности может преследовать несколько целей. Во-первых, выделение общей части в праве интеллектуальной собственности позволит не только исключить дублирование в правовом регулировании, когда аналогичные нормы содержатся в разных законах, посвященных различным объектам, но и детально регламентировать общие положения об исключительном праве, особенностях его оборота и защиты. Кроме того, кодификация позволит устранить существующие в настоящее время пробелы в правовом регулировании. Во-вторых, кодификация позволит гармонизировать действующие нормы в части соотношения прав на различные объекты и исключить существ-

вующие коллизии между специальными законами. В-третьих, выделение общей части права интеллектуальной собственности может стать основой для регулирования складывающихся новых правоотношений.

Разработка и принятие Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности позволит решить следующие задачи:

1) законодательно закрепить цели и задачи государственной политики в сфере охраны интеллектуальной собственности;

2) определить систему охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, а также приравненных к ним средств индивидуализации и охраняемой информации, а также установить критерии, позволяющие относить к объектам интеллектуальной собственности новые виды результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации;

3) определить правовой режим отдельных объектов интеллектуальной собственности;

4) определить круг лиц, за которыми признаются права на результаты интеллектуальной деятельности, а также приравненные к ним средства индивидуализации;

5) определить содержание прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности;

6) построить единообразный механизм правового регулирования отношений по распоряжению правами на объекты интеллектуальной собственности;

7) определить особенности гражданско-правовой защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Литература

1. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012-2020 годы : утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 2 марта 2012 г., № 205 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

2. О концепции совершенствовании законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Консультант

Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр».
– Минск, 2015.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Мещанова М.В., Белорусский государственный университет

Нормы национального законодательства наряду с международными договорами занимают исключительно важное место в регулировании вопросов, которые традиционно относятся к сфере международного частного права. Как известно, многие современные государства содержат в своем внутреннем законодательстве кодифицированные акты о международном частном праве. Например, Закон Австрийской Республики о международном частном праве от 15 июня 1978 года [1], Закон Федеративной Республики Германия о международном частном праве от 21 сентября 1994 года [2], Закон Швейцарской Конфедерации о международном частном праве от 18 декабря 1987 года [3]. Вместе с тем законодательство Республики Беларусь не пошло по пути систематизации норм международного частного права в едином нормативном правовом акте. С одной стороны, можно констатировать, что национальный законодатель исходил из цивилистического направления в понимании международного частного права, когда включил в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) самостоятельный Раздел VII «Международное частное право». Суть указанного направления иллюстративно отражена в работах А.Л. Маковского, который писал, что международное частное право «это своего рода надстройка над другими нормами гражданского права, специально созданная для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом...» [4, с.12]. Но с другой стороны, регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом также содержится в ряде иных нормативных правовых актов, например, в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) – Раздел VI; а также в Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь (далее – КТМ) – Раздел XV. Вместе с тем только ГК содержит так называемые общие положения

международного частного права (глава 74 ГК), без которых практическое применение отдельных коллизионных норм может оказаться невозможным. В такой ситуации закономерно встает вопрос о возможности и целесообразности применения статей 1093-1102 ГК в качестве общих положений международного частного права к регулированию частноправовых отношений, не являющихся гражданскими в собственном узком смысле слова.

На основании ст. 7 КоБС гражданское, жилищное и иное законодательство Республики Беларусь применяется к семейным отношениям только в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством Республики Беларусь о браке и семье. Указанное положение дает основание для применения общих положений международного частного права, сформулированных в ГК, к семейным отношениям с иностранным элементом. Однако нельзя забывать, что, например, подходы ГК и КоБС к институту оговорки о публичном порядке (ст. 1099 ГК, ст. 237 КоБС) существенным образом отличаются, поэтому норма ГК в данном случае применяться не может. Различие в подходах свидетельствует об отсутствии системности в положениях, регулирующих частные отношения с иностранным элементом в Республике Беларусь

Законодательство о труде Республики Беларусь вообще не содержит коллизионных норм, что представляет собой пробел в национальном правовом регулировании. Данный пробел имеет наиболее существенное значение при регулировании отношений, вытекающих из трудовых договоров (контрактов). Вместе с тем применение положений гражданского законодательства Республики Беларусь (в том числе норм Раздела VII ГК) в сфере трудовых отношений лишено правовых оснований.

Наконец, следует отметить, что традиционно в предмет регулирования Законов о международном частном праве включаются вопросы международного гражданского процесса и международного коммерческого арбитража. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку правильный выбор применимого права зачастую напрямую зависит от правильного определения юрисдикции. Кроме того, ряд вопросов, например вопрос об иммунитетах го-

сударств и их собственности, при их разрешении требует взаимосвязанного применения как материальных, так и процессуальных норм. Так, в Закон Швейцарской Конфедерации о международном частном праве включены нормы международного гражданского процесса, даже несмотря на тот факт, что вопросы регулирования гражданского процесса в Швейцарии отнесены к компетенции кантонов. Данный подход обосновывается чрезвычайной важностью достижения единообразия при разрешении споров с участием иностранных субъектов.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что системное регулирование вопросов международного частного права в законодательстве Республики Беларусь пока не сложилось.

Литература

1. Федеральный закон Австрии о международном частном праве от 15 июня 1978 года (Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPR-Gesetz) vom 15 Juni 1978) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002426>. – Дата доступа: 08.07.2015.

2. Вводный закон к Гражданскому уложению Германии (Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dejure.org/gesetze/EGBGB>. – Дата доступа: 08.07.2015.

3. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 года (Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18 Dezember 1987) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html>. – Дата доступа: 08.07.2015.

4. Международное частное право: Иностранное законодательство. Предисловие А.Л. Маковского / Сост. и науч. ред А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. – М.: Статут, 2000. – 892 с.

ВИДЫ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Попова И.В., Белорусский государственный университет

1. Договор найма жилого помещения – соглашение, по которому одна сторона (наймодатель) обязуется предоставить за плату другой стороне (нанимателю) жилое помещение во владение и пользование для проживания в нем. Договор найма жилого помещений – самостоятельный тип гражданско-правового обязательства. Это утверждение вытекает из наличия в разделе IV «Отдельные виды обязательств» ГК Республики Беларусь отдельной главы «Наем жилого помещения». В литературе выражено общее мнение ученых и практикующих работников, что договор найма жилого помещения имеет виды.

2. Приоритетной являлась позиция, согласно которой виды договора найма жилого помещения определялись соответственно составу жилищного фонда (видам жилых помещений, определяемым по основаниям назначения и особенностям правового регулирования) и утвержденным Правительством Республики Беларусь типовым договорам найма жилого помещения. При этом имело место соответствие вида жилого помещения отдельному типовому договору [1]. Определять виды договора найма жилого помещения согласно составу жилищного фонда Республики Беларусь предлагают и сейчас [2].

3. Классификация договоров найма жилого помещения государственного жилищного фонда соответственно составу государственного жилищного фонда на основе действующего законодательства не является совершенной по следующим основаниям.

1) В состав жилых помещений коммерческого использования государственного жилищного фонда входят жилые помещения, существенно отличающиеся по назначению и правовому регулированию:

– жилые помещения коммерческого использования республиканского и коммунального жилищного фонда, предоставляемые в связи с характером трудовых (служебных) отношений (бывшие служебные);

– жилые помещения коммерческого использования, предназначенные для проживания государственных служащих, занимающих должности, дающие

право на получение жилых помещений коммерческого использования, согласно перечню, определяемому Президентом Республики Беларусь (бывшие специальные служебные);

– жилые помещения государственного жилищного фонда, которые до 1 июля 2016 г. будут либо приватизированы, либо переведены в категорию жилых помещений коммерческого использования;

– некоторые виды жилых помещений, которые относились к категории специальных;

– собственно жилые помещения коммерческого использования, предоставляемые гражданам вне зависимости от каких-либо дополнительных оснований.

2) Отсутствует соответствие видов жилых помещений (согласно составу жилищного фонда) утвержденным Правительством Республики Беларусь типовым договорам. Советом Министров Республики Беларусь утверждено около десятка типовых договоров найма жилых помещений.

3) Отношения, связанные с предоставлением, владением и пользованием отдельными видами жилых помещений государственного жилищного фонда, имеют специальное правовое регулирование. Например, в ЖК Республики Беларусь отсутствуют нормы, устанавливающие порядок предоставления гражданам жилых помещений коммерческого использования. Такие отношения регулируются Указом Президента Республики Беларусь от 16.12.2013 №563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений».

4. Для классификации договоров найма жилого помещения в Республике Беларусь предлагают взять за основу предложения российских ученых и выделить три типа договора найма жилого помещения: социальный договор найма жилого помещения; договор коммерческого найма жилого помещения; договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда.

В каждый из этих типов договора найма жилого помещения предположительно войдут определенные виды. Например, в социальный договор найма

жилого помещения – два вида договора найма: для особых социальных групп и без особых социальных групп [3].

У предложенной классификации имеются недостатки, главный из которых – отсутствие критерия, по которому эта классификация проведена.

5. Если ориентироваться только на вид сдаваемого в наем жилого помещения (согласно составу жилищного фонда Республики Беларусь), то следует различать следующие виды договора найма жилого помещения: договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда, договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда, договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии, договор найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда, договор найма жилого помещения частного жилищного фонда граждан, договор найма жилого помещения частного жилищного фонда организаций.

До 1 июля 2016 г. будут действовать договоры найма жилого помещения государственного жилищного фонда, которые заключались в общем порядке и не приватизированы до сих пор.

Однако по этому критерию невозможна классификация типовых (форм) договоров найма жилого помещения, утвержденных Правительством Республики Беларусь. Например, типовой договор поднайма жилого помещения (части жилого помещения), занимаемого обязанными лицами по договору найма жилого помещения государственного жилищного фонда (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2006 № 1733), в зависимости от вида сдаваемого в наем жилого помещения может быть отнесен и к договорам найма жилого помещения социального пользования, и к договорам найма жилого помещения коммерческого использования.

По решению местного исполнительного и распорядительного органа либо организации, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которой находятся жилые помещения возможно изменение вида жилого помещения. Изменение вида заселенного жилого помещения государственного жилищного

ведет к перезаключению соответствующего договора найма жилого помещения. В связи с этим провести классификацию договоров найма жилого помещения без привязки к виду жилого помещения нельзя.

Полагаем, что система утвержденных постановлениями Правительства Республики Беларусь типовых (форм) договоров найма жилого помещения, должна быть скорректирована с учетом состава жилищного фонда Республики Беларусь, а количество типовых (форм) договоров следует уменьшить.

Литература

1. Гражданское право. В 3 т. Т. 2: учебник / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. проф., засл. юриста БССР В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2010. – С. 496-497.
2. Рудковская, Н.А. Договор найма жилого помещения: общие положения /Н.А. Рудковская // КонсультантПлюс Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», – Минск, 2015.
3. Пофа, М.В. Виды договора найма жилого помещения в Республике Беларусь / М.В. Пофа //Промышленно-торговое право. – 2014. – №4. – С. 84-88.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РИЭЛТЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рудович Н.И., Академия МВД Республики Беларусь

Понимая необходимость и важность развития рынка недвижимости, белорусское государство, в лице уполномоченных государственных органов, обеспечивает развитие правовой основы для функционирования рынка риэлтерских услуг. Поскольку это позволит повысить не только эффективность эксплуатации объектов недвижимости, создать дополнительные рабочие места, но также повысить уровень и качество жизни людей в целом. В связи с этим можно отметить потребность в изучении проблем правового регулирования деятельности по оказанию риэлтерских услуг.

Достаточно долгое время необходимость в правовом регулировании риэлтерской деятельности не возникала, поскольку существовали четкие правила продажи недвижимого имущества, которое еще и не было таким многочислен-

ным в силу специфики и ограниченности оборота объектов рынка недвижимости. С принятием Конституции Республики Беларусь, провозгласившей, что права и свободы человека являются высшей ценностью, были созданы условия для реализации гражданами своих прав, в том числе, и в сфере жилищных отношений [1, ст. 48]. Все это объективно обусловило создание своего национального законодательства.

На сегодняшний день множественность существующих нормативных правовых актов в данной сфере не дает полного и всестороннего регулирования порядка осуществления риэлтерской деятельности, которая к тому же носит несистемный характер. Несмотря на то, что специально уполномоченным органом в сфере регулирования риэлтерской деятельности является Министерство юстиции Республики Беларусь [8, п. 1.1], в регламентации риэлтерских отношений значительную роль играют нормативные правовые акты, принятые Президентом Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, другими исполнительно-распорядительными органами. Что также, по нашему мнению, не способствует гармонизации национального законодательства в указанной сфере.

Определенную сложность для систематизации источников правового регулирования риэлтерской деятельности составляет их специфика, заключающаяся в рассредоточенности норм права по различным нормативным правовым актам, которые ко всему прочему относятся юридической наукой к различным отраслям права: часть нормативно-правовых актов относится к административному праву, а часть - к гражданскому. Соответственно, правовое регулирование порядка осуществления риэлтерской деятельности в Республике Беларусь осуществляется посредством применения как публично-правовых, так и частно-правовых методов. Отсутствие единого законодательного акта, закрепляющего основополагающие начала государственной политики в данной сфере и выступающего в качестве комплексного и унифицированного документа, также объективно усложняет систематизацию нормативных правовых актов в данной сфере.

Для решения указанных выше проблем, на наш взгляд, государству следует обозначить свою принципиальную позицию относительно дальнейшего развития рынка риэлтерских услуг: какие методы государственного воздействия – гражданско-правовые или административно-правовые – будут определяющими в процессе формирования системы нормативных правовых актов.

Несмотря на то, что риэлтерские отношения в основном связаны с имущественными отношениями, все-таки ключевым моментом на сегодняшний день, по нашему мнению, является организационный элемент, поскольку функционирование рынка недвижимости, и, следовательно, рынка риэлтерских услуг, на современном этапе во многом зависит от государственного воздействия на данные общественные отношения. Поэтому формирование системы источников правового регулирования риэлтерской деятельности в Республике Беларусь необходимо осуществлять с позиции административного права. Более того, основные функции по регулированию риэлтерской деятельности осуществляют органы государственной власти, следовательно, в правовом регулировании данной деятельности наибольший объем занимают нормы административного права, складываются административно-правовые отношения, что свидетельствует о большей значимости административно-правового регулирования.

Продолжая работу над оптимизацией правового регулирования риэлтерской деятельности, в первую очередь, следует отметить необходимость принятия комплексного нормативного правового документа, который закрепил бы порядок взаимодействия профессиональных участников рынка риэлтерских услуг с органами государственной власти, а также предусмотрел бы механизмы защиты прав потребителей риэлтерских услуг от недобросовестных участников рынка недвижимости.

В заключение можно отметить, что непрерывное развитие рыночных отношений в Республике Беларусь предполагает осуществление дополнительных исследований в части совершенствования государственных механизмов правового регулирования риэлтерской деятельности с целью придания этим отношениям организованности, упорядоченности и стабильности. Обеспечить гармо-

низацию правового регулирования риэлтерских отношений в Республике Беларусь путем разумного сочетания частных и публичных интересов может совершенствование и развитие административного законодательства посредством усиления его качественно-содержательной наполненности, четкого ограничения круга уполномоченных государственных органов, сокращения объема и создания логически непротиворечивой системы нормативных правовых актов.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2015.

2. О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 9 янв. 2006 г., N 15 (в ред. Указа от 29.11.2013 N 529) // ИБ "КонсультантПлюс: Беларусь" [Электронный ресурс]. - Минск, 2015.

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Савицкая К.Д., Полоцкий государственный университет

В настоящее время виртуальные товары в компьютерных играх выступают предметом договора купли продажи, становятся предметом споров при разделе совместно нажитого имущества супругов при разводе (на новостном портале TUT.BY 16 января 2015 была опубликована новость о том, что в Республике Беларусь в рамках внесудебного мирного урегулирования вопроса о разделе имущества супруги при разводе поделили виртуальное имущество компьютерного персонажа [1]), а также объектом преступлений (в Республике Беларусь имеют место случаи обращения по факту «угона» виртуальных танков в игре World of Tanks в органы внутренних дел [2]). Так, в частности, осенью 2012 г. в отдел по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий УВД Гомельского облисполкома обратился гражданин, который сообщил, что кто-то взломал его электронную почту и, заполучив через нее доступ к игровому аккаунту, по-своему распорядился виртуальным танком. По итогам проведения

проверки, было возбуждено уголовное дело по ст. 349 УК РБ "Несанкционированный доступ к компьютерной информации"[2]. Подобные инциденты имели место в Пружанах, Могилеве и Витебске.

Интересным представляется вопрос об оценке данных фактов с точки зрения гражданско-правовой доктрины. Рассмотрим персонажа компьютерной игры сквозь призму такого объекта гражданского права как «вещь». Так как компьютерных персонажей нельзя обнаружить в овеществленной форме, обоснованным представляется обратиться к классификации вещей на «телесные» и «бестелесные» впервые провозглашенной в римском праве. В Институциях Гая сказано, что бестелесные — это те вещи, которые не могут быть осязаемы; (право наследования, право узуфрукта, обязательственное право) [3, с.34]. В настоящее время отсутствует единство в определении понятия и состава бестелесного имущества (бестелесных вещей). По мнению Ю. С. Гамбарова, к бестелесным вещам причисляются в первую очередь «научные, художественные, промышленные и другие духовные продукты нашей деятельности» [4, с. 589]. Ю. Е. Туктаров считает, что «бестелесное имущество - все объекты, не имеющие телесного бытия, но защищаемые субъективным правом (оборотоспособные права, нематериальные экономические блага, в том числе произведения, изобретения, средства индивидуализации, информация и пр.)» [5, с.122]. Анализ современной гражданско-правовой доктрины в отношении категории «бестелесное имущество» позволяют говорить о том, что к числу имущественных прав относятся вещные, обязательственные, корпоративные и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации. Однако обоснованной представляется позиция Д. В. Федотова, который в своем исследовании приходит к выводу о целесообразности включать в состав бестелесного имущества только корпоративные и обязательственные права, потому что они являются объектами абсолютного права, в то время как вещные и исключительные права не могут быть объектами абсолютного права, они сами по себе абсолютны [6, с.19]. Таким образом, компьютер-

ный персонаж не может быть идентифицирован как вещь в гражданско-правовом смысле.

М.В. Попов рассматривает компьютерных персонажей в качестве нематериальных элементов программы для ЭВМ [7, с.31]. Однако при таком подходе в качестве единого автора, а, следовательно, и правообладателя будет признаваться программист – автор программы для ЭВМ. Но в процессе создания компьютерных игр принимает участие большое количество людей: сценаристы, художники композиторы и иные лица. При таком подходе их творческих вклад в создание сложного результата интеллектуальной деятельности остается без правовой охраны [8, с.12]. Компьютерный персонаж является частью компьютерной игры, которая и обычно включает в себя такие объекты интеллектуальных прав, как программы для ЭВМ (графический движок, серверная часть и др.), литературные компоненты (сюжет, сценарий, персонажи, формат игры, изображения (3D-графика, анимация, цветовые решения, интерфейс), интернет сайт, как сложное произведение и иные составляющие [9, с. 20]. Выделенные элементы дают основание рассмотреть компьютерную игру в качестве «мультимедийного продукта». В законодательстве Республики Беларусь указанная категория отсутствует. Обратимся к определению мультимедийного продукта предложенном Е.С. Котенко в своем диссертационном исследовании: «выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др. и с помощью компьютерных устройств функционируют в процессе взаимодействия с пользователем [10, с.9].

Анализ данной дефиниции позволяет заключить, что компьютерная игра является мультимедийным продуктом. Персонаж компьютерной игры также может быть идентифицирован в качестве мультимедийного продукта, поскольку он отвечает всем необходимым признакам: имеет в своем составе несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, разнородных, созданных авторами в сотрудничестве (программа для ЭВМ, произведения графиче-

ки и дизайна, литературные произведения и проч.); характеризуются сложной внутренней структурой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие вывод: теоретико-правовые основы идентификации нетипичных объектов гражданских прав, таких как персонажи компьютерной игры, должны учитывать динамику процесса развития глобальной информационной системы включая при этом, сложившиеся в доктрине гражданского права традиционные представления об объектах гражданских прав.

Литература

1. Смирнов Д. В Беларуси супруги при разводе поделили компьютерного персонажа/ Д.В. Смирнов// Белорусский портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://42.tut.by/431763>. – Дата доступа: 20.01.2015.
2. Харламов, О. У гомельчанина угнали танк / О. Харламов // Белорусский портал TUT.BY [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://42.tut.by/321547>. – Дата доступа: 20.01.2015.
3. Войниканис, Е. А. Информация. Собственность. Интернет: традиция и новеллы в современном праве/ Е. А. Войниканис, М. В. Якушев // Волтерс Клувер, 2004 – 163с.
4. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В. А. Томсинова. - М., 2003.-816с.
5. Туктаров, Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.-142с.
6. Федотов, Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Екатеринбург, 2012. - 30 с.
7. Попов, М.В. Эволюционное развитие интеллектуальной собственности в интернет пространстве / М.В. Попов // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. -2011.-№2. - с. 28-32.
8. Котенко Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: моногр. - Москва: Проспект, 2014. - 185с.

9. Калугина, Е.Н. Правовая природа мультимедийной игры как объекта интеллектуальных прав /Е.Н. Калугина// Правовой партнер 2013. - №2. - с.18-23.

10. Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2012. -26с.

РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Тордия И.В., Тюменский государственный университет

Российским законодательством ст. 421 ГК РФ [1] предусмотрено право стороны требовать расторжения или изменения договора при существенном изменении обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, при этом требуется наличие одновременно четырех условий: 1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; 2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при такой степени заботливости и осмотрительности, какие от нее требовались по характеру договора и условиям оборота; 3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушало бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; 4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

В странах общего права разработана доктрина тщетности договора или тщетности цели договора. В английском праве используется доктрина «фрустрация», в основе которой лежит теория «коренного (радикального) изменения обязательства».

В качестве существенного изменения обстоятельств в судебной практике рассматриваются такие факторы, как: дача поручения государственным или муниципальным органом власти заказчику приостановить выполнение ремонт-

ных работ [2]; недостоверность аукционной документации [3]; изменение норм законодательства РФ [4]; существенное удорожание предмета лизинга до его приобретения и передачи лизингополучателю по договору лизинга [5] и др.

В отдельных случаях суд в одном деле признавал, что банкротство займодавателя является основанием для расторжения договора беспроцентного займа. В схожем споре суд указал, что изменение имущественного положения стороны по сделке (истца) не может рассматриваться в качестве существенного изменения обстоятельств [6, 7].

Ряд судов признавал изменение обстоятельств, имеющих существенное значение, при следующих обстоятельствах: - включение в реестр субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе; изменение налогового, земельного законодательства. Нередко судебная практика распространяет новые (измененные) нормы права, содержащиеся в подзаконных актах, на ранее заключенные договоры (договорные отношения). Так, в одном из решений суд установил, что принятие постановления Правительства Тюменской области № 140-П «О внесении изменений и дополнений в постановление от 05 июля 2005 г. № 95-П», является существенным изменением обстоятельств, повлекшее изменение предмета контракта, цены, объема работ [8].

Резкое изменение валютных курсов как признавалось, так и не признавалось судебной практикой существенным изменением обстоятельств. Вместе с тем резкое падение стоимости валюты в практике немецких судов является нарушением эквивалентности обстоятельств сторон [9; С. 339 – 340].

Вызывает трудности вопрос о том, могут ли быть рассмотрены в качестве существенных изменений обстоятельств события, которые в п. 3 ст. 401 ГК РФ не признаются непреодолимой силой: нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров и т.п.

Считаем, что если должник не выполнил обязательств из-за нарушений со стороны своих контрагентов, он вправе требовать применения ст. 451 ГК РФ лишь в исключительных случаях, что нашло подтверждение в судебной прак-

тике [10].

Итак, анализ научной литературы и судебной практики позволяет прийти к выводу, что существенное изменение обстоятельств - это факты, определяемые особенностями конкретной ситуации, которые могут выразиться в уменьшении ценности исполнения, возрастании для стороны стоимости исполнения или чрезмерной обременительности, вследствие чего значительно нарушается эквивалентность договорных обязательств.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994г. №51-ФЗ по сост. на 13 июля 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. N 32. ст. 3301.

2. Постановление ФАС ЗСО от 05.09.2011 № А70-9028/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление ФАС СЗО от 24.10.2013 № А56-75057/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление ФАС СЗО от 15.07.2013 № А26-7802/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление ФАС МО от 04.10.2013 № А40-71963/12-126-706 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 29.06.2009 № А70-4322/2009.

7. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 06.07.2009 № А-70-5181-2009 // <http://tumen.arbitr.ru>.

8. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 18.07.2008 №А70-3248/5-2007 // <http://tumen.arbitr.ru>.

9. Комаров А.С. Изменение обстоятельств и договорные отношения (сравнительно-правовой аспекты) // Гражданский кодекс России. Проблемы.

Теория. Практика. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1998. 480 с.

10. Постановление ФАС ПО от 03.04.2007 № А06-5225/06 // СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ПРАВ НА НЕГО И СДЕЛОК С НИМ

Третьякова И.П., Белорусский государственный университет

В Республике Беларусь постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 сентября 2014г. № 874 утверждена Программа развития системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним на 2014 - 2018 годы (далее – Программа). В перечень мероприятий по реализации Программы входит создание системы массового (систематического) формирования объектов недвижимого имущества и их кадастровой оценки, оптимизация перечня прав, ограничений, обременений прав на объекты недвижимости, подлежащих государственной регистрации. Правовое регулирование общественных отношений, обеспечивающих реализацию этих мероприятий основывается на Законе Республики Беларусь от 22 июня 2002г. № 133-З “О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним” (далее – Закон).

В соответствии со ст. 32 Закона для совершения регистратором регистрационного действия необходимо подать заявление о государственной регистрации. Государственная регистрация недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним носит “заявительный” характер. В соответствии со ст. 24 Закона заявления могут быть: о государственной регистрации; о внесении исправлений в документы единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним; заинтересованного лица о намерении обратиться в суд для оспаривания сделки, права или ограничения (обременения) права, о государственной регистрации которых просит другое заинтересованное лицо; заинтересованного лица о намерении обратиться в суд для оспаривания совершен-

ного регистрационного действия; заинтересованного лица о юридических фактах, в результате которых могут произойти возникновение, переход или прекращение прав, ограничений (обременений) прав на недвижимое имущество, в том числе о предстоящем изъятии и сносе, гибели или уничтожении недвижимого имущества.

В соответствии с п. 3 ст. 166 ГК Республики Беларусь, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда. В соответствии с п. 3 ст. 522 ГК Республики Беларусь в случаях, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности. В обоих случаях сторона, необоснованно уклоняющаяся от государственной регистрации, должна возместить другой стороне убытки, вызванные задержкой в регистрации (п.4 ст. 166, п. 3 ст. 522 ГК).

Белорусское законодательство предусматривает сроки обращения за государственной регистрацией, нарушение которых может повлечь за собой ряд правовых последствий. Эти сроки различны по продолжительности, предусмотрены разными актами законодательства, различны и последствия их нарушения.

Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007г. № 667 “Об изъятии и предоставлении земельных участков” в п. 7 установлены сроки (от 2-ух месяцев до 1 года) для обращения за государственной регистрацией земельного участка, прав, ограничений (обременений) прав на него. Правовым последствием невыполнения требования об обращении за государственной регистрацией земельного участка, прав, ограничений (обременений) прав на него в течение установленного срока является признание решения о предоставлении земельного участка утратившим силу, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь (п.8 Указа № 667).

Жилищный кодекс Республики Беларусь в ст. 26 говорит об обязанности граждан и организаций обращаться в установленном порядке за государственной регистрацией прав на жилые помещения не позднее трех месяцев, если иной срок не установлен иными законодательными актами, со дня получения документов, необходимых для оформления прав на жилые помещения, или заключения гражданско-правовых договоров и в иных случаях. Специальных правовых последствий не соблюдения сроков обращения ЖК не устанавливает.

В соответствии п. 1.5. Указа Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2011 N 431 "О некоторых мерах по совершенствованию отношений в области изъятия, предоставления и использования земельных участков" граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица в двухмесячный срок со дня утверждения акта приемки в эксплуатацию объекта строительства или подписания акта о консервации обязаны обратиться в организацию по государственной регистрации за государственной регистрацией в отношении возведенного капитального строения (здания, сооружения), изолированного помещения или незавершенного законсервированного капитального строения.

В соответствии с п.2 Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2005г. № 368 "О некоторых вопросах отчуждения жилых домов в сельских населенных пунктах" приобретатель жилого дома в течение шести месяцев с даты регистрации договора сельским исполнительным комитетом обязан обратиться в организацию по государственной регистрации для государственной регистрации в отношении земельного участка, расположенного на нем жилого дома и прав на них.

Невыполнение обязанностей в двух последних случаях влечет привлечение лица к административной ответственности в соответствии со ст. 23.77 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Невыполнение обязанности по обращению за государственной регистрацией в сроки, установленные законодательством, можно рассматривать как уклонение от государственной регистрации и, соответственно, нам представляет

ся возможным применение п.п.3-4 ст. 166 ГК и п. 4 ст. 522 ГК во всех вышеперечисленных случаях.

Кроме того, представляется возможным унифицировать правовые нормы, установлением одинакового срока для всех случаев обращения за государственной регистрацией в отношении недвижимости. С учетом того, что в соответствии с Программой к 2018г. будет возможно выполнение регистрационных действий в реальном масштабе времени, осуществление административных процедур по государственной регистрации по принципу "одного окна" с удаленным предоставлением документов в электронной форме и осуществление государственной регистрации в срок до 1 часа, срок обращения за государственной регистрацией можно установить в 3 месяца. Представляется возможным систематизировать правовые нормы о сроке обращения за государственной регистрацией, дополнив ст. 33 Закона п. 6: "Заявление о государственной регистрации должно быть подано в срок до 3 месяцев со дня возникновения основания для государственной регистрации".

Исключением из заявительного характера государственной регистрации являются случаи, когда она осуществляется по предписанию суда или документам других государственных органов, наделенных в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь правом давать регистраторам предписания, обязательные для исполнения (п. 2 ст. 32 Закона). Например, Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007г. № 667 "Об изъятии и предоставлении земельных участков" установлена обязанность организации по государственной регистрации осуществить государственную регистрацию прекращения права гражданина, индивидуального предпринимателя, юридического лица на земельный участок в течение 7 рабочих дней со дня получения предписания местного исполнительного комитета (п.8).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ АВТОНОМИИ ВОЛИ

Царёва Л.В., Белорусский государственный университет

1. Автономия воли выступает первоочередным способом определения права, применимого к договору с иностранным элементом. Возможность сторон выбрать применимое к договору право традиционно регламентируется источниками коллизионного регулирования различного уровня: международными договорами; наднациональными актами (Регламент (ЕС) № 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам», далее – Регламент РИМ I); национальным законодательством (применительно к Беларуси - Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК). Автономии воли сторон посвящен рекомендательный акт Гаагской конференции - Принципы выбора права в международных коммерческих контрактах, утвержденный 19 марта 2015 года (далее – Гаагские принципы).

2. Теоретическая конструкция автономии воли состоит из двух основных элементов — специальных норм международного частного права *lex fori*, санкционирующих коллизионный выбор, а также самого соглашения сторон о выборе применимого права [1, с. 58]. В зависимости от допустимости законодателем автономии воли применительно к конкретному виду договора существует 3 варианта ее регламентации: 1) автономия воли не ограничивается; 2) автономия воли ограничивается путем исчерпывающего перечня доступных для выбора правопорядков (например, абз. 2 п. 2 ст. 5 Регламента РИМ I устанавливает такой перечень для договоров с участием потребителя); 3) автономия воли не допускается (например, ст. 1126 ГК императивно подчиняет договор о создании юридического лица с иностранным участием праву страны, где учреждено юридическое лицо).

3. В теории международного частного права нет единства относительно *правовой природы автономии воли*. В настоящее время наиболее актуальными являются коллизионно-правовая и материально-правовая теории. *Коллизионно-правовая теория* воспринимает автономию воли как самостоятельный тип коллизионной привязки, один из коллизионных принципов [2, с. 121-122]. *Мате-*

риально-правовая теория исходит из понимания автономии воли как особого материально-правового института, санкционирующего соглашение сторон о выборе применимого права [3, с. 12].

4. Определение правовой природы автономии воли имеет ключевое значение для определения *предмета выбора права*. Коллизионно-правовая теория согласуется с традиционным подходом к этому вопросу, когда выбор сторонами договора применимого права подразумевает выбор *права* того или иного *государства*. Это вытекает из классического понимания коллизионного регулирования как способа разрешения конфликта между суверенитетами разных государств.

Под влиянием возрастающей роли унификаций и развития идеи «*lex mercatoria*» в сфере международных коммерческих контрактов возникла идея о возможности выбора сторонами в качестве применимого к договору т.н. «негосударственного права». Вместо термина «применимое право» при таком подходе используется категория «*нормы права*». Она толкуется широко, и может включать не только нормы национального права, но и нормы международных договоров в отрыве от национальной правовой системы, а также общие принципы права и обычаи международного делового оборота. Признание данного подхода в деятельности международных коммерческих арбитражей нашло свое отражение в Арбитражном регламенте Международной Торговой Палаты, согласно которому «стороны свободны в выборе *норм права*, которые должны применяться составом арбитража к существу спора» (ст. 21). С данным подходом согласуется материально-правовая теория автономии воли.

5. Проект Регламента РИМ I 2005 г. предусматривал в самом тексте возможность выбора сторонами негосударственного права, понимая под ним «признанные на международном или европейском уровне принципы и правила материального договорного права». Впоследствии данное положение было исключено из текста, так как эта формулировка не решала вопрос о том, кем и как данные принципы и правила должны быть признаны [4, с. 152]. В результате, в основном тексте Регламента РИМ I под применимым правом подразумевается

государственная правовая система. При этом в соответствии с п. 13 Преамбулы Регламент РИМ I не запрещает сторонам включать *посредством отсылки* в свой договор *негосударственное право или международное соглашение*.

Иное решение данного вопроса предлагают Гаагские принципы. Согласно ст. 3 документа избранным сторонами правом могут выступать *нормы права*, которые в целом признаны на международном, наднациональном или региональном уровне в качестве нейтрального и сбалансированного свода правил, если право суда не устанавливает иного.

Сравнение приведенных норм указывает на принципиальную разницу в подходах. В Регламенте РИМ I речь идет об инкорпорации в договор международного соглашения, негосударственного права или обычаев. При недостаточности избранного регулятора, необходимо будет определять применимое к договору право и руководствоваться им. Гаагские принципы же рассматривают «*нормы права*» в качестве применимого к договору права как самостоятельную систему правовых норм, которая не предполагает дополнительного обращения к праву того или иного государства.

По задумке разработчиков Гаагские принципы ориентированы на государственные суды, а не только арбитражи, которым такой подход уже известен. Очевидно, что включение подходов Гаагских принципов в национальное коллизионное право многих стран, включая Республику Беларусь, потребует переосмысления правовой природы автономии воли.

Литература

1. *Асосков, А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 640с.
2. *Международное частное право : учеб. [для бакалавров] / отв. ред. Г. К. Дмитриевой.* — 3–е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2015. – 656 с.
3. *Асосков, А. В.* Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : автореферат дис. на соискание учен. степени ученой степени д–ра юрид. наук : спец. 12.00.03

«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / А. В. Асосков — М., 2012. — 53с.

4. Хоррманн, Е. А. Основные источники унификации гражданского и торгового права в Европейском Союзе / Е. А. Хоррманн // Московский журнал международного права. — 2013. — № 2. — С. 145 – 161.

К УСЛОВИЮ ОБ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ В ДИСТРИБЬЮТОРСКИХ ДОГОВОРАХ

Лапутько К.В., Белорусский государственный университет

Дистрибьюторские правоотношения возникают на договорной основе между крупными и мелкими субъектами хозяйствования. Одна компания производит какие-либо товары (оказывает услуги или производит работы) и заинтересована в расширении их сбыта, а вторая желает осуществлять эксклюзивный сбыт указанного на определенном рынке и обладает возможностями, которые отвечают потребностям первой компании. Краеугольным вопросом отношения дистрибьюторского договора является условие об эксклюзивности. В американской и европейской практике есть две разновидности дистрибьюторского договора по условию об эксклюзивности. Возникает вопрос, действительно ли речь идет о самостоятельной типизации или классификации договора, т.е. имеет ли место разница в правовой природе.

Для Европы характерен дистрибьюторский договор так называемого европейского типа, который может быть как эксклюзивным, так и неэксклюзивным. В рамках первого вида поставщик не вправе осуществлять сбыт товаров на территории, определенной договором, как самостоятельно, так и через любых иных посредников (дилеры, дистрибьюторы, агенты), а дистрибьютор в свою очередь не вправе представлять продукцию других производителей. Это ставит обоих контрагентов в достаточно жесткие рамки, с одной стороны, обеспечивающие для производителя безопасное присутствие на рынке, с другой – позво-

ляющие ему осуществлять разумный контроль за действиями дистрибьютора по продвижению и реализации его продукции.

В первую очередь это особенно выгодно для дистрибьютора, ведь именно в его руках сосредоточен конкретный вид продукции от отдельного производителя, что фактически может быть расценено как монополизация того или иного рынка. На наш взгляд, минус для производителя в том, что на дистрибьютора не возлагается обязательство по сбыту продукции в фиксированном объеме. При этом прописывается декларативная норма об обязанности дистрибьютора прилагать все усилия для продвижения и сбыта продукции в соответствии с пожеланиями производителя, а также представлять и защищать его интересы на конкретном рынке. С нашей точки зрения, что это пример именно такого контракта, против которого нацелено отечественное антимонопольное законодательство. Еще один минус такого договора в том, что, в нем, как правило, не предусматривается норма об ответственности производителя за нарушение условия об эксклюзивности. В данном случае судебная практика идет по пути взыскания убытков в общем порядке. Если же обратиться, к п. 4.1 ст. 4 Типового дистрибьюторского контракта, разработанного Международной торговой палатой в 1993 г. (публикация № 518), то дистрибьютор без предварительного письменного разрешения поставщика в течение всего срока действия контракта не вправе представлять, производить, размещать или продавать на определенной территории любую продукцию, конкурирующую с товарами поставщика. Обратим внимание, что запрет акцентируется именно на определенной договором территории, из чего можно сделать вывод, что все вышеперечисленные действия, осуществленные дистрибьютором вне договорной территории, не будут нарушать договорных обязательств [1]. Второй вариант часто используемый в Европе – это дистрибьюторский контракт неэксклюзивного типа. Для производителя он закрепляет возможность осуществлять сбыт своей продукции самостоятельно, через иных посредников, но не позволяет реализовывать им товары на более благоприятных условиях, чем официальному дистрибьютору. Фактически, производитель должен предусматривать равные условия для реа-

лизации своей продукции всем посредникам на конкретной территории. Дистрибьютор же наделяется правом представлять продукцию иных производителей. По-прежнему отсутствует условие о фиксированных объемах сбыта продукции, но сохраняется условие о приложении всех усилий для достижения максимального уровня реализации. К заключению подобного вида соглашений стремятся, как правило, крупные и широко известные производители, для которых принципиально важно сформировать в определенном регионе дистрибьюторскую сеть, позволяющую работать с несколькими дистрибьюторами. Указанные соглашения рассчитаны на большие объемы сбыта, развитие целой сети точек сбыта. Ярким пример - Nestle, Pepsi, Coca-Cola.

В практике США также применяются два аналогичные, на наш взгляд, виды дистрибьюторского договора с небольшими характерными особенностями. Эксклюзивный дистрибьюторский договор просто не содержит ответственности за реализацию производителем своей продукции на оговоренной договором территории вне зависимости от того, каким способом осуществляется такая реализация. Для дистрибьютора может с согласия производителя представлять продукцию конкурентов. Имеют место отличие представления продукции иных производителей, причем, что принципиально, непосредственно конкурирующую продукцию, необходимо согласие изначального контрагента. Это используют большие торговые сети супермаркетов, заинтересованные в предоставлении своим покупателям максимально широкого ассортимента продукции. Чаще всего прописываются согласованные объемы реализации продукции конкретным дистрибьютором на конкретной территории. Несомненный плюс для производителя, если дистрибьютор не выполняет этих объемов за отчетный период, возможно расторжение соглашения без предварительного уведомления. Предусматривается и включение в приложения условия купли-продажи продукции в форме типовых условий продаж. Компаниям с устоявшейся сбытовой политикой это позволяет добиться, чтобы все их дистрибьюторы в различных государствах работали по единым правилам. Также предполагается условие о том, что дистрибьютору необходимо прилагать максимальные усилия для сбы-

та и продвижения продукции. На наш взгляд, это положение договора просто было заимствовано из ст. 2-306 Единообразного торгового кодекса штата Нью-Йорк, которая закрепляет, что законное соглашение о праве исключительной купли-продажи товаров возлагает на продавца обязанность приложить все усилия поставить товары, а на покупателя – приложить все усилия для содействия их продаже, если соглашением сторон не установлено иного [2]. Американский дистрибьюторский договор неэксклюзивного типа используется намного реже, поскольку явно направлен на защиту и продвижение интересов лишь одной стороны – производителя. Производитель не связан условием эксклюзивности, а дистрибьютор ограничен в возможности представлять любых иных производителей и связан нормой о реализации фиксированных объемов продукции. Таким образом, условие об эксклюзивности в мировой гражданско-правовой практике на сегодня предусматривают два вида дистрибьюторских договоров: эксклюзивные и неэксклюзивные. Существующие в них отличия, по сути, обусловлены сбытовой политикой субъекта хозяйствования, заинтересованного в развитии товаропроводящей сети. С точки зрения доктрины, на наш взгляд, эти небольшие нюансы не позволяют говорить о самостоятельных видах дистрибьюторского договора. С учетом особенностей белорусского законодательства нам не представляется возможным заимствовать какой-либо один из рассмотренных вариантов дистрибьюторских договоров без изменений. Однако на их основе необходимо осуществлять разработку норм, которые урегулируют дистрибьюторские отношения в нашей правовой системе. Мы полагаем наиболее возможным использовать в качестве базы европейский дистрибьюторский договор неэксклюзивного типа, поскольку он является более «мягким» по отношению к представлению продукции конкурирующих компаний.

Литература

1. Типовой дистрибьюторский контракт МТП. Монопольный импортер-дистрибьютор. Международная торговая палата. Публикация № 518 [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа:
http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30023318. – Дата доступа: 12.05.2015.

2. N.Y. UCC. LAW § 2--306 : NY Code - Section 2--306: Output, Requirements and Exclusive Dealings [Electronic resource]. – Mode of access:
<http://codes.lp.findlaw.com/nycode/UCC/2/3/2--306>. – Date of access: 12.05.2015.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА: ПРАВА АВТОРА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Шакель Н.В., Белорусский государственный университет

Возникновение цифровых технологий не только расширило сферы, в которых возможно создание и использование объектов авторского права, но и поставило вопрос о том, как сбалансировать в новых реалиях свободы творцов и интересы пользователей с учетом прав человека (к которым отнесены и авторские права). Напомним, что согласно ст. 27 Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами [1]. Придерживаясь аналогичного подхода, Конституция Республики Беларусь также гарантирует свободу художественного, научного, технического творчества и преподавания (ст. 51). Вместе с тем, наше законодательство распространяет авторское право только на произведения, которые являются *результатом творческой деятельности* [2, ст. 6]. В цифровой среде многие процессы создания новых объектов автоматизированы, имеются различные шаблоны и готовые решения. Это ставит вопрос об охраноспособности создаваемых в результате творений (компьютерных программ, игр, баз данных, цифровых изображений и т.п.). Так как не весь цифровой контент подлежит защите с учетом отсутствия творчества при его создании, то при свободном его использовании права авторов не нарушаются. Проблема состоит в отграничении рассматриваемых объектов от охраняемых, так как оцениваться должен не видимый пользователю результат (творческий цифровой портрет), а находящийся вне его контроля и оценки процесс труда автора. Ситуация осложняется еще и тем, что авторы не всегда объективно относятся к создаваемому ими

результату, считая всё, что ими создано – подлежащим охране. Пользователи же обращают внимание на то, что статья 27 ВДПЧ не ограничивает права человека лишь правами создателей: права пользователей также значимы, они имеют полное право «наслаждаться искусством» и пользоваться благами научного прогресса.

Права авторов результатов научного, литературного или художественного труда отнесены к правам человека. Согласно ст. 27 ВДПЧ они имеют право на защиту своих моральных и материальных интересов [1]. Интеллектуальная собственность охраняется законом и по ст. 51 Конституции.

Соответствующая охрана в полной мере распространяется и на Интернет. Как отмечено в Рекомендации № CM/Rec(2014)6 Комитета министров СЕ «О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета» Интернет «имеет большое значение для общества. Лица, организации, государственные органы и частные предприятия при осуществлении своей деятельности пользуются Интернетом и вполне оправданно ожидают, что его услуги будут доступны, будут предоставляться без дискриминации, по разумной цене, безопасно, надежно и бесперебойно» [3]. Использование компьютерных сетей должно быть максимально свободным, а любые ограничения – обоснованными и необходимыми с учетом тех целей, для которых они применяются.

Технологии предоставляют гражданам дополнительные способы защиты результатов своего творчества: цифровые водяные знаки, шифрование. Кроме этого, в большинстве стран мира в настоящее время действует правовое регулирование, позволяющее гражданам право требовать от провайдера интернет-услуг приостановления размещения либо удаления контента, нарушающего их авторские права. Вместе с тем, сегодня как никогда важен баланс между интересами творческих личностей и пользователей. В частности, выработка гибких оперативных форм лицензирования, расширение возможностей по свободному использованию произведений, механизмов передачи произведений в общественное достояние. Для лиц, использующих интернет-сервисы (поисковые системы, социальные сети, в том числе профессиональные, новостные и иные и

инные ресурсы), становится все более значимой так называемая «медиаграмотность», то есть, знания о том, какие действия по использованию и распространению контента, созданного третьими лицами, являются законными в трансграничном масштабе. При этом требуется учитывать нормы права различных государств, в том числе в сфере интеллектуальной собственности. Внимание к проблематике медиаграмотности растет и на постсоветском пространстве. Так, например, Минкомсвязи России разработаны и утверждены Критерии медиаграмотности [4]. Медиа- и информационная грамотность населения признана в качестве необходимого условия устойчивого развития Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ [5].

В заключение отметим, что авторские права относятся к числу основных прав человека. Цифровая среда требует медиаграмотности для соблюдения прав как творцов, так и пользователей из различных государств.

Литература

1. Всеобщая декларация Организации Объединенных Наций «Прав человека» : принята в г.Нью-Йорке, 10.12.1948 // Консультант-Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр. – Минск, 2015.
2. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь, 17.05.2011, № 262-З // Консультант-Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр. – Минск, 2015.
3. О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета : Рекомендация Комитета министров Совета Европы, 16 апр. 2014 г., № CM/Rec(2014)6 // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». – М., 2015.
4. О Критериях медиаграмотности и методике оценки уровня медиаграмотности населения: Приказ Минкомсвязи России, 28.07.2014, № 226 // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / АО «Консультант Плюс». – М., 2015.

5. О Рекомендациях по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности : Пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 23.11.2012, № 38-20 // Консультант-Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр. – Минск, 2015.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН, НУЖДАЮЩИХСЯ В УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ, ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ ДЛЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Шахрай И.С., Белорусский государственный университет

Гражданам, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, оказывается государственная поддержка при строительстве, реконструкции или приобретении жилых помещений. Помимо мер поддержки, предусмотренных жилищным законодательством (льготные кредиты, одноразовые субсидии на строительство, реконструкцию или приобретение жилых помещений и др.), земельное законодательство закрепляет льготные условия предоставления таким гражданам земельных участков для строительства и обслуживания жилого дома. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (далее – Указ № 667) предусмотрено следующее:

- гражданам Республики Беларусь, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, земельные участки могут быть предоставлены в пожизненное наследуемое владение, а значит без взимания платы за их предоставление;
- предоставление земельных участков в указанных случаях на праве собственности и аренды осуществляется в административном порядке, однако в г. Минске такой порядок распространяется лишь на многодетные семьи, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий;
- льготы по внесению платы за земельные участки, предоставляемые в частную собственность гражданам Республики Беларусь, состоящим на таком

учете: многодетные семьи освобождаются от внесения платы; иные граждане вносят указанную плату в размере 20 или 50 процентов от кадастровой стоимости земельного участка в зависимости от наличия у них в собственности в настоящее время или ранее жилых домов, квартир, земельных участков;

- плата за право заключения договора аренды земельных участков вносится на основании их кадастровой стоимости.

Как видно, законодатель закрепил ряд норм, упрощающих доступ к земельным ресурсам гражданам, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий. При этом возникает потребность предусмотреть меры, предотвращающие злоупотребление такими гражданами предоставленными им льготами. В этих целях при внесении изменений и дополнений в Указ № 667 от 16 июня 2015 г. установлен ряд запретов, касающихся земельных участков, предоставленных гражданам как состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий: не допускается изменение целевого назначения, а также отчуждение таких участков и (или) возведенных на них жилых домов, объектов недвижимости, образованных в результате их раздела, слияния или вычленения из них (долей в праве собственности на указанные объекты), до истечения 8 лет со дня государственной регистрации таких домов, а отчуждение гражданами незавершенных законсервированных строений, расположенных на таких земельных участках, не допускается независимо от каких-либо сроков. При этом возможно отчуждение перечисленных объектов местным исполнительным комитетам при условии полного погашения льготного кредита на строительство жилых помещений, если такой кредит привлекался.

В целом, закрепление этих запретов можно оценить положительно, поскольку они направлены на обеспечение адресной помощи нуждающимся в улучшении жилищных условий. Однако представляется, что 8-летний срок со дня государственной регистрации домов чрезмерно велик и ограничивает право граждан на выбор места жительства.

Далее в п. 11-1 Указа № 667 предусматриваются последствия отказа местного исполнительного комитета от приобретения земельных участков, полу-

ченных гражданами как состоящими на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, и (или) расположенных на них объектов недвижимого имущества: в исключительных случаях возможно отчуждение указанных объектов с разрешения исполнительного комитета при соблюдении перечисленных в названном пункте условий (полное погашение льготного кредита на строительство, выкуп земельного участка в частную собственность, если он предоставлялся в пожизненное наследуемое владение или аренду, внесение платы за земельный участок по кадастровой стоимости). В качестве пояснения в скобках после слов «в исключительных случаях» приводятся такие: направление на работу (службу) в другую местность, потеря кормильца в семье, получение I или II группы инвалидности и другие обстоятельства, объективно свидетельствующие о невозможности использования недвижимого имущества.

К сожалению, приходится признать неизбежность произвольной трактовки на практике «других обстоятельств», поскольку положения Указа № 667, иные нормы земельного или жилищного законодательства не позволяют дать ответ на вопрос, что же может объективно свидетельствовать о невозможности использования недвижимого имущества. Приведенные в названном пункте случаи мало помогают в этом; например, возникает вопрос, почему именно направление на работу в другую местность может свидетельствовать о невозможности использования недвижимого имущества, а не переезд в другую местность по иным причинам. В результате следует констатировать, что решение вопроса о выкупе исполкомом недвижимого имущества и (или) земельного участка, предоставленного гражданину как нуждающемуся в улучшении жилищных условий, либо о возможности отчуждения перечисленных объектов иным субъектам отдается на субъективное усмотрение исполкома. Данная норма с очевидностью создает коррупционные угрозы в сфере распределения земельных участков по льготным основаниям и определения их дальнейшей судьбы. По нашему мнению, необходимо закрепить в Указе № 667 подробный перечень обстоятельств, при наличии которых возможно отчуждение перечисленных выше

объектов. Кроме того, важно определить, в каких случаях исполком может отказаться от выкупа таких земельных участков и (или) жилых домов.

РАЗДЕЛ VIII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА

СТРАХОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Беляев Г.А., Белорусский государственный экономический университет

Страхование ответственности руководителей юридических лиц (Directors and Officers Liability Insurance, или полис D&O) повсеместно применяется в развитых зарубежных странах, а иногда заключение этого договора страхования и вовсе является обязательным для компаний. Без покупки этого полиса топ-менеджеры крупных иностранных предприятий отказываются приступать к исполнению своих обязанностей, а контрагенты могут отказать в заключении сделки, поставив деловую репутацию компании под сомнение. Страхование ответственности руководителей в зарубежных странах является цивилизованным инструментом уменьшения рисков своих финансовых потерь, чем и обусловлено его широкое практическое применение. Развитие международных отношений, глобализационные процессы в мировой экономике делают страхование ответственности руководителей востребованным и в постсоциалистических странах.

В России первой компанией, заключившей договор страхования ответственности руководителей, стала компания «Вымпелком», которая в 1996г., накануне размещения акций на Нью-Йоркской фондовой бирже, застраховала ответственность своих управляющих, заключив договор страхования с российским подразделением AIG. Сегодня многие публичные российские компании покупают полис D&O: ответственность своего руководства застраховали ОАО «Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"», ОАО «Вимм-Билль-Данн», ОАО «ГМК "Норильский Никель"», ОАО «Мобильные ТелеСистемы», ОАО «Сбербанк России», ОАО «Банк ВТБ» и многие другие. Всего по оценкам страховщиков по состоянию на 2006г. в России продано около 50 полисов D&O. Необходи-

мость развития этого вида страхования сегодня подчеркивается в таких концептуальных документах, как Кодекс корпоративного поведения и Стратегия развития финансового рынка РФ на период до 2020г. Внимание развитию D&O страхования уделил даже Президент РФ, который по итогам встречи с независимыми директорами и профессиональными поверенными в 2011г. дал указания разработать нормативные правовые акты, направленные на внедрение в практическую деятельность компаний с государственным участием страхования ответственности независимых директоров. В тоже время в России сегодня практически не сформирована практика предъявления к руководителям требований о возмещении ущерба, причиненного им в процессе управленческой деятельности, а также отсутствует законодательная база, определяющая порядок и условия осуществления страхования ответственности руководителей. Имеющаяся судебная практика предъявления исков к руководителям в России касается в основном субсидиарной ответственности руководителей банков по обязательствам перед кредиторами и создается арбитражными управляющими только в процессе банкротства. Тем не менее, объем рынка D&O в России оценивается сегодня в 20 – 30 млн долл. США, а основной спрос на этот вид страхования формируют либо крупные компании при выходе на IPO, либо компании, имеющие экспортную направленность и открывающие представительства и филиалы за рубежом.

В Беларуси страхование ответственности руководителей юридических лиц появилось не так давно. Сегодня заключить этот договор страхования ответственности предлагает Белгосстрах, которым было заключено всего четыре таких договора. В связи с недостаточной изученностью данного вида страхования в науке гражданского права, а также отсутствием правового закрепления страхования ответственности руководителей в белорусском законодательстве, его применение на практике связано с рядом трудностей. Белорусские страховщики, решившие предложить такой страховой полис, вынуждены действовать на основании ими же разработанных и утвержденных правил добровольного страхования (так, Белгосстрахом разработаны и применяются в работе Правила

№88 Добровольного страхования ответственности руководителей). Как и в России, в нашей стране Министерством финансов Республики Беларусь рекомендован к применению Свод правил корпоративного поведения, согласно которому обществам рекомендуется за счет собственных средств осуществлять страхование ответственности руководителей с тем, чтобы в случае причинения убытков обществу или третьим лицам действиями руководителей эти убытки могли быть возмещены. Внедрение такого механизма позволит не только повысить эффективность гражданско-правовой ответственности, но и привлечь к работе компетентных специалистов, которые в противном случае опасались бы предъявления к ним крупных исков.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам выделить некоторые причины, препятствующие развитию практики страхования ответственности руководителей юридических лиц в России и Беларуси: 1) отсутствие законодательного закрепления страхования ответственности руководителей юридических лиц; 2) незначительная практика предъявления имущественных требований к руководителям юридических лиц; 3) упор в законодательстве обеих стран на административную и уголовную ответственность руководителей юридических лиц; 4) низкий уровень страховой культуры, при котором довольно сложно развиваются новые виды страхования. Полагаем, что развитие страхования ответственности руководителей юридических лиц имеет значительные перспективы для России и Беларуси, поскольку этот вид страхования является эффективным средством снижения издержек управления и уменьшения финансовых потерь, что является особенно актуальным в нынешней тяжелой и нестабильной экономической ситуации в обеих странах. В связи с этим нам представляется необходимым детально регламентировать страхование ответственности руководителей в законодательстве обеих стран в целях совершенствования правового регулирования отношений, возникающих в процессе корпоративного управления юридическими лицами.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФАНДРАЙЗИНГА КАК ИННОВАЦИОННОЙ ФОРМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ СФЕРЫ СПОРТА

Блажко А.П., Николайчик М.А. Национальный центр законодательства и правовых исследований

Фандрайзинг можно представить в качестве перспективного научного направления, специфической деятельности по привлечению средств и ресурсов (в широком смысле) для поддержания деятельности организации (независимо от цели ее деятельности) или реализации проектов (мероприятий).

В современной науке, в том числе юридической, на сегодняшний день отсутствует единство подходов в определении термина «фандрайзинг». Полагаем, что необходимо провести комплексный теоретический анализ основ научного знания о фандрайзинге, существующих в экономической, юридической, социологической, педагогической и иных науках. Подобное исследование поможет выявить сущность и основные характеристики фандрайзинга, что позволит в дальнейшем эффективно использовать его в сфере спорта. Особую актуальность в настоящее время приобрели вопросы разработки действенных механизмов поддержания стабильного существования спортивных организаций, иных субъектов спортивных правоотношений, а также реализации крупномасштабных спортивных проектов, позволяющих повысить престиж нашего государства на международной арене.

В целом, фандрайзинг наиболее часто понимается в трех основных аспектах: 1) как комплекс различных методов и процедур добывания средств для некоммерческих организаций и отдельных индивидов; 2) как добровольная и бескорыстная деятельность, направленная на привлечение ресурсов, направленных на осуществление миссии организации и решения социальных и иных проблем; 3) как научное направление об изыскании средств, т.е. успешном убеждении других людей в том, что определенная деятельность является перспективной для вложения средств [1, с. 5].

Рассматривая этимологию слова «фандрайзинг» (также употребляется варианты «фандрейзинг» и др.), отметим, что само оно имеет английское происхождение (fundraising) и структурно состоит из двух частей: «fund» – ресурсы и

«raising» – поднятие, привлечение. Таким образом, дословный перевод данного понятия – «привлечение ресурсов».

Вместе с тем понятие фандрайзинга имеет существенное многообразие значений в различных источниках. Так, обращаясь к словарям, можно привести следующие определения и характеристики фандрайзинга:

- деятельность по сбору средств для некоммерческих проектов (Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.);

- привлечение спонсорских финансовых средств на осуществление конкретной программы, систематическая и направленная деятельность организаций, включающая такие способы привлечения средств, как обращение за грантами, организация благотворительных мероприятий, сбор пожертвований и т.д. (Словарь бизнес-терминов);

- специально организованный процесс сбора пожертвований для некоммерческих и благотворительных организаций или для обеспечения социально значимых некоммерческих проектов (Толковый словарь «Инновационная деятельность»).

Российский ученый-экономист Н.Н. Жилина определяет фандрайзинг как комплекс управленческих мероприятий по планированию, организации, проведению и контролю процесса привлечения средств в некоммерческую организацию [2, с. 32].

И.Ф. Албегова предлагает узкое и широкое понимание термина. В первом случае имеется в виду определенный вид профессиональной деятельности, поиск и рациональное использование финансовых ресурсов (средств); во втором – искусство, теория и практика, определенная философия, психология и идеология такой деятельности [3, с. 5].

В целом стоит отметить, что часто доминирует практико-ориентированный подход к фандрайзингу. Однако такой подход не является единственно принятым мировой общественностью. Так, Т. Коробова рассматривает многие аспекты, которые в различное время становились предметом исследования зарубежных ученых: 1) благотворительная деятельность и ее мотивы

вы; 2) рассмотрение фандрайзинга в качестве профессиональной деятельности; 3) экономико-организационные аспекты (прежде всего, маркетинг и менеджмент некоммерческих организаций); 4) рассмотрение фандрайзинга в рамках PR-деятельности и др. [4, с. 58]

Еще одной характерной особенностью научного понимания фандрайзинга стала его тесная связь с благотворительностью, что отразилось на становлении фандрайзинга на территории постсоветского пространства. Как подчеркивает Ю.П. Куликова, понятие благотворительности в СССР рассматривалось как идеологически чуждое, характерное для классового общества. Такие идеологические установки стали причиной медленного развития фандрайзинга даже после распада СССР, что, в том числе, обуславливает отсутствие до настоящего времени нормативной базы в большинстве государств постсоветского пространства в отношении фандрайзинга [5, с. 33]. Однако нельзя не отметить современную положительную тенденцию к повышению общественной активности в реализации крупномасштабных проектов общегосударственного значения. Примером может служить подготовка зимней Олимпиады в г. Сочи (Российская Федерация) в 2014 г.

Вместе с тем, отождествление фандрайзинга исключительно с благотворительной деятельностью или сугубо социальными на наш взгляд является неверным. В настоящее время данная категория получила чрезвычайно широкое распространение во всех без исключения сферах жизни.

Так, например, словацкие ученые-экономисты В. Цибакова и В. Чиховска называют фандрайзинг одной из форм партнерства коммерческого и некоммерческого секторов [6].

Основной проблемой финансирования сферы белорусского спорта является преобладание государственной поддержки в ущерб самофинансированию. Всестороннее изучение концепции фандрайзинга, определение его основных характеристик, структуры, а также поэтапное его внедрение в систему законодательства о хозяйственной деятельности и законодательства о физической культуре и спорте представляются необходимыми мерами, которые позволят

снизить нагрузку на государственный сектор и расширить финансовые возможности участников правоотношений в сфере физической культуры и спорта.

Литература

1. Ковалев, В.Н. Элементарные основы фандрайзинга : учеб.-метод. пособие / В.Н. Ковалев. – Севастополь: Севастопольский центр переподготовки и повышения квалификации, 2012. – 30 с.

2. Жилина, Н.Н. Фандрайзинг как механизм привлечения внебюджетных источников финансирования автономных образовательных учреждений / Н.Н. Жилина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 31–33.

3. Албегова, И.Ф. Инновационные технологии в социальной работе / И.Ф. Албегова, Г.Л. Шаматонова А.В. Попова. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2011. – 68 с.

4. Коробова, Т. Фандрайзинг в благотворительных организациях как механизм социально ответственного взаимодействия: исследование зарубежных концептуальных подходов / Т. Коробова // Социальная политика и социальное партнерство. – 2014. – № 6. – С. 55–64.

5. Куликова, Ю.П. Фандрайзинг в сфере культуры / Ю.П. Куликова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение : науч. журн. – 2012. – № 4(8). – С. 32–39.

Cibakova, V. Marketing Concept Opens up Possibilities for Profit and Non-Profit Sectors Partnership / V. Cibakova, V. Cihovska // Economic Annals-XXI Journal. – 2014. – № 1–2(1). – P. 38–41.

ПРИМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ФОРМЫ «ЖИЛИЩНЫЙ КООПЕРАТИВ» ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗАКАЗУ

Бодяк Н.Е., Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Жилищный кооператив – это некоммерческая организация, образуемая в форме потребительского кооператива с целью приобретения готовых к эксплуатации многоквартирных жилых домов и их последующей эксплуатации и управления ими (п. 12 ст. 1, ст. 181 Жилищного кодекса Республики Беларусь).

Жилищные кооперативы получили распространение с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 19.08.1924 г. «О жилищной кооперации», согласно которому существовало несколько разновидностей жилищных кооперативов, при этом все они выполняли функцию управления жилищным фондом [1]. Основным источником жилищного строительства являлся государственный кредит. В силу различных злоупотреблений со стороны таких организаций в середине XX в. правовое регулирование жилищной кооперации ужесточилось: членами кооперативов могли быть только граждане, не имеющие жилья в личной собственности, т.е. нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Существенной особенностью явилось возложение на граждан обязанности внести взнос в размере от 10 до 40 % от стоимости строящегося жилого помещения.

С принятием в 80-х годах Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также Жилищных кодексов существенных изменений не произошло, однако правовое регулирование вышло на новый уровень. Появились такие формы жилищной кооперации, как молодежные жилые комплексы и коллективы индивидуальных застройщиков, однако на практике они оказались не востребованы в силу своей специфики, поэтому действующий Жилищный кодекс Республики Беларусь не содержит указания на эти виды жилищной кооперации. В свою очередь законодательством сохранена такая форма организаций застройщиков как жилищный кооператив.

В отличие от жилищно-строительного кооператива основной целью жилищного кооператива является не строительство или реконструкция многоквартир-

тирного жилого дома, а приобретение уже готового (введенного в эксплуатацию, реконструированного) здания. В силу того, что жилищная политика Республики Беларусь предусматривала увеличение темпов строительства жилья, а также реконструкцию уже имеющегося, значительное распространение получили именно жилищно-строительные организации. Жилищные кооперативы не обрели популярности лишь в виду отсутствия свободного готового к эксплуатации жилья.

С принятием Указа Президента Республики Беларусь от 8 мая 2013 г. № 215 «О некоторых мерах по совершенствованию строительства (возведения, реконструкции) жилых помещений» появились предпосылки для развития таких организаций как жилищные кооперативы [2].

В соответствии с п. 1.2 Указа № 215 заказчиком по выполнению программ государственного заказа на строительство помещений являются коммунальные унитарные предприятия по капитальному строительству (УКС), иные государственные организации или организации с долей государства в уставном фонде более 50 процентов на основании решения городского, районного исполнительного комитета. Льготный кредит на строительство жилого дома предоставляется не гражданину, а организации, осуществляющей функции заказчика. Погашение задолженности по льготному кредиту по государственному заказу осуществляется путем переоформления задолженности на граждан, включенных в списки на получение льготных кредитов, и направления собственных средств граждан, средств одноразовых субсидий, начисленных гражданам, имеющим право на их получение, на основании заключенных с заказчиком договоров купли-продажи жилых помещений. Договоры купли-продажи с гражданами заключаются непосредственно с УКС. В соответствии с п. 1.13 Указа № 215 государственная регистрация перехода права собственности к гражданам на жилые помещения осуществляется после окончательного расчета граждан по договору купли-продажи. До этого момента жилые помещения, построенные по государственному заказу, находятся в хозяйственном ведении, оперативном управлении заказчика.

Как представляется, это не совсем экономически выгодная схема. Определенные гарантии для граждан в данном случае очевидны – покупатель видит товар, может его оценить, при этом получает товар в кредит на несколько десятков лет под небольшой процент. Однако для организаций, выполняющих функцию государственного заказчика такая ситуация несколько стеснительна: товар продан, а денег – нет. Кроме того покупатель может расторгнуть договор купли-продажи жилого помещения практически в любой момент, несмотря на отсутствие установленной в законодательстве четкой процедуры.

На наш взгляд, применение в подобной ситуации организационно-правовой формы «жилищный кооператив» является целесообразным и своевременным. Заказчик (УКС, иная государственная организация) заключают договор с жилищным кооперативом, в состав которого принимаются только граждане, имеющие право на льготную государственную поддержку при строительстве жилья. Задолженность по кредиту переводится на граждан – членов кооператива, а сам кооператив выполняет организационно-управленческие функции, при этом образования специализированной организации по управлению жилым домом не требуется. В случае расторжения договора купли-продажи с членом кооператива, вопрос о выплате внесенных средств решается кооперативом после принятия нового члена, погашения им уже внесенных сумм и оформления задолженности по первоначальному кредиту на нового жильца.

Литература

1. О жилищной кооперации: Постановление ЦИК и СНК СССР от 19.08.1955 // Собрание законодательства СССР. – 1955. – с. № 5. – Ст. 60.
2. О некоторых мерах по совершенствованию строительства (возведения, реконструкции) жилых помещений: Указ Президента Республики Беларусь от 08.05.2013 г. № 215 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 14.05.2013, 1/14257.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КООПЕРАТИВЕ

Вартанян А.М., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Гражданский кодекс Республики Беларусь [1] (далее – ГК) все юридические лица делит на две группы – коммерческие и некоммерческие организации. В соответствии с п. 1 ст. 46 ГК отличительными чертами первых является то, что они преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и (или) распределяют полученную прибыль между участниками. К коммерческим организациям в соответствии с п. 2 ст. 46 ГК относятся и производственные кооперативы. Однако по сравнению с другими видами коммерческих организаций, с учетом отличительных признаков производственного кооператива, в деятельности которого его участники обязаны принимать личное трудовое участие, порядок распределения прибыли имеет определенные особенности, которые необходимо учитывать при принятии решения общим собранием членов кооператива.

Пункт 3 ст. 109 ГК содержит норму о том, что прибыль кооператива распределяется между его членами в соответствии с их трудовым участием, если иной порядок не предусмотрен уставом кооператива.

Из этого следует, что данная диспозитивная норма позволяет членам кооператива самостоятельно регулировать определенные правоотношения, связанные с имуществом производственного кооператива, посредством закрепления соответствующих положений в уставе. Например, в уставе производственного кооператива может быть предусмотрен один из следующих способов распределения прибыли производственного кооператива между его членами: в соответствии с их трудовым участием; пропорционально размеру их паевых взносов; в строго определенных размерах или пропорциях, не привязанных к размеру паевых взносов.

Данный перечень способов, безусловно, не является исчерпывающим, поэтому общим собранием членов кооператива в основу распределения прибыли могут быть положены и иные критерии.

При этом в законодательстве не нашел регламентации порядок принятия решения высшим органом управления производственным кооперативом относительно того, какой из перечисленных способов распределения прибыли должен применяться и, соответственно, будет закреплён в уставе. Очевидно, что такое решение может быть принято только высшим органом управления производственным кооперативом – общим собранием его членов, но, учитывая, что любой из перечисленных способов распределения прибыли в значительной степени затрагивает права каждого члена кооператива, и, соответственно, может показаться им не совсем справедливым, необходима четкая законодательная регламентация порядка принятия такого решения.

Относительно закреплённого в ГК порядка распределения прибыли в производственном кооперативе также не все однозначно. Например, личное трудовое участие может выражаться в том, что член кооператива, к примеру, возьмет на себя организацию вопроса, возникающего не чаще одного раза в год. Тогда, если следовать строго статьям ГК, он может претендовать на очень маленькую долю прибыли, несмотря на то, что внес значительные паевые взносы при создании кооператива. Следовательно, интересы члена кооператива как инвестора могут быть защищены, и ему не придется принимать трудовое участие в деятельности кооператива на постоянной основе, если в уставе будет оговорено его право на получение прибыли пропорционально паевому взносу [2, с. 78].

Называя трудовое участие в качестве основного критерия, влияющего на размер причитающейся каждому конкретному члену производственного кооператива прибыли при ее распределении, законодатель не раскрывает понятия «трудовое участие», а также допустимые его формы. Остается открытым вопрос, следует ли отождествлять трудовое участие в производственном кооперативе с работой в данной организации по трудовому договору (контракту), или предполагается возможность выполнения работ или оказания услуг на основании гражданско-правовых договоров. Также остается открытым вопрос, следует ли считать более значимым трудовое участие члена производственного

кооператива, который является одновременно его председателем, по отношению, например, к остальным членам данного кооператива, состоящих с ним в трудовых отношениях в качестве, скажем, слесаря, механика, инженера и т.д.

Таким образом, на наш взгляд, на сегодняшний день, с учетом норм ГК, критерии, которые будут положены в основу распределения прибыли в производственном кооперативе, могут определяться общим собранием членов кооператива. Однако требует законодательного закрепления порядок принятия подобного решения, который, представляется, должен основываться на согласии всех его членов. Кроме того, чтобы сохранить демократические начала, лежащие в основе создания и деятельности производственных кооперативов и обеспечивающие, как ни в одной другой организационно-правовой форме юридического лица, необходимо изменить порядок распределения прибыли. Распределение прибыли по общему правилу должно производиться независимо от трудового участия в кооперативе, степень которого по отношению к другим членам кооператива порой определить не представляется возможным, а в равных долях между всеми членами производственного кооператива. Иной порядок может быть установлен единогласным решением общего собрания. Данные положения должны найти свое отражение как в ГК, так и в специальном Законе «О производственных кооперативах», который еще следует принять.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Эталонный банк данных правовой информации Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Анацко, О. О преимуществах и недостатках организационно-правовых форм юридических лиц / О. Анацко, Т. Казак // Юрист. – 2003. – № 8 (27). – С. 77-79.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЗАКУПКУ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Годунов В. Н., Белорусский государственный университет

Отношения по государственным закупкам товаров (работ, услуг) составляют важную часть гражданско-правовых отношений. Понятие государственных закупок товаров (работ, услуг) в настоящее время дано в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон о закупках) [1].

По Закону о закупках государственная закупка – это приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств. Основными субъектами отношений по государственным закупкам товаров, работ, услуг являются заказчик и участник. В качестве заказчика выступают юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, являющиеся получателями бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов для приобретения товаров (работ, услуг). Приобретение может осуществляться, в том числе, через обособленное подразделение юридического лица (включая филиал либо представительство), уполномоченное руководителем этого юридического лица на приобретение товаров (работ, услуг) за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов от его имени, а также иное юридическое лицо в случаях, определяемых Советом Министров Республики Беларусь.

Участник закупок – это юридическое или физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, участвующее в процедуре государственной закупки в качестве потенциального поставщика (подрядчика, исполнителя). В Законе о закупках предусмотрены следующие виды процедур государственных закупок: открытый конкурс; закрытый конкурс; электронный аукцион; процедура запроса ценовых предложений; процедура закупки из одного источника; биржевые торги.

Договор, заключаемый по результатам проведения процедуры государственных закупок, именуется в ст. 2 Закона о закупках договором на государствен-

ную закупку. В некоторых государствах СНГ такой договор назван договором о закупке (закупках) [2; 3; 4]. Понятие договора о закупках предусмотрено в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о публичных закупках (ст. 2), принятом Комиссией ООН по праву международной торговли 1 июля 2011 г. [5]. В Соглашении о государственных (муниципальных) закупках (ст. 14), заключенном Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией 9 декабря 2010 г. [6], договор по результатам проведения процедуры закупок определен как договор (контракт) о закупке.

В законодательстве Российской Федерации используется понятие закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Согласно Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [7] в качестве правовой формы таких закупок определен государственный контракт как договор, заключенный государственным заказчиком от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, и муниципальный контракт как договор, заключенный заказчиком от имени муниципального образования, для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд (ст. 3 Федерального закона).

Возникает вопрос о правовой природе договора на государственную закупку. Тем более, что в Законе о закупках нет понятия этого договора.

Правовая природа договора предопределяется теми экономическими отношениями, которые регулируются данным договором.

При государственных закупках складываются различные отношения, связанные с: 1) приобретением имущества, в том числе имущественных прав; 2) выполнением работ; 3) оказанием услуг; 4) приобретением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В гражданском праве этим отношениям соответствуют определенные группы гражданско-правовых договоров: 1) договоры, направленные на передачу имущества в собственность (хозяйственное ведение, оперативное управление) или пользование; 2) договоры на выполнение работ; 3) договоры на ока-

зание услуг; 4) договоры на передачу исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Указанные группы включают соответствующие типы договоров. Тип договора закрепляется в законодательстве как самостоятельная договорная форма. В пределах типа выделяются виды договоров, т.е. договоры, которые наряду с общими всему типу чертами обладают специфическими особенностями [8, с. 58-59].

Следует сделать вывод, что не существует договора на государственную закупку как отдельного типа или вида гражданско-правового договора. Договоры на государственную закупку – это группа различных типов и видов гражданско-правовых договоров, опосредующих отношения, когда приобретаются товары, выполняются работы, оказываются услуги за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов (купля-продажа, поставка, строительный подряд и др.).

Поэтому даже если по результатам проведения процедуры государственных закупок заключенный договор будет назван договором на государственную закупку, то по своей правовой природе это будет определенный тип или вид гражданско-правового договора, соответствующий экономическим отношениям сторон и регулируемый нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [9] и других нормативных правовых актов. Но при заключении и исполнении договоров, опосредующих отношения по государственным закупкам товаров (работ, услуг), должны учитываться нормы законодательства о государственных закупках.

Вместе с тем считаем целесообразным закрепить договор на государственную закупку в ГК как определенную договорную конструкцию. Данная договорная конструкция дополнит уже имеющиеся в ГК среди общих положений о договоре конструкции публичного договора, договора присоединения, предварительного договора, договора в пользу третьего лица.

Литература

1. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 419-3 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. О государственных закупках: Закон Азербайджанской Республики, 27 дек. 2001 г., № 245-ПГ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://www.base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2594. – Дата доступа: 25.05.2015.

3. О государственных закупках: Закон Кыргызской Республики, 24 мая 2004 г., №69 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://www.base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6587. – Дата доступа: 25.05.2015.

4. О государственных закупках товаров, работ и услуг: Закон Респ. Таджикистан, 3 марта 2006 г., № 168 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://www.base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=12248. – Дата доступа: 25.05.2015.

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках: принят Комиссией ООН по праву международной торговли 1 июля 2011 г. // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/procurem/ml-procurement/2011-Model-Law-on-Publik-Procurement-r.pdf>. – Дата доступа: 25.05.2015.

6. Соглашение о государственных (муниципальных) закупках [Электронный ресурс]: заключено Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией 9 дек. 2010 г. // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Фе-

дер. закон Рос. Федерации, 5 апр. 2013 г., № 44-ФЗ //КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

8. Гражданское право. В 3 т.: учеб. / под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2010. – Т. 2 / Т.В. Авдеева [и др.]. – 960 с.

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., №218-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ДИАЛЕКТИКА ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.

Москалюк О.И., Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Конституцией Республики Беларусь в качестве одного из главных направлений развития экономической деятельности провозглашено право на осуществление предпринимательской деятельности, свободной от произвольного вмешательства со стороны государства, но с другой стороны государство оставляет за собой право регулировать вопросы экономической (предпринимательской) деятельности в социальных целях. Прослеживающийся антагонизм правового и социального составляет один из аспектов определения пределов участия государства в осуществлении предпринимательской деятельности, а, соответственно, в содействии развитию института государственной поддержки предпринимательства.

Некоторые авторы расценивают соотношение понятий «правовое государство» и «социальное государства» как некоторое противоречие: «между конституционным требованием защиты личной свободы и требованием социального государства существует ... «неустранимое и принципиальное состояние напряженности», то есть известное противоречие»[1].

В.С.Нерсесянц[2]полагает, что правовое и социальное государство – это не антитезы, а диалектика развития государства. Мало того, Г.А. Василевич[3] настаивает на том, что правовое государство не может не быть социальным.

Основа гармоничного развития белорусского государства - баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Причем успех в его достижении возможен не только благодаря синтезу правового и социального в государственной поддержке предпринимательства, но и путем перераспределения степени соотношения публично – правовых и частно – правовых норм в регулировании процесса создания, становления, развития, плодотворной деятельности субъектов предпринимательской деятельности.

Влияние степени соотношения публичного и частного права на развитие института государственной поддержки предпринимательства обусловлено, в первую очередь тем, что, являясь комплексным институтом, государственная поддержка субъектов предпринимательской деятельности «сочетает в себе нормы конституционного, гражданского, налогового, финансового, административного права и др.; формируется на стыке публичного и частного права»[4].

Препятствием для соблюдения баланса публично – правовых и частно – правовых норм в сфере регламентации вопросов государственной поддержки предпринимательства, помимо субъективных причин[5][6], являются общие тенденции развития права в целом, а также института государственной поддержки субъектов предпринимательской деятельности в частности: «любое право (в том числе частное) - явление официальное, государственное, обеспеченное государственной властью и в этом смысле публичное»[7]; имеется склонность к сближению ранее считавшихся публичными отраслей права, например, конституционного права, с частными отраслями права[8]; «то, что в один исторический период представляет из себя сферу публично – правового регулирования, в другое время может оказаться переброшенным в область частного права»[9].

Вместе с тем, Ю.А. Тихомиров призывает к тому, что «не следует, искусственно абсолютизировать «личное начало» в обществе и органически противопоставлять право и интересы человека и гражданина интересам общества и государства»[10].

Полагаем, развитие института государственной поддержки предпринимательства может быть в той степени эффективно, в которой симбиоз социального и правового, публичного и частного получит свое отражение при принятии новых нормативных правовых актов в данной области.

Литература

1. Страшун, Б.А. Социальное государство/ Б.А. Страшун, А.А. Мишин// Конституционное (государственное) право зарубежных стран/ Б.А. Страшун, А.А. Мишин. - 3-е изд., -М., 1999. - С. 240.
2. Нерсесянц, В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов/ В.С. Нерсесянц. – М: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА М), 2002. – С. 708.
3. Василевич, Г.А. Обеспечение в социальном правовом государстве приобретенных прав: конституционные гарантии, законодательство, практика [Электронный ресурс]// Г.А. Василевич/ Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ/ ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2009 - 2015.
4. Белых, В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография/ Белых В.С. - М.: Проспект, 2009. –С. 703.
5. Петров, Г.И. Советское административное право: часть общая/ Петров Г.И. - Л., 1972. - С. 117.
6. Черепяхин, Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве [Электронный ресурс]/ Б.Б. Черепяхин// Труды по гражданскому праву. -М.: «Статут», 2001. – 479 с. (Классика российской цивилистики, CD - ROM).
7. Алексеев, С.С. Право: азбука - теория - философия: опыт комплексного исследования/ С.С. Алексеев. - М.: Статут, 1999. С. 37-43.
8. Дорохин, С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно - правовой аспект/ Дорохин С.В.- М.: ВолтерсКлувер, 2006. - С. 3.
11. Тихомиров, Ю.А. Публичное право. Учебник/ Тихомиров Ю.А. – М.: БЕК, 1995. – С. 24.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Салей Е.А., Белорусский государственный университет

Принятие в 1998 году Гражданского кодекса Республики Беларусь, закрепившего принципиально новую систему юридических лиц и заложившего концептуально новую базу для их создания и функционирования в гражданском обороте, создало возможность безболезненного перехода от административной системы плановой экономики к системе рыночных отношений в социальном государстве. Насколько сегодня эта система соответствует требованиям времени и нуждается ли она в пересмотре? Этот вопрос не является праздным, он неоднократно поднимался в научной литературе. Опыт наших ближайших соседей по СНГ свидетельствует о том, что имея в целом изначально схожие экономические условия и нормативную базу, основанную на Модельном ГК, мы все более расходимся в подходах к вопросу о системе юридических лиц и ее наполнении, что не соответствует общему стремлению к гармонизации и унификации законодательства.

В связи с реализацией Концепции развития гражданского законодательства в ГК РФ появилась новая классификация юридических лиц, подразделяющая все юридические лица на корпоративные и унитарные. Данная классификация, закрепленная Федеральным законом от 5 мая 2014 г., явилась логическим продолжением уточнения еще в 2012 году в ст. 2 ГК РФ круга регулируемых гражданским законодательством отношений и легализации терминов «корпоративные организации» и «корпоративные отношения». Заметим, что данная классификация получила характер системообразующей, поскольку при структурировании норм об отдельных организационно-правовых формах юридических лицах использована как дополнительная к базовой классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. В основу разделения юридических лиц на корпоративные и унитарные российский законодатель заложил принцип членства. В соответствии с п. 1 ст. 65.1 ГК РФ юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в

них и формируют их высший орган являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями); юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами. Целевое назначение легализации такой классификации заключается в том, чтобы «урегулировать в общем виде (в определенной степени единообразно даже для коммерческих и некоммерческих организаций) не только структуру управления и статус (компетенцию) органов корпораций, но и ряд их внутренних отношений, вызывающих практические споры (возможность оспаривания решений общих собраний и других коллегиальных органов, условия выхода или исключения из числа участников и т.п.)» [1, с. 49]. Имея достаточно широкую поддержку в научном сообществе, целесообразность легализации видовой классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные подвергается и критической оценке. В частности, В.П. Мозолин писал, что такое подразделение юридических лиц на корпоративные (построенные на началах членства) и унитарные юридические лица, представляется явно надуманной, чисто теоретической абстракцией, искаженно объединяющей в одном юридическом понятии членские отношения в хозяйственном обществе, основанном на голосовании по капиталу, и, допустим, членские отношения в производственном кооперативе и большинстве некоммерческих организаций, в которых голосование на собраниях участников производится по принципу «один участник – один голос» [2, с. 7].

Законодательство Украины не определяет понятия «корпорация». ГК Украины не содержит и взаимосвязанных с ним категорий. Самостоятельная глава «Корпоративные права и корпоративные отношения», которая фактически ограничивается только раскрытием содержания корпоративных прав, выделена в Хозяйственном кодексе Украины (глава 18) (далее – ХК Украины). Согласно ст. 167 ХК Украины под корпоративными понимаются права лица, доля которого определяется в уставном капитале (имуществе) хозяйственной организации, включающие правомочия на участие этого лица в управлении хозяйственной организацией, получение части прибыли (дивидендов) данной организации и

активов в случае ликвидации последней в соответствии с законом, а также другие правомочности, предусмотренные законом и уставными документами. Определение корпоративных отношений формализовано, поскольку законодательно определено только то, что корпоративными отношениями признаются отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются относительно корпоративных прав (п. 3 ст. 167 ХК Украины). Как отмечает Н.С. Кузнецова, такое фрагментарное внимание законодателя к корпоративным правоотношениям безусловно создает почву для многочисленных дискуссий, направление которых постоянно расширяется [3, с. 434].

С нашей точки зрения, легализация классификации юридических лиц на корпоративные и унитарные организации лишь утяжеляет восприятие системы юридических лиц и обоснована только в случае целесообразности создания общих правил (единых норм) не только для корпоративных (как это есть сейчас, в частности, в ГК РФ), но и для унитарных юридических лиц. Создание же таковых для последних в силу многочисленных факторов, прежде всего существенных различий в природе отношений между учредителем (учредителями) и созданным им (ими) юридическим лицом, вряд ли представляется возможным, а соответственно, и целесообразным. Какие общие правила можно (и нужно ли?) установить, например, для фонда, учредители которого не имеют имущественных прав по отношению к созданному им юридическому лицу, и унитарного предприятия, учредитель которого сохраняет право собственности на имущество такого юридического лица. При этом о легализации понятия «корпорация» следует задуматься. С одной стороны, данный термин безусловно является заимствованным, традиционно используемым в зарубежном законодательстве и практике зарубежных государств. С другой стороны, термин «корпорация» уже сейчас достаточно широко используется в национальной правоприменительной, в том числе судебной, практике (в отношении, как правило, таких коммерческих организаций как хозяйственные общества). Определение данного понятия имеет практическое значение для установления гармоничных взаимоотношений с иностранными субъектами, в том числе в свете развития

отношений, связанных с иностранными инвестициями. Понятие «корпорации» является востребованным предметом научных исследований. Причем актуален этот вопрос не только в рамках проблематики о юридических лицах, но и с точки зрения общих вопросов теории гражданского права, в частности, определения предмета гражданско-правового регулирования, места корпоративных отношений в системе правового регулирования. Выделение в ГК среди отношений, регулируемых гражданским законодательством, в качестве самостоятельных корпоративных отношений вопрос весьма дискуссионный [см., например, 3, 4, 5], сама его постановка предполагает комплексность исследований и решения. Легализация понятия «корпоративное отношение» нецелесообразно без легального определения «корпорация».

Литература

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2009. – 160 с.
2. Мозолин, В.П. Юридические прятки / В.П. Мозолин // Право и экономика. – 2010. – № 12. – С. 4-9.
3. Кузнецова, Н.С. О корпоративном праве и корпоративном законодательстве Украины: проблемные вопросы / Н.С. Кузнецова // Кузнецова, Н.С. Вибрані праці. – К.: ПрАТ «Юридична практика», 2014. – С. 433-448.
4. Попондопуло, В.Ф. Понятие корпоративного права и его место в системе права / В.Ф. Попондопуло // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: материалы Междун. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. В.Ф. Чигира (Минск, 4-5 ноября 2014 г.) / редкол.: И.Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 183-188.
5. Гражданское право и корпоративные отношения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 13-14 мая 2013 г.) / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2013. – 736 с.

О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ ГОСУДАРСТВА В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

Свадковская Е.А., Белорусский государственный университет

Государство управляет принадлежащими ему акциями (долями в уставных фондах) хозяйственных обществ через институт своих представителей. Представителем государства в органах управления хозяйственными обществами, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству (далее – представитель государства), назначается гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее образование и стаж работы не менее 3 лет, прошедший специальную подготовку и аттестованный на право осуществлять полномочия представителя государства.

Представители государства, как правило, – это имеющие статус государственного служащего работники органа, осуществляющего владельческий надзор в отношении хозяйственного общества. Такие представители государства выполняют свои полномочия на основании трудового договора (контракта) по основному месту работы. Иные граждане Республики Беларусь выполняют полномочия представителя государства на основании гражданско-правового договора, заключенного ими с органом, осуществляющим владельческий надзор.

Существующий порядок назначения государственных служащих, в том числе занимающих руководящие должности, представителями государства зачастую не предусматривает действенных механизмов оценки профессиональных качеств, квалификации и подготовки государственных служащих с учетом специфики конкретного объекта управления.

В ряде случаев участие в качестве представителей Республики Беларусь государственных служащих, в том числе занимающих руководящие должности, создает проблему качества управления в связи с несоответствием количества хозяйственных обществ, в которые государство назначает своими представителями государственных служащих, возможностям такой системы управления (например, один государственный служащий может быть назначен представителем государства одновременно в нескольких хозяйственных обществах).

Представитель государства обязан участвовать в работе органов управления хозяйственного общества, а при ликвидации хозяйственного общества и назначении представителя государства в ликвидационную комиссию – в работе ликвидационной комиссии; принимать меры по защите экономических интересов государства при осуществлении деятельности хозяйственного общества; представлять в орган, осуществляющий владельческий надзор, предложения о своей позиции по разноплановым вопросам, а также отчет о своей работе в качестве представителя государства; осуществлять контроль за сроками и полнотой перечисления в бюджет дивидендов (процентов), начисленных на акции (долю в уставном фонде) хозяйственного общества, принадлежащие государству, и информировать об этом орган, осуществляющий владельческий надзор.

Представитель государства вправе требовать проведения общего собрания участников, заседания совета директоров (наблюдательного совета), а также внеплановой ревизии деятельности хозяйственного общества или аудита его бухгалтерской (финансовой) отчетности; получать от органов управления хозяйственного общества информацию об их деятельности, данные о конъюнктуре рынка выпускаемой продукции (выполняемых работах, оказываемых услугах), потребляемом сырье (работах, услугах); принимать участие в обсуждении вопросов у руководителя хозяйственного общества.

Наделение государственного служащего как представителя государства широкими полномочиями, влияющими на судьбу хозяйственного общества в целом, дает возможность государственному служащему злоупотреблять правами участия в деятельности хозяйственного общества, зачастую сопряженную с корыстной заинтересованностью, а также позволяет действовать в своих личных интересах, не принимая в расчет потребности государства и общества в целом.

Не менее остро стоит проблема потенциального конфликта интересов представителя государства при голосовании в соответствии с письменно согласованной позицией органа, осуществляющего владельческий надзор, в ущерб интересам хозяйственного общества, ведь частные интересы хозяйственного общества и публичные интересы государства совпадают далеко не всегда. Так, занимая ру-

ководящую должность в концерне, курирующем соответствующую отрасль хозяйства в целом, представитель государства поставлен перед выбором либо руководствоваться экономическими интересами самого хозяйственного общества, будучи членом его наблюдательного совета, либо поддерживать позицию своего концерна, которая нивелирует такие интересы. Кроме того, ситуация конфликта интересов может возникнуть, когда личные интересы государственного служащего, его супруга (супруги), близких родственников или свойственников влияют или могут повлиять на надлежащее исполнение им функций представителя государства (предположим последующее трудоустройство в данное хозяйственное общество после увольнения с государственной службы).

Представляется, что эффективное управление принадлежащими государству акциями (долями в уставных фондах) хозяйственных обществ невозможно без пересмотра существующей системы выбора и назначения представителей государства в органы управления хозяйственных обществ.

С одной стороны, такой пересмотр видится в запрете назначения в качестве представителей государства государственных служащих, которые по основной государственной должности осуществляют контроль, руководство или принятие решений, затрагивающих интересы хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат государству (например, заместителя руководителя концерна не следует назначать представителем государства в одно из ОАО, входящее в состав данного концерна).

С другой стороны, белорусскому законодателю целесообразно предусмотреть возможность избрания независимых директоров в совет директоров акционерного общества, акции которого принадлежат государству, а также подробно урегулировать вопросы, связанные с деятельностью лиц, выполняющих полномочия представителя государства на основании гражданско-правового договора, заключенного ими с органом, осуществляющим владельческий надзор.

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хацук Ж.В., Гродненский государственный университет им. Я.Купалы

Коллекторство как отдельный сегмент финансовых услуг возник в США 40 лет тому назад, в Европе окончательно сформировался в 80-е годы прошлого века. В любой стране мира есть проблемы с невозвратом кредитов и долгами во всех областях бизнеса, но особенно это становится актуально во время экономического кризиса. Сегодня клиентами коллекторских агентств являются не только банки, но и финансовые, страховые, телекоммуникационные, торговые компании, то есть все, у кого в процессе работы возникает проблемная и просроченная задолженность.

Есть ли в Беларуси коллекторские агентства? На сайтах некоторых юридических фирм предлагается данная услуга. Однако официально термина «коллекторское агентство» в белорусском законодательстве нет. Поэтому сложно относить ту или иную фирму, занимающуюся взысканием долгов, именно к категории коллекторских агентств.

Небольшое присутствие коллекторских агентств в Беларуси имеет свои причины. Назовем некоторые из них. В силу специфики отечественного законодательства коллекторские агентства могут использовать в работе с клиентами только одну схему работы — на основе договора возмездного оказания услуг. В зарубежных странах возможны и иные схемы — например, выкуп коллекторским агентством задолженности с дисконтом и последующее взыскание её с должника в пользу непосредственно агентства. Такая схема работы в Беларуси затруднена тем, что покупать долги могут только банки или небанковские кредитно-финансовые организации, которые по определению коллекторскими агентствами не являются. Это обстоятельство сдерживает развитие рынка коллекторских услуг в Беларуси. Приобретение долгов и работа с задолженностью должно стать приоритетом коллекторских компаний, которые, как никто другой, знают и понимают тонкости этого процесса, и, соответственно, могут раз-

решить долговые ситуации не только в оптимальный срок, но и наилучшими для клиента и должника методами.

Полноценная работа белорусских коллекторов по договору возмездного оказания услуг также затруднена. Дело в том, что обычно коллекторские агентства работают по возврату задолженности физических лиц (перед банками, жилищно-эксплуатационными, коммунальными организациями и т. д.). Иски в отношении физических лиц рассматриваются в Беларуси общими судами. А юридические фирмы в силу лицензионных условий на сегодняшний день не могут представлять интересы клиентов в общих судах. Это могут делать только адвокаты. Поэтому в рамках белорусского правового поля коллекторское агентство может предложить своим клиентам лишь «урезанный» пакет услуг - услуги по досудебному урегулированию отношений с должником. Судебное взыскание задолженности с физических лиц белорусские коллекторы официально проводить не могут. Соответственно, возникает вопрос - насколько заинтересованы потенциальные клиенты (те же самые банки) в услугах белорусского коллекторского агентства, которые по определению носят неполный характер.

В условиях современного бизнеса в Республике Беларусь коллекторские услуги, оказываемые в большинстве случаев юридическими компаниями, с каждым годом становятся все более востребованными и актуальными на рынке. Считаем так же, что в Республике Беларусь следует принять нормативный акт, регулирующий коллекторскую деятельность, в котором правильно будет закрепить следующие положения: четкое описание взаимоотношений между должником и коллекторским агентством; возможность коллекторского агентства не только обрабатывать, но и хранить персональные данные; возможность предоставлять и получать информацию в бюро кредитных историй; возможность коллекторского агентства осуществлять запросы в компетентные органы, право получать информацию по таким запросам; возможность коллекторского агентства организовывать торги по реализации заложенного имущества; нормативное урегулирование коллекторской тайны: понятие, пределы ее защиты и основания ее обнародования.

Может возникнуть вопрос, зачем нужны коллекторы в Республике Беларусь, если во множестве банков создаются свои подразделения по работе с проблемными активами?

Во-первых, преимущества сотрудничества с независимым коллекторским агентством состоят в том, что взыскание задолженности - это основной, а не дополнительный вид его деятельности и занимаются этим прошедшие подготовку специалисты, владеющие арсеналом знаний в таких областях, как психология, социология, юриспруденция, финансы. Каждый из них материально мотивирован и заинтересован в конечном результате.

Во-вторых, коллекторы, как правило, получают свое вознаграждение лишь в случае успешного возврата долга. Кредитор получает реальные деньги и только после этого выплачивает коллектору гонорар.

В-третьих, коллекторская деятельность будет осуществляться строго в рамках белорусского законодательства, что исключает возможные претензии со стороны должника. А если они все-таки будут иметь место, то сотрудники коллекторского агентства немедленно свяжутся с правоохранительными органами, подтвердят правомерность своих действий и объяснят сложившуюся ситуацию.

В-четвертых, в случае привлечения для решения проблемы коллектора, снижается вероятность перехода экономических проблем в плоскость межличностных отношений. Встречи кредитора и должника проходят в присутствии представителя коллекторской организации, выступающего в роли медиатора-посредника.

В-пятых, коллекторы работают в любом регионе, по месту расположения должника. Таким образом, обращение к услугам коллектора является для кредитора наиболее выгодным и удобным способом решения проблемы просроченной задолженности.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ТОВАРИЩЕСТВ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Чуешов К.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Защита социально-экономических, гражданских и иных прав и свобод человека, а также создание эффективной системы средств, способов и форм обеспечения данных прав имеют не только международно-правовое, конституционное, т.е. межотраслевое, но и отраслевое (например: гражданско-правовое) значение. Говоря о правах участников хозяйственных обществ и товариществ, уточним, что речь в данном случае ведется о корпоративных правах в силу участия субъектов (согласно законодательству многих зарубежных государств, в том числе, и Российской Федерации) в публичных компаниях.

В научной доктрине корпоративные права, как правило, квалифицируются различным образом. В качестве примеров теоретиками называются и вещные права (право собственности на акции), и обязательственные права (через призму отношений участников с обществом), и особый статус корпоративных прав в силу их комплексного характера.

Пролить свет на суть корпоративных прав может их классификация. Так, российский специалист в области корпоративного права И.С. Шиткина выделяет имущественные и неимущественные корпоративные права, делая, однако, оговорку о том, что такая классификация не совсем точна, поскольку не учитывает организационно-управленческий характер корпоративных правоотношений [1].

Конкретизируя вышесказанное, отметим, что в число имущественных прав участников хозяйственных обществ и товариществ (или, по терминологии российских и западных ученых-правоведов, корпораций) входит, прежде всего, право на участие в распределении прибыли. В свою очередь, к организационно-управленческим правам участников корпораций можно отнести права, связанные с участием в управлении делами общества, осуществлением контроля за

деятельностью органов управления общества и его финансово-экономическим состоянием, получением информации о деятельности общества и др.

Суть различий доктринальных подходов, а значит и достаточно важный дискуссионный вопрос для теоретиков права, заключается в той роли, которую играют организационно-управленческие права в корпоративных правоотношениях: вспомогательную («обслуживающую») (Д.В. Ломакин) [2, С. 455] или же полноценную (И.С. Шиткина и др.) [1].

Следует отметить, что отдельными специалистами выделяется специфический институт прав – преимущественные (например, преимущественное право приобретения долей участия в обществах, отчуждаемых участниками третьим лицам или преимущественном праве покупки дополнительно выпускаемых акций). До настоящего момента в юридической литературе не наблюдается единства подходов относительно природы таких прав: они называются разновидностью имущественных прав, поскольку возникают по поводу присвоения материальных благ в виде долей (акций) в уставном капитале хозяйственного общества [2, с. 401] или же покрывают не только имущественные права акционера (участника), но также и право на сохранение объема управленческого контроля над юридическим лицом [1].

На основе анализа норм корпоративного законодательства государств СНГ следует выделить специфический вид прав: дополнительные права. Они могут быть предусмотрены уставом общества при его учреждении или предоставлены участнику (участникам) общества по решению общего собрания. Рассуждая о правовой природе данного института, И.С. Шиткина резюмирует, что «...дополнительные права участника носят персонифицированный характер, поскольку с отчуждением доли участником принадлежащие ему дополнительные права приобретателю доли не передаются. Дополнительные права могут быть предоставлены как одному, так и нескольким или даже всем участникам общества.» [1].

В свою очередь, С.Д. Могилевский выделяет так называемые «ложные дополнительные права», связанные, помимо прочего, с закреплением опреде-

ленных привилегий при распределении прибыли общества, а также возможных преимуществ управленческого характера для отдельных участников. К таким правам российский специалист, в частности, относит привилегии при голосовании, выражающиеся в праве голоса (например, при назначении генерального директора и др.) [3, с. 130].

При этом С.Д. Могилевский принципиально возражает против наделения участников подобными дополнительными правами, поскольку право участника участвовать в управлении делами общества занимает первое место в перечне прав участников хозяйственных обществ и товариществ, и оно, исходя из его позиции, не может быть ограничено уставом.

С позициями ограничения диспозитивности корпоративного законодательства, как представляется, невозможно полностью согласиться, поскольку при соблюдении определенных условий (главное из которых – соответствие законодательству) дополнительные права вполне могут применяться в качестве дополнительных возможностей участников хозяйственных обществ.

Таким образом, несмотря на различие подходов к сущности корпоративных прав, можно заключить, что данные права как субъективные имеют особую правовую природу, не укладывающуюся в рамки вещных или обязательственных прав, а потому требующие специфического правового регулирования. В настоящее время учеными в качестве основных выделяются имущественные и неимущественные корпоративные права.

Специфика корпоративных правоотношений связана, в первую очередь, с распространенностью корпоративных образований на постсоветском пространстве, в частности, в Российской Федерации).

Литература

1. Шиткина, И.С. Правовое регулирование корпоративных прав и обязанностей / И.С. Шиткина // Консультант Плюс: Версия Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2015.

2. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д.В. Ломакин. – М.: Статут, 2008. – 511 с.

3. Могилевский, С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С.Д. Могилевский. – М.: Статут, 2010. – 421 с.

РАЗДЕЛ IX.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕР-
ШЕНСТВОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА
ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬ-
СТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ

*Валецкая О.В., Черноморский государственный университет им. Петра
Могилы*

Трудовое законодательство Украины находится на этапе кодификации, поэтому актуальными являются вопросы совершенствования отдельных правовых норм, и, особенно, трудовой дисциплины как важнейшего института трудового права. Реформирование трудового законодательства требует глубокого теоретического исследования и изучения опыта других государств. В этом аспекте целесообразным является проведение сравнительного анализа украинского и белорусского трудового законодательства, поскольку мы имеем общий исторический опыт, однако Республика Беларусь приняла Трудовой кодекс еще в 1999 году, а в Украине дискуссии вокруг принятия нового Трудового кодекса продолжаются.

Авторы учебника "Трудовое право Республики Беларусь" мерами обеспечения надлежащей трудовой дисциплины на предприятии называют различные средства воздействия на поведение работников [1, с. 210]. В соответствии со ст. 198 Трудового кодекса Республики Беларусь за совершение дисциплинарного проступка наниматель может применить к работнику следующие меры дисциплинарного взыскания: 1) замечание; 2) выговор; 3) увольнение (пункты 4, 5, 7, 8 и 9 статьи 42, пункт 1 статьи 47). Право выбора меры дисциплинарного взыскания принадлежит нанимателю [2].

В соответствии со ст. 147 Кодекса Законов о Труде Украины к работнику могут применяться лишь два вида взыскания: выговор или увольнение. Законодательством, уставами и положениями о дисциплине могут быть предусмотрены и другие взыскания [3]. Одним из наиболее проблемных вопросов в трудовом праве стал вопрос о расширении этого перечня. Позиции ученых разделились: некоторые авторы предлагают вернуть строгий выговор, предупреждение,

замечание. Подобные предложения следует рассматривать через призму этимологического анализа терминов, поскольку одним из путей усовершенствования законодательства является унификация юридической терминологии с целью использования единых модельных терминов, которые выражают наиболее общие и существенные признаки предмета или явления. Выговор - замечание, являющееся взысканием, наказанием за проступок, а строгий выговор - очень серьезное замечание, суровое, не допускающее снисхождения [4, с. 107]. Замечание, по словарю С.И. Ожегова, это синоним к термину выговор (выговор, указание на ошибку [4, с. 207]). Предупреждение автор Словаря русского языка рассматривал в значении извещения о чем-нибудь, предостережение [4, с. 572]. Само по себе предупреждение вообще нельзя отнести к мере дисциплинарного взыскания, но и в качестве такой меры как "предупреждение о неполном служебном соответствии" его также нельзя считать самостоятельным видом взыскания, так такое взыскание дублирует, по своей сути, выговор: работник не выполняет надлежащим образом свои обязанности и при следующем ненадлежащем выполнении трудовой договор может быть расторгнут [5, с. 142].

Позиция профессора В.С. Венедиктова состоит в том, что эффективность влияния на работника выговора зависит от уровня его правосознания, правовой культуры, морально-этических установок и ценностных ориентиров [6, с. 53]. На наш взгляд, это мера морального и психологического воздействия на нерадивого работника с целью указать на его недобросовестность в выполнении трудовой функции и предупредить о более суровых негативных последствиях при повторном нарушении. И, в тоже время, данное предупреждение может быть отнесено к неопределенному кругу работников данного предприятия. Наконец, будучи по своей правовой природе мерою морального воздействия, выговор опосредовано относится к мерам материального воздействия, поскольку в период действия выговора к работнику меры поощрения не применяются, то есть он лишается премий, награждения ценным подарком, путевкой и т.д.

Трудовое законодательство Республики Беларусь выделяет, кроме мер дисциплинарного взыскания, меры дисциплинарного воздействия. К работни-

кам, совершившим дисциплинарный проступок, независимо от применения мер дисциплинарного взыскания могут применяться: лишение премий, изменение времени предоставления трудового отпуска и другие меры. Виды и порядок применения этих мер определяются правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, соглашением, иными локальными нормативными правовыми актами [2]. Трудовое законодательство Украины лишь опосредованно устанавливает дополнительные неблагоприятные последствия воздействия на работника уже наложенного дисциплинарного взыскания. Ст. 151 КЗоТ Украины предусматривает, что в период срока действия дисциплинарного взыскания меры поощрения к работнику не применяются [3].

Литература

1. Трудовое право Республики Беларусь: Учеб.-метод. комплекс / И.В.Гущин, Л.Я.Абрамчик, А.Г.Авдей; Под ред. И.В.Гущина. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 333 с. ISBN 985-417-582-0
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 296-3 (по состоянию на 12 июня 2015 года) [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: // <http://www.pravo.by>
3. Кодекс Законов о труде Украины от 10 декабря 1971 года № 322-VIII (по состоянию на 12 июня 2015 года) [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: // <http://zakon4.rada.gov.ua>
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка /С.И. Ожегов. - М, 1961. - 600 с.
5. Лук'янчиков О.М. Про недоцільність розширення переліку дисциплінарних стягнень // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: Юридичні науки. Випуск 3. Том 1. – Херсон, 2013. – С. 141-144.
6. Венедиктов В.С. Теоретические проблемы юридической ответственности в трудовом праве: Монография. – Харьков: Консум, 1996. – 136 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСРОЧНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ТРУДА

Гуцко П.А., Белорусский государственный университет

Работники, занятые на работах с особыми условиями труда (Список № 1), подлежат профессиональному пенсионному страхованию. Работодатели уплачивают за таких работников взносы на профессиональное пенсионное страхование в соответствии с тарифами, установленными законодательством. От суммы взносов зависит размер профессиональных пенсий. Для целей совершенствования досрочного пенсионного обеспечения работников, занятых на работах по Списку № 1, актуальным является разрешение следующих вопросов: дифференциация тарифов взносов; увеличение размера тарифов взносов; распределение финансовой нагрузки между государством и работодателем.

Учеными-правоведами высказывается мнение о необходимости дифференциации тарифов взносов на профессиональное пенсионное страхование для работников, занятых на работах по Списку № 1. Например, А.Г. Авдей предлагает «разработать нормативный правовой акт, определяющий тарифы взносов на профессиональное пенсионное страхование для конкретных отраслей и категорий работников» [1, с. 438]. С.В. Кибовская обосновывает необходимость дифференциации тарифов взносов в зависимости от пола [2, с. 17].

Дифференциация тарифов взносов необходима, но не в зависимости от полового признака или вида производства, а в зависимости от класса вредности производства, в связи с тем, что категория профессионального риска должна являться основанием для предоставления досрочного пенсионного обеспечения. При этом важным шагом по совершенствованию, как порядка формирования профессионального стажа, так и досрочного выхода на пенсию, некоторые авторы считают распределение страховой нагрузки между работодателем, государством и работником. В экономически развитых странах используется следующая пропорция распределения страховой нагрузки: 2/3 взносов уплачивают работодатели или государство и 1/3 взносов уплачивают работники [2, с. 17]. Некоторые ученые (например, Г.М. Корженевкая, Д.В. Шабайлов, С. Гриб, С.В.

Кибовская и др.) объективно полагают, что повышение пенсионных взносов за счет работодателя не является эффективной мерой, а способствует росту себестоимости выпускаемой продукции, снижению реальной заработной платы работников. По мнению С.Н. Кибовской финансирование досрочных пенсий работников, занятых по Списку № 1, должно осуществляться работодателем, государством и работником. При этом государство должно нести нагрузку в размере 1/2 от установленного тарифа взносов [2, с. 20]. Мнение Автора можно считать лишь частично верным. Действительно, паритетное финансирование досрочных пенсий должно осуществляться относительно работников, занятых по Списку № 1, ввиду отсутствия объективной возможности улучшения особых условий труда. В свою очередь финансирование досрочных пенсий работников, занятых по Списку № 2, должно осуществляться только работодателем, который в силу законодательства обязан предпринять все необходимые меры по улучшению условий труда, учитывая, что это представляется возможным. Полагаем, что работник не должен являться участником финансирования досрочных пенсий, так как работы по Списку № 1 связаны с природно-климатическими условиями, представляют собой общественную потребность, особую важность для государства и общества, сопряжены с вредными и опасными технологиями, что требует поддержки (материальной, финансовой) со стороны государства. В связи с этим предлагается повышение тарифа взносов на профессиональное пенсионное страхование по Списку №1 возложить на государство, т.е. за счет средств республиканского бюджета.

Следовательно, считаем обоснованным, на наш взгляд, возложить страховую нагрузку, как на работодателей, так и на государство и повысить тарифы взносов в зависимости от класса условий труда, что будет способствовать социальной защите граждан, занятых длительное время в особых условиях труда. Пример распределения страховой нагрузки представлен в таблице 1.

Таблица 1

Классы условий труда	Величина тарифа взносов на про-		
----------------------	---------------------------------	--	--

	фессиональное пенсионное стра- хование	Государство	Работодатель
3.1; 3.2	10 %	1 %	9 %
3.3	11 %	2 %	9 %
3.4; 4	12 %	3 %	9 %

Таким образом, в целях повышения уровня пенсионного обеспечения работников, занятых по Списку № 1, а также совершенствования законодательства в области досрочного пенсионного обеспечения, предлагаем:

1) повысить тарифы взносов на профессиональное пенсионное страхование в отношении работников, занятых по Списку № 1, в зависимости от класса условий труда;

2) повышение тарифа взносов на профессиональное пенсионное страхование по Списку №1 возложить на государство, т.е. за счет средств республиканского бюджета.

Литература

1) Авдей, А.Г. К вопросу о правовом регулировании профессионального пенсионного страхования / А.В. Авдей // Функции трудового права и права социального обеспечения в условиях рыночной экономики: материалы X междунар. науч.-практ. конф., 4-5 апреля 2014 г. / состав. М.И. Акатнова, М.Э. Дзарасов. – Москва: Проспект, 2014. – С. 434-439.

2) Кибовская, С.В. Формирование страховых механизмов досрочного пенсионного обеспечения работников нефтяной промышленности: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / С.В. Кибовская; Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина. – Москва, 2012. – 23 с.

ЗАЧЕМ СОБЛЮДАТЬ СРОК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О РЕШЕНИИ ПРОДОЛЖИТЬ ИЛИ ПРЕКРАТИТЬ ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

Жвиридовская С.Л., Секретариат Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь

Часть третья пункта 1¹ Указа Президента Республики Беларусь от 12.04.2000 № 180 «О порядке применения Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29» (далее — Указ) содержит императивную норму о том, что каждая из сторон, заключивших контракт, не позднее чем за один месяц до истечения срока его действия письменно предупреждает другую сторону о решении продолжить или прекратить трудовые отношения.

Вместе с тем законодательством о труде не предусмотрены последствия нарушения месячного срока предупреждения. Более того, частью первой пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.06.2008 № 4 «О практике рассмотрения судами трудовых споров, связанных с контрактной формой найма работников» установлено, что несоблюдение данного условия может признаваться судом как нарушение установленного порядка увольнения с работы, которое не влечет восстановления на работе, но может являться основанием для вынесения судом решения о возмещении морального вреда, если такое требование заявлено.

Таким образом, ответственность может нести только наниматель: в случае обращения работника в суд о возмещении морального вреда согласно статье 246 ТК и в случае привлечения нанимателя к административной ответственности в соответствии с частью 4 статьи 19.9 КоАП. Для работника же ответственность и вовсе не предусмотрена.

Как видим, указанное нарушение не влечет восстановления на работе и не влияет на изменение даты прекращения контракта. В принципе, в данном случае можно говорить о том, что обязанность не корреспондируется с ответственностью за ее неисполнение, что в свою очередь влечет за собой повальное несоблюдение нанимателем сроков предупреждения.

В связи с этим полагаем необходимым закрепление в законодательстве о труде четких правовых последствий нарушения месячного срока предупреждения. В первую очередь такие последствия должны быть установлены в случае несоблюдения нанимателем срока предупреждения о прекращении контракта, так как работник лишается возможности в течение всего закрепленного Указом месячного срока предупреждения принять меры по поиску новой работы. В результате работник теоретически лишается заработка, который он мог бы получать на новом месте работы сразу же после увольнения. Полагаем, что в данном случае возможно два пути решения в законодательстве:

дополнение статьи 39 ТК нормой о том, что в случае нарушения срока предупреждения трудовые отношения считаются продолженными на неопределенный срок (полагаем данный вариант приоритетным как защищающий права работника);

закрепление по аналогии со статьей 79 ТК нормы, обязывающей нанимателя выплатить работнику средний заработок за все время вынужденного прогула, дата увольнения при этом изменяется с учетом соблюдения месячного срока предупреждения.

Рассматривая вопросы соблюдения срока предупреждения нельзя не обратиться к вопросу нарушения этого срока работником. На наш взгляд, целесообразно скорректировать норму Указа, ограничившись обязанностью работника предупредить о прекращении трудовых отношений, поскольку предупреждение о желании их продолжить в отсутствие аналогичного желания нанимателя не несет абсолютно никаких правовых последствий.

Другая ситуация — когда наниматель за один месяц до истечения срока контракта предупредил работника о намерении продлить контракт, но к последнему дню срока действия контракта ответа работника не получил.

В публикациях юристов-практиков исходя из того, что контракт продлевается при наличии согласия обеих сторон трудового договора, предлагается нанимателю в день истечения срока действия контракта направить работнику контракт для подписания. В случае отказа работника от подписания либо от-

сутствия ответа контракт прекратит свое действие в день окончания его срока в соответствии с пунктом 2 части второй статьи 35 ТК. При этом отказ работника (отсутствие ответа) целесообразно оформить актом об отказе от подписания контракта (отсутствии ответа) за подписями не менее трех человек.

При этом наниматель, безусловно, остается в невыигрышной ситуации: встает вопрос о нормальной деятельности организации, поскольку работу выполнять некому, пока наниматель не примет нового работника.

Аналогичная ситуация возникает, если об отказе работника продлевать контракт нанимателю станет известно в последний день. Между тем, согласно части пятой статьи 40 ТК, в последний день работы наниматель обязан выдать работнику трудовую книжку и произвести с ним окончательный расчет.

Встречаются ситуации, когда и наниматель, и работник предупредили друг друга о продолжении трудовых отношений за месяц до истечения срока действия контракта, но затем один из них передумал. Если передумал наниматель, должен включаться механизм продолжения трудовых отношений на неопределенный срок, так как наниматель пропустил месячный срок предупреждения. Если передумал работник, то в связи с тем, что согласия обеих сторон трудового договора на продление нет, контракт прекратит свое действие в соответствии с пунктом 2 части второй статьи 35 ТК.

В юридической литературе поднимался вопрос, возможно ли привлечение работника, который нарушил срок предупреждения, к ответственности. Так, Л.М.Дроздов высказал мнение о том, что, поскольку основные обязанности работников могут устанавливаться не только в законодательстве, но и в трудовом договоре (контракте), иных локальных нормативных правовых актах, а в свою очередь норма о необходимости предупреждения нанимателя содержится самостоятельным пунктом в тексте примерной формы контракта нанимателя с работником и практически всегда включается в заключаемые с работниками контракты, то данная обязанность является трудовой, а значит, ее неисполнение без уважительной причины является дисциплинарным проступком, за

совершение которого наниматель вправе применить к работнику меры дисциплинарного взыскания и (или) другие меры (например, лишение премии).

На наш взгляд, указанную позицию можно считать вполне обоснованной, но только лишь при установлении взаимной ответственности нанимателя за нарушение месячного срока предупреждения в целях реализации принципов целесообразности и справедливости.

Литература

1. Дроздов, Л.М. Истекает контракт? Предупреди нанимателя! [Электронный ресурс]: [по состоянию на 26.08.2015] / Л.М. Дроздов // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.

ЧАСТНЫЕ АГЕНТСТВА ЗАНЯТОСТИ КАК УЧАСТНИКИ ОТНОШЕНИЙ ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Зайцева Л.В. Тюменский государственный университет

С начала 1990-х годов на постсоветском пространстве стали возникать коммерческие посреднические организации, оказывающие услуги по поиску работы и подбору персонала. Это было связано с необходимостью удовлетворить спрос отдельных работодателей на открытом рынке труда. Сегодня прибыль частных агентств занятости (далее – ЧАЗ) в РФ от рекрутинговых услуг оценивается в 10 млрд руб. в год, а число закрытых ими вакансий за год составляет около 100 тыс. или всего 9% рынка труда [1, 57]. Эксперты МОТ отмечают, что ускоренное развитие ЧАЗ вызвано быстро меняющимся подвижным рынком труда; ограничениями, присущими деятельности государственных служб занятости; использованием ими других программ трудоустройства [2, 1].

Новым толчком в развитии коммерческого посредничества в России станет вступление в силу с 1 января 2016 года изменений, внесенных в Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» Федеральным законом от 05 мая 2014 № 116-ФЗ. Это позволит легитимизировать деятельность ЧАЗ по

представлению персонала и, возможно, подготовит ратификацию Конвенции МОТ «О частных агентствах занятости» (1997).

Новая редакция Закона РФ о занятости определяет ЧАЗ как юридические лица, зарегистрированные на территории РФ и прошедшие аккредитацию на право осуществления деятельности по временному предоставлению персонала. Но если коммерческая организация, оказывающая посреднические услуги на рынке труда, занимается, в основном, рекрутингом и не собирается заниматься предоставлением персонала? В том числе и потому, что не имеет ресурсов для того, чтобы отвечать критериям, требуемых для аккредитации и осуществления услуг по предоставлению персонала? Представляется, что предложенная российским законодателем дефиниция понятия ЧАЗ является неоправданно узкой. Такое определение не соответствует международным подходам, в частности ст. 1 Конвенции МОТ №181 о частных агентствах занятости 1997 г.

Вместе с тем эксперты МОТ характеризуют ЧАЗ как предприятия сферы услуг, в соответствии с частным правом осуществляющие по договору и на коммерческой основе деятельность от имени физических лиц (или предприятий) в целях упрощения или ускорения доступа к трудоустройству или карьерному росту путем заполнения вакансий [3, 11]. Здесь обнаруживается одно концептуальное отличие. В РФ агентство в типичных отношениях по оказанию посреднической услуги не выступает от имени работодателя или работника, не является представителем одной из сторон. Оно руководствуется обоюдными интересами сторон, обеспечивая их сближение с целью заключения трудового договора. Исключением будет являться вводимое в РФ с 2016 года предоставление ЧАЗ временного персонала.

На наш взгляд, за ЧАЗ должна быть законодательно закреплена возможность предоставлять посреднические услуги по трудоустройству и пр., без оказания услуг по предоставлению персонала. Государственная аккредитация и критерии её прохождения действительно могут быть связаны с получением права на оказание ими услуг по предоставлению персонала, как и получение лицензии дает право ЧАЗ оказывать услуги по трудоустройству граждан за ру-

бежом [4]. Закон должен учитывать, что «формы деятельности ЧАЗ могут быть различными», они могут образовываться как «кадровые агентства, биржи труда, рекрутинговые агентства, агентства по трудоустройству, агентства по трудоустройству за рубежом и подбору временной занятости» [5, 5-6]. И все эти организации, исходя из определения Конвенции МОТ №181, можно назвать частными агентствами занятости.

Более гибкое и менее формализованное регулирование деятельности ЧАЗ имеется в законодательстве отдельных стран СНГ. Например, в Законе Республики Казахстан от 23 января 2001 года №149 «О занятости населения» [5] ЧАЗ определено, как физическое или юридическое лицо, оказывающее содействие в трудоустройстве, зарегистрированное в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

Аналогичный позитивный опыт законодательного регулирования частного посредничества в трудоустройстве можно обнаружить и в законе Украины «О занятости населения» (в редакции закона № 1221-VII от 17.04.2014) [6].

Представляется, что адекватное законодательное регулирование деятельности ЧАЗ будет способствовать, с одной стороны, эффективной защите прав граждан в области занятости и трудоустройства, с другой стороны, создаст условия для цивилизованного рынка частных услуг на рынке труда. Дальнейшее же совершенствование российского законодательства по рассматриваемому вопросу необходимо и с точки зрения его гармонизации с международным регулированием.

Литература

1. Маслова И. Институты российского рынка труда в механизме регулирования процессов занятости // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. №5. С.39 – 66.
2. Guide to private employment agencies. Regulation, monitoring and enforcement Geneva, International Labour Office, 2007.
3. МОТ: Роль частных агентств занятости в функционировании рынка труда. Женева, 1994.

4. Постановление Правительства РФ от 08 октября 2012 № 1022 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности, связанной с оказанием услуг по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 42. Ст. 5713.

5. Болдырев С.И. О законодательных новациях в сфере регулирования деятельности частных агентств занятости в рамках СНГ // Миграционное право. 2011. № 2. С.5 – 6.

6. Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2001. № 3. Ст. 18.

7. Відомості Верховної Ради. 2013. № 24. Ст.243.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГИБКИХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Касьянова Е.В., Комоцкая И.А., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Современные социально-экономические условия развития общественных отношений в области применения труда обуславливают необходимость совершенствования существующих форм занятости населения, а также более широкого применения гибких форм занятости. Полагаем, что рассматриваемые вопросы не получили должного теоретического осмысления в научных исследованиях по трудовому праву, правоотношения в области гибких форм занятости недостаточно урегулированы в национальном законодательстве. Более того, до настоящего времени отсутствует легальное определение термина «гибкие формы занятости».

Для выработки собственной позиции по рассматриваемому вопросу полагаем целесообразным изучить выработанные в науке трудового права подходы к исследуемому понятию, в том числе путем рассмотрения вопроса о традиционной форме занятости.

Чичина Е.В., анализируя понятие стандартной занятости, выделяет ряд характерных его признаков: работа в помещении и со средствами труда, принадлежащими нанимателю; работа на условиях установленной законодательством нормальной продолжительности рабочего времени; наличие трудового до-

говора на неопределенный срок; нахождение в сфере действия трудового права (несамостоятельная занятость) [1, с. 18]. Однако полагаем, что данная позиция не является бесспорной, поскольку автор не учитывает то обстоятельство, когда работа может выполняться вне помещения, которое принадлежит нанимателю (командировка, разъездной характер работы и др.).

Кривой Я.В. рассматривает традиционную форму занятости с точки зрения различия работников на «типичных» и «нетипичных». При этом автор полагает, что «типичные» работники составляют основу рынка труда и, как правило, заняты полный рабочий день (т.е. высококвалифицированные специалисты, которых организации стремятся нанимать на условиях бессрочного трудового договора) [2, с. 19]. Однако полагаем, что автором не учитываются иные признаки традиционной занятости.

Более полное представление о традиционной занятости было предложено Лушниковым А.М., который отмечает, что традиционная занятость предполагает заключение бессрочного трудового договора на полный рабочий день на стационарном рабочем месте под контролем работодателя с постоянным окладом [3, с. 279].

В науке трудового права сформулированы различные определения термина «гибкие формы занятости». Так, Томашевский К.Л. полагает, что гибкие (нестандартные, атипичные) формы занятости – это такая организация правоотношений, при которой трудящийся выполняет работу не по трудовому договору с неопределенным сроком, а с иной продолжительностью рабочего времени, чем полное рабочее время, и с особым режимом рабочего времени или на рабочем месте, удаленном от его места работы [4, с. 13]. Ученый намерено не указал на отраслевой вид правоотношений, тем самым подчеркнув, что гибкие формы занятости могут оформляться и посредством гражданско-правовых отношений, а также применил термин «трудящийся», который является более широким по сравнению с термином «работник».

Масловская В.В. гибкие формы занятости определила как трудовые отношения между нанимателем и работником, отличные от отношений, основан-

ных на трудовом договоре на неопределенный срок, предусматривающем работу в условиях нормальной продолжительности рабочего времени [5]. Данный автор к нетипичным формам занятости относит только широко применяемые в Республике Беларусь (срочные трудовые договоры, неполное рабочее время, нестандартный режим рабочего времени и надомный труд).

Наряду с указанными определениями термина «гибкие формы занятости» в науке трудового права также сформулировано определение термина «атипичная форма занятости», под которой Котова Л.В. понимает трудовую деятельность работников определенной классификационной группы, которая предусмотрена или не запрещена действующим законодательством, однако по особенностям организации режима рабочего времени, рабочего места и условий работы не отвечает стандартным (типичным) правилам и нуждается в специальном механизме правового регулирования и организационно-экономического обеспечения [6, с. 85].

Таким образом, не упоминая значимости сформулированных в науке трудового права определений рассматриваемого термина, считаем, что под гибкой формой занятости следует понимать правоотношения между трудящимся и нанимателем (заказчиком услуг) по поводу выполнения работ в рамках срочного трудового договора, а также трудового договора, предусматривающего гибкий режим рабочего времени и работу вне рабочего места нанимателя, или в рамках гражданско-правового договора.

Литература

1. Чичина, Е.В. Гибкие формы занятости: сферы интересов нанимателя и работника / Е.В. Чичина // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 11. – С. 15 – 18.
2. Кривой, Я.В. Преимущества и недостатки использования гибких форм занятости / Я.В. Кривой // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 11. – С. 19 – 22.
3. Лушников, А.М. Нетипичные трудовые договоры в начале XXI века / А.М. Лушников // Правовые средства обеспечения развития экономики Респуб-

лики Беларусь: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 – 10 нояб. 2007 г. / редкол. : И.Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – С. 279-289.

4. Томашевский, К.Л. Гибкие формы занятости: понятие, формы и анализ рекомендаций / К.Л. Томашевский // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 11. – С. 12 – 15.

5. Масловская, В.В. Рекомендации по применению гибких форм занятости [Электронный ресурс] : [по состоянию на 13.07.2011 г.] / В.В. Масловская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.

6. Котова, Л.В. Поняття та юридична природа альтернативних форм зайнятості у сучасних умовах / Л.В. Котова // Актуальні проблеми права: теорія і практика. - № 25. – 2012. – С. 83 – 95.

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА (КОНТРАКТА) С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СПОРТСМЕНОМ

Косяченко Д.Г., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Статья 35 Трудового Кодекса Республики Беларусь (далее – ТК РБ) устанавливает основания прекращения трудового договора для всех категорий работников, в том числе и профессиональных спортсменов [1, ст. 35]. Частные случаи применения указанных выше оснований содержатся в декрете Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 № 29 [2], постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 1999 № 1476 [3].

Важную роль в правовом регулировании труда профессиональных спортсменов играют корпоративные нормы, содержащиеся в актах федераций по видам спорта. Так, регламент ассоциации «Белорусская федерация футбола» по статусу и трансферам футболистов предусматривает следующие основания прекращения контракта с футболистом: исключение клуба из числа участников соревнований [4, ст. 12]; проведение футболистом в течении сезона менее 10% официальных матчей за основной состав клуба во всех соревнованиях на про-

тяжении трех сезонов подряд; в случае уважительных причин (существенное нарушение клубом контракта; невключение футболиста-профессионала, достигшего возраста 21 года, в заявку клуба на текущий сезон, не связанное с его временной нетрудоспособностью, вызванной спортивной травмой или заболеванием, дисквалификацией, переходом в другой клуб на условиях «аренды»; утрата клубом профессионального статуса) [4, ст. 13].

Положением общественной организации «Белорусская федерация гандбола» о внутриреспубликанских переходах спортсменов из одного клуба в другой предусмотрено, что досрочное расторжение контракта возможно в случаях, если это оговорено в самом контракте, стороны достигли письменного соглашения по этому вопросу, одной из сторон нарушены условия контракта, есть соответствующее решение судебных органов [5, п. 2.8].

Статья 5.18 Положения о внутриреспубликанских и международных переходах спортсменов, утвержденного общественным объединением «Белорусская федерация баскетбола», устанавливает, что действие договора о спортивной деятельности может быть прекращено по следующим основаниям:

- в любое время, если клуб не выплачивает игроку-профессионалу вознаграждения свыше трех месяцев, а также систематически нарушает условия заключенного договора, локальных нормативных актов ОО «БФБ»;
- в случае систематического нарушения игроком-профессионалом положений заключенного договора, локальных нормативных актов ОО «БФБ»;
- в случае спортивной дисквалификации игрока-профессионала на срок не менее четырех месяцев и иные [6, ст. 5.18].

Вместе с тем ТК РБ был дополнен главой 26¹ «Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта». В частности статьей 314¹¹ предусмотрены дополнительные основания прекращения трудового договора со спортсменом, помимо оснований, предусмотренных ТК РБ и иными законодательными актами:

- 1) спортивная дисквалификация спортсмена на срок шесть и более месяцев;

- 2) использования спортсменом допинга;
- 3) недостижения определенных спортивных результатов при условиях, что достижение этих результатов было предусмотрено трудовым договором и спортсмену были созданы нанимателем необходимые условия для их достижения [1, ст. 314¹¹].

Таким образом, статья 35 ТК РБ устанавливает общие основания прекращения трудового договора для всех категорий работников. В правовом регулировании труда профессиональных спортсменов также широкое распространение получили корпоративные нормы, принимаемые федерациями по виду спорта. Так корпоративные нормы либо содержат основания расторжения трудового договора (контракта) с профессиональным спортсменом аналогичные основаниям, указанным в ТК РБ, либо устанавливают иные, но в обоих случаях с учетом особенностей профессиональной деятельности в конкретном виде спорта. Частичным решением указанной проблемы стало дополнение ТК РБ главой 26¹ «Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта», устанавливающей дополнительные основания прекращения трудового договора с профессиональным спортсменом.

Литература

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь, 26 июля 1999 г. № 296-3 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. - № 2/70.
2. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г. № 29 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. - № 1/512.
3. Об утверждении Положения о порядке и условиях заключения контрактов нанимателей с работниками: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 сентября 1999 г. № 1476 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. - № 5/1741.

4. Регламент ассоциации «Белорусская федерация футбола» по статусу и трансферам футболистов // Ассоциация «Белорусская федерация футбола» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://abff.by/index.php?option=com_phocadownload&view=file&id=140:reglament-abff-po-statusu-i-trasferam-futbolistov&Itemid=474&lang=ru. – Дата доступа : 10.06.2015.

5. Положение о внутривнутриреспубликанских переходах спортсменов из одного клуба в другой // Общественная организация «Белорусская федерация гандбола» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://handball.by/images/stories/Documents/polozhenie_o_perehodah_2014.pdf. – Дата доступа: 10.06.2015.

6. Положение о внутривнутриреспубликанских и международных переходах спортсменов // Общественное объединение «Белорусская федерация баскетбола» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://www.bbf.by/frontend/webcontent/file/docs/Polozhenie%20o%20perehodah_2012.pdf. – Дата доступа : 10.06.2015.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ О ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Мотина Е.В., Белорусский государственный университет

Отраслевое законодательство содержит гарантии реализации конституционного права на защиту (ст. 60 Конституции Беларуси), предусматривая определенный порядок и систему органов, уполномоченных разрешать трудовые споры. Межотраслевой институт подведомственности определяет предмет ведения указанных органов. В рамках юрисдикционной стадии рассмотрение трудового спора происходит в примирительно-посреднических, судебных, административных органах. В настоящее время трудовое законодательство допускает множественную подведомственность трудовых споров, подразумевающую возможность рассмотрения данных категорий споров различными органами. К

предмету трудового права относится лишь часть отношений по разрешению трудовых споров. Это споры, которые рассматриваются в комиссиях по трудовым спорам (далее – КТС), в органах примирения, посредничества и арбитража для урегулирования трудовых споров.

Критерии определения подведомственности позволяют правильно выбрать управомоченный орган и своевременно обратиться за защитой нарушенного права или интереса. По отношению к трудовым спорам критериями подведомственности выступают предмет (содержание) спора (право или законный интерес) и субъектный состав спора (индивидуальный, коллективный).

Разграничение споров о праве и споров об интересе в ключе их подведомственности не четко отражается в действующем законодательстве. Для индивидуальных споров об интересе не прописана специальная процедура рассмотрения и разрешения. Для коллективных трудовых споров о праве не предусматривается возможность судебного рассмотрения.

Полагаем, что требуется комплексный подход к определению подведомственности трудовых споров исходя из их правовой природы, предмета трудового права, принципов социального партнерства, а также правовой природы органов, разрешающих трудовые споры. Возможно, прямое следование указанной выше конституционной норме привело к тому, что в трудовом законодательстве отсутствует специальная процедура разрешения индивидуальных трудовых споров об интересе. Характерно, что в КЗоТ БССР разграничивалась процедура разрешения споров о праве и споров об интересе. Первые подлежали рассмотрению в КТС и суде, вторые рассматривались профсоюзом и нанимателем в пределах предоставленных им прав.

В настоящее время распространенной является точка зрения, отражающая двоякое понимание права на иск, которое сочетает в себе два относительно самостоятельных понятия: право на предъявление иска (право на иск в процессуальном смысле) и право на удовлетворение иска (право на иск в материальном смысле). Можно обратиться в суд с требованием об установлении новых условий труда, если наниматель не обязан это делать. Однако получить защиту за-

конного интереса в судебном порядке не представляется возможным, поскольку такой интерес в трудовом праве реализуется без использования механизма государственного принуждения. Сама процедура установления индивидуальных условий труда не сводится к правоприменению, а приближается к правоустанавливающей деятельности [1, с. 19]. Поэтому основной формой защиты законного интереса в сфере труда должен признаваться именно согласительный порядок [2, с. 763]. С учетом особенностей спорного материального отношения, лежащего в основе индивидуального спора об интересе, в трудовом законодательстве следует предусмотреть такой порядок. Тем более, что основой для этого может служить прогрессивная норма ст. 251 ТК, нуждающаяся в других конкретизирующих нормах (о видах споров, подлежащих рассмотрению, о сроках обращения, о соотношении со сроками ст. 242 ТК и др.).

Следует также рассмотреть возможность наделения КТС дополнительными функциями по разрешению споров об интересе, поскольку в настоящее время такие споры КТС не подведомственны (ст. 233 ТК). КТС – паритетный орган, включающий представителей нанимателя и работников. По своей правовой природе этот орган предназначен для осуществления примирения сторон, поиска компромиссных решений. Об этой функции свидетельствует и порядок принятия решения КТС: согласительный (ч. 1 ст. 238 ТК), основывающийся на принципах социального партнерства. Такой подход законодателя в большей степени направлен на разрешение споров об интересе, в то время как КТС, если она создана у нанимателя, является обязательным первичным органом для разрешения всех споров о праве, за исключением тех из них, что отнесены к исключительной подведомственности суду.

Зеркальная ситуация сложилась и в сфере разрешения коллективных споров о праве, для которых не сделано исключений из подведомственности этих споров органам примирения и арбитража.

Таким образом, трудовые споры об интересе предполагают применение примирительно-посреднических процедур как сторонами самостоятельно, так и органами по рассмотрению и разрешению трудовых споров на основе принципа

соглашения. Для споров о праве следует установить альтернативную подведомственность, допускающую и примирительный (ст. 251, 379 ТК), и судебный порядок разрешения спора (ст. 241 ТК). Этот вывод верен как для индивидуальных, так и для коллективных трудовых споров о праве.

1. Курушин, А.А. Трудовые споры: понятие, структура, виды, подведомственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / А.А. Курушин; Ульяновск. гос. ун-т. – Ульяновск, 2003. – 28 с.

2. Лушникова, М. В. Очерки теории трудового права / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 938 с.

НОВОЕ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Опанасюк И.О., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5) в правоприменительной практике в сфере трудового законодательства стало возникать немало вопросов относительно того, норму какого нормативного правового акта (Декрета № 5 или Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)) следует применять в конкретной ситуации. Декрет № 5 затронул не только вопросы трудовой дисциплины работников, но и вопросы, связанные с применением мер дисциплинарных взысканий, а также вопросы, затрагивающие непосредственные обязанности нанимателя.

Одним из способов обеспечения трудовой дисциплины в организации является метод принуждения, предусматривающий в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения работником своих трудовых обязанностей привлечения его к дисциплинарной ответственности. Часть 1 ст. 198 ТК содержит меры дисциплинарного взыскания, а ч. 4 называет меры правового воздействия,

виды и порядок применения которых определяются локальными нормативными правовыми актами организации (далее – локальными актами).

Введение новой меры дисциплинарного взыскания на основании Декрета № 5 обязывает руководителя организации внести ее в локальный акт, после чего применять лишение дополнительных выплат стимулирующего характера сроком до 12 месяцев как меру дисциплинарного взыскания в отношении работников нарушивших трудовую дисциплину [1].

К выплатам стимулирующего характера можно отнести различного рода доплаты, надбавки, премии. При этом доплаты выплачиваются за дополнительный объем работы и устанавливаются по соглашению сторон, надбавки – за продолжительность непрерывной работы, за классность, сложность и напряженность работы и т.п. и устанавливаются нанимателем на основании коллективного и трудового договора. Премия выплачивается работнику за конкретный результат труда, определенный в локальном акте.

Таким образом, если работника лишают премии за месяц – это рассматривается как мера правового воздействия, если же работнику была установлена надбавка в контракте за продолжительный стаж работы и он допускает нарушение трудовой дисциплины, лишить данной меры стимулирующего характера в данном случае работника нельзя.

В ст. 49 ТК предусмотрены основания для отстранения работников от работы [2]. Отдельные работники рассматривают такие действия нанимателя, как применение к ним одной из мер дисциплинарного взыскания.

Подпункт 3.4. п. 3 Декрета № 5 содержит дополнительное основание отстранения работника от работы при выявлении допущенных им нарушений трудовой дисциплины, повлекших или способных повлечь причинение организации ущерба. Следовательно, в целях не допущения большего причинения вреда организации, наниматель вправе отстранить работника от работы. Однако в нормативном акте не предусмотрены конкретные неправомерные действия (бездействия) со стороны работника, которые могли бы причинить вред в раз-

мере 3 среднемесячных заработных плат работника, что является пробелом, который может быть устранен путем локального урегулирования.

Таким образом, отстранение работника от работы, в т.ч. на основании подп. 3.4. п. 3 Декрета № 5, не является мерой дисциплинарного взыскания, носит временный характер, но при этом, может, учитывается при решении вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности по усмотрению нанимателя.

Статья 46 ТК обязывает нанимателя при расторжении трудового договора по его инициативе предварительно, но не позднее чем за 2 недели, уведомить соответствующий профсоюз. Уведомление профсоюза не требуется, если трудовой договор расторгается нанимателем в соответствии с п. 2 и п. 7 ст. 42 ТК.

Подпункт 3.5. п. 3 Декрета № 5 допускает расторжение трудового договора (контракта) с работником, допустившим нарушение трудовой дисциплины, повлекшее причинение организации ущерба в размере, превышающем 3 среднемесячных заработных плат работника. Увольнение по данному основанию производится с одновременным уведомлением (в день увольнения) соответствующего профсоюза, что противоречит ст. 46 ТК.

Частью 2 ст. 46 ТК допускается возможность предусмотреть в коллективном договоре (соглашении) необходимость получения нанимателем согласия соответствующего профсоюза и установить соответствующие случаи, когда расторжение трудового договора по инициативе нанимателя может производиться только с предварительного согласия профсоюза.

Следовательно, ни ТК, ни Декрет № 5 не обязывают нанимателя получать предварительное согласие профсоюза на расторжение трудового договора по инициативе нанимателя. Однако если такая необходимость будет предусмотрена в коллективном договоре (соглашении), расторжение трудового договора с работником по инициативе нанимателя, в т.ч. по дискредитирующим основаниям, без предварительного согласия профсоюза будет незаконным.

Литература

1. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // Консультант Плюс Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – Дата доступа: 27.05.2015.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь с комментарием наиболее важных изменений, внесенных Законом Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 131-3 / авт. коммент. Л.И. Липень. – Минск : Амалфея, 2014. – 304 с.

КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРУДЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Томашевский К.Л., Международный университет «МИТСО»

В настоящих тезисах доклада кратко остановимся на тех ключевых моментах, которые могли бы составить основу Концепции новой кодификации законодательства о труде Республики Беларусь.

Начинать кодификацию нужно с общей части трудового права и соответственно раздела I «Общие положения» Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК, если не указано иное).

Целесообразно отдельную главу раздела 1 посвятить «Принципам трудового права». При этом был бы учтен подход, использованный в ст.2–4 ТК России, ст.4–8 ТК Казахстана. В данной главе следовало бы перечислить и раскрыть те основополагающие начала (отраслевые и межотраслевые принципы), которые должны пронизывать все нормы отрасли трудового законодательства и использоваться судами и иными правоприменителями при преодолении пробелов по аналогии права. Данная глава должна включать, по меньшей мере, четыре статьи: статья «Основные начала трудового законодательства», закрепляющая перечень принципов трудового права; четыре статьи, посвященные основополагающим принципам и правам в сфере труда, провозглашенным в Декларации МОТ 1998 года (свобода объединения и действительное признание права на ведение коллективных переговоров; упразднение всех форм принудительного

или обязательного труда; действенное запрещение детского труда; недопущение дискриминации в области труда и занятий). В настоящее время в ст.13 и 14 ТК закреплены в усеченном виде только два из четырех принципов.

Главу 1 необходимо дополнить статьями «Локальные правовые акты нанимателя», «Коллизионные нормы трудового права», «Преодоление пробелов в трудовом праве» (конкретные редакции этих новых статей нами обоснованы в докторской диссертации, защищенной в 2015 году). Нынешние редакции ст. 7 и 8 ТК также нуждаются в существенной доработке с учетом тех конкретных предложений, которые были обоснованы нами в рамках того же диссертационного исследования.

В раздел 1 также следовало бы включить отдельную главу «Правовой статус субъектов трудового права (вариант: участников трудовых и связанных с ними отношений)», в которой кодифицировать нормы, определяющие правовое положение работников (ст.11, 53 ТК), нанимателей (ст.12, 54, 55 ТК), профсоюзов (Закон «О профессиональных союзах), дополнить нормами об объединениях нанимателей, государственных органах, осуществляющих надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде.

Наконец, в разделе 1 ТК была бы уместна отдельная глава, посвященная срокам в трудовом праве, т.к. ныне действующая ст.10 ТК создает больше проблем на практике, чем пользы, поскольку не учитывает различия в давностных, процессуальных и процедурных сроках, которые имеют специфику исчисления.

2. Раздел «Общие правила регулирования коллективных трудовых отношений» стоило бы сделать вторым, а не четвертым (как сейчас), учтя разумный опыт ТК РФ, ТК Казахстана, ТК Армении, ТК Кыргызстана, и целесообразность гармонизации с ними законодательства в социально-трудовой сфере. Дело в том, что право социального партнерства, являясь по существу подотраслью трудового права, имеет прямое отношение и к общей части трудового права (в части правового статуса субъектов и принципам социального партнерства) и к особенной (в части конкретных форм социального партнерства). В данном разделе стоило бы предусмотреть три главы «Общие положения о социальном

партнерстве (понятие, принципы, субъекты социального партнерства и их представители; трехсторонние органы социального партнерства); «Коллективные переговоры», «Коллективные договоры и соглашения», «Участие работников в управлении организацией».

3. Третьим разделом нового ТК стоило бы сделать нынешние раздел II «Общие правила регулирования индивидуальных трудовых и связанных с ними отношений», кодифицировав в него новые главы «Правовое регулирование занятости и трудоустройства» (на основе Закона «О занятости населения Республики Беларусь»), включив новые главы «Правовое регулирование учебно-трудовых отношений», «Повышение квалификации, подготовка и переподготовка работников». В этот же раздел нужно перенести главу «Материальная ответственность сторон трудовых отношений», сформулировав шире, чем нынешняя гл.37, охватив в ней как материальную ответственность работников, так и нанимателей, их должностных лиц.

4. Из раздела 2 действующей редакции ТК следовало бы исключить главу «Разрешение индивидуальных трудовых споров», перенеся ее вместе с главами «Разрешение коллективных трудовых споров», «Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде» и с новой главой «Самозащита работниками трудовых прав» в четвертый раздел нового ТК «Трудовое процессуальное право. Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде».

5. Пятый раздел ТК нужно посвятить «Особенностям регулирования труда отдельных категорий работников», который должен содержать максимальный объем специальных норм, обеспечивающих дифференциацию правового регулирования труда тех категорий работников, которые нуждаются в особом правовом регулировании. Причем этот раздел нуждается в дополнении рядом глав: «Особенности регулирования труда у индивидуальных предпринимателей и в микроорганизациях», «Особенности регулирования дистанционного труда работников», «Особенности применения труда частными агентствами занятости», «Особенности регулирования труда педагогических и научных работников», «Особенности регулирования труда в религиозных организациях».

6. Шестой раздел ТК «Заключительные положения» следует сохранить.

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Шишко Г.Б., Белорусский государственный университет

1. В Конституции Республики Беларусь закреплён ряд социально-экономических прав граждан: запрет принудительного труда, право на объединение в профессиональные союзы, на забастовку, на отдых, на социальное обеспечение, на заключение коллективных договоров (соглашений). В связи с этим исследование актуальных вопросов защиты гражданами своих экономических и социальных интересов, выявление коллизий и пробелов в нормах трудового права и практике их применения, проведение комплексных правовых исследований, связанных с разрешением коллективных трудовых споров, вызывают не ослабевающий научный интерес ученых.

2. В целях расширения диспозитивных начал в регулировании коллективных трудовых споров и стимулирования нанимателя к детализации учредительных документов и локальных нормативных правовых актов формулируются рекомендации по совершенствованию трудового законодательства, предусматривающие:

– непосредственное достижение соглашений и договоренностей самими сторонами коллективного трудового спора, право на выбор ими примирительно-посреднического и третейского органа, введения административной ответственности нанимателя в виде штрафа налагаемого, Департаментом государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь за неисполнение принципа добросовестного ведения переговоров, уклонения от организации собраний и конференций, участия в примирительно-посреднических и третейских процедурах, неправомерные действия в отношении работников в период объявления и проведения забастовки;

– дополнение ч. 2 ст. 381 ТК, положением об *обязательности*

исполнения договоренностей, достигнутых на заседании членами примирительной комиссии;

– право на объявление и проведение забастовки без предварительных *процедур* в случае повторного возникновения в течение одного года аналогичного по предмету коллективного трудового спора, решение по которому было принято в пользу работников.

3. Устанавливаются *три классификационные группы принципов*, лежащие в основе механизма реализации правовых норм при разрешении коллективных трудовых споров:

– *общая группа* принципов вытекает из положений Конституции Республики Беларусь [1], но главные черты, содержание и основная направленность прослеживается при преломлении этих принципов в регулировании индивидуальных и коллективных трудовых споров;

– *специальная группа* принципов присуща исключительно периоду становления и развития правоотношений по разрешению коллективных трудовых споров, она отражает устой коллективных трудовых отношений как единых и целостных;

– *специфическая группа* принципов современного периода, в которой прослеживается сложность урегулирования отношений по разрешению коллективных трудовых споров (*спорово праве* и *споров об интересе*), при этом необходимо внести предложение о закреплении принципов разрешения коллективных трудовых споров в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) [2].

4. На основе анализа концептуальных взглядов ученых о соотношении и разграничение процедурных и процессуальных правоотношений полагаем целесообразным внести предложение о том, что для достижения ожидаемого ре-

зультата при разрешении коллективных трудовых споров необходим механизм повышающий эффективность реализации норм, предполагающий:

- совершенствование законодательства о коллективных трудовых спорах, в частности внесение изменений и дополнений в гл. 36 ТК, с учетом универсальных «обслуживающих» трудовое право норм административного и гражданского законодательства;
- последовательное развитие правового института – процедурные и процессуальные нормы по разрешению коллективных трудовых споров

5. Для более полного учета существующих различий в реализации механизма правового регулирования отношений по разрешению коллективных трудовых споров предлагаются меры производственно-экономического, социально-партнерского и организационно-правового характера, включающие:

- использование нетрадиционных механизмов предотвращения спорных ситуаций, обобщение эмпирических данных, систематизацию причин и условий возникновения коллективных трудовых споров, рекомендации по совершенствованию ТК посредством закрепления в нем определений *примирительной, примирительно-посреднической и третейской процедуры* в целях наиболее полного учета различий в способах урегулирования отношений по разрешению коллективных трудовых споров;
- заключение трехсторонних соглашений в целях предупреждения возникновения коллективных трудовых споров (Федерация профсоюзов Беларуси, наниматель или собственник имущества, трудовой арбитр).

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17

октября 2004 г.). – 7-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изменениями и дополнениями от 8 января 2015 г.: вступает в силу с 12 июля 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Ясинская-Казаченко А.В., Белорусский национальный технический университет

Принципы правового регулирования отношений по разрешению коллективных трудовых споров не нашли закрепления в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) [1] и теоретическое исследование их не проводилось, при этом они являются важным инструментом анализа регулирующего воздействия норм права на общественные отношения. Установление принципов, на которых может осуществляться разрешение коллективных трудовых споров, не исключает возможности внесения соответствующих изменений и дополнений в трудовое законодательство в целях выражения исходных нормативных руководящих начал и восполнения имеющегося пробела.

С.П. Маврин полагает, что правовое регулирование отношений по разрешению коллективных трудовых споров основывается на принципах равноправия сторон в деле, примирительно-партнерского характера процессуальных форм разрешения, непосредственного представительства сторон в органах, обязательности решений и отсутствия кассационных инстанций относительно обжалования решений [2, с. 255]. Предлагается дополнить названный Кодекс статьей 377¹, в которой установить исходные нормативные руководящие начала содержания конкретных норм, в следующих принципах:

принцип взаимодействия и равноправия сторон при разрешении коллективного трудового спора. Принцип взаимодействия сторон означает, что каждая сторона коллективных трудовых отношений имеет право направлять другой стороне письменное требование о проведении коллективных переговоров, выступать с инициативой о заключении, изменении или дополнении коллективного договора (соглашения). При определении содержания *принципа равноправия сторон* внимание акцентируется на том, что ни одна из сторон не имеет преимуществ и привилегий, обладает равными правами и возможностями в отстаивании своей позиции и защите своих интересов. Согласно законодательству государств Европейского союза каждый работник должен иметь возможность влиять на решения, которые определяют его трудовую жизнь. Для работника это означает возможность участия в принятии решения на конкретном рабочем месте – это форма *самоуправляемости трудового коллектива* при равноправном содержании автономных полномочий сторон в коллективных трудовых отношениях;

принцип неразрывной связи равных социальных прав трудового коллектива с обязанностями перед обществом при разрешении коллективных трудовых споров. Данный принцип означает, что права и обязанности работников и нанимателей при разрешении коллективных трудовых споров не могут существовать отдельно друг от друга. Эта *парная юридическая категория* отражается в основных правах и обязанностях работников (п. 2–6 ст. 11; п. 2, 3, 6, 11 ст. 53 ТК), в основных правах и обязанностях нанимателя (п. 2, 3, 7 ст. 12; п. 2, 3, 5 ст. 54 ТК), а также в общих правилах, регулирующих индивидуальные трудовые и связанные с ними отношения (раздел 2 ТК), коллективные трудовые отношения (раздел 4 ТК), так или иначе относящихся к правовому регулированию отношений по разрешению коллективных трудовых споров;

принцип гарантированности прав и свобод трудового коллектива при разрешении коллективных трудовых споров. Данный принцип означает, что в Республике Беларусь установлена *система государственных органов контроля и надзора* с целью защиты трудовых прав граждан. К указанным органам относятся специально уполномоченные государственные органы надзора и контро-

ля, в соответствии с ТК осуществляющие общий контроль за соблюдением законодательства о труде (ст. 462 ТК), в том числе в области исполнения коллективных договоров, соглашений (ст. 375 ТК). В систему защиты трудовых прав граждан входит также общественный контроль за соблюдением законодательства о труде, который осуществляют профессиональные союзы (ст. 463 ТК).

принцип контроля за выполнением обязательств при разрешении коллективных трудовых споров. Данный принцип заключается в проверке соответствия фактической деятельности сторон принятым обязательствам, в корректировке этой деятельности и применении санкций к виновным лицам.

принцип реальности обеспечения обязательств при разрешении коллективного трудового спора. Наиболее общий смысл этого принципа заключается в том, что возложение на нанимателя ответственности перед работниками не освобождает его от обязанности выполнить все предусмотренные обязательства. При очерчивании границ принципа реальности исполнения обязательств в рамках самих договоренностей обнаруживается, что он применим лишь на стадии нарушения обязательств. В связи с этим данный принцип может быть реализован только с помощью специального механизма принудительного влияния в случае, если наниматель добровольно не выполняет обещаний, достигнутых в результате разрешения коллективного трудового спора;

принцип свободного выбора форм и способов урегулирования разногласий при разрешении коллективного трудового спора. Данный принцип предполагает возможность работников *выбирать формы и способы урегулирования разногласий*, широкого использования примирительно-посреднических, третейских и альтернативных процедур разрешения коллективного трудового спора. Введение данного принципа может способствовать предоставлению работникам права на обращение в третейский суд, а также созданию специализированной коллегии по трудовым спорам при Верховном Суде Республики Беларусь.

В связи с этим предлагается дополнить ТК статьей 377¹ «Основные принципы разрешения коллективных трудовых споров», следующего содержания: «Основными принципами разрешения коллективных трудовых споров являют-

ся: взаимодействие и равноправие сторон; неразрывной связи равных социальных прав трудового коллектива с обязанностями перед обществом; гарантированности прав и свобод трудового коллектива; контроля за выполнением обязательств; реальности обеспечения обязательств; свободного выбора форм и способов урегулирования разногласий».

Литература

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изменениями и дополнениями от 8 января 2015 г.: вступает в силу с 12 июля 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

2. Трудовое право России : учебник / Т. В. Иванкина [и др.] ; под ред. А.С. Пашкова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. – 288 с.

РАЗДЕЛ X. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРАВА

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Барков А.В., ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ

2015 год – год завершения реализации целей, определенных в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция) [1]. Пришло время оценить шаги, предпринятые законодателем за минувшие без малого 5 лет для решения задач, поставленных в Концепции. Предметом нашего анализа будут законодательные аспекты материального уголовного права.

С 2011 г. изменения и дополнения в УК Беларуси были внесены на основании 17 законов. Но только один из них можно отнести к документу, направленному на системное воплощение в жизнь положений Концепции. Это Закон Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З [2].

Концепция обязывает принять меры по оптимизации наказаний, в том числе наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ, наказаний, назначаемых военнослужащим срочной военной службы (подпункт 16.1). Во исполнение Концепции из УК исключено наказание в виде направления в дисциплинарную воинскую часть. Правовая регламентация ограничения свободы и исправительных работ осталась неизменной.

Концепция предполагает снижение минимальных и максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за некоторые преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, другие преступления, не сопряженные с посягательством на жизнь и здоровье человека, а также оптимизацию сроков наказания в виде лишения свободы за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступле-

ния» (подпункт 16.3). Анализ Закона от 5 января 2015 г. № 241-З показывает, что сроки лишения свободы подверглись корректировке в санкциях десяти норм. Это представляется недостаточным.

Подпункт 16.5 Концепции требует расширения применения штрафа в качестве основного и дополнительного наказаний за преступления против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления, интересов службы, за некоторые тяжкие ненасильственные преступления. Законом от 5 января 2015 г. № 241-З в санкциях 54 норм УК в качестве дополнительного наказания предусмотрен штраф. Таким образом в действующем УК штраф в качестве дополнительного наказания предусмотрен в 82 нормах. При этом только в 25 случаях дополнительный штраф является факультативным наказанием. Такое решение представляется неудачным, особенно с учетом нового правила части 2 ст. 50 УК, согласно которому за преступления против порядка осуществления экономической деятельности и против интересов службы штраф устанавливается в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин. Обязательный дополнительный штраф со столь высокими пределами лишает суд возможности оптимально индивидуализировать наказание. В 43 нормах штраф является дополнительным наказанием к лишению свободы, т.е. выступает не как альтернатива лишению свободы, а как дополнительный карательный элемент. Представляется, что такое решение не согласуется с основной идеей Концепции.

Концепция намечает задачу дополнительно предусмотреть в УК назначение общественных работ в качестве альтернативы другим видам наказаний за совершение преступлений, не относящихся к тяжким и особо тяжким (подпункт 16.7). Такая альтернатива появилась лишь в санкциях 10 норм, что явно не решает поставленной задачи.

Подпункт 16.10 Концепции предписывает «ввести институт социальной компенсации как условие освобождения от уголовной ответственности, осуждения с условным неприменением наказания, осуждения без назначения наказания (далее - социальная компенсация) при совершении преступлений, не от-

носящихся к тяжким и особо тяжким». Социально-правовая природа этого института раскрывается в подпункте 16.15, требующем предусмотреть создание за счет средств, поступивших от уплаты социальной компенсации, специального фонда для возмещения причиненного преступлениями ущерба (вреда). Законом от 5 января 2015 г. № 241-З вместо социальной компенсации введено понятие уголовно-правовой компенсации как меры материального характера, которую лицо, совершившее преступление, согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности (ст. 88 УК) либо обязано исполнить при применении иных мер уголовной ответственности (ст. 78 УК). При этом остались неясными правовая природа данной меры и ее социальное назначение, поскольку вопрос о специальном фонде для возмещения причиненного преступлениями ущерба оказался не решенным.

Из вышесказанного следует, что положения Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения в полном объеме не реализованы и должны оставаться перспективной задачей законодательства в области уголовного права.

Литература

1. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь", 01.01.2011, № 1, 1/12207.

2. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17.01.2015, 2/2239.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯВКИ С ПОВИННОЙ

Бибилко В.Н., Белорусский государственный университет

Реформа уголовного и уголовно-процессуального законодательства, произошедшая на рубеже XX–XXI вв., а также внесенные в последующем изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК), в определенной мере коснулись и явки с повинной как версии события преступления и получения прямых доказательств.

Явка с повинной – межотраслевой институт уголовного и уголовно-процессуального права, который предполагает применение норм УК и УПК, изолированное же их существование не имеет смысла, поскольку явка с повинной как само по себе событие не будет иметь значения, присущего ее природе.

Явка с повинной представляет собой действие, в котором проявляется полезная активность правонарушителя не только в своих собственных интересах, но и в интересах общества в целом и которое способствует раскрытию множества преступлений, расширяет возможности применения досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенного судебного разбирательства, медиации при ее наличии в законодательстве, что в целом приводит не только к сокращению затрат на функционирование органов уголовной юстиции, но и повышению эффективности всей правоохранительной системы.

Основным условием признания явки с повинной в уголовно-процессуальном значении является либо неосведомленность органов, ведущих производство по уголовному делу, о совершенном или готовящемся преступлении, либо уголовное дело возбуждено, проводятся следственные и иные процессуальные действия, но виновный в общественно опасном деянии не известен.

Сущность явки с повинной состоит в том, что лицо или группа лиц является лично в орган дознания, к лицу, производящему дознание (дознавателю), следователю, прокурору с тем, чтобы сообщить о преступлении и о своем участии в нем. Необходимо, чтобы такое сообщение исходило от конкретного ли-

ца, было официальным и добровольным. Если явившийся с повинной сообщает о совершении преступления совместно с другими лицами, то он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменной, так и в устной форме. Устное заявление заносится в протокол, в котором подробно излагается сделанное заявление. Протокол подписывается явившимся с повинной и должностным лицом, принявшим заявление (ст. 169 УПК). Разглашение самого факта явки с повинной не допускается.

Необходимо различать явку с повинной до начала уголовного процесса и когда уже ведется уголовно-процессуальная деятельность. Особенно ценна явка с повинной в первом случае, поскольку ускоряет процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. В свою очередь, в уголовном процессе явка с повинной не только повод к возбуждению уголовного дела, но и при определенных условиях может привести к отказу в возбуждении уголовного дела, его прекращению, направлению материалов по подследственности, возбуждению уголовного дела по новому обвинению или в отношении нового лица, возобновлению приостановленного либо считавшегося оконченным производства по уголовному делу, а также проверка, изменение, приостановление исполнения и отмена решений, принятых ранее. Явку с повинной суд учитывает при решении вопроса о применении срока давности, в том числе в отношении преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь или пожизненное заключение (ст. 84 УК).

В юридической практике наиболее часто встречаются следующие виды явки с повинной: 1) не известно о преступлении и лице, его совершившем; 2) известно о преступлении, но не известно, кто его совершил; 3) известно о преступлении и о лице, его совершившем, но не известно его местопребывание; 4) явившийся с повинной признался в совершении менее опасного преступления с целью скрыть более опасное; 5) не было известно, что преступление совершено другим лицом, а не тем, которое подозревалось; 6) ложная явка с повинной, когда на самом деле лицо не участвовало в преступлении; 7) явка с по-

винной, которая привела к недоказанности участия явившегося в преступлении;

8) явка с повинной, результатом которой является возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Основополагающее значение явки с повинной заложено в УК, правовые предписания которого предполагают дифференцированные последствия в зависимости прежде всего от тяжести совершенного преступления. Так, явка с повинной может привести к освобождению от уголовной ответственности при условии, если лицо: 1) впервые совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление; 2) активно способствовало выявлению преступления; 3) возместило причиненный ущерб либо уплатило доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладило нанесенный преступлением вред (ч. 1 ст. 88 УК). Освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление иной категории, допускается согласно ст. 88¹УК, если лицо совершенным преступлением причинило ущерб государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенный вред государственным или общественным интересам, но не сопряженный с посягательством на жизнь или здоровье человека, при условии добровольного возмещения причиненного ущерба (вреда), уплаты дохода, полученного преступным путем. Кроме того, особенная часть УК специально предусматривает случаи освобождения лица от уголовной ответственности как последствие явки с повинной.

Итак, для освобождения от уголовной ответственности лица, явившегося с повинной, необходимо соблюсти ряд условий, связанных с имущественной реституцией, и, конечно, признать сам факт явки с повинной. Если нет оснований для освобождения от уголовной ответственности явившегося с повинной лица, то применяется п. 1 ч. 1 ст. 63 УК «Обстоятельства, смягчающие ответственность», где отмечается, что явка с повинной служит фактором, влекущим смягчение участи виновного в преступлении лица. Остановимся на данном вопросе более подробно.

В качестве смягчающего уголовную ответственность обстоятельства явка с повинной может быть учтена, если лицо призналось в преступлении, в том числе и после его задержания по подозрению в совершении преступления, а также в случае, если сообщение о преступлении было сделано задержанным лицом, которому не было известно, что правоохранительные органы располагают сведениями об его участии в преступлении. Главное в том, что в уголовном деле нет информации о его причастности к преступлению. Вместе с тем, если лицо в ходе проверки сообщения о совершенном преступлении лишь подтверждает, что совершило преступление, то такие его действия нельзя признать явкой с повинной.

При наличии в материалах уголовного дела сведений о явке с повинной суд должен аргументировать, почему он признал либо отверг явку с повинной смягчающим уголовную ответственность обстоятельством. Если в сообщении о явке с повинной не столь детально изложены обстоятельства совершенного преступления по сравнению с тем, как в последующем установлено органами, ведущими уголовный процесс, то такого рода явка с повинной не исключает признания ее в качестве смягчающего обстоятельства. О факте явки с повинной следует указать в обвинительном акте, направляемом в суд.

Явка с повинной может быть сделана как в присутствии адвоката (производство по данному уголовному делу еще не осуществляется), так и в отсутствие защитника, когда явка с повинной происходит во время ведения уголовного процесса, при условии, что в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления.

После составления документа о явке с повинной необходимо уже на первоначальном этапе расследования проводить необходимые следственные и иные процессуальные действия, направленные на установление обстоятельств преступления и лиц, его совершивших, чтобы упредить возможность отказа лица от явки с повинной либо выработки защитником линии поведения, направленной на отказ от заявления о явке с повинной. В любом случае мотивы явки с повинной должны быть проверены в процессе расследования уголовного дела.

КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Кадников Н.Г., Московский университет МВД России

Разграничение преступлений на группы, категории с целью более тщательной дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне является весьма важным направлением совершенствования уголовного закона. Основная, ведущая категоризация преступлений, которая имеет значение практически для всех институтов уголовного права, закреплена в ст.15 УК РФ “Категории преступлений”,

Следует признать, что такая классификация была необходима для уголовного закона. Вся история развития уголовного законодательства и уголовно-правовой науки подтверждают это. Вместе с тем следует констатировать, что категоризация преступлений, закреплённая в ст.15 УК, является фундаментом, на котором строится жесткая структура других важнейших институтов уголовного права и система уголовно-правовых последствий, применяемых в соответствии с законом к лицам, совершившим преступление той или иной тяжести. В конечном итоге подобное разграничение преступлений оказывает существенное значение для дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации уголовного наказания. Данная категоризация на первый взгляд содержит несколько оснований: характер и степень общественной опасности, тяжесть преступления, форма вины, типовая санкция в виде лишения свободы. Следует признать, что законодательная формулировка содержит некоторые отступления от логических правил классификации. Для такой классификации должно было быть выбрано собирательное понятие, характеризующее и социальную природу преступления и символическое различие, которое будет понятно всем участникам уголовно-правовых отношений. Как представляется, законодатель дважды назвал критерий, который характеризует социальную природу преступления. Характер и степень общественной опасности составляет, на наш взгляд, содержание понятия “тяжесть преступления”. Вместе с тем правила классификации предусматривают возможность выделения в тех или иных классификационных

разрядах, категориях дополнительных признаков, позволяющих более четко представлять опасность преступления и его место в данной системе. По мнению законодателя, таким признаком является форма вины, с которой совершается преступление той или иной категории.

В УК РФ 1996 г. категории преступлений выделены таким образом, чтобы размер типовых санкций определенной категории был конечным пределом для вида наказания за конкретные преступления. Об этом великий итальянский просветитель Чезаре Беккариа, говоря о предложенной им “точной и всеобщей лестнице преступлений и наказаний”, писал, что главным является сохранение соразмерности между тяжестью совершенного преступления и жесткостью установленного за его совершение наказания [1].

Размеры типовых санкций, по нашему мнению, выбраны оптимально с учетом предложений ученых и практических работников. Но было бы правильнее оставить прежний подход указывать в санкциях максимум и минимум срока лишения свободы. Классификационные единицы законодателем предложено называть категориями. Поэтому в этом случае понятия “классификация” и “категоризация” являются тождественными. Однако законодатель не поддержал идею выделения уголовного проступка. По мнению большинства специалистов, это один из главных недостатков представленной классификации.

Исходя из смысла ст.15 УК, можно сделать вывод о том, что право определения места преступления в системе названных категорий принадлежит исключительно законодателю. То есть преступление будет относиться к законодательно названной категории и в том случае, если суд с учетом исключительных обстоятельств, в соответствии со ст.64 УК может назначить наказание ниже пределов, установленных для данной категории. Ряд авторов высказывал мнение, в соответствии с которым при наличии нескольких смягчающих обстоятельств, особых признаков личности виновного, предотвращения тяжких последствий, добровольной явке с повинной, суду надо дать право своим решением изменять категорию тяжести в сторону улучшения положения виновного [2, с.51]. На первый взгляд это предложение соответствовало движению к гума-

низации уголовного законодательства. Однако существует опасность необоснованного субъективного подхода со стороны суда, что нарушит строгую систему построения других уголовно-правовых институтов. Общей части УК и в конечном итоге затруднит практику применения закона. С самого начала автор выступал против того, чтобы суду было представлено право изменять подсудимому категорию преступления, т.к. есть другие способы смягчить положение подсудимого. Но законодатель решил иначе: с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ суду предоставлено право с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую. Такое изменение категории преступления возможно не более чем на одну категорию преступления при условии назначения указанного в законе наказания в виде лишения свободы (за преступление средней тяжести – не свыше трех лет лишения свободы, за тяжкое преступление – не свыше пяти лет и за особо тяжкое преступление – не свыше семи лет лишения свободы) или иного более мягкого наказания. Полагаем, что не отвечает в полной мере требованиям системности уголовного права и без дополнительного судебного толкования может затруднить деятельность судей при принятии решений по уголовным делам.

Представляется, что законодатель испытывал объективную потребность в дополнительной классификации преступлений внутри выбранных категорий. Предложение полностью отвечает требованиям дифференциации уголовной ответственности и правилам классифицирования.

Особого внимания заслуживает категория тяжких преступлений. В настоящее время в этой категории оказались уравниваемыми преступления с различной степенью тяжести: например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч.1 ст.111 УК), кража, совершенная организованной группой (ч.4 ст.158 УК) и террористический акт (ч.1 ст.205 УК). Тяжкие преступления нуждаются в более существенном критерии, который бы наиболее точно отражал опасный характер таких деяний. Таким критерием следует признать насильст-

венный способ совершения преступления. Индексация устранит существующий пробел, и общество будет более полно информировано по видам и группам таких преступлений. Тяжкие преступления под индексом А предусматривали бы деяния, совершенные с насилием, опасным для жизни или здоровья человека, индекс Б указывает на тяжкие преступления, совершенные с насилием, не опасным для жизни и здоровья, под индексом В следовало бы выделить иные преступления, имеющие квалифицирующие признаки, усиливающие их тяжесть. Например, разбой (ч.1 ст.162 УК) следует отнести к тяжким преступлениям под индексом А, а насильственный грабеж, при котором насилие менее опасно (ч. 2 ст.161 УК), необходимо признавать тяжким преступлением под индексом Б. И наконец, кража с отягчающими обстоятельствами (ч.2 и 3 ст.158 УК) и подобные преступления можно отнести к тяжким преступлениям под индексом В. Соответствующим образом дифференцировались бы и пределы наказания в рамках общей типовой санкции.

Особо тяжкие преступления, на наш взгляд, следовало бы разграничить на два подвида: особо тяжкие А, посягающие на жизнь человека (наказание - от 15 до 20 лет лишения свободы или пожизненно); особо тяжкие Б - все иные, которые посягают на наиболее значимые объекты, охраняемые уголовным законом (наказание – до 15 лет лишения свободы). Например, убийство без смягчающих обстоятельств (ч.1 и 2 ст.105 УК), посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст.277 УК), лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст.295 УК), сотрудника правоохранительного органа (ст.317 УК), геноцид (ст.357 УК) следует отнести к особо тяжким преступлениям А, все остальные - к особо тяжким Б.

Важно начать такую работу, а норма о категориях преступлений в Общей части позволяет это. Вот здесь уже могут пригодиться предложения, содержащиеся в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ. Речь идет о том, чтобы в статьях Особенной части УК вместо санкций указывать категорию тяжести преступления. Например, ст.105 УК выглядела бы следующим

образом: “Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку – преступление особо тяжкое индекса А” и т.д.

Важно при отнесении преступлений к той или иной категории правильно установить форму вины, с которой возможно совершение таких деяний. Каждая категория преступлений, выделенная в ст.15 УК, представляет собой элемент жесткой системы, но в то же время имеет и некоторую структурную самостоятельность.

Литература

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004.

2. Уголовный закон : Опыт теоретического моделирования / Отв. ред В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – М. : Наука, 1987. 276 с.

ИЕРАРХИЯ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КАК ОСНОВА СИСТЕМАТИЗАЦИИ САНКЦИЙ

Реутская Е.А., Академия МВД Республики Беларусь

Содержание уголовно-правовых норм, определяющих круг преступных деяний, зависит в первую очередь от социально-экономических процессов, протекающих в обществе. Преступление вредно постольку, поскольку оно причиняет вред общечеловеческим ценностям, которые образуют фундамент существования любого общества. В соответствии со ст. 10 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) преступление определяется через его общественную опасность. Общественная опасность преступления определяет его категорию (ст. 12 УК) и соразмерную совершенному деянию меру уголовной ответственности, и, как следствие, содержание санкций статей Особенной части УК. Следовательно, построению согласованной системы уголовно-правовых санкций предшествует определение содержания общественной опасности преступлений, запрещенных УК.

При раскрытии содержания общественной опасности преступления обратимся к характеристике объекта уголовно-правовой охраны. Именно объект яв-

ляется основой систематизации норм УК при отнесении того или иного преступления в определенную группу с общими признаками, а также позволяет разделить конкретные преступления внутри группы. Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны обладают различной ценностью, что предполагает наличие в УК их законодательно закрепленной иерархии. Ценность той или иной группы общественных отношений определяется социальной потребностью в регулировании определенной сферы жизнедеятельности общества и может изменяться на различных исторических этапах. Подобной позиции придерживается А.Л. Савенок, который справедливо отмечает, что «социальная обусловленность уголовного закона – это его соответствие объективным потребностям общества и тенденциям общественного развития» [1, с. 135].

В настоящее время в науке уголовного права не выработано целостной концепции (модели), позволяющей систематизировать иерархию ценностей, положенных в основу определения значимости объектов уголовно-правовой охраны. Для определения «веса» того или иного объекта следует обратиться к санкции, наполнение содержания которой законодателем осуществляется зачастую без учета реальной социальной ценности объекта. Указанная проблема напрямую связана с научно обоснованным установлением иерархии ценностей, которые должно защищать от преступных посягательств уголовное законодательство. Следовательно, невозможно определить меру должного наказания за совершенное преступление без определения его общественной опасности, и, как следствие, места в системе охраняемых УК ценностей. Таким образом, необходимо первоначально установить совокупность социальных ценностей, которые образуют фундамент существования белорусского общества, и уже затем формировать иерархию объектов уголовно-правовой охраны и систему санкций УК.

Литература

1. Савенок, А.Л. Социальная обусловленность уголовного закона / А.Л. Савенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1 (21). – С. 130–135.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПУТЕМ БЕЗДЕЙСТВИЯ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ключко Р.Н. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Более 90 видов преступлений, предусмотренных статьями УК Республики Беларусь, могут совершаться путем бездействия. Анализ признаков объекта преступлений, совершаемых путем бездействия, свидетельствует, что преступления практически всех видовых групп могут проявляться вовне в пассивной форме поведения и какими-либо существенными особенностями с точки зрения характеристик объекта на первый взгляд не отличаются.

Как признак объективной стороны конкретного состава преступления бездействие описывается в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК. Лишь в диспозициях трех статей Особенной части УК (ст. 137 «Бездействие либо отдание преступного приказа во время вооруженного конфликта», ст. 425 «Бездействие должностного лица», ст. 455 «Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти») законодатель использует термин «бездействие» при характеристике формы деяния как признака объективной стороны преступления. Категория «бездействие» употребляется также и в статье 430 УК «Получение взятки», но лишь при характеристике форм использования должностным лицом своих служебных полномочий. В других случаях для описания признаков бездействия используются термины «неоказание», «неисполнение», «уклонение», «несообщение», «непринятие мер», «сокрытие» (предполагающее несообщение), «неповиновение», «несоблюдение», «непробытие», «неявка», а также «нарушение правил», «ненадлежащее исполнение обязанностей» и др. В форме бездействия могут совершаться и иные преступления, связанные с неисполнением обязанностей, вытекающих из самой природы естественного физиологического существования человека, которые чаще всего образуются вовне активными действиями (например, убийство матерью новорожденного ребенка посредством отказа от его кормления).

Более половины диспозиций статей Особенной части УК, устанавливающих признаки составов преступного бездействия, являются бланкетными.

Определение момента окончания анализируемых преступлений имеет важное значение для обеспечения правильной правовой оценки указанных деяний. Составы преступлений, предусмотренные статьями 137, 159, 160, 161 (ч. 1), 174, 175, 225, 230, 231, 237, 242, 244, 265 (ч. 2), 268 (ч. 1), 271 (ч. 1), 278 (ч. 1), 301 (ч. 1), 315, 317-1, 325 (ч. 1), 326, 371-2, 397 (ч. 1), 402, 406, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 421, 422, 423, 434, 435, 436, 437, 438 (ч. 1), 439 (ч. 1), 445, 446, 447, 450 (ч. 1), 451 (ч. 1), 453 (ч. 1) УК, по своей конструкции являются формальными. Составы, предусмотренные статьями 161 (ч. 2), 162, 164, 165, 176, 204, 220, 232, 243, 264, 265 (ч. 1), 267, 268 (ч. 2), 273, 276, 278 (ч. 3), 279, 280, 283, 284, 298, 299, 300, 301 (ч. 2 и 3), 302 (ч. 2), 303, 304, 305, 306, 307, 308, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 325 (ч. 2 и 3), 330, 334, 336, 355, 372, 397 (ч. 2), 428, 439 (ч. 2), 453 (ч. 2), 454, 455, 456, 463, 464, 465 УК, сконструированы как материальные, причем общественно опасные последствия, характерные для этих преступлений, выступают в качестве условия для привлечения лица к уголовной ответственности. Состав бездействия должностного лица (ст. 425 УК) сконструирован как формально-материальный. Анализ конструкции составов преступлений позволяет сделать вывод о фактическом презюмировании законодателем причиняющей способности бездействия, которая в уголовно-правовой доктрине оспаривается. Анализ способов описания признаков объективной стороны формальных составов преступлений, совершаемых путем бездействия, позволяет констатировать длящийся характер значительной их части.

Считаем, что по общему правилу преступное по сути одноактное неисполнение возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности, которую он должен осуществить в установленные нормативным либо индивидуально-определенным актом сроки, не следует трактовать как длящееся преступление.

Субъективная сторона подавляющей части составов преступлений, учиняемых в форме бездействия, характеризуется наличием умысла (как обязательного либо наряду с неосторожностью альтернативного признака) по отношению к деянию в форме проявления пассивности. Неосторожностью характе-

ризуется отношение виновного к бездействию лишь при совершении преступлений, признаки которых закреплены в ч. 1 ст. 267, статьях 428, 439, 456 УК. Психическое отношение виновного к последствиям в материальных составах преступлений, совершаемых путем бездействия, напротив, чаще характеризуется неосторожностью. Отношение виновного к наступившим последствиям в форме умысла возможно лишь при учинении составов, признаки которых закреплены в статьях 176, 232, 243, 264, 278 (ч.2), 283, 304 (ч. 1), 425, 450 (ч. 2, 3), 451 (ч. 2, 3), 453 (ч.2), 454, 455 УК. В подавляющем числе случаев законодатель связывает уголовную ответственность за совершение преступлений путем бездействия с умыслом по отношению к акту бездействия и неосторожностью к наступившим последствиям.

Анализ норм уголовного закона позволяет утверждать, что все составы преступлений, совершаемых путем бездействия, за исключением оставления в опасности (ч.1 ст. 159 УК) и недонесения о преступлении (ст. 406 УК), характеризуются признаками специального субъекта преступления. Наличие у лица индивидуально определенной обязанности действовать, вытекающей из профессиональных либо служебных функций, либо из предшествующего правомерного или неправомерного поведения этого лица, создающего необходимость и обязанность активной деятельности, характеризует его как специального субъекта.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ КАК НОВЫЙ ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

*Орлов В.Н., Московский государственный юридический университет имени
О. Е. Кутафина (МГЮА)*

В документах XIII Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Доха, 12-19 апреля 2015 г.) (A/CONF.222/12) отмечается, что «в настоящее время насчитывается почти 3 миллиарда пользователей Интернета, на долю которых приходится около 40 процентов всего населения мира. Большинство пользователей полу-

чают доступ к Интернету при помощи мобильных широкополосных систем, которыми пользуются около 32 процентов всего населения мира, что почти в четыре раза больше, чем в 2009 г. Ожидается, что к 2018 г. число устройств, подключенных к сетям с интернет-протоколом (IP), будет почти в два раза превышать численность всего населения мира» [1].

Вместе с тем, использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях в последние годы по-прежнему является серьёзным вызовом для правоохранительных органов всех стран. Международное сотрудничество в борьбе с электронной и киберпреступностью по сравнению с «традиционной» преступностью в целом практически не развито, а по отдельным частным вопросам развито очень слабо.

Представляются целесообразными разработка и введение в практику применения и отбывания традиционных мер принуждения разнообразных новых кибер наказаний. В качестве одной из указанных мер является предложенный нами новый вид уголовного наказания – ограничение прав в киберпространстве.

Кратко охарактеризуем отдельные основные положения, раскрывающие идею, объективные (объект, объективная сторона) и субъективные (субъект, субъективная сторона) признаки (элементы) составов назначения, исполнения и отбывания нового вида уголовного наказания в виде ограничения прав в киберпространстве [2,3,4].

1. Новый вид наказания предлагаем назвать как «Ограничение прав в киберпространстве». Мы не используем термин «свобода», поскольку придерживаемся позиции авторов (Н. В. Витрук и др.), считающих, что «права» и «свободы» однопорядковые явления.

2. На наш взгляд, по карательному содержанию данный вид уголовного наказания должен быть самым строгим из уголовных наказаний без лишения свободы. Соответственно, в системе наказаний он должен располагаться после (или взамен) принудительных работ и перед арестом. Следовательно, необхо-

димо внести соответствующие изменения в ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ).

3. Данный вид наказания должен применяться в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Соответственно необходимо ч. 2 ст. 45 УК дополнить, изложив её в следующей редакции: «Штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, ограничение свободы и ограничение прав в киберпространстве применяются в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний».

4. Объектами назначения данного вида наказаний должны выступать элементы правового статуса (положения) лица, признанного судом виновным в совершении преступления, то есть права, обязанности и законные интересы, на которые в уголовном законе закреплена возможность карательного воздействия. При этом в качестве объекта назначения наказания могут выступать не только права, обязанности и законные интересы физических, но и юридических лиц.

5. Ограничение прав в киберпространстве заключается в установлении судом осуждённому следующих ограничений: а) из заработной платы осуждённого, а также иных форм заработка, выплат в киберпространстве производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов; б) не посещать в киберпространстве определённые сайты; в) запрещается изменять в киберпространстве свои регистрационные данные без разрешения в письменной форме специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осуждённым наказания в виде ограничения прав в киберпространстве; г) регистрироваться и регулярно посещать сайт специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осуждённым наказания в виде ограничения прав в киберпространстве от одного до пяти раз в неделю; д) пройти курс лечения от отдельных заболеваний либо продолжить обучение в общеобразовательной организации; е) исполнение осуждённым других обязанностей, возложенных на него судом.

6. Ограничение прав в киберпространстве назначается на срок от двух месяцев до пяти лет в качестве основного вида наказания, а также на срок от шести месяцев до трёх лет в качестве дополнительного вида наказания.

7. Наказание в виде ограничения прав в киберпространстве исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осуждённого.

8. Уголовно-исполнительная инспекция как субъект исполнения наказания в виде ограничения прав в киберпространстве: 1) соблюдает порядок и условия исполнения наказания, предусмотренные настоящим Кодексом; 2) ведёт персональный учёт осуждённых; 3) разъясняет порядок и условия отбывания наказания; 4) в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, контролирует поведение осуждённых; 5) организовывает и оказывает на осуждённого исправительное и ресоциальное воздействие; 6) организовывает и оказывает на осуждённого предупредительное воздействие, в том числе принимает меры по предупреждению со стороны осуждённых нарушений установленного порядка отбывания наказания, преступлений, а также иных правонарушений; 7) проводит первоначальные мероприятия по розыску осуждённых; 8) готовит и передаёт в соответствующую службу материалы об осуждённых, местонахождение которых неизвестно; 9) готовит и передаёт в суд материалы об осуждённых, освобождающихся от отбывания наказания, злостно уклоняющихся от отбывания наказания; 10) всячески содействует достижению целей наказания.

Это основные положения, касающиеся нового вида уголовного наказания в виде ограничения прав в киберпространстве.

Литература

1. http://www.unodc.org/documents/congress//Documentation/A-CONF.222-12_Workshop3/ACONF222_12_r_V1500665.pdf
2. Орлов, В. Н. Наказание: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный анализ: монография / В. Н. Орлов. – М.: МГЮУ имени О.Е.

Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 624 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

3. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография / В. Н. Орлов. – М.: Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2014. – 288 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

4. Орлов, В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, состав исполнения: монография / В. Н. Орлов. – М.: МГЮУ имени О. Е. Кутафина (МГЮА), ЮСТИЦИЯ, 2013. – 416 с. – (Библиотека журнала «Российский криминологический взгляд»).

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛУЧАЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Шидловский А.В., Белорусский государственный университет

Правила назначения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве введены Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

Специальные правила смягчения наказания при выполнении лицом, совершившим преступление, необходимых обязательств, регламентированы в ч. 3 ст. 65, ч. 4 ст. 66 и ст. 69-1 УК [1]. В ч. 1 ст. 69-1 УК установлены следующие ограничения максимального срока или размера наказания наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК: он не может превышать его половины, а в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, - двух третей.

Анализ нормы уголовного закона показывает, что правила смягчения наказания касаются только основного вида наказания, а не дополнительных. И, очевидно, что указанные положения ориентированы, прежде всего, на смягчение лишения свободы. Ограничение максимального порога наказания закон связывает с наиболее строгим его основным видом, предусмотренным соответствующей статьей Особенной части УК. В 596 санкциях таким видом основного наказания выступает лишение свободы. Именно лишение свободы является самым строгим видом основного наказания в подавляющем большинстве санкций УК, установленных за менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления. Из 189 санкций, предусмотренных за преступления, не представляющие большой общественной опасности, в 81 случае закреплён также этот вид наказания.

Законодатель в ч. 2 ст. 69-1 УК предусмотрел исключение в применении указанных правил. Оно касается лица, совершившего преступление, за которое уголовным законом предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь. В этом случае при выполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется. Такому лицу может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК.

В приведенной ситуации формальное ограничение максимального срока или размера основного наказания неприменимо и к пожизненному заключению, исходя из его правовой природы. При выполнении обязательств досудебного соглашения лицом, совершившим преступление, за которое уголовным законом предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, в законе, полагаем, следует сделать оговорку о возможности замены пожизненного заключения на лишение свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК.

При выполнении виновным обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, лишение свободы за опасный рецидив или особо опасный рецидив назначается ему без учета ограничений, предусмотренных ч. 2 ст. 65 УК, то есть повышающих минимальный срок наказания до половины при опасном рецидиве и до двух третей при особо опасном рецидиве от максимального его срока. В этом же случае закон отменяет и ограничение минимального срока наказания, закреплённое в ч. 2 ст. 66 УК (не менее трех четвертей срока наиболее строгого вида наказания, установленного за соответствующее преступление), для организатора (руководителя) организованной группы (ч. 4 ст. 66 УК).

При наличии оснований для применения одновременно положений ст. 69-1 и ст. 70 УК в случае выполнения лицом, совершившим преступление, необходимых обязательств досудебного соглашения, суд вправе назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом за совершённое преступление. Мак-

симальный порогнаиболее строгого вида основного наказания при этом остаётся в рамках ограничений, установленных в ст. 69-1 УК.

Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, регламентировано в главе 49-1 УПК Республики Беларусь [2]. Уголовно-процессуальный закон Беларуси определяет, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. Досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а также по уголовным делам ускоренного производства и в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности [2].

Подводя итог, отметим, что внедрение в уголовное судопроизводство досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на реализацию целей уголовной ответственности и её неотвратимости, заглаживание вреда, причинённого преступлением, возмещение вреда потерпевшему, и, главное, - поощрение и стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного путём законодательного сокращения применения наказания в виде лишения свободы.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь в ред. Закона Республики Беларусь от 29.01.2015 г. № 245-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в ред. Закона Республики Беларусь от 05.01.2015 г. № 241-3 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Шевцов Ю.Л., Белорусский государственный университет

В современных условиях проблема обеспечения достоинства личности приобретает особое звучание и выступает в качестве интегрального показателя отношений между человеком и обществом, государством.

Исследуя «достоинство личности» в первую очередь как категорию правовую, следует рассмотреть её соотношение с другими присущими личности правами, свободами и законными интересами. В научной литературе достоинство личности часто характеризуется вне связи с юридическими правами и обязанностями субъекта, которые определяют правовой статус человека, в том числе осуждённого, что нам представляется неверным. Показательно, что в уголовном праве достоинство и честь рассматриваются в первую очередь как объекты уголовно-правовой охраны в составах клеветы и оскорбления, при умышленном унижении чести и достоинства личности, которое выражено в неприличной форме или при распространении заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, то есть в достаточно локальном и ограниченном понимании.

Вместе с тем на современном этапе достоинство личности стало оцениваться как неотъемлемое личное право человека, которое должно осуществляться во всех сферах жизнедеятельности, в том числе на этапе исполнения наказания. Так, И. Н. Штанько указывает, что вся система прав человека выстраивается вокруг этой фундаментальной ценности, заложенной в самой сути человека. Достоинство человека в демократическом обществе отражает нравственную самооценку личности, оценку человеком своей связи с обществом, государством и правом и своей значимости в этой связи. Оно непосредственно связано с признанием обществом социальной ценности, уникальности, неповторимости личности и её конкретной индивидуальности. При этом достоинство представляет собой право на оценку со стороны общества моральных, деловых и иных качеств лица, оценку, от которой в определенной степени зависит его

общественный статус. Признание человеческого достоинства, его соблюдение и защита государством являются базисом и необходимым условием существования личных прав человека и их надлежащей реализации.

В преамбулах ко Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. и Международному Пакту о гражданских и политических правах 1966 г. записано, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира.

Некоторые исследователи, признавая достоинство основой прав человека, фундаментом правового статуса личности, считают достоинство личности абсолютным моральным законом, принципом, охрану которого взяло на себя государство. Однако вопрос о неограничиваемом (абсолютном) характере достоинства в системе прав и свобод человека и гражданина, которые признает за ними Конституция Республики Беларусь, остается дискуссионным. Суждения авторов по проблеме обособления и выделения абсолютных прав и свобод личности, а также относительно места и роли достоинства в системе этих прав достаточно противоречивы.

Права человека являются символом современной эпохи, однако по вопросу понимания сущности прав человека существует несколько позиций. Согласно одной из концепций права человека понимаются как отражение достоинства личности. Современные исследователи считают, что абсолютные права — это такие субъективные права, носителям которых противостоит неопределенное число обязанных лиц, и право на достоинство является одним из таких прав. Обязанность, соответствующая абсолютным правам, всегда состоит в воздержании от совершения действий, ущемляющих абсолютные права. Так как нарушителем абсолютных прав может оказаться любое лицо, закон защищает абсолютные права против всех и каждого, т. е. против неопределенного круга лиц. Некоторые авторы отмечают, что в демократическом правовом государстве ограничение или временное приостановление абсолютных прав не допускается ни при каких обстоятельствах. Однако последнее суждение об абсолютном

характере права на достоинство, в том числе в отношении осужденных лиц, требует некоторого уточнения.

Справедливым представляется мнение, что на современном этапе достоинство личности не может рассматриваться только как один из элементов системы субъективных конституционных прав. Феномен достоинства, пройдя путь философского, нравственного и религиозного осмысления, а затем государственно-правового признания, стал основополагающим понятием всех правовых и гуманитарных наук. Достоинство личности следует рассматривать в качестве основы всей системы прав человека. От уровня реализации права на достоинство зависит, с одной стороны, степень осознания личностью своих прав и обязанностей, а с другой – совокупность охраняемых законом прав человека, поскольку государство, закрепляя в законодательстве те или иные права, показывает насколько им уважается достоинство личности.

Обеспечение достоинства личности связано с юридической проблемой ответственности и наказания. Совершение лицом преступления является основанием ограничения прав и свобод человека. Эти ограничения реализуются как на этапе осуждения, так при исполнении и отбывании наказания и иных мер уголовной ответственности и выражаются в том, что осуждённые ограничиваются в общегражданских правах и свободах, что обусловлено правовым статусом и режимом осуждения лица в качестве преступника, видом назначенного судом наказания и установленными законом условиями отбывания наказания и иных мер. Кроме ограничений общегражданских прав и свобод, осуждённые наделяются специальными правами и обязанностями как субъекты уголовно-исполнительных отношений. Уместно отметить, что необходимость и целесообразность ограничения прав и свобод осужденного при отбывании уголовного наказания признается всеми исследователями, а сами ограничения устанавливаются законом и рассматриваются как элементы кары, свойственной наказанию.

Принципы обеспечения достоинства личности и основания защиты и охраны вытекают из Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Международ-

ного Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и иных международных правовых актов. Поскольку человек обладает достоинством независимо от своей социальной ценности, и он имеет право на уважение со стороны окружающих, то предполагается, что не существует обстоятельств, которые могут служить основанием для умаления достоинства личности. Международное гуманитарное право основывается на тезисе о неотъемлемом характере достоинства человеческой личности, а концепция прав человека опирается на принцип равного достоинства всех людей. Являясь принадлежностью каждого, право на уважение его достоинства предполагает, что всякий должен уважать достоинство другого, и всякий вправе рассчитывать на уважение своего достоинства со стороны других членов общества. Однако нам представляется, что реализация указанных положений должна происходить с учётом правовых статусов личности: общего правового статуса человека и гражданина и специальных статусов, в частности, правового статуса осуждённых лиц. Очевидно, что содержание прав и свобод у носителей этих статусов разное, и соответственно, содержание и притязание на уровень права на достоинства тоже различаются.

В уголовно-исполнительных отношениях ограничения прав и свобод должны применяться только для целей исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений. В международно-правовых документах зафиксирован принцип уважения достоинства лиц, в отношении которых исполняется наказание, но одновременно допускается возможность ограничения достоинства и личной неприкосновенности при реализации «законных санкций». В связи с этим в целях обеспечения достоинства личности международное сообщество особое внимание уделяет вопросам обращения с осужденными лицами, которые отбывают наказания и иные меры уголовной ответственности. При этом никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключённых, существенной целью которого является их

исправление и социальное перевоспитание, а обеспечение достоинства осужденных лиц является необходимым условием достижения таких целей уголовной ответственности.

В заключении необходимо отметить, что достоинство личности является необходимой субъективной составляющей любого правоотношения, в том числе уголовно-исполнительного. Достоинство личности осужденного может выступать и в качестве объекта специальных правоотношений, направленных на его реализацию, охрану и защиту. В качестве наиболее актуальных направлений совершенствования правовых форм охраны достоинства осужденных можно указать на создание в местах лишения свободы должных социально-психологических условий со стороны органов, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, должное обеспечение материально-бытовых условий исполнения наказания, исключение некоторых ограничений, применяемые к лицам, отбывающим наказания, а также неукоснительное соблюдение законности в деятельности персонала исправительных учреждений. С пенитенциарной точки зрения обеспечение достоинства, присущего человеческой личности является предпосылкой для реализации эффективных воспитательных, профилактических, а также коррекционных программ.

ПРЕДЕЛЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ

Хатеневич Т. Г., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

В УК Республики Беларусь институт освобождения от уголовной ответственности и наказания является разветвленным и представлен тремя статьями: ст. 83 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности», ст. 84 «Освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора», ст. 85 «Неприменение сроков давности». Законом определены четкие границы применения рассматриваемого института, исключено доминирование принципа гуманизма (реализуемого исключительно в отношении виновного) над другими принципами нацио-

нального законодательства (справедливости, неотвратимости ответственности) и принципами международного права (неприменения сроков давности).

В целях дальнейшего совершенствования законодательства, а также повышения эффективности правоприменительной практики, следовало бы рассмотреть вопрос об уточнении временных пределов установленных сроков давности. В частности, в части первой статьи 83 УК Республики Беларусь сроки давности дифференцированы: два года, пять лет, десять лет, пятнадцать лет. Представляется, что требуют корректировки сроки давности, составляющие пять – для менее тяжких преступлений и десять лет – для тяжких преступлений. Увеличение срока давности привлечения к уголовной ответственности при совершении менее тяжких преступлений до шести лет, при совершении тяжких преступлений – до двенадцати лет способствовало бы более полной реализации принципа справедливости, и было бы направлено на достижение целей исправления лица, совершившего преступление, общей и частной превенции. Такое законодательное решение позволило бы обеспечить выполнение требования системности (см. ст. 12 УК), предъявляемого к уголовному закону как источнику уголовного права.

Распространенную практику прекращения уголовных дел «в связи с не установлением лица, его совершившего, в связи с истечением сроков давности» можно признать спорной из-за ее противоречия буквальному содержанию материальной нормы. В тексте ст. 83 УК указано, что «лицо освобождается от уголовной ответственности», что предполагает возможность прекращения уголовного дела лишь после установления такого лица. При прекращении уголовных дел в связи с истечением сроков давности «в связи с не установлением лица, его совершившего» остается не выясненным, скрывалось ли данное «неустановленное» лицо или нет. В случае, если лицо скрылось от следствия и суда, то дело не может быть прекращено, так как в таком случае течение сроков давности в соответствии с ч. 4 ст. 83 УК приостанавливается. Отметим, что в указанных случаях остается невыясненным, совершили ли лица, «оставшиеся по данному делу неустановленными», новое умышленное преступление или пре-

ступления. В случае совершения ими нового умышленного преступления, в соответствии с ч. 3 ст. 83 УК течение сроков давности прерывается. И тогда по ранее совершенному преступлению сроки давности будут исчисляться заново после каждого умышленного преступления. Это дает основание считать, что сроки давности по такому и другим подобным нераскрытым и прекращенным преступлениям в отношении конкретного лица, могут и не истечь.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ

Новикова Е.В., Белорусский государственный университет

В конце 70-х годов прошлого века во многих странах мира стало развиваться так называемое восстановительное правосудие. Его суть заключается в вовлечении в поиск выхода из конфликтной ситуации, вызванной совершением преступления, всех участников с целью максимального уменьшения вредных последствий содеянного. Отсюда наряду с карательными нормами получают определенное развитие и поощрительные нормы уголовного законодательства. Идея достаточно проста. Поведение человека после совершения им преступления выражает его отношение к происшедшему и может проявляться по-разному. Для стимулирования позитивного посткриминального поведения предусматривается возможность освобождения от уголовной ответственности, в том числе и в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК).

УК не содержит определение понятия «деятельное раскаяние». Слово «покаяние» в переводе с греческого означает изменение или перемену ума. В словаре Ожегова раскаяние определяется как чувство сожаления по поводу своего поступка [1, с.672]. Применительно к ст. 88 УК деятельное раскаяние можно определить как активные, добровольные посткриминальные действия лица, совершившего преступление, имеющие позитивный характер и выраженные в указанных в законе формах.

Любой вид освобождения от уголовной ответственности имеет определенное основание и ряд условий, четко обозначенных в УК. Отсутствие необ-

ходимости применения к обвиняемому наказания или иных уголовно-правовых мер как общее основание освобождения от уголовной ответственности в случае рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности подтверждается позитивным посткриминальным поведением виновного.

Законом от 5 января 2015 г. редакция ч.1 ст.88 УК была существенно изменена, в частности, дополнена рядом очень серьезных с точки зрения ограничения прав виновного условий освобождения. Согласно предыдущей редакции данной нормы для получения возможности освобождения от уголовной ответственности требовалось совершение впервые преступления определенной категории и позитивное посткриминальное поведение в виде добровольной явки с повинной или активного способствования выявлению преступления; возмещения причиненного ущерба или уплаты дохода, полученного преступным путем или иного заглаживания вреда. Анализ действующей редакции статьи позволяет констатировать ужесточение условий освобождения от уголовной ответственности за счет введения безальтернативных обязанностей возратить неосновательное обогащение и внести уголовно-правовую компенсацию в установленном размере. Представляется преждевременным критиковать или хвалить такой подход законодателя. Однако можно предположить, что количество освобожденных по ст. 88 УК значительно сократиться по причине непосильного финансового бремени. Следует отметить, что сумма уголовно-правовой компенсации в рассматриваемой ситуации составляет пятьдесят процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин. Заставляет задумываться тот факт, что не все преступления данных категорий являются имущественными и причиняют прямой материальный ущерб. Означает ли это, что применительно ко всем лицам, виновным в совершении неимущественных преступлений уголовно-правовая компенсация будет составлять тридцать базовых величин? Отсутствие учета материального положения таких лиц вряд ли согласуется с указанными в ч.16 ст. 4 УК целями уголовно-правовой компенсации как формы заглаживания вины перед обществом, а именно исправлению лица и восстановлению социальной справедливости.

Кроме того, поскольку в соответствии со ст.10 УК основанием уголовной ответственности является, в том числе, совершение виновно запрещенного УК деяния в виде соучастия в преступлении, постольку и основания освобождения от уголовной ответственности касаются всех соучастников, независимо от их роли при его совершении. Лицо, выполнившее второстепенную роль в совершении нетяжкого преступления неимущественного характера, также обязано будет уплатить указанную компенсацию. Справедливо ли это? Послужит ли исправлению такого лица?

Уплата уголовно-правовой компенсации как обязательное условие освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием без учета характера причиненного преступлением вреда, роли в совершенном преступлении, личности виновного, его финансового положения вызывает определенные сомнения в возможности достижения указанных целей. Известный американский психолог Дж. Майерс определял справедливость как состояние, при котором «доход» каждого участника от взаимоотношений пропорционален его «вкладу» [2, с.145]. По-видимому, перефразировав эту мысль, можно сказать, что, чем больше причиненный преступником вред, тем больше условий для его освобождения от уголовной ответственности вправе предъявлять уголовный закон.

Литература

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. доп. М. : Рус. яз., 1998. 939 с.
2. Майерс, Дж. Социальная психология / Дж. Майерс. – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 800 с.

ГАРМОНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ ЗАРУБЕЖНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ НОРМ

Е.А. Антонян, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В основе определения направлений гармонизации норм зарубежного законодательства должны быть положения, закрепленные, прежде всего, в Европейских пенитенциарных правилах, Международным правилами обращения с заключенными, государственных решениях, рассматривавших вопросы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы.

Изучение указанных документов, практики применения наказаний, их исполнения позволяет выделить два направления реформирования системы наказаний: 1) совершенствование самой системы уголовных наказаний; 2) совершенствование законодательной практики исполнения различных видов уголовных наказаний, деятельности учреждений и органов, их исполняющих.

Достижение названных целей предполагает решение следующих задач:

– изменение структуры уголовно-исполнительной системы, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказ от отрядной формы содержания осужденных (о чем говорилось в первоначальном варианте в принятой в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.);

– осуществление строгой сепарации (раздельного содержания) осужденных в соответствии с их уголовно-правовыми и криминологическими характеристиками;

– изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе;

– расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы;

– совершенствование ведомственного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, обеспечение гласности в деятельности уголовно-исполнительной системы, ее подконтрольности институтам гражданского общества;

– развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами, неправительственными организациями и др.

Совершенствование учреждений и органов, исполняющих наказания, предполагает:

– поиск новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с осужденными. Закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации форм социальной, психолого-педагогической, психотерапевтической работы, с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных;

– дополнение системы поощрений иными стимулами к правопослушному поведению осужденных и активной ресоциализации (проведение свиданий определенной категории осужденных с близкими родственниками за пределами исправительного учреждения);

– дифференциацию содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой);

– закрепление в законодательстве новых форм надзора за поведением осужденных с использованием электронного мониторинга глобальных навигационных систем ГЛОНАСС и ОР5;

– применение электронных средств контроля по месту жительства подозреваемого, обвиняемого в совершении преступлений в качестве альтернативы содержанию под стражей;

– оптимизацию размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников, за исключением случаев, требующих изоляции членов организованного преступного сообщества, а также обеспечения безопасности самого осужденного.

В отношении расширения перечня наказаний, не связанных с изоляцией от общества, заслуживает внимания УК Туркмении, предусматривающий наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный вред.

В плане дифференциации наказаний за преступные деяния различной степени тяжести нам импонирует законодательная практика Германии и других стран относительно деления этих деяний на преступления и проступки. Наказания за первые более строгие – лишение свободы не менее одного года, за вторые – на более короткий срок или денежный штраф.

При рассмотрении систем уголовных наказаний, следует отметить следующее:

1. Принцип построения систем уголовных наказаний в России и странах СНГ и большинства государств дальнего зарубежья диаметрально противоположен. Во-первых, наказания перечислены в порядке от менее строгих к более строгим, во-вторых, наоборот – от более строгих к менее строгим наказаниям (Германия, Франция, Норвегия и др.).

2. В тех государствах, где предусмотрено пожизненное лишение свободы, оно в одних случаях определяется как разновидность лишения свободы, в других случаях - как отдельный вид наказания в виде лишения свободы. Последнее имеет место, наряду с Россией, в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Молдове, Таджикистане, Украине. В УК Беларуси, Казахстана и Таджикистана предусмотрено, что пожизненное лишение свободы устанавливается только как альтернатива смертной казни. В указанных странах законодатель все еще пожизненное лишение свободы не рассматривает как самостоятельный вид наказания. В УК Казахстана прямо говорится, что оно может «назначаться в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь».

3. В плане имплементации зарубежного законодательства представляется целесообразным заимствование ряда дополнительных наказаний, имеющих в них место. Речь в частности идет о наказаниях, применяемых в отношении иностранцев. В условиях увеличения количества преступлений, совершаемых ими, увеличения числа иностранцев, отбывающих наказания в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации, решение этого вопроса представляется крайне актуальным.

Таким образом, следует назвать следующие факторы, влияющие на интенсивность имплементации уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм в сфере наказания: 1) слабая и недостаточно разработанная нормативная база имплементации международных актов; 2) наличие противоречий между положениями Конституции РФ, УК РФ и УИК РФ, регламентирующими соотношение международных актов и норм национального уголовного и уголовно-исполнительного права; 3) отсутствие специально организованного механизма реализации международных актов, зарубежного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в соответствующем национальном законодательстве.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Савенок А.Л., Академия МВД Республики Беларусь

Формирование концептуальных основ отечественного уголовного права происходило под влиянием теоретико-правовых взглядов мыслителей государств Западной Европы. Анализ основных институтов УК Беларуси свидетельствует, что во многом он сформирован под влиянием определенных европейских научных направлений. Поэтому изучение того, как и под влиянием каких школ были созданы основные институты уголовного права, может дать ответ на вопрос о фундаментальных основах УК, выборе методологических оснований исследования той или иной уголовно-правовой проблемы, в том числе и эффективности уголовного закона.

В науке отечественного уголовного права отдельных исследований, посвященных анализу школ уголовного права, не проводилось. В советский период специальное исследование данному вопросу посвятил Ф.М. Решетников, выделивший три школы (направления) в уголовном праве: классическую, социологическую и антропологическую [1].

Первым во второй половине XVIII в. возникло классическое направление. Основные идеи классической школы уголовного права выражаются в формулировании принципа законности (*nullum crimen, nullapoenasinelege*). Отсюда следует, что преступление носит формальный характер и первостепенное внимание сконцентрировано на общественно опасном деянии (юридически значимых свойствах). Представители классической школы уделили много внимания анализу догмы уголовного права, общим положениям построения уголовного кодекса и уголовно-правовых институтов. Заслуга ученых-классиков, – как верно отмечает Б.В. Волженкин, – состоит в глубокой разработке таких институтов уголовного права, как состав преступления, вина и ее виды, соучастие, покушение и др. Много внимания уделялось уголовной догматике – тщательной разработке и изучению признаков составов конкретных преступлений [2, с.93].

В XIX веке, в значительной степени под воздействием развития естественных наук, в теории уголовного права возникли новые направления – социологическое и антропологическое. Их формирование в значительной мере явилось реакцией на недостатки классической школы права.

В основе взглядов на преступность сторонников социологической школы лежала теория факторов, предложенная Э. Ферри. По мнению значительной части представителей рассматриваемой школы, основанием уголовной ответственности должно служить не только совершение конкретного преступления, но и опасное состояние личности. Следствием такого подхода явилось предложение по воздействию на преступность путем применения мер социальной защиты (меры безопасности), в том числе и вынесение приговоров с неопределенным сроком.

Следующим важным этапом развития уголовного права явилось возникновение антропологической школы, основателем которой считается Ч. Ламброзо. Основу антропологической теории составляют философские идеи представителей вульгарного материализма, полностью отрицавшими роль сознания и утверждавших, что решающим в поведении человека являются естественно-биологические факторы, реагирующие на внешнюю среду. Исходя из этого считалось, что причины преступности заложены в биологической природе человека с момента его рождения. При определенных условиях преступление совершается с такой же неизбежностью, как любое объективно существующее явление природы. Сторонники антропологической школы предлагали достаточно радикальные меры борьбы с преступностью (применение смертной казни, пожизненная каторга, телесные наказания, ссылка преступников в колонии и пр.).

К сожалению, несмотря на явную антинаучность многих положений «антропологической школы», такая трактовка антропологического подхода в теории уголовного права преобладает до сегодняшнего дня. Это существенно повлияло на науку уголовного права и антропологическое направление не получило своего дальнейшего развития. Хотя очевидно, что идеи, высказанные Ч.

Ломброзо и его сторонниками, не имеют серьезных оснований на уровне теории или философии права.

В то же время отметим, что попытка сместить акцент с преступления как деяния на человека, является существенным достижением научной мысли. В этом огромная заслуга Ч. Ломброзо. В современных условиях, когда проблема выживания человечества стоит очень остро, необходимо на новой научной основе рассмотреть вопрос об антропологической составляющей в уголовном праве. Следствием развития данного направления должна стать разработка соответствующей модели уголовного закона с учетом приоритета ценностей, где основным объектом защиты будет являться сам человек. Новый уголовный закон должен представлять из себя не орудие борьбы с преступностью, а, прежде всего, средство сохранения ценностей. Кроме того, для формирования соответствующей научной среды, необходимо внести изменения в учебные планы и ввести изучение на юридических факультетах такой дисциплины как юридическая антропология (антропология права).

Литература

1. Решетников, Ф.М. Уголовное право буржуазных стран: Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. Вып. 1. / Решетников Ф.М. – М. : УДН, 1965. – 71 с.; Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран: «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. Вып. 2. / Решетников Ф.М. – М., 1966. – 99 с.; Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран: Современные буржуазные уголовно-правовые теории. Вып. 3. / Решетников Ф.М. – М., 1967 – 100 с.

2. Волженкин, Б.В. Эволюция уголовного законодательства / Б.В. Волженкин // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 592 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ

Мацкевич О.В., Академия Следственного комитета РФ

По данным Росстата на 3 августа 2015 численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, за последнюю неделю июля уменьшилась на 0,2% и составила 972 442 человека. Однако указанные данные не отражают реальную картину, а лишь свидетельствуют о том, что безработица приобретает скрытый характер, а это всегда неизбежно приводит к острым социальным проблемам. «Уровень безработицы является антициклическим и очень чувствительным к деловому циклу показателем. Иногда уровень безработицы опережает деловой цикл, иногда совпадает с ним, а иногда запаздывает» [1, с. 45]. Таким образом, безработица не является «опережающим» показателем, который начинает меняться еще до кризиса и рост безработицы (или снижение занятости) будут видны лишь тогда, когда кризис уже начнется. Так, безработица в России может резко вырасти в 2015 году: число только официально зарегистрированных безработных вырастет на 650 тыс. человек, до 1,6 млн, показывают представленные в правительство расчеты Минтруда, общий уровень безработицы может увеличиться до 8%, считают опрошенные РБК экономисты [7]. Наличие безработицы представляет собой серьезную макроэкономическую проблему, служит проявлением макроэкономической нестабильности.

Выделяют экономические и неэкономические последствия безработицы, которые проявляются как на индивидуальном уровне, так и на общественном уровне. Неэкономические последствия безработицы - это психологические и социальные и политические последствия потери работы. На индивидуальном уровне неэкономические последствия безработицы состоят в том, что если человек в течение продолжительного времени не может найти работу, то это часто приводит к психологическим стрессам, отчаянию, нервным (вплоть до самоубийства) и сердечно-сосудистым заболеваниям, развалу семьи. Потеря ста-

бильного источника дохода может толкнуть человека на преступление (кражу и даже убийство), асоциальное поведение.

Социологи [8, с. 9] уже отмечают углубление социально-экономического неравенства, резкую деформацию экономической стратификации общества. Поляризация доходов российского населения составляет сегодня 1:17 [10]. Будучи сама по себе криминогенной, такая резкая поляризация доходов порождает весьма негативные последствия и, в частности, активизацию девиантного поведения среди широких масс.

Рост безработицы приводит к падению жизненного уровня, расслоению общества. Нерешенность насущных проблем, связанных с обеспечением достойного уровня жизни семьи усиливает межличностную конфликтность и агрессивность поведения, приводит к росту преступности, появлению новых видов преступлений. Достаточно традиционным для криминологии является тезис о связи безработицы с уровнем преступности [3]. Качественный анализ структуры преступности позволил российским криминологам [9; 2] сделать вывод, что воспроизводство криминальной агрессии в стране обуславливается рядом факторов, в числе которых рост безработицы, поскольку значительная часть преступлений совершается лицами, не имеющими постоянного источника дохода. Выявлены прямо пропорциональные связи, между динамикой убийств и безработицей. Так, профессор Э.Ф. Побегайло отмечает, что существенная криминогенная роль в детерминации насильственной преступности принадлежит падению реальных доходов большей части населения, абсолютному снижению показателей жизненного уровня, росту социального расслоения, появлению новых, защищенных, привилегированных слоев, колоссальному имущественному диспаритету, инфляции, падению объемов производства и др. [6].

Количество безработных постоянно растет, хотя государство и пытается решить эту проблему путем создания новых мест на рынке труда, внедрения программы временной занятости. При этом использование временных заработков первоначально дает надежду, чувство удовлетворенности. Однако такая эйфория быстро проходит. Нередки случаи, когда состояние безработицы по-

степенно дает ощущение, что таким образом тоже можно жить. Это становится толчком к бедности и опусканию на дно [3]. Представители безработных попадают в группу риска, особенно если они молоды, и вовлекаются преступными группами. В такой ситуации существенно ослабевает сдерживающее действие морали и общество перестает оказывать ограничивающее воздействие на личность. Это явление получило название аномии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон). В условиях аномии массовое распространение получают различные формы социальной патологии, возрастает преступность.

При составлении рейтинга привлекательности российских городов разработанного, согласно Методике [5, с. 381–382], Российским союзом инженеров в числе социальных параметров общества учитывается два показателя: уровень преступности и уровень занятости и безработицы, причем объединенные в один.

Активная политика государства на российском рынке труда предполагает реализацию центрами занятости населения государственной услуги, называемой "Содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников". Результатом оказания данной услуги для гражданина, ищущего работу, должны стать получение выписки из банка вакансий и работодателей, содержащей сведения о свободных рабочих местах (вакантных должностях) или об отсутствии вариантов подходящей работы, а также направление на работу, оформленное в установленном порядке. Для работодателя, заинтересованного в подборе сотрудников, результат услуги - выписка из банка работников, содержащая персональные данные граждан или сведения об отсутствии подходящих кандидатур. Глава IV Закона о занятости в числе гарантий социальной поддержки безработных граждан устанавливает выплату пособия по безработице, используя при этом два разных порядка определения размера пособия по безработице: в процентном отношении к среднему заработку уволенного работника (ст.33) и в размере минимальной величины пособия по безработице (ст.34).

Учитывая изложенное, борьба с безработицей должна стать одним из приоритетных направлений социальной политики современной России и принимать превентивные меры стоит заранее.

Литература

1. Абель Э., Бернанке Б. Макроэкономика: Учебник. – СПб.: Питер, 2011.
2. Антонян Ю.М. Концепция причин преступности и причины преступности в России // Рос. следователь. - 2004. - № 8.
3. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Маликов Б. Бедность как криминогенный фактор // "Lex russica". – 2014. - № 4.
4. Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 (ред. от 22.12.2014 г.) "О занятости населения в Российской Федерации"// "Российская газета". - № 84. - 06.05.1996.
5. Методика оценки качества городской среды проживания разработана в целях проведения оценки качества городской среды проживания для обеспечения принятия эффективных решений в сфере градостроительной и жилищной политики // Приказ Минрегиона России от 09.09.2013 г. № 371 "Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания".
6. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. - СПб., 2008.
7. РБК:
<http://top.rbc.ru/economics/16/01/2015/54b954119a79474618845d0f/>
8. Римашевская Н.М. Основные результаты деятельности Института за четверть века // Народонаселение. - 2013. - № 1.
9. Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. – 2011. - № 6.
10. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата доступа: 4.10.2013 г.).

ИНТЕРНЕТ-ГРУМИНГ: ПОНЯТИЕ И ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Полещук Д.Г., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Значение процессов информатизации в жизни общества трудно переоценить. Одновременно со многими положительными аспектами применения информационных технологий возрастает и уязвимость самого человека от традиционных и новых видов преступных посягательств.

В качестве специфической формы нравственно негативной деятельности выступает «Интернет-груминг» (grooming) - тактический подход взрослого человека к несовершеннолетнему, как правило, с сексуальными целями. Речь идет о намеках, соблазнах и манипуляциях, то есть уголовно наказуемых действиях [1]. Все эти действия потенциальный преступник совершает с использованием компьютерной сети Интернет и различных возможностей современных информационных технологий (социальные сети, форумы, чаты, электронная почта и др.). В отдельных европейских государствах (Англия, Франция) подобного рода действия характеризуются высокой степенью общественной опасности и признаются преступными. В Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан «груминг» отдельным преступлением не является.

По своей сущности и характеру «Интернет-груминг» содержит определенную степень общественной опасности, что выражается в следующем:

- потенциальный преступник устанавливает доверительный контакт с несовершеннолетним именно для сексуальных отношений с ним или изготовления продукции порнографического характера;
- объектом коммуникативного воздействия выступают несовершеннолетние, как представители социальной группы населения, требующей особой государственно-правовой защиты; данное утверждение в полной мере подтверждается и ч. 1 ст. 32 Конституции Республики Беларусь о том, что детство находится под защитой государства;
- общение происходит в специфической среде – сети Интернет в условиях высокой степени анонимности и отсутствия контроля;
- минимальные риски и высокая степень доверия со стороны детей значительно упрощают непосредственную подготовку и совершение преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Однако, несмотря на весьма позитивные цели потенциальной уголовной ответственности, криминализация данного деяния без выработки чёткого механизма установления элемента противоправности объективно невозможна. Это обусловлено чрезвычайной сложностью практического определения субъек-

тивной стороны данного преступления, а также тем фактом, что только средство совершения преступления не может выступать решающим фактором установления уголовной ответственности за действия, которые могут охватываться иными составами преступлений (например, на стадии приготовления к совершению преступления). В этой связи заслуживает внимания позиция английского законодателя, который в статье 15 Закона о сексуальных преступлениях 2003 г. предусмотрел, что уголовная ответственность будет наступать только в случае, если совершеннолетний виновный после двух случаев так называемого груминга преднамеренно встречает жертву или же пытается встретиться с ней [2]. Следует отметить, что момент непосредственной встречи с несовершеннолетним не исключает возможности добровольного отказа совершеннолетнего лица от выполнения объективной стороны конкретного преступления, снижая тем самым общественную опасность ранее установленного с ним контакта.

Для признания Интернет-груминга преступлением законодателю необходимо придать рассматриваемому деянию высокую степень общественной опасности ещё на стадии приготовления к совершению преступления сексуального характера. Введение уголовной ответственности значительно предупредит преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних, исключит Интернет из поля зрения потенциальных преступников.

Литература

1. Etxebarria, A. Online Grooming – Part 1 [Electronic resource] / A. Etxebarria // Mediacenter Pandasecurity. – Mode of access : <http://www.pandasecurity.com/mediacenter/>. – Date of access : 10.10.2014.
2. Бимбинов, А. Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по законодательству стран Евросоюза (на примере Германии, Франции и Англии) [Электронный ресурс] / А. Бимбинов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

CORRUPTION IN THE PRIVATE SECTOR

Prof. Dr. Uwe Hellmann, University of Potsdam

[Abstract]The United Nations Convention against Corruption (UNCAC) and other international agreements call for the criminalization of bribery in the private sector. The paper presents the content of the conventions, their binding effects, gives a justification for criminalising bribery in the private sector and specifies reasons to establish criminal law provisions against this form of corruption.

[Key words]corruption; bribery in the private sector; UNCAC

I. International Law Provisions

Bribery in the private sector is addressed in Article 21 of the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) [10], to which Germany is a signatory and which it has ratified in 2014. Under this provision, State Parties to the Convention undertake to consider adopting legislative measures criminalizing active and passive bribery in the private sector.

There are a number of international treaties predating the UNCAC that also contain provisions on the establishment of national criminal laws against bribery in the private sector. These can be found in Arts. 7 and 8 of the Council of Europe's Criminal Law Convention on Corruption [5], Arts. 2 and 3 of Joint Action 98/742/JHA of the Council of the European Union on corruption in the private sector [8], Art. 2 of the Framework Decision 2003/568/JHA of the Council of the European Union on combating corruption in the private sector [9] and Art. 11 of the African Union Convention on Preventing and Combating Corruption [1]. The OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions [7] and the Inter-American Convention against Corruption [2] are different in that they provide for the introduction of national criminal penalties only in relation to bribery of public officials.

II. Binding Effects of the Conventions

The various conventions bind their respective State Parties in a number of different ways:

Under the UNCAC, State Parties have a binding obligation to establish criminal provisions concerning the bribery of national and foreign public officials only (Art. 15 on the bribery of national public officials and Art. 16 on the bribery of foreign public officials and officials of public international organisations). When it comes to bribery in the private sector, State Parties may decide themselves whether or not to legislate; States are obliged merely to “consider adopting” legislative measures.

The African Union Convention on Preventing and Combating Corruption obliges State Parties to “undertake to adopt legislative and other measures to prevent and combat acts of corruption and related offences committed in and by agents of the private sector” (Art. 11 point 1).

In principle, the Council of Europe’s Criminal Law Convention on Corruption requires States to establish criminal provisions against corruption in the private sector. States are, however, permitted to enter up to five reservations (Art. 37 (4)) that are valid for a period of three years and which may subsequently be renewed (Art. 38).

The provisions of the EU Framework Decision are also, in principle, binding on Member States. A certain limitation on the scope of the agreement is permitted; Art 2 (3) allows Member States to issue a declaration limiting for a period of five years the applicability of the criminal provisions to “conduct which involves, or could involve, a distortion of competition in relation to the purchase of goods or commercial services”. While Germany did make use of this opportunity, the relevant declaration expired on 22 July 2010 and was not renewed [14]. Since this date all EU Member States are thus obliged to bring their national criminal laws on corruption in the private sector in line with the provisions of the Framework Decision. The German criminal provisions on active and passive bribery in commercial practice have remained largely unchanged since 1909; they were originally contained in § 12 of the

Act Against Unfair Competition (*Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb – UWG*) and were transferred in 1997 to § 299 of the German Criminal Code (*Strafgesetzbuch – dStGB*) [15]. The new provisions continued to include the subjective requirement that the perpetrator intended to accord an unfair competitive preference over another. While originally limited to commercial practice in Germany, the law was extended in 2002 to also cover business activities in competition abroad. An implementation bill designed to bring the German criminal provisions in line with European law which proposed adding the crime of “breach of obligation towards one’s employer company” [16] was not passed into law. As the law currently stands, the limited applicability of § 299 dStGB means that the existing provisions do not fully satisfy the requirements of the Framework Decision [6]. Currently the Draft Act to combat corruption is under discussion in the Bundestag [17] in order to rectify this situation.

In summary, it can be said that EU Member States are under an unqualified obligation to establish laws criminalizing bribery in the private sector, while the State Parties to the other Conventions are free – within the limits described above – to decide themselves whether or not to introduce relevant legislation.

III. Justification for Criminalising Bribery in the Private Sector

The Conventions list a number of sound reasons for the establishment of criminal laws against private sector corruption. The following section will set out a number of theories laid down in the preambles of the UNCAC and the EU’s Joint Action and Framework Decision. Similar sentiments are also expressed in the other treaties.

The UNCAC sets out in detail why it is necessary to effectively prevent and combat corruption. The most significant points are as follows:

(1) The “problems and threats posed by corruption to the stability and security of societies, undermining the institutions and values of democracy, ethical values and justice and jeopardizing sustainable development and the rule of law”.

(2) Concerns are raised by “cases of corruption that involve vast quantities of assets, which may constitute a substantial proportion of the resources of States, and that threaten the political stability and sustainable development of those States”.

(3) Corruption threatens “the principles of proper management of public affairs and public property, fairness, responsibility and equality before the law”.

These theories, while correct, are chiefly arguments for establishing effective criminal law measures against corruption in the legislative, executive and judicial branches.

The preamble also puts forward an argument for extending the fight against corruption to the private sector, pointing out “the links between corruption and other forms of crime, in particular organized crime and economic crime, including money-laundering”.

It is clear that corruption in the public sector pose serious threats, particularly to a State’s political stability, economic development and rule of law. Thus, the necessity of criminal law measures to be in place for such corruption is evident. At first glance, the need for criminal provisions may be less obvious when it comes to corruption in the private sector. This may explain why, on the issue of bribery in the private sector, the UNCAC demands merely that States “consider adopting” criminal provisions. The persuasiveness of the argument that it is linked to organised crime requires further examination.

The Joint Action 98/742/JHA of the Council of the European Union on corruption in the private sector and the EU Framework Decision justify the need for criminalisation not only by reference to criminology-based policy arguments such as that “it poses a threat to a law-abiding society”, but also by invoking economic and commercial considerations, namely the concern that “corruption distorts fair competition and undermines the principles of openness and freedom of markets, and in particular the smooth functioning of the internal market, and also militates against transparency and openness in international trade”.

IV. UNCAC and EU Framework Decision Legislative Specifications

While the UNCAC and the EU Framework Decision provide different justifications for criminalisation, the two documents agree in substance on the requisite content of the criminal provisions to be established or brought into line:

Under Art. 21 UNCAC the State Parties are required to consider penalising

(a) the promise, offering or giving, directly or indirectly, of an undue advantage to any person who directs or works, in any capacity, for a private sector entity, for the person himself or herself or for another person, in order that he or she, in breach of his or her duties, act or refrain from acting;

(b) the solicitation or acceptance, directly or indirectly, of an undue advantage by any person who directs or works, in any capacity, for a private sector entity, for the person himself or herself or for another person, in order that he or she, in breach of his or her duties, act or refrain from acting,

when committed intentionally in the course of economic, financial or commercial activities.

Art. 2 (1) of the EU Framework Decision calls for the criminalisation of

(a) promising, offering or giving, directly or through an intermediary, to a person who in any capacity directs or works for a private-sector entity an undue advantage of any kind, for that person or for a third party, in order that that person should perform or refrain from performing any act, in breach of that person's duties;

(b) directly or through an intermediary, requesting or receiving an undue advantage of any kind, or accepting the promise of such an advantage, for oneself or for a third party, while in any capacity directing or working for a private-sector entity, in order to perform or refrain from performing any act, in breach of one's duties

when carried out in the course of business activities within profit and non-profit entities (Art. 2 (2)).

V. Reasons to Establish Criminal Law Provisions against Bribery in the Private Sector

While corruption in the public sphere does – in general – pose a greater danger to a State's political stability, economic development and rule of law than corruption in the private sector, there are numerous reasons to extend criminalisation to apply to corruption in the private sector:

1. Blurred Boundaries

It is often impossible to clearly distinguish instances of bribery in the public and private sectors. In many countries public functions are increasingly delegated to privately-run companies and in some cases it can be difficult to neatly ascribe a particular function to the public or private sphere. This is the case in Germany for instance with regard to public broadcasting and the provision of medical services. While the German Federal Court of Justice considers the editors of the public broadcasters to be public officials [3], it does not assign the same status to doctors working within the framework of public health insurance [4]. Sound arguments could, however, be made to arrive at an opposite finding in these cases. ‘Grey zones’, wherein it is impossible for those involved to foresee whether or not their behaviour is criminalised, can only be avoided if the same conditions for criminal liability apply to corrupt behaviour in the public and private spheres.

2. Abuse of Power as a Characteristic of all Corruption

Corruption may be defined in various ways. Transparency International (TI) uses a very broad characterisation, which – while not suitable for use as a legal definition in criminal law – does provide an accurate description of the phenomenon. According to TI, corruption is “the abuse of entrusted power for private gain” [13]. Effective prevention of corruption requires that such abuses of power not be tolerated, irrespective of the purpose for which the person involved was entrusted with power. In every sphere of society corruption is ultimately based on the same moral attitude, namely the prioritising of one’s own interests over the interests of others. Corrupt practices, under which different yardsticks are unfairly applied to similar circumstances, undermine the potential for future behavioural orientation.

3. Comparable Harmfulness

The economic effects of corruption in the private sector match those of corruption in the public sector. In fact, the majority of the crimes of corruption in Germany that came to the attention of the police in 2010 and 2011 occurred in the financial sphere [11]. In both sectors, corrupt payments made to either public office holders or company employees increase the cost of goods and services for the State or companies, since the cost of bribes is generally added to the price. In other cases, serious

tenders may be disregarded leading to the purchase of inferior goods or services at an inflated price. Ultimately, corruption is bad for ordinary citizens as it leads to either higher taxes or higher prices.

A further consideration is the risk to life and limb that can arise, e.g. through the procurement of inferior building materials or services leading to the construction of unsafe buildings, or indeed through the manufacture of other dangerous products.

4. Connection to Organised Crime

Following extensive research, the European Parliament Special Committee on Organised Crime, Corruption and Money Laundering (CRIM) – established on 14 March 2012 – found that “criminal organisations can take advantage of a grey area of collusion with other parties, merging for the purpose of certain operations with white-collar perpetrators (entrepreneurs, public officials at all levels of decision-making, politicians, banks, professionals, etc), who, while not actually belonging to criminal organisations, have mutually lucrative business relations with them” [12]. Bribery in the private sector is one of the tools used in the collusion between criminal organisations and businesses, banks, lawyers, etc. The fight against organised crime cannot be successful in the absence of criminal law measures against this type of corruption.

VI. Conclusion

While the UNCAC does not oblige State Parties to establish criminal provisions against corruption in the private sector, there are pressing arguments to recommend doing everything possible to fight the phenomenon. Criminal law can and should play an important role in this effort.

References

European Parliament (2013), *Resolution of 11 June 2013 on organised crime, corruption, and money laundering: recommendations on action and initiatives to be taken (interim report)*.

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2013-0245+0+DOC+XML+V0//EN>.

German Federal Criminal Police Office (2012), *Korruption Bundeslagebild 2011*.

German Federal Criminal Police Office (2014), *Korruption Bundeslagebild* 2013.

Transparency International (2014), *FAQS ON Corruption.*?

http://www.transparency.org/whoweare/organisation/faqs_on_corruption/9/#defineCorruption.

Walther, F. (2012) *Was wird aus § 299 StGB?* Journal der wirtschaftsstrafrechtlichen Vereinigung, WiJ 4.2012, 236.

<http://www.wi-j.de/index.php/de/wij/aktuelle-ausgabe/item/136-was-wird-aus-§-299-stgb?>

Literature

1. 2nd Ordinary Session of the Assembly of the Union, 11 July 2003 // [http://www.africa-](http://www.africa-un-)

[un-](http://www.africa-un-)
[ion.org/official_documents/Treaties_%20Conventions_%20Protocols/Convention%20on%20Combating%20Corruption.pdf](http://www.africa-un-).

2. Adopted at the third plenary session, held on March 29, 1996 // <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-58.html>.

3. BGH from 27 November 2009 – 2 StR 104/09, BGHSt 54, 202 ff.

4. BGH from 29 March 2012 – GSSSt 2/11, BGHSt 57, 202 ff.

5. ETS No. 173, 27.I.1999 // <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/173.htm>.

6. For a detailed analysis see *Walther*, WiJ 4.2012, 236 (238 ff.).

7. From 17 December 1997, http://www.oecd.org/daf/anti-bribery/ConvCombatBribery_ENG.pdf.

8. From 22 December 1998, OJ L 358, 2 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:1998:358:0002:0004:EN:PDF>.

9. From 22 July 2003, OJ L 192, 55 // <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:192:0054:0056:EN:PDF>.

10. General Assembly resolution 58/4 of 31 October 2003 // http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Convention/08-50026_E.pdf.

11. German Federal Criminal Police Office, *Korruption Bundeslagebild* 2011, p. 11. About the changes in 2012 and 201, see German Federal Criminal Police Office, *Korruption Bundeslagebild* 2013, p. 10
12. <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2013-0245+0+DOC+XML+V0//EN>.
13. http://www.transparency.org/whoweare/organisation/faqs_on_corruption/9/#defineCorruption.
14. KOM(2011) 309 final, p. 2, 4 // http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-is-new/news/pdf/1_act_part1_v1111_en.pdf.
15. On the development see *Walther*, WiJ 4.2012, 236 // <http://www.wij.de/index.php/de/wij/aktuelle-ausgabe/item/136-was-wird-aus-§-299-stgb?>
16. Parliamentary Documentation/Bundestagsdrucksache 16/6558.
17. Parliamentary Documentation/Bundestagsdrucksache 18/4350.

STRATEGIES FOR THE PREVENTION OF CORRUPTION

Dr. iur. Pavel Golovnenkov, University of Potsdam

[Abstract] The article is dedicated to legal and social policy strategies of combating corruption. In the first part of the article, supranational initiatives concerning prevention and combating corruption, including the respective legal acts of the Council of Europe, the European Union and the UNO are presented. In the second part of the article, national regulation in the field of corporate law and initiatives of corporations regarding corruption prevention are addressed.

[Key words] Corruption – Passive Corruption – Active Corruption – Corruption Prevention – Combating Corruption – UN Convention against Corruption – Law on Control and Transparency in Enterprises - Corporate Governance Code - Corporate Compliance - Monitoring System

Introduction

The task of combating and, in particular, preventing corruption (active and passive bribery) in the public and private [8] sectors is one of the most significant challenges facing modern societies. It involves many aspects, including how to respond to instances of corruption and the establishment of a deterrent legal framework (prevention) as well as legal measures taken by States in response to such injustices (repression) [7]. The reasons for this are manifold since it is an issue that affects business, the public sector and society in equal measure. In the public sphere, i.e. in regard to parliamentary affairs and the relationship between state and citizen, corruption causes society to lose trust in the operability and in particular the fairness of the work of the parliament and public administration. In the commercial sphere, meanwhile, corruption distorts the operation of free competition and thus causes significant economic harm [5].

Efforts to combat and – more importantly – develop effective strategies to *prevent* corrupt practices in the public and private domains cannot be limited to national measures. The irrepressible forward march of globalisation in the economic sphere means that crimes of corruption do not respect national borders; this results not only

in a universal loss of trust in the transparency of public structures but also in significant damage to the world economy.

If the fight against transnational corruption is to be effective it requires – apart from the necessary far-reaching criminal law measures employed as *ultima ratio* [10, p.8 ff] – the establishment of a supranational strategy of a binding normative character aimed at preventing corruption and which would facilitate effective international cooperation between all national public authorities tasked with addressing the problem.

Supranational Initiatives to Combat Corruption

Over the last few decades numerous supranational treaties on combatting and preventing corruption have been adopted by the Council of Europe, the European Union and the United Nations. The most important agreement for our current purposes is the United Nations Convention against Corruption [12], adopted by the UN General Assembly on 31 October 2003. The Convention's main aims are to promote and strengthen measures to prevent and combat corruption more efficiently and effectively and to promote, facilitate and support international cooperation and technical assistance in the prevention of and fight against corruption, including in asset recovery. The concrete preventative measures to be taken by States Parties set out in the Convention include the need to establish codes of conduct for public officials, the introduction of measures to ensure the independence of the judiciary, reliance on objective criteria in the context of hiring and promoting public officials and public tenders, the promotion of transparency and accountability in the management of public finances and in the private sector as well as the active participation of civil society in the prevention of and the fight against corruption. The Convention also includes provisions on cooperation between relevant national authorities and a system of international administrative cooperation.

The Federal Republic of Germany signed this Convention on 9 December 2003 but had not ratified and implemented the necessary reforms relating to provisions on bribery of elected officials and on political party donations and sponsoring at that time. Germany's failure to ratify the Convention was largely due to the fact that the

obligation to broaden the scope of criminal liability for bribery of elected officials had not found majority support among the German political parties, even though a number of bills have been proposed which would bring § 108e of the German Criminal Code on bribery of political delegates in line with the UN Convention against Corruption [6]. The German legislator ratified the Convention on 12 November 2014 [2], and the Convention entered into force on 12 December 2014.

Preventative Provisions and Strategies in Company Law

In the last number of years a range of company law provisions have been introduced in Germany in a bid to encourage corporations to step up the fight against economic crimes, including corruption. Of particular importance is the Corporate Control and Transparency Act (*Gesetz zur Kontrolle und Transparenz im Unternehmensbereich*, KonTraG) from 27 April 1998 [1]. The German legislature drew up this law in response to the amount of corporate collapses and fraudulent activity linked to large companies, incidents which led to a call for transparent and reliable management and monitoring systems and an effective early risk detection strategy within German corporations. The Act on Disclosure of Executive Board Remuneration (*Gesetz über die Offenlegung der Vorstandsvergütung*) in turn established a basic obligation to provide detailed information on the remuneration of executive board members. The shareholders do, however, have the power to decline to release individualised information. In response to some of the corporate abuses that led to the financial crisis, the Act on Disclosure of Executive Board Remuneration set down provisions on the remuneration of board members of stock corporations, e.g. that bonus payments be appropriate and that remuneration be orientated towards the long-term success of the company.

2002 saw the entry into force, following numerous revisions, of the German Corporate Governance Code, which also includes provisions to combat economic criminality within corporations. The Code does not represent binding law but is instead a voluntary set of regulations. The executive and supervisory boards of publicly listed companies are, however, obliged to submit an annual declaration detailing whether the recommendations of the Code have been/are being observed and setting

out which points have not been adhered to. This obligation to report on compliance with the Code's standards exerts significant pressure on the companies to adhere to the rules since the capital market places great importance on transparency and commercial candour.

The Code's main goal is to improve the quality of corporate governance within German corporations. In the long term, the Code aims to make the German corporate governance system transparent and coherent and to foster trust in the management and monitoring of publicly listed German companies among international and national investors, customers, employees and the public. The Code also makes reference to recommendations and statutory provisions which – directly or indirectly – play a preventative role.

While adherence to these recommendations is not legally binding, the great importance placed on transparency and openness by the capital markets means that the requirement to report on adherence exerts considerable pressure on companies to comply with the Code. Failure to provide sufficient information often leads to a drop in interest in the company's shares and a subsequent fall in share price. In this way, companies are indirectly required to adhere to the provisions of the Corporate Governance Code.

For this reason all publicly listed German companies now have a 'compliance department', the head of which is generally referred to as the Chief Compliance Officer (CCO), or occasionally as the Chief Risk Officer (CRO) or the Director of Corporate Governance. Increasingly, even small and medium companies are now also employing the services of a compliance officer.

Corporate compliance may be understood as a company's adherence to and compliance with codes of conduct, directives and laws. The damage caused by accounting fraud and other criminal dealings undertaken by the management of US firms Enron and WorldCom prompted the US legislature to draw up the Sarbanes Oxley Act in 2002, which contains comprehensive provisions detailing the internal corporate compliance structures a company is required to have. (West) European countries are also embracing the idea of corporate compliance. As previously described,

the German Corporate Governance Code entered into force in 2002 and contained provisions designed to combat corporate crime within companies.

Of course it is questionable whether the establishment of a compliance department within a company is an indication that the company is genuinely concerned with adhering to regulations. Siemens, for instance, was a very vocal public advocate for ethical behaviour in business and supported Transparency International in the fight against corruption. It subsequently emerged, however, that a system of ‘black accounts’ had been built up within the company in order to pay EUR 1.3 billion worth of bribes in exchange for various contracts.

The legal requirement to establish a compliance function currently applies only to investment services companies under § 33 (1) No. 1 of the Securities Trading Act (*Wertpapierhandelsgesetz* – WpHG); in accordance with § 12 (4) of the Regulation on the Concretisation of Market Conduct and Organizational Requirements of Investment Firms (WpDVerOV) [4], this function is to be carried out by a compliance commissioner.

Notable in this context too are the initiatives undertaken within the private sector to combat economic crime, particularly corruption. The Berlin company Business Keeper AG, for instance, set up a unique monitoring system in the form of an internet-based communication platform for passing tips to examiners (e.g. compliance officers, corruption agents, ombudsmen, audits and examinations within the company or administration) for the early and effective disclosure of irregularities and risks within an organisation [7]. The information being passed on may relate to any kind of dubious corporate behaviour including cases of corruption, the early detection of which can then trigger internal investigations and reorganisation and thus help to avoid any more far-reaching damage. In 2013 Business Keeper AG put itself forward for auditing and accreditation on a European level [7]. The resultant audit established that the monitoring system adhered to the strict European requirements as well as to German data protection rules and was accordingly certified with the European Privacy Seal.

References

1. BGBI. 1998 I p. 768.
2. BGBI. 2015 II p.140.
3. BGBI. I 2007, 1432.
4. BGBI. I 2015 p. 1114)
5. Bundeslagebild 2013 Korruption. Wiesbaden, Dez. 2013, S. 10 ff.
6. Bundestag Reports 16/6558 from 04.10.2007; 16/8979 from 25.04.2008; 17/1412 from 21.04.2010; 17/5933 from 25.05.2011, 17/8613 from 08.02.2012.
7. Business-Keeper AG. (2013). Newsletter III/2013.Retrieved Oct. 17, 2013 from <http://www.business-keeper.com/bk-newsletter.html>; Newsletter III/2013.
8. Ernst & Young, (2013). Navigating today's complex business risks. Retrieved Oct. 17, 2013 from [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Navigating_todays_complex_business_risks/\\$FILE/Navigating_todays_complex_business_risks.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Navigating_todays_complex_business_risks/$FILE/Navigating_todays_complex_business_risks.pdf)
9. European Privacy Seal for Business Keeper // <https://www.european-privacy-seal.eu/EPS-en/Business-Keeper>
10. Hellmann, U. (2005) Korruptionsbekämpfung und -prävention in der öffentlichen Verwaltung, Series by the Landesakademie für öffentliche Verwaltung Brandenburg, Issue 9, Neu Fahrland.
11. PricewaterhouseCoopers (PwC) AG. (2012). Report on corporate crime in the transport and logistics sector. Retrieved Oct. 17, 2013 from <http://www.pwc.de/de/transport-und-logistik/wirtschaftskriminalitaet-korruption-und-kartelle-machen-der-transport-und-logistikbranche-zu-schaffen.jhtml>.
12. United Nations Convention against Corruption // <http://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/index.html>.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ

Павлова Л.В., Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Институт примирения с потерпевшим исторически присущ отечественному уголовному праву. С определенными условиями и ограничениями он находил свое закрепление в законодательстве еще со времен Русской Правды. Однако, до настоящего времени ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплено определение примирения, не регламентирована процедура его осуществления, что затрудняет понимание и реализацию соответствующих нормативных положений. Необходимость совершенствования государствами национального законодательства по рассматриваемой проблеме отмечена и в ряде международно-правовых актов. Соответственно, на страницах юридической печати все чаще стали появляться публикации, авторы которых указывают на необходимость дальнейшего развития норм о примирении по уголовным делам, развитии медиации как особой процедуры примирения и т.п. В обоснование приводятся положения о том, что при нынешнем положении дел не используются такие ресурсы как: личное добровольное взаимодействие сторон (это является и одним из условий презентуемого примирения), совместное выяснение причин произошедшего, определение оптимального способа заглаживания причиненного вреда, осознание виновным лицом всей вредоносности наступивших последствий, а пострадавшим лицом, в некоторых случаях – виктимности своего поведения, и др., которые влияют на снижение социальной напряженности от совершенного противоправного деяния, положительно сказываются на недопущении повторения содеянного в будущем и т.д. Некоторые из обозначенных проблем имеют уголовно-правовой характер. Для настоящей работы представляется важным определить возможные юридически значимые последствия примирения с потерпевшим от преступления.

В отечественном законодательстве примирение с потерпевшим в общем виде регламентировано ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее –

УК). Вместе с тем, как разновидность примирения с потерпевшим можно рассматривать примирение, достигаемое по делам частного обвинения с лицом, пострадавшим от преступления (частным обвинителем). Проанализировав институт частного обвинения, а также нормативные положения, касающиеся примирения с потерпевшим по делам частного-публичного и публичного обвинения, можно прийти к выводу о том, что действующим законодательством по определенным категориям дел достижение примирения рассматривается исключительно в качестве (возможного) основания освобождения от уголовной ответственности. В частности, по делам частного обвинения примирение носит императивный характер, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) производство по делу подлежит прекращению. По делам частного-публичного и публичного обвинения достигнутое примирение может являться основанием освобождения от уголовной ответственности и прекращения производства по делу; принятие соответствующего решения отдано на усмотрение компетентного органа (лица) (п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК). Соответственно, в последнем случае подозреваемый (обвиняемый) не имеет законодательных гарантий того, что действия, выполняемые им в пользу потерпевшего, будут в дальнейшем учтены при принятии решения по делу. Безусловно, это отрицательно сказывается на намерении лица, совершившего преступление, достичь примирения с потерпевшим, заключить соответствующее соглашение.

Выходом из этой ситуации, на наш взгляд, может быть расширение уголовно-правового значения примирения и придание ему по делам частного-публичного, публичного обвинения значения обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность для тех случаев, когда данное примирение не влечет за собой прекращения уголовного преследования. В виду возможной нормативной конкретизации данного обстоятельства и его безусловной положительной социальной значимости, представляется уместным закрепить его в качестве самостоятельного обстоятельства, отграничив от ряда «иных обстоятельств», позволяющих смягчать ответственность, предусмотренных ч. 2 ст. 63 УК. Полагаем, что в данном случае примирение может быть закреплено:

- 1) как дополнение в перечень, предусмотренный п. 4 ч. 1 ст. 63 УК, или
- 2) в отдельной норме.

В первом случае важным отличием примирения от иных действий по заглаживанию причиненного вреда, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 63 УК будет: личное участие обвиняемого в примирении с потерпевшим, а также удовлетворенность потерпевшего от преступления выполнением согласованных действий, на что не всегда обращается внимание при действующем порядке. Уточним, что в нынешней редакции указанной нормы не конкретизирован субъект «иных действий, направленных на заглаживание причиненного вреда», вследствие чего не редко возмещение причиненного ущерба, принесение извинений и т.д. осуществляют родственники, супруг (супруга) лица, совершившего преступление. Соответственно, предпринятые ими действия, смягчая ответственность виновного лица, не всегда являются следствием его положительного постпреступного поведения.

Во втором случае примирение (соглашение о примирении) как основание для смягчения наказания может быть закреплено по примеру ст. 69-1 УК (назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве). Подобный подход к регламентации примирения имеется и в Уголовном кодексе Польши, предусматривающем в ст. 60 в качестве отдельного основания для чрезвычайного смягчения наказания следующее: «потерпевший помирился с виновным, вред был устранен либо потерпевший и виновный договорились о способе устранения вреда».

Полагаем, что выбор приведенных или иных способов регламентации последствий примирения будет зависеть от подхода законодателя к значимости самого примирения, целей и задач уголовной политики в целом. Вместе с тем представляется, что обозначенное направление расширения юридически-значимых последствий примирения – рассмотрение не только как (возможного) основания прекращения производства по делу, но и как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, – будет способствовать более широкому использованию данного института и индивидуализации назначаемого наказания.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Швед Н.А., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

В разных странах существуют различные подходы к определению возраста уголовной ответственности, а границы последнего широко варьируются. В ряде стран установлен единый возраст привлечения к уголовной ответственности, означающий, что уголовная ответственность наступает в полном объеме по достижении строго определенного возраста. Единый возраст установлен, в частности, в Дании (15 лет), Италии (14 лет), Латвии (14 лет), Норвегии (15 лет), Чехии (15 лет), Швеции (15 лет), Эстонии (14 лет) и др.

В большинстве стран мира предусмотрен дифференцированный возраст уголовной ответственности. Так, в Республике Беларусь по общему правилу уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее 16 лет (ч. 1 ст. 27 УК), как способное правильно оценивать свои действия, осознавать их общественную опасность и руководить ими. Однако общественная опасность ряда преступлений осознается и в более раннем возрасте. Как правило, это основные исторически сформировавшиеся правила, принятые в обществе и вытекающие из норм морали и нравственности, устоев совместного существования людей. В этой связи в ч. 2 ст. 27 УК установлен пониженный возраст уголовной ответственности за исчерпывающий перечень деяний с 14 лет.

Вместе с тем в литературе рассматриваются вопросы о снижении и этой возрастной границы. О.Д. Ситковская указывает, что период с 11 до 12 и от 14 до 15 лет является переходным от детства к юношеству и характеризуется достаточно быстрым развитием интеллекта и воли, а также самой личности, позволяющей соотносить свои мотивы с социальными нормами поведения [1, с. 109]. Психологи считают, что понимание запретности и наказуемости преступлений, а также способности к социально-волевому контролю своих поступков формируется раньше 14 лет [2, с. 27]. В.Г. Павлов, в свою очередь, предлагает установить нижнюю возрастную планку уголовной ответственности с 13 лет, но только за некоторые преступ-

ления [3, с. 35]. Р.Н. Ключко и И.В. Шершеневич считают, что сложившаяся в республике криминологическая ситуация, а также научно установленные типичные и закономерные процессы ускоренного психосоциального развития несовершеннолетних позволяют говорить о возможности снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет [4, с. 32–33].

С другой стороны высказывается точка зрения о том, что для определения объема уголовной ответственности несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, необходимо отказаться от «постатейного» формирования перечня деяний, поскольку более перспективным представляется подход, связанный с использованием категорий преступлений, предусмотренных УК. Так, А.В. Давыденко полагает возможным установить в УК ответственность несовершеннолетних, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, за умышленное совершение всех категорий преступлений, исключая преступления небольшой тяжести, что будет способствовать упорядочению законодательной и правоприменительной практики [5, с. 69].

Такой подход вряд ли следует признать целесообразным. На сегодняшний день перечень преступлений, ответственность за которые наступает с 14 лет, составляют, главным образом, менее тяжкие и тяжкие преступления, за исключением преступления, предусмотренного ст. 341 УК. Такой дифференцированный подход законодателя представляется вполне обоснованным, логичным и закономерным. Естественно, данный перечень не является статичным. В частности, в июне 2015 г. в Палате представителей принят в первом чтении законопроект о внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь, в том числе и в УК. Проектом Закона предлагается дополнить перечень деяний, указанных в ч. 2 ст. 27 УК, хищением путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК) и уклонением от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415 УК).

Представляется, что установление возраста наступления уголовной ответственности с 16 лет обосновано. Действительно, понимание запретности и наказуемости преступлений, а также способность к сознательно-волевому контролю

лю своих поступков формируются у ребенка значительно раньше. Однако установление более высокого возраста в сравнении с тем, когда у человека впервые появляется способность к регулированию поведения, объясняется общегуманными соображениями. Законодатель имеет в этом случае все основания полагать, что по наступлении 16 лет лицо достигает такой степени формирования личности, когда оно способно не только осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения, но и выбирать соответствующий вариант поведения. Для ряда деяний с учетом их повышенной общественной опасности и распространенности среди несовершеннолетних установлен пониженный возраст, что, представляется, в большей мере отвечает задачам индивидуализации уголовной ответственности.

Литература

1. Ситковская, О. Д. Психология уголовной ответственности / О.Д. Ситковская. – М. : Норма, 1998. – 272 с.
2. Исаева, Л. М. Возрастные признаки субъекта преступления и понятие возрастной невменяемости / Л. М. Исаева // Юрид. консультант. – 2004. – № 8. – С. 26–29.
3. Павлов, В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В. Г. Павлов / МВД России, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России [и др.], 2000. – 192 с.
4. Ключко, Р. Н. Возраст уголовной ответственности: вопросы научного обоснования и правовой регламентации / Р. Н. Ключко, И. В. Шершеневич // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т переподгот. и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции ; редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск, 2003. – С. 32–33.
- Давыденко, А. В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних с учетом их возраста / А. В. Давыденко // Рос. юстиция. – 2010. – № 10. – С. 68–71.

СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Телятицкая Т.В., Белорусский государственный экономический университет

Гражданское законодательство в качестве субъектов предпринимательской деятельности рассматривает индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, зарегистрированных в установленном законом порядке. Следовательно, в качестве субъектов административных правонарушений в данной сфере можно предположить субъектов предпринимательской деятельности. Однако, принимая во внимание существенные различия между предпринимательством как позитивным видом деятельности и нарушениями, связанными с ним как негативными видами деятельности, этот вывод требует некоторых уточнений.

Во-первых, буквальное толкование законодательной нормы о предпринимательской деятельности приводит к тому, что если деятельность осуществляется не зарегистрированными лицами, то она не является предпринимательской. Представляется, что это неверно, так как независимо от формального признака – регистрации, предпринимательская деятельность не теряет своего сущностного содержания.

Во-вторых, закрепив в ст. 3.5 КоАП административную ответственность юридических лиц, законодатель оставил без внимания вопрос о содержании понятия юридического лица в административно-деликтном законодательстве.

Сложности квалификации, которые могут при этом возникнуть, связаны, в первую очередь, с тем, что из сферы административной ответственности выпадают обособленные подразделения юридических лиц – представительства и филиалы. В гражданском законодательстве данные подразделения не признаются в качестве самостоятельных субъектов юридической (гражданско-правовой) ответственности в силу того, что имущество, которым они наделяются, по существу продолжает оставаться имуществом самого юридического лица. По-другому, с нашей точки зрения, следует подходить к ответственности

юридических лиц и их структурных подразделений (представительств и филиалов) в административно-деликтном законодательстве, признав возможность последних нести самостоятельно административную ответственность за свои деяния (но не по своим обязательствам, вытекающим из гражданско-правовых отношений) независимо от головной организации, обладающей правами юридического лица.

В-третьих, по гражданскому законодательству в структуре юридического лица предполагается наличие руководящего аппарата, должностные лица которого также могут выступать в качестве самостоятельного субъекта административного правонарушения.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что в качестве субъекта административного правонарушения в сфере предпринимательской деятельности могут выступать; а) лица, фактически осуществляющие предпринимательскую деятельность без государственной регистрации; б) индивидуальные предприниматели; в) юридические лица; г) должностные лица юридического лица.

Введение в КоАП понятия ответственности юридических лиц породило проблему двойной ответственности, поскольку наложение административного взыскания на юридическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо юридического лица, равно как и привлечение к административной ответственности должностного лица юридического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо (см. ч. 7 ст. 4.8). Во избежание «двойной» ответственности за одно правонарушение предлагаем предусмотреть в КоАП административную ответственность должностного лица юридического лица, поскольку виновником правонарушения является именно оно, и не должна вся организация страдать из-за действий их должностных лиц (в результате наложения штрафа на юридическое лицо сотрудники организации могут лишаться премиальных выплат, иных бонусов).

Неоправданным является существование и такого субъекта административной ответственности, как индивидуальный предприниматель. Это те же фи-

зические лица, просто занимающиеся предпринимательской деятельностью. Само их выделение в качестве самостоятельных субъектов противоречит существующему учению о лицах, которые делятся на физических и юридических. Получается, что наш законодатель изобрел третью разновидность лиц – индивидуальных предпринимателей. И совсем необоснованным является установление для них штрафов в гораздо больших размерах, чем для остальных граждан. Доходы многих индивидуальных предпринимателей ничуть не выше доходов лиц, работающих по найму, и установление для них огромных штрафов зачастую не только делает их банкротами, но и ставит их семьи в тяжелое материальное положение.

Статистика показывает, что реальность взыскания административных штрафов до 1 000 000 бел. руб. составляет 98 %; до 10 000 000 бел. руб. – 82,7 %. Административные штрафы, превышающие 10 000 000 бел. руб., взыскиваются менее чем в 15 % случаев. Особо крупные суммы практически не взыскиваются, поскольку предприятие либо ликвидируется, либо подает заявление о банкротстве [1]. Приведенные данные еще раз подтверждают тот факт, что административное законодательство нуждается в существенной корректировке.

Литература

1. Василевич, С.Г. Административная ответственность субъектов хозяйствования в свете либерализации экономической деятельности / С.Г. Василевич // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 6 (104). – С. 46-48.

ДЛЯЩИЕСЯ И ПРОДОЛЖАЕМЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Н.Н. Гульмяева, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Изучению института длящихся нарушений посвящено значительное количество исследовательских работ известных ученых-правоведов (Бахрах Д.Н., Демин А.А., Панков А.Б., Панкова О.В., Лосев В.В., Ваулин Д.А., Котельникова Е.В.). Вместе с тем до настоящего времени на практике остается нерешенным

ряд теоретических и практических проблем, связанных как с квалификацией длящихся и продолжаемых (продолжающихся) нарушений, так и с определением теоретических основ данных видов нарушений. Одним из проблемных аспектов является отсутствие в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) понятия продолжаемого (продолжающегося) правонарушения, что не позволяет в полной мере разграничивать его с длящимся правонарушением.

Понятие длящегося правонарушения дано в статье 2.6 КоАП, согласно которой длящимся правонарушением является деяние, предусмотренное КоАП, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на физическое или юридическое лицо актом законодательства под угрозой административного взыскания. Длящееся административное правонарушение начинается со дня совершения указанного деяния и заканчивается вследствие действий лица, его совершившего, свидетельствующих о прекращении им продолжения административного правонарушения, или с наступлением событий, препятствующих дальнейшему совершению административного правонарушения.

Длящееся правонарушение может выражаться в различных формах (уклонение от уплаты, невыполнение законных требований и т.д.). При этом в большинстве случаев объективная сторона данных деликтов состоит в бездействии (поведение, выражающееся в несовершении, ненадлежащем совершении действия, которое лицо обязано было совершить в силу указанной правовой нормы). К административным правонарушениям, имеющим длящийся характер можно отнести такие, например, как невыполнение требований о заключении договора обязательного страхования (ст. 11.65 КоАП), неуплата или неполная уплата обязательных страховых взносов и (или) взносов на профессиональное пенсионное страхование (ст. 11.54 КоАП), непредставление, несвоевременное представление и (или) представление недостоверных сведений о выданных и (или) перечисленных денежных средствах, поступивших из-за границы (ст. 11.60 КоАП).

Сущностной характеристикой длящегося правонарушения является его непрерывность. Именно непрерывность является ключевым положением, позволяющим отграничить длящееся правонарушение от продолжаемого (продолжающегося), включающего множество дискретных во времени эпизодов.

Одним из отличительных признаков длящихся нарушений от продолжаемых (продолжающихся) является совершение длящегося нарушения осуществляется в своем большинстве в форме бездействия.

Помимо длящихся правонарушений в КоАП можно найти такие составы административных правонарушений, которые могут иметь продолжаемый (продолжающийся) характер. Например, несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 22.6 КоАП), финансирование террористической деятельности (ст. 11.80 КоАП).

Вместе с тем, в условиях отсутствия в КоАП официального понятия, на практике достаточно сложно разграничить продолжаемое (продолжающееся) правонарушение от ряда повторных правонарушений.

В теории права под продолжаемым (продолжающимся) нарушением понимается ряд идентичных проступков, которые совершаются неоднократно с одной одинаковой целью, формой вины, теми же субъектами, средствами действия, и которые составляют в совокупности единое правонарушение.

Необходимо отметить, что понятие длящегося правонарушения, применяемое при квалификации того или иного административного противоправного деяния, в основе своей базируется на теоретических разработках и судебной практике, заимствованных из уголовного права и адаптированных к реалиям правоотношений в сфере административного регулирования.

В литературе указываются следующие проблемные аспекты, связанные с недостаточной теоретической и практической обоснованностью применения понятия продолжаемого (продолжающегося) преступления: в процессуальных документах не приводятся обязательные признаки продолжаемого преступления, в связи с этим они не устанавливаются в ходе предварительного расследования, и рассмотрения уголовного дела в суде; продолжаемый характер престу-

пления может быть и не доказан органом уголовного преследования, что не принимается во внимание судом. Поэтому зачастую понятие продолжаемого преступления, которое является единым сложным преступлением, подменяется понятием противоправной деятельности, которая состоит из ряда преступлений и образует множественность преступлений, что в свою очередь противоречит процессуальному принципу личной виновной ответственности и приводит к объективному вменению, когда автоматически складываются размеры ущерба, причиненного в каждом эпизоде продолжаемого преступления.

Учитывая изложенное, целесообразно рассмотреть вопрос об определении в КоАП понятия продолжаемого (продолжающегося) административного правонарушения, что позволит избежать проблем при определении квалифицирующих признаков правонарушений, назначении меры административного взыскания правонарушителям, структурировать нормы КоАП, которые в настоящее время создают коллизии правовых интересов у субъектов правовых отношений, а также применять нормы КоАП в соответствии с целями правового регулирования.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА ЗАХВАТ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

Старовойт С.А., Академия МВД Республики Беларусь

В соответствии с абзацем 9 подпункта 382.3 пункта 382 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности одним из обязательных требований и условий при охране юридическим лицом принадлежащих ему объектов (имущества), на осуществление которой необходимо специальное разрешение (лицензия), является немедленное информирование органов внутренних дел о задержании нарушителей, об обнаружении на охраняемых объектах хищений и иных правонарушений; обеспечение до прибытия сотрудников органов внутренних дел мер по охране места происшествия, исключению допуска на место происшествия посторонних лиц, сохранению следов правонарушений.

Как следует из изложенного, данное положение предполагает возможность *задержания* работниками охраны лица, совершившего правонарушение. Вместе с тем в статье 8.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП) определен исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных осуществлять административное задержание лица. Безусловно, работники подразделений охраны юридических лиц не имеют права на осуществление административного задержания граждан.

Не содержит административно-процессуальное законодательство также нормы, закрепляющей право потерпевшего, иных граждан на задержание лица, совершившего административное правонарушение, в целях пресечения противоправных действий или передачи виновного уполномоченным должностным лицам. Анализ нормативных правовых актов показывает, что самостоятельно осуществлять действия по задержанию лиц, совершивших правонарушения, имеют право только члены добровольных дружин (абзац 3 части 1 статьи 17 Закона Республики Беларусь «Об участии граждан в охране правопорядка»).

При этом в статье 5.2 Кодекса Республики об административных правонарушениях содержится норма, согласно которой «причинение вреда физическому лицу, совершившему преступление или административное правонарушение, при его задержании для передачи уполномоченным государственным органам и пресечения возможности совершения им новых преступлений или административных правонарушений, когда оно пытается или может скрыться от органа уголовного преследования, суда или органа, ведущего административный процесс, если иными средствами задержать, захватить такое лицо не представлялось возможным, не является административным правонарушением».

В этой связи следует подчеркнуть, что статья 109 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предоставляет гражданам право на захват лиц, которые совершили преступление. Представляется целесообразным закрепить подобную статью в ПИК_оАП. Это позволит удерживать для передачи должностным лицам правоохранительных органов лицо, застигнутое

при совершении административного правонарушения или попытке скрыться непосредственно после его совершения.

Вместе с тем следует отметить, что право на захват правонарушителя не означает наличия вседозволенности либо допустимости подмены полномочий правоохранительных органов. Более того, учитывая, что даже должностные лица органов внутренних дел имеют право на осуществление административного задержания только в случае совершения определенных административных правонарушений, следует, на наш взгляд, закрепить право граждан на захват лиц, совершающих или совершивших наиболее вредные административные правонарушения, посягающие на здоровье граждан, собственность, общественный порядок и нравственность.

На основании изложенного предлагается дополнить ПИКоАП статьей следующего содержания:

«Статья 8.21¹ Право граждан на захват лица, совершившего административное правонарушение.

1. Захват лица – действия потерпевшего, других граждан по задержанию лица, совершившего административное правонарушение против здоровья граждан, собственности, общественного порядка либо для пресечения административного правонарушения и передачи его должностным лицам, указанным в статье 8.3 настоящего Кодекса.

2. Каждый гражданин имеет право захватить и принудительно доставить в орган, ведущий административный процесс лицо, застигнутое им при совершении административных правонарушений, указанных в ч. 1 настоящей статьи или попытке скрыться непосредственно после его совершения.

3. В случае оказания сопротивления лицом, указанным в части первой настоящей статьи, к нему могут быть применены меры подавления сопротивления в пределах мер, необходимых для задержания лица, совершившего административное правонарушение. В случаях, если имеются основания полагать, что при захваченном лице находятся оружие либо предметы, имеющие значение для доказывания вины лица в ходе административного процесса, захвативший его

гражданин может осмотреть одежду задерживаемого и изъять для передачи в орган, ведущий административный процесс, находящиеся при нем предметы».

Реализация указанных предложений будет способствовать совершенствованию деятельности органов внутренних дел по противодействию административным правонарушениям, оптимизации и экономичности административного процесса, повышению эффективности взаимодействия общественности с правоохранительными органами в борьбе с преступностью в целом.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

Бородулькина Е.С., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Пребывание в местах лишения свободы всегда следует рассматривать в качестве серьезной психотравмирующей ситуации, связанной с резкой сменой жизненного стереотипа. Снижение качества жизни, разрыв социально полезных связей негативно сказываются на психическом состоянии осужденного, что, в том числе, может повлечь психические расстройства среди лиц, отбывающих наказание в различных учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь.

Обозначенная «острая» ситуация с психическими заболеваниями в местах лишения свободы объясняет существование в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь положения, предусматривающего возможность освобождения от отбывания наказания лиц, у которых после вынесения приговора наступило психическое расстройство (заболевание), лишаящее их возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими (ч. 1 ст. 92 УК).

Анализ нормы дает основания выделить два основных критерия – медицинский и юридический, в соответствии с которыми лицо освобождается от наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием). Медицинский критерий выражается в наступлении психического расстройства (заболевания).

Наличие данного критерия не является достаточным для освобождения лица от отбывания наказания, так как ведущим, определяющим глубину психического расстройства, будет являться юридический. Только при наличии рассматриваемого критерия психическая патология приобретает уголовно-правовое значение [1, с. 220]

Юридический критерий представляет собой обобщающую характеристику клинических данных о расстройствах психики, но с точки зрения их влияния на психические процессы, задействованные в саморегуляции [2, с. 245]. В свою очередь данный критерий подразделяется на два признака: интеллектуальный и волевой.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УК интеллектуальный признак указывает на такое расстройство сознания, в силу которого лицо лишено возможности осознавать фактический характер и значение своих действий, то есть такое лицо не понимает настоящего содержания своего поведения. А.В. Наумов отмечает, что непонимание лицом содержания фактической стороны своего действия обычно означает непонимание им причинной связи между совершаемым деянием и наступающими последствиями [3, с. 354]. Данный признак Т.Б. Дмитриева раскрывает как «невозможность отражать в сознании в системе культурных значений содержание преимущественно операционного состава этих действий, понимая их как определенные способы и средства для достижения социально значимых целей собственной деятельности с учетом социальных норм, правил, установлений, технологических предписаний и возможностей» [2, с. 245].

Другим свойством юридического критерия, как уже отмечалось, является волевой признак, который заключается в невозможности лица руководить своими действиями. В таком случае лицо осознает характер совершаемых им действий, однако не может воздержаться от их совершения.

Для признания наличия юридического критерия достаточно установления одного из признаков: интеллектуального или волевого. Если хотя бы один из этих признаков присутствует, то освобождение психически больного лица яв-

ляется обязанностью суда, причем оно освобождается независимо от характера и тяжести преступления, личности и поведения.

Изучение научной литературы по вопросу установления юридического критерия показывает, что дискуссию вызывает его содержание. Прежде всего, речь идет о том, что данный критерий во многом повторяет формулу критерия невменяемости. Однако, на наш взгляд, данное замечание можно отнести в большей мере к формулировке российского законодателя, который в ч. 1 ст. 81 УК Российской Федерации интеллектуальный признак критерия включает не только возможность осознания фактического характера и значения своих действий, но и лишение возможности осознавать общественную опасность действия (бездействия).

Формулировка, предложенная в УК Республики Беларусь, видится более удачной. То, что из нее был исключен критерий «осознание общественной опасности» дает основания предполагать, что речь идет не о действии, за которое лицо было осуждено, а о нынешнем состоянии осужденного – о том, насколько лицо способно понимать настоящее содержание своего поведения и руководить этим поведением. И это вполне обоснованно, поскольку совершенное общественно опасное деяние уже было учтено судом при назначении наказания.

Однако отметим, что анализ судебных материалов Центрального суда г. Минска свидетельствует о том, что суды не всегда правильно отражают юридический критерий в постановлениях об освобождении. Встречаются указания на то, что лицо «не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий». Полагаем, подобная практика недопустима.

На наш взгляд, дискуссионным также является использование законодателем при формулировании юридического критерия освобождения от наказания понятия «действие» вместо возможного «деяния» (которое помимо действия включает в себя и бездействие), что может ограничить условия применения ч. 1 ст. 92 УК. Как представляется, данное положение нуждается в корректировке.

Список использованной литературы:

1. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / Ю.В. Грачева [и др.]; под ред. А.И. Чучаева. – М. : Проспект, 2015. – 448 с.
2. Психиатрия: национальное руководство / Т.Б. Дмитриева [и др.]. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 1000 с.
3. Российское уголовное право: курс лекций / Наумов А.В. – В 3 т. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – Т.3. – 736 с.

РАЗДЕЛ XI. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Борисова Е.А., МГУ имени М. В. Ломоносова

1. Глобальные, региональные, интеграционные процессы в политической, экономической, культурной сферах жизни современных государств требуют решения задач правового обеспечения прав человека. Инструментом, способным достичь необходимых результатов в деле защиты гражданских прав, является (среди прочего) гражданское процессуальное право, гражданское процессуальное законодательство. Тому подтверждением – затронувшее практически все государства мира реформирование гражданского судопроизводства, направленное на повышение эффективности судебной защиты. Не являются исключением Российская Федерация и Республика Беларусь.

2. Важно отметить, что если российское гражданское процессуальное законодательство с 2002 г. (год принятия ГПК РФ, АПК РФ) претерпело многочисленные, не всегда удачные в теоретико-практическом смысле, изменения [1], то белорусское гражданское процессуальное законодательство отличается стабильностью, а в некоторых случаях можно предположить и существование неких застойных явлений, препятствующих воплощению в жизнь современных тенденций развития гражданского процесса, реальных потребностей заинтересованных в судебной защите лиц, возможностей государства в гарантировании такой защиты.

3. В первую очередь, речь идет о системе обжалования судебных постановлений в хозяйственном и гражданском процессе РБ. Очевидно, что процесс формирования национального законодательного регламента в этой сфере схож с российским. Те же различия в видах проверочных производств, в содержании

права на обжалование судебных актов хозяйственных судов и судов общей юрисдикции, в организационной составляющей обжалования и проверки судебных актов по гражданским делам. В юридической периодике [2] правоведями обсуждаются вопросы о необходимости унификации процессуальных норм об обжаловании судебных постановлений в хозяйственном и гражданском процессах, о необходимости введения апелляции в гражданское судопроизводство, о совершенствовании апелляционного производства, закрепленного в ХПК РБ, другие актуальные вопросы. Иногда складывается впечатление, что многие исследователи (особенно практикующие юристы) пытаются «изобрести велосипед», раздумывая над будущим обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений, озадачиваясь вопросами, ответы на которые уже имеются в современном процессуальном законодательстве (как насчитывающем более сотни лет ГПК Франции, Австрии, так и новейшем и новом ГПК Швейцарии, Испании, ПГС Англии), в доктрине (как классической, так и современной) гражданского процесса Франции, Германии, Австрии, России.

4. Вместе с тем, белорусский законодатель находится в более выигрышных условиях, чем, например, российский периода судебной реформы 1991–2002 г.г. Его положение сопоставимо с положением австрийского законодателя XIX в. Именно в этот период в Австрии велась работа по подготовке гражданского процессуального уложения. Эта деятельность была творчески-технической, так как соединяла в себе как разработку собственной концепции гражданского судопроизводства в целом и обжалования судебных актов в частности, так и сравнительно-правовой анализ существующих на тот момент процессуальных кодексов. В результате принятый в 1895 г. ГПК Австрии, вобрал в себя все лучшее, что имелось к тому времени в теории и практике европейского гражданского судопроизводства (а имелось многое: ГПК Франции 1806 г., УГС России 1864 г., ГПУ Германии 1877 г.). Возможно, что именно это обстоятельство в совокупности с реализацией замыслов идеолога австрийского гражданского процесса и создателя кодекса Франца Кляйна объясняет стабильность ГПК Австрии на протяжении последнего столетия и использование его в каче-

стве модели реформирования гражданского процессуального законодательства, в том числе и в области проверочных производств, в ряде европейских стран (например, в Германии при проведении реформы гражданского судопроизводства в 2001-2002 г.г.). В РФ в 2002 г. были приняты процессуальные кодексы, изначально имевшие ряд принципиальных различий по целому ряду вопросов. К 2010 г. в результате унификации процессуальных норм ГПК РФ и АПК РФ удалось достичь единства, например, в области апелляционного обжалования судебных актов. Глядя на развитие, в частности, российской апелляции можно избежать многих ошибок, среди которых – отсутствие в первые годы в системе арбитражных судов апелляционных судов. На протяжении более семи лет суды апелляционной инстанции находились в арбитражных судах первой инстанции, что вызывало многочисленные критические высказывания, замечания как представителей процессуальной науки, так и юристов -практиков. Только [Федеральным конституционным законом от 4 июля 2003 г. N 4-ФКЗ](#) было предусмотрено создание окружных арбитражных апелляционных судов, которые стали судами по проверке в апелляционной инстанции законности и обоснованности судебных актов арбитражных судов субъектов Российской Федерации, принятых ими в первой инстанции. В Республике Беларусь пересмотр судебных актов в апелляционном порядке осуществляется экономическим судом области (г. Минска), т.е. судом первой инстанции. Очевидно, что имеет место такая же ситуация, как и в российском арбитражном процессе. Вряд ли ее можно рассматривать в качестве «специфики» (как отмечается в некоторых публикациях) хозяйственного судопроизводства Беларуси. Скорее, речь может идти о деформации апелляционного обжалования и апелляционного производства, вызванной объективными условиями (в первую очередь, финансово-экономического характера), не позволяющими сформировать отдельную судебную инстанцию и обеспечить ее функционирование. Как бы там ни было, но интересы всех выше названных политико-экономических процессов требуют изменений в этом направлении. Пока не созданы и не начнут работать апелляционные суды можно утверждать о бесперспективности любых дискуссий о

виде апелляции в хозяйственном процессе. В существующей системе хозяйственных судов может работать только модель полной апелляции, поскольку суд апелляционной инстанции лишен права, отменив решение, направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Принимая во внимание это обстоятельство, российские разработчики АПК в свое время отмечали: «Учитывая, что судебные составы, рассматривающие дела в апелляционной инстанции, находятся в тех же арбитражных судах, что и составы, рассматривающие дела по первой инстанции, законодатель посчитал нецелесообразным и неоправданным с точки зрения судебной этики предоставлять суду апелляционной инстанции право возвращать дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Такая конструкция института апелляционного производства позволяет оперативно и при меньших издержках средств и труда рассматривать и разрешать дела, «не гоняя» их из одной инстанции в другую» (В.М.Шерстюк).

5. В гражданском процессе Республики Беларусь – иная ситуация, более приемлемая для введения апелляции [3]. И в данном случае можно обратиться к российскому опыту. Единая апелляция «заработала» только с 1 января 2012 г. До этого времени (с 2000 г.) было два производства по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных решений – кассационное (для решений федеральных судов первой инстанции) и апелляционное (для решений судов субъектов РФ – мировых судей). По сути, в ГПК РФ были закреплены неполная апелляция (именовавшаяся по советской традиции кассационным производством) и полная апелляция (апелляционное производство по пересмотру решений и определений мировых судей). Многочисленные различия в порядке рассмотрения кассационных, апелляционных жалоб на не вступившие в законную силу решений суда первой инстанции негативно сказывались на объеме прав лиц, участвующих в деле, приводили к постановке вопросов (в том числе и перед КС РФ) о различиях в процессуальных гарантиях судебной защиты гражданских прав, о причинах таких законодательных решений, о возможности достижения единства судебной практики. Создавая в 2010 г. единую модель апелляционного производства, российский законодатель не

принял во внимание теоретические разработки проблем апелляции, отверг необходимость соблюдения чистоты апелляционной конструкции, не определился с целью апелляции, что привело к закреплению ненадлежащих средств, используемых в апелляционном производстве и не позволяющих осуществить эффективную судебную защиту. В итоге вопрос о законодательном регулировании апелляционного обжалования и апелляционной проверки судебных актов снова стал предметом широкого обсуждения как в среде юристов, так и лиц, не имеющих юридического образования, но познавших на практике действие обновленного закона. Задавшись целью создать в гражданском процессе РБ эффективное апелляционное производство, было бы нелишне проанализировать российский опыт реформирования последних лет, опыт изменения в апелляции в ГПК Германии, новеллы апелляции в ПГС Англии, теоретико-практические поиски последних лет разработчиков норм об апелляции в других странах. Такой подход позволил бы минимизировать риски неудачных формулировок, избежать ошибок теоретико-практического свойства и, в результате, создать современную модель апелляционного обжалования и проверки судебных актов, являющуюся действительно гарантом права на судебную защиту.

6. События последних лет, связанные с почти одновременным изменением в организации судов РФ и РБ, показали, что реформирование может осуществляться в одном направлении. В настоящее время в России обсуждается Концепция единого (для арбитражных судов и судов общей юрисдикции) ГПК РФ [4]. Возможно, что и этот подход может стать неким маяком (ориентиром) на пути совершенствования гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь. Не тратя силы на изменения в двух кодексах, можно было бы задуматься о создании единого, в котором и сформулировать качественно новые подходы, среди прочего, и к апелляции. Например, Концепция единого ГПК РФ предполагает исправить выявленные ошибки действующего законодательного регулирования и провести идею неполной апелляции [5].

7. Интересно, что в публикациях белорусских авторов обсуждаются вопросы как необходимости закрепления в ГПК РБ апелляции (что представляется странным в XXI веке – веке окончательно утвердившем значение апелляции в гражданском судопроизводстве), так и вида апелляции (многие (если не большинство) склоняются к выбору в пользу полной апелляции, ссылаясь на большую гарантию судебной защиты. Очевидно (а современное повсеместное реформирование гражданского процесса тому подтверждение), что не вид апелляции служит такой гарантией, а 1) качественная работа судей первой инстанции по рассмотрению и разрешению гражданских дел и принятию законного и обоснованного, мотивированного решения и аппарата судов первой инстанции по обеспечению такой работы; 2) судоустройство; 3) предоставление квалифицированной юридической помощи (профессиональное представительство); 4) эффективное судебное руководство в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела. Нельзя не учитывать и процессов ускорения и упрощения гражданского судопроизводства. В этой связи даже французский законодатель задумался над планом перехода от полной к неполной апелляции. Важно также понимать, что указание в законе на то, что «суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции» не достаточно для того, чтобы суд апелляционной инстанции так действительно действовал. Необходим комплекс мер организационно-функционального характера, чтобы гарантировать такую повторность (с учетом такого последствия как увеличение сроков рассмотрения дела).

8. Работая над концепцией или уже законопроектом, важно использовать опыт предшественников – тех, кто на протяжении многих лет разрабатывал УГС 1864 г., Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ГПК РСФСР, ГПК БССР, ГПК РФ, имея в основе Концепцию реформирования, вобравшую в себя передовой опыт законодательных изменений в других странах, теоретические разработки и предложения ученых-процессуалистов, анализ судебной практики, данных судебной статистики. Иной подход к реформированию гражданского процессуального законодатель-

ства приводит к появлению новых проблем (пример – немотивированные решения [6]), а, значит, к нестабильности в правоотношениях, негативному отношению к судебной власти, к самой судебной защите. Такого рода неблагоприятные последствия вряд ли позволят обеспечить устойчивое развитие любой национальной правовой системы в условиях глобальных и региональных процессов в контексте защиты прав человека и построения правового государства.

Литература

1. Борисова Е.А. ГПК РФ: quo vadis ? (К 10-летию введения в действие ГПК РФ) // Вестник Моск. ун-та. Серия II. Право. 2013. № 3 // СПС «Консультант Плюс».
2. Мартыненко И.Э. Особенности обжалования судебных актов в хозяйственном (арбитражном) судопроизводстве Республики Беларусь: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obzhalovaniya-sudebnyh-aktov-v-hozyaystvennom-arbitrazhnom-sudoproizvodstve-respubliki-belarus>; Жук А.Н. К вопросу о введении апелляционного производства в гражданском процессе Республики Беларусь: <http://www.pravovik.by/rus/page/167/k-voprosu-o-vvedenii-apelljacionnogo-proizvodstva-v-grazhdanskom-processe-respubliki-belarusj>
3. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / Под ред. Е.А.Борисовой. 2-е издание, доп и изм. М.: Норма, 2012. Раздел «Белоруссия». Авторы – Белова Т.А., Колядко И.Н.
4. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2015; Кудрявцева Е.В. Работа над Кодексом гражданского судопроизводства началась: Интервью // Законодательство. 2015. №. 1 // СПС «Гарант».
5. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор в Концепции единого ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5 // СПС «Консультант Плюс»
6. Скобелев В.П. Проблема мотивированности судебных решений в гражданском процессуальном праве Республики Беларусь: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=3&art=3424>; Борисова Е.А. ГПК

РФ: quo vadis ? (К 10-летию введения в действие ГПК РФ) // Вестник Моск. ун-та. Серия II. Право. 2013. № 3.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ В СФЕРЕ СУДОУСТРОЙСТВА: ОБОЗНАЧЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Фомина М. А., Черноморский государственный университет им. Петра Могилы

Сфера судоустройства в независимой Украине смело может быть названа наиболее реформированной. Тем не менее, современное общество остается недовольно работой судов, а судьи и работники судебного аппарата пользуются критически низким уровнем доверия граждан. Какова причина такого положения и почему усилия законодателя сводятся к нулю, не находя искомого результата – вот основные проблемы поиском путей разрешения которых необходимо заниматься современным исследователям данного направления.

Ни для кого не секрет, что сегодня отрасль судоустройства Украины имеет ряд неразрешенных теоретических, методологических и как следствие практических проблем. Такие проблемы могут быть классифицированы на следующие группы по критерию уровня их возникновения.

Первую группу составляют общегосударственные (макро) проблемы. Это и давление на судебную ветвь власти со стороны законодательной и исполнительной властей, иных органов (прокуратура, адвокатура, общественные объединения, агрессивные настроенные элементы общественности, которые пытаются добиться необходимого им результата с помощью радикальных действий и др.), и политические факторы, и недостатки законодательства, и несовершенство механизма правового регулирования, и недостаточность финансирования.

Вторая группа включает в себя проблемы отраслевого или группового происхождения, то есть проблемы, возникающие при взаимодействии судов разных юрисдикций и инстанций. Часто, их возникновение пребывает в причинно-следственной связи с проблемами первого уровня. Так, например, несо-

стоятельность законодателя четко разграничить компетенцию судов общей и специальной (административной, хозяйственной) юрисдикции вынуждает судей «футболить» дела из одного суда другому и наоборот. Такие действия никак не способствуют укреплению доверия к системе правосудия в целом при том, что вины непосредственно представителей судебной власти в таких действиях не содержится.

Также, не способствует укреплению доверия общественности и «кочевание» дел из суда первой инстанции в суды вышестоящие и обратно. Ярким примером здесь служит практика Европейского суда по правам человека, направленная на борьбу с волокитой (решения «Соломахин против Украины», «Савицкий против Украины» и др.), чрезмерным формализмом (решение «Совтрансавтохолдинг против Украины»), а также отменами справедливых и правомерных решений исходя из формальных оснований (решение «Тамара Павловна Горбулинская против Украины»).

Последняя, третья группа – это проблемы локального (микро) уровня, которые могут возникать в процессе функционирования отдельно взятого суда и его штата. Данная группа представляет наибольший интерес, так как наложение проблем предыдущих групп усугубляется здесь проблемами администрирования и управления.

Согласно ст. 124 Конституции Украины [1] правосудие в Украине осуществляется исключительно судами. В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» [2] судебную власть реализуют профессиональные судьи. Вместе с тем, статья 152 Закона указывает на то, что организационное обеспечение работы суда осуществляет его аппарат, возглавляемый руководителем. Исходя из Международных принципов судебного совершенства [3] действенная судебная система обеспечивает позитивный экономический рост и здоровое общественное развитие. В то же время, суды не могут полагаться только на свой конституционный статус с целью гарантирования уважения к той роли, которую они исполняют, поскольку такой статус не может обеспечить доверие общественности к судебным решениям. Только системати-

ческий пересмотр судебных процедур, судебного администрирования и эффективности функционирования является неотъемлемым компонентом проведения самоконтроля со стороны судов.

Должность руководителей аппаратов в украинских судах появилась с вступлением в силу Закона Украины «О судоустройстве» (2002), но только с принятием Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» (2010) она наделяется реальными административными полномочиями. При этом в судах сохраняется административная должность председателя суда, что в свою очередь продолжает наличие дуализма компетенций в процессе судебного управления и на практике может приводить к такому негативному последствию как формализация роли руководителей аппаратов судов при управлении судами. Более того, ситуацию усугубляет двойная подчиненность руководителей аппаратов судов председателю и начальнику территориальных управлений Государственной судебной администрации Украины.

Для достижения цели качественного функционирования судебной системы Украины при совершенствовании национального отраслевого законодательства необходимо учитывать вышеизложенные проблемы в комплексе и подходить к их разрешению стратегически с расчетом на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – №30. – ст. 141.
2. О судоустройстве и статусе судей: Закон Украины от 07 июля 2010 г. // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – №41–42, №43, №44–45. – ст. 529.
3. Международные принципы судебного совершенства [Электронный ресурс] / Междунар. конф. «Усовершенствование функционирования суда», 21 июня 2011 г. – Электрон. дан. (1 файл). – К.: 2011.- Режим доступа: http://www.fair.org.ua/content/library_doc/International_framework__Court_Excelsence_UKR.pdf.

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Данилевич А.А., Белорусский государственный университет

Судебные прения – важный элемент в структуре судебного разбирательства. Они способствуют более полному и глубокому выявлению всех юридически значимых обстоятельств рассматриваемого дела, правильной их оценке, формированию убеждения судей, принятию ими законного и обоснованного судебного решения, оказывают воспитательное и предупредительное воздействие на присутствующих в зале судебного заседания.

В тоже время судебный процесс, составной частью которого являются судебные прения, выступает как разновидность правоприменительной деятельности. Получая сравнительно широкую известность, эта деятельность оказывает значительное влияние на формирование правовых идей, убеждений, понятий, выражающих отношение людей к действующему праву, т.е. на формирование правовых представлений (правовая идеология) и чувств, на тот социально-психологический климат, при котором люди одобрительно реагируют на правомерные действия и проступки и отрицательно – на любой факт беззакония, произвола, т.е. на формирование социально-правовой психологии личности. Правовая идеология и социально-правовая психология, взятые в единстве – суть правосознания. Таким образом, судебная деятельность, а значит и те идеи, и взгляды, которые высказываются выступающими с судебной трибуны, являются важным средством формирования у граждан правосознания. Последнее, в свою очередь, вместе с законностью, юридической практикой и состоянием законодательства образуют определенное идейно-правовое состояние общества – правовую культуру.

Все это обязывает каждого участника судебных прений, особенно прокурора и защитника, быть требовательным к своим выступлениям, тщательно продумывать свои речи не только по содержанию, но и по форме, заботиться о их совершенстве.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЬИ

Хопта С.Ф., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Важным средством обеспечения эффективности права, юридической практики, обеспечения правореализации и законности есть правосознание. На категориальном уровне, его определяют как сферу или отрасль знаний, отражающих правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву, практики его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих юридическое значение [1, с. 18]. На функциональное назначение правосознания указывает А.М. Колодий, определяя его как специфическую форму общественного сознания, систему отражения правовой действительности во взглядах, теориях, концепциях, чувствах, представлениях о праве, его месте и роли в обеспечении свободы личности и других общечеловеческих ценностей [2, с. 137].

В теории правосознания существует термин профессиональное правосознание, носителями которого есть юристы-специалисты, профессионально осуществляющие юридическую деятельность. По-нашему мнению, ее возможно определить как совокупность субъективных элементов правового регулирования: идей, теорий, эмоций, чувств и правовых установок юриста, отражающих правовую действительность, формирующих отношение к юридической практике и праву, видение перспектив развития правовой системы и эффективности организации правовой сферы общества.

Определение профессионального правосознания судьи должно учитывать следующие ее особенности: это разновидность общественного сознания, форма правосознания, носителями которого являются судьи; объектом познания есть действующее право во всем многообразии его проявлений; есть средством определения характера правового поведения других субъектов; имеет субъективный характер; обеспечивает оценку ценности права; определяет реально воз-

возможности права в процессе гарантирования и восстановления нарушенных прав человека; влияет на эффективность правосудия.

Важного значения для исследования правосознания судьи на доктринальном уровне имеют методы научного познания, составляющие методологию. Мироззренческую основу исследования правосознания судьи составляют общеправовые методы. Именно мироззрение исследователя определяет его профессиональную ориентацию и позицию [3, с. 24].

Применение материалистического и диалектического методов предоставляет возможность характеристики правосознания судьи как общественной категории, зависящей от системы объективных факторов, постоянно развивающейся в зависимости от воли и интересов субъекта, имеющей юридический характер и принадлежащей к сфере правосудия.

Идеалистический и метафизический методы анализируют правосознание судьи как категорию, связанную с сознанием и волей судьи, отражающими внутреннее духовное начало; понятие, зависящее от степени изучения научных идей, теорий, концепций, системы профессиональных знаний и изучения обобщения практики.

Мироззренческий характер имеют и философские подходы, дающие возможность по-новому раскрыть грани исследуемых категорий и ориентирующих на создание интегральных концепций [4, с. 9], а также создающих определенную программу методологического обеспечения исследования [5, с. 9] правосознания судьи.

Синергетический подход определяет правосознание судьи как субъективную категорию, зависящую от причинно-следственных и случайных связей, играющую конструктивную роль в процессе осуществления правосудия. Антропологический подход дает возможность отразить посредством правосознания судьи природу человека, роль судьи в реализации права и формирование правопорядка. Важным аспектом применения этого подхода есть отражение особенностей коммуникации в процессе осуществления правосудия и роли судьи в преодолении конфликтов в правовой сфере.

Герменевтический подход определяет профессиональное правосознание судьи как элемент правовой реальности, подлежащий интеграции. На основании сознания осодержания правовой нормы судья распространяет ее действие на определенную жизненную ситуацию.

Коммуникативный подход анализирует правосознание судьи как форму взаимодействия в сфере права. Основу этой формы правосознания составляют текстуальные формы объективации права; наличие особенного субъекта со своим психологическим миром, который воспринимает и интерпретирует право; применение права в соответствии с ценностными стандартами; взаимодействие судьи с иными субъектами-носителями прав и обязанностей в процессе вынесения правосудных решений.

Применение вышеизложенных приемов и философских методов представляет возможность исследовать профессиональное правосознание судьи как динамическую категорию, зависящую от системы объективных факторов, имеющую общественную ценность и особенные черты, обеспечивающую отражение правовой действительности и возможность ее применения на профессиональном уровне с целью преодоления конфликтов посредством вынесения правосудных решений.

Литература

1. Теория права и государства: Учебник / Под ред. проф. В.В. Лазарева. – М. : Новый юрист, 1997. – 416 с.
2. Загальна теорія держави і права / За ред. В.В. Копейчикова // К. – Юрінком-Інтер, 1997. – 320 с.
3. Морозова Л.А. Теория государства и права : Учебник. – М.: Эксмо, 2009 – 242 с.
4. Теорія держави і права: підручник / За ред. О.В. Петришина. – Х.: Право, 2014. – 368 с.
5. Скакун О.Ф. Теорія держави і права: Підручник / О.Ф. Скакун. – К.: Алерта; КНТ; ЦУЛ, 2009. – 520 с.

ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Хопта О. С., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Важным средством обеспечения эффективности права, юридической практики, обеспечения правореализации и законности есть правосознание. На понятийном уровне его определяют как сферу или отрасль знаний, отражающих правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву, практики его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих юридическое значение [1, с. 18]. На функциональное значение правосознания указывает А.М. Колодий, определяя его как специфическую форму общественного сознания, систему отражения правовой действительности во взглядах, теориях, концепциях, чувствах, представлениях о праве, его месте и роли в обеспечении свободы личности и других общечеловеческих ценностей [2, с. 137].

В теории правосознания существует термин профессиональное правосознание, носителями которого есть юристы-специалисты, профессионально осуществляющие юридическую деятельность. По-нашему мнению, ее возможно определить как совокупность субъективных элементов правового регулирования: идей, теорий, эмоций, чувств и правовых установок юриста, отражающих правовую действительность, формирующих отношение к юридической практике и праву, видение перспектив развития правовой системы и эффективности организации правовой сферы общества.

Определение профессионального правосознания судьи должно учитывать следующие ее особенности: это разновидность общественного сознания, форма правосознания, носителями которого являются судьи; объектом познания есть действующее право во всем многообразии его проявлений; есть средством определения характера правового поведения других субъектов; имеет субъективный характер; обеспечивает оценку ценности права; определяет реальные возможности права в процессе гарантирования и восстановления нарушенных прав человека; влияет на эффективность правосудия.

Важного значения для исследования правосознания судьи на доктринальном уровне имеют методы научного познания, составляющие методологию. Мироззренческую основу исследования правосознания судьи составляют общеправовые методы. Именно мироззрение исследователя определяет его профессиональную ориентацию и позицию [3, с. 24].

Применение материалистического и диалектического методов предоставляет возможность характеристики правосознания судьи как общественной категории, зависящей от системы объективных факторов, постоянно развивающейся в зависимости от воли и интересов субъекта, имеющей юридический характер и принадлежащей к сфере правосудия.

Идеалистический и метафизический методы анализируют правосознание судьи как категорию, связанную с сознанием и волей судьи, отражающими внутреннее духовное начало; понятие, зависящее от степени изучения научных идей, теорий, концепций, системы профессиональных знаний и изучения обобщения практики.

Мироззренческий характер имеют и философские подходы, дающие возможность по-новому раскрыть грани исследуемых категорий и ориентирующих на создание интегральных концепций [4, с. 9], а также создающих определенную программу методологического обеспечения исследования [5, с. 9] правосознания судьи.

Синергетический подход определяет правосознание судьи как субъективную категорию, зависящую от причинно-следственных и случайных связей, играющую конструктивную роль в процессе осуществления правосудия. Антропологический подход дает возможность отразить посредством правосознания судьи природу человека, роль судьи в реализации права и формирование правопорядка. Важным аспектом применения этого подхода есть отражение особенностей коммуникации в процессе осуществления правосудия и роли судьи в преодолении конфликтов в правовой сфере.

Герменевтический подход определяет профессиональное правосознание судьи как элемент правовой реальности, подлежащий интеграции. На основа-

нии сознания осодержания правовой нормы судья разпространяет ее действие на определенную жизненную ситуацию.

Коммуникативный поход анализирует правосознание судьи как форму взаимодействия в сфере права. Основу этой формы правосознания составляют текстуральные формы объективации права; наличие особенного субъекта со своим психологическим миром, который воспринимает и интерпретирует право; применение права в соответствии с ценностными стандартами; взаимодействие судьи с иными субъектами-носителями прав и обязанностей в процессе вынесения правосудных решений.

Применение вышеизложенных приемов и философских методов представляет возможность исследовать профессиональное правосознание судьи как динамическую категорию, зависящую от системы объективных факторов, имеющую общественную ценность и особенные черты, обеспечивающую отражение правовой действительности и возможность ее применения на профессиональном уровне с целью преодоления конфликтов посредством вынесения правосудных решений.

Литература

1. Невзоров И. Л. Принцип законности в правоприменительной деятельности : Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И. Л. Невзоров. – Х., 2002. – 196 с.
  2. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Сов. гос. и право. – 1957. – № 11. – С.15-21.
  3. Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. – К.: Вища школа, 1971. – С.116-121.
  4. David R.Sources of law. – P.140-147; Degan V. Sources of International Law – London, 1997. – P.21-40.
- Schachter O. Internation Law in Theory and Practice: General Course in Public International Law // RdC, 1982 – The Hague, etc., 1985. – V.5. – 178 p.

НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АКТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бодров Н.Ф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Традиционная классификация форм использования специальных знаний [2, с. 15] на процессуальные и непроцессуальные оставляет в теории неограниченный, а на практике достаточной широкий простор для непроцессуального «творчества». За рамками процессуальной регламентации разрозненных наименований актов (заключение специалиста, устная/письменная консультация специалиста) существует большое количество документов-суррогатов, предназначенных для достижения тех или иных процессуальных целей.

Стоит отметить, что подобные документы составляются по запросу сторон (чаще их представителей) в гражданском судопроизводстве или защитников - в уголовном. Так как, например, следователь чаще использует процессуальные возможности обращения к сведущим лицам.

Логично возникает вопрос: зачем сведущие лица составляют документы, называемые «справка об исследовании», «предварительное исследование», «акт экспертного исследования» и др.? Ответ, очевидно, включает в себя два аспекта: цель составления такого акта сведущим лицом и процессуальная цель лица, обратившегося к такому эксперту.

Процессуальная цель стороны лежит на поверхности. Очевидно, что цель – ввести в процесс акт экспертного исследования, составленного по обращению лица, не обладающего процессуальными полномочиями по назначению судебной экспертизы:

«Казалось бы, выхода нет. Однако в тех условиях, когда равноправие сторон в уголовном процессе носит лишь декларативный характер, защитник вынужден придумывать нестандартные методы защиты из числа не запрещенных законом» [1].

Но экспертное сообщество отреагировало на подобные запросы не совсем адекватно. «Справки», «акты» и иные непроцессуальные документы позволяют

некоторым экспертам отступать от всех методических правил проведения и оформления экспертного исследования.

Вполне ясно, что наименование документа «справкой» или «актом» не связано с необходимостью соответствия структуре, например, заключения специалиста. Ведь подобная структура (в отличие от заключения эксперта) до сих пор должным образом не регламентирована.

Цель сведущего лица, на наш взгляд, достаточно ясно определяется после изучения содержания таких «справок» или «актов». В подавляющем большинстве случаев, подобный документ представляет собой: перечисление данных о сведущем лице; краткий список представленных документов (иногда именуемый «исследование») и раздел «выводы» без каких-либо обоснований, либо снабженный одним-двумя абзацами теста, дословно повторяющего общие положения методики исследования. Цель составления подобного документа – максимально быстро (без лишних трудозатрат сведущего лица) письменно подтвердить (не проверяя) доводы лица, которое к нему обратилось. Аналогичные документы повсеместно встречаются нам в экспертной практике.

Виной тому современная практика процессуальной оценки заключения судебных экспертов. Без достаточного желания, а иногда и возможности оценить обоснованность судебно-экспертных изысканий, оценка заключений зачастую сводится к прочтению сведений об эксперте («оценка» компетентности), перечня представленных материалов («оценка» относимости заключения) и выводов («оценка» достоверности заключения путем сопоставления с другими известными обстоятельствами). В такой ситуации содержание справки выглядит вполне убедительным для лиц, не обладающих специальными знаниями.

В противовес подобному документу далеко не всегда можно противопоставить даже рецензию. Достаточно сложно опровергнуть такой документ лицу, обладающему специальными знаниями. Во-первых, каких-либо требований к таким документам нет. Во-вторых, сложно найти какие-либо методические ошибки в «заключении», составленном без проведения исследования.

Критический анализ подобной ситуации со стороны экспертного сообщества позволяет утверждать лишь одно – совершенствование процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности в России должно развиваться в сторону, во-первых, наделения защитника правом назначать судебную экспертизу (в уголовном процессе), во-вторых, необходимо процессуально закрепить процедуру рецензирования актов, составляемых сведущими лицами (в гражданском судопроизводстве). Это избавит современное судопроизводство от низкокачественных суррогатов, имеющих множество названий, напоминающих заключение эксперта или специалиста.

Таким образом, как показывает анализ судопроизводственной практики, пробелы процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности, достаточно успешно выявляются путем изучения того, что стороны представляют суду в качестве иных документов, письменных доказательств и других безликих актов, внешне напоминающих заключение эксперта.

Литература

1. Гривцов А. Адвокатская газета № 3/2015 (188) // <http://www.advgazeta.ru/arch/188/1525>. (дата обращения – 07.09.15 г.).
2. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин / под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2009. С. 15.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГПК РФ

Соловьева Т. В. Саратовская государственная юридическая академия

Необходимо отметить, что за более чем десять лет существования ГПК РФ были приняты различные нормативные акты, его изменяющие или дополняющие, что вызвано постоянным развитием общества и стремлением государства обеспечить наиболее полноценную защиту прав и интересов заинтересованным субъектам.

Выделим основные направления совершенствования ГПК РФ:

1. **введение новых принципов.** Так, в 2010 году был принят ФЗ №68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и на право исполнения судебного решения в разумный срок» [2], посредством которого в содержание ГПК РФ была введена ст. 6.1 «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления». Эта статья позволила говорить о появлении нового принципа гражданского судопроизводства, а именно принципа разумности судопроизводства.

2. **изменение видов гражданского судопроизводства.** В состав ГПК РФ были включены: Глава 22.1 «Производство по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок»; Глава 22.2 «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации». Также был расширен перечень дел, отнесенных к производству, возникающих из публичных правоотношений, а именно, дела, связанные с депортацией и реадмиссией и дела об административном надзоре. Однако отметим, что принятие Кодекса административного судопроизводства в 2015г. повлекло исключение из содержания ГПК РФ производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, компенсационного производства (Глава 22.1 ГПК РФ), некоторых категорий дел особого производства;

3. **изменение системы пересмотра судебных актов.** Так, в 2010 г. была коренным образом изменена система пересмотра судебных постановлений. Теперь все, не вступившие в законную силу судебные постановления, рассматриваются в апелляционном порядке, а вступившие в законную силу – в кассационном. Надзорные полномочия сохранились только за Президиумом Верховного Суда РФ в отношении постановлений Верховного Суда РФ. Более того, создание Верховного Суда РФ как единого высшего судебного органа в сфере гражданской и арбитражной юрисдикции распространило действие компетенции Президиума Верховного Суда РФ, как надзорной инстанции, также и на судебные постановления, принимаемые в арбитражном судопроизводстве;

4. **упрощение судопроизводства.** Так, за время существования ГПК РФ были увеличены цены исков, отнесенных к рассмотрению мировых судей, начиная с 2008 года мировые судьи вправе рассматривать дела при цене иска не превышающей пятидесяти тысяч рублей. Был изменен перечень дел, по которым выдается судебный приказ, например, требования о взыскании расходов, произведенных в связи с розыском ответчика, должника или ребенка. Также законодатель предоставил возможным мировым судьям выносить итоговое решение без мотивировочной части, необходимость данных изменений была вызвана большой нагрузкой мировых судей, и, следовательно, целью таких изменений является общее сокращение рабочей нагрузки мировых судей.

5. **введение в гражданское судопроизводство возможности использования технических средств при проведении процессуальных действий.** Так, в 2013 году в ГПК РФ была включена норма, закрепляющая возможность проводить судебные заседания с использованием видео-конференц связи, которая позволяет участвующим в деле и иным лицам избегать финансовых и временных затрат, связанных с проездом от места их жительства или нахождения до места расположения суда и способствует решению вопроса участия в рассмотрении дела лиц с ограниченными физическими возможностями, нетрудоспособных, а также лиц, находящихся в местах содержания под стражей и в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, что направлено на со-

крашение сроков судебного разбирательства и повышение качества правосудия в целом.

б. внедрение и дальнейшее развитие примирительных процедур.

Альтернативные способы урегулирования споров всегда рассматривались учеными и практиками как возможность сокращения нагрузки в судах. В 2010 году в ГПК РФ был введен термин «медиация». Однако в настоящий момент можно констатировать лишь фрагментарное регулирование данной процедуры в рамках ГПК РФ, а именно, это предоставленная возможность суду отложить разбирательство по делу в связи с обращением сторон к медиатору на срок два месяца на любой стадии гражданского судопроизводства. Кроме того, судья на всех стадиях гражданского судопроизводства должен способствовать заключению сторонами мирового соглашения. При этом в рамках Концепции единого кодекса гражданского судопроизводства разработана отдельная глава «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», в которой указано на необходимость более активного развития и стимулирования досудебного примирения сторон [1, с. 11].

Можно констатировать, что указанные нововведения направлены на совершенствование механизма гражданского судопроизводства в целях обеспечения эффективной реализации заинтересованными субъектами их права на судебную защиту и достижения соответствия гражданского процессуального законодательства и практики его применения международным правовым стандартам судебной защиты.

Литература

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Вступ. Слово П.В. Крашенинников. – М., 2015. – С.11.

2. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета.— 2010. —№ 94 (4 мая)

НАДЗОРНАЯ ФОРМА ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ: ТРЕБУЮТСЯ ИЗМЕНЕНИЯ

Скобелев В.П., Белорусский государственный университет

Будучи наследием советского прошлого, надзорная форма пересмотра судебных постановлений по гражданским делам (глава 33 ГПК) в современных реалиях требует целого ряда существенных корректировок.

1. Наличие у определенных должностных лиц судов (ст. 439 ГПК) полномочий путем принесения протеста инициировать возбуждение надзорного производства противоречит принципу диспозитивности гражданского процессуального права (ст. 18 ГПК), ведет к смешению процессуальных функций осуществления правосудия и обращения за судебной защитой, подрывает авторитет, независимость и беспристрастность судов. Кроме того, это имеет своим следствием своеобразное соперничество (в ущерб интересам правосудия) судов с органами прокуратуры, должностные лица которых также обладают правом принесения надзорных протестов (ст. 439 ГПК): протесты должностных лиц прокуратуры удовлетворяются гораздо реже, нежели протесты должностных лиц судов.

2. У юридически заинтересованных в исходе дела лиц, а также лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены вынесенным судебным постановлением, отсутствует возможность напрямую оказывать влияние на возбуждение надзорного производства. Более того, в определенных случаях (абз.3-5 ч.2 ст. 437 ГПК) пересмотр судебного постановления в порядке надзора может состояться вообще без учета или даже вопреки воле указанных лиц. Очевидно, что такое положение вещей расходится с принципом диспозитивности (ст. 18 ГПК), а также противоречит ч.3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей заинтересованным лицам право на обжалование судебных постановлений.

3. Норма абз.5 ч.2 ст. 437 ГПК, предоставляющая право соответствующим должностным лицам судов и прокуратуры по собственной инициативе приносить надзорные протесты, таит в себе значительный потенциал для раз-

личного рода злоупотреблений, в том числе коррупционной направленности, поскольку абсолютно не определяет поводы для проявления подобной инициативы (на основании какой информации) и пределы ее реализации (как часто, в отношении каких судебных постановлений и т.п.).

4. Трехлетний срок на подачу надзорной жалобы является слишком большим и не способствует стабильности вступивших в законную силу судебных постановлений и соответственно установлению окончательной определенности во взаимоотношениях сторон спора (более оптимальным здесь было бы закрепление срока продолжительностью не более одного года). В еще меньшей степени этому способствует то обстоятельство, что возможность проявления инициативы по возбуждению надзорного производства указанными в абз.3-5 ч.2 ст. 437 ГПК субъектами вообще никакими сроками не ограничена.

5. В ГПК имеет место несовпадение оснований для принесения надзорных протестов (существенные нарушения норм материального и процессуального права) и оснований к отмене судебных постановлений в порядке надзора (помимо названных нарушений сюда относится также необоснованность судебных постановлений). При этом глава 33 ГПК не раскрывает содержание всех этих нарушений. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 26 июня 2003 г. №7 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» фактически отождествил основания для отмены судебных постановлений в порядке надзора с основаниями для отмены судебных постановлений в кассационном порядке. В итоге надзорное производство утратило свой исключительный характер и по существу дублирует в настоящее время кассационное производство.

6. Несмотря на то, что правом принесения надзорных протестов обладает строго определенный круг должностных лиц судов и прокуратуры, фактически рассмотрением поводов для принесения протестов, подготовкой ответов на них и составлением текстов самих протестов занимаются совершенно иные должностные лица судов и прокуратуры. Схожая картина наблюдается и в судах надзорной инстанции при рассмотрении надзорных протестов: как правило,

подробно с делом знакомится только один из членов состава суда – судья-докладчик, все остальные члены надзорной инстанции получают представление о деле лишь на основе сделанного указанным судьей доклада. Подобная практика снижает у должностных лиц уровень ответственности за принимаемые решения, способствует процветанию субъективизма и самым негативным образом сказывается на эффективности надзорного производства.

7. Существующее в настоящее время количество судебных надзорных инстанций (их четыре – ст. 440 ГПК) не оказывает значительного влияния на качество правосудия и является скорее выражением вотума недоверия судьям, а также фактическим признанием того, что кассационные и нижестоящие надзорные инстанции не в полной мере выполняют свое предназначение (ведь наделение в 2011 г. Пленума Верховного Суда надзорными полномочиями говорит о том, что нижестоящая по отношению к нему надзорная инстанция – Президиум Верховного Суда – не справляется со своими задачами).

8. Принцип гласности судопроизводства (ст. 114 Конституции Республики Беларусь, ст. 17 ГПК) в судах надзорной инстанции практически не действует: доступ публики в эти суды очень затруднен, а юридически заинтересованные в исходе дела лица по общему правилу о рассмотрении дела в надзорной инстанции не извещаются. При этом последнее обстоятельство противоречит также принципам состязательности (ч.1 ст. 115 Конституции Республики Беларусь, ст. 19 ГПК), выяснения судом действительных обстоятельств дела (ст. 20 ГПК) и права на судебную защиту (ч.1 ст. 60 Конституции Республики Беларусь, ст. 6 ГПК).

9. В содержании п.4 ст. 447 ГПК не учтено, что в силе может быть оставлено не одно, а несколько из вынесенных по делу судебных постановлений, при этом отсутствует указание на то, что все остальные судебные постановления по делу в этом случае будут подлежать отмене. Не совсем удачную редакцию имеет и п.5 ст. 447 ГПК: по своему буквальному смыслу он не может быть использован в отношении определений суда, а также для целей исправления ошибок в применении норм процессуального права.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТЦА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Кирвель И.Ю., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Современное гражданское процессуальное законодательство находится в стадии преобразования, обусловленного реформированием системы судебных органов. Сегодня актуальным является вопрос о принятии единого процессуального кодекса, объединяющего действующие Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК). Пока законодатель идет по пути параллельного совершенствования этих процессуальных законов, но уже сегодня должна быть выработана концепция совершенствования процессуального законодательства. Одним из направлений совершенствования является унификация разрозненных подходов законодателя в ГПК и ХПК к определению положений процессуальных институтов и отдельных норм. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на одну из проблем, которая должна быть решена при совершенствовании процессуального законодательства, что позволит избежать допускаемых на практике ошибок и повысить эффективность защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов лиц, обращающихся к правосудию.

На первый взгляд, определение истца как стороны в гражданском процессе является сугубо техническим вопросом, который за столько веков существования искового производства уже отлажен до автоматизма и никаких проблем в этом плане не возникает. Однако изучение судебной практики, в частности, гражданских дел, показывает, что судьи, принимая иски и возбуждая на их основании производство по делу, или не обращают внимания, или не до конца понимают, кто является истцом по делу.

Статья 60 ГПК сторонами в делах искового производства называет истца и ответчика. При этом в статье не определено, кто такой истец, а просто указывается, что истец имеет право на обращение за судебной защитой. Он формулирует свою процессуальную позицию в исковом заявлении. Лицо, в интересах которого в предусмотренных законом случаях дело возбуждают прокурор, го-

сударственный орган, юридическое лицо или гражданин, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем в качестве истца. Последнее положение как раз и говорит о том, что формулировать процессуальную позицию истца в исковом заявлении могут и другие перечисленные лица.

В судебной практике часто встречаются гражданские дела, в которых не только в исковом заявлении, но и в судебных постановлениях по делу, например о лишении родительских прав, в качестве истца указывается орган опеки и попечительства, обратившийся в суд, то есть соответствующее управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе, либо орган опеки и попечительства указывается как представитель истца. И в первом, и во втором случае орган опеки и попечительства не является ни истцом, ни представителем истца, а имеет отдельное процессуальное положение, а именно, выступает как государственный орган, обратившийся в суд с иском в защиту прав и охраняемых законом интересов другого лица, участвующего в деле в качестве истца. Соответственно представитель данного государственного органа представляет именно интересы органа опеки и попечительства, а не истца. Отличие органа опеки и попечительства от истца заключается в том, что он не является субъектом спорного материального правоотношения, не защищает свои интересы. Отличие органа опеки и попечительства от представителя истца заключается в том, что представитель выступает от имени представляемого, а данный государственный орган обращается в суд от своего имени. В рассмотренной и иных категориях дел в правоприменительной практике часто возникают проблемы с определением несовершеннолетнего как истца по делу. Судьи и участники процесса не всегда обращают внимание на тот факт, что согласно ч. 1 ст. 58 ГПК способность иметь гражданские процессуальные права и нести обязанности стороны и третьего лица (гражданская процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами и юридическими лицами Республики Беларусь. При этом следует помнить, что гражданская процессуальная правоспособность возникает с момента рождения и заканчивается смертью физического лица, следо-

вательно, как только ребенок появился на свет – он может быть истцом и ответчиком в суде. У него отсутствует только гражданская процессуальная дееспособность, что не позволяет ему своими действиями осуществлять свои права, выполнять обязанности в суде, поручать ведение дела представителю. В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» указано, что лица, по заявлениям которых в интересах несовершеннолетних возбуждено дело, являются юридически заинтересованными в исходе дела. Истцами по таким делам являются несовершеннолетние.

Не вызывают вопросов на практике и исковые заявления об установлении отцовства и о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка, если истцом в них, например указана мать. А ведь не берется во внимание самое главное, что должно учитываться при определении истца по делу – это чьи интересы подлежат защите, кто выступает субъектом спорного материального правоотношения. При установлении отцовства, правоотношения возникают между отцом и ребенком, при взыскании алиментов – материальные средства направлены на обеспечение содержания ребенка, а не его матери, которая и в первом и во втором случае выступает как законный представитель своего ребенка, а не истец по делу. На наш взгляд, редакция ст. 58 ХПК, определяющая стороны сформулирована более корректно, чем аналогичная статья ГПК и определяет, что истцы предъявляют иск в целях защиты своих законных интересов или в целях защиты их интересов предъявлен иск. Закрепление в процессуальном законодательстве единого подхода к регламентации стороны искового производства позволит обеспечить единообразие в правоприменительной практике в определении основных участников процесса – истцов.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Васильев С.В., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого

1. Договорная подсудность представляет собой соглашение сторон процесса между собой об изменении территориальной подсудности для конкретного дела до принятия его судом к своему производству.

Основными условиями, которые допускают заключение соглашения (договора) о подсудности являются: (а) такое соглашение предусмотрено процессуальным законом; (б) оно не противоречит интересам сторон процесса и является добровольным; (в) соглашением сторон нельзя изменить исключительную подсудность; (г) соглашение оформляется письменно; (д) соглашение заключается, как правило, до принятия иска судом к своему производству.

Договорная подсудность закреплена в гражданском процессуальном законодательстве большинства постсоветских государств (ст. 84 ГПК Республики Армения, ст. 40 ГПК Азербайджанской Республики, ст. 49 ГПК Республики Беларусь, ст. 21 ГПК Грузии, ст. 34 ГПК Республики Казахстан, ст. 41 ГПК Республики Молдова, ст. 104 ГПК Эстонии), многих европейских стран и некоторых государствах американского континента.

В то же время, судебные системы отдельных государств не признают или отказались от института договорной подсудности (например Республика Украина). Данное положение связано как с национальными особенностями судопроизводства так и с тезисом о том, что возможность изменения подсудности по воле сторон (а) влечет нарушение стабильности судебной процедуры осуществления правосудия по гражданским делам, а также (б) способствует злоупотреблению сторонами своими процессуальными правами.

2. Вопрос о правовой природе договорной подсудности в науке гражданского процессуального права является дискуссионным. Традиционно выделяют три точки зрения:

(1) соглашение о подсудности имеет материально-правовую природу и представляет собой гражданско-правовой договор (С. А. Курочкин, М. А. Рожкова). Данное соглашение представляет собой специальную сделку между равными субъектами – сторонами материального правоотношения, определяющую юрисдикционную форму защиты. Порядок заключения такого рода соглашений подчинен положениям гражданского права; при их оценке суд проверяет не процессуальную правосубъектность его сторон, а материальную (гражданско-правовую);

(2) соглашение о подсудности имеет процессуальную правовую природу (Н. Г. Елисеев, С.А. Дергачев, В. И. Тертышников, С. В. Васильев). Данное соглашение не регулируется нормами гражданского законодательства и имеет самостоятельный предмет. Соглашение сторон об установлении подсудности представляет собой процессуальный юридический факт, который следует рассматривать как ходатайство, обращенное к суду с просьбой рассмотреть возникший между сторонами спор;

(3) соглашение о подсудности имеет комплексную (смешанную) правовую природу и выступает одновременно как процессуальная так и материально-правовая категория (Я. В. Грель, Р. М. Ходыкин). Данное соглашение подчиняется двойному правовому режиму: (а) последствия соглашения о подсудности связаны с областью процессуального права; (б) основание для заключения процессуальных договоров исходит из автономии сторон, следовательно, нельзя исключить влияние материального права; (в) участники соглашения обладают не процессуальной, а гражданской правосубъектностью; (г) на соглашение распространяются положения договорного права о совпадении воли сторон и о моменте заключения договора.

3. Определение правовой природы договорной подсудности лежит в сфере соотношения материального и процессуального права, что проявляется в следующем:

- следует констатировать, что последствия соглашения о подсудности, будучи областью процессуального права, по своему содержанию разделяются

на пророгацию (подчинение спора контрагентов юрисдикции неподсудного суда) и дерогацию (изъятие будущего спора из ведения суда, обладающего надлежащей подсудностью);

- необходимой предпосылкой договорной подсудности выступает достижение согласованного волеизъявления сторон, которые обладают не процессуальной, а гражданской правоспособностью;

- соглашения о подсудности имеет самостоятельный предмет, который не совпадает с предметом основного договора, в который оно включено или к которому оно относится;

- согласно требованию определенности, соглашение о подсудности должно (а) касаться только определенного (конкретного) спора (а не всех возможных споров между сторонами) и (б) четко устанавливать суд, к компетенции которого стороны отнесли свой спор;

- обязательным участником правоотношения, возникающего в связи с заключением сторонами соглашения о подсудности, является суд, т.к. только с его санкции данное соглашение признается допустимым. Следовательно, именно за судом закреплен судебный контроль за соблюдением договорной подсудности и последствий ее нарушения.

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И БЕССПОРНОЙ ЮРИСДИКЦИИ - ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аргунов В. В., МГУ имени М.В. Ломоносова

В РФ проводятся реформы гражданского законодательства, нотариата, гражданского судопроизводства, третейского разбирательства. Серьезным шагом в ходе судебной реформы стала унификация двух параллельно существующих судебных систем и порядков осуществления правосудия по гражданским делам – в судах общей юрисдикции и в арбитражных (хозяйственных) судах.

С 6 августа 2014 года, Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам [1].

Работу обновленной судебной системы по осуществлению правосудия по гражданским делам призваны обеспечить Единый гражданский процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства (КАС РФ).

КАС РФ принят 08 марта 2015 года вступает в силу с 15 сентября 2015 г. Он включает в себя регламент рассмотрения и разрешения административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [2].

Разработка и принятие единого ГПК РФ ставит своей целью провести унификацию и устранить противоречия между существующими двумя отраслями российского процессуального права (гражданский и арбитражный процесс) и принятым КАС РФ, когда такие различия не продиктованы спецификой рассматриваемых дел и особенностями субъектов спора. Кодекс сохранит наиболее удачные наработки существующих АПК РФ и ГПК РФ, распространив их на все гражданское судопроизводство. В конце 2014 года подготовлена Концепция развития гражданского судопроизводства и структура проекта Единого ГПК РФ, которая верна традициям предшествующих процессуальных кодексов. В Общей части сосредоточены межотраслевые процессуальные институты, имеющие единое регулирование для любого вида процесса (исковое, особое производство и производство из публичных правоотношений) и любой стадии процесса (первая инстанция, апелляция, кассация, производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, надзорное производство). В Особенной части сосредоточена регламентация рассмотрения дел в различных видах и стадиях процесса, а также по отдельным категориям дел [3].

К сожалению, проводимые реформы не предполагают комплексного подхода к модернизации порядка рассмотрения и разрешения дел бесспорной

юрисдикции (нотариата, деятельности по ведению реестров, дел особого производства). Реформа каждой области идет своим путем.

Так, особое производство как вид гражданского судопроизводства, составляющий наиболее существенную часть бесспорной юрисдикции, в рамках реформы планируется реализовать в двух кодексах: Едином ГПК и КАС РФ. В КАС РФ «перекочевало» из ГПК все производство по делам из публичных правоотношений, здесь же закреплены ряд категорий дел, находящихся в настоящее время в подразделе IV ГПК РФ «Особое производство». Однако структура принятого КАС РФ не дает оснований говорить о существовании в нем отдельного вида административного судопроизводства – бесспорного (особого). Новый КАС РФ рассчитан только на применение такого средства защиты нарушенного или оспоренного права, как административный иск (ст. 4, ст. 124-131 КАС РФ), т.е. напрямую предполагает разрешение спора о праве. Проект Единого ГПК нацелен на сохранение концепции видов гражданского судопроизводства, основанной на критерии наличия или отсутствия спора о праве. Наиболее правильным решением была бы регламентация всех судебных дел бесспорной юрисдикции в Едином ГПК РФ.

Модернизации форм охраны и защиты субъективных прав и законных интересов должно было способствовать и принятие нового закона в сфере нотариата, который окончательно закрепил бы принципы латинского нотариата в организации нотариата и нотариальном производстве. К сожалению, реформа нотариата частично проведена в жизнь путем изменения действующих Основ законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 г. Единый законопроект, устанавливающий организационные, и процессуальные основы нотариальной деятельности, до сих пор не принят [4].

Деятельность по ведению реестров подвергается лишь частичному реформированию. Принятый ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015г. № 218-ФЗ [5], предполагает электронную форму ведения Единого государственного реестра недвижимости, упрощение процедуры регистрации прав и постановки недвижимости на кадастровый учет.

Какую-либо взаимосвязь между функциями суда в особом производстве и функциями иных органов, призванных осуществлять удостоверение, установление и охранение гражданских прав, в ходе судебной реформы и реформ нотариата и реестровой деятельности обнаружить сложно, каждая из них преследует свои цели и задачи. Российский законодатель выбрал не самый эффективный путь модернизации указанных областей правового регулирования.

Литература

1. Ст. 2 ФКЗ РФ от 05 февраля 2014г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ, 2014, N 6, ст. 550).
2. Часть 1 ст. 1 КАС РФ (Собрание законодательства РФ, 2015. №10. ст. 1391)
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2015.
4. Проект федерального закона N 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности»
5. Российская газета, 17 июня 2015г., № 156.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Зайцев О. А., Московская академия экономики и права

1. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации в настоящее время регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (Далее УПК РФ), введенного в действие с 1 июля 2002 года. Данный закон разработан в соответствии с основными направлениями развития уголовно-процессуального законодательства, определенными Концепцией судебной реформы (Принята Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г.). Сделан крупный шаг на пути укрепления судебной власти, развития демократических основ уголовного судопроизводства, укрепления правовых гарантий личности. При этом в большинстве случаев учтены достижения отечественной науки и законодательства, международный опыт по государственному противодействию преступности.

2. С момента введения УПК РФ в действие и до настоящего времени в его адрес высказано довольно много обоснованных критических замечаний со стороны ученых и практических работников. Действительно, уголовно-процессуальный закон далек от совершенства, так как трансформировался из сложившейся в советский период формы уголовного процесса, изобилуя существенными неточностями, а порой и весьма сомнительными нормативными положениями. Не случайно в незначительный период времени, как до введения в действие УПК РФ, так и в ходе его применения, на законодательном уровне было внесено свыше тысячи пятисот различных дополнений и изменений. Тем самым мы обошли «показатели» устаревшего УПК РСФСР 1960 года, в который за время его действия, как известно, было внесено более 1500 дополнений и изменений.

3. За последние десять лет уголовно-процессуальная политика Российской Федерации претерпела серьезные изменения, которые стали составной частью модернизации судебной системы и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Существенному реформированию подверглись уголовно-процессуальные институты, касающиеся реорганизации дознания, подследственности, полномочий прокурора, применения мер пресечения, возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, прекращения уголовного дела (преследования) о преступлениях в сфере экономической деятельности и др.

Одним из значительных нововведений в уголовно-процессуальном законодательстве стало развитие согласительных процедур, которые представляют собой различные формы взаимодействия органов уголовной юстиции с гражданами, общественными институтами, гражданским обществом.

Особое место среди последних нововведений в нашем УПК РФ является реформирование контрольно-проверочных производств (апелляции, кассации, надзора). Со времен принятия и введения в действие нового УПК РФ в уголовное судопроизводство России не вносились столь масштабные, комплексные и кардинальные, по сути, новации, как те, которые связаны с принятием Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 года [2]. Кардинально изменены

сущность, предмет и отчасти пределы проверки постановленных судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях. С 1 января 2013 года начала действовать принципиально новая процессуальная форма проверки итоговых или промежуточных актов суда по правилам обновленного либо полностью реформированного апелляционного (гл. 45.1 УПК РФ), кассационного (гл. 47.1 УПК РФ) и надзорного (гл. 48.1 УПК РФ) производства.

Таким образом, судебная реформа в нашей стране получила новый импульс для своего развития, что должно повысить уровень эффективности борьбы с преступностью при снижении затрат на эту государственную деятельность, создать принципиально новые гарантии общественной безопасности и прав личности.

4. Тем не менее, в Российской Федерации УПК РФ морально устарел. В его основе лежит многолетняя практика становления и развития уголовно-процессуального права Россия как советского, так и постсоветского периода. Принятые в последние годы новеллы весьма противоречивы и свидетельствуют о том, что российское уголовно-процессуальное законодательство развивается в отсутствие внятной правовой идеологии и единой стратегии правового строительства, уголовной политики.

В частности, в российской науке, которая призвана вырабатывать идеологию уголовного процесса, господствуют советские стереотипы производства смыслов относительно доказательств и доказывания. Доминируют каноны и стереотипы советской теории уголовно-процессуальных доказательств, далекие от состязательной модели; прослеживается тенденция к сохранению прежних представлений о доказывании [1, с.23]. Сохраняют живучесть убеждения в самобытности российской правовой модели, чем оправдывается сохранение старых порядков и нежелание менять привычный образ мыслей.

5. Просоветские настроения в настоящее время переживают определенный подъем в уголовно-процессуальной науке. Мнение о том, что отечественное уголовное судопроизводство следует реформировать в сторону большей состязательности, теряет своих сторонников. В тоже время, поиск националь-

ной специфики в содержании принципа состязательности продолжается. Сложившаяся в современной России новая общественно-политическая, экономическая и правовая ситуация обуславливает необходимость не просто корректировки действующих механизмов правового регулирования правосудия по уголовным делам, но и существенной их модернизации по основным направлениям уголовно-процессуальной политики.

6. Ключевыми направлениями совершенствования уголовно-процессуального права должны являться:

- упрощение и повышение эффективности уголовного процесса;
- закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;
- пересмотр теории доказательств с учетом современных реалий и мирового опыта;
- расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном и частно-публичном порядке;
- создание реальных условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных аресту;
- значительное расширение институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда;
- устранение имеющейся в настоящее время расбалансированности уголовно-процессуальных функций и правомочий участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения и защиты, смещения акцентов в сторону усиления процессуальных полномочий и гарантий прав обвиняемого в ущерб правам жертв преступления;
- усиление непосредственности и устности в судебном следствии – через закрепление в законодательстве перекрестного, прямого и иных видов судебных допросов;

- совершенствование механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам жертвам преступлений и др.

Принятие нового УПК РФ безусловно позволит обеспечить на современном этапе развития Российской Федерации уровень защищенности прав и свобод человека, а также интересов общества и государства от общественно опасных посягательств.

Литература

1. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009.

2. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 31 декабря.

ОБ УНИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Толеубекова Б.Х., Институт права и экономики КазНПУ им. Абая

Роль терминологического аппарата для любой отрасли права достаточно значима. Благодаря унифицированному терминологическому комплексу специфических для данной отрасли и общих для всех отраслей обозначений понятий, явлений, категорий, институтов правоприменитель имеет возможность правильно понять и оценить те или иные предписания закона. Обеспечение единства понимания, толкования и применения в немалой степени зависит от единообразия в отраслевой терминологии.

Одно из лексических значений слова «термин» состоит в следующем: «Слово или сочетание слов, обозначающее понятие, применяемое в науке, технике, искусстве и т.д.» [1, с. 653]. Философское определение слова «термин» несколько шире его лексического определения и означает «имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте какой-либо теории

или отрасли знания» [2,с. 681]. В более поздних изданиях имеют место иные определения. Так, например, в Философском энциклопедическом словаре 2004 года издания указывается, что термин – это «слово, выражающее понятие» [3,с. 452]. Таким образом, терминологический аппарат отрасли права – это форма выражения (обозначения) понятия или явления, исключая их вольное толкование, представляющее собой специфическую гарантию соблюдения правоприменителем требования единообразия в понимании, толковании и применении норм права.

Наличие термина в юридическом обороте само по себе исключает возможность использования синонимов, то есть слов, различных по звучанию, по тождественных или близких по значению [1,с. 612]. Специфика юридического языка состоит в том, что появление нового словесного обозначения ранее апробированного понятия автоматически влечет поиск его нового смыслового значения. Синонимические ряды неуместны в правовых нормах.

Рассматриваемый аспект представляется важным в связи с тем, что 4 июля 2014 года в Республике Казахстан принят новый УПК, который введен в действие с 1 января 2015 года. Ожидания теоретиков и практиков в части унификации терминологического аппарата, призванного обслуживать нужды уголовного процесса, не оправдались. Старые проблемы перекочевали в новый кодекс и тем самым сохранили одну из причин появления разных подходов к ранее известным вещам вплоть до создания среды для формирования отдельных противоречий.

В УПК РК упоминается такой участник процесса, как процессуальный прокурор. Так, в ст. 193 УПК РК о полномочиях прокурора в ходе досудебного расследования указывается следующее:

- к исключительным полномочиям руководителя органа прокуратуры относится, наряду с иными полномочиями, «утверждение постановления процессуального прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования» (ч.2, п. 8);

- руководитель прокуратуры «по уголовному делу определяет прокурора, осуществляющего надзор в соответствии с настоящей статьей (процессуальный прокурор» (ч. 3);

- процессуальный прокурор осуществляет надзор по уголовному делу с момента начала досудебного расследования и участвует в суде первой инстанции в качестве государственного обвинителя (ч. 3);

- процессуальный прокурор несменяем, но при необходимости он может быть заменен другим процессуальным прокурором (ч. 3).

Более ни в одной норме УПК РК процессуальный прокурор не упоминается. Наряду с этим в ч. 4 ст. 58 УПК РК («Прокурор») приведен перечень статей УПК, в которых регулируются полномочия прокурора при досудебном расследовании и рассмотрении дела судом. Анализ 30-ти статей и положений 7 глав, указанных в ч. 4 ст. 58 УПК РК, дает основания для утверждения о том, что процессуальный прокурор – это тот же надзирающий прокурор. Можно согласиться с идеей обозначения соответствующего участника уголовного процесса как «процессуального прокурора». Но в таком случае возникает вопрос: почему в иных статьях, где есть регламентация деятельности прокурора в досудебном производстве, этот участник не называется «процессуальным прокурором»? или это уже другой прокурор? Видимо, отсутствие последовательности в обозначении законодателем рассматриваемого участника процесса лежит в основе двойственного понимания статусов надзирающего прокурора и процессуального прокурора, тогда как это, на наш взгляд, один и тот же участник.

Согласно новому УК РК все уголовные правонарушения делятся на уголовные проступки и преступления. Из смысла ст. 136 УПК РК вытекает, что меры пресечения применяются в отношении только тех подозреваемых, обвиняемых, чьи действия (бездействие) подпадают под признаки преступления. Создается впечатление, что лица, совершившие уголовный проступок, не могут быть подвергнуты мерам пресечения. Однако анализ статей, содержащих правила применения отдельных мер пресечения, говорит о том что это не совсем так. Например, подписка о невыезде и надлежащем поведении может приме-

няться и в отношении лица, совершившего уголовный проступок (ст. 141 УПК РК).

Объяснение ситуации может быть следующим: законодатель в ст. 136 действующего УПК РК сохранил редакцию ст. 139, имевшую место в прежнем УПК РК, действовавшем в период с 1 января 1998 года по 31 декабря 2014 года. При этом он не принял во внимание того обстоятельства, что в УК РК предусмотрена новая категория – уголовный проступок.

Таким образом, понятие «преступление» должно применяться в УПК РК только в тех положениях, которые имеют отношение именно к преступлению, а не к уголовному проступку. Во всех иных случаях должен использоваться термин «уголовное правонарушение».

Традиционно принято считать что понятие «стадия уголовного процесса» - это результат теоретического осмысления системы уголовного судопроизводства. Однако обращение к положениям УПК РК свидетельствует о том, что законодатель применяет в таком контексте термин «стадия», который претендует на свое правовое (законодательное) определение. Вот несколько примеров применения в УПК РК данного термина:

- о праве отзыва заявления о привлечении лица к уголовной ответственности руководителем, учредителем (участником) коммерческой организации «на любой стадии уголовного процесса» (ч. 2 ст. 33);

- о праве подсудимого «на любой стадии судебного разбирательства заявить ходатайство или выразить согласие о заключении процессуального соглашения» (п.3) ч.6 ст. 65);

- об осуществлении прокурором надзора «за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и судебных решений, уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса» (ч. 1 ст. 58);

- о праве гражданского истца «заявить о возвращении искового заявления на любой стадии уголовного процесса» (ч. 1 ст. 169);

- о праве подозреваемого «на любой стадии расследования заявить ходатайство прокурору либо выразить ему согласие о заключении процессуального соглашения» (п. 16) ч. 9 ст. 64).

Наряду с термином «стадия» применяется термин «этап». Тому примером являются положения ст. 99 УПК: «заявление ходатайств возможно в любой стадии процесса» (ч. 2); «отклонение ходатайства не препятствует повторному его заявлению на последующих этапах уголовного судопроизводства» (ч. 3).

Как известно, этап – это отрезок времени, имеющий характерные признаки, стадия в развитии чего-либо [1, с. 807]. Таким образом, стадия и этап синонимы. Однако из контекста частей 2 и 3 ст. 99 УПК следует, что эти терминологические обозначения имеют разное содержание. Вместе с тем, логика подсказывает, что речь должна идти о стадии, а не этапе. В данном случае синоним слову «стадия» – «этап» способен повлечь двойственное понимание предписания УПК.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю.Москвин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 816с.
2. Философский энциклопедический словарь. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1983. – 840с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 576с.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Сенько А.С., Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный Кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в нацио-

нальную правовую систему введен межотраслевой (уголовно-процессуальный и уголовно-правовой) институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

Анализ содержания данного нормативного правового акта в контексте определения системной завершенности процессуального регулирования обозначенного института свидетельствует о наличии правовой неопределенности по ряду его составляющих.

Прежде всего следует определиться с правовой сущностью самого полномочия прокурора по заключению с лицом (подозреваемым, обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, ответив на принципиальный вопрос – данное полномочие позиционируется с правом либо же обязанностью прокурора. Со своей стороны полагаем, что полномочие по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо расценивать как правовую возможность, а не как правовую обязанность должностных лиц прокуратуры. Дело в том, что прокурор призван принимать подобное решение исключительно по своему внутреннему убеждению, формируемому при изучении не только юридических оснований и условий, но и психологических, личностных и других факторов, имеющих в материалах уголовного дела. Для данного утверждения имеются и законодательные основания. Так, в ч. 3 ст. 468-7 УПК значится, что постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит. Указанная правовая норма косвенно подтверждает верность предлагаемого для обсуждения вывода.

В связи с приведенным выше законодательным запретом также небезынтересен для правоприменителя и теории уголовного процесса вопрос о возможности самих органов уголовного преследования оспаривать принятое прокурором решение. Полагаем, что такая ситуация допустима, ибо предписания ч. 3 ст. 468-7 УПК распространяются, по нашему мнению, лишь на участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые интересы, к каковым не относятся органы уголовного преследования.

Не безукоризненной, как думается, является и содержащаяся в ч. 4

ст. 468-6, ч.ч. 2 и 3 ст. 468-8 УПК законодательная конструкция условия и оснований заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

К условию заключения досудебного соглашения о сотрудничестве приравнивается признание лицом своей вины в совершении преступления. В этом плане вызывает сомнение морально-нравственная и правовая неприемлемость выдвижения к лицу требования о безусловном признании им своей вины в совершении преступления в ситуации, когда обвинение еще не предъявлено, либо же существует возможность перепредъявления повторного обвинения. Видится, что законодателю следует отказаться от данного тезиса, как это имеет место, к примеру, в Российской Федерации. Не зависимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления либо же нет, ему должно быть предоставлено право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Основаниями заключения досудебного соглашения о сотрудничестве выступают заявленные лицом обязательства по совершению различного рода действий в целях: оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления; изобличения других соучастников преступления; розыска имущества, приобретенного преступным путем; возмещения имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, совершения иных действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Лицо также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших.

В исследуемом ракурсе законодатель не разрешает дилемму – является ли обязательным условием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве наличие всех четырех оснований либо же для этого достаточно наличие одного из них? Как видится, уголовно-процессуальный закон не исключает возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве только ввиду одного из способов содействия следствию. Иное толкование УПК сделало бы невозможным, к примеру, разрешение ситуации, когда следствию известны все участники преступной деятельности, доказано их участие в совершении преступления, однако похищенное имущество и денежные средства ос-

тались ненайденными. Отказ в этом случае от досудебного сотрудничества с осведомленным лицом ставит под угрозу практическую реализацию положений закона о предмете доказывания, затрудняет реализацию конституционного права потерпевшего на возмещение вреда и т.п.

Дискуссионным также представляется вопрос относительно необходимости заключения с лицом нового досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении данному лицу обвинения (предъявлении обвинения). Разрешая его необходимо учитывать, что предмет соглашения отнюдь не состоит в изменении обвинения в сторону его смягчения. Содержанием досудебного соглашения о сотрудничестве является только применение в отношении лица норм уголовного закона о безусловном смягчении наказания, которое будет назначаться судом с учетом содействия, ранее оказанного лицом следствию. Поэтому факт изменения в дальнейшем, в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу, лицу обвинения не должен влечь за собой последствия в виде заключения с лицом повторного досудебного соглашения о сотрудничестве.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВИДЕТЕЛЮ ПРАВА НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Самарин В. И., Белорусский государственный университет

Свобода рынка труда предполагает отсутствие каких-либо препятствий для трудовых мигрантов на всей территории ЕАЭС. Косвенно к таким препятствиям следует относить и различие в процессуальных гарантиях участников уголовного процесса на территории государств-участников.

В соответствии с частью первой ст. 62 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, *в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов* и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражд-

данами. Конституция Республики Беларусь обладает не только высшей юридической силой, но и имеет прямое применение на всей территории государства. Учитывая, что Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь не устанавливает прямого запрета на участие в следственном действии (в т.ч. допросе) адвоката в качестве представителя свидетеля, должна применяться норма прямого действия – ст. 62 Конституции Республики Беларусь, – и лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд не имеют права отказать свидетелю в даче показаний в присутствии своего представителя – адвоката.

Право на юридическую помощь в уголовном процессе требуется свидетелю для получения знаний о своих процессуальных правах, полноценной реализации таких прав в ходе производства следственных действий и недопущения злоупотреблений со стороны должностных лиц органов уголовного преследования. Особенно актуально такое право для лиц, вызванных для допроса в качестве свидетеля, которые могут иметь причастность к совершенному преступлению и могут быть признаны в последующем подозреваемыми. Адвокат может разъяснить вызванному на допрос свидетелю сущность конституционного права не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи, близких родственников.

На практике встречаются случаи отказа адвокату в допуске для участия в следственном действии с участием свидетеля. Такие случаи особенно вероятны при осуществлении следственного действия в помещении, находящемся в здании с пропускной системой [1]. Однако такое поведение должностных лиц органов уголовного преследования говорит скорее о недочетах правоприменения. Если должностное лицо органа уголовного преследования отказывает свидетелю в реализации его конституционного права и не позволяет адвокату – представителю свидетеля присутствовать при производстве следственного действия с его участием, свидетель на основании ст. 138, 139 УПК Республики Беларусь вправе обратиться с жалобой к вышестоящему должностному лицу или прокурору, осуществляющему надзор за исполнением законов при производстве

предварительного расследования. В случае нарушения прав свидетеля судом, жалоба подается в вышестоящий суд.

Следует отметить, что иностранным правовым системам известны нормы, описывающие подробнее в уголовно-процессуальном законе соответствующие права свидетеля и его представителя – адвоката.

Так, п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК Российской Федерации закрепляют право свидетеля являться на допрос с адвокатом и права такого адвоката при производстве допроса, а ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 214 УПК Республики Казахстан обеспечивают свидетелю право давать показания в присутствии своего адвоката с предоставлением последнему возможности приносить замечания и заявлять ходатайства по существу допроса, подлежащие занесению в протокол допроса. Пункт 2 ч. 1 ст. 66 УПК Украины наделяет свидетеля правом пользоваться при даче показаний и участии в производстве иных процессуальных действий правовой помощью адвоката. § 2 ст. 87 УПК Республики Польша позволяет любому участнику уголовного процесса (в т.ч. и свидетелю), который не является стороной пригласить представителя, если того требуют его интересы в данном процессе. Такой представитель наделяется многими правами защитника (ст. 88 УПК Республики Польша). § 68b УПК ФРГ говорит в целом о праве свидетеля иметь представителя-адвоката, которому особо прописывается право присутствовать при допросе. Эта же норма указывает случаи, когда такое участие исключается (например, на поведение свидетеля при даче показаний может быть оказано влияние в связи с тем, что адвокат, как представляется, действует не только в интересах свидетеля).

Адвокат – представитель свидетеля должен обладать меньшим объемом прав, чем защитник. Учитывая, что свидетель может давать показания как для обвинения, так и для защиты, как видится, его представителю должны принадлежать, прежде всего, права: участвовать в производимых органом уголовного преследования следственных действиях, если в них участвует свидетель; заявлять отвод переводчику, участвующему в допросе свидетеля; заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс;

возражать против действий органа уголовного преследования и требовать внесения его возражений в протокол следственного действия, проводимого с участием представляемого свидетеля; участвовать в судебном заседании при допросе представляемого свидетеля.

Таким образом, необходимо отметить, что действующее законодательство содержит нормы для реализации гражданами, вовлекаемыми в уголовный процесс в качестве свидетеля, своего конституционного права на юридическую помощь. Однако для полноценной реализации такими гражданами своих конституционных прав следует внести в УПК Республики Беларусь дополнения, направленные на регламентацию права свидетеля пользоваться при даче показаний и участии в производстве иных процессуальных действий правовой помощью адвоката-представителя с одновременным установлением прав и обязанностей такого представителя.

Литература

1. *Савич, О. Д.* Как вести себя на допросе у следователя [Электронный ресурс] / Республиканская коллегия адвокатов. – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://www.rka.by/blogs/kak-vesti-sebya-na-doprose-u-sledovatelya>. – Дата доступа: 15.06.2015.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Верецагина А.В., Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Международно-правовой стандарт языка судопроизводства адресован только уголовно-преследуемому лицу, либо субъекту, в отношении которого применены меры процессуального принуждения. Он носит сугубо служебный характер, и рассматривается как средство обеспечения права лица на защиту, если оно не владеет языком суда и (или) не понимает его.

Содержание международно-правового стандарта состоит из трёх положений. 1. Каждый арестованный имеет право получить информацию о причи-

нах ареста на понятном ему языке (ч.2 ст. 8; ч.3 ст. 5) [1; 2]. 2. Каждый обвиняемый срочно и подробно уведомляется о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения на понимаемом им языке. 3. Если обвиняемый не понимает используемого в суде языка или не говорит на нем, то пользуется бесплатной помощью переводчика (п. «а», «е» ч.3 ст. 6; п. «а», «f» ч.3 ст. 14; п. «а», «д» ч.2 ст. 6; п. «а», «f» ч.1 ст. 67) [1; 3; 2; 4].

Редакция приведённых выше норм в целом во всех означенных международных актах совпадает. Простота и ясность формулировок исключает вариативность интерпретаций. Системное толкование нормативных предписаний позволяет прийти к выводу о появлении у лица права на бесплатную помощь переводчика только при наличии двух юридических фактов – лицо «не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке». Уровень понимания языка в документах не конкретизируется, поэтому можно предположить, что необходимо обыденное понимание языка суда.

Имеющаяся в Республике Беларусь конструкция рассматриваемого института отличается от международно-правового стандарта и тяготеет к сложившейся в советский период. Акцент в ней смещен на культурологическое понимание права пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет (ст.21) [5]. Такой вывод следует из анализа норм белорусского уголовно-процессуального закона.

При первом приближении положения статьи 21 УПК Республики Беларусь сопоставимы с международной регламентацией. Право пользования иным, нежели государственным языком, у лица, согласно ст. 21 УПК РБ, возникает при наличии одного из двух юридических фактов – 1) лицо не владеет или 2) недостаточно владеет белорусским или русским языком. Подобное, и даже по нашему мнению более предпочтительное с точки зрения международно-правового подхода, основание привлечения переводчика к участию в деле содержится в норме, раскрывающей легальное понятие переводчика, привлекаемого к участию в деле, если кто-либо из участников уголовного процесса *не владеет языком*, на котором ведется производство (ч.1 ст. 63) [5].

Однако такое понимание оснований привлечения переводчика вступает в конфликт с безусловным и безусловательным «правом пользоваться родным языком или услугами переводчика», закрепленным, за редким исключением, в процессуальных статусах участников уголовного судопроизводства - подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданских истца и ответчика, законных представителей и представителей подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданских истца и ответчика (п. 12 ч.2 ст. 41, п. 11 ч.2 ст. 43, п. 5 ч.1 ст. 50, ч.2 ст. 51, п. 5 ч.1 ст. 53, п.5 ч.1 ст. 55, п.8 ч.1 ст. 57, п. 6 ч. 1 ст. 59) [5]. Указанная формулировка сконструирована таким образом, что это право реализуется без каких-либо оснований, только при наличии волеизъявления лица. Несколько особняком стоит регламентация этого вопроса в процессуальных статусах свидетеля и эксперта. Следуя от обратного, предполагаем, что поскольку свидетель обладает правом отвода переводчика, а эксперт может пользоваться бесплатной помощью переводчика, то переводчик им предоставляется, только неясно при наличии какого основания (п. 2 ч.3 ст. 60, п.6 ч.2 ст. 61) [5]. Рассматриваемое право проигнорировано в процессуальных статусах специалиста, понятого и защитника (ст. 48 62,64) [5]. Это странно, поскольку закрепляя понятие переводчика, законодатель конкретизирует возможность его участия, если языком судопроизводства не владеет защитник и также предусматривает такое право для всех участников процесса (ч.1 ст. 63) [5]. Принципиальным отличием белорусского института от имеющегося аналога в России, является отказ от отнесения нарушения права пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет, к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, влекущего безусловную отмену постановленного приговора (ст.391) [5]. Такой подход имеет, по нашему мнению, двойное практическое значение. С одной стороны, в случаях злоупотребления абсолютизированным процессуальным правом пользоваться негосударственным языком, правоприменитель, отказывая в привлечении переводчика, не опасается, что приговор в обязательном порядке будет отменен по этому основанию. С другой стороны, при неверной оценке владения языком судопроизводства ни-

велируется служебная роль этого института как гарантии права лица на защиту, поскольку неблагоприятных последствий для правоприменителя в случае ошибки не наступает.

Таким образом, принцип языка производства по материалам и уголовному делу в законодательстве Республики Беларусь не в полной мере соответствует международно-правовому стандарту, которым этому институту придается роль гарантии права на защиту в ограниченных случаях, когда лицо не понимает и не говорит на языке суда. Имеющаяся в Белоруссии конструкция рассматриваемого института заимствована из советского законодательства с его культурологическим пониманием права пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет, возведенным в абсолют. Такая регламентация позволяет злоупотреблять процессуальным правом, негативно влиять на ход и движение производства по материалам и делу. Единственным ограничением такой тактики является отказ от признания нарушения права пользоваться родным языком или языком, которым оно владеет, безусловным основанием отмены постановленного приговора. Представляется, что приведение рассматриваемого института в соответствие с международно-правовым стандартом оптимизирует правоприменение и ограничит возможности противодействия расследованию и разрешению уголовных дел. Кроме этого, анализ нормативной модели этого института в Беларуси выявил некоторую непоследовательность в его регламентации, которую можно оценить как техническую, но все-таки желательную для устранения.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года//Международное гуманитарное право в документах. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С.69-84.

2. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 года//Международное гуманитарное право в документах.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С.541-552.

3. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 года//Международное гуманитарное право в документах.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С.40-59.

4. Римский статут Международного уголовного суда. Принят 17 июля 1998 года [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (Дата обращения 01.05.2015).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года №293-ЗУголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. на 5 января 2015 года) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900295#load_text_none_1_ (дата обращения 14.06.2015).

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ОПЫТ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зуб А.Ю., Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого

Введение института приказного производства в гражданскую процессуальную законодательную материю большинства стран постсоветского пространства стало первым шагом на пути разработки субсидиарных по отношению к исковому производству, упрощенных, субстанциализированных судебных процедур.

В Республике Беларусь этот институт начал применяться с принятием Гражданского процессуального кодекса (далее - ГПК) в 1999 году, а в Украине – с принятием нового ГПК 2004 года. За период существования приказного производства он неоднократно реформировался, что влияло на практику правоприменения.

В контексте реформирования судебной системы Украины, актуальным стал вопрос о передаче отдельных категорий дел приказного производства на рассмотрение нотариата [1]. Согласно мнению Председателя Верховного Суда Украины Я. М. Романюка, эти дела часто не имеют спора, и суд лишь формаль-

но подтверждает требования кредитора, хотя их никто не оспаривает. Такие категории дел следует вывести из-под обязательной юрисдикции суда[1].

С вышеприведенным мнением тяжело согласиться. Согласно с ч. 2 ст. 124 Конституции Украины, юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, которые возникают в государстве. Каждый гражданин вправе обратиться в суд в случае, если, по его мнению, нарушены его права, что имеет место и при взыскании задолженности, например, за оплату коммунальных услуг, основанием начисления которых есть письменный договор и использование соответствующих услуг. Следовательно, рассмотрение дела нотариусом будет иметь признаки досудебного урегулирования спора, потому что в случае отказа нотариусом совершения исполнительной надписи или его оспаривания, дело будет рассматриваться в исковом производстве, что приведет к существенной потере времени в сравнении со сроком, который мог быть потрачен для рассмотрения дела в приказном производстве. Таким образом, в полной мере исключить дела, которые сейчас рассматриваются в порядке приказного производства, из юрисдикции судов не удастся без внесения изменения в Основной Закон Украины.

Кроме того, согласно решению Конституционного суда Украины от 09 июля 2002 года № 5-рп/2002 в деле о досудебном урегулировании споров, право лица на обращение в суд за разрешением спора не может быть ограничено законом, другими нормативно-правовыми актами. Установление законом или договором досудебного урегулирования спора по волеизъявлению субъектов правоотношений не является ограничением юрисдикции судов и права на судебную защиту. Таким образом, невзирая на прямое указание закона на необходимость обращения к нотариусу в конкретных делах, лицо вправе было бы пренебречь таким указанием и обратиться непосредственно в суд.

Считаем возможным не исключаящее, а параллельное наделение нотариата компетенцией рассмотрения определенных дел приказного производства, которому будут присущи признаки альтернативного способа урегулирования спора. В таком случае, заявитель сам будет решать, куда ему обратиться.

Типичная ситуация возникла и в Республике Беларусь. В отличие от Украины, согласно положениям Указа № 366 Президента Республики Беларусь, основная часть требований о взыскании денежных сумм (задолженности) предусмотренных ст. 394 ГПК были переданы в компетенцию нотариусов для совершения исполнительной надписей. Это повлекло за собой внесение изменений в ст. 6 ГПК следующего характера: «Заинтересованное лицо обязано соблюсти порядок предварительного внесудебного разрешения дела, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь для взыскания в бесспорном порядке денежных сумм (задолженности) с должника предусмотрено совершение нотариусом исполнительной надписи, а также в иных случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь».

В контексте вышеуказанного, Казей И. М. отмечает, что в любом случае при отказе нотариуса совершить исполнительную надпись или оспаривании совершения исполнительной надписи, по исковому заявлению дело будет рассматриваться в исковом производстве судом, что указывает на отсутствие оперативности и эффективности судебной защиты прав и охраняемых законом интересов [2, С. 436-437].

Таким образом, предложенная в Украине и законодательно регламентированная в Республике Беларусь модель рассмотрения дел приказного производства имеет существенные дефекты и не отвечает требованиям своевременности, оперативности рассмотрения гражданских дел. Вместе с тем, заслуживает внимания идея расширения перечня альтернативных способов урегулирования споров, что существенно разгрузит общие суды и повысит качество выносимых решений за счет освободившегося времени.

Литература

1. Романюк Я.М. Системный подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.ua/article.php?id=100111407>.

2. Казей И.М. Перспективы приказного производства в гражданском процессе // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч-практ. конф., посвященной 90-

летию проф. В.Ф. Чигира (Минск, 4-5 ноября 2014 г.). Минск: Право и экономика, 2014. – 500 с.

РАЗДЕЛ XII. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Дмитриев А. И. Национальная академия правовых наук Украины

В настоящее время в научных кругах юристов-международников у народов – учредителей Организации Объединенных Наций активно и всесторонне обсуждаются вопросы возможного реформирования данной универсальной международной организации. Используя разработанный нами метод *каузального прогнозирования* международного права [1, 10-28], представляется возможным изложить некоторые прогнозные соображения о возможных путях реформирования ООН. Побудительным мотивом данного, отчасти также философско-правового, исследования является дальнейшее теоретическое осмысление новаций, выдвинутых автором в монографии, посвященной международному каноническому праву [2]. Применительно к нашему исследованию следует лишь упомянуть, что в указанной монографии представлены теоретические основы выделения новой отрасли международного права – международного канонического права как правового регулятора специфических, синергично взаимодействующих, светских и канонических международных отношений.

В указанном монографическом исследовании теоретически обосновано наличие отраслевых институтов международного канонического права. Таким образом, предполагается рассматривать структуру отрасли международного канонического права как совокупность следующих отраслевых институтов: иудейского, буддистского, православного, католического и исламского. Характеризующими критериями этих институтов являются: независимость, равенство, неподчиненность как в теологическом плане, так и в специфичности и разнообразии светско-канонических международных отношений между возможно вновь образованными ими государственно-подобными субъектами междуна-

родного права, отвечающими вышеуказанным отраслевым институтам. Если взять за образец международной правосубъектности Государство Ватикан, являющийся наблюдателем в ООН, то другие из перечисленных выше институтов могут последовать этому международно-правовому примеру. Разумеется, что при этом придется решить немало внутренних проблем конфессионального характера (которые не являются предметом нашего исследования). Однако, расширение числа канонических государственно-подобных образований в международной системе от одного до пяти безусловно, на наш взгляд, благоприятно скажется на *гуманизации* международных отношений и практической деятельности всех рабочих органов ООН. При этом, указанная структура отрасли международного канонического права по смыслу и идеологически будет продолжать отвечать целям ООН.

Смысловой акцент, сделанный нами на *гуманизации* международных отношений, требует существенного понятийного раскрытия и толкования. Мы не рассматриваем гуманизацию как составляющую международного гуманитарного права или международного права прав человека. Мы используем для раскрытия существа гуманизации концепцию синергийного дуализма, подробно изложенную в нашем вышеуказанном исследовании, посвященном международному каноническому праву. Это дает возможность существенно усилить роль и эффективность собственно нормативной составляющей международного права.

В некоторых международно-правовых исследованиях обращается внимание на то, что «в мировом сообществе растет значение норм общечеловеческой морали. Не только национальное, но и интернациональное общество не может нормально существовать без общепризнанных принципов морали. Чем выше развитие общества, тем большую роль в нем играет мораль. Все это отражается и на внешней политике [3, 8]. Однако, выдвинутая нами (при теоретическом осмыслении международного канонического права) концепция синергийного дуализма, являющаяся основой понимания международных светско-канонических отношений, убедительно свидетельствует не только о возраста-

нии моральной составляющей в механизме международно-правового регулирования, но и о выделении в этом механизме особого элемента – элемента гуманизации международных отношений. Таким элементом, на наш взгляд, является морально-правовой элемент (или элемент *jus mores*) гуманизации международных отношений. Данный элемент, как видим, имеет две составляющие: правовую (*jus*) и моральную (*mores*). Элементная составляющая *mores* подлежит глубокому осмыслению.

Преамбулой Устава ООН от имени Народов Организации предполагается использовать «международный аппарат» для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов. Не знаю, как у кого, но складывается впечатление, что представители сегодняшнего «международного аппарата» забывают советоваться со своими народами о методах достижения целей Организации, действуя порой, судя по высказываниям отдельных чиновников «международного аппарата», даже не «прагматически», а банально аморально.

Продолжая наш анализ языком философской науки, отметим, что сформировавшиеся в человеческой цивилизации нормы морали регулируют поведение людей во всех без исключения областях общественной жизни. Требования морали имеют относительно устойчивый характер. Они отличаются от простого обычая или традиции, поддерживаемых силой устоявшегося порядка тем, что получают идейное обоснование в виде представлений о том, как подобает человеку жить и поступать, что хорошо и что дурно.

Общеканоническая мораль содержит в себе те нормы морали, которые имеют общечеловеческое признание за их возвышенность и гуманность, уходящие корнями в общность позитивно воспринимаемых народами заповедных догматов, в первую очередь заповедь любви к ближнему, идеи братства, всепрощения, отказа от убийства, причинения зла и т.п. Возникает только вопрос, а кто из представителей «международного аппарата» способен целенаправленно отстаивать нормы морали, не «забалтывая» проблемы и не прикрываясь формальными ссылками на демократию, верховенство права и управляемость «международного хаоса»? А способны ли международно-правовые нормы в

одиначку, без опоры на нормы морали, эффективно регулировать международные отношения, которые становятся все более сложными и «многослойными»? А нужны ли мировому сообществу вообще аморальные резолюции, соглашения и международно-правовые нормы? Отвечая на эти и подобные вопросы, гипотетически предлагается проект использования опыта Ватикана, следуя которому надо оформить международную правосубъектность отраслевыми институтами международного канонического права: православного, иудейского, буддистского и исламского. При этом очередность оформления соответствующих договорных отношений внутригосударственного характера по указанному перечню не имеет принципиального значения.

Как представляется, концепция элемента *jus cogens* гуманизации международных отношений, основанная на цивилизационном опыте светско-канонических международных отношений со времен становления *jus gentium* (права народов), может быть эффективно использована и Народами международной организации под названием «Объединенные Нации». Осталось только посоветоваться с Народами, особенно той их составляющей, которая продолжает руководствоваться нормами морали при верховенстве права.

Литература

1. Дмитрієв А. І. Міжнародно-правове прогнозування: теоретико-методологічний підхід до аналізу // А. І. Дмитрієв. Модернізація правових засад європейської та євразійської інтеграційних стратегій України. Збірник наукових праць / За загальною редакцією В. І. Короля. – К. : НДІ ППП НАПрН України, 2014. – 287 с.
2. Дмитриев А. И. Международное каноническое право: возникновение, развитие и основы теории : Монография / А. И. Дмитриев. – Одесса : Феникс, 2015. – 238 с.
3. Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. – М. : Издательство «Спарк», 1997. – 322 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Масловская Т.С., Белорусский государственный университет

Современное развитие международных отношений характеризуется ускоренными темпами процесса формирования региональных интеграционных объединений, что способствует созданию дополнительных возможностей для расширения сотрудничества, а также помогает нахождению общих точек соприкосновения между государствами для решения общих вопросов и проблем. Особую актуальность при исследовании процессов интеграции государств приобретает анализ конституционных пределов межгосударственной интеграции.

Конституционная норма о возможности вхождения страны в межгосударственные образования является основанием для участия государства в интеграционных объединениях. В конституционном регулировании стран-участников СНГ в отношении их участия в межгосударственных образованиях можно выделить два подхода: 1) конституционное закрепление возможности стран участвовать в подобного рода образованиях (Беларусь, Россия, Таджикистан, Узбекистан), 2) отсутствие подобных норм. Так, ч. 2 ст. 8 Конституции Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, внесенными на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года, предусматривает, что Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них. При этом следует учитывать норму о недопустимости заключения международных договоров, которые противоречат Конституции Республики Беларусь. Данная норма служит определенной гарантией защиты государством своих национальных интересов, отраженных в конституционном тексте. В последующем для согласования указанных интересов с участием государства в интеграционных объединениях возможно внесение изменений и/или дополнений в текст Конституции для приведения его в соответствие с международным договором (как это было сделано, например, во Франции: в результате

конституционного пересмотра в 1992 года в текст Конституции Франции 1958 года были добавлены положения, позволяющие ратифицировать Маастрихтский договор).

В Конституции Беларуси подчеркивается добровольность участия в межгосударственных образованиях. Вместе с тем, в данной формулировке отсутствуют условия реализации этого права, а также ограничения на участие в межгосударственных образованиях, что, например, закреплено в ст. 79 Конституции РФ 1993 года: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации».

Обратим внимание на тот факт, что в конституциях постсоветских государств не закрепляется обязанность проведения общегосударственных референдумов по вопросам их вхождения в межгосударственные объединения. Таким образом, обращение к народу как единственному источнику государственной власти и носителю суверенитета с этой целью возможно в факультативном порядке. Полагаем целесообразным проведение обязательных референдумов по вопросу вхождения в межгосударственное образование (ратификации соответствующего международного договора) в случае, если последствиями заключения подобного договора будет передача полномочий государствами-членами данному образованию и/или унификация правовых норм.

К конституционным границам интеграции относятся также нормы, устанавливающие возможность пересмотра Конституции в связи с участием в интеграционных процессах. Важное значение имеют и нормы, определяющие внутренний правопорядок (структуру национальной правовой системы). Согласно тексту многих конституций, Основной Закон государства занимает приоритетное место в национальной правовой системе, международные договоры не должны ему противоречить (например, ст. 6 Конституции Армении, ст. 8 Кон-

ституции Республики Беларусь). Полагаем, что первостепенное место среди международных договоров, заключаемых государством, занимают договоры о вхождении в межгосударственные образования. Отметим, что в Республике Беларусь в соответствии с Законом о международных договорах 2008 г. межгосударственные договоры об участии Республики Беларусь в международных организациях и межгосударственных образованиях подлежат ратификации Парламентом в форме закона, что подтверждает их значимость. В этой связи актуальным и требующим правового решения является вопрос о контроле на соответствие Конституции заключаемых международных договоров, особенно договоров в вхождении в межгосударственные образования, а также о контроле в отношении актов, принимаемых органами межгосударственных объединений и имеющих прямое действие. В Республике Беларусь в соответствии со ст. 22 Кодекса о судостроительстве и статусе судей Конституционный Суд по предложениям Президента Республики Беларусь принимает решения о соответствии не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь Конституции Республики Беларусь. Речь идет о факультативном конституционном контроле, на сегодняшний день не реализуемом на практике. Предпочтительным является позиция армянского законодателя, который в Законе о Конституционном Суде закрепляет, что до ратификации Национальным Собранием международного договора Президент Республики обращается в Конституционный Суд по вопросу соответствия Конституции закрепленных в договоре обязательств (ст. 72). То есть речь идет об обязательном предварительном конституционном контроле, в результате которого Конституционный Суд принимает постановление о признании обязательств, закрепленных в международном договоре, соответствующими Конституции либо полностью или частично не соответствующими Конституции Армении. В заключение отметим, что конституционные нормы являются тем пределом, превышение которого недопустимо.

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Кондратович Н.М., Белорусский государственный университета

При исследовании интеграционных процессов в современном мире особый интерес приобретает анализ проблемных аспектов, связанных с созданием наднациональных правовых систем.

В настоящее время нет международно-правового акта, в котором раскрылась бы понятие наднациональность. Не существует устоявшегося определения и в международно-правовой литературе [1, С. 61]. Однако сам термин “наднациональность” прочно вошел в научный оборот. История понятия “наднациональность” начинается с европейской интеграции, оно вошло в обиход благодаря федералистскому направлению в политико-правовой мысли Запада, представленному, прежде всего, Жаном Монэ и Робером Шуманом. В официальные документы этот термин был включен во время разработки договора об учреждении Европейского объединения угля и стали, подписанного в 1951 г. В тексте Договора дефиниция понятия “наднациональность” не содержится, но сам термин используется (пп.4, 6 ст. 9). Однако в 1967 г. ст. 9 Договора была отменена. А впоследствии и само Европейское объединение угля и стали, с которого началось строительство Европейского союза, прекратило свое существование [2, С. 41].

Наднациональность нередко предполагает отрицание, умаление государственного суверенитета или является обратной его стороной. По мнению М.А. Королева, правильнее было бы говорить не об ограничениях и уступках суверенитета, а о делегировании государством части своих суверенных прерогатив, суверенных полномочий [3, С. 3-20]. По мнению других исследователей, такая передача суверенных прерогатив никоим образом не влечет за собой каких-либо отрицательных, угрожающих последствий для суверенитета как неизменного качественного свойства государства, в силу которого оно способно на все больший и больший объем последовательных уступок полномочий; напротив,

она ведет к утверждению его приоритетного значения по отношению к иным проявлениям государственности. Посредством участия в организациях, наделенных наднациональными полномочиями, государства не только не претерпевают умаления своего суверенитета, но приобретают право расширять сферу своих действий далеко за пределы территориального верховенства [2, С. 40; 4, С.8].

В целом, понятие «наднациональность», как оно рассматривается в работах зарубежных и отечественных исследователей, характеризуется следующими признаками: передача государствами-членами части своих суверенных полномочий международной организации; наделение данной международной организации соответствующей компетенцией по реализации переданных ей полномочий; та или иная степень независимости от государств-членов в решении тех или иных проблем, находящихся в ее компетенции; принятие решений на основе консенсуса или большинства голосов; обязательный характер решений, которые имеют приоритет над национальными законами, и для их вступления в силу не требуется предварительной ратификации на национальном уровне; решения касаются прав и обязанностей не только государств, но также их граждан и юридических лиц — резидентов; существование эффективной системы судебной защиты таких решений и системы исполнительного производства и др. [5, С. 146].

По мнению С.Г. Стоякина обладание так называемой «наднациональностью» не является отличительной чертой процесса интеграции государств в сравнении с их «неинтеграционным» состоянием. Приобретение данного признака является одним из существенных моментов процесса перехода к целому, но не является необходимым условием признания определенной совокупности государств в качестве интеграционного объединения [6, С. 25]. В этой связи представляется верным вести речь о международной интеграции в узком и широком смысле. В широком своем понимании интеграция предполагает форму сотрудничества государств, в пределах которого эти государства совместно реализуют цели в различных областях сотрудничества по взаимному сближе-

нию. В узком смысле – форму сотрудничества государств, которое имеет своей целью в перспективе создание единого государства и сопровождается наделением государств явно выраженными признаками целого (в частности наднациональными полномочиями). В такой интерпретации международная интеграция представляет собой восходящий процесс от более простых форм интеграции, характеризующихся слабой степенью интегрированности государства, к более сложным и к единому государству как гипотетическому результату этого процесса. Совершенствование данного процесса будет предполагать переход от менее интегрированных связей государств к более интегрированным [6, С.26].

Уникальный опыт европейского интеграционного процесса в рамках Европейских Сообществ и Европейского Союза (ЕС), успешный по всеобщему признанию, привлекает особое внимание, преимущественно с точки зрения формирования и действия наднационального механизма в этой сфере.

Одним из ключевых достижений Европейского союза является создание реально действующей самостоятельной наднациональной системы права, отличной как от международного права, так и от правовых систем государств-членов. В основе права ЕС лежит добровольный отказ стран-членов от части компетенции в тех или иных областях общественной жизни в пользу Евросоюза. Его основные принципы: примат права ЕС над национальным (даже над конституционным), прямое действие права ЕС, субсидиарность, ответственность государства.

С уверенностью можно сказать, что позитивный опыт, накопленный Европейским Союзом в правовом (наднациональном) регулировании экономической интеграции, а также в других областях, представляющих общий интерес для государств-членов ЕС должен способствовать решению общих интеграционных задач, участником которых выступает Республика Беларусь.

Литература:

1. Мещерякова, О.М. Понятие “наднациональность” и суверенитет государств-членов ЕС / О.М. Мещерякова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2007. – №3. – С. 58-63.

2. Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере Зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС): монография / отв. ред. В.Ю. Лукьянова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Анкил, 2012. – 336 с.

3. Королев, М.А. Наднациональность с точки зрения международного права / М.А. Королев // Московский журнал международного права. – 1997. – №2 – С.3-20.

4. Международное право в современном мире / под ред. Ю.М. Колосова. – М.: “Международные отношения”, 1991. – 192 с.

5. Даргелл, В.В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе / В.В. Даргелл // Власть. – 2011. – № 10. – С.146-149. <http://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-nadnatsionalnogoimezhnatsionalnogo-nachal-v-evrosoyuze>

6. Стоякин, С.Г. Международная интеграция: понятие, виды, формы / С.Г. Стоякин // Московский журнал международного права. – 2004. – №3. – С.17-30.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРИЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМ (ЭКОНОМИЧЕСКИМ) ДЕЛАМ В СТРАНАХ ЕАЭС

Мороз В. П., Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета

В качестве целей создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обозначены такие, как укрепление солидарности и углубление сотрудничества между народами государств-членов, укрепление экономик государств-членов и обеспечение их гармоничного развития и сближения, а также гарантирование

устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции. Среди факторов, способствующих достижению этих целей, особое место занимает эффективный механизм исполнения решений по гражданским и хозяйственным (экономическим) делам, вынесенных национальными судами государств-членов, на территориях других государств-членов.

Сегодня в государствах ЕАЭС принудительное исполнение судебных решений, вынесенных в другом государстве-члене ЕАЭС, непосредственно связано с их процессуальным признанием. Такое признание состоит в выполнении судебными органами государства, где испрашивается исполнение, определенной процессуальной процедуры, результатом которой является придание иностранному судебному решению юридической силы на территории государства его исполнения. Этот подход, заложенный еще в законодательстве СССР применительно к иностранным судебным решениям, применяется в большинстве стран СНГ. При этом механизм его реализации предполагает возможность признания судебных решений, вынесенных в другом государстве, на основе заключаемых государствами международных договоров.

Для стран ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Россия) отсутствует специальная правовая основа для взаимного признания и исполнения судебных решений по гражданским и экономическим делам. Правовым базисом для этих целей являются конвенции о правовой помощи, заключенные в рамках СНГ. С учетом же участия стран ЕАЭС в различных конвенциях о правовой помощи следует констатировать отсутствие общего правового режима в этой сфере. Так, признание и исполнение судебных решений в отношениях между Беларусью, Арменией и Казахстаном осуществляется на основании Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Поскольку Кишиневская конвенция Российской Федерацией не ратифицирована, для отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией актуальна Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск,

22 января 1993 г.), в редакции Протокола от 28 марта 1997 г. Кроме того, обязательства государств взаимно признавать и исполнять вступившие в законную силу решения судов по хозяйственным (экономическим) делам закреплены Соглашением правительств государств – участников СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.).

Заложенный в указанных международных договорах механизм исполнения судебных решений в связи с их признанием заключается в придании юридической силы иностранному судебному решению на основании определенной процедуры, которую проводит суд государства, где решение должно быть исполнено. Такая процедура именуется судебной экзекватурой (от лат. *exaequare* – *выравнивать, ставить на один уровень*), под которой понимается вынесение судом специального постановления о придании иностранному судебному решению юридической силы, равной по силе решению национального суда. Результатом экзекатуры является разрешение принудительного исполнения решения иностранного суда.

Особенностью процедуры экзекатуры, предусмотренной конвенциями, является то, что в них заложен механизм предварительного контроля иностранного судебного решения со стороны судебных органов государства, где испрашивается исполнение, и разрешение принудительного исполнения судебного решения по результатам этого контроля. Такой контроль осуществляется на основании ходатайства заинтересованной стороны (взыскателя) о разрешении принудительного исполнения судебного решения и предполагает проверку соблюдения предусмотренных конвенциями условий признания судебного решения и разрешения его принудительного исполнения. Условия признания иностранного судебного решения касаются как его процессуальной стороны, так и содержательной части. С процессуальной точки зрения суд проверяет:

– вступило ли решение в законную силу по законодательству государства, на территории которого оно вынесено;

– соблюдены ли требования об уведомлении стороны, против которой вынесено решение, о судебном разбирательстве;

– не нарушена ли исключительная компетенция суда или иного органа государства, на территории которого решение подлежит исполнению;

– имеется ли вступившее в законную силу решение суда, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, а также имеется ли в суде дело, возбужденное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям до возбуждения дела в иностранном суде;

– истек ли срок давности предъявления решения к принудительному исполнению.

Контроль решения иностранного суда с содержательной стороны предполагает проверку того, будет ли исполнение такого решения противоречить публичному порядку государства, где оно подлежит исполнению.

Современные тенденции правового регулирования указанной сферы демонстрируют еще один способ решения проблемы исполнения иностранных судебных решений, а именно, их исполнение без экзекватуры. В этом случае судебные решения, вынесенные в одном государстве, признаются и исполняются в другом государстве без обращения к специальной процедуре их признания. При этом органы принудительного исполнения государства осуществляют исполнение решений иностранных судов в таком же порядке, как и решения национальных судов государства.

В частности, такой порядок исполнения отдельных судебных решений установлен между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. В силу ст.1 Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о порядке взаимного исполнения судебных актов хозяйственных судов Республики Беларусь и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 17 января 2001 г.) судебные акты компетентных судов государств-участников не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются в таком же порядке, что и судебные акты судов своего государства на основании исполнительных доку-

ментов судов, принявших решения. Соглашением между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов (Москва, 3 марта 2015 г.) также предусмотрено, что судебные постановления по делам о взыскании алиментов, вынесенные на территории одного государства-участника Соглашения, не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются на территории другого государства-участника в том же порядке, что и судебные постановления, вынесенные на территории этого государства, на основании исполнительных документов компетентных судов государства, на территории которого были вынесены судебные постановления. Таким образом, указанные решения судов Республики Беларусь на территории Российской Федерации и решения судов Российской Федерации на территории Республики Беларусь исполняются в национальном режиме.

Приведенные примеры соглашений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией наглядно иллюстрируют подход, в силу которого решение суда, вынесенное в одном государстве, приравнивается по силе к решению, вынесенному в другом государстве, в котором испрашивается его исполнение, без прохождения процедуры экзекватуры. Очевидно, что такой подход является более прогрессивным, поскольку позволяет ускорить процесс исполнения иностранного судебного решения и сделать его более эффективным. В связи с этим перспективной целью совершенствования законодательства ЕАЭС в этой сфере видится отмена экзекватуры как основания признания и исполнения решений судов государств-членов.

ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В СООТВЕТСТВИИ С Ч. 2 СТ. 2 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ОСНОВНЫХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Ширинский О. Ю., Белорусский государственный университет

Право на жизнь вопреки распространенному мнению не является абсолютным. Это означает, что при определенных условиях оно может быть ограничено. Даже в европейском правовом пространстве, где достигнуты наивысшие стандарты в области защиты прав и свобод человека, единственным абсолютным правом в соответствии со ст. 1 Хартии основных прав ЕС [1] является право на человеческое достоинство. Оно никогда и ни при каких условиях не может быть ограничено, даже в отношении лиц, подозреваемых в совершении или совершивших чудовищные преступления. Случай с *Брейвиком* это наглядно демонстрирует.

Реализацию права на жизнь в европейском правовом пространстве гарантирует ст. 2 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека (Конвенция), дополнительные Протокол №6 (запрет на применение смертной казни в мирное время) и Протокол №13 (абсолютный запрет на применение смертной казни) к Конвенции [2]. Непосредственно текст ст. 2 Конвенции предусматривает, наряду с возможностью применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания (ч. 1), следующие легитимные случаи ограничения права на жизнь со стороны государственной власти (ч. 2):

- 1) для защиты человеческой жизни (пункт а);
- 2) при задержании опасного преступника (пункт b);
- 3) при подавлении восстания или массовых беспорядков (пункт с).

Смерть человека во всех указанных выше случаях должна наступить в результате абсолютно необходимых (*absolutely necessary*) действий должностных лиц для достижения определенных в ч. 2 ст. 2 целей. Наступление смерти при этом, прежде всего, следует рассматривать как крайне нежелательный побочный ущерб (*collateral damage*). Однако и прицельный смертельный выстрел снайпера ради освобождения заложников относится к исключительным случаям, охваченных ч. 2 ст. 2 Конвенции [3].

Если проводилась масштабная антитеррористическая операция, повлекшая за собой человеческие жертвы, ответственность государства может наступить в случае, когда она не удалась, и эта неудача была вызвана недостатками

подготовки сотрудников спецслужб или непосредственным планированием и проведением самой операции [4]. При этом жизнь всех затронутых лиц (гражданских лиц, сотрудников спецслужб и террористов) должна быть в максимально возможной степени защищена.

Безусловным нарушением ст. 2 Конвенции является ликвидация обезвреженного или потерявшего сознание террориста, а также несоизмеримо большое число жертв при проведении специальных операций. Так, при проведении операции по освобождению заложников в московском театре Норд-Ост в октябре 2002 г. были ликвидированы террористки-смертницы уже после того, как они потеряли сознание в результате применения нервно-паралитического газа [5], а при проведении турецкими военными операции на Северном Кипре погибли восемь непричастных гражданских лиц [6]. Оба указанных случая Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал нарушением права на жизнь.

Лишение жизни при задержании лица, подозреваемого в совершении тяжкого преступления, или при попытке к бегству опасного преступника допускает пункт б) ч. 2 ст. 2 Конвенции. Как и остальные исключительные случаи ст. 2 Конвенции лишение жизни при задержании лица возможно только при соблюдении строгих требований *соразмерности*. Любая полицейская операция должна быть спланирована и проведена так, чтобы смерть преследуемого лица была по возможности исключена [7]. Лишение жизни при задержании всегда не допустимо, когда достижение цели задержания не может быть достигнуто. Например, при преследовании подозреваемого в совершении преступления, являющегося одновременно главным свидетелем при расследовании другого особо тяжкого преступления, полиция должна прилагать все усилия для задержания этого лица живым [8].

В решении по делу *Голубева* ЕСПЧ провел тщательную и весьма показательную проверку необходимости и соразмерности действий полиции, приведшей к смерти подозреваемого: в российскую полицию позвонила группа подростков и сообщила о вооруженном мужчине, который якобы угрожал им убийством и выстрелил в них из пистолета. После прибытия полиции подозреваемый находился в своей квартире и вел себя спокойно. После первой попытки задержания он забаррикадировался и отказался подчиняться требованиям полиции. Местный участковый по собственной инициативе предпринял плохо продуманную и не подготовленную попытку проникнуть в квартиру подозреваемого по

пожарной лестнице. Когда участковый находился в непосредственной близости от балкона подозреваемого, тот попытался скинуть его вниз. Участковый выстрелил и ранил смертельно подозреваемого. Проведенный немедленно обыск не дал результатов. Оружие в квартире подозреваемого обнаружено не было.

ЕСПЧ в своем решении признал применение оружия в данном случае необоснованным, исходя из следующих оснований:

- 1) полицейский должен был убедиться, что подозреваемый действительно вооружен, а не полагаться только на показания подростков;
- 2) у полиции было достаточно времени для подготовки и проведения операции. Подозреваемый находился в своей квартире, никому не угрожал и не собирался бежать;
- 3) о ходе операции следовало доложить руководству, операцию должны были планировать и проводить специально обученные сотрудники. Действуя по своему усмотрению, участковый несоизмеримо увеличил риск для жизни подозреваемого и своей собственной жизни;
- 4) специально подготовленный для подобных случаев психолог мог помочь разрешить конфликт мирным путем, но он задействован не был;
- 5) входную дверь следовало открыть с помощью специального оборудования, но оно задействовано не было;
- 6) в целом операция была плохо подготовлена и проведена. Предпринятые полицией действия не соответствовали минимальному уровню требований, предъявляемых в демократических государствах при проведении полицейских операций. Предпринятые действия также грубо нарушали соответствующие должностные инструкции [9].

Подобный алгоритм проверки ЕСПЧ применял в целом ряде случаев, в основном, применительно к странам Восточной Европы и Турции.

Практика ЕСПЧ может быть полезна для правоохранительных органов Беларуси и в случае вынужденного применения силы для восстановления порядка. Этот случай охвачен пунктом с) ч. 2 ст. 2 ЕКПЧ, когда речь идет об объявлении чрезвычайного положения в результате восстания или массовых беспорядков.

Восстание это наиболее экстремальный случай, когда часть населения выступает против легитимной власти и совершает насильственные действия. Прямая обязанность любой власти в этом случае это восстановление порядка и

направление ситуации в правовое поле. Попытка самоустраниться может иметь трагические последствия. ЕСПЧ еще предстоит дать правовую оценку действиям украинского правительства во время столкновений на Майдане, но уже сейчас очевидно, что у него не было единого плана действий.

Массовые беспорядки имеют место, когда неорганизованная толпа уже совершает акты насилия или ситуация угрожает стать таковой. В своем решении ЕСПЧ признал легитимными действия правительства Армении, объявившем чрезвычайное положение 01.03.2008 после проведения президентских выборов, и последовавших за ними насильственных действий сторонников проигравших выборы кандидатов [10].

Общий анализ практики ЕСПЧ наглядно демонстрирует важность сохранения общественного порядка, и готовность защищать демократические ценности даже путем принятия жестких мер. Новый вызов европейским ценностям является проблема беженцев, стремящихся в страны Еросоюза и гибнущих тысячами, в том числе и в результате бездействия национальных властей. ЕСПЧ предстоит еще выработать единую практику по данному вопросу и установить четкие критерии, позволяющие сохранить права на жизнь и человеческое достоинство.

Литература

1. Хартия основных прав ЕС [Electronic resource] // European Union. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf. -Date of access: 05.06.2015.
2. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека и дополнительные протоколы [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. -Date of access: 05.06.2015.
3. *Clemens Arzt*, Europäische Menschenrechtskonvention und polizeilicher Todesschuss, DÖV 2007, Heft 6, S. 230.
4. ECHR, Case *McKerr*, № 28883/95, § 160.
5. ECHR, Case *Finogenov and others*, № 18299/03.

6. Решение Европейской комиссии по правам человека № 6780/74 *Cyprus/Turkey*, Yearbook 22, 440.
7. ECHR, Case *Ogur*, № 21594/93, § 84.
8. ECHR, Case *Nachova and others*, № 43577/98, § 94.
9. ECHR, Case *Golubeva*, № 1062/03, § 104.
10. Сообщение для прессы Секретариата Совета Европы [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1267291&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864>. - Date of access: 05.06.2015.

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Бабкина Е.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований

Принципы права — исходные положения, основные идеи формулирования, развития и функционирования норм права, базовые положения права, которые формируют категорию «публичный порядок». На формирование принципов права Европейского союза оказали определенное влияние основополагающие принципы международного права и права национальных систем государств-участников, однако немалая роль в их формулировании принадлежит Суду Европейского союза (далее – Суд ЕС).

Идея верховенства права ЕС вытекает из общепризнанного принципа *pacra sunt servanda*, но имеет отличия: она устанавливается не национальным правом, а самим интеграционным объединением. В то же время во всех случаях этот принцип имеет конституционную основу: это может быть общая норма Конституции о верховенстве международных договоров или специальная — о принадлежности государства к европейскому образованию; либо же такой вывод может следовать из толкования Конституции, что говорит о специфичности

права ЕС, сочетании в нем как классических черт международного права, так и определенных особенностей.

Согласно принципу приоритета (верховенства) право Евросоюза как уникальной международной организации с наднациональными полномочиями имеет большую юридическую силу, нежели национальное право государств-членов. Только такой подход способен служить достижению главных целей ЕС – защита ценностей ЕС и обеспечение благополучия и благосостояния народов ЕС.

Принцип приоритета не был закреплен в позитивном праве Союза – учредительными договорами, он установлен и впоследствии получил развитие в решениях Суда Европейского союза. Впервые он сформулирован в решении по знаменитому делу *Costa v. ENEL* от 15 июля 1964 г. [1]. Оценивая соответствие норм акта о национализации Италии положениям учредительных договоров, Суд ЕС указал на то, что «сами государства — участники ЕС, учредив на неопределенное время Сообщество, располагающее собственной организационной структурой, право- и дееспособностью, правом самостоятельно выступать в международных отношениях, ограничили свои суверенные права в определенных сферах и создали систему права, обязательную для применения как самими государствами, так и их юридическими и физическими лицами» [2, р. 277—278]. Государства сообща и недвусмысленно передали часть своих суверенных прав учрежденному Сообществу и не вправе совершить обратное путем последующих односторонних действий, идущих вразрез с установленным в рамках ЕС правопорядком. Право ЕС, закрепленное в автономных источниках права, принятых на основе учредительных договоров, не может вследствие своей особой природы быть оспорено национальным правовым актом.

В дальнейшей практике Суда ЕС данные положения были конкретизированы. Так, в решении по делу № 11/70 *Internationale Handelsgesellschaft* Суд ЕС высказался относительно формы национальных правовых актов, приоритет над которыми имеет европейское право, и обозначил приоритет права Сообщества даже над нормами конституций: «действительность того или иного акта Сооб-

щества не может быть затронута, а его эффективное применение на территории государства — участника ЕС не может быть поставлено под угрозу в результате заявления о том, что данный акт противоречит основополагающим правам и свободам, закрепленным в национальной конституции, или идет вразрез с принципами внутригосударственного устройства» [2, p. 279—280].

В хрестоматийном решении Суда ЕС по делу № 92/78 *Simmenthal* Суд определил правило действия права ЕС во времени и отметил, что национальные суды обязаны обеспечить на территории каждого государства-участника эффективное применение имеющих прямое действие норм права ЕС, а также противодействовать применению каких-либо противоречащих ему норм внутреннего законодательства, даже если последние приняты хронологически позднее. В случае противоречия норм национального права актам ЕС национальные правовые акты являются недействительными с момента принятия. В решении по делу № C-106/89 *Marleasing SA v. La Comercial Internationale de Alimentation SA* Судом ЕС была обозначена обязанность национальных судов в процессе применения и толкования национального права не допускать конфликта с правом ЕС. Доводы, положенные в основу решения *Simmenthal*, получили дальнейшее развитие в решении по делу *Factortame* (1990), где суд обязал национальные суды в целях обеспечения эффективности европейского права применять национальные механизмы даже в том случае, если они не существовали ранее.

Несмотря на повышенное внимание Суда ЕС и включение его в Договор об учреждении Конституции для Европы 2004 года предложение о закреплении принципа верховенства в первичном праве не нашло отражения в тексте Лиссабонского договора. Вместе с тем, в настоящее время наблюдаются определенные подвижки в деле нормативного закрепления принципа верховенства. В частности, Декларация № 17, являющаяся приложением к Лиссабонскому договору, устанавливает: «Конференция напоминает, что согласно неизменной практике Суда ЕС учредительные договоры и право ЕС, принятое Союзом на базе договоров, обладают верховенством по отношению к праву государств-членов

в соответствии с условиями, определенными данной судебной практикой». Декларация не интегрирована в текст договоров, как предлагалось в проекте Конституции для Европы, не обладает императивной силой, однако сам факт фиксации указанных положений в приложениях к учредительным договорам свидетельствует о твердом намерении государств-членов следовать принципу приоритета европейского права.

Данный вывод поддерживается и в решениях служб институтов ЕС. Декларация дополнена Заключением Юридической службы Совета от 22 июня 2007 г. (документ 11197/07): «Практика Суда ЕС свидетельствует об основополагающем характере принципа верховенства этого права. По мнению Суда, упомянутый принцип неразрывно связан с особой природой Европейского союза. На момент вынесения первого решения в рамках устойчивой судебной практики (решение по делу 6/64 *Costa v. ENEL*) данный принцип не упоминался учредительными договорами. Аналогичная ситуация сохраняется и в настоящее время. Тот факт, что указанный принцип текстуально не будет включен в будущий договор, не внесет никаких изменений в существование упомянутого принципа, ни в действующую правоприменительную практику Суда» [3, с. 666—667].

Нельзя сказать, что идея верховенства комунитарного права не без препятствия была встречена национальными правоприменителями. Особо остро конфликт европейского и конституционного права обозначился в таких странах, как Германия, Италия, Польша.

В этих государствах получила развитие так называемая «доктрина контроллимитов», согласно которой конституционными судами подлежит проверке: 1) непротиворечие норм права ЕС фундаментальным конституционным правам и 2) соблюдение принципа *ultra vires* (соблюдение компетенции). Квинтэссенция названной доктрины сформулирована Федеральным Конституционным Судом Германии в решении от 29 мая 1974 г. по делу *Solange I*: «до тех пор пока недостаточный уровень защиты будет сохраняться, Федеральный Конституционный Суд оставляет за собой право осуществлять контроль над нормами евро-

пейского права, которые могут нарушить фундаментальные права, гарантированные Конституцией» [4].

Реакцией на такой подход стала политика Суда ЕС планомерного и поступательного закрепления принципа права ЕС в своих решениях при соблюдении гибкого подхода и восполнение Судом ЕС пробельности европейского права о защите основных прав (использование концепции общих конституционных традиций государств-членов, а также применение международных договоров, не являющихся источниками европейского права).

Суд ЕС в решениях начала 20 века сформулировал концепцию национальной конституционной идентичности: в решении по делу Schmidberger 2003 года на усмотрение государства отдается соотношение таких прав и свобод, как конституционное право на манифестации и свобода движения товаров в праве ЕС, в решении по делу Omega 2004 года – конституционное право на достоинство личности и свобода оказания услуг в европейском праве).

Гибкость Суда ЕС в данном вопросе привела к смягчению подхода национальных судов и уже в решении от 22 октября 1986 года по делу Solange II Федеральный Конституционный Суд ФРГ обозначает отказ от конституционного контроля актов ЕС, аргументируя это тем, что уровень защиты основных прав в ЕС соответствует национальным стандартам ФРГ [5].

Однако точка в дискуссии Суда ЕС и национальных судов не поставлена. О продолжении диспута свидетельствуют решения по делам Honnywell и Fransson.

Приведенный анализ практики Суда ЕС отчетливо демонстрирует роль правоприменительного органа международной организации с наднациональными полномочиями в развитии права такой институции. Позитивный опыт нуждается в детальном исследовании в целях его использования в деятельности интеграционных объединений с участием Республики Беларусь (СНГ, ЕАЭС).

Литература

1. Judgment of the Court of 15 July 1964: Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano — Italy [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union Law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61964CJ0006>>. — Date of access: 18.05.2015.
2. Craig, P. EU Law: Text, Cases and Materials. 3th ed. / P. Craig, G. de Búrca. — New York: Oxford University Press, 2003. — 1241 p.
3. Европейский союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. — М.: ИНФРА — М, 2008. — 698 с.
4. Case BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I-Beschluß [Electronic resource] — Mode of access : <http://www.utexas.edu/law/academics/centers/transnational/work_new/german/case.php?id=588>. — Date of access : 18.05.2015
5. Case BVerfGE 73, 339 2 BvR 197/83 Solange II-decision [Electronic resource] — Mode of access : <http://www.utexas.edu/law/academics/centers/transnational/work_new/german/case.php?id=572>. — Date of access : 18.05.2015.

СИСТЕМА ПРАВА ПО ДОГОВОРУ О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Михалёва Т.Н., Национальный центр законодательства и правовых исследований

С 1 января 2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), в соответствии со ст. 6 которого, а также рядом иных положений выстраивается своя система права. Система источников ЕАЭС согласно ст.6 выглядит следующим образом: Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках союза – т.е. между государствами-участниками, международные договоры с третьей стороной (государствами и международными организациями), решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического

совета, решения и распоряжения Евразийского межправительственного совета; решения и распоряжения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). Больше к праву ЕАЭС Договор не относит никакие источники. В приложении 2 к договору, Статуте Суда ЕАЭС, для целей суда приведена другая источниковая база (п.50): общепризнанные принципы и нормы международного права, договор о ЕАЭС, договоры в рамках Союза, договоры, участниками которых являются стороны спора, решения и распоряжения органов Союза, международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

С одной стороны, нормативная определенность в иерархии источников – это хорошо, но с другой – не вполне ясно прописаны отдельные положения. В самой ст.6 Договора ЕАЭС уже заложена коллизия «замедленного действия»: абз.4 п.1 ст.6 в право Союза включены международные договоры с третьей стороной, при этом иерархически их ввели ниже международных договоров в рамках Союза, но выше решений и распоряжений любых органов Союза. Пунктом 2 этой же статьи установлено, что «международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза», правила же устанавливаются, безусловно, в том числе решениями и распоряжениями таких органов, что следует из компетенции органов, означенных в соответствующих статьях или приложениях к договору.

Также, что касается международных договоров отдельных государств-участников ЕАЭС с третьими государствами ситуация регламентирована, на наш взгляд, неполно: ст.114 Договора о ЕАЭС указывает, что такие договоры не должны противоречить лишь целям и принципам ЕАЭС. В ситуации коллизий внешних обязательств, конкуренции региональных правовых режимов, когда Договор не дает указаний о приоритете своего права, вопрос о применимой норме может решаться не в пользу права Союза. Что касается заключения более продвинутых договоров государствами-участниками друг с другом, то он прописан в договоре лишь вскользь (можно заключить, что это возможно, если не

затрагивает прав и обязательств, в т.ч. других государств-членов по Союзу). Также, ни в одну из категорий международных договоров не попадают соглашения о пребывании органов Союза на территории его государств-членов.

Согласно абз. 5 п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС решения и распоряжения являются источником права ЕАЭС. Это нормативные правовые акты, обязательные для государств-членов (ч. 1 п. 13 Приложения № 1 к ДЕАЭС). Договор содержит недвусмысленные, ясные указания на их обязательность. Однако во внутренней иерархии права данной международной организации эти акты занимают место, следующее за международными договорами, решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета. При этом следует обратить внимание, что два последних указанных вида решений должны быть обеспечены имплементационным механизмом со стороны государства (ч.2 п. 1 ст.6 Договора), а решения ЕЭК подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов (ч.2 п.13 Приложения № 1 к Договору). Ситуация не коллидирующая, но весьма специфическая: акты большей юридической силы требуют имплементации, причем сроки и механизмы не установлены и могут различаться в государствах, а обязательства меньшей юридической силы действуют непосредственно.

Что касается решений Комиссии таможенного союза (далее – КТС), которая прекратила свою деятельность, но преемником которой стала и пока является ЕЭК согласно ст. 39 Договора о ЕЭК 2011г., то в связи с прекращением действия последнего договора на основании Приложения № 33 к Договору о ЕАЭС, их статус не определен четко, напрямую. На основании ст. 101 Договора о ЕАЭС термин «Комиссия таможенного союза» приравнивается к понятию «Евразийская экономическая комиссия», однако это указано только для целей применения Договора о таможенном кодексе Таможенного союза 2009 года и международных договоров государств-членов, регулирующих таможенные правоотношения, заключенных в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства. В то же время, согласно ст.99 ДЕАЭС «решения Евразийской экономической комиссии,

действующие на дату вступления в силу настоящего Договора, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, не противоречащей настоящему Договору», а к действующим на эту дату решениям ЕЭК можно отнести решения КТС исходя из толкования ч.2 ст.38 и ч.6 ст.39 Договора о ЕЭК. Таким образом, недоработки есть, хотя и устраняются путем толкования: следует исходить из позиции равной юридической силы решений ЕЭК и КТС для целей их реализации в национальной правовой системе.

Несколько особняком стоят решения Суда ЕАЭС. Ранее абзацем 8 п.1 ст.11 Регламента Суда ЕврАзЭС (Евразийского экономического сообщества) было установлено, что «суд, рассматривая дело, применяет принципы и нормы права в соответствии с тем, как они были истолкованы в предыдущих судебных актах Суда». Этот прообраз прецедента, всецело вписывавшийся в рамки принципа правовой определенности, который в практике суда ЕврАзЭС отчетливо формировался. Напрямую прецедентный характер этих решений нигде не был установлен. Это и понятно: согласно традиционных подходов к юридической роли судебных решений в континентальной правовой системе (к которой относятся все государства-участники) судебные решения не являются источником права. Однако в действующем Статуте, регулирующем деятельность Суда ЕАЭС есть нормы, которые прямо указывают на абсолютное исключение обязательности *in abstracto*, а не по конкретному делу. Например, Суд обеспечивает единообразное применение Договора и других действующих в рамках Союза международных договоров и принимаемых органами ЕАЭС решений (п.2 Статута Суда ЕАЭС), но из таких решений органов ЕАЭС исключены решения самого Суда. Пунктом 102 Статута явно предусмотрено, что Суд не создает новых норм права Союза. Более того, решение ЕЭК, даже будучи признанным судом не соответствующими интеграционному правопорядку, продолжает действовать до тех пор, пока Комиссия его не отменит, правда, суд может предписать в какие сроки комиссии нужно это сделать, не более 60 дней. Таким образом, исключительно функциональная роль Суда четко регламентирована в учреди-

тельном договоре, не указано ни на единообразие судебной практики, ни на возможность какого-либо влияния позиций Суда на развитие права ЕАЭС.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫМ ЗАБОЛЕВАНИЯМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ханевский А.А. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Современный период развития мирового сообщества характеризуется ростом проблем по обеспечению права на здоровье, которые косвенно влияют на все сферы взаимодействия государств. Необходимость реализации права на здоровье отражается в различных документах Организации Объединенных Наций (далее – ООН), например, в Декларации «Тысячелетия», однако за последние годы практически все органы и структуры ООН выразили озабоченность по вопросам соблюдения данного права, подтверждением чему является значительное число резолюций и иных международных актов, принятых Генеральной Ассамблеи ООН. Ухудшение эпидемиологической ситуации по опасным инфекциям во многом обусловлено политической и экономической нестабильностью в различных регионах мира. Эти проблемы давно переросли государственные границы и стали заботой всего мирового сообщества, поскольку постоянный рост развития международных связей способствует распространению карантинных, опасных инфекций в целых регионах мира.

Всеобщая декларация прав человека традиционно рассматривается как один из первых международных документов, в котором право на охрану здоровья получило нормативное закрепление [1, с. 81]. Право на охрану здоровья нашло свое отражение и в некоторых договорах регионального характера, например в Европейской социальной хартии 1961 г., а также в Пересмотренной Европейской социальной хартии 1996 г. Из их содержания следует, что государства обязуются принимать меры, направленные на: устранение, насколько это возможно, причин нездоровья [2]. Схожий подход закреплен в Международном

пакте «Об экономических, социальных и культурных правах» [1, с. 102], а также в Конвенции Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) 1995 г. «О правах и основных свободах человека» [3]. Не менее важным документом на постсоветском пространстве, закрепляющим социальные права граждан на медицинскую помощь и обслуживание является «Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств», утвержденная постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29 октября 1994 г. [4].

Направляющей и координирующей инстанцией в области здравоохранения в рамках ООН является Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ). Все международные документы, принятые ВОЗ исходят из важнейших принципов ее деятельности, среди которых признание основных прав каждого человека на наивысший достижимый уровень здоровья, ответственность правительств за здоровье своих народов и др. В развитие данных принципов, ВОЗ были приняты Международные медико-санитарные правила (далее – ММСП). В настоящее время действуют ММСП 2005 г. Их основная цель заключается в предотвращении международного распространения болезней, предохранении от них, борьбе с ними и принятии ответных мер на уровне общественного здравоохранения. По сравнению с ранее принятыми правилами ММСП 2005 г. содержат ряд инноваций, среди которых наиболее значимой является то, что сфера применения ММСП 2005 г. не ограничивается какой-либо конкретной болезнью или способом передачи, а охватывают «болезнь или медицинское состояние, независимо от происхождения или источника, которое представляет или может представлять риск нанесения людям значительного вреда» [5]. В соответствии с микробиологическими и эпидемиологическими критериями все микроорганизмы, согласно ММСП 2005 г. разделяются на 4 группы. Критерием служит степень опасности для общества, гражданина, а также скорость распространения среди населения. Данные правила не ограничиваются конкретными болезнями, но применяются к новым и постоянно изменяющимся рискам для здоровья населения, они предназначены для того, чтобы в течение длительного

времени соответствовать международным мерам в ответ на возникновение и распространение болезней. ММСП 2005 г. также обеспечивают правовую основу для важных медико-санитарных документов, применяемых для международных поездок и транспорта, а также для санитарной защиты пользователей аэропортов, портов и наземных транспортных узлов.

Международные универсальные правовые акты не содержат понятия социально опасные заболевания либо социально значимые заболевания, характерные для постсоветского правового пространства, вместо этого они закрепляют понятие «эпидемиологическое» и «эндемическое» заболевание. По такому же пути развивается специальное международное право, которое не содержит перечня заболеваний, а лишь устанавливает критерий для отнесения заболеваний к событиям, которые могут представлять собой чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение. Международные медико-санитарные правила устанавливают 4 класса заболеваний и в зависимости от класса заболевания принимаются соответствующие меры профилактики, карантина, оказания медицинской помощи и лечения больных.

В настоящее время на международном уровне все больше внимания со стороны международных организаций уделяется вопросам распространения ВИЧ/СПИДа, гепатита, туберкулеза. На наш взгляд, такое отношение обусловлено распространением заболеваний не только среди малоразвитых стран, но и стран с высоким уровнем жизни. Например, ВИЧ/СПИД уже относят к мировой эпидемии. Вместе с тем, основную нагрузку по противодействию указанным заболеваниям несет каждое государство самостоятельно, международные акты призваны лишь урегулировать общие направления, в том числе акцентировать внимание на основных проблемах.

Литература

1. Кузнецов, Е.В. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения: в 4 т. / сост.: Е.В. Кузнецов. -Минск: Амалфея, 2009. -Т.1. - 815 с.
2. Европейская социальная хартия [Electronic resource] // Council of Europe. – Mode of access : <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/163.htm> 1961. -Dateofaccess : 05.03.2015.
3. О правах и основных свободах человека [Электронный ресурс]: Конвенция Содружества Независимых Государств от 26 мая 1995 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
4. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 октября 1994 г. «О Хартии социальных прав и гарантий граждан независимых государств» [Электронный ресурс] // Pravo.info.by. – Режим доступа :<http://arc.pravoby.info/megdoc/part3/megd3989.htm>. – Дата доступа : 05.03.2015.
5. Международные медико-санитарные правила [Электронный ресурс] // ВОЗ.– Режим доступа : www.who.int/topics/international_health_regulations/ru/ – Дата доступа : 01.03.2015.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Постовалова Т.А., Белорусский государственный университет

В международном праве признается значение нормативного регулирования важнейших принципов социальной жизни, в том числе принципа «достоинство», что свидетельствует о возведении ценностей солидарности, взаимопомощи, милосердия в ранг задач государственной политики. В международных актах начиная с середины XX в. широко используются термины «достоинство», «достойная жизнь», «достаточный уровень жизни».

В международных актах, регулирующих социальные права, нормы сформулированы в общих выражениях с тем, чтобы толкование содержания закреп-

ленных требований могло меняться по мере улучшения экономических условий. Они налагают обязательства на действия, которые позволяют со временем достичь прогресса в заданном направлении. Однако, несмотря на острую необходимость государственной поддержки незащищенных групп населения в период 2008 – 2015 гг., из-за глобального финансово-экономического кризиса, правительства многих стран перешли к бюджетной консолидации и преждевременному сокращению расходов. В 2014 г. корректировка государственных расходов еще более усилилась. Меры бюджетной консолидации и бюджетные корректировки значительно снизили в ряде стран эффективность систем социального обеспечения. Так, страны, осуществляющие бюджетную консолидацию, реформируют пенсионные системы в целях экономии средств, в том числе путем повышения пенсионного возраста, сокращения размера пенсий и увеличения ставок страховых взносов. Эти коррективы снижают ответственность государства за обеспечение гарантированных доходов в старости и перекладывают значительную часть экономических рисков, связанных с пенсионным обеспечением, на физических лиц, тем самым подрывая достаточность пенсионных систем и уменьшая их способность предотвращать бедность с наступлением старости. Будущие пенсионеры будут получать меньшие по размеру пенсии, как минимум, в 14 странах Европы. Страны с высокими уровнями доходов ограничили круг социальных выплат и доступ к качественным государственным услугам. Эти меры способствовали росту масштабов бедности и социальной изоляции. В настоящее время число бедных составляет 123 млн. жителей стран Европейского союза, т.е. 24% населения, многие из которых дети, женщины, престарелые и инвалиды. Суды ряда европейских государств, например, в Дании, признали сокращение социальных выплат противоречащими конституции. Достижения европейской социальной модели, выразившиеся в резком сокращении масштабов бедности и росте благосостояния в период после Второй мировой войны, нивелировались краткосрочными корректирующими реформами [1]. Учитывая мировой опыт, считаем недопустимым реформирование социального обеспечения путем снижения бюджетных расходов.

Итак, в результате мирового финансово-экономического кризиса система социального обеспечения столкнулась с целым рядом концептуальных проблем, которые требуют своего осмысления **во взаимосвязи** права и экономики. Так, политика жёсткой экономии привела в первую очередь к сокращению размера пенсионного обеспечения и других социально ориентированных выплат при параллельном увеличении налоговых сборов. Исходя из политических, а не финансово-экономических соображений, политика жёсткой экономии продолжает применяться, а иногда и навязываться странам, утратившим контроль над финансами. Основной мотивацией в таких случаях является стремление снизить дефицит бюджета страны. При этом политика жёсткой экономии нередко сопровождается другими «карательными» мерами, например, частичная экспроприация индивидуальных банковских вкладов государством (например, заморозкой банковских счетов, ограничениями на вывоз капитала и прочего).

В доктрине права социального обеспечения право на достойный уровень жизни тесно связывают с правом на жизнь. По мнению М.Ю. Федоровой при реализации права на жизнь государство должно гарантировать физиологическое выживание и достижение социального благополучия личности [2, с. 308]. М.В. Лушникова отмечает, что социальная направленность права социального обеспечения заключается в установлении законодательством государственных гарантий социально – обеспечительных прав граждан, права на достойный уровень жизни [3, с. 460].

Судебная защита прав человека и основных свобод предусмотрена в Конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. [4]. Однако в Конвенции о защите прав человека и основных свобод защита социально-обеспечительных прав не предусматривается.

Считаем, что в современных условиях глобализации необходимо закрепить в Конвенции о защите прав человека и основных свобод нормы по защите социально-обеспечительных прав и ответственность за их нарушение. Глобальный финансово–экономический кризис наглядно свидетельствует о негативных последствиях снижение уровня социального обеспечения.

Литература

1. Доклад о социальной защите в мире 2014/15: Обеспечить экономическое восстановление, всестороннее инклюзивное развитие и социальную справедливость. Сводное резюме. Режим доступа: http://www.ilo.org/global/research/global-reports/world-social-security-report/2014/WCMS_245205/lang--en/index.htm. – Дата доступа: 22.02.2015.
2. Федорова, М. Ю. Жизнь как социальное благо и объект правовой защиты в системе социального обеспечения // Право человека на жизнь и гарантии его реализации в сфере труда и социального обеспечения: материалы междунар. науч. — практ. конф. / под ред. К.Н. Гусова. М., 2008. С. 308.
3. Лушникова, М. В., Лушников, А. М. Курс права социального обеспечения. М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. С. 460.
4. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод». Рим, 4 нояб. 1950 г. // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / сост. В.В. Щербов. Минск, 1999. С. 761-772.

О ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА О НОТАРИАТЕ

Довгялло М.М., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Построение единого правового пространства на территории стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) включает множество элементов, среди которых наиболее важными являются гармонизация и унификация национальных законодательств, а также создание единой правовой инфраструктуры. Нотариат – это часть правовой инфраструктуры, обеспечивающий стабильность и юридическую безопасность гражданского оборота. В этом смысле гармонизация, а где это возможно – унификация законодательства о нотариате и нотариальной деятельности в странах-участницах ЕАЭС будет способствовать созданию общих гарантий правовой защищенности на его территории для всех участников гражданского оборота. Следует согласиться с выска-

занным в литературе мнением о том, что использование единых стандартов нотариальной деятельности позволит повысить прозрачность национальных экономик, их инвестиционную привлекательность, облегчит международный оборот и будет способствовать углублению правовой и экономической интеграции стран-участниц ЕАЭС [1].

С учетом обозначенных задач выделяют два основных направления совершенствования законодательства о нотариате: гармонизация национального законодательства о нотариате; совершенствование правового сотрудничества.

Гармонизация законодательства о нотариате направлена на формирование в правовых системах стран-участниц ЕАЭС сходных по основным признакам моделей нотариата и общих стандартов осуществления нотариальной деятельности. В этом смысле его гармонизация имеет пределы. Она не должна затрагивать такие элементы построения нотариальной системы и осуществления нотариальной деятельности, которые связаны исключительно с национальными, культурными или территориальными особенностями в соответствующем государстве ЕАЭС (численность нотариусов, порядок замещения должности нотариуса, размер нотариального тарифа и др.). В то же время, приступая к гармонизации законодательства о нотариате в странах-участницах ЕАЭС, следует иметь в виду, что существует минимальный предел изменений, без реализации которых она не будет эффективной и полезной при построении единого правового пространства.

Таким образом, гармонизация национального законодательства о нотариате и нотариальной деятельности стран-участниц ЕАЭС должна, как минимум, обеспечить: создание единого понятийного аппарата; выработку общих принципов организации нотариальной системы; формирование единых принципов и механизмов осуществления нотариальной деятельности [1]. Унификация правил нотариального производства, как представляется, происходит в двух направлениях. С одной стороны, это процесс сближения норм материального права. В таком случае нотариусы различных государств применяют в целом схожие нормы гражданского, семейного, земельного и т.д. права. Тогда

значение нотариальных актов, их содержание будет иметь понятный смысл для правоприменителей этих стран. С другой стороны, это установление единых нотариальных процедур [2, с. 95]. Следует привести нормы Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года, которая в ст. 43 закрепляет важное правило относительно языка нотариального производства, согласно которому форма и срок действия доверенности определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой она выдана. Такая доверенность с нотариально заверенным переводом на язык Договаривающейся Стороны, на территории которой она будет использоваться, либо на русский язык принимается на территориях других Договаривающихся Сторон без какого-либо специального удостоверения. В соответствии со ст. 51 производство по делам о наследовании движимого имущества компетентны вести учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой имел место жительства наследодатель в момент своей смерти. Производство по делам о наследовании недвижимого имущества компетентны вести учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой находится имущество [3].

Сравнительный анализ законодательства стран-участниц ЕАЭС показывает, что в них имеется значительное сходство, хотя есть, конечно, и различия. Так, например, в Республике Беларусь активно используется исполнительная надпись, предусмотрено участие нотариусов в процедуре медиации, в Армении и Казахстане имеется опыт работы с нотариальными архивами, кроме того, в Казахстане создана Единая информационная система, которая используется для автоматизации нотариальных действий. В Российской Федерации примечательной является методика внесения в реестр сведений о залогах движимого имущества.

По мнению К. Корсика, президента Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации, необходимо в максимально короткие сроки выработать план работы по дальнейшей интеграции и налаживанию информационного сотрудничества. Учитывая присоединение к ЕАЭС Кыргызстана, К. Корсик пред-

ложил привлечь представителей нотариата Кыргызстана к этой работе, возможно, на первых порах в качестве наблюдателей [4].

Соглашение о сотрудничестве нотариальных палат стран-участниц ЕАЭС (далее – Соглашение), подписанное 23 октября 2014 г., закрепляет ряд направлений сотрудничества сторон, в том числе научное и образовательное сотрудничество; обмен информационными технологиями и инновациями и т.д. [5].

Таким образом, подписание Соглашения является большим шагом вперед для совершенствования законодательной базы стран-участниц ЕАЭС. Этот документ предоставляет возможность применять на практике положительный опыт коллег из стран-участниц ЕАЭС.

Литература

1. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств-членов Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в сфере нотариальной деятельности и рекомендации по его гармонизации. Часть 1/ Федеральная нотариальная палата Российская Федерация. – 2006. – Режим доступа : http://old.notariat.ru/press_589_23.aspx.htm. – Дата доступа : 10.06.2015.

2. Романовская, О. Глобализация и нотариат / О. Романовская // Науковий часопис Національної академії прокуратури України. – № 2. – 2014. – С. 91–98.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Кишинев 07.10.2002 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Нотариусы стран Евразийского экономического союза движутся к интеграции / Белорусская нотариальная палата. – 2015. – Режим доступа : <http://belnotary.by/novosti/225-notariusi-dvizhitsa-k-integracii.html>. – Дата доступа : 10.06.2015.

5. Подписание Соглашения о сотрудничестве нотариальных палат стран Евразийского экономического союза / Нотариус в ЦАО и ЗАО города Москвы

Цабрия В.Д. – 2014. – Режим доступа : http://www.mosnotari.ru/news_fns.html?id=44. – Дата доступа : 08.06.2015.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Савкин О.М., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 была одобрена Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь [1], на которой основывается развитие правовой системы Республики Беларусь последнее десятилетие. Пунктами 21 и 22 данной Концепции предусматривается координация и сближение национального законодательства Республики Беларусь, прежде всего, с законодательствами Российской Федерации, государств–участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств, а затем – и со странами Европы. При этом внимание акцентировалось на необходимости учитывать процессы мировой экономической интеграции в процессе формирования национального законодательства. Рекомендовалось при сближении законодательства руководствоваться принципами равенства сторон, взаимности, неуклонного соблюдения суверенитета и национальных интересов. Что же касается постепенного сближения правовых систем белорусского и российского законодательства в рамках создания Союзного государства, то в Концепции подчеркивалось, что унификация и гармонизация наших законодательств должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимообогащающего их развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иных государств [1].

Для последующей реализации Концепции Указом Президента Республики Беларусь от 12.08.2002 г. № 450 была одобрена Программа подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь [2].

Вышеуказанные документы имеют стратегический характер, определяют направления стабилизации законодательства, этапы его качественного обновления [3].

В Рекомендациях по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь, одобренных Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 г. № 5 [3], говорится, что при формировании международных договорных обязательств Республики Беларусь необходимо уделять особое внимание повышению качества таких обязательств, защите и продвижению интересов Республики Беларусь, повышению эффективности международного сотрудничества, осуществляемого на основе международных договоров, достижению конкретных практических результатов или политических преимуществ от оформления участия Республики Беларусь в соответствующих международных договорах.

В Рекомендациях [3], также как и в Концепции [1], отмечается, что сближение (унификация, гармонизация) законодательства Республики Беларусь с законодательством иностранных государств, приведение его в соответствие с международными стандартами должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимообогащающего развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иностранных государств и воспроизведения предписаний международно-правовых актов.

Перенос исследований, проводимых в других странах, на национальную почву, может не принести должного результата. В Рекомендациях отмечается, что процесс унификации и гармонизации должен осуществляться синхронно, с учетом интересов всех государств-участников соответствующих международных организаций и межгосударственных образований и не может носить односторонний характер.

Чтобы деятельность по совершенствованию законодательства с учетом международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь, а также законодательства иностранных государств была эффективной, необходимо

наличие специалистов, обладающих профильными знаниями в области международного права, сравнительного правоведения. Необходимо, чтобы эти специалисты хорошо ориентировались в законодательстве иностранных государств и основных общемировых тенденциях правотворчества в определенных сферах общественных отношений. А для этого необходимо взаимодействие научных организаций и учреждений образования, осуществляющих подготовку специалистов в области международного права и сравнительного правоведения, с нормотворческими органами, иными государственными органами и организациями, реализующими правовую политику государства [3].

В ходе практической реализации интеграционных процессов выявились некоторые особенности, которые в той или иной мере оказывали влияние на эти процессы. Так, одной из особенностей интеграции постсоветских государств является привязка к одному государству, во многом определяющему ход интеграционных процессов на постсоветском пространстве [4]. Таким государством, безусловно, является Российская Федерация. Это объясняется целым рядом объективных обстоятельств, определяющих особое место России в интеграционных процессах постсоветских государств.

Как известно, 8 декабря 1999 года был подписан Договор о создании Союзного государства и Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации положений Договора о создании Союзного государства. Эти документы открыли путь для выхода на качественно новый уровень единения двух братских стран и народов. Они определили конечную цель интеграции Беларуси и России – создание Союзного государства.

Что касается совершенствования национального законодательства в контексте интеграционных процессов, то необходимо отметить, что парламентами, министерствами и ведомствами двух государств проведена большая работа по унификации законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации и формированию правовой системы Союзного государства. В настоящее время многие положения Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов Республики Беларусь аналогичны положениям соответствующих правовых актов

Российской Федерации. Правовые нормы Хозяйственно-процессуального Кодекса Республики Беларусь и Арбитражно-процессуального Кодекса Российской Федерации в основном унифицированы и противоречий не содержат. Унифицировано таможенное законодательство. Многие сделано по сближению правовой базы в сфере банковской деятельности, обеспечению равных условий деятельности субъектов хозяйствования и равных прав граждан. Сформирован большой массив двусторонних договоров и соглашений Беларуси и России по всем основным направлениям интеграции [5].

Новый импульс процессу формирования правовой системы Союзного государства призван дать Конституционный Акт Союзного государства, принятие которого предусмотрено статьей 62 Договора о создании Союзного государства. Этот документ должен определить государственное устройство и правовую систему Союзного государства.

Литература

1. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь: одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 46, 1/3636.

2. Программа подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь: одобрена Указом Президента Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 450. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 92, 1/3962.

3. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь: одобрено Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 № 5. – [Электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: center.gov.by/files/Recomend131021.doc – Дата доступа: 20.05.2015.

4. Шумский, Н.Н. Интеграция постсоветских государств: возможности и перспективы развития // Белорусский журнал международного права и между-

народных отношений. – 2000. – № 3. – [Электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/376/51/> – Дата доступа: 20.05.2015.

5. Союзное государство: состояние и перспективы. - [Электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: slonim.gov.by/dfiles/000378_427014.doc – Дата доступа: 20.05.2015.

К ВОПРОСУ О СИНХРОНИЗАЦИИ СРОКОВ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Гришкевич О.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Необходимым условием для полного и своевременного достижения целей интеграции является исполнение принятых международных обязательств. Одной из проблем здесь выступает несвоевременное вступление (т.е. затягивание сроков) или невступление (вообще или для отдельных государств-участников) договоров в силу. Институт исполнения договоров до вступления их в силу – временный инструмент, и он не может заменить собой вступление договора в силу. Соответственно, основной задачей в рассматриваемом контексте выступает синхронизация сроков выполнения внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу международных договоров.

Если обратиться к практике интеграции на постсоветском пространстве, можно привести такие примеры. Соглашение о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 26 октября 1999 г. содержало специальный раздел III «Синхронизация сроков внесения предложений о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу подписанных международных договоров». В соответствии с положениями данного договора «стороны согласились синхронизировать» такие сроки (ст. 11) и «договорились информировать Интеграционный Комитет» об их соблюдении (ст. 12). На основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств, с учетом нормативных правовых актов ЕврАзЭС, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и с

одобрения Бюро Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС от 14 ноября 2003 г. были разработаны предложения по законодательному обеспечению синхронизации сроков выполнения внутригосударственных процедур по международным договорам, заключенным в рамках ЕврАзЭС. Эти предложения включали в себя в том числе: введение в практику обязанности государств привести в действие правовой механизм ратификации и выполнения других внутригосударственных процедур в согласованные всеми участниками договора сроки; установление синхронизированных сроков выполнения внутригосударственных процедур в самом международном договоре, заключаемом государствами – членами ЕврАзЭС, либо в соответствующем решении Межгосударственного совета (раздел 6). Также был подготовлен проект Соглашения о синхронизации сроков рассмотрения предложений о выполнении внутригосударственных процедур по международным договорам, заключенным в рамках Содружества Независимых Государств, и решениям его органов, но не был поддержан в государствах – участниках СНГ [1].

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. предусматривает исполнению решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством (ч. 2 п. 1 ст. 6). Проведение переговоров по проектам международных договоров Союза с третьей стороной, их подписание, выражение согласия на обязательность международного договора, прекращение, приостановление или выход из международного договора осуществляются на основании решения Высшего Евразийского экономического совета после выполнения государствами-членами необходимых внутригосударственных процедур (п. 2 ст. 7). При этом каких-либо положений о сроках выполнения государствами соответствующих внутригосударственных процедур в Договоре от 29 мая 2014 г. не содержится.

В научной литературе указывается на отсутствие действенных механизмов, способных влиять на уменьшение сроков проведения внутригосударственных процедур. В качестве мер предлагается, в частности, установление пре-

дельных (жестких) сроков проведения процедуры ратификации договоров парламентами, ограничение числа оговорок и заявлений, связанных с ратификацией договоров [2, с. 143–144; 3, с. 94; 4, с. 167].

Таким образом, решение соответствующих вопросов требует комплексного подхода, в том числе использования уже имеющихся наработок в рамках иных интеграционных образований, а также учета соответствующих проблем, пробелов и т.п. во избежание дублирования таковых на последующих ступенях интеграционного развития. Основным алгоритмом на данном этапе видится урегулирование этих вопросов (по срокам вступления договоров в силу, по синхронизации проведения внутригосударственных процедур и т.п.) в соответствующих документах, предусмотренных Рабочим планом разработки актов и международных договоров в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2014 г. № 58, с одновременной их проработкой на уровне государств-членов в целях гармонизации (согласования) национальных сроков и процедур реализации обязательств.

Литература

1. Об итогах выполнения Плана реализации важнейших мероприятий, направленных на развитие и повышение эффективности взаимодействия государств-участников СНГ в экономической сфере в 2003 – 2010 годах [Электронный ресурс] : Решение Экономического совета СНГ, 15 апр. 2011 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2015.

2. Барков, А. В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе / А. В. Барков // Журн. рос. права. – 2003. – № 8. – С. 137–144.

3. Тиунов, О. И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве / О. И. Тиунов // Журн. рос. права. – 2012. – № 8. – С. 92–98.

4. Правовое обеспечение Евразийского экономического сообщества/ Е. А. Юртаева // Журн. рос. права. – 2001. – № 5. – С. 161–168.

ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА СТОРОН В ТОЛКОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Козлова А.А., Национальный центр законодательства и правовых исследований

Как следует из практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), справедливость судебного разбирательства толкуется им не как конечный результат, на достижение которого направлена статья 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) [1], но как общая характеристика надлежащего процесса.

В то же время в качестве одного из существенных элементов надлежащего процесса ЕСПЧ рассматривает состязательную процедуру и равенство сторон. При этом отмечается, что установление требований к реальной состязательности при рассмотрении той или иной категории дел, а также соотношения активности суда и сторон в сфере доказывания относится к сфере усмотрения национального законодателя.

Равенство исходных возможностей, понимаемое как одно из основных принципов справедливости, согласно решениям ЕСПЧ, выражается в том, что каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свое дело в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества (дело *Hentrich v. France*). В Республике Беларусь принцип состязательности и равенства сторон в процесс закреплен в статье 115 Конституции Республики Беларусь, статье 19 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), статье 18 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Так, в силу ст. 18 ХПК суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять ее права. В силу ст. 19 ГПК указывается, что в споре между собой стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им материальными и процессуальными правами и исполнять процессуальные обязанности.

В национальных процессуальных системах часто устанавливаются процедуры несостязательного характера (различные упрощенные производства, процедуры вынесения заочных решений, аналоги российского приказного производства и т.д.), которые сами по себе не являются несовместимыми с ЕКПЧ. Необходимо отметить, что ЕСПЧ оценивает совместимость указанных процедур с критерием справедливости, закрепленным в ЕКПЧ. Справедливость же определяется через соблюдение принципа процессуального равенства сторон, в том числе в сфере представления доказательств, и права представить свои объяснения в ответ на доводы другой стороны. В частности, при рассмотрении дела «Khuzhin v. Russia» ЕСПЧ указал, что принцип состязательности является одним из аспектов концепции справедливого судебного разбирательства в ее преломлении применительно к фактическим обстоятельствам дела. В отношении как уголовных, так и гражданских дел данный принцип предусматривает, что каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность знать и комментировать возражения либо доказательства, предоставляемые другой стороной, а также представить свое дело на условиях, которые не ставят одну сторону в существенно более невыгодное положение в сравнении с ее оппонентом.

В отечественном гражданском и хозяйственном процессах принцип состязательности и равенства сторон, на наш взгляд, наиболее ущемляется отсутствием четко установленных процессуальных рамок представления сторонами своих доводов и аргументов по делу и доказательств.

Так, например, в силу ч. 2 ст. 166 ХПК отзыв на исковое заявление направляется с таким расчетом, чтобы он поступил в суд ко дню проведения примирительной процедуры, если она проводится, или до дня рассмотрения дела. Согласно ч. 1, 2 ст. 252 ГПК после получения копии искового заявления ответчик вправе представить суду письменные возражения против иска. По сложным делам, а также по делам, связанным со значительным объемом расчетов, судья может обязать ответчика представить до начала судебного разбирательства письменные возражения против иска. Согласно ч. 3 ст. 19 ХПК экономический

суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, в частности, создает лицам, участвующим в деле, условия для представления доказательств, активного участия в их исследовании и сопоставлении.

В то же время в правоприменительной практике ответчики зачастую представляют свои доводы и доказательства непосредственно в судебное разбирательство, у суда нет процессуальных оснований не принять их к рассмотрению. В подобных случаях дела либо откладываются, либо истец вынужден оценивать аргументы, доказательства ответчика сразу же после ознакомления с ними в судебном заседании без предоставления времени для надлежащей подготовки.

В отечественное процессуальное законодательство необходимо ввести норму, согласно которой суд мог бы иметь право установить срок, по истечении которого участвующие в деле лица ни при каких условиях не вправе представлять новые доводы и доказательства. Принимая во внимание положения п. 2 Рекомендации № 84 (5) Комитета министров государствам-членам относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы [2], возможно установление санкций за непредставление стороной доводов или доказательств в определенный судом срок. В зависимости от обстоятельств к санкциям могут относиться лишение права на совершение процессуальных действий, вынесение решения о возмещении ущерба и покрытии издержек, наложение штрафа и оставление заявления без рассмотрения.

РАЗДЕЛ XIII. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УКРАИНЕ

Балюк Г.И., Сушик О.В., Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Сегодня, в повестке дня украинского сообщества стоит вопрос о выживании Украины в ближайшие годы, которые, как прогнозируют ученые, будут годами различного рода социально-экономических, военно-политических, техногенных катастроф и экологических катаклизмов. Украина, как и иные государства, вступила в эру перманентного кризиса, связанного с ограниченным количеством природных ресурсов и борьбой за их перераспределение, ухудшением экологической обстановки, изменением климата и т.п. И несмотря на то, что экологические проблемы в Украине сегодня в большой степени вытесняются иными проблемами, они не теряют своей актуальности. Объяснить это можно тем, что современный человек стоит перед выбором: или полюбить природу как себя самого, или исчезнуть с планеты как вид. Другого альтернативного пути, по мнению представителей многих отраслей знаний, не существует. Именно на этой теоретической основе построены наиболее приемлемые теории развития человечества, которые не ведут к катастрофе. Например, на Западе разработана теория выживания, в которой первое место занимает вывод о необходимости формирования экологической этики глобального сознания человечества. Не является исключением в этом вопросе и наше государство.

Вышеизложенное актуализирует проблему экологического, в частности эколого-правового воспитания человека и становления его экологической (в том числе, эколого-правовой культуры) с первых дней жизни. Важная роль в решении указанной задачи, на наш взгляд, принадлежит эколого-правовому образованию и эколого-правовой науке. Кроме того, значимость решения указанной задачи повышается в связи с необходимостью внедрения в сознание чело-

века и общества в целом, необходимости реализации концепции устойчивого развития и не только соблюдения экологических прав, но и обязанностей.

При этом эколого-правовое образование – это не эколого-правовые знания сами по себе. Эколого-правовые знания – это, прежде всего, развитие личности и формирование гражданина, способного ответственно осуществлять деятельность в сфере природопользования, заинтересованного в осуществлении природоохранных мероприятий и обеспечении экологической безопасности окружающей человека среды. Становится ясно, что эколого-правовые знания необходимы для решения экологических проблем юридическими средствами, а это требует подготовки высокопрофессиональных юристов, владеющих не только глубокими юридическими знаниями, но и знаниями в сферах – экологической, экономической, социальной и устойчивого развития.

Считаем, что такое понимание эколого-правового образования дает возможность подчеркнуть, что это процесс многогранный. Объясняется это тем, что с помощью эколого-правового образования есть возможность обеспечить решение общей задачи – экологизации юридического образования в целом, формирования эколого-правового сознания и культуры, а также активной гражданской экологической позиции, которая способствует реализации концепции устойчивого развития.

Отметим, что эколого-правовое образование это очень непростая задача. Человеку трудно осознать, что часто именно его поведение как субъекта права природопользования (потребителя) порождает экологические проблемы. К сожалению, в современных условиях акцент делается на соблюдение экологических прав, а не на выполнении экологических обязанностей.

Показателем уровня общемировой обеспокоенности изложенными выше проблемами стало, на наш взгляд, принятие 20 декабря 2002 года Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции 57/254 о проведении в 2005-2014 годах Десятилетия образования в интересах устойчивого развития. В том же году в г. Вильнюсе на совещании представителей министерств охраны окружающей среды и министерств образования (17-18 марта 2005 года) была принята “Стратегия

Европейской Экономической комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития”. В Украине определенные шаги по реализации положений указанной выше Стратегии связаны с указом Президента Украины от 25 июня 2013 года, которым была одобрена Национальная стратегия развития образования в Украине на период до 2021 года.

В названном акте подчеркнуто, что ключевой задачей образования является развитие мышления ориентированного на будущее. В связи с этим стратегическим направлением государственной политики в области образования, в частности определены: реформирование системы образования, в основу которой должен быть заложен принцип приоритетности человека; экологизации образования как необходимые условия обеспечения устойчивого демократического развития общества, обновления целей и содержания образования на основе принципов устойчивого развития.

Несмотря на некоторые позитивные изменения в организации эколого-правового образования, не обходимо согласится с тем, что в Украине оно по-прежнему продолжает оставаться консервативным в плане его экологизации. Изменить нынешнюю ситуацию, на наш взгляд, могло бы принятие Закона Украины “Об экологическом образовании”, свободного от соображений революционной целесообразности.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ НОРМ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ГАРАНТИЯ СОХРАНЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Кузьмич И.П., Белорусский государственный университет

Право граждан на благоприятную окружающую среду не может быть должным образом гарантировано при отсутствии эффективного правового механизма, обеспечивающего экологическую безопасность осуществления сельскохозяйственной деятельности, а также предоставляющего возможность для производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции. Сущест-

зование риска возрастания негативного воздействия на окружающую среду сельского хозяйства обусловлено объективной потребностью в наращивании объемов сельскохозяйственного производства, что напрямую затрагивает право граждан на благоприятную окружающую среду, причем не только проживающих в сельской местности, но и всех остальных в связи с необходимостью соблюдения требований в отношении производства безопасных и качественных продуктов питания.

В настоящее время правовое регулирование отношений по охране окружающей среды в сельском хозяйстве осуществляется преимущественно нормами экологического права. На уровне законодательных актов в большинстве своем эти нормы носят общий характер, не устанавливая (за редким исключением) каких-либо особенностей для сферы сельскохозяйственного производства. Именно поэтому экологизация норм аграрного законодательства может оказаться способом более эффективным с точки зрения обеспечения соблюдения законодательства об охране окружающей среды в сельском хозяйстве.

В свою очередь, современное аграрное законодательство Республики Беларусь представлено огромным количеством нормативных правовых актов различной юридической силы. Особенность аграрно-правовых норм заключается в том, что они не кодифицированы, а их систематизация осуществлена лишь по отдельным, наиболее значимым направлениям. Основу аграрного законодательства составляют законы, которые нацелены на определение как особенностей в правовом статусе отдельных субъектов, так и на непосредственную регламентацию деятельности по производству сельскохозяйственной продукции (в области растениеводства и животноводства). При этом в последних отсутствуют какие-либо конкретные экологические требования для производителей сельскохозяйственной продукции.

В то же время, в многочисленных программных документах, характеризующих аграрную политику государства, в последнее время все большее распространение получает терминология, указывающая на осознание значимости экологической составляющей в процессе достижения эффективности функцио-

нирования аграрной экономики. «Экологически безопасное сельское хозяйство», «экологически чистая сельскохозяйственная продукция», «экологически устойчивое развитие сельских территорий» – это те понятия, которые все чаще употребляются в различных вариантах в процессе регулирования аграрных отношений и которые не имеют установленных в законодательстве качественных характеристик и критериев. Экологизация производства называется одним из главных приоритетов аграрной политики и в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Беларуси на период до 2030 года (одобрена на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2015 г.). Следовательно, абсолютно очевидно, что долгосрочная и эффективная аграрная политика уже невозможна без одновременного стремления к сохранению и воспроизводству природных ресурсов, учитывая тесную взаимосвязь сельского хозяйства и окружающей среды. Поэтому не случайно указанная цель обозначена в качестве одной из основных и в Указе Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347 "О государственной аграрной политике", принятие которого, по сути, ознаменовало новый этап в развитии аграрного законодательства.

Проявление тенденции к экологизации аграрной экономики уже нашло свое отражение в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2014 г. № 954 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 г. № 347» [5]. Так, в соответствии с Положением о порядке субсидирования деятельности, включая предоставление прямых выплат, производимых на единицу реализованной (произведенной) и (или) направленной в обработку (переработку) сельскохозяйственной продукции либо на единицу площади земельного участка, голову скота" юридическое лицо лишается половины государственной поддержки при выявлении факта несоблюдения требований о защите окружающей среды

Еще одним эффективным способом экологизации аграрной политики государства, помимо закрепления специальных норм в законодательстве, может стать разработка и реализация конкретных мероприятий по охране окружаю-

щей среды в рамках реализации специальных государственных программ в области сельского хозяйства.

Актуальность разработки государственных программ, нацеленных в первую очередь на охрану окружающей среды в сельском хозяйстве, возрастает в связи с подписанием Договора о Евразийском экономическом союзе (от 29 мая 2014 г.), который в качестве Приложения № 29 включает «Протокол о мерах государственной поддержки сельского хозяйства». В соответствии с указанным Протоколом к мерам государственной поддержки производителей сельскохозяйственных товаров, не оказывающих искажающего воздействия на торговлю, а следовательно, к тем, которые могут применяться без ограничений, относятся платежи по программам охраны окружающей среды: право на выплаты обусловливается участием в государственной программе охраны или сохранения окружающей среды и зависит от выполнения конкретных условий, предусмотренных данной государственной программой, включая условия, относящиеся к методам производства или необходимым материалам.

Таким образом, в связи с очевидным возрастанием антропогенной нагрузки со стороны сельского хозяйства на окружающую среду, экологическая составляющая в аграрной политике государства должна не только присутствовать, но и реально воплотиться на практике. При этом экологизация норм аграрного законодательства и разработка специальных программ может оказаться способом, наиболее эффективным с точки зрения обеспечения соблюдения законодательства об охране окружающей среды в сельском хозяйстве.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ЖИВОТНЫХ

Саскевич В.В., Белорусский государственный университет

В международном праве кодифицированы, главным образом, нормы о животных, направленные на обеспечение качества продукции животноводства в ветеринарно-санитарном отношении.

Так, Продовольственный кодекс, представляющий собой свод международных пищевых стандартов, технических норм и правил, методических указаний, принятых Международной комиссией Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) и Всемирной организации здравоохранения [1], охватывает вопросы, связанные с производством продукции животноводства, в том числе касающиеся содержания, кормления, разведения и использования животных, оказания им ветеринарной помощи [2]. Нормы документа не затрагивают такие аспекты, как обеспечение благополучия животных, их здоровья вне связи с безопасностью пищевых продуктов. Стандарты Кодекса рекомендованы для добровольного применения, а также довольно часто они служат основой для формирования национального законодательства [3].

Важную роль среди кодифицированных актов международного права о животных играют документы Всемирной организации по охране здоровья животных (МЭБ), членом которой является и Республика Беларусь. Кодекс здоровья наземных животных МЭБ [4] устанавливает стандарты для улучшения здоровья и благополучия животных и ветеринарно-санитарного благополучия в мире, в том числе стандарты для безопасной международной торговли наземными животными и продукцией животного происхождения [4]. По сравнению с Продовольственным кодексом предмет правового регулирования Кодекса здоровья наземных животных МЭБ гораздо шире. Во-первых, он включает отношения по поводу любых млекопитающих, птиц и пчел. Во-вторых, документ содержит обширный раздел 7 о благополучии животных, которое означает характер изменения состояния животного в окружающих условиях. Благополучие животного признается удовлетворительным, если оно соответствует комплексу

критериев, обеспечивается посредством профилактики и лечения болезней, наличия надлежащего помещения для содержания, ухода, надлежащего кормления, обращение с животными без жестокости, убоя или умерщвления в гуманных условиях [4]. Кодекс здоровья водных животных МЭБ устанавливает международные стандарты, направленные на обеспечение здоровья водных животных и благополучия выращиваемой рыбы, а также обеспечение санитарной безопасности при ведении международной торговли водными животными и продуктами из них [5].

Как и Продовольственный кодекс, для Республики Беларусь рассмотренные кодексы МЭБ носят рекомендательный характер, являются справочными документами для ветеринарных органов, импорт/экспортных служб, эпидемиологов и иных лиц, занимающихся международной торговлей. В то же время Соглашением по применению санитарных и фитосанитарных мер (Соглашением СФС) Всемирной торговой организации (ВТО) официально признана роль МЭБ в установлении международных стандартов и рекомендаций в области здравоохранения животных и зоонозов, а Кодекс здоровья наземных животных МЭБ и Кодекс здоровья водных животных МЭБ считаются составляющими регламентарного корпуса ВТО в области международной торговли [4, 5]. Правила и принципы обоих кодексов, а также Соглашения СФС принимались во внимание при заключении Соглашения Таможенного союза по ветеринарно-санитарным мерам (прекратило действие в связи со вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе, далее – ЕАЭС) [6]. Подобное упоминание в Договоре о ЕАЭС отсутствует, в ст. 56 лишь закреплено что ветеринарно-санитарные меры, применяемые в рамках ЕАЭС, основываются на международных и региональных стандартах, руководствах и (или) рекомендациях [7]. Нормы Договора о ЕАЭС, касающиеся ветеринарно-санитарных мер, не регулируют отношения по поводу обеспечения благополучия животных [7].

В рамках СНГ кодификация норм о животных осуществлена в части, касающейся деятельности в области рыболовства, аквакультуры и сохранения

водных биологических ресурсов, в виде модельного Рыбохозяйственного кодекса для государств - участников СНГ [8].

Литература

1. Что такое Кодекс Алиментариус / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2006. – 40 с.
2. Codex Alimentarius [Электронный ресурс] / Codex Alimentarius, 2015. Режим доступа: http://www.codexalimentarius.org/standards/list-standards/ru/?no_cache=1. Дата доступа: 20.06.2015.
3. Codex Alimentarius [Электронный ресурс] / Codex Alimentarius, 2015. Режим доступа: <http://www.codexalimentarius.org/about-codex/ru>. – Дата доступа: 20.06.2015.
4. Terrestrial Animal Health Code // The World Organisation for Animal Health [Электронный ресурс] / OIE, 2015/ Режим доступа: <http://www.oie.int/en/international-standard-setting/terrestrial-code>. – Дата доступа: 20.06.2015.
5. Aquatic Animal Health Code // The World Organisation for Animal Health [Электронный ресурс] / OIE, 2015/ Режим доступа: <http://www.oie.int/en/international-standard-setting/aquatic-code>. – Дата доступа: 20.06.2015.
6. Соглашение таможенного союза по ветеринарно-санитарным мерам: заключено в г. Санкт-Петербурге 11 дек. 2009 г.: ратифицировано Законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 149-З [утратило силу] // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 2010. – № 170, 2/1704.
7. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003-2015. – 24.10.2014, 3/3050.

8. О модельном Рыболовном кодексе для государств - участников СНГ: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 16 мая 2011 г., № 36-6 // Информацион. бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ, 2011. – № 51.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хотько О.А., Белорусский государственный университет

Регулирование земельных отношений основывается на необходимости обеспечения конституционных прав и свобод человека, в частности прав в использовании земель и земельных участков. Государство вмешивается в экономику, в том числе посредством определения правил, регулирующих частную собственность. Делая это в интересах общества, оно часто вынуждено оказывать в той или иной форме отрицательное воздействие на интересы частных землевладельцев[1]. В условиях увеличения потребностей различных участников (как органов государственного управления, так и землевладельцев, землепользователей, собственников земельных участков, других заинтересованных лиц) важно обеспечение соблюдения баланса их интересов на законодательном уровне.

Основным участником земельных отношений следует назвать государство, которое не указано среди названных субъектов, но именно Республика Беларусь определяет земельную политику всей страны, обеспечивает управление земельным фондом через государственные органы и формирует земельное законодательство. При этом в ст. 4 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) закреплен ряд иных субъектов, к которым отнесены Президент Республики Беларусь, государственные органы, осуществляющие государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель, граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, индиви-

дуальные предприниматели, юридические лица Республики Беларусь, иностранные юридические лица и их представительства, иностранные государства, дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств, международные организации и их представительства [2]. Таким образом, носителями правовых интересов в отношениях по использованию земли и земельных участков могут выступать различные субъекты.

Справедливой представляется точка зрения В.П. Камышанского о том, что «вопрос обеспечения гармонии интересов личности и государства — это и вопрос взаимного ограничения их прав» [3]. Преследуя незыблемость прав субъектов — участников любых правовых отношений, Конституция Республики Беларусь определяет пределы вмешательства государства в регламентацию отношений, связанных с ограничением прав и свобод личности: ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (часть 1 статьи 23) [4]. Обратившись к ст. 1 КоЗ, мы видим четкое понятие государственных нужд, к которым относятся потребности, связанные с обеспечением национальной безопасности, охраны окружающей среды и историко-культурного наследия, размещения и обслуживания объектов инфраструктуры и другие нужды. Кроме того, в отношении использования земель выделяются общественные или публичные интересы, которые затрагивают вопросы определенных групп населения или местности. В целом ситуация обстоит таким образом, что соблюдение интересов государства, общества, отдельных землепользователей предусмотрено, но конфликт интересов постоянно возникает, и решение этой проблемы происходит затруднительно. Основным недостатком законодательства об использовании и охране земель следует назвать отсутствие правовых норм, отражающих гарантии обеспечения интересов субъектов. В частности, в КоЗ нет правовых норм, направленных на защиту прав землепользователей при установлении ограничений прав на земельные участки. На наш взгляд, логичным было бы в КоЗ закрепить основания установления ограничений прав на земель-

ные участки, возможность возмещения правомерных убытков, включая реальный ущерб (понесенные затраты) и упущенную выгоду пользователем земельного участка, и способы их возмещения при установлении ограничений прав на земельные участки, возможность замены земельного участка в случае невозможности осуществления на нем хозяйственной деятельности и некоторые другие меры. Кроме того, статью в ст. 73 КоЗ «Гарантии, предоставляемые землепользователям при изъятии у них земельных участков для государственных нужд» следует дополнить нормой о гарантиях при установлении ограничений прав на земельные участки.

Соответственно, для обеспечения соблюдения прав всех субъектов важным является разработка эффективного механизма их защиты в процессе осуществления землепользования. Первостепенным ключом решения этого вопроса видится закрепление баланса их интересов в качестве принципа земельных отношений как основного руководящего начала, на основе которого должны базироваться нормы законодательства об использовании и охране земель. Только в этом случае все преобразования, обеспечивающее соотношение прав граждан, общества и государства, будут успешными.

Литература

1. Касимов, Т. С. Соблюдение баланса интересов и частных землевладельцев в праве США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Т. С. Касимов. – Уфа, 1999. – 26 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о земле : Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-3 Респ. Беларусь от 07.01.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
3. Камышанский В. П. Пределы и ограничения права собственности: Монография. — Волгоград: Волгогр. акад. МВД России. — 224 с.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм.и доп. от 24 ноября 1996 г. и 17 ноября 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

СПОРЫ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ НЕДР: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Шингель Н.А., Белорусский государственный университет

Кодекс Республики Беларусь о недрах от 14 июля 2008 г. (далее – КоН) не дает понятия споров в сфере использования и охраны недр, но определяет круг общественных отношений, в связи с которыми могут возникать такие споры. Из анализа ст. 87 КоН, которая определяет этот вид споров в сфере природопользования как *споры, возникающие в связи с использованием недрами и их охраной*, можно сделать вывод, что эта категория споров фактически охватывают все виды отношений, составляющих предмет правового регулирования данной отрасли природоресурсного права. При этом следует учитывать отсутствие в законодательстве о недрах четкого разграничения правовых мер по охране недр в процессе использования и охраны недр, не связанной с недропользованием, а также наличие у всех без исключения недропользователей обязанностей по охране недр (ст. 16 КоН). В развитие закрепленного ст. 7 КоН принципа рационального использования недр и их охраны, ст. 64 КоН предусматривает общие требования по рациональному использованию и охране недр, которые так или иначе связаны с различными видами недропользования.

В связи с этим невозможно дать конкретные критерии (по предметному признаку), позволяющие из всей совокупности споров в сфере использования и охраны недр выделить именно те, которые будут возникать при использовании недр, поскольку в процессе недропользования обязательно должны выполняться обязанности по охране недр. Охрана недр мерами консервативной охраны (например, путем создания особо охраняемых природных территорий) регулируется другими отраслями законодательства. Вытекающие из этих отношений споры, следовательно, будут относиться к спорам в области охраны окружающей среды, а не к спорам в области использования и охраны недр.

Исходя из общих подходов к пониманию споров о природопользовании, характерным признаком споров в сфере использования и охраны недр мы считаем их непосредственную связь с субъективными правами по использованию недр, а также с обязанностями по рациональному использованию и охране недр. Формально-юридическим критерием будет являться то, что для разрешения указанных споров необходимо применение материальных норм законодательства о недрах. Поэтому особенности данной категории споров вытекают из содержания правоотношений, связанных с использованием и охраной недр, которые являются самостоятельным видом природоресурсных отношений.

Можно отметить два важных обстоятельства, определяющих механизм правового регулирования отношений в сфере недропользования и, как следствие, механизм возникновения и разрешения соответствующих споров.

Во-первых, признание недр объектом исключительной государственной собственности (ст. 5 КоН), публично-правовой порядок распределения участков недр только через уполномоченные государственные органы ограничивает содержание и объем субъективных прав недропользователей, по поводу которых могут возникать споры, и способы их защиты. Административная природа права пользования недрами (исчерпывающий перечень видов этого права закреплен в КоН (Глава 5 КоН) и гражданским законодательством не охватывается) приводит к тому, что недропользователи реализуют принадлежащие им права в рамках императивных норм, определяющих пределы данного вида природопользования. Недропользователи наделены правами и обязанностями по использованию и охране недр, но не имеют прав по распоряжению недрами (их ресурсами), в отличие от споров, связанных с правом собственности на добытые полезные ископаемые (это право, согласно ст. 6 КоН, принадлежит недропользователю, осуществившему их добычу на законном основании, если иное не установлено законодательными актами, концессионным или инвестиционным договором).

Во-вторых, все виды пользования недрами имеют разрешительный характер, включая пользование участками недр в пределах предоставленного земле-

пользователю земельного участка (ст. 17 КоН). Разрешительный механизм недропользования предусматривает целый ряд разрешительных процедур, которые осуществляются административными органами в установленном порядке. В случае возникновения спора между недропользователем и государственным органом спор будет регулироваться законодательством о недрах и законодательством об административных процедурах.

Классификацию споров в сфере использования и охраны недр целесообразно проводить по различным основаниям, отражающим структуру и механизм возникновения и прекращения права недропользования. В зависимости от предмета спора можно говорить о выделении следующих видов споров, связанных с:

осуществлением различных видов права недропользования, предусмотренных ст. 28 КоН (пользование недрами включает геологическое изучение недр; добычу полезных ископаемых; использование подземных пространств в целях, предусмотренных законодательством; использование геотермальных ресурсов недр);

распределением и перераспределением недр, которые можно разграничить с учетом оснований (способов) возникновения и прекращения права пользования недрами (возникающие при предоставлении участков недр в пользование в административном порядке или по результатам торгов, в том числе при заключении инвестиционных и концессионных договоров; связанные с продлением срока пользования недрами в предусмотренных законодательством случаях; связанные с переходом права пользования недрами при реорганизации юридического лица; связанные с приостановлением и прекращением права недропользования, включая изъятие участков недр для государственных нужд и некоторые другие).

Предложенная автором классификация споров в сфере использования и охраны недр является теоретико-правовой конструкцией, которая заслуживает дальнейшего обсуждения.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лаевская Е.В., Белорусский государственный университет

«Зеленой» называют экономику, которая приводит к повышению благосостояния людей и укреплению социальной справедливости при одновременном существенном снижении рисков для окружающей среды и дефицита экологических ресурсов. Основополагающее значение для продвижения «зеленой» экономики в Республике Беларусь имеет интегрирование экономической и экологической политики, при котором на первый план выдвигаются возможности для новых источников экономического роста при одновременном недопущении давления на природу, приводящему к неустойчивым последствиям для окружающей среды. В качестве важнейшего инструмента «зеленой» экономики признается формирование политики «зеленых» государственных закупок (далее – ЗГЗ), которая поощряет производство экологичной продукции и использование соответствующих принципам устойчивого развития методов производства.

Анализ законодательства Беларуси в части регулирования государственных закупок, позволяет констатировать отсутствие норм, принимающих во внимание экологические характеристики товаров, работ, услуг при сравнении предложений, поступающих в ходе проведения торгов государственных закупок.

С целью продвижения ЗГЗ необходимо соответствующее нормативное правовое обеспечение, в частности: определение правового понятия ЗГЗ, экологических квалификационных требований к соответствующим товарам, работам, услугам; закрепление порядка определения и применения экологических квалификационных требований к товарам, работам, услугам; распределение ответственности между государственными органами относительно координации процедур ЗГЗ, коммуникации и мониторинга осуществления ЗГЗ; определение ответственности поставщика (подрядчика, исполнителя) за информацию о товаре, работе, услуге относительно продекларированных экологических харак-

теристик, не соответствующих действительности. Указанные новации должны быть отражены в действующих законодательных актах Беларуси, регулирующих государственные закупки. Кроме того, в процессе продвижения ЗГЗ требуется внесение изменений в пункт 4 ст. 417 ГК Республики Беларусь, определяющий критерии выигравшего торги, акцентируя выигрышные преимущества товаров, работ, услуг с лучшими экологическими характеристиками в ЗГЗ. Есть необходимость в соответствующем изменении правового подхода к определению преимущества товара, работы, услуги (преференциальной поправки) в государственных закупках, очевидно, что преимущество должно быть обеспечено «зеленым» товарам, работам, услугам.

В части продвижения в Беларуси ЗГЗ потребуется также принятие иных актов законодательства (правил, стандартов), утверждающих специальные процедуры, а также экологические квалификационные требования в отношении отдельных категорий продукции, вид работ, услуг. Так, при формулировании требований к техническим и качественным характеристикам при поставке товаров следует принимать во внимание: необходимый уровень качества товара, его экологические и функциональные характеристики, особенности испытаний и их методы, процессы и методы производства. При выполнении работ, оказании услуг - требования о защите окружающей среды, требования к конструкции, функциональные требования, требования безопасности, требования к системе управления, правила и требования к испытаниям и их методам.

Зарубежная практика европейских стран, США, Японии свидетельствует о том, что наиболее рациональным способом установления соответствия экологическим требованиям является экологическая сертификация и маркировка. Эти методы подтверждают, что при производстве продукта негативное влияние на окружающую среду было сведено к минимуму, помогают унифицировать качественные и количественные экологические преимущества товара, работы, услуги. Соответственно, нормативное правовое закрепление и продвижение ЗГЗ в Беларуси требует одновременного развития экологической сертификации и эко-маркировки.

Оценивая зарубежный опыт развития ЗГЗ, следует отметить, что в хронологическом аспекте этот процесс характеризовался постепенным вовлечением широкого круга субъектов (изначально государства инициировали ЗГЗ, а затем в эту сферу вовлекался и частный бизнес), расширением охвата различных категорий товаров, работ, услуг (от единичных и приоритетных, к более широкому кругу объектов). Например, в Великобритании ЗГЗ охватывают 10 категорий государственных расходов с определением значимости (большой, средней, низкой) потраченных средств: строительство, здравоохранение и социальное обеспечение, продукты питания, униформа, (одежда и прочие текстильные изделия), услуги по удалению отходов, целлюлоза (бумага и полиграфия), электроэнергия, потребительская товарно–офисная техника и компьютеры, мебель, транспорт. Представляется, что этот опыт полезен для организации ЗГЗ в Республике Беларусь.

Принимая во внимание процедурные аспекты (торги) организации государственных закупок в Беларуси и необходимость учета в них специфики ЗГЗ, мы полагаем, что в краткосрочной перспективе эффективное правовое регулирование возможно посредством внесения изменений и дополнений в действующие законодательные акты, а также формулирование нормы о требованиях в области охраны окружающей среды при проведении ЗГЗ в главе 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». В долгосрочной перспективе с учетом перспектив расширения категорий товаров, работ, услуг, как объектов ЗГЗ, количества субъектов-участников отношений, экологических квалификационных требований к товарам, работам, услугам может потребоваться разработка специального законодательного акта, например, Закона «О «зеленых» государственных закупках».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Николюк Д.А., Киевский университет права

Проблематика охраны окружающей природной среды длительное время исследуется в отраслевых юридических науках. Недостаточность внимания к этой проблематике на общетеоретическом уровне акцентирует необходимость анализа процесса становления и развития экологической функции государства, определения ее особенностей в Украине, обоснования общих закономерностей и перспектив развития этого направления государственной деятельности.

По нашему мнению, значительный теоретический и практический интерес представляют вопросы доктринального понимания экологической функции государства, а также определения ее компонентов.

В современной украинской науке обосновано несколько подходов к определению экологической функции государства. Наиболее распространенным есть ее определение как отрасли права, регулирующей взаимоотношение природы и общества. Существуют и другие точки зрения. Так, целесообразным называть эту отрасль как право окружающей среды [1, с. 3-4; 2, с. 139-147].

Противоположную позицию обосновывают такие авторитетные ученые как Ю.С. Шемчушенко [3, с. 16], В.И. Андрейцев [4, с. 23], А.П. Гетьман [5, с. 23], по мнению которых право окружающей среды есть составляющей экологического права как комплексной отрасли права с подотраслевой структурой [6, с. 28]. Этот подход основан на следующих идеях:

- ученые предметом этой отрасли определяют экологические отношения, а не отношения в сфере окружающей среды [6, с. 28];
- обусловленность необходимостью консолидируемого изучения проблем природопользования и охраны природы, обусловленно взаимосвязанных;
- отсутствие такой функции государства как «функция охраны окружающей среды» и наличие такого направления деятельности государства как экологическая функция. Именно поэтому в науке рас-

пространён подход, обосновывающий наличие двух составляющих экологического права: природоохранной и природоресурсной. Теоретики акцентируют внимание на общесоциальной направленности экологической функции, определяя ее как деятельность, нацеленную на рациональное использование природных ресурсов, охрану окружающей природной среды, внедрение безотходных технологий [7, с. 26].

Важное значение для понимания экологической функции государства на общетеоретическом уровне имеет определение ее содержания с точки зрения составляющих компонентов. Первым из них есть охрана окружающей природной сферы как система национальных и международных средств, нацеленных на обеспечение гармоничного соотношения деятельности человека и состояния окружающей природной среды. Отсюда охрана природы осуществляется прежде всего ради самого человека, его жизни и здоровья.

Другим важным компонентом экологической функции государства есть обеспечение рационального использования природных ресурсов. Речь идет деятельности государства по обеспечению потребностей общества в природных ресурсах с учетом их качественных и количественных характеристик, экологической обоснованности использования природных богатств. Правовыми критериями рационального использования природных ресурсов есть обеспечение их неисчерпаемости, экологической обоснованности, эксплуатации природных богатств при одновременном обеспечении развития экономики.

В современных условиях государство не способно полноценно развиваться без учета различных аспектов экологической деятельности, составляющих содержание экологической функции. Имеется ввиду обеспечение экологических прав граждан, которые определяются как гарантия экологической безопасности. В научной литературе под экологической безопасностью понимают защищенность социально-значимых интересов и природной среды от экологически-вредного влияния [8, с. 114].

По нашему мнению, экологическая функция государства может быть определена на теоретическом уровне как направление деятельности государст-

ва касательно охраны окружающей природной среды, обеспечения рационального использования природных ресурсов, гарантирование экологической безопасности, в том числе обеспечение экологических прав человека, отражающихся в правотворческой, первоопределяющей, правоохранной и контрольно-надзорной формах реализации.

Литература

1. Природоресурсное право Украины / под. ред. И.И. Каракаша. – К.: Истина, 2005. – 376 с.
2. Рахмин В.К. Благодскланов М.К. Охрана природы и Экологи. Термины и сущность / Рахмин В.К. Благодскланов М.К. // Философские науки. – 2000. №1. – С. 139-147.
3. Екологічне право України. Академічний курс: підручник / за заг. Ред.. Ю.С. Шемшученка. – К.: Юридична думка, 2005. – 720 с.
4. Андрейцев В.І. Екологічне право: курс лекцій / В.І. Андрейцев. – К., Вентурі, 1996. – 208 с.
5. Екологічне право України / за ред.. А.П. Гетьмана та М.В.ю Шульги. – Х.: Право, 2009. – 328 с.
6. Колбасов А.С. Терминологические блуджание в екологии / А.С. Колбасов // Государствто и право. – 1999. - № 10. – С. 27-37.
7. Сырых В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М.: Былина, 1998. – 512 с.
8. Копылов М.Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / Копылов М.Н. // Правоведение. – 2000. - № 1. – С. 113-120.

ГАРАНТИИ ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Подзерко Е.А., Белорусский государственный университет

Одним из способов обеспечения права землепользования юридических лиц является законодательное закрепление гарантий указанного права. В литературе чаще всего говорится о гарантиях обеспечения законности или только о юридических (правовых) гарантиях. Под гарантиями обеспечения законности принято понимать объективные и субъективные условия (факторы), организационные меры, а также специальные (юридические) способы и средства, в совокупности обеспечивающие режим законности [1, с.440]. Правовые гарантии – система нормативных предписаний и правовых способов, предусмотренных законодательством, которые предоставляют юридическую возможность иметь субъективное право, реализовать его в процессе практической деятельности, а при нарушении – обеспечить надлежащую защиту[2, с.179].

Гарантии права землепользования юридических лиц можно рассматривать в широком и узком понимании. В широком понимании они охватывают всю сферу действия предоставленных прав и возложенных обязанностей относительно использования земли как природного объекта, обладания конкретным земельным участком. В узком понимании гарантии права землепользования юридических лиц охватывают лишь сферу защиты субъективных прав на землю (защита права собственности и иных прав на землю; возмещение убытков, причиненных землепользователям; разрешение споров по осуществлению указанных прав; применения мер ответственности за их нарушение и т.п.). Наиболее актуальным на современном этапе является исследование права землепользования именно как субъективного права, поскольку важен сам процесс его реализации, а также обеспечение этого процесса со стороны государства.

Гарантии права землепользования юридических лиц подразделяются на конституционные и иные законодательные гарантии. К конституционным гарантиям необходимо отнести следующие положения Конституции Республики Беларусь [3]:

- 1) государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяй-

ственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности (статья 13);

2) государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению (статья 44);

3) каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. Государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды (статья 46);

4) каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки (статья 60).

Среди земельно-правовых гарантий реализации и защиты прав юридических лиц на земельные участки можно выделить следующие нормы:

1) нормы, устанавливающие основания и порядок предоставления земельных участков. Так, в качестве общих законодательных гарантий следует рассматривать закрепление в Кодексе Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) [4], а также в Указе Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (далее – Указ №667) [5] правовых форм использования земельных участков, условий и порядка предоставления земельных участков;

2) нормы, устанавливающие обязанность органов местной исполнительной власти по информированию о наличии свободных (незанятых) земельных участков, которые могут быть предоставлены для коллективного садоводства, дачного строительства (п. 4 Указа №667);

3) нормы, устанавливающие возможность обжалования решений компетентных государственных органов, связанных с изъятием либо предоставлением земельных участков (ч.3 ст. 71 КоЗ). Так, законодательство об охране и использовании земель предусматривает возможность защиты земельных прав землепользователей в административном или судебном порядке [4];

4) нормы, гарантирующие права землепользователей при изъятии земельных участков, в том числе для государственных нужд (статья 75 КоЗ; Положение о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденное Указом №667) [4; 5].

Таким образом, законодательством Республики Беларусь предусмотрены достаточно широкие гарантии права землепользования юридических лиц. Основными из них являются гарантии в сфере защиты права землепользования; гарантии в сфере возмещения убытков землепользователям; гарантии при разрешении земельных споров.

Литература

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А.Ф.Вишневский, Н.А.Горбатов, В.А.Кучинский; под ред. В.А.Кучинского. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – 552 с.
2. Шульга, М.В. Актуальные правовые проблемы земельных отношений в современных условиях / М.В. Шульга. – Х.:Консум, 1998. – 220 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 24 ноября 1996 и 17 октября 2004). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
4. Кодекс Республики Беларусь о земле: утверждён Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 №425-З (с изменениями и дополнениями, по состоянию на 20.01.2015) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
5. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 № 667 (с изменениями и дополнениями, по состоянию на 01.01.2015) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

К ЮБИЛЕЯМ В 2015 ГОДУ

Кривой В. И., Общественное объединение «Сообщество трудового права»

К юбилеям в 2015 году:

юридического факультета БГУ (90 лет);

профессора **Н.Н. Кравченко** (135 лет);

профессора **Б.В. Чредина** (130 лет);

первого белорусского кандидата юридических наук

по трудовому праву **Э.В. Зайчика** (110 лет)

РОДОНАЧАЛЬНИКИ

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ:

7 имен в кратких биографиях

(А.В. Горбунов, Н.Н. Кравченко, Б.В. Чредин, В.Н. Ширяев, Э.В. Зайчик, Г.А. Поветьева и

Ю.П. Смирнов)

Содержание

Часть I. О пути к первопроходцам и их наследии

Обращение к истокам и предшественникам

Славянское наследие, связь поколений, московский и ленинградский импульсы

Краеугольные камни и фундамент исследования

Часть II. Новые факты, устранение неточностей и искажений

О преподавании **А.В. Горбунова** в Варшавском университете и жизненных пересечениях с Е.Ф. Карским и В.И. Пичетой

О местах и датах рождения и смерти **Н.Н. Кравченко** и его отца

Самоубийство **Б.В. Чредина** и дело «Союз освобождения Белоруссии»

Участие **В.Н. Ширяева** в создании Белорусского кабинета по изучению преступника и преступности

Первично-белорусское кандидатство по трудовому праву и структура диссертации **Э.В. Зайчика**

Персональное дело пенсионера республиканского значения **Г.А. Поветьева**

Беседы с **Ю.П. Смирновым** о праве и труде в прошлом, настоящем и будущем

Часть III. Имена родоначальников в кратких биографиях

Профессор А.В. Горбунов (1867 – после 1926) – **первый** преподаватель административного и рабочего права

Профессор Н.Н. Кравченко (1880 – 1955) – **первый** преподаватель международного и трудового права

Профессор Б.В. Чредин (1885 – 1930) – **первый** преподаватель истории институтов частного права, гражданского, римского и промышленно-торгового права

Профессор В.Н. Ширяев (1872 – 1937) – **первый** преподаватель уголовного права и истории права

Э.В. Зайчик (1905 – после 1940) – **первый** кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву (**1940**)

Г.А. Поветьев (1909 – 1971) – **второй** кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву (**1948** и **1951**)

Ю.П. Смирнов (1929 – н/в) – **третий** кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву (**1960** и **1964**)

Часть I. О пути к первопроходцам и их наследии Обращение к истокам и предшественникам

История юридического факультета БГУ насчитывает менее 100 лет: юбилейные 90, если брать с 1925 (даты появления факультета права и хозяйства), как это сейчас официально принято, и 94 года при отправной точке в 1921, когда одновременно с первым белорусским университетом в его составе образовалась изначальная юридическая структура – правовое отделение факультета общественных наук. Однако в этой истории до сих пор имеется много требующих усердного исследования темных пятен, особенно в период по 1941, о котором осталось скудное количество документов и иных материалов. Получилось такое главным образом из-за перлюстраций в процессе сталинских репрессий и прямых утрат в Великой Отечественной войне. Сказанное относится и к родоначальникам юридического факультета – «героям» настоящей статьи.

Начало обращению к ним положено более трех лет назад. Тогда в полном разгаре шла работа над завершением давно задуманной монографии об истории суверенного трудового права, которое рождалось после обретения Беларусью

независимости 27 июля 1990. В том процессе нам довелось не только непосредственно участвовать, но и руководить, будучи сначала начальником юридического управления Госкомтруда (впоследствии – Министерство труда и социальной защиты), затем заведующим отделом Комиссии по труду и социальной политике Секретариата Верховного Совета, а после этого начальником правового управления Секретариата Национального собрания Республики Беларусь.

Выпустил несколько публикаций для апробации основных идей[1] и дело близилось к «финишу». Но тут появилась неудовлетворенность тем, что писание осуществлялось в отрыве от более давних «историй» трудового права в бытность Советского Союза и Российской империи,[2] Великого княжества Литовского и древнеславянских племен с их основой для нынешней Беларуси в лице кривичей.[3] Требовалось уточнить и место труда в религии.

В результате принял решение отложить публикацию «своей» истории и сначала выяснить детально, кто и что творил раньше в сфере трудового права. Схему для поиска избрал простую – прежде всего, установить первого представителя данной отрасли, удостоенного на белорусской земле степени кандидата юридических наук.

Поначалу им выглядел Гавриил Алексеевич Поветьев, разработавший тему «Правовое регулирование подготовки квалифицированных рабочих кадров для социалистической промышленности» и получивший кандидатский диплом в 1948.

Но через несколько исследовательских «шагов» выяснилось, что на самом деле первым белорусским ученым по трудовому праву стал Эля Вульфович Зайчик после защиты 15 июня 1940 кандидатской диссертации «Расторжение трудового договора по советскому законодательству».

До этого он в 1922 поступил в только что созданный Белорусский государственный университет на правовое отделение факультета общественных наук, который окончил в 1925. Через три года был принят внештатным аспирантом при кафедре гражданского права, входившей уже в новый факультет права и хозяйства.

Далее в качестве учителей Зайчика «всплыли» из архивных источников профессора, получившие это высокое звание еще в императорской России. Прежде всего, отметим Александра Владимировича Горбунова (первого преподавателя рабочего права) и Николая Николаевича Кравченко (первого преподавателя трудового права).

Вместе с ними работали такие же мэтры – Борис Васильевич Чредин и Валериан Николаевич Ширяев, которые хотя и преподавали главным образом историю институтов частного права и промышленно-торговое право (первый) и уголовное право (второй), но в своих исследованиях неоднократно касались различных аспектов регулирования трудовых и связанных с ними отношений, например, применительно к «народному трудовому государству», уголовной ответственности за стачки и забастовки, тюремному труду, дисциплинарной ответственности служащих.

Таким образом, осуществленная нами «выборка» семи родоначальников белорусской юриспруденции основывается на связи первопроходческой деятельности в Советской Белоруссии с наукой трудового права в различных ее вариациях.

Наряду с ними в становлении правоведения приняли пионерное участие еще два ярких представителя дореволюционной школы: профессор Михаил Осипович Гредингер (цивилист, ставший единственным белорусским юристом-академиком) и профессор Всеволод Николаевич Дурденевский, преподававший государственное право. Их биографиями мы предметно не занимались, оставляя поисковое «поле» исследователям от других специальностей.

Горбунов, Кравченко, Чредин и Ширяев, составлявшие юридический «костяк» сначала правового отделения факультета общественных наук, а с 1925 факультета права и хозяйства БГУ, хорошо знали друг друга по предыдущему сотрудничеству в российских высших заведениях. Начальным и связующим звеном между ними являлся Горбунов (утвержден профессором БГУ 27.10.1922), который, в частности, служил с Кравченко в стенах Томского уни-

верситета (1913 – 1917), а с Чрединым и Ширяевым работал в Ярославском университете (1918 – 1922).

Полагаем, что главным инициатором появления самого Горбунова в Белорусском государственном университете явился его первый ректор Владимир Иванович Пичета. Их жизненные, преподавательские и научные пути практически вплотную пересекались в Московском университете, как минимум, трижды:

во-первых, при обучении: Горбунов окончил названный университет в 1899 по юридическому факультету, а Пичета – на два года позже (1901) по историко-филологическому;

во-вторых, там же во время преподавания: Горбунов в качестве профессора с 1906, а Пичета – приват-доцента с 1910;

в-третьих, оба с группой профессоров и приват-доцентов ушли из Московского университета в 1911 (Пичета в феврале, а Горбунов в марте) в знак протеста против политики тогдашнего министра просвещения Л.А. Каско.

Кроме того, ученых роднит благосклонность к историческим наукам, правда, у Горбунова она была с уклоном к Западной Европе, а у Пичеты – к Восточной, в том числе к Великому княжеству литовскому.

Влиятельным инициатором перехода Горбунова в БГУ вполне мог стать и Евфимий Федорович Карский, российский академик, который уже в декабре 1917 на I Всебелорусском съезде вместе с Митрофаном Викторовичем Довнар-Запольским активно и концептуально доказывал необходимость создания первого белорусского университета, а в 1920 – 1921 являлся руководителем минской комиссии по его организации.

Предположение основано на том, что оба одновременно преподавали в Императорском Варшавском университете в конце XIX начале XX веков (до 1906): Карский сначала профессором с последующим ректорством, а Горбунов – приват-доцентом. Они, без сомнения, особо контактировали во время потрясений от первой русской революции (прежде всего в 1905 – 1906), непосредст-

венно отразившихся на деятельности самого западного университета Российской империи, вплоть до временного закрытия.

Славянское наследие, связь поколений, московский и ленинградский импульсы

А.В. Горбунов, Н.Н. Кравченко, Б.В. Чредин и В.Н. Ширяев оставили не только белорусско-наследие, но и российское, и украинское, и даже польское. Основой этому выводу является, в частности, то, что помимо БГУ:

Горбунов работал в Варшавском, Томском, Саратовском и Ярославском университетах;

Кравченко – в Новороссийском (Одесса), Томском, Казанском, Саратовском и Московском университетах, а также во Всесоюзном юридическом заочном институте и педагогических институтах Москвы, Иваново, Сталинграда, Ярославля и Пензы;

Чредин – в Варшавском, Московском и Ярославском университетах;

Ширяев – в Ярославском университете, защитив магистерскую диссертацию в Петербургском, а докторскую – в Дерптском (Тартусском) университете.

Так что в целом можно говорить об общеславянском наследии досточтимых мэтров права.

Они вышли из лоно Российской империи, причем первые два и четвертый начинали свою научную и педагогическую деятельность еще в конце XIX века.

После Октябрьской революции 1917 последовало их активное участие в переустройстве правовой системы в видимом социалистическом смысле:

Горбунов «поднимал» Саратовский университет, будучи первым деканом юридического факультета;

Кравченко – Казанский университет на должностях секретаря и декана юридического (впоследствии общественных наук) факультета;

а Ширяев и Чредин – Ярославский университет, первый, занимая пост ректора, а второй – секретаря правового отделения, декана экономического отделения и председателя деканата факультета общественных наук.

Однако пролетарская власть довольно быстро отказалась от руководящих «услуг» представителей бывшего буржуазного режима и все четверо к 1923 – 1925 оказались в составе первого белорусского университета в Минске, только уже на обычных профессорских должностях.

Они продолжали преподавать, вкладывая знания и опыт в студентов и аспирантов – будущих белорусских ученых и практических работников. После 1925/1926 учебного года из этой когорты выпал без следа Горбунов, а оставшиеся продержались до конца 1929. В следующем году Чредин покончил жизнь самоубийством (см. ниже), а Кравченко и Ширяев покинули БГУ, содрогающийся от репрессий в связи с обвинениями в национализме и предстоящей реформы юридического образования.

Тем не менее, эта четверка профессоров успела выпестовать для науки трудового права росток – общего ученика и аспиранта Э.В. Зайчика, защитившего в 1940 первую в белорусской истории кандидатскую диссертацию. С 1941 он пропал «без вести», то ли вследствие репрессий за не соответствующие политике партии и Советского государства фразы в диссертации, то ли в результате фашистского геноцида против евреев, к коим явно принадлежал не только по документам, но и по внешнему виду.

Разразившаяся Великая Отечественная война, в которой первый и самый мощный удар фашизма был нанесен по Белоруссии, прикрывшей стратегическое направление на Москву, сказала и на республиканском правоведении.

Преподавателей разметало кого куда, почти все здания юридического института подверглись разрушению, что осталось ценного (архив, библиотеку и оборудование) вывезли в Германию, и он (институт), не успев официально эвакуироваться (Минск захватили в ходе первичного «блицкрига» на пятый день войны), фактически прекратил деятельность.

Таким образом, связующая нить от Горбунова, Кравченко, Чредина, Ширяева и Зайчика оказалась прерванной. [5] И после освобождения Минска и основной территории страны от оккупации в 1944 пришлось все начинать сначала.

На этом пути главными организаторами восстановления правоведения и в целом белорусской науки выступили именно трудовики: второй (1948) и третий (1960) кандидаты юридических наук Г.А. Поветьев и Ю.П. Смирнов.

Гавриил Алексеевич, ученик известнейшего ленинградского ученого Василия Михайловича Догадова с дореволюционным стажем, сначала директорствовал с 1945 по 1954 в Минском юридическом институте, в стенах которого были отобраны и подготовлены будущие доктора наук, определившие нынешнее лицо белорусской юриспруденции: С.Р. Вихарев, С.Г. Дробязко, И.И. Мартинович, И.С. Тишкевич, В.Ф. Чигир, Н.Г. Юркевич, И.А. Юхо и другие.

Впоследствии Поветьев 8 лет (1954 – 1962) руководил уже в целом университетской наукой, занимая пост проректора БГУ. Кроме того, он с 1950 по день смерти в 1971 заведовал кафедрой гражданского права и преподавал там трудовое право.

Смирнов же Юрий Петрович поднялся еще выше: до должностей помощника Первого секретаря П.М. Машерова и заведующего отделом науки и учебных заведений Центрального Комитета Компартии Белоруссии. На последнем посту, он непосредственно курировал интеллектуальную деятельность в масштабах всей республики. Особо отметим также его двадцатилетнее подряд депутатство в Верховном Совете БССР и награждение двумя орденами Трудового Красного знамени и орденом Дружбы народов, чего не было в биографиях ни одного из юристов как советских, так и нынешних времен.

Московский и ленинградский импульсы. Понятно, что сотворение в 1921 первого белорусского университета буквально «на пустом месте» вынуждало обращаться за кадровой помощью, в первую очередь, к РСФСР. И она была оказана. Основная организаторская работа при этом осуществлялась двумя комиссиями: Минской во главе с академиком Е.Ф. Карским (бывшего в свое время ректором Варшавского университета) и Московской, во главе с ректором МГУ академиком В.П. Волгиным.

В составе правового отделения факультета общественных наук и впоследствии факультета права и хозяйства БГУ выходцами из Московского уни-

верситета, впоследствии в разное время там преподававшими являлись А.В. Горбунов, Б.В. Чредин, а также В.Н. Дурденевский. Петербургский университет представлял М.О. Гредингер, Киевский и Петербургский – С.З. Каценбоген; Новороссийский (Одесса) – Н.Н. Кравченко, Демидовский юридический лицей (Ярославль) – В.Н. Ширяев, который к тому же обучался в Петербургском университете в качестве вольнослушателя.

Таким образом, на первоначальном этапе создания белорусской юриспруденции (1921 – 1930) мы отмечаем основное влияние московской школы.

После Великой Отечественной войны при возрождении единственного в республике института, дававшего высшее правовое образование, ситуация изменилась. На первый план вышло воздействие ленинградской школы, прежде всего, в лице:

Г.А. Поветьева (окончил Ленинградский юридический институт в 1933), возглавлявшего сначала 9 лет Минский юридический институт, а затем работавшего 8 лет проректором БГУ по науке;

В.А. Дорогина (однокашника Поветьева по ЛЮИ, защитившего там же диссертацию) – бывшего заместителем директора МЮИ по науке и учебной работе, а после этого 5 лет – деканом юридического факультета БГУ.

Еще на двух ведущих кафедрах – **уголовного права и процесса и криминалистики** в МЮИ и на юридическом факультете БГУ продолжительное время преподавали в качестве доцентов и профессоров, закончившие те же ЛЮИ и ЛГУ, аспирантуру при них, а также защитившие там кандидатские, а впоследствии и докторские диссертации:

Иосиф Исаакович Горелик;

Андрей Васильевич Дулов;

Василий Адамович Шкурко;

Веньямин Николаевич Шпилев.

Кроме того, по два десятка лет заведовали ведущими кафедрами: Поветьев – **гражданского** права, Дорогин – **теории и истории** государства и права, а

Дулов – **криминалистики**. Шкурко же после Дорогина в течение семи лет (с 1965 по 1972) руководил юридическим факультетом БГУ.

Главенствующее влияние научной школы города на Неве применительно к отдельно взятому белорусскому трудовому праву нами достаточно подробно (в том числе с анализом защищенных диссертаций в послевоенный период) отражено в предыдущих публикациях.[6]

Поэтому здесь выразим только категорическое несогласие с позицией В.И. Семенкова[7] и примкнувшего к нему К.Л. Томашевского,[8] которые считают, что нельзя выделить какую-либо школу, которая имела бы преимущество перед другими в процессе создания и развития науки трудового права в Беларуси.

Краеугольные камни и фундамент исследования

Сведения из прошлого о белорусской юриспруденции и ее «пионерах» опираются на четыре краеугольных камня. Во-первых, – на официально-документальный в лице Национального архива Республики Беларусь (далее – НА РБ), Национального исторического архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ).

Сюда относим и два музея: «всего» БГУ с руководителем Эммой Леонидовной Малиновской и конкретного юридического факультета, коим заведует Лилия Витальевна Беляева. Выражаем им искреннюю признательность за взаимодействие и проникновенное понимание важности обращения к предшественникам.

Второй камень можно назвать литературно-справочно-историческим. Он сформирован в основном из книг:

Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/. – Минск, Университетское, 1990. 238 с.;

Наука и научные работники СССР: Справочник / сост. Комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР» при Рос. Академии наук; под наблюдением и руководством академика С.Ф. Ольденбурга и председателя Ко-

миссии академика Е.Ф. Карского. Ч. 6. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. – Л.: АН СССР, 1928. – 810 с.;

Памятные книжки Варшавской, Минской, Могилевской и Херсонской губерний, а также Ведомства учреждений Императрицы Марии;

Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: 1921–2001 / [Склад. А.А. Яноўскі; Рэд. Савет: А.У. Казулін (старш.) і інш.]. – Мн.: БДУ, 2001. – 339 с.;

Юхо И.А., Сокол С.Ф. История юридической науки Беларуси. – Мн.: НО ООО БИП-С, 2000. – 95 с.;

Яновскі А.А., Зельскі А.Г. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта у біяграфіях ректараў. 1921 – 2001. – Мінск: БДУ, 2001. – 317 с.

Третий «камень» – электронные средства информации, на которых размещены летописи и подобные им материалы о деятельности Белорусского, Варшавского, Казанского, Киевского, Ленинградского (Петербургского), Московского, Новороссийского (Одесского), Саратовского, Томского и Ярославского университетов.

Четвертым «камнем» являются «живые» воспоминания участников прошлых событий, в частности: Ю.П. Смирнова и его дочерей Татьяны и Светланы, старшего сына Г.А. Поветьева Ярада, бывшего декана юридического факультета БГУ, доктора юридических наук, профессора В.Ф. Чигира, четвертого в белорусской истории кандидата юридических наук по трудовому праву Л.Я. Островского. Их дополняет целый ряд любезно предоставленных фотосвидетельств тех давних времен.

Здесь же отмечу существенный вклад моей официальной ученицы по кандидатской диссертации, доцента Е.А. Ковалевой (преподает трудовое право в Гомельском государственном университете), С.Ю. Смирновой и Д.Л. Политая, коллеги по Минскому институту современных технологий и маркетинга. Они оказывали помощь, прежде всего, путем первичной «проверки» архивных и библиотечных материалов в заданных направлениях.

Фундамент, цементирующий обозначенные угловые камни, образуют публикации, о которых особо скажем ниже. Первая – это солиднейшее двухтомное исследование глубокоуважаемых докторов юридических наук и профессоров ярославской школы Андрея Михайловича и Марины Владимировны Лушниковых о российско-имперской и советской истории трудового права с многочисленными выходами на современность.[9] В нем содержатся достаточно подробные и яркие биографические данные об А.В. Горбунове, Н.Н. Кравченко, Б.В. Чредине и В.Н. Ширяеве, которых можно одновременно относить к родоначальникам нескольких правовых школ (см. выше об их наследии).

В то же время там лишь фрагментарно и не всегда точно освещался «белорусский» период деятельности мэтров. В последнем ракурсе, а также применительно к жизнеописанию Г.А. Поветьева до недавнего времени ряд сведений можно было почерпнуть в трех минских изданиях:

Максимова Л.П. Юридический факультет Белорусского государственного университета: История и современность (Мн.: БГУ, 1998. – 224 с.);

Она же: Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ: История и современность юридического факультета Белорусского государственного университета (Мн.: Право и экономика, 2001. – 171 с.);[10]

Юрыдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны / Адк. рэд. С.А. Балашенка (Мн.: БДУ, 2004. – 134 с.).[11]

Добавим к этому недавно вышедшую в Гомеле монографию Е.А. и Т.В. Ковалевых «Очерки по истории трудового права Беларуси».[12] В ней содержатся два важных для разбираемой темы очерка: «Становление преподавания белорусского трудового права (1919 – 1930)» с подразделами об А.В. Горбунове, Б.В. Чредине, Н.Н. Кравченко и В.Н. Ширяеве и «Юрист, международник, трудовик Н.Н. Кравченко: о спорных и новых биографических данных».

Мы в данном направлении пока «разродились», помимо вышеотмеченного, сверхкраткими биографиями «великолепной семерки» родоначальников белорусского правоведения. Они включены в книгу «Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны» под ответственным редакторством декана юри-

дического факультета БГУ Сергея Александровича Балашенко.[13] Выпущена она в самый канун настоящей международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию юбилею старейшей и самой авторитетной юридической структуры в нашей стране.

А незадолго перед этим жизненный путь Г.А. Поветьева и Ю.П. Смирнова освещен нами в газете БГУ «Універсітэт»: очерке «Знак Пашаны за працоўнае права» (13 красавіка 2015. № 6) и интервью «Прамоўца за навуку» (2 ліпеня 2015. № 12) с большим объемом в электронной версии газеты (www.gazeta.bsu.by).

Полномасштабное же описание общечеловеческого, профессионального и творческого пути первопроходцев в трудовом праве (включая названных) мы намерены дать в завершаемой монографии. Там каждому из «героев» будет уделено до 70 страниц текста, иллюстрированных фотосвидетельствами об участии в научных и педагогических мероприятиях, связях с интересными людьми, дипломами, удостоверениями, государственными наградами, характеристиками, фрагментами из трудовых книжек и партийных билетов, другими документами и материалами.

Тем самым продолжится «поднятие на щит» почти забытых или полузабытых в белорусской истории деяний, обстоятельств жизни и имен достойных юридических предков с искренним по большому счету осознанием, что без них не было бы и нас.

Часть II. Новые факты, устранение неточностей и искажений

В избранном направлении нам удалось найти немало новых сведений по сравнению с опубликованными жизнеописаниями замечательных ученых, исправить ряд содержащихся в них неточностей и опровергнуть некоторые откровенные искажения. Отразим несколько из наиболее ярких.

Об **А.В. Горбунове**, например, выяснили обстоятельства ухода из Варшавского университета, где он преподавал почти 8 лет, проследили связь с Е.Ф.

Карским, главным инициатором создания первого белорусского университета и В.И. Пичетой первым его ректором (см. выше).

Применительно к **Н.Н. Кравченко**, появившемуся на свет «в родном белорусском крае» (термин самого ученого), окончившему там же гимназию, а впоследствии работавшему в БГУ, в частности:

установлены достоверные места и даты рождения (Могилев, 30.10.1880) по сравнению с имеющимися в историко-правовой литературе (Гомель, 1881);

составлена «с большего» биография отца, служившего начальником сначала Могилевской женской, а затем Мариинской (в Минске) женской гимназий Ведомства учреждений Императрицы Марии.

Особо скажу об отыскании подлинной даты смерти Николая Николаевича. В литературе по данному поводу имеются расхождения. А.М. и М.В. Лушниковы указывают 1952,[14, с. 262, 268]. Тот же год зафиксирован в Летописи Московского университета и на сайте Томского университета.

В противоречие с ними В.Э. Грабарь отмечал годом смерти Кравченко 1955.[15] Такая же дата указана на сайте Всероссийского генеалогического древа, где содержится информация: «Кравченко Николай Николаевич 1880 – 1955 Профессор».[16] Столкнувшись с изложенной коллизией, мы на первом этапе стали склоняться в пользу последних (то есть, даты 1955) в силу следующих обстоятельств:

Грабарь хорошо знал Кравченко по занятиям глубоко интересующих обоих международным правом и его историей: в частности, оба увлекались Гуго Гроцием и консульскими вопросами (полагаем, что они были лично знакомы, начиная с сотрудничества в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в дореволюционный период);

он же давал «знаковую» для Кравченко характеристику при «аттестации» в профессорском звании в 1923: «является единственным в России специалистом по международному регулированию труда фабричных рабочих.[14, с. 266 – 267];

личная библиотека Кравченко была приобретена Московским институтом международных отношений в 1955, а не ранее.[17];

Не стоит «сбрасывать со счетов» и то, что одну из своих главных книг «Материалы к истории литературы международного права в России» В.Э. Грабарь писал до своей смерти в 1956 (впервые издана в 1958), а, соответственно, мог по контактам среди юристов-международников доподлинно знать о времени ухода из этой жизни Кравченко и даже участвовать в похоронах.

Далее нами был направлен запрос руководству Введенского кладбища Москвы, о котором говорилось на Всероссийском генеалогическом древе (см. выше). К величайшей радости оттуда последовал скорый ответ от 03.06.2015:

«Проверкой архивных документов с выходом на место захоронения установлено, что на участке № 21 Введенского кладбища имеется захоронение Кравченко Николай Николаевича, скончавшегося 25.01.1955г. Информацию о родственниках покойного сообщить Вам не представляется возможным, так как она относится к их персональным данным».

На этом мы не остановились, посетив через две недели упомянутое кладбище. Там с помощью служителя проследовали на искомую могилу, где на памятнике из темного гранита увидели надпись:

**«ДОКТОР – ПРОФЕССОР
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
КРАВЧЕНКО
1880 – 1955».**

Для подтверждения сделали несколько фотографий. Последние наши сомнения окончательно исчезли, хотя подлинника или копии свидетельства о смерти Николая Николаевича увидеть не удалось.

В отношении **Б.В. Чредина** «откровением» явился факт самоубийства в ночь с 6 на 7 мая 1930 в расцвете жизни (45 лет), найденный в двух архивных описях. Там содержатся запись об увольнении от 08.05.1930 в связи с самоубийством (самагубствам – по-белорусски) и переписка с родными из Ярославля, по просьбе которых на три дня были задержаны похороны. Приехали 3 бра-

та, оставившие благодарственное письмо ректору БГУ (В.И. Пичету еще не успели арестовать) «за проявленное сердечное отношение к памяти Б.В. Чредина».[18]

О причинах самоубийства известного в республике и РСФСР ученого не сообщалось. Современный белорусский исследователь и «многолетний» декан исторического факультета БГУ А.А. Яновский называет в качестве таковой развернувшуюся в БССР массово-репрессивную операцию, обозначенную делом «О контрреволюционной антисоветской организации «Союз освобождения Белоруссии» («Саюз вызвалення Беларусі»)). Оно именовалось в разных источниках также делом «Союза освобождения Белоруссии» либо делом «Академика или историка С.Ф. Платонова».[19]

Всем «фигурантам» предъявлялось обвинение в связях с белой эмиграцией, передаче сведений с целью ускорения интервенции против СССР, осуществлении организованного вредительства на культурном, идеологическом и других участках социалистического строительства, проведении антисоветской националистической агитации с целью отторжения Белоруссии в этнографических границах от Советского Союза и создания так называемой Белорусской народной республики. Уже весной – летом 1930 была арестована большая группа сотрудников Наркомзема, Наркомпроса, деятелей науки и культуры, а 14 сентября 1930 в числе 115 ученых и сотрудников оказался арестованным и профессор, академик, ректор БГУ В.И. Пичета.[20]

Мы склонны поддержать мнение Яновского, несмотря на то, что он не ссылается на конкретные материалы уголовного судопроизводства в силу трех главных «косвенных» обстоятельств. Во-первых, имел место самый «разгар» «националистических» дел. Во-вторых, об их «разработке» Чредин и его коллеги из профессоров-юристов БГУ (Гредингер, Кравченко, Крыльцов, Ширяев) наверняка знали из прессы, от бывших студентов, состоящих уже в штате «компетентных органов», и от украинских коллег, где незадолго произошли такие же печальные события. В-третьих, имеет значение то, что Чредин с 1913 по 1915 преподавал в Варшавском университете, с которым потом эвакуировался в

Ростов-на-Дону, и у него, естественно, имелись контакты с польской профессурой и другими влиятельными людьми. Таким образом, следственные органы «по определению» не могли обойти стороной Бориса Васильевича.

Кстати, его скорбному примеру меньше чем через семь месяцев последовал первый декан факультета общественных наук БГУ, а потом президент Белорусской Академии наук В.М. Игнатовский. Ему были предъявлены обвинения в том, что «не преодолел пережитков антипролетарского мировоззрения..., вел борьбу против национальной политики партии..., служил ширмой для прикрытия национал-демократических элементов и превращения Белорусской Академии наук в плацдарм для контрреволюционной деятельности нацдемовской организации...» В январе 1931 Игнатовского исключили из Компартии Белоруссии. Не приняв выдвинутых обвинений и не веря в возможность доказать в сложившихся условиях их несоответствие действительности, он 4 февраля 1931 покончил жизнь самоубийством.[21]

По ходу отметим, что изложенное выше, по нашему мнению, явилось одной из главных причин, определивших решение и коллеги Б.В. Чредина – Н.Н. Кравченко прекратить трудовые отношения с БГУ из чувства элементарного самосохранения.

Биография **В.Н. Ширяева** пополнилась фактом создания с его участием 30 октября 1926 при факультете хозяйства и права БГУ Белорусского кабинета по изучению преступника и преступности, где он возглавлял секцию криминальной социологии.

Весьма скудные данные об **Э.В. Зайчике** в минских архивах посчастливилось пополнить в таких же российских учреждениях. При этом удостоверен факт его первенства в науке белорусского трудового права посредством предвоенной защиты кандидатской диссертации на тему «Расторжение трудового договора по советскому законодательству» (189 стр. основного текста и 5 стр. библиография), состоявшейся в Московском юридическом институте 15 июня 1940, а также обнаружена ее впечатляющая по объему структура, которую воспроизводим полностью:

Часть первая. Расторжение трудового договора по буржуазному законодательству;

Часть вторая. **Царское законодательство по вопросам расторжения трудового договора.** I. Царское законодательство о труде и причины, его вызвавшие. II. Расторжение трудового договора по царскому законодательству. III. Стачки и вопросы расторжения трудового договора. IV. Массовые увольнения рабочих (локауты) и система «черных списков». V. Фабричная инспекция и вопросы расторжения трудового договора;

Часть третья. **Основные принципы расторжения трудового договора в СССР;**

Часть четвертая. **Этапы развития советского законодательства о расторжении трудового договора.** I. От первых дней Великой Октябрьской социалистической революции до начала гражданской войны. II. Период гражданской войны. III. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. IV. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны. V. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. VI. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции;

Часть пятая. **Действующее законодательство о расторжении трудового договора.** I. Увольнение работника за нарушение трудовой дисциплины и неисполнение обязанностей. II. Увольнение работника в случаях сокращения работ и приостановки их. III. Увольнение работника вследствие обнаружившейся непригодности к данной работе. IV. Увольнение работника вследствие совершения им уголовно наказуемого деяния. V. Увольнение работника вследствие длительного непосещения им работы вследствие болезни. VI. Увольнение трудящегося вследствие отказа его от перевода на другую работу. VII. Увольнение по требованию органов, не являющихся стороной в договоре. VIII. Расторжение трудового договора рабочими и служащими. IX. Особые правила об увольнении некоторых категорий работников. X. Выходное пособие и предупреждение при увольнении работников.[22]

Касательно **Г.А. Поветьева**, прежде всего, укажем на отысканное с огромным трудом, благодаря работникам Министерства труда социальной защиты под руководством начальника управления Натальи Владимировны Мурашкевич, солидное персональное дело пенсионера республиканского значения. Оно, в конце концов, оказалось в Национальном архиве, правда, не оформленным ни в один из фондов. В нем содержится 18 документов, в том числе:

ходатайство Министра высшего и среднего специального образования БССР Н.М. Мешкова от 29.12.1970 № 09/623;

выписка из учетной карточки члена КПСС № 05920554 от 22.12.1970;

характеристика БГУ от 4.12.1970 за подписями ректора А. Севченко, секретаря парткома М. Горбачева и председателя месткома В. Чигира;

личный листок по учету кадров;

подробная собственноручная автобиография Поветьева от 26.12.1970 на 6 листах с оборотом.

На основании перечисленного и сопутствующих материалов (справки о состоянии здоровья, свидетельства о заключении брака и других) специальная Комиссия при Совете Министров БССР под председательством В. Лобанка установила Поветьеву Гавриилу Алексеевичу персональную пенсию республиканского значения в размере 120 рублей в месяц пожизненно с условием выплаты после оставления им работы (протокол № 16/1103 от 29.01.1971). Тем самым правительство выразило высокую оценку вклада Г.А. Поветьева в развитие белорусской науки и преподавания.

Кроме того, собранные в личном деле документы существенно помогли в раскрытии целого ряда конкретных фрагментов жизненного пути, в частности, о голодном, сиротском и батраческом детстве, учебе в Ленинградском институте советского права им. Н.В. Крыленко, аспирантуре I Ленинградского юридического института и преподавательской работе там же, службе при блокаде Ленинграда в военных трибуналах Войск охраны тыла, а затем в центральном аппарате Народного комиссариата юстиции СССР.

По ходу отметим, что в Национальном архиве упомянутое дело едва не было уничтожено, а теперь официально включено в специально созданный фонд «Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров Республики Беларусь» и находится в описи 3 дел постоянного хранения за 1942 – 1991 гг.

Большим счастьем является то, что седьмой родоначальник – **Ю.П. Смирнов** жив и в свои 86 лет смог оказать сохранившимися документами и воспоминаниями огромную помощь в поисках достоверных данных о праве и труде.

Более чем двухлетнее «плотное» общение с ним в ходе многочисленных личных встреч и телефонных разговоров позволило написать объемные Беседы, в которых Юрий Петрович подробно рассказывал о событиях в научной, преподавательской, государственной и общественной сферах белорусской юриспруденции в период с 1947 по настоящее время, в частности, о (об):

личном влиянии Генерального прокурора СССР К.П. Горшенина на выбор им профессии юриста;

обстановке в Минском юридическом институте и сложностях при восстановлении науки и преподавания права в первые послевоенные годы;

ленинградской основе белорусской юриспруденции;

работе в аппарате Центрального Комитета Коммунистической партии помощником Первого секретаря П.М. Машерова и заведующим отделом науки и учебных заведений;

четырёхкратном избрании народным депутатом в Верховный Совет БССР;

участии в создании первого Трудового кодекса Республики Беларусь в качестве представителя от Федерации профсоюзов;

мотивах учреждения общественного объединения «Сообществе трудового права» и видении его перспектив, включая дальнейшее продвижение идеи о необходимости разработки нового Трудового кодекса.

Завершаются Беседы напутствием Юрия Петровича будущим поколениям:

«Трудиться «в поте лица своего»;

кооперироваться с единомышленниками;

иметь и последовательно отстаивать свое мнение, тщательно обосновывая его;

не стремиться к получению награды за благие дела в этой жизни.

Ну и, конечно, быть высоконравственными людьми, руководствующимися своей совестью и стремящимися к познанию Истины. Движение по такому пути будет, несомненно, содействовать и новым творческим свершениям.

Особенно, если оно сочетается с преемственностью, связью с трудовыми размышлениями и делами предшественников. Иными словами, необходимо взаимодействие между поколениями юристов-трудоустроителей с желанием понять, что и до нынешних было стремление к совершенствованию, пределов которому нет, но к которому надо стремиться в отпущенное каждому жизненное время».

Часть III. Имена родоначальников в кратких биографиях

Профессор Горбунов Александр Владимирович –

первый преподаватель административного и рабочего права

(1867 – после 1926)

Родился в Пензенской губернии. Дворянин. В 1889 окончил Московский университет. До 1893 – на государственной службе, в том числе в министерстве просвещения.

В 1896 сдал магистерский экзамен по административному праву, политической экономии и статистике, после чего работал приват-доцентом по кафедре полицейского права Московского университета.

С 1898 по 1906 – сотрудничал на такой же должности с Варшавским университетом. Оттуда вернулся в Москву, защитил магистерскую диссертацию и преподавал в качестве профессора административное и рабочее право. В 1911

ушел в отставку в знак протеста против политики министра народного образования Л.А. Кассо. После этого читал лекции в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского по курсу «Наука о государственном управлении».

С 1914 по 1917 – приват-доцент, ординарный профессор Томского университета.

До революции награжден орденами Святого Станислава III степени (1904) и Святой Анны II степени (1916). Чин по табели о рангах – статский советник (1914).

С 1917 по 1919 избирался деканом юридического факультета Саратовского университета, затем работал по 1922 сначала профессором, а впоследствии заведующим кафедрой рабочего права и социальной политики Ярославского государственного университета.

27 октября 1922 утвержден ГУСом Наркомпроса РСФСР[23] в должности профессора факультета общественных наук по кафедре административного права Белорусского государственного университета. Преподавал названное, а также рабочее право по 1926.

В политических партиях не состоял.

Владел латынью, греческим, немецким и французским языками.

В научных исследованиях специализировался на вопросах управления в государстве, социальной политики и рабочего права.

Являлся членом Московского общества им. А. Чупрова, Московского юридического общества, Научного общества при Белорусском государственном университете.

После 1926 судьба ученого неизвестна.

Основные труды:

Методические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. М., 1906;

Борьба с нищенством и бродяжничеством. СПб, 1909 (переиздание в Москве – 1911);

Причины пауперизма. М., 1911;

Основы гражданской свободы в Англии. М., 1914.

Источники:

Биографии: Горбунов Александр Владимирович // Электронная энциклопедия Томского государственного университета [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.wiki.tsu.ru/01110253.htm>. Дата доступа 18.01.2015;

Ковалева Е.А. А.В. Горбунов и преподавание рабочего права // Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 134 – 139;

Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/. С. 27;

Крывой В.І. ГАРБУНОЎ Аляксандр Уладзіміравіч (1867 – пасля 1926) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 135 – 136.

Лушников А.М., Лушникова М.В. Прерванный полет: ярославская школа трудового права (Н.Н. Голубев, А.В. Горбунов, Б.В. Чредин, А.В. Венедиктов, А.М. Стопани и др.) // Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1. С. 467 – 470;

Максимова Л.П. Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ. С. 11;

НА РБ: личное дело профессора А.В. Горбунова (Ф. 205. Оп. 3. Д. 2019) и другие документы;

Памятная книжка Варшавской губернии на 1898 год;

Юрыдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2004. С. 13.

Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 14, 135 – 136.

Профессор Кравченко Николай Николаевич (1880 – 1955) –

первый преподаватель международного и трудового права

Родился 30.10.1880 в Могилеве. Дворянин.

В 1899 поступил в Новороссийский университет (Одесса) и обучался одновременно на двух факультетах: юридическом и историко-филологическом. В 1903 окончил университет с дипломом первой степени и золотой медалью за дипломное сочинение «Иностранцы в России. Историко-догматическое исследование». Оставлен для подготовки профессорского звания.

В 1907 сдал магистерский экзамен и принят приват-доцентом того же университета, где читал курс «История политических учений нового времени».

В 1908 – 1911 находился в заграничной научной командировке, изучая право в Париже, Берлине, Берне и Базеле.

С 1912 перешел в Томский университет, где 28 апреля 1913 защитил магистерскую диссертацию на тему «Идея международной регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.». Преподавал там сначала приват-доцентом, а затем профессором.

Свободно владел латынью, греческим, немецким и французским языками.

Награжден орденом Святой Анны III степени (1915) и медалью 300-летия царствования Дома Романовых (1913). Чин по Табели о рангах – статский советник (1913).

В 1916 принял кафедру международного права в Казанском университете. После Октябрьской революции 1917 занимал там же должности секретаря и декана юридического (впоследствии общественных наук) факультета. В 1923 переведен на кафедру международного права в Саратовский университет.

С 1923 по 1930 – профессор Белорусского государственного университета сначала на правовом отделении факультета общественных наук, а затем на факультете права и хозяйства, где читал курсы международного права и связанных с ним дисциплин, а также непосредственно занимался трудовым правом.

После этого работал главным образом в педагогических институтах Москвы, Иваново, Сталинграда, Ярославля и Пензы, читая различные исторические курсы. Последним местом работы был Всесоюзный заочный юридический институт.

Умер 25 января 1955 и похоронен на Введенском кладбище Москвы.

В научных исследованиях специализировался на вопросах международного права в многочисленных его направлениях (кодификация, война и мир, гуманитарные вопросы, международное трудовое право, консульские отношения, исторические аспекты и др.), а также на сравнительно-юридическом анализе законодательства зарубежных стран.

Основные труды:

О международных следственных комиссиях. Одесса, 1904;

Договор о третейском разбирательстве между Россией, Швецией и Норвегией. СПб., 1905;

О всемирном почтовом союзе. Киев, 1906;

О постепенном создании кодекса международного права (Журнал Министерства Юстиции, 1906, апрель);

О первой Гаагской конференции мира в связи с вопросом о мире вообще (Журнал Министерства Юстиции, 1907, май);

Quelques mots sur l'importance des theories politiques (Rev. du droit public et de la science politique, 1910, № 2);

Идея международной регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913;

Институт военнопленных в понимании Германского генерального штаба. Томск, 1915;

Официальная германская доктрина о военнопленных (Известия Министерства иностранных дел. 1916. Кн. 1);

Налеты немецких цеппелинов и международное право (Право. 1916. № 5);

Общая теория построения войны в понимании Германского генерального штаба (Проблемы великой России. 1916. № 6);

О германском толковании принципа гуманности на войне (Проблемы великой России. 1916. № 16);

Гр. Альберт де-Мэн как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих (Право. 1914. № 43);

Памяти Э. Вальяна как одного из сторонников международного рабочего права (Право. 1916. № 2);

А.Н. Радищев как провозвестник освобождения крестьян. Томск, 1915;

Краткая энциклопедия по международному праву. Саратов, 1923;

Программа по международному праву (применительно к лекциям). – Минск, 1924;

Об основных началах консульского института применительно к Советской России (Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. 3. Вып. 4);

Очерки из истории международных отношений конца XIX – начала XX в. Т. 1. Берлинский конгресс 1878 г. и Тройственный союз. Саратов, 1925;

Гуго Гроций. К 300-летию его сочинения «О праве войны и мира» (Право и жизнь. 1925. № 9 – 10);

О Консульском уставе СССР (Международная жизнь. 1926. № 9);

Пути решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе (Труды БГУ. 1928. № 21).

Источники:

Биографии: Кравченко Николай Николаевич // Электронная энциклопедия Томского государственного университета [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.wiki.tsu.ru/01110253.htm>. Дата доступа 26.03.2015;

Емельянова И.А. Юридические науки в Казанском университете после закрытия юридического факультета (1919 – 1927 гг.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-266392.html>. Дата доступа 10.02.2015);

Ковалева Е.А. Н.Н. Кравченко и международное трудовое право // Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 143 – 145;

Она же: Юрист, международник, трудовик Н.Н. Кравченко: о спорных и новых биографических данных // Там же. С. 155 – 186;

Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/. С. 27;

Кравченко Николай Николаевич [Электронный ресурс]: Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника: Персональный список // Всероссийское генеалогическое древо. М., 1998. Режим доступа: <http://www.baza.vdru.com/1/17602/50.htm?o=&>. Дата доступа 26.03.2015;

Кравченко Николай Николаевич [Электронный ресурс]: Летопись Московского университета. Режим доступа: <http://www.letopis.msu.ru/peoples/1411>. Дата доступа 24.01.2015;

Кравченко Николай Николаевич [Электронный ресурс] : Юридическая Россия федеральный правовой портал (v3.2.): Персоналии // Российское образование федеральный портал. М., 2002. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/person/person.asp?persID=1133121>. Дата доступа 27.02.2015;

Крывой В.І. КРАЎЧАНКА Мікалай Мікалаевіч (1880 – 1955) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 174;

Лушников А.М., Лушникова М.В. Связующее звено: жизнь и научное наследие Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау // Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения. С. 116 – 125;

Лушников А.М., Лушникова М.В. У истоков российской науки сравнительного и международного трудового права (Н.Н. Кравченко и Г.Г. Швиттау) // Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1. С. 260 – 270;

Максимова Л.П. Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ. С. 11;

Наука и научные работники СССР: Справочник. Ч. 6. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. С. 192;

НА РБ: личное дело профессора Н.Н. Кравченко (Ф. 205. Оп. 3. Д. 4115) и другие документы;

Национальный исторический архив Республики Беларусь: Памятные книжки Ведомства учреждений Императрицы Марии на 1914 – 1916; Минской губернии на 1913 – 1917; Могилевской губернии на 1868 – 1903; Херсонской Губернии на 1912;

Павецьёу Г.А., Юхо І.А. Развіцце юрыдычнай навукі у Беларускім дзяржаўным універсітэце // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя III. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. 1969. № 1. С. 64;

Профессора МГУ. 1755 – 2004. Биографический словарь в двух томах / Авт.-сост. А.Г. Рябухин, Г.В. Брянцева. – М.: Изд-во МГУ, 2005. Т. 1, 2005 – 816 с. С. 652;

Трудовое право и право социального обеспечения в Беларуси, России и Украине (формирование и развитие): учеб.-метод. пособие / Н.Н. Вапнярчук, А.А. Войтик и др.; под общ. ред. А.М. Куренного, К.Л. Томашевского, О.Н. Ярошенко. Мн.: Дикта, 2011. – 252 с. С. 76;

Юрыдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2004. С. 13;

Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 14, 174;

Юхо І.А., Сокол С.Ф. История юридической науки Беларуси. С. 56.

Профессор Чредин Борис Васильевич (1885 – 1930) –
первый преподаватель истории институтов частного права,
гражданского, римского и торгово-промышленного права

Родился 10.07.1885 в Москве в семье присяжного поверенного. Там же окончил первую мужскую гимназию, а затем (1908) юридический факультет университета с дипломом первой степени.

В 1913 сдал экзамен на звание магистра римского права в Варшавском университете и преподавал там по 1917 сначала приват-доцентом, а затем профессором по кафедре римского права. В 1914 избирался также приват-доцентом кафедры гражданского процесса Демидовского юридического лицея (Ярославль). Преподавал в Московском университете.

С 1919 по 1923 – в Ярославском государственном университете, где вел курсы история институтов частного права, учение о суде, техника правовых норм, учение об основных экономических правах, организация труда в капиталистическом обществе, правовая организация производства и труда в РСФСР. Кроме того, занимал должности секретаря и декана правового отделения, декана экономического отделения и председателя деканата факультета общественных наук.

23.02.1923 утвержден ГУСом Наркомпроса РСФСР в должности профессора правового отделения факультета общественных наук (впоследствии факультет права и хозяйства) Белорусского государственного университета по кафедре истории институтов частного права. До 1930 преподавал в БГУ историю институтов частного права, а также римское, гражданское и промышленно-торговое право. Совместно с профессором М.О. Гредингером разработал первую программу для аспирантов по кафедре гражданского права.

Читал на латыни, английском, греческом, немецком, французском и итальянском языках.

Состоял членом Общества истории, философии и права Варшавского университета и Научного общества при Белорусском государственном университете.

В связи с репрессиями по делу «Союз освобождения Белоруссии» 7.05.1930 покончил жизнь самоубийством.

Основные труды:

Народное трудовое государство и основы экономического права. М., 1918;

Политические воззрения Горация (Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. 1918 – 1919). Ярославль, 1920.

Источники:

Звезда. 9 мая. 1930;

Ковалева Е.А. Б.В. Чредин: промышленно-торговое и трудовое право // Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 139 – 143;

Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/. С. 27;

Крывой В.І. ЧРЭДЗІН Барыс Васільевіч (1885 – 1930) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 240;

Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право и гражданское право: жизнь и научное наследие Н.Л. Дювернуа, В.М. Гордона, Б.В. Чредина и А.В. Венедиктова // Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения. С. 71 – 74;

Лушников А.М., Лушникова М.В. Прерванный полет: ярославская школа трудового права (Н.Н. Голубев, А.В. Горбунов, Б.В. Чредин, А.В. Венедиктов, А.М. Стопани и др.) // Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1. С. 470 – 476;

Максимова Л.П. Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ. С. 11 – 13 и др.;

Наука и научные работники СССР: Справочник. Ч. 6. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. С. 475;

НА РБ: личное дело профессора Б.В. Чредина (Ф. 205. Оп. 3. Д. 8977) и другие документы;

Советская Белоруссия. 8 мая. 1930;

Чредин Борис Васильевич [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://old.uniyar.ac.ru/index.php/>. Дата доступа 19.03.2015;

Юрыдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2004. С. 13;

Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 14, 240;

Юхо, И.А. Юридическая наука БССР за 60 лет / И.А. Юхо // Правоведение. – 1979. – № 1. – С. 3;

Яноўскі, А.А. Імёны ў летапісе Беларускага ўніверсітэта. С. 91–98.

Профессор Ширяев Валериан Николаевич (1872 – 1937) –

первый преподаватель уголовного права и истории права[24]

Родился 15 июня 1872 в Ярославле. Там же окончил Демидовский юридический лицей с серебряной медалью за выпускное сочинение и степенью

кандидата наук. После этого являлся вольнослушателем юридического университета Петербургского университета. В 1899 стажировался за границей.

Магистерский экзамен по уголовному праву сдал в Харьковском университете (1902). Магистерскую диссертацию «Религиозные преступления» защитил в Петербургском университете (1910). Докторская диссертация «Взяточничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование» защищена в Дерптском (впоследствии Тартусском) университете (1916).

Преподавал с 1904 в Демидовском юридическом лицее сначала в качестве приват-доцента и экстраординарного профессора по кафедре истории русского права, а затем по кафедре уголовного права и судопроизводства. Впоследствии являлся директором того же лицея, а после его преобразования (1918) в Ярославский государственный университет – первым ректором по 1922. Одновременно вел курсы криминальной социологии и права.

В 1923 – 1930 работал в Белорусском государственном университете профессором по кафедре уголовного права факультета общественных наук (факультета права и хозяйства). Читал уголовное право и историю права. Возглавлял секцию криминальной социологии Белорусского кабинета по изучению преступника и преступности, открытого с его участием 30.10.1926 при последнем факультете.

До революции являлся членом партии кадетов, возглавляя ее Ярославский губернский отдел, гласным Ярославской государственной думы, членом-корреспондентом Московского архивного общества.

Владел латынью, греческим, немецким и французским языками.

Репрессирован в 1937 и умер в Ярославле.

Основные труды:

Постановка вопроса о тюремном труде на Первом съезде тюремных деятелей (Право, 1902, № 16);

Уголовная ответственность врачей. СПб., 1904;

Историческое изучение права. Ярославль, 1905;

- Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909;
- Об юридической природе должностных преступлений (доктрина должностных преступлений) (Журнал Министерства юстиции, 1914, № 3);
- Участие частных лиц в должностных преступлениях (Журнал Министерства юстиции, 1915, № 3);
- Взяточничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916;
- Дисциплинарная ответственность служащих. М., 1926;
- Основные начала уголовного законодательства СССР (Труды Белорусского гос. ун-та. – № 11. – Минск. – 1926);
- Участие общества в борьбе с преступностью. Минск, 1926;
- Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (Право и жизнь. – 1927. – № 4).

Источники:

- Барков А.В. Становление школы уголовного права в Белорусском государственном университете // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо. – Мінск, 2012. С. 75 / Эл. бібліятэка БГУ. [Электронны ресурс] / Режим доступа www.elib.bsu.by. Дата доступа 17.03.2015
- Баркоў А.У., Крывой В.І. ШЫРАЕЎ Валерыян Мікалаевіч (1872 – 1937) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 255;
- Ковалева Е.А. В.Н. Ширяев: вопросы трудового и уголовного права // Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 145 – 147;
- Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/. С. 27;
- Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право и уголовное право: жизнь и научное наследие Н.Н. Полянского и В.Н. Ширяева // Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения. С. 84 – 102;
- Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1. С. 456 – 458;
- Максимова Л.П. Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ. С. 11;
- НА РБ: личное дело профессора В.Н. Ширяева (Ф. 205. Оп. 3. Д. 9256) и другие документы;
- Ширяев Валериан Николаевич [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://old.uniylar.ac.ru/index.php/>. Дата доступа 17.03.2015;
- Юрыдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2004. С. 13 – 14;
- Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 14 – 15, 255.

Зайчик Эля Вульфович (1905 – после 1940) –

первый кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву
(1940)

Родился в 1905 в местечке Замирье Минской губернии. Первоначальное образование получил в Единой Трудовой Школе № 2 г. Минска.

В 1922 поступил в числе первых студентов на правовое отделение факультета общественных наук только что созданного Белорусского государственного университета и 7 июля 1925 окончил его.

С 1928 обучался в аспирантуре при кафедре гражданского права факультета права и хозяйства БГУ. Среди учителей были известные дореволюционные профессора А.В. Горбунов, М.О. Гредингер, Н.Н. Кравченко, Б.В. Чредин, В.Н. Ширяев, занимавшиеся вопросами трудовых с связанными с ними отношений в сферах административного, гражданского, международного и уголовного права.

15.06.1940 первым в белорусской истории удостоен ученой степени кандидата юридических наук по трудовому праву, защитив диссертацию в Московском юридическом институте на тему «Расторжение трудового договора по советскому законодательству». В тот же год присвоено ученое звание доцента.

Опубликовал в 1940 в первом выпуске Ученых записок Белорусского государственного юридического института, вышедшем в Юридическом издательстве Народного комиссариата юстиции СССР, статью «Царское законодательство по вопросам расторжения трудового договора».

После 1940 судьба Э.В. Зайчика неизвестна.

Источники:

ГА РФ. Фонд 9492. Народный комиссариат юстиции СССР. Оп. 1. Е.х. 2072, 2089, 2103 (отчеты и планы Белорусского государственного юридического института) и другие документы;

Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси. С. 150 – 151, 285 – 294;

Крывой В.І. ЗАЙЧЫК Эля Вульфавіч (1905 – пасля 1940) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 158;

Максимова Л.П. *Almamater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ*. С. 20, 24 и др.;

НА РБ: личное дело студента Э.В. Зайчика № 422 (Ф. 205. Оп. 3. Д. 2948) и другие документы;

Павецьёў Г.А., Юхо І.А. Развіцце юрыдычнай навукі у Беларускай дзяржаўным універсітэце // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя III. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. 1969. № 1. С. 64;

Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. С. 411 – 412;

Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР. Выпуск III. 1941. С. 73;

Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 14, 158;

Юхо И.А., Сокол С.Ф. История юридической науки Беларуси. С. 56.

Поветьев Гавриил Алексеевич (1909 – 1971) –

второй кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву

(1948 и 1951)

Родился 06.04.1909 в селе Старо-Яшкино Тузулукского района Самарской губернии.

Окончил Ленинградский Институт Советского Права имени Н.В. Крыленко (1933), а затем аспирантуру при I-м Ленинградском Юридическом Институте. С 1937 по июнь 1941 там же работал доцентом кафедры трудового права и помощником заведующего учебной части.

В первые дни Великой Отечественной войны призван в армию и служил членом, а затем заместителем председателя военного трибунала Войск охраны тыла Ленинградской области.

В октябре 1943 переведен в Москву, где по 1945 занимал должности инспектора и старшего инспектора Управления военных трибуналов Войск охраны тыла в центральном аппарате Народного комиссариата юстиции СССР. Проводил ревизионные проверки в Белоруссии, Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане и Украине.

С 31 декабря 1945 – директор Белорусского государственного (Минского) юридического института, который по 1954 являлся единственным учреждением, осуществлявшим подготовку правовых кадров с высшим образованием в БССР. Стал главным организатором воссоздания национальной юриспруденции в практической, педагогической и научной сферах.

10 марта 1948 защитил в Москве вторую в белорусской истории кандидатскую диссертацию по трудовому праву на тему «Правовое регулирование под-

готовки квалифицированных рабочих кадров для социалистической промышленности». Защита состоялась в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). 17 ноября 1951 утвержден в ученном звании доцента.

После преобразования в 1954 Минского юридического института в юридический факультет БГУ назначен на должность проректора университета по научной работе, которую занимал 8 лет.

В 1962 на двухлетний период переводился на ставку старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации.

21 год (с 1950 по 1971) заведовал кафедрой гражданского права (и процесса) сначала в Минском юридическом институте, а затем на юридическом факультете БГУ. Преподавал трудовое право.

Являлся членом правительственной комиссии по кодификации законодательства, Научно-методического совета при Верховном Суде и Методического совета при Прокуратуре БССР, Республиканского комитета профсоюза работников школ, ВУЗов и научных учреждений, ректором Общественного университета правовых знаний.

Участник первого Всесоюзного съезда студентов в Москве (1932). В партийной системе избирался членом Ворошиловградского райкома, Минского обкома и парткома БГУ, делегатом на районные, городские и областные конференции.

Под научным руководством Г.А. Поветьева защищены третья и четвертая в белорусской истории кандидатские диссертации по трудовому праву (Ю.П. Смирнов, 1960 и Л.Я. Островский, 1962).

В качестве члена делегаций Белорусской ССР участвовал в работе сессий (VII, VIII и XVII) Генеральных Ассамблей ООН (1952, 1953 и 1967), а также 1-й и 2-й конференций ООН по морскому праву (1958 и 1960).

За военные заслуги награжден орденами Красной Звезды (1944), Великой Отечественной войны I степени, медалями «За участие в обороне Ленинграда» (1943) и «За победу над Германией» (1945).

Трудовые успехи отмечены орденом «Знак Почета» (1948), медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» (1961), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970).

Советом Министров Белорусской ССР установлена персональная пенсия республиканского значения.

Умер 30 апреля 1971 и похоронен на Чижевском кладбище в Минске.

Основные труды:

Советское трудовое право: Крат. учеб. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938 // Советская юстиция. 1939. № 9; № 10 (в соавторстве);

Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. Вып. 1 / Отв. ред.: Бабицкий Б.Е., Дорогин В.А. Минск, 1958 (в соавторстве);

Павецьёў Г.А. Прычыны нашых недахопаў (Беларускі універсітэт. 1960. 29 кастрычніка);

Очерки истории государства и права БССР. Вып. 2. Отв. ред. И.А. Юхо. Минск, 1969 (в соавторстве);

Развіцце юрыдычнай навукі у Беларускім дзяржаўным універсітэце (Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя III. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права. 1969. № 1) (в соавторстве).

Источники:

Архив Белгосуниверситета. Личное дело Г.А. Поветьева;

Гісторыя Беларускага дзяржаўнага універсітэта у біяграфіях яго рэктараў. С. 152, 67;

ГА РФ (Фонд 9492. Народный комиссариат юстиции СССР. Оп. 1. Д. 2103) и другие документы;

Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский государственный университет: Хроника событий /1919-1989/;

Кривой В.И. Трудовое наследие А.С. Пашкова в Беларуси // Российский ежегодник трудового права. № 7. 2011. С. 47–67;

Он же: Со звездными учителями к Отцу Небесному: мемуарно-ученые записки. С. 19 – 46;

Кривой В., Прыгодзич Д. Знак Пашаны за працоўнае права. Газета БГУ «Універсітэт». 13 красавіка 2015. № 6 с электронной версией (www.gazeta.bsu.by);

Кривой В. ПАВЕЦЬЕЎ Гаўрыіл Аляксеевіч (1909 – 1971) / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 198 – 199;

Личное дело Поветьева Гавриила Алексеевича № 6570 о назначении персональной пенсии республиканского значения Комиссией при Совете Министров БССР;

Максимова Л.П. *Алматы ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ*. С. 41, 42, 45, 50 и др.;

Материалы из Музея истории Белорусского государственного университета;

Материалы из Музея истории юридического факультета БГУ;

НА РБ: (Ф. 1110. Оп. 1. Д. 2, 3, 9, 11) и другие документы;
Юрьдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2004. С. 26, 27, 100;
Юрьдычны факультэт: Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 16, 69, 74, 198 – 199;
Воспоминания Я.Г. Поветьева, Ю.П. Смирнова и В.Ф. Чигира.

Смирнов Юрий Петрович –

третий кандидат юридических наук и доцент по трудовому праву
(1960 и 1964)

Родился 13.04.1929 в деревне Деревягино Чебсарского района Вологодской области.

В Минский юридический институт принят в 1948 по рекомендации Генерального прокурора СССР К.П. Горшенина и окончил его с отличием.

В 1949 избран секретарем комитета комсомола, а затем – освобожденным секретарем парторганизации названного института. Там же в 1952 поступил в аспирантуру и окончил ее в 1954.

Преподавал (1954 – 1955) трудовое право на кафедре гражданского права и процесса юридического факультета БГУ в качестве основного места работы, а впоследствии в почасовой форме.

24 марта 1960 первым в истории непосредственно юридического факультета БГУ (и третьим в белорусской истории после Э.В. Зайчика и Г.А. Поветьева) защитил кандидатскую диссертацию по трудовому праву на тему «Роль советских профсоюзов в области охраны труда». Защита состоялась в Московском государственном университете

5 февраля 1964 также первому в истории непосредственно юридического факультета БГУ (и третьему в белорусской истории после упомянутых лиц) присвоено ученое звание доцента по кафедре «гражданское право и процесс» в связи с дисциплиной трудовое право.

С 1955 по 1963 занимался лекторской деятельностью на различных должностях в Минском обкоме партии.

22 года (с 1963) – в аппарате ЦК Коммунистической партии Белоруссии, из них шесть лет (1971 – 1977) в качестве помощника Первого секретаря П.М.

Машерова, а затем семь лет (с 1977 по 1985) – заведующего отделом науки и учебных заведений. В 1985 – 1991 занимал должность заместителя директора Института истории партии при ЦК КПБ.

20 лет (1971 – 1990) являлся депутатом Верховного Совета Белорусской ССР с 8 по 11 созыв.

Избирался членом Центрального комитета Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии, кандидатом и членом ЦК Компартии Белоруссии.

10 лет (1992 – 2002) трудился на должностях главного специалиста, заместителя, заведующего в юридическом отделе Федерации профсоюзов Беларуси и советником ее председателя.

Преподавал трудовое право в различных учебных заведениях Минска.

Являлся арбитром Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате.

Один из учредителей и активный член общественного объединения «Сообщество трудового права».

Награжден двумя орденами Трудового Красного знамени, орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия Владимира Ильича Ленина», а также юбилейным знаком «Федэрацыя прафсаюзаў Беларусі: 100 гадоў прафсаюзнаму руху».

Основные труды:

Роль советских профсоюзов в правовой охране труда (Ученые записки БГУ. Выпуск 34. Серия юридическая. 1957);

Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. Вып. 1. / Отв. редакторы Б.Е. Бабицкий, В.А. Дорогин. Минск, 1958 (в соавторстве);

Развитие органов охраны труда в системе советских профсоюзов. Минск, 1959;

Государство и коммунизм. Минск, 1962;

Два мира – две демократии. Минск, 1967;

Духовная деградация империи доллара // Кризис цитадели империализма». Минск, 1972;

На крутом переломе: Очерк основных направлений деятельности КПБ по осуществлению перестройки. Минск, 1989 (в соавторстве);

Социальное партнерство и разрешение трудовых споров (учебно-методическое пособие). Минск, 2006;

Трудовое право: учебно-методический комплекс. Минск, 2007;

Сравнительное трудовое право. Учебно-методическое пособие по особенной части трудового права. Минск, 2010.

Источники:

Депутаты Верховного Совета Белорусской ССР. Десятый созыв. Краткий биографический справочник. – Мн.: Беларусь, 1981. – 446 с. С. 360;

Дэпутаты Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – Мн.: Беларусь, 1985. – 390 с. С. 312;

Кривой В.И. Трудовое наследие А.С. Пашкова в Беларуси // Российский ежегодник трудового права. № 7. 2011. С. 47–67;

Он же: История создания Трудового кодекса Республики Беларусь (краткий очерк в лицах). Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2012. – № 3. – С. 65 – 73;

Он же: Со звездными учителями к Отцу Небесному: мемуарно-ученые записки. С. 19 – 46;

Он же: Об основных приоритетах в истории белорусского трудового права с учетом корней в Российской империи и Советском Союзе. С. 93 – 100;

Кривой В. Прамоўца за навуку. Газета БГУ «Універсітэт». 2 ліпеня 2015. № 12 с электронной версией (www.gazeta.bsu.by);

Он же: СМІРНОЎ Юрый Пятровіч / Імёны // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 223;

Профессиональные союзы Беларуси. Энциклопедия в 2 т. Под общ. ред. д.э.н. Л.П. Козика. Т. 2. – Мн.: Федерация профсоюзов Беларуси, 2012. – 896 с. С. 662;

Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны. 2015. С. 223.

В качестве заключения обращаемся с призывом к коллегам от всех юридических специальностей уделять больше внимания истокам факультетов, кафедр и других подразделений, создав первую очередь, подробные жизнеописания основоположников. Важно также привлекать к этому благородному делу студентов, аспирантов и магистрантов, выдавая им соответствующие темы курсовых и дипломных работ.

Тем самым, будет не только выражаться историческая справедливость в воздаянии потомков предшественникам, но и более глубоко познаваться суть многих нынешних проблем в праве и обществе, корни которых находятся в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., в частности: Кривой, В.И. Трудовой кодекс Беларуси: истоки и уроки на будущее (к 10-летию вступления в силу) / В.И. Кривой // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве: материалы междунар. науч.-практ. конф.: Минск, 23 апреля 2010 г. / Редкол.: Г.А. Короленок [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2010. С. 36–40;

Он же: Создание Трудового кодекса – национальная гордость Беларуси (краткий исторический очерк) / В.И. Кривой // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2012. № 2. С. 60 – 64;

Он же: Этапы, стадии, периоды и фазы истории создания Трудового кодекса Республики Беларусь / В.И. Кривой // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2012. № 2. С. 193–194;

Он же: Трудовое наследие А.С. Пашкова в Беларуси / В.И. Кривой // Российский ежегодник трудового права. 2011. № 7 / Под ред. д-ра юрид. наук Е.Б. Хохлова. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 824 с. С. 47–67;

Он же: Со звездными учителями к Отцу Небесному: мемуарно-ученые записки. – М., РИОР, 2013. – 250 с.

2. Кривой В.И. Историография трудового права Российской империи: концептуальные выводы о первенстве личностей и событий // Российский ежегодник трудового права. № 8. 2012 / Под ред. д-ра юрид. наук Е.Б. Хохлова. – СПб., 2013. – 800 с. С. 200 – 217;

Он же: Об исторических приоритетах в трудовом праве: общероссийское и московское направления // Право (2013). Том 1. Выпуск 1. С. 38 – 45;

Он же: Об основных приоритетах в истории белорусского трудового права с учетом корней в Российской империи и Советском Союзе // Профсоюзы и актуальные проблемы трудового, корпоративного и социального права: сборник научных трудов по итогам II Междунар. науч.-практ. конф., 1-2 нояб. 2013 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; предисл. К.Л. Томашевского; ред. кол. К.Л. Томашевский (гл. ред.), Е.А. Волк, К.С. Костевич. – Минск: «МИТСО», 2013. – 192 с. С. 93 – 100;

Он же: Фабричные инспекторы – главные творцы наемно-капиталистического трудового права Российской империи: ретроспектива в связке с современностью // Охрана труда: проблемы правового регулирования. Мат-лы науч.-практ. конф. (Москва, 25 апреля 2014 г.); отв. ред. докт. юрид. наук, проф. Г.С. Скачкова. – М., 2014. – 183 с.

3. В 20-х годах прошлого века даже поднимался (М. Погодин, В. Ластовский и др.) вопрос о придании нынешней территории Беларуси названия «Кривия» в силу происхождения населяющего ее народа от союза восточно-славянских племен кривичи. См., например: Новик, Е.К. История Беларуси. С древнейших времен до 2012 г.: учеб. пособие / Е.К. Новик, И.Л. Качанов, Н.Е. Новик; под ред. Е.К. Новика. 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Выш. шк., 2012. – 542 с. С. 19.

4. Кривой, В.И. Труд – основа всего сущего, а право, регулирующее его, – древнейшее (из осмыслений Христово-Толстовского учения) / В.И. Кривой // Право (2013). Том 1. Выпуск 3. С. 164 – 174;

Он же: Христианство-Труд-Право: инициативные размышления / В.И. Кривой // Право (2013). Том 1. Выпуск 6. С. 310 – 319.

5. Мы здесь подчеркиваем именно *трудоправовую* преемственность. Что же касается других направлений права (например, государственного и цивилистики), то, хотя и слабые, но реальные нити сохранились через единичных уцелевших представителей юриспруденции, в частности, в лице И.С. Андрейчика, Ф.И. Гавзе и Н.А. Коноплина.

6. См., в частности: Кривой, В.И. Трудоправовое наследие А.С. Пашкова в Беларуси / В.И. Кривой // Российский ежегодник трудового права. 2011. № 7. С. 47 – 67; Он же: Со звездными учителями к Отцу Небесному: мемуарно-ученые записки. С. 24 – 35 и др.

7. Семенов В.И. О жизненном пути и формировании белорусской науки трудового права // Трудовое и социальное право. – 2012. – № 1. С. 12.

8. Томашевский К.Л. Роль личностей в становлении белорусской научной школы трудового права // Актуальні проблеми трудового права і права соціального забезпечення : тези доп. та наук. повідомл. учасн. V Міжнар. наук.-практ. конф. (Харьків. 27 – 28 верес. 2013 р.) / за ред. В.В. Жернакова. – Х. : Право, 2013. – 560 с. С. 285.

9. Лушников, А.М. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): монография. В 2 т. / А.М. Лушников, М.В. Лушникова; Яросл. гос. ун-т им П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. Т. 1 – 563 с., Т.2. – 363 с. В настоящей публикации мы будем обращаться только к первому тому (Далее – Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1).

Эта публикация основывалась на предыдущих разработках, в частности: Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 1. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени / Под ред. А.М. Лушников, В.М. Лушниковой; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – Вып. 1. – С. 10 – 142 (далее – Лушников А.М., Лушникова М.В. Основатели ярославской школы трудового права и права социального обеспечения).

10. Далее – Максимова Л.П. *Аlmatater ЮРИСТОВ БЕЛАРУСИ*.

11. Далее – Юрьдычны факультэт: *Гісторыя. Сучаснасць. Імёны*. 2004.

12. Ковалёва, Е.А. Очерки по истории трудового права Беларуси / Е.А. Ковалева, Т.В. Ковалева; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 304 с. (далее – Ковалёва Е.А., Ковалева Т.В. Очерки по истории трудового права Беларуси).

До того из-под пера Елены Анатольевны в русле обсуждаемой тематики вышли две статьи:

Начало преподавания трудового права в Беларуси // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – М.: НИИ ИЭП, 2015. – № 1. – 200 с. С. 152 – 167;

Преподавание рабочего права в Беларуси // Сучасний розвиток державотворення та правотворення: проблеми теорії та практики: Сб. матеріалів III міжд. науч.-практ. конф., Мариуполь, 14 марта 2014 г. / под общ. ред. К.В. Балабанова. – Мариуполь: Мариуп. гос. ун-т, 2014. – С. 384 – 388.

Специальных ссылок на них далее делать не будем, так как названное перед этим издание в исследуемом ключе более точно и объемно.

13. Юрьдычны факультэт. *Гісторыя. Сучаснасць. Імёны* / рэдсавет: С.А. Балашенка (старш.) [іінш.]; рэдкал.: С.А. Балашенка (адк. рэд.), А.В. Шыдлоўскі (нам. адк. рэд.) [іінш.]. Мінск: БДУ, 2015. – 263 с. С. 135, 158, 174, 198 – 199, 223, 240, 255 (далее – Юрьдычны факультэт. *Гісторыя. Сучаснасць. Імёны*. 2015).

В настоящей статье жизнеописания названных родоначальников белорусского правоведения получили дальнейшее развитие.

14. Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения. Т. 1.

15. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) / Отв. ред. В.Н. Дурденевский, С.Б.Крылов; Академия наук СССР. Институт права им. А.Я.Вышинского. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 273.

16. Кравченко Николай Николаевич. Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника: Персональный список // Всероссийское генеалогическое древо. М., 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.baza.vdru.com/1/17602/50.htm?o=&>. – Дата доступа 08.02.2015.
17. Книжные памятники Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marc21.rsl.ru/index.php?doc=2073>. – Дата доступа 09.02.2015.
18. НА РБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 410, Л. 8; Д. 416. Л. 185 – 189.
19. Яноўскі, А.А. Імёны ў летапісе Беларускага ўніверсітэта / А. А. Яноўскі // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] – Мн: БДУ, 2007. С. 96.
20. См. об этом, в частности: Вопросы истории. 1989, № 5, с. 127, 129; Советское славяноведение. 1990, № 2, с. 79; Кожушков А.И., Яновский А.А. Белорусский университет: хроника событий (1919-1989). С. 44; Возвращенные имена:Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий / Сост. и авт. предисл. Н. В. Токарев; Под ред. А. С. Махнач.—Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с. С. 6 – 8 и др.
21. Возвращенные имена:Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталин. репрессий. С. 8.
22. Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Под общ. ред. члена-кор. Академии наук СССР, докт. юрид. наук В.М. Чхиквадзе. – Душанбе, Изд-во «ИРФОН», 1965. – 540 с. С. 411 – 412.
23. Государственный ученый совет – руководящий и научно-методический орган Народного Комиссариата Просвещения РСФСР, ведавший с 1919 осуществлением государственной политики в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания. Утверждал учебные планы, программы и пособия для начальной, средней и высшей школы, а также преподавателей вузов.
24. Биография В.Н. Ширяева подготовлена совместно с кандидатом юридических наук, доцентом А.В. Барковым.